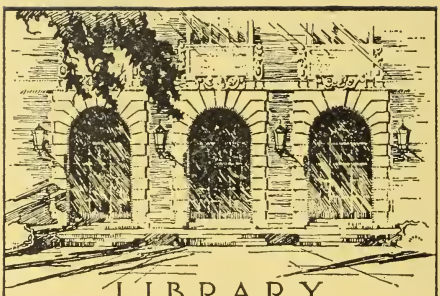
Os (4.5.1.1885"
11/6).



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

057
MI
v.4
no.6

10.91

Годъ IV-й. № 6-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

#6

ІЮНЬ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). **Ив. Иванова** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ФР. КОППЕ. **Вл. Ладыженскаго**. 29
3. НА ХЛѢБАХЪ. Разсказъ **Густава афъ Гейерстама**. (Изъ Сборника «Разсказы Кронфогта»). Переводъ со шведскаго **М. Лучицкой**. 30
4. О СВОЙСТВАХЪ МАТЕРІИ. Д-ра **Готлиба Адлера**, приватъ-доцента Императорскаго вѣнскаго университета. 49
5. НАУЛАКА. Романъ **Рюдіарда Киплинга** и **Уолькотта Балестріера** . . 59
6. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **Проф. П. Н. Милюкова**. (Продолженіе). 77
7. ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). **К. М. Станюковича**. 101
8. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). **Проф. И. П. Бородина** 120
9. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). **А. Валенберга**. Пер. съ шведскаго В. Фирсова 155
10. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. **Джона Леббока**. Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). **А. К.** 182
11. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. **А. Б.** 212
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ**. Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи.—Народныя чтенія.—Народныя библіотеки въ Николаевскомъ уѣздѣ.—Летучка.—Секта душителей.—Человѣческія норы.—А. С. Елисѣевъ (некрологъ).—Поэзія гр. Алексѣя Толстого.—Смерть Пушкина.—Воспоминанія о московскомъ университетѣ 227
13. **За границей**. Женщины въ европейскихъ университетахъ.—Столѣтіе Парижской нормальной школы.—Деревенская жизнь въ Америкѣ.—Тайныя и явныя общества въ Китаѣ.—Землетрясенія; катастрофа въ Лайбахѣ (Люблянахъ).—«Revue des Deux Mondes».—«Revue scientifique».—«Popular Science Monthly» 243
14. Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г. . . . 261
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) КНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ **Іосифа-Игнатія Крашевскаго**. Переводъ съ польскаго **Л. В—скаго** 103
16. 2) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ**. I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ**, подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго** . . 137
17. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Отъ редакціи.—Беллетристика.—Критика, исторія литературы и публицистика.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 1
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

05(с.11.Б.)"1895"
11(6)

Годъ IV-й. № 6-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

пр. 56 г. 57 4843

ІЮНЬ

1895 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1895.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25-го мая 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Жизнь, личность, творчество). (Продолженіе). **Ив. Иванова** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ФР. КОППЕ. **Вл. Ладыженскаго**. 29
3. НА ХЛѢБАХЪ. Разсказъ **Густава афъ Гейерстама**. (Изъ Сборника «Разсказы Кронфогта»). Переводъ со шведскаго **М. Лучицкой**. 30
4. О СВОЙСТВАХЪ МАТЕРІИ. Д-ра **Готлиба Адлера**, приватъ-доцента Императорскаго вѣнскаго университета. 49
5. НАУЛАКА. Романъ **Рюдіарда Киплинга** и **Уолькотта Балестріера** . . 59
6. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ. **Проф. П. Н. Милюкова.** (Продолженіе). 77
7. ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ. Романъ. (Продолженіе). **К. М. Станюковича.** 101
8. ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ. (Продолженіе). **Проф. И. П. Бородина** 120
9. ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ въ двухъ частяхъ. (Продолженіе). **А. Валенберга.** Пер. съ шведскаго В. Фирсова 155
10. КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ. **Джона Леббока.** Переводъ съ англійскаго. (Продолженіе). **А. К.** 182
11. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. **А. Б.** 212
12. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи.—Народныя чтенія.—Народныя библіотеки въ Николаевскомъ уѣздѣ.—Летучка. — Секта душителей. — Человѣческія норы. — А. С. Елисѣевъ (некрологъ).—Поэзія гр. Алексѣя Толстого.—Смерть Пушкина.—Воспоминанія о московскомъ университетѣ 227
13. **За границей.** Женщины въ европейскихъ университетахъ.—Столѣтіе Парижской нормальной школы.—Деревенская жизнь въ Америкѣ.—Тайныя и явныя общества въ Китаѣ.—Землетрясенія; катастрофа въ Лайбахѣ (Люблянахъ).—«Revue des Deux Mondes».—«Revue scientifique».—«Popular Science Monthly» 243
14. Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г. . . . 261
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) КНЯЗЬ И КМЕТЫ. Историческій романъ **Іосифа-Игнатія Крашевскаго**. Переводъ съ польскаго **Л. В—скаго** 103
16. 2) ИСТОРІЯ ЦИВИЛИЗАЦІИ. **Г. Дюкудрэ.** I. Древній міръ. Переводъ съ французскаго **А. Позенъ**, подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго** . . 137
17. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Отъ редакціи.—Беллетристика.—Критика, исторія литературы и публицистика.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію. 1
18. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Digitized by the Internet Archive
in 2015

https://archive.org/details/mirbozhii4618unse

057
M=
V.4
no.6

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

*(Продолженіе *).*

VI.

Судьба связала Тургенева на всю жизнь съ французской семьей, но эта связь оказалась безсильной воспитать въ его сердцѣ прочное сочувствіе къ французской націи.

Мы уже знакомы съ тяжелыми впечатлѣніями, какія неизмѣнно вызывалъ у Тургенева Парижъ, парижскіе литераторы и въ особенности политическій порядокъ, созданный второй имперіей.

Благородная честная мысль Тургенева не могла помириться съ цезаризмомъ, возникшимъ изъ клятвопреступленія. Личность Наполеона III казалась русскому писателю столь же ничтожною, какъ и жесточайшему врагу декабрьскаго переворота — Виктору Гюго.

А между тѣмъ, съ этой личностью и новою властью мирилось французское общество, Парижъ еще усерднѣе принялся выполнять свое назначеніе — международнаго увеселителя, среди лучшихъ представителей общественныхъ наукъ и литературы обнаружился упадокъ нравственной энергіи и глубокое разочарованіе въ завѣтныхъ стремленіяхъ дѣятелей сорокъ восьмого года. Историки въ родѣ Тэна предпринимали спеціальныя научныя работы съ цѣлью предостеречь современниковъ отъ идейныхъ увлеченій, съ возможной основательноетью развѣнчать героевъ прошлаго и въ человѣческой исторіи выставить на первый планъ бѣшеный разгулъ животныхъ инстинктовъ и роковое безсиліе — построить жизнь на основахъ разума или просто даже здраваго смысла.

Тургеневъ не могъ сочувствовать ни подобнымъ философамъ, ни средѣ, ихъ воспитывавшей. Впослѣдствіи, уже послѣ франко-прусской войны онъ такъ опредѣлялъ прославленный историческій талантъ автора *Стараго порядка.*

---

*) См. «Міръ Божій» № 5, май.

«Сравненіе мое не изящное, —обращался онъ къ своимъ пріятелямъ французамъ,—но позвольте мнѣ, господа, сравнить Тэна съ бывшей у меня охотничьей собакой: она искала, дѣлала стойку изумительно, вообще все, что дѣлаетъ охотничья собака, — ей только не доставало чутья, и я долженъ былъ продать ее» [244]).

Еще менѣе лестнаго мнѣнія могъ быть Тургеневъ о другомъ современномъ ученомъ—Ренанѣ: этого даже французы обвиняли въ отсутствіи какихъ бы то ни было убѣжденій, и поднимали на смѣхъ его эпикурейскій скептицизмъ, свободно мирившійся съ какими угодно людьми, порядками и принципами.

Вторая имперія давала широкій просторъ такъ-называемому положительному образу мыслей, превращая своихъ подданныхъ въ идолопоклонниковъ предъ фактами по всѣмъ направленіямъ умственной и практической дѣятельности. Историкъ кропотливо собиралъ подробности внѣшней, матеріальной жизни и провозглашалъ исключительную неограниченную власть «пищи» и «почвы» надъ судьбой отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ націй. Философъ встрѣчалъ насмѣшливой улыбкой всякое горячее заявленіе о какомъ бы то ни было принципіальномъ убѣжденіи и жалъ руку всякому, кого волна удачныхъ аферъ выносила на поверхность житейскаго моря. Писатель старался поддѣлаться подъ чувственные вкусы плотоядной публики и, прикрываясь ложнымъ знаменемъ науки, рисовалъ животныхъ вмѣсто людей и съ современной дѣйствительностью производилъ тѣ самые опыты, какимъ историкъ подвергалъ прошлое...

Представьте, всѣ эти «властители думъ» собрались вмѣстѣ, у какого-нибудь пріятеля, или въ кафе: разговоръ ихъ не стѣсняется посторонней публикой, они предоставлены своимъ темпераментамъ и наклонностямъ... О чемъ же пойдетъ бесѣда?

Раскройте *Дневникъ Гонкуровъ* (Journal des Goncourt), возьмите наугадъ описаніе какого-нибудь литературнаго собранія въ самый разгаръ наполеоновскаго правленія, въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, и оцѣните «мысли и дѣла» талантливѣйшихъ собесѣдниковъ.

Готье—знаменитый писатель—убѣжденъ, что «развратъ—нормальное состояніе женщины». Сентъ-Бэвъ—еще болѣе знаменитый критикъ — разсказываетъ, какъ онъ ежегодно продаетъ по тому своихъ сочиненій для подарковъ женщинамъ. Здѣсь же мы узнаемъ, что тотъ же Сентъ-Бэвъ совѣтовался обо всѣхъ вопросахъ по испанской литературѣ съ нѣкоей г-жей W. Она убѣдила критика, будто она испанка, и даже снабдила его примѣчаніями

---

[244]) *Journal des Goncourt.* Tome V. Paris 1891. p. 174.

на сочиненія Кальдерона, а послѣ ея смерти оказалось, что она изъ Пикардіи. Авторъ *Дневника*—Гонкуръ—объяснитъ вамъ, что женщина *почти всегда* является причиной безчестія мужа, — въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Именно она, во имя матеріальныхъ нуждъ, толкаетъ его на униженія, подлость, презрѣнныя сдѣлки съ совѣстью. Шестнадцатаго января 1864 г. читаемъ извѣстіе о поразительномъ упадкѣ нравовъ, о необыкновенной дерзости общественнаго разврата. Вѣчная тема для разговоровъ у этихъ учителей молодежи — *женщина*: они изучаютъ «ея глаза, какъ загадку, какъ сфинкса», и готовы писать цѣлыя страницы наблюденій надъ этой «тайной»... И только развѣ на французскомъ языкѣ Гонкура можно выразить разнообразныя рѣшенія этой задачи, какія приходили въ голову разшалившимся философамъ, критикамъ и романистамъ наполеоновской эпохи... [245]).

Тургеневъ, конечно, превосходно зналъ эту психологію французскихъ знаменитостей,—ему часто приходилось бывать въ Парижѣ при второй имперіи, — но въ его письмахъ мы не находимъ ни одного добраго слова о парижской жизни и парижскомъ обществѣ. Во время войны его сочувствіе скорѣе на сторонѣ нѣмцевъ, такъ какъ побѣда французской арміи была бы побѣдой Наполеона III, и, кромѣ того, русскаго писателя по прежнему раздражаетъ національное фанфаронство французовъ.

Въ концѣ 1870 года, когда результаты войны начинали выясняться, онъ пишетъ слѣдующее письмо изъ Баденъ-Бадена:

«У насъ здѣсь третьяго дня, вечеромъ, былъ ужаснѣйшій ураганъ, который переломалъ чуть не половину Шварцвальда, и, между прочимъ, свалилъ у меня страшнѣйшую трубу, во вкусѣ Людовика XIII, которая паленіемъ своимъ продавила всю крышу и чуть не изуродовала весь мой домъ. Я во время постройки позволилъ себѣ замѣтить моему архитеткору-французу, именемъ Olive, превеличайшей бестіи и скотинѣ, что при здѣшнихъ вѣтрахъ такія трубы опасны. «Monsieur,—отвѣчалъ онъ мнѣ,—ces cheminées sont aussi solides que la France». Во-первыхъ, этотъ отвѣтъ напоминалъ мнѣ отвѣтъ другого француза, петербургскаго куафера, Геліо, который утверждалъ, что его репутація—plus solide que la colonne Alexandre, а кончилъ тѣмъ, что попалъ въ Тулонъ на галеры за отравленіе жены, а во-вторыхъ, съ начала нынѣшней войны ручательство въ солидности Франціи казалось мнѣ сомнительнымъ. Оно такъ и вышло: моя труба была именно aussi solide que la France» [246]).

---

[245]) *Ib.* Tome II. Paris 1888. pp. 124, 125, 186, 193, 176, 80.

[246]) Письма къ Анненкову. *Русск. Об.* 1894. *Ср. Иностр. критики*, 173.

Тургеневъ могъ, по крайней мѣрѣ, ожидать, что на французовъ благодѣтельно подѣйствуетъ рядъ безпримѣрныхъ военныхъ неудачъ. Но и на этотъ счетъ вѣра Тургенева была не тверда. «Остается вопросъ», писалъ онъ въ августѣ 1870 года, «сумѣютъ-ли они, такъ какъ мы это сдѣлали (послѣ крымской кампаніи), извлечь пользу изъ собственнаго несчастія, и пойдетъ-ли имъ этотъ урокъ въ прокъ? При самомнѣніи французовъ, при ихъ малой любви къ истинѣ—это сомнительно» [247]).

Во всякомъ случаѣ, участь Франціи не могла не тронуть гуманнаго чувства Тургенева. Онъ привѣтствовалъ «паденіе гнусной имперіи Наполеона»: «нравственное чувство во мнѣ удовлетворилось—послѣ такого долгаго ожиданія», писалъ онъ, но тутъ-же не скрывалъ своего безпокойства за будущее. Побѣдоносная Германія была слишкомъ воинственно настроена, и вмѣстѣ съ ней, очевидно, торжествовала не міровая цивилизація, а узко-національный задоръ [248]). Роли французовъ и нѣмцевъ перемѣнились, и побѣжденные внушали невольное сочувствіе.

Додэ увѣряетъ, что бѣдствія Франціи въ 1870 году съ особенной силой привязали Тургенева къ Франціи [249]). Это, конечно, преувеличеніе. Иванъ Сергѣевичъ отнюдь не помышлялъ забыть свою родину и «довольствоваться Буживалемъ и берегами Сены». Ему просто было жаль народа, увлеченнаго въ позорную войну «новымъ Геліогабаломъ», а на переселеніе его въ Парижъ вліяла все та же старая *личная* причина.

Семья Віардо немедленно послѣ паденія имперіи рѣшила переѣхать въ Парижъ: мужъ г-жи Віардо до конца оставался убѣжденнымъ республиканцемъ, и возстановленіе республики являлось естественнымъ поводомъ для переѣзда. Что-же касается Тургенева, онъ всего за нѣсколько мѣсяцевъ, путешествуя вмѣстѣ съ Віардо по Германіи, писалъ: «я съ ними не разстанусь», и если семейство Віардо не знало, какъ устроиться въ Парижѣ, то и онъ также «ничего не зналъ» [250]).

Сначала Віардо и Тургеневъ поселились въ Парижѣ на rue de Douai, спустя нѣсколько лѣтъ они купили вмѣстѣ въ Буживалѣ *Les Frênes* съ прекраснымъ паркомъ, Тургеневъ построилъ себѣ здѣсь павильонъ, и съ осени 1875 года это владѣніе стало его постоянной дачей.

---

[247]) *И. С. Т—во въ запискахъ и письмахъ къ М. А. и Н. А. Милютинымъ. Рус. Ст.* XLI, 185.

[248]) *Письма.* 183.

[249]) *Иностр. критика.* 198.

[250]) *Письма.* 179, 190.

Тургеневъ и раньше зналъ главнѣйшихъ французскихъ писателей, — теперь онъ близко сошелся съ ними. Жоржъ Зандъ свела его съ Флобером, и вскорѣ образовалось «общество пятерыхъ» —*société des cinqs*. Въ первый разъ мы слышимъ объ этомъ обществѣ 14-го апрѣля 1874 года. Гонкуръ пишетъ: «Обѣдъ въ *Café Riche*, съ Флобером, Тургеневымъ, Золя, Альфонсомъ Додэ. Обѣдъ талантливыхъ людей, уважающихъ другъ друга. Такіе обѣды намъ хотѣлось бы устраивать ежемѣсячно, каждую зиму» [252]).

Эта компанія иногда собирается у одного изъ членовъ или предпринимаетъ экскурсіи въ парижскіе рестораны, въ поискахъ за оригинальными и экзотическими блюдами. Центральныя фигуры кружка—Флоберъ и Тургеневъ. Между обоими писателями установилась тѣсная дружба. Тургеневъ давно восхищался талантомъ Флобера и еще въ 1864 году *Madame Bovarie* называлъ единственнымъ хорошимъ романомъ во французской литературѣ. Личность Флобера также должна была вызывать искреннюю привязанность Тургенева. Остроумный, неутомимый говорунъ, талантливый разсказчикъ, неистощимый юмористъ и добрый, душевный, человѣкъ — все это какъ нельзя лучше умѣлъ оцѣнить Тургеневъ. Кромѣ того, едва ли не у одного только Флобера Иванъ Сергѣевичъ могъ встрѣтить честное, искреннее отношеніе къ дѣлу писателя, правдивую органическую преданность искусству [253]).

По смерти Флобера Тургеневу пришлось выдержать ожесточенную вражду и укоры своихъ соотечественниковъ за свое неизмѣнное чувство любви и уваженія къ покойному другу. Ивану Сергѣевичу пришла злосчастная мысль обратиться къ русской публикѣ «за нѣсколькими грошами въ пользу памятника Флоберу». Журналисты и читатели возмутились такой заботливостью русскаго писателя о французскомъ романистѣ. Тургеневъ разсказываетъ о «градѣ анонимныхъ писемъ», о «статьяхъ» — исключительно ругательнаго содержанія. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ получаетъ корреспонденцію, поносящую его невѣроятной бранью. Въ одномъ журналѣ его обзываютъ «рьянымъ западникомъ», котораго «обуялъ рабскій духъ», даже дамы заявляютъ въ письмахъ Тургеневу, что онъ «безчестный человѣкъ». Это происходитъ въ концѣ 1880 и началѣ 1881 года. Тургеневъ, конечно, не отвѣчаетъ на упреки и поношенія, но дамѣ, укорившей его въ безчестности и пожелавшей знать мотивы его обращенія къ рус-

---

[251]) *Иностр. крит.* 173. *Письма.* 263.

[252]) *Journal.* V, 118.

[253]) *Иностр. критика.* Пичъ. 175. Додэ. 203.

ской публикѣ, онъ отвѣчалъ съ обычной сдержанностью и искренностью:

«Отчего не отвѣчать на собственный вопросъ такъ: Тургеневъ былъ задушевный пріятель Флобера, высоко цѣнилъ его талантъ, и видя, что денегъ на его памятникъ набирается мало, вздумалъ обратиться къ русскимъ его почитателямъ за недостающею бездѣльной суммой, такъ какъ онъ знаетъ, что въ Россіи находятся люди, которые уважаютъ покойника? Тургеневъ никакъ не воображалъ, что русская публика вломится въ амбицію, будетъ требовать, какъ торгаши, сдачи: «ты молъ прежде для меня что-нибудь сдѣлай, а тамъ посмотримъ» [254]).

Негодованіе соотечественниковъ, разумѣется, не перемѣнило взгляда Тургенева на Флобера, какъ человѣка и писателя. Среди французскихъ литераторовъ-пріятелей у Тургенева это былъ единственный другъ и душевно близкій человѣкъ.

Подобное чувство Иванъ Сергѣевичъ питалъ къ Жоржъ Зандъ, но она не принимала участія въ литературныхъ обѣдахъ и не пользовалась уваженіемъ новыхъ свѣтилъ, вродѣ Золя и Гонкура. Отзывы Тургенева о Жоржъ Зандъ постоянно исполнены трогательнаго и глубокаго почтенія. «На мою долю», пишетъ онъ послѣ смерти писательницы, «выпало счастье личнаго знакомства съ Жоржъ Зандъ—пожалуйста, не примите этого выраженія за обычную фразу: кто могъ видѣть вблизи это рѣдкое существо, тотъ, дѣйствительно, долженъ почесть себя счастливымъ»... Дальше приводится длинное письмо француженки, коротко знавшей покойную: письмо свидѣтельствуетъ о «неистощимой добротѣ» Жоржъ Зандъ, ея «золотомъ сердцѣ», ея изумительной способности привлекать къ себѣ сердца людей—высокопросвѣщенныхъ и простыхъ, крестьянъ...

Тургеневъ, переписавъ это письмо, говоритъ:

«Мнѣ почти нечего прибавлять къ этимъ строкамъ: могу только поручиться за ихъ совершенную правдивость. Когда, лѣтъ восемь тому назадъ, я впервые сблизился съ Жоржъ Зандъ, восторженное удивленіе, которое она нѣкогда возбуждала во мнѣ, давно исчезло — я ужъ не поклонялся ей; но невозможно было вступить въ кругъ ея частной жизни — и не сдѣлаться ея поклонникомъ, ея другомъ, быть можетъ, въ лучшемъ смыслѣ. Всякій тотчасъ чувствовалъ, что находится въ присутствіи безконечно щедрой, благоволящей натуры, въ которой все эгоистическое давно и до тла было

---

[254]) *Ист. Вѣст.* XIV, 453. *Письма.* 368, 370, 372.

[255]) *Письма.* 292.

выжжено неугасимымъ пламенемъ поэтическаго энтузіазма, вѣры въ идеалъ; которой все человѣческое было доступно и дорого, отъ которой такъ и вѣяло помощью и участіемъ. И надо всѣмъ этимъ какой-то безсознательный ореолъ, что-то высокое, свободное, героическое... Повѣрьте мнѣ, Жоржъ Зандъ — одна изъ нашихъ святыхъ»....

Слѣдовательно Флоберъ и Жоржъ Зандъ были несомнѣнно близкими и дорогими друзьями для Ивана Сергѣевича. Но этими двумя писателями и ограничивались сердечныя привязанности Тургенева.

Замѣчательно положеніе Флобера и Жоржъ Зандъ среди соотечественниковъ въ то время, когда процвѣтало «общество пятерыхъ». Относительно Флобера Тургеневъ писалъ по поводу той же исторіи съ подпиской на памятникъ: «Флоберъ совершенно непопуляренъ во Франціи—и ни одинъ французъ мнѣ за мои хлопоты спасибо не скажетъ» [256]). Эти слова слѣдовало понимать въ томъ смыслѣ, что слава Золя и Гонкура далеко оставляла за собой извѣстность Флобера.

Что касается Жоржъ Зандъ—ея личность и писательская дѣятельность играли довольно странную роль у обѣденныхъ собесѣдниковъ Тургенева. Имя писательницы постоянно вызываетъ ироническія замѣчанія, смѣются надъ ея манерой писать по ночамъ и непремѣнно на почтовой бумагѣ, въ каррикатурной формѣ рисуютъ ея жизнь въ замкѣ Ноганѣ. Готье, напримѣръ, прогостивъ у романистки нѣсколько дней, разсказываетъ пріятелямъ забавныя исторіи о непрерывномъ сомнамбулическомъ состояніи Зандъ, о постепенномъ превращеніи ея въ мумію, о полномъ равнодушіи прославленной писательницы и ея окружающихъ къ литературѣ. Вообще, въ глазахъ знаменитостей второй имперіи Жоржъ Зандъ—старушка, впавшая въ дѣтство и воплощающая старческое ребячество женщинъ XVIII вѣка. Единственнымъ цѣнителемъ ея таланта является Ренанъ, но за то онъ постоянно возбуждаетъ гомерическій хохотъ всей застолицы своими похвалами романамъ Жоржъ Зандъ [257]).

Любопытнѣе всего, что веселые и литературные гости Жоржъ Зандъ вынесли изъ Ногана только представленіе о сомнамбулизмѣ

---

[256]) *Ист. Вѣст.* XIV, 455.

[257]) *Journal.* II, 145; V, 79; II, 122. Гонкуръ пересказываетъ, между прочимъ, такую сцену:

Renan. M-me Sand, la plus grande artiste de ce temps-ci, et le talent le plus vrai!

La Table. Oh!.. Ah!.. Oh!.. Ah!..

хозяйки и не примѣтили одной оригинальной черты въ жизни писательницы. Эта черта достаточно разъясняется въ томъ же письмѣ Тургенева:

«Когда хоронили Жоржъ Зандъ, одинъ изъ крестьянъ окрестностей Ногана приблизился къ могилѣ и, положивъ на нее вѣнокъ, промолвилъ: «Отъ имени крестьянъ Ногана, — не отъ имени бѣдныхъ; по ея милости здѣсь бѣдныхъ не было». А вѣдь сама Жоржъ Зандъ не была богата—и, трудясь до послѣдняго конца жизни, только сводила концы съ концами».

Очевидно, эти свойства, какъ и общественное содержаніе романовъ Жоржъ Зандъ, были совершенно чужды и непонятны питомцамъ наполеоновскихъ порядковъ. Они видѣли только «расплывчатый стиль», «голубыя чернила», «почтовую линованную бумагу», и прочіе курьезы, столь важные для собирателя анекдотовъ или газетнаго репортера.

Мы остановились на отношеніи французскихъ писателей къ Жоржъ Зандъ, потому что это отношеніе прямымъ путемъ приводитъ насъ къ отвѣту на въ высшей степени важный для насъ вопросъ: какъ долженъ былъ чувствовать себя Тургеневъ въ обществѣ Золя, Гонкура, Додэ и Флобера—писателей, ближе всего стоявшихъ къ нему въ теченіе почти десяти лѣтъ?

Обратимся снова къ *Дневнику Гонкуровъ* и посмотримъ, что собственно занимало Тургенева во время его бесѣдъ съ французскими пріятелями и чѣмъ они отвѣчали на его интересы?

Эдмондъ Гонкуръ познакомился съ Тургеневымъ 23 февраля 1863 г.—и вотъ его первое впечатлѣніе:

«Это обаятельный великанъ, крѣпкій гигантъ съ бѣлыми волосами; онъ имѣетъ видъ какого-нибудь благодѣтельнаго горнаго или лѣсного генія. Онъ красивъ, величественно красивъ, неизмѣримо красивъ, съ небесной синевой въ глазахъ, съ очаровательной пѣвучестью русскаго говора, съ особенными переливами въ голосѣ, напоминающими не то ребенка, не то негра» [258]).

Описаніе, повидимому, очень лестное, но въ немъ, несомнѣнно, слышится тонъ, какимъ говорятъ о заморской диковинкѣ, обитателѣ антиподовъ, явившемся на всеобщее позорище.

Внѣшность Тургенева—самая популярная тема въ разсказахъ иностранцевъ, — но какая разница во впечатлѣніяхъ Гонкура и, напримѣръ, нѣмца Пича. Того также поразила и очаровала фигура Ивана Сергѣевича, еще въ 1846 году, въ случайной встрѣчѣ, когда Пичъ еще и не подозрѣвалъ имени незнакомца. Но, гово-

[258]) *Journal.* II, 95.

ритъ онъ, «никогда мое чувство не подсказывало мнѣ такъ непосредственно и инстинктивно: «это — необыкновенный человѣкъ». Вскорѣ послѣдовала бесѣда, конечно, о самомъ дорогомъ для Тургенева предметѣ,—о русской литературѣ, о русскихъ людяхъ,—и Пичъ прибавляетъ:

«Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, меня не обмануло. Русскій гость съ перваго же вечера сталъ центромъ нашего кружка: всѣ его слушали съ благоговѣніемъ, какъ очарованные».

Мы снова вспоминаемъ о разсказѣ Пича, чтобы впечатлѣнія нѣмца сороковыхъ годовъ сопоставить съ обѣдами французскихъ литераторовъ.

Тургеневъ и здѣсь съ перваго же раза заговорилъ о своемъ отечествѣ, о писателяхъ и читателяхъ въ Россіи. Парижскіе слушатели еще менѣе знали объ этихъ диковинкахъ, чѣмъ нѣмцы, и имъ небезъинтересно было слушать повѣствованіе компетентнѣйшаго наблюдателя и судьи. Потомъ Тургеневъ передалъ не мало подробностей изъ своей личной жизни, выставляя на первый планъ бытовую и общественную сторону разныхъ эпизодовъ и пережитыхъ впечатлѣній. Разсказалъ о тяжеломъ дѣтствѣ, о томъ, какъ онъ послѣ жестокихъ домашнихъ расправъ плакалъ въ саду, глотая слезы, описывалъ «вкусные часы своей молодости», «des savoureuses heures de sa jeunesse», когда онъ весь уходилъ въ созерцаніе природы, лежа на травѣ прислушивался къ «шуму земли»... И сколько въ этихъ разсказахъ разбросано тончайшихъ психологическихъ замѣчаній, разсыпано искръ мгновеннаго поэтическаго вдохновенія! Разсказъ часто переходилъ на русскій народъ, и Тургеневъ повѣрялъ французамъ свои многолѣтнія наблюденія надъ различными поколѣніями крестьянъ, надъ глубокимъ вліяніемъ освободительной реформы на бытъ и нравственное міросозерцаніе мужика... Легко представить, въ какихъ живыхъ образахъ возставали предъ Гонкуромъ, Золя и Додэ—фигуры «дѣдовъ», старшаго поколѣнія, говорящаго своимъ особымъ языкомъ изъ простонародныхъ односложныхъ выраженій и поговорокъ,—и Тургеневъ при этомъ подражалъ говору стариковъ-крестьянъ, потомъ «отцы» съ своимъ плавнымъ, часто лукавымъ краснорѣчіемъ, наконецъ «дѣти»—поколѣніе сдержанное, дипломатичное, упорное и независимое... На замѣчаніе слушателей, что скучно вести разговоръ съ подобными людьми,—Тургеневъ отвѣчалъ: «Напротивъ, часто приходится кое-чему научиться у этихъ невѣжественныхъ мудрецовъ, вѣчно занятыхъ своими думами въ полномъ отчужденіи отъ культурнаго общества»... И великій писатель передавалъ

любопытные эпизоды, характеризующіе часто истинно-шекспировскую простоту и силу чувствъ простого человѣка [259]).

Все это были новости для французскихъ талантовъ. Но и за предѣлами Россіи, въ цивилизованной Европѣ Гонкуры и Золя являлись почти такими же наивными учениками, какъ и относительно нашего отечества. Тургеневу безпрестанно приходилось знакомить своихъ слушателей съ произведеніями такого поэта, какъ Гёте, и откровенно заявлять имъ въ лицо, что они не имѣютъ представленія объ одномъ изъ величайшихъ геніевъ міровой литературы. Тургеневъ переводитъ имъ отрывки изъ сочиненій Гёте и поражаетъ французовъ смѣлостью и оригинальностью выраженій, открываетъ имъ горизонты, гдѣ совершенно невѣдома верховная власть французской академіи... [260]).

Никто не могъ сравниться съ Тургеневымъ въ искусствѣ разсказывать, вести бесѣду, умѣть выслушать и возразить. Представители трехъ націй ручаются намъ въ этой истинѣ: Пичъ—нѣмецъ, всѣ французы знавшіе Тургенева, а Рольстонъ англичанинъ увѣренъ, что «менѣе скучнаго собесѣдника трудно себѣ представить». Естественно, даже у Гонкура одновременно съ первымъ извѣстіемъ о смертельномъ недугѣ Ивана Сергѣевича невольно срывается прежде всего замѣчаніе о немъ, какъ «оригинальномъ разсказчикѣ» [261]). Очевидно, Тургеневъ всегда встрѣчалъ внимательныхъ слушателей, но, насколько вопросъ касается французовъ — внѣшнимъ вниманіемъ и ограничивались всѣ результаты бесѣдъ. Тургеневъ до конца оставался «интереснымъ варваромъ» для высоко-цивилизованныхъ натуралистовъ и скептиковъ. Его задушевныя воззрѣнія на литературу, нравственность, на любовь и на женщину казались его пріятелямъ забавными пережитками патріархальной старины, признаками низшей культуры.

Мы уже знаемъ, какое безпредѣльное благоговѣніе питалъ Тургеневъ къ Пушкину. Объ этомъ благоговѣніи знали всѣ иностранцы, и Рольстонъ, напримѣръ, ссылается на него, какъ на краснорѣчивое свидѣтельство о благороднѣйшемъ патріотизмѣ Тургенева. Парижскіе писатели слышали слѣдующее заявленіе Ивана Сергѣевича: если ему дѣлалось грустно, онъ чувствовалъ себя дурно настроеннымъ, — двадцать стиховъ Пушкина возвращали ему бодрость, оживотворяли его, вызывали въ немъ такое изумительно нѣжное чувство, какого онъ не испытывалъ предъ

---

[259]) *Ib.* V, 24, 79, 233; VI, 101.

[260]) *Иностр. крит.* Додэ. 202. *Journal.* V, 197.

[261]) Рольстонъ. *Иностр. крит.* 186. *Journal.* VI, 255.

самыми великими и благородными поступками. Только одна литература способна разгонять его душевный мракъ, дѣйствуя даже на его физическія ощущенія... [262]).

Это по-истинѣ необыкновенное похвальное слово литературѣ вообще, и въ частности Пушкину, даже если Гонкуръ и не вполнѣ точно передалъ выраженіе Тургенева.

Какъ же французы отвѣчали на подобныя рѣчи?

«C'est plat, mon cher», заявилъ одинъ изъ нихъ, когда Тургеневъ сталъ объяснять ему совершенства пушкинскаго произведенія [263]).

То же самое и относительно другой литературы.

Викторъ Гюго, напримѣръ, не стѣснялся подвергать жестокому порицанію нѣмцевъ, о Гёте выражался, что «ровно ничего не видитъ въ его сочиненіяхъ, и что трагедія *Гёте—Лагерь Валленштейна*—ему, Гюго, вовсе даже не понравилась»... Гюго замѣтили, что *Валленштейна* написалъ не Гёте, а Шиллеръ, онъ немедленно заявилъ, что вообще «никогда не читаетъ этихъ нѣмцевъ» и, не читая, знаетъ, что могъ написать и написалъ Гёте или Шиллеръ, и вообще «это одного поля ягода» [264]).

Золя относится совершенно также ко всему иноземному въ области искусства. Англійская и нѣмецкая литературы, по словамъ Тургенева, ему оставались совершенно неизвѣстными, а русская представляла своего рода миѳъ [265]).

И это невѣжество было не случайностью, а преднамѣренной системой. Для французскихъ писателей свѣтъ свѣтилъ только во французскомъ, точнѣе—въ парижскомъ окошкѣ. За предѣлами Франціи, для большинства даже за Булонскимъ лѣсомъ лежали «скиѳскія страны», безнадежно дикія и варварскія. Только для той же Жоржъ Зандъ Тургеневъ дѣлалъ исключеніе, признавалъ, что она понимала русскихъ, будто сама родилась русскою, но это потому, оговаривался Иванъ Сергѣевичъ, что «она все понимала» и была «совершенно исключительное созданіе, ни на кого не похожее».

Тургеневъ до конца оставался при такомъ взглядѣ на нежеланіе и неспособность французовъ отдавать должное литературѣ и образованности другихъ народовъ. Эта неспособность соединилась еще съ другими чертами, безусловно и лично ненавистными

---

[262]) *Journal.* V, 30.

[263]) *Ист. Вѣст.* XIV, 376. *Воспом. о Т—вѣ.* И. Берга.

[264]) *Р. Ст.* XL, 209. *И. С. Т—въ въ его разсказахъ. Ист. Вѣст.* XIV, 381—2. *Воспоминанія о Т—вѣ.* Евг. Гаршина.

[265]) *Рус. Ст.* XL, 208.

Тургеневу. Въ одной бесѣдѣ съ заграничнымъ знакомымъ Тургеневъ поставилъ ихъ рядомъ.

На заявленіе собесѣдника, что французы отнеслись бы крайне горячо къ важному факту въ жизни знаменитаго русскаго писателя, Тургеневъ выразилъ энергическій протестъ и прибавилъ:

«Да они ничѣмъ не интересуются, кромѣ себя, и ничего не знаютъ и не понимаютъ въ нашихъ русскихъ дѣлахъ».

Въ подтвержденіе романистъ разсказалъ слѣдующій эпизодъ.

— Да вотъ вамъ образецъ, какъ они насъ понимаютъ. На-дняхъ я встрѣтилъ NN. (онъ назвалъ имя одного извѣстнаго французскаго историка); онъ передалъ мнѣ свои впечатлѣнія отъ моей *Нови*. Я, говоритъ, совсѣмъ дезоріентированъ на счетъ вашихъ нигилистовъ. Я столько слышалъ о нихъ дурного,—что они отрицаютъ собственность, семью, мораль... А въ вашихъ романахъ нигилисты—единственные честные люди. Особенно поразило меня ихъ цѣломудріе. Вѣдь ваши Маріанна и Неждановъ даже не поцѣловались другъ съ другомъ ни разу, хотя поселились въ уединеніи рядомъ. У насъ, французовъ, это вещь невозможная. И отчего это у васъ происходитъ? Отъ холодности темперамента?..»

Историкъ затрогиваетъ вопросъ, совершенно различно разъяснявшійся Тургеневымъ и его французскими пріятелями,—вопросъ о женщинахъ и о любви. Здѣсь, по мнѣнію ихъ, съ особенной яркостью сказывалось варварство русскаго романиста.

Послѣ обѣда безпрестанно поднимались разговоры на романическія темы, и Тургеневъ поражалъ пріятелей первобытной наивностью сужденій.

Прежде всего они считали возможнымъ разсуждать о любви, никогда въ дѣйствительности не любивъ—даже по своему, «по натуралистически». Гонкуръ сознается въ этомъ съ истинной наивностью парижскаго благера.

«Во всемъ этомъ (въ бесѣдахъ о любви) одно несчастіе—ни Флоберъ, при всей выспренности своихъ выраженій, ни Золя, ни я—никогда вполнѣ серьезно не любили и оказывались неспособными охарактеризовать чувство любви. Могъ бы это сдѣлать только Тургеневъ, но ему не достаетъ критическаго смысла, который мы примѣнили бы съ своей стороны, если бы любили, какъ любилъ Тургеневъ» [266]).

Но врядъ ли тургеневское чувство было доступно французскимъ романистамъ. Спустя нѣсколько времени мы читаемъ такое заявленіе того же Гонкура:

---

[266]) *Journal* V, 329.

Понедѣльникъ, 28 января (1878 г.). Женщина, любовь: это всегдашній разговоръ въ кругу интеллигентныхъ людей, во время питья и ѣды.

«Разговоръ идетъ сначала въ шаловливомъ направленіи, и Тургеневъ слушаетъ насъ съ какимъ-то *окаменѣлымъ* изумленіемъ варвара, который представляетъ любовь только въ совершенно естественной формѣ» [267]).

За точность этого впечатлѣнія можно поручиться. Ее подтверждаетъ самъ Тургеневъ. Онъ однажды разсказалъ своему другу, въ какія траги-комическія положенія попадалъ онъ среди французскихъ писателей—только благодаря своему сердечному и цѣломудренному понятію о любви. Когда онъ сознался, что ему недоступны многіе «натуралистическіе» вопросы, Альфонсъ Додэ сказалъ ему на ухо, полушепотомъ:

— Никогда, mon cher, въ этомъ не признавайтесь, иначе вы покажетесь просто смѣшнымъ,—насмѣшите всѣхъ...

Другъ Тургенева совершенно основательно прибавляетъ отъ себя:

«Какъ одинъ этотъ анекдотъ рисуетъ нравы французскаго буржуазнаго общества! По мнѣнію наиобразованнѣйшихъ людей, не знать утонченностей разврата,—значитъ, людей смѣшить» [268]).

Мы знаемъ взглядъ Гонкура на женщину; естественно, этотъ собесѣдникъ Тургенева спѣшитъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтить еще одну «варварскую черту» русскаго романиста—чувство уваженія къ женщинѣ, невольной благодарности за счастье, которое дается минутами увлеченія... [269]).

Все это французамъ казалось «не то дѣтскимъ, не то негритянскимъ». И разногласіе шло гораздо глубже. У Гонкура и въ воспоминаніяхъ друга Тургенева разсказанъ одинъ и тотъ же фактъ, превосходно изображающій жестокость лицемѣрной формальной законности французовъ и высоко-гуманное нравственное чувство русскаго.

Предъ нами два принципіально и органически враждебныхъ другъ другу міросозерцанія, и основы этой вражды показываютъ, какъ мало могло быть общаго въ *человѣческомъ смыслѣ* между Тургеневымъ и его парижскими друзьями.

Мы приведемъ разсказъ самого Тургенева.

---

[267]) «La conversation est d'abort polissonne et Tourgueneff nous écoute avec l'étonnement un peu *médusé* d'un barbare, qui ne fait l'amour que très naturellement». *Ib.* VI, 9.

[268]) Полонскій. 537.

[269]) *Journal.* V, 277.

«Разъ въ Парижѣ давали одну пьесу... Я, Флоберъ и другіе изъ числа французскихъ писателей собрались на эту пьесу взглянуть, такъ какъ она не мало надѣлала шума: нравилась она и журналистамъ, и публикѣ. Мы пошли, взяли мѣста рядомъ и помѣстились въ партерѣ.

«Какое же увидѣлъ я дѣйствіе? А вотъ какое. У одного негодяя была жена и двое дѣтей—сынъ и дочь. Негодяй мужъ не только прокутилъ все состояніе жены, но на каждомъ шагу оскорблялъ ее, чуть не билъ. Наконецъ, потребовалъ развода—separation de corps et de biens (что, впрочемъ, нисколько не даетъ женѣ права выйти вторично замужъ). Онъ остается въ Парижѣ кутить; она съ дѣтьми, на послѣднія средства, уѣзжаетъ, если не ошибаюсь, въ Швейцарію. Тамъ знакомится она съ однимъ господиномъ, и, полюбивъ его, сходится съ нимъ, и почти-что всю жизнь свою до старости считается его женой.

«Оба счастливы. Онъ трудится и заботится не только о ней, но и о ея дѣтяхъ: онъ ихъ кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ, воспитываетъ. Они также смотрятъ на него, какъ на родного отца, и выростаютъ въ той мысли, что они его дѣти. Наконецъ, сынъ становится взрослымъ—юношей, сестра—дѣвушкой-невѣстой. Въ это время состарившійся настоящій мужъ узнаетъ стороной, что жена его получаетъ большое наслѣдство. Провѣдавъ объ этомъ, старый развратникъ, безчестный и подлый во всѣхъ отношеніяхъ, задумываетъ изъ разсчета опять сойтись съ женой и съ этой цѣлью инкогнито пріѣзжаетъ въ тотъ городъ, гдѣ живетъ брошенная имъ мать его дѣтей.

«Прежде всего онъ знакомится съ сыномъ и открываетъ ему, что онъ отецъ его. Сыну же и въ голову не приходитъ спросить: отчего же, если онъ законный отецъ, онъ не жилъ съ его матерью, и если онъ и сестра его—его дѣти, то отчего, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, онъ ни разу о нихъ не позаботился? Онъ просто начинаетъ мысленно упрекать свою мать и ненавидѣть того, кто одинъ далъ ей покой и на свои средства воспиталъ его и сестру, какъ родныхъ дѣтей своихъ. И вотъ происходитъ слѣдующая сцена. На сценѣ братъ и сестра. Входитъ воспитавшій ихъ другъ ихъ матери, и, по обыкновенію, здороваясь, какъ всегда, хочетъ прикоснуться губами къ головѣ дѣвушки, на которую съ дѣтства онъ привыкъ смотрѣть, какъ на родную дочь.

«Въ эту минуту молодой человѣкъ хватаетъ его за руку и отбрасываетъ его въ сторону отъ сестры.

«— Не осмѣливайтесь прикасаться къ сестрѣ моей!—выража-

етъ его негодующее гнѣвомъ лицо.—Вы не имѣете никакого права такъ фамильярно обходиться съ ней»!

Флоберъ и его друзья, бывшіе съ Тургеневымъ въ театрѣ, пришли въ востэргъ отъ этой сцены. А между тѣмъ Тургеневъ почувствовалъ отвращеніе...

Долго онъ потомъ разсуждалъ съ пріятелями и никакъ не могъ убѣдить ихъ, что простое чувство гуманности говорило противъ юнаго героя. Французы стояли за *honneur de la famille* и одновременно смѣялись надъ наивностью русскаго романиста на счетъ разныхъ утонченностей парижской жизни [270])...

Тургеневъ сколько угодно могъ прибѣгать къ общимъ соображеніямъ на счетъ различія нравственныхъ воззрѣній у разныхъ народовъ,—онъ одинаково не могъ помириться ни съ французскимъ понятіемъ о «семейной чести» и «законности», ни съ «цивилизованнымъ» взглядомъ на любовь и женщину.

Что касается литературной дѣятельности, Тургеневъ здѣсь оказывался въ еще болѣе сомнительномъ положеніи. Онъ былъ въ высшей степени популяренъ въ Парижѣ, его считали здѣсь замѣчательнымъ писателемъ, точнѣе, разсказчикомъ—*original conteur*, но ему все-таки далеко было до Золя и даже до Гонкура. У него, по мнѣнію тѣхъ же обѣденныхъ пріятелей, не было смѣлости въ психологіи, широты въ наблюденіяхъ, вообще, собственно писательскій талантъ его не изъ блестящихъ... И это понятно: Тургеневъ не имѣлъ ничего общаго съ французскимъ натурализмомъ, болѣе чѣмъ «смѣлымъ» и «широкимъ», не понималъ также нравственнаго и общественнаго эпикурейства Гонкура и Золя. Въ результатѣ, драгоцѣннѣйшія созданія тургеневскаго таланта въ глазахъ французовъ являлись чаще всего просто недоразумѣніемъ и «варварской» диковинкой, и популярность Тургенева основывалась, главнымъ образомъ, на его личныхъ отношеніяхъ, на его обаяніи, какъ человѣка. Въ виду этого, въ восторженныхъ французскихъ отзывахъ, возникшихъ послѣ смерти романиста, предъ нами неизмѣнно его личность и лишь рѣдкіе намеки на его авторство, за исключеніемъ статьи Вогюэ.

Тургеневъ отлично понималъ свое положеніе и относился къ нему равнодушно и съ своей точки зрѣнія на французскую культурную отзывчивость совершенно справедливо.

Отцы и дѣти были переведены и объяснены Мериме, а потомъ тотъ же писатель перевелъ *Призраки*. Знаменитый романъ

---

[270]) *Journal* V, 265—6. Полонскій. 535—6. Гонкуръ называетъ пьесу—*Madame Coverlet*. Спектакль происходилъ 4-го марта 1876 года.

могъ бы, конечно, стать извѣстнымъ французской публикѣ и найти должную оцѣнку. Но въ результатѣ происходитъ слѣдующее: «*Revue des deux mondes*», пишетъ Тургеневъ, «отказалъ въ помѣщеніи *Призраковъ*, какъ гили несуразной» [271]). И около этого же времени Гонкуръ, впервые встрѣтившись съ Тургеневымъ, знаетъ о немъ, какъ объ авторѣ такихъ произведеній: *Mémoires d'un seigneur Russe* и *Hamlet russe* [272]). И только.

Много лѣтъ спустя вопросъ мало измѣнился. Въ концѣ 1875 г Тургеневъ по поводу просьбы о литературной рекомендаціи писалъ изъ Парижа: «Я въ глазахъ здѣшней публики не имѣю ровно никакого значенія. Едва знаютъ мое имя, да и съ чего имъ его знать?!» [273]).

То же самое онъ подтверждалъ Додэ. При первой встрѣчѣ французскій романистъ заявилъ ему, что читалъ *Записки охотника*.

«Тургеневъ,—разсказываетъ Додэ,—не могъ придти въ себя отъ удивленія.

«— Правда, вы читали меня?

«И онъ сообщилъ мнѣ разныя подробности о слабомъ сбытѣ его книгъ въ Парижѣ, о неизвѣстности его имени во Франціи. Издатель Гетцель издавалъ его просто изъ милости» [274])...

Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, могло быть нѣкоторое преувеличеніе со стороны скромнаго писателя, но сущность—справедлива и вполнѣ естественна. Тургеневъ, какъ художникъ, стоялъ слишкомъ далеко отъ французскихъ собратовъ и по своему міросозерцанію, и по литературнымъ пріемамъ.

Романы Золя и Гонкура, въ свою очередь, не могли разсчитывать на сочувствіе Ивана Сергѣевича. Мы знаемъ его впечатлѣнія въ шестидесятые годы. Они оставались такими же и послѣ его окончательнаго переселенія въ Парижъ.

Въ концѣ 1875 года онъ пишетъ Салтыкову горячее письмо по поводу уничтожающихъ отзывовъ сатирика о произведеніяхъ французскихъ натуралистовъ.

«Петръ Великій, говорятъ, когда встрѣчалъ умнаго человѣка, цѣловалъ его въ голову; я хоть и не Петръ, и не Великій — а, прочитавъ ваше письмо—охотно бы облобызалъ васъ, любезнѣйшій Михаилъ Евграфовичъ—до того все, что вы говорите о романахъ Гонкура и Золя — мѣтко и вѣрно. Мнѣ самому все это смутно мерещилось—словно подъ ложечкой сосало; но только те-

---

271) Фетъ. II, 78. Письмо къ Фету отъ 10 окт. 1865.

272) *Journal.* II, 95. 23 fevrier 1863.

273) *Письма.* 275.

274) *Иностр. крит.* 197, 198.

перь я произнесъ: А!—и ясно прозрѣлъ. И не то, чтобы у нихъ не было таланта, особенно у Золя; но идутъ они не по настоящей дорогѣ и ужъ очень сильно сочиняютъ. Литературой воняетъ отъ ихъ литературы: вотъ что худо»... [275]).

Еще менѣе могъ Тургеневъ примириться съ отношеніемъ Золя и Гонкура вообще къ литературной дѣятельности. Гонкуръ неоднократно принимается изображать свой пессимизмъ, свое разочарованіе и въ жизни, и въ людяхъ. «Литература уже не занимаетъ меня», пишетъ онъ, хотя и продолжаетъ издавать свои произведенія. Зачѣмъ же?

Это въ достаточной степени объясняется разсужденіемъ того же Гонкура по поводу Золя. «Никогда», говоритъ онъ, «литераторы не казались болѣе *мертворожденными*, чѣмъ въ наше время, и, однако, никогда они не работали такъ дѣятельно и неутомимо. Золя—хилый и нервный—работаетъ ежедневно отъ девяти часовъ до двѣнадцати, и отъ трехъ до восьми. Именно столько теперь приходится трудиться писателю съ талантомъ, и даже съ именемъ, чтобы заработать себѣ кусокъ хлѣба. «Это необходимо», твердитъ Золя, «и не думайте, что у меня есть воля, я отъ природы слабѣйшее существо и менѣе всего способное увлекаться. Волю замѣняетъ у меня idée fixe, и я заболѣлъ бы, если бы не повиновался ея внушенію» [276]).

Очевидно, въ этихъ рукахъ литература превратилась въ ремесло, въ промышленность и вовсе не для насущнаго заработка: невѣроятно, какъ Гонкуръ въ семидесятыхъ годахъ могъ изображать Золя труженикомъ, бьющимся изъ-за куска хлѣба. «Натуральные» романы просто были ходкимъ товаромъ и доставляли авторамъ цѣлыя состоянія. Тургеневъ неоднократно въ письмахъ жалуется, что *не можетъ писать, не въ силахъ принудить себя* и не считаетъ возможнымъ въ такія времена создать что-либо достойное литературы. Подобныхъ затрудненій для французскихъ писателей не существуетъ. *Il le faut*, говорятъ они, у насъ *l'idée fixe—gagner sa vie*, а вдохновеніе и всякія мысли и настроенія—предметы, совершенно лишніе въ писательствѣ.

Мы видимъ, въ какой чуждой средѣ пришлось жить русскому писателю. Мы не намѣрены доказывать, будто Тургенева, какъ писателя, вообще не умѣли цѣнить во Франціи. Были и здѣсь восторженные поклонники, вродѣ Мериме, — но его Тургеневъ не засталъ въ живыхъ послѣ франко-прусской войны. Остались

---

[275]) *Письма*. 271.

[276]) *Journal*. II, 201. V, 44.

почитатели и по смерти геніальнаго романиста, напримѣръ, Вогюэ. но это такія же единичныя явленія во французской критикѣ, какимъ Жоржъ Зандъ была, по мнѣнію Тургенева, въ художественной литературѣ. На *обычный* французскій взглядъ Тургеневъ представлялъ нѣчто странное, даже забавное, и какъ писатель, и какъ человѣкъ извѣстныхъ принциповъ. Его несравненно лучше понимали въ Германіи, Англіи, въ Америкѣ. За океаномъ его впервые провозгласили геніемъ: это показалось Тургеневу совершенно неожиданнымъ происшествіемъ. Онъ былъ также глубоко тронутъ, по словамъ очевидца, восхищенъ, когда нью-іоркскій издатель Георгъ Гольтъ прислалъ ему чекъ за переводы его романовъ. Присылка сопровождалась восторженнымъ отзывомъ американца о произведеніяхъ русскаго писателя. Гольтъ свой чекъ называлъ «слабымъ знакомъ признательности» и заявлялъ, что «никогда ни одно изъ издаваемыхъ имъ сочиненій не доставляло ему такого наслажденія, какъ переводы романовъ Тургенева» [277]). Въ Германіи предъ нимъ благоговѣли: по крайней мѣрѣ, никто изъ иностранцевъ не писалъ такихъ гимновъ во славу Тургенева, человѣка и *писателя*, какъ Питчъ и Юліанъ Шмидтъ. Оба единогласно свидѣтельствуютъ, какой могучій отголосокъ вызвали въ ихъ душѣ произведенія русскаго писателя. Именно *геній писателя* въ глазахъ нѣмцевъ окружалъ безсмертнымъ ореоломъ *сердце человѣка*. Они ожидали отъ Тургенева «объясненія той загадки, которая называется Россіей» [278]). У французовъ интересъ сосредоточивался на Тургеневѣ, какъ членѣ общества, дружескаго кружка или представителѣ оригинальнаго невѣдомаго «славянскаго типа». Къ новымъ культурнымъ горизонтамъ, какіе открывались въ тургеневскомъ творчествѣ, они, въ громадномъ большинствѣ, или снисходительно-равнодушны, или свѣтски-внимательны, съ оттѣнкомъ изумленія и ироніи.

Англичане ближе къ нѣмцамъ, и для нихъ Тургеневъ одинъ изъ великихъ дѣятелей цивилизаціи.

Оксфордскій университетъ даровалъ Тургеневу степень доктора обычнаго права. Посылая пріятелю послѣ этого эпизода новую фотографію, Тургеневъ писалъ: «Охъ! какъ плохо идетъ ученая шапка къ моей великорусской рожѣ!» Это происходило въ 1879 году, и у Тургенева числилось въ Англіи уже множество друзей и горячихъ почитателей. Два года спустя, по случаю пріѣзда Тургенева въ Англію, они затѣяли банкетъ, но Иванъ Сергѣевичъ

---

[277]) Журналъ *Atlantic Monthly Review*. Письмо отъ 21 февр. 1873 года. *Письма*. 213. *Иностр. крит.* Ральстокъ. 185.

[278]) *Иностр. крит.* Шмидтъ. 12.

рѣшительно возсталъ противъ торжества, считая себя недостойнымъ такой чести и опасаясь кривотолковъ своихъ враговъ. Ограничились обѣдомъ, Тургеневъ, «путаясь и запинаясь, произнесъ маленькій спичъ». Такъ разсказываетъ онъ самъ, но очевидецъ-англичанинъ говоритъ объ увлекательности, о глубокомъ чувствѣ, воодушевлявшихъ рѣчь Тургенева. «Для насъ, англичанъ», прибавляетъ разсказчикъ, «онъ былъ всего интереснѣе, когда говорилъ о вліяніи, оказанномъ англійской литературой не только на него одного, но и на русскую литературу вообще». Обѣдъ остался незабвеннымъ для всѣхъ участниковъ [279]).

Очевидно, это уже не французская болтовня на счетъ женщины и любви, напоминающая сцену изъ мопассановскаго романа: курительная комната, пропитанная сигарнымъ дымомъ и ликернымъ ароматомъ, и мужчины, представляющіе собой человѣчество безъ предразсудковъ...

Слѣдовательно, судьба, связавшая Тургенева съ французской семьей и съ французскимъ обществомъ, и въ томъ, и другомъ случаѣ менѣе всего проявила материнскихъ попеченій о талантѣ и нравственномъ мірѣ русскаго писателя. Мы знаемъ, въ чемъ состояло для Тургенева «семейное счастье» подъ кровлей Віардо; это въ сущности было долголѣтнее *недоразумѣніе*, плодившее въ его душѣ горечь душевнаго одиночества и тоску неудовлетвореннаго чувства. Мы видѣли теперь, какихъ радостей могъ ожидать Тургеневъ отъ парижскихъ товарищей по дѣятельности: дружба съ ними не болѣе, какъ условно-фамильярное, ресторанно-пріятельское компанейство. И на виллѣ *Les Frenes*, и въ *Café Riche* Тургеневъ одинаково былъ чужимъ, хотя и интереснымъ человѣкомъ въ томъ или другомъ отношеніи.

Такое заключеніе какъ нельзя краснорѣчивѣе подтверждается настроеніями Тургенева послѣ переселенія въ Парижъ до самой смерти.

До окончательнаго прикрѣпленія къ французской столицѣ Тургеневъ въ теченіе десяти лѣтъ написалъ пять романовъ и еще нѣсколько разсказовъ и статей. А послѣ *Дыма* также за десять лѣтъ напечатанъ только одинъ романъ *Новь*; среди же разсказовъ преобладаютъ мотивы, неизвѣстные раньше, — сверхестественное, таинственное, душевно-патологическое. Очевидно, творческая энергія писателя падаетъ—особенно съ семидесятыхъ годовъ, и—что еще важнѣе—былой реализмъ вдохновенія уступаетъ мѣсто фантастическому и мечтательному.

---

[279]) *Письма*. 349, 388. *Иностр. крит.* 187—189.

Чѣмъ же объясняются эти явленія?

Ихъ прежде всего превосходно понимаетъ самъ Тургеневъ, постоянно говоритъ о нихъ своимъ друзьямъ, и отголоски его разговоровъ слышатся даже въ художественныхъ произведеніяхъ.

Смыслъ объясненій не трудно предугадать. Стоитъ только снова обратиться къ тѣмъ же пяти романамъ. Четыре изъ нихъ быстро слѣдовали одинъ за другимъ, но *Дымъ* уже отдѣленъ отъ *Отцовъ и Дѣтей* промежуткомъ въ пять лѣтъ. Этого мало. Пятый романъ — мы указывали — отличается отъ другихъ авторскимъ настроеніемъ, литературной манерой. Разсказъ часто переходитъ въ явно-личныя изліянія, характеры дѣйствующихъ лицъ принимаютъ преднамѣренно-рѣзкія формы, а одинъ изъ героевъ до очевидности представляетъ личность самого автора.

Какъ бы ни относиться къ общественному смыслу сатиры и положительнымъ выводамъ романа, самые пріемы автора противорѣчатъ его обычному спокойно-художественному творчеству, и психологъ слишкомъ часто уступаетъ мѣсто публицисту, не въ томъ смыслѣ, что изъ его анализа вытекаютъ совершенно опредѣленныя идеи: это отнюдь не наноситъ ущерба ни произведенію, ни поэтическому таланту, а сообщаетъ только тому и другому истинно-просвѣтительное значеніе. Нѣтъ. Авторъ—*жизненную картину* замѣняетъ отвлеченнымъ діалогомъ, *характеры*—быстро набрасываемыми рисунками, необходимыми для превращенія публицистическаго трактата въ драматическую сцену. Правда, эти рисунки постоянно обличаютъ геніальную кисть яркостью и реализмомъ красокъ, но у художника, очевидно, нѣтъ желанія и воли отдѣлывать ихъ съ былой артистической любовью и тщательностью. Онъ весь во власти нервныхъ ощущеній, и творческое созерцаніе жизни поминутно прерывается жгучимъ воплемъ душевной боли и страстнаго негодованія. И раньше читатели, вродѣ Фета, обвиняли Тургенева въ тенденціи. Но художникъ могъ совершенно искренно отвѣчать, что *идеи* въ его произведеніяхъ результатъ *образовъ*, *общіе выводы* создаются его *впечатлѣніями*, какъ наблюдателя и поэта.

«А освобождаться отъ собственныхъ впечатлѣній, потому только, что они похожи на тенденціи», по мнѣнію Тургенева, «было бы странно и смѣшно» [280]). Очевидно, сама жизнь, прошедшая сквозь душу и творческій геній художника, естественнымъ путемъ приводили и самого автора, и читателей къ извѣстнаго рода заключеніямъ—нравственнаго и общественнаго содер-

---

[280]) *Фетъ*. I, 396. Письмо отъ 6 апр. 1862.

жанія. Это—писательская объективность, но соединенная съ особаго рода человѣческой и гражданской отзывчивостью. Одна и та же дѣйствительность у одного наблюдателя могла вызывать только робкое дыханіе и трели соловья, у другого—безсмертные историческіе образы. И весь вопросъ заключался въ духовной организаціи того и другого поэта, въ богатствѣ почвы, на которую падали сѣмена жизни, въ благородной силѣ инструмента, который заставляли звучать внѣшніе звуки.

Тургеневъ могъ быть, и на самомъ дѣлѣ былъ, несравненно менѣе тенденціозенъ, чѣмъ Фетъ—фанатическій врагъ ума и разсудка, могъ писать, «какъ трава растетъ», но вся его натура, всѣ его душевные процессы неудержимо органически стремились къ *идеѣ*, къ *значительному смыслу* творчески воспроизводимыхъ явленій. Въ этомъ прирожденномъ свойствѣ и кроется тайна геніальности. Кто самъ не обладаетъ тайной, тому мерещится тенденція, преднамѣренность тамъ, гдѣ совершается вполнѣ естественное преобразованіе образовъ въ идеи.

Истинно-геніальный художникъ *идеенъ по природѣ*, потому что геній есть совершенная гармонія всѣхъ духовныхъ силъ—творчества и разума, чувства и мысли, впечатлѣній и идей. И всѣ толки о «чистомъ» и тенденціозномъ искусствѣ—результатъ недоразумѣнія. Настоящій художникъ, даже тоскуя о «звукахъ сладкихъ и молитвахъ», окажется тенденціознымъ въ глазахъ чистыхъ художниковъ: примѣръ Пушкинъ и Гоголь. Ни тотъ, ни другой не задавались публицистическими цѣлями, даже открещивались отъ «толпы» и ея насущныхъ нуждъ,—и оба стали во главѣ реальнаго искусства, *стихійно* шли на встрѣчу жизненнымъ запросамъ той же толпы. Для этого имъ стоило только свободно отдаваться влеченіямъ своего генія, и онъ ихъ непремѣнно приводилъ къ общественнымъ образамъ, и, слѣдовательно идеямъ. Все равно, какъ розы сами собой растутъ на розовомъ кусту, а шиповникъ никогда не дастъ розъ, такъ и дѣйствительный художественный талантъ не можетъ приносить однихъ пустоцвѣтовъ, т. е. «звуковъ сладкихъ» безъ внутренняго содержанія. А это содержаніе всегда будетъ дѣтищемъ свѣтлаго разума, гуманнаго чувства, правды и справедливости: иначе—не было бы смысла ни въ жизни человѣчества, ни въ высшихъ по истинѣ божественныхъ дарахъ, выпадающихъ на долю избранныхъ.

Въ такомъ смыслѣ рѣшается основной вопросъ искусства произведеніями Тургенева,—рѣшеніе единственно возможное, когда оно идетъ о великомъ художникѣ. Но оно далеко не всегда было доступно автору *Отцовъ и дѣтей*. И это онъ, какъ и всегда, созналъ прежде всего самъ.

«Объективный писатель беретъ на себя большую ношу: нужно, чтобы его мышцы были крѣпки... Прежде я такъ работалъ, и то не всегда; теперь я облѣнился, да и устарѣлъ» [281]). Такъ писалъ Тургеневъ въ іюнѣ 1876 года, т. е. наканунѣ появленія *Нови*. Но слова «и то» и «не всегда» должны быть отнесены къ болѣе раннему времени, именно къ *Дыму*. Авторъ, неизмѣнно проницательный и строгій судья надъ самимъ собой, не могъ не признать особенностей этого романа, не имѣвшихъ ничего общаго съ «объективностью» — *тургеневской объективностью*, а не фетовской и другихъ самозванныхъ «чистыхъ» художниковъ.

Чѣмъ же объясняется такое нарушеніе давнишняго творческаго процесса?

Дымъ—первый романъ, написанный внѣ Россіи и по заграничнымъ наблюденіямъ. Этихъ наблюденій было много, но на чужой почвѣ, среди чужой жизни. Художника поражали случайныя встрѣчи, мимоходомъ услышанные разговоры, отдѣльныя фигуры и разбросанные штрихи, а самый фонъ картины и ея цѣлое были скрыты отъ его глазъ. Сцена дѣйствія Баденъ-Баденъ и герои—русскіе туристы: въ результатѣ романъ часто сбивается на курортныя впечатлѣнія и путевые очерки. Ничего подобнаго не могло бы происходить, если бы сценой по прежнему была Россія, а дѣйствующимъ лицомъ—русское общество въ настоящемъ смыслѣ слова.

Тургеневъ—внѣ своего отечества—такими словами можно совершенно точно выразить настроеніе писателя и охарактеризовать его литературную дѣятельность съ начала семидесятыхъ годовъ. Въ этомъ фактѣ источникъ всѣхъ его нравственныхъ недомоганій и творческихъ неудачъ.

Письма Тургенева съ 1871 года переполнены однимъ мотивомъ: нѣтъ силъ писать, нѣтъ ни къ чему интереса, потому что кругомъ чужая жизнь, чужіе люди — и нѣтъ пищи поэтическому чувству. Въ маѣ 1871 года онъ пишетъ письмо, приведенное нами и раньше—о томъ, что «голосъ остался, да пѣть нечего», потому что «по обстоятельствамъ всесильнымъ» авторъ живетъ внѣ Россіи.

Друзья убѣждаютъ его «обратить вниманіе на современность»,— Тургеневъ отвѣчаетъ: «живя за границей, это—трудно» [282]).

Пессимистическое настроеніе часто переходитъ въ чувство безнадежности. Мы и раньше слышали отъ Тургенева жалобы на жизнь, на физическіе недуги, на одиночество, но именно съ се-

---

[281]) *Письма*. 295.
[282]) *Письма*. 207.

мидесятыхъ годовъ эти жалобы становятся какъ бы постояннымъ припѣвомъ въ его письмахъ, и даже въ художественныхъ произведеніяхъ.

Зимой въ 1873 году Тургеневъ пишетъ спокойное, но необыкновенно грустное письмо, увѣряетъ, что его душу все сильнѣе охватываетъ холодъ и равнодушіе ко всему: это даже его пугаетъ. Полтора года спустя то же самое. Ему, кажется,—онъ «скоро думать перестанетъ»; «буду прозябать,—и баста». Переписка съ друзьями, столь его всегда занимавшая, идетъ плохо, потому что ему нечего говорить о себѣ [283]).

На первое время Тургеневъ усиливается создать себѣ интересъ, разжигая свою старинную любовь къ живописи. Онъ усердно посѣщаетъ выставки, покупаетъ картины, становится даже популярнымъ въ Парижѣ, какъ *Gogo russe*, т. е. покупатель, котораго легко надуть, но все это только—«при отсутствіи всякаго другого живого интереса», признается Тургеневъ. Вскорѣ онъ, повидимому, охладѣваетъ и къ картинамъ и распродаетъ ихъ при первой нуждѣ въ деньгахъ. Рѣшаясь на распродажу, онъ пишетъ: «желалъ бы я найти что-нибудь, что бы меня занимало» [284]).

Одновременно съ этимъ общимъ томительнымъ настроеніемъ, Тургеневу приходится сводить счеты съ русскими «пріятелями».

Весной 1871 года Тургеневъ узналъ о разсказанномъ выше поступкѣ Достоевскаго. Полгода спустя *Московскія Вѣдомости* разразились статьей, клеймившей позоромъ нравственную личность Тургенева, Гончаровъ продолжалъ обвинять въ посягательствахъ на его «литературную честь» [285]). Наконецъ, произошелъ окончательный разрывъ съ Фетомъ.

Мы знаемъ, какъ мало общаго было во взглядахъ обоихъ писателей на существенные вопросы литературы и, слѣдовательно, общественной жизни. Тургеневъ держался на почвѣ общей полемики, но Фетъ не пропускалъ случая принять участіе въ личныхъ дѣлахъ Тургенева и непремѣнно во враждебномъ ему смыслѣ. Такъ, мы видѣли, было во время исторіи Ивана Сергѣевича съ дядей-управляющимъ. Поэтъ осыпалъ Тургенева жестокими упреками, явно не понимая дѣла, что ему и доказалъ Боткинъ [286]). Ссора Тургенева съ гр. Толстымъ ободрила Фета на дальнѣйшія рѣшительныя дѣйствія. Тургеневъ все еще продолжаетъ толковать Фету о тенденціозности и намѣренъ продолжать толки при лич-

[283]) *Письма.* 264.
[284]) *Иностр. крит.* 176. Фетъ. II, 267. *Письма.* 215, 266.
[285]) *Письма.* 194, 203, 285.
[286]) Фетъ. II, 119.

номъ свиданіи съ поэтомъ, но поэтъ уже начинаетъ дѣлать розыскъ на счетъ личныхъ недостатковъ Ивана Сергѣевича. Вотъ образчикъ этого розыска:

«Что Тургеневъ не чуждался своей дворянской роли, заключаю потому, что видѣлъ его въ Спасскомъ, охорашивающимся передъ зеркаломъ въ только-что полученномъ отъ портного дворянскомъ мундирѣ, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ ѣдетъ въ экстренное дворянское собраніе» [287]).

Съ такой основательностью и глубокомысліемъ поэтъ доказываетъ серьезнѣйшія выходки на счетъ своего стариннаго пріятеля!

Потомъ Фетъ увлекается философіей, преимущественно Шопенгауэромъ, встрѣчаетъ горячее сочувствіе гр. Толстого, и тотъ посылаетъ ему, въ августѣ 1869 года, восторженное письмо о «рядѣ духовныхъ наслажденій», о томъ, что «вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто», и что Шопенгауэръ «геніальнѣйшій изъ людей» [288]). Одновременно Фетъ дѣлаетъ вылазки противъ литературы и литераторовъ, а гр. Толстой проникается полнымъ равнодушіемъ къ этимъ предметамъ. Тургеневъ не устаетъ возражать противъ резонерства друзей, преимущественно противъ «разсудительства» гр. Толстого, такъ какъ считаетъ его «единственной надеждой нашей осиротѣлой литературы», самого Фета въ шутливомъ стихотвореніи приглашаетъ бросить Шопенгауэра и пріѣхать лѣтомъ въ Спасское—взглянуть на крестьянское пиршество [289]).

Но Фетъ идетъ своимъ путемъ, свободнымъ отъ всякой тенденціи.

Немного спустя Катковъ напалъ на трудъ Анненкова о Пушкинѣ, Фетъ присоединился къ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* и принялся обвинять Анненкова въ «шаткости» убѣжденій. Тургеневъ впервые замѣтно теряетъ терпѣніе, такъ какъ, помимо личности друга, затрогивается еще имя обожаемаго поэта. Это происходило въ октябрѣ 1874 года, въ ноябрѣ Тургеневъ сообщилъ Фету, что ему стала извѣстна совершенно безсмысленная клевета поэта. Клевета состояла въ томъ, будто Тургеневъ въ разговорѣ съ двумя юношами—сыномъ и родственникомъ своей знакомой—старался «заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь»... Тургеневу ничего не осталось, какъ порвать знакомство съ Фетомъ, но и здѣсь онъ не могъ выразить сожалѣнія о прошлыхъ отношеніяхъ.

---

[287]) *Ib.* II, 191—2.

[288]) *Ib.* II, 199, 200.

Фетъ оправдывается въ своихъ *Воспоминаніяхъ*, но сущность не въ отдѣльныхъ фразахъ, а въ смыслѣ ихъ. А смыслъ Тургеневу былъ переданъ вѣрно. Но Фетъ и этимъ не удовольствовался; въ отвѣтѣ Тургеневу онъ упрекнулъ его въ оскорбительныхъ выходкахъ противъ гр. Толстого. Тургеневъ счелъ нужнымъ отвѣчать; ему, конечно, ничего не стоило опровергнуть навѣтъ, и онъ даже обращался къ «чувству справедливости» поэта.

Въ *Воспоминаніяхъ* дальше слѣдуетъ настоящій обвинительный актъ о слабоволіи, «самомъ дѣтскомъ самолюбіи безпощаднаго эгоизма» Тургенева, объ его невѣжливомъ отношеніи къ дамамъ, о «прозрачномъ козыряніи» и «позорномъ искательствѣ», о «постыдномъ подлизываніи къ мальчишкамъ», о поступкѣ съ дядей, о «заносчивыхъ выходкахъ съ Толстымъ и съ нимъ—Фетомъ», характеризующихъ Тургенева, какъ «пѣтушка-королька»... [290]).

Поэтъ, очевидно, отводилъ душу на полной свободѣ...

Спустя четыре года гр. Толстой обратился съ письмомъ къ Тургеневу; это произвело сильное отрезвляющее впечатлѣніе на Фета. Поэтъ сталъ соображать, что въ сущности ему не изъ-за чего ссориться съ Тургеневымъ, что оба они западники — одинъ «безъ всякой подкладки», а другой т. е. самъ Фетъ—«такой же западникъ на русской подкладкѣ изъ ярославской овчины, которую при нашихъ морозахъ покидать жутко».

Въ результатѣ Фетъ послалъ Тургеневу письмо, «очень милое», сообщалъ Тургеневъ, «хоть и не совсѣмъ ясное, съ цитатами изъ Канта» [291]).

Остается только неизвѣстнымъ, какимъ образомъ соображенія о «подкладкахъ» могли заставить поэта забыть объ удручающихъ личныхъ порокахъ и преступленіяхъ Тургенева.

Иванъ Сергѣевичъ не зналъ или не хотѣлъ знать Фетовскихъ уликъ и радостно привѣтствовалъ свое примиреніе съ оригинальнымъ западникомъ [291]).

Все это не могло разсѣять грусти писателя. Въ его личной жизни нѣтъ ни одного просвѣта. Правда, онъ именно въ годъ ссоры съ Фетомъ дѣятельно занятъ бракомъ дочери Віардо, онъ въ восторгѣ отъ ея счастья, устраиваетъ ея судьбу, дѣлится своими радостями съ друзьями. Но, мы уже знаемъ, эти радости чередуются съ тѣмъ же, будто невольнымъ, воплемъ одинокой тоски, и когда хлопоты кончились, мы слышимъ такое призна-

---

[289]) *Ib.* II, 235, 216—7.
[290]) *Ib.* II, 279, 290, 300, 302, 307, 308.
[291]) *Ib.* II, 350. *Письма.* 335.

ніе: «...Теперь все снова вошло въ обычную колею — *что лучше всего* (подчеркиваетъ Тургеневъ). О! блаженная прелесть однообразія и сходства нынѣшняго дня со вчерашнимъ!.. Этою прелестью я наслаждаюсь вполнѣ» [292]).

Могла ли при такихъ условіяхъ развиваться творческая дѣятельность художника? Ежеминутное сознаніе своей отчужденности отъ родины, холодъ нравственной безпріютности, мелкія житейскія дрязги:—ни новыхъ мотивовъ, ни вдохновенія, ни необходимаго душевнаго свѣта и мира... И Тургеневъ даже счастливъ, что онъ не работаетъ, что забросилъ литературу: ему было бы мучительно считаться съ своей авторской совѣстью, съ невольнымъ безсиліемъ творческихъ порывовъ.

Въ рѣдкіе дни и часы, когда къ нему возвращается воля работать, его не покидаетъ обычное настроеніе и направляетъ его мысль на соотвѣтствующіе образы и сюжеты.

Тургеневу приходилось писать на первое время въ Парижѣ подъ гнетомъ крайне тяжелыхъ впечатлѣній послѣ неудачи съ разсказомъ *Степной король Лиръ*. Находя, что разсказъ имѣлъ только *succès d'estime* и считая это «хуже фіаско», Тургеневъ рѣшилъ, было, остановиться. Но годъ спустя онъ уже сообщаетъ о *Вешнихъ водахъ*, снова не разсчитывая на успѣхъ [293]).

Это на самомъ дѣлѣ лучшее и крупнѣйшее произведеніе за цѣлыя шесть лѣтъ съ переселенія Тургенева въ Парижъ до появленія *Нови*, и именно на немъ прежде всего сказалась мрачная грусть, владѣвшая авторомъ.

«Ясная душа поэта отражала въ себѣ тяжелыя тучи и пасмурныя небеса», говоритъ Вогюэ про этотъ періодъ въ жизни Тургенева. «Въ концѣ *Вешнихъ водъ*, послѣ дивной сцены обольщенія, правдивой, какъ сама жизнь, въ которой такъ вѣрно выразилась слабость мужчины и дьявольское могущество женщины, слѣдуютъ нѣсколько страницъ, полныхъ такой горечи, что чувствуешь жалость къ писателю, который могъ создать ихъ» [294]).

Положеніе Санина, разбившаго свою молодую любовь и загубившаго счастье безволіемъ и заблужденіемъ, будто отдаленный отголосокъ личной судьбы автора. Для него также не существовало молодости, озаренной прочной, счастливой, любовью, онъ также неоднократно могъ сѣтовать на «всесильныя обстоятельства», ставшія выше его воли, и не давшія ничего взамѣнъ, кромѣ знобящаго холода одинокой старости.

---

[292]) *Письма.* 226, 227, 253

[293]) *Ib.* 183, 200. Письма отъ 27 окт. 1870 и отъ 18 дек. 1871.

[294]) *Иностр. крит.* 121.

У Санина остается впереди отраженіе чужого счастья, счастья дочери когда-то любимой дѣвушки, и онъ хватается за этотъ свѣтлый призракъ, лишь бы спастись отъ удручающей душевной пустоты...

И снова намъ представляется самъ авторъ, живущій радостями дочери г-жи Віардо, просиживающій ночи у ея постели во время болѣзни, съ замираніемъ сердца привѣтствующій ея перваго ребенка...

Единственныя «старческія» радости, уступленныя великому писателю «всесильными обстоятельствами!»

Но настоящая пѣснь одиночества—это разсказъ *Живыя мощи*.

Крестьянская дѣвушка, неизлѣчимо больная, на всю жизнь прикована къ постели. Кое-кто изрѣдка забредетъ поговорить съ ней. Важныя происшествія въ ея существованіи—воркованіе голубя на крышѣ, появленіе курочки-насѣдки съ цыплятами, воробья или бабочки. Цѣлое событіе — забѣжавшій заяцъ. А безъ этихъ событій трудно одинъ день отличить отъ другого.

Людская жизнь идетъ гдѣ-то далеко, мимо, едва донося свой шумъ до «живыхъ мощей».

Но есть же у Лукерьи минуты, когда предъ ея глазами проходятъ нескончаемыя картины иного чуднаго міра.

Это—ея сны.

«Сплю я точно рѣдко, но всякій разъ сны вижу; хорошіе сны! Никогда я больной себя не вижу; такая я всегда во снѣ здоровая да молодая...»

И дальше исторія изъ невозвратной молодости, изъ беззаботной дѣвичьей жизни. А тамъ—смутныя грезы о близкомъ концѣ всѣхъ страданій.

И здѣсь снова авторъ повѣряетъ намъ свои настроенія.

«Многіе даже изъ ближайшихъ его друзей не знаютъ,—говоритъ Пичъ, — что въ это время, когда Тургеневымъ все болѣе и болѣе овладѣвала старческая тоска, онъ написалъ много поэтическихъ видѣній, воспоминаній и аллегорій глубоко пессимитическаго содержанія, замѣчательныхъ то грандіозной смѣлостью, то увлекательной граціей рисунка. Онъ называлъ эти произведенія «senilia», сновидѣнія старца. Многія изъ нихъ онъ дѣйствительно видѣлъ во снѣ, какъ, напримѣръ, фантастическій разсказъ *Старуха*, въ которомъ такъ наглядно изображается неизбѣжность смерти...»

Эти слова ближайшаго друга Тургенева и извѣстныя намъ признанія самого писателя—лучшія объясненія творческаго процесса послѣдняго десятилѣтія его жизни. А такіе разсказы, какъ *Живыя*

мощи, *Странная исторія*, *Разсказъ отца Алексѣя*, *Сонъ* — подлинные документы къ біографіи автора, вѣрнѣйшія свидѣтельства его личныхъ настроеній и глубокихъ страданій.

Только однажды за всѣ эти годы Тургеневъ снова приблизился къ современной общественной дѣйствительности, приблизился боязливо, будто противъ воли, долго не находя въ себѣ силъ выполнить давно задуманный планъ... Наконецъ, — всѣ колебанія исчезли, какъ бы подъ наитіемъ былого юношескаго вдохновенія, и всего въ три мѣсяца былъ начатъ и оконченъ послѣдній романъ Тургенева—*Новь*.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ФР. КОППЕ.

I.

Въ глубокой тишинѣ, за лампой трудовой
Сижу я и пишу,—любимая работа!
А рядомъ мать-старушка,—взоръ блеститъ слезой,
Но все же обо мнѣ въ немъ свѣтится забота...

О чемъ ты думаешь? О силѣ-ль роковой,
Что бросила меня въ недавнее изгнанье?
Вѣдь горе кончилось, и я опять съ тобой,
Забудь же прошлое: разлуку и страданья!

Въ каминѣ ты теперь прибавила огня,
И пламя вспыхнуло, и весело играетъ:
Любя, ты холодъ ночи гонишь отъ меня...
О, мама, сынъ тебя благословляетъ!

II.

Въ пять лѣтъ ей часто поручали
Малютку-брата, и его
Рученки дѣтскія ласкали...
Теперь не нужно ничего.

Мгновенья жизни пролетѣли;
Онъ не рожденъ былъ для земли,
И, снявши мѣрку съ колыбели,
Малюткѣ гробикъ принесли.

Она ужъ больше не играетъ
И, хороня мечту свою,
Въ печали дѣтской повторяетъ:
— Я больше куколъ не люблю.

Вл. Ладыженскій.

НА ХЛѢБАХЪ.

РАЗСКАЗЪ

Густава афъ Гейерстама.

(Изъ Сборника „Разсказы Кронфогта“).

Переводъ со шведскаго.

Во дворѣ стояла большая липа вся въ цвѣту, ярко освѣщенная солнцемъ, и въ ея могучей коронѣ весело жужжали несмѣтные рои пчелъ и шмелей. Пріятный запахъ липоваго цвѣта разносился въ мягкомъ лѣтнемъ воздухѣ и проникалъ въ открытую дверь крестьянскаго домика, выкрашеннаго въ красный цвѣтъ.

Въ Оландѣ деревья крайне рѣдки, и старая липа пользовалась въ семьѣ большимъ почетомъ. Старый Перъ Сьегренъ посадилъ ее самъ, и при немъ она выросла и окрѣпла,—такъ что когда его внукъ, Андерсъ Сьегренъ, женился, липа была уже большимъ деревомъ, подъ вѣтвями котораго онъ сидѣлъ съ женою первое счастливое время, когда у нихъ было такъ много о чемъ разговаривать въ свѣтлыя лѣтнія ночи. Грета также отъ души радовалась, глядя на большую липу. Она раньше всего бросалась ей въ глаза, когда она выглядывала утромъ изъ своего окошка, и на нее послѣднюю она смотрѣла, когда запирала на ночь выходную дверь. Конечно, она не всегда думала о ней. Жизнь предъявляетъ много требованій, и не всегда можно сосредоточивать свое вниманіе на цвѣтахъ и деревьяхъ. Но старая липа срослась съ ея жизнью, и видъ ея возбуждалъ въ ней всегда тихую радость, думала ли она о ней, или нѣтъ. Она любила ее и зимою, когда она стояла, вся покрытая снѣгомъ, и лѣтомъ, когда ея вѣтви зеленѣли своими яркими листьями.

Когда на липѣ весною начинали показываться маленькія зеленыя почки, она радовалась, а когда листья осенью желтѣли и отрывались, медленно, одинъ за другимъ, падая на песокъ, гдѣ они образовывали сухой коверъ, отливающій разноцвѣтными красками,—коверъ, которымъ, шелестя, двигалъ вѣтеръ,—ее охватывало странное, грустное чувство, полное, въ то же время, глубокаго спокойствія. А когда она постарѣла, она даже любила смотрѣть на падающіе листья.

Теперь Грета была стара, и Андерсъ также. Они жили на хлѣбахъ у сына, въ маленькой комнаткѣ, около каменной стѣны. Вѣдь нужно дать жить и молодымъ, а старики должны позаботиться о томъ, чтобы уйти во́-время и уступить имъ мѣсто, если блѣдный косарь слишкомъ долго медлитъ съ своею косой.

И старая липа въ дворѣ тоже успѣла состариться. На ней были толстые, узловатые, крѣпкіе сучья, развѣтвлявшіеся во всѣ стороны; они образовывали большую, обширную бесѣдку, гдѣ птички распѣвали лѣтомъ, и куда лазили дѣти, чтобы поиграть. Была средина лѣта, и липа стояла вся въ цвѣту. Въ это именно время начинается нашъ разсказъ.

На скамейкѣ, вдѣланной въ землю подъ липою, сидѣлъ новый собственникъ, Августъ Сьегренъ, погруженный въ глубокія размышленія. Рядомъ съ нимъ помѣстился и старикъ Андерсъ съ грустнымъ, озабоченнымъ видомъ. Его морщинистое лицо выражало и испугъ, и недовольство, а губы были крѣпко сжаты, точно онъ боялся не во́-время открыть ихъ.

— Дѣлай, какъ знаешь,—сказалъ наконецъ старикъ,—дворъ твой.

— Мой-то онъ мой,—отвѣтилъ сынъ съ чувствомъ собственнаго достоинства. — Но заемъ принесетъ двору только пользу. Если я куплю молотилку и жатвенную машину, и выкорчую всѣ камни съ поля, дворъ будетъ давать гораздо больше доходу, чѣмъ теперь. И въ концѣ концовъ получится только выгода.

Старикъ вздохнулъ. Онъ зналъ, что разъ молодые хотятъ идти своимъ путемъ, ихъ не переубѣдишь. Но онъ былъ слишкомъ старъ, чтобы молчать, и поэтому пробормоталъ:

— Пять тысячъ кронъ—большія деньги.

— Не для теперешняго времени,—возразилъ сынъ.

Это задѣло старика за-живое: сынъ говорилъ о своемъ времени, точно время отца давно уже прошло. Но ему не хотѣлось ссориться, и онъ только сказалъ:

— Долговъ надѣлать не трудно, только платить ихъ тяжело.

Августъ посмотрѣлъ на отца. Между его бровями легла морщинка, и онъ отвѣтилъ рѣзкимъ, недовольнымъ тономъ:

— Вы же свое содержаніе будете получать, какъ бы тамъ ни было.

— Да, конечно,—отвѣтилъ отецъ.

Оставалось поѣхать въ городъ и вернуться, осмотрѣть дворъ, написать нужныя бумаги, сдѣлать надлежащій разсчетъ, и опять поѣхать въ городъ. Когда пришла весна, Августъ заключилъ въ банкѣ заемъ по пяти процентовъ, и довольный вернулся домой: въ карманѣ у него лежало пять тысячъ кронъ крупными бумажками.

— Вотъ такъ хорошо!—сказалъ онъ старику.

— Поживемъ—увидимъ,—возразилъ ѣдко Андерсъ.

Старикъ Андерсъ, ложась и вставая, не переставалъ грустить о томъ, что находился на иждивеніи у сына. Когда случилась эта перемѣна въ его жизни, ему было всего шестьдесятъ четыре года. Онъ чувствовалъ себя утомленнымъ, и ему такъ хотѣлось отдохнуть. Но теперь прошло уже пять лѣтъ, какъ онъ отдыхалъ, и онъ начиналъ думать, что ему пріятно было бы вновь приняться за работу. Но если для молодыхъ совершенно естественно просить старика отстранить себя и уступить имъ мѣсто, то разъ старикъ уступилъ, ему уже почти невозможно явиться къ молодымъ съ просьбою отдать обратно принадлежавшее ему когда-то мѣсто. Въ этой истинѣ Андерсъ убѣдился опытомъ многихъ лѣтъ,—поэтому и молчалъ, хотя раздраженіе съ каждымъ днемъ сильнѣе и сильнѣе накипало въ немъ.

— Да, да,—говорилъ онъ, сидя вдвоемъ съ женою въ своей комнатѣ.—Тяжело жить на свѣтѣ, когда приходится ждать только смерти.

— О, да, правда,—отвѣчала Грета.—Когда дѣти получаютъ свое, имъ уже хочется, чтобы родители поскорѣе убирались вонъ.

И нельзя сказать, чтобы старики были совершенно неправы, думая такъ. Конечно, имъ собственно не на что было жаловаться. Все, что должно было даваться имъ по уговору, они получали: и деньги, и хлѣбъ, и одежду, и сало, и картофель. Правда, когда имъ выдавали зерно, мѣра была всегда такая, какъ слѣдуетъ, но зерно оказывалось далеко не перваго сорта. Картофель была всегда проросшій, или во-

дянистый, сало—всего одна кожица, а когда вопросъ шелъ о выдачѣ денегъ, то казалось, будто каждая копѣйка золотая, такъ медленно и съ такимъ трудомъ вынимались онѣ изъ ящика.

А тутъ наступили и нововведенія, и Андерсъ цѣлую зиму не находилъ покою, а все ходилъ да раздумывалъ. Всю свою жизнь онъ молотилъ цѣпами, и теперь никакъ не могъ взять въ толкъ, почему то, что годилось для него, не годится для сына. Сколько онъ помнилъ, люди всегда косили траву и хлѣбъ косами или жали ихъ серпами. А теперь изъ города выписали красивую машину, выкрашенную въ красный цвѣтъ.

На ней было сидѣніе, точно на господскомъ кабріолетѣ, большія плоскія косы спускались внизъ къ землѣ, словно ребра изъ хребта скелета, а когда машина стояла безъ употребленія, косы эти торчали въ воздухѣ, точно поломанный спинной хребетъ. Машина стояла всю зиму въ сараѣ, и всякій разъ, когда Андерсъ замѣчалъ, что дверь открыта, онъ заглядывалъ туда. Долго стоялъ онъ на одномъ мѣстѣ, жуя между зубами табакъ, и клялся про себя, клялся такъ безбожно, что если бы кто посторонній услышалъ его, онъ подумалъ бы, что старый Андерсъ сошелъ съ ума.

Но когда Андерсъ видѣлъ, что за нимъ некому наблюдать, онъ бралъ съ собою и жену, чтобы и она полюбовалась на новинку. Оба старика стояли одни въ сараѣ и удивлялись безумствамъ молодого поколѣнія.

— Этакая чертовщина,—говорилъ Андерсъ.

— Да, скажи пожалуйста,—отвѣчала ему Грета.

— И они воображаютъ, что этимъ можно косить,—продолжалъ Андерсъ, сплюнувъ въ сторону.—Во-первыхъ, ни одна лошадь не захочетъ тащить ее. Подумай только, какой подымется адскій шумъ, какъ только этакое чудовище придетъ въ движеніе! Лошадь испугается отъ одного ея вида и ни за что не захочетъ двинуться съ мѣста. Косы будутъ биться одна о другую, или вкапываться въ землю, или совсѣмъ не захотятъ вертѣться, будетъ чортъ знаетъ что за гадость, вотъ и все!

— А что, если она пойдетъ,—сказала старуха.

— Никогда этого не будетъ,—отвѣтилъ Андерсъ.—Имъ придется опять взяться за косу. Помяни мое слово, если имъ опять не придется приняться за старое.

И Грета согласилась. Оба старика стояли и качали своими

сѣдыми головами при мысли о современныхъ новинкахъ, а затѣмъ отправлялись въ свою комнату брюжжать на свое одиночество и на безконечную зиму.

Никогда еще ни одна зима не казалась Андерсу такою длинною. Онъ боялся, что ему не доведется дожить до того дня, когда его старая коса докажетъ свое превосходство надъ современными нововведеніями. Но сыну онъ ничего не говорилъ, боясь слишкомъ поспѣшно высказывать свое мнѣніе. Имъ овладѣвалъ по временамъ смутный страхъ, что онъ, чего добраго, ошибается.

Когда лѣто наступило, онъ сталъ шататься по полямъ и лугамъ. Съ ранняго утра до поздняго вечера можно было видѣть маленькаго старика, какъ онъ пробирался мелкими стариковскими шагами по тропинкамъ и цѣлыми часами простаивалъ, разсматривая жатву. Августъ никакъ не могъ понять, что дѣлается въ это лѣто съ отцомъ, и спросилъ жену:

— Кристина, ты не знаешь, что такое съ отцомъ?

Кристина покачала головою и отвѣтила:

— Не знаю. Онъ, должно быть, впадаетъ въ дѣтство.

— Нѣтъ,—возразилъ Августъ,—онъ, вѣрно, горюетъ, что больше не хозяинъ.

— Ну, онъ ужъ довольно похозяйничалъ на своемъ вѣку,—отвѣтила жена.

Наконецъ наступилъ давно желанный день. Жатва должна была начаться, и Андерсъ еле спалъ въ эту ночь, съ нетерпѣніемъ ожидая того времени, когда большая красная машина выѣдетъ въ поле жать.

— Ты собираешься сегодня косить,—сказалъ онъ съ лукавымъ видомъ, встрѣтившись поутру съ сыномъ.

— Да,—отвѣтилъ Августъ.—Можетъ быть, и вы желаете поработать?

— Спасибо,—сказалъ старикъ.—Я предпочитаю смотрѣть.

— Да, да,—сказалъ сынъ,—получать не работая пріятнѣе всего.

Съ этими словами онъ вошелъ въ сарай и вытащилъ изъ него красную машину.

При другихъ обстоятельствахъ Андерсъ не полѣзъ бы за словомъ въ карманъ, чтобы отвѣтить сыну, потому что если сынъ находилъ, что отецъ живетъ слишкомъ долго и только бременитъ собою землю, то и отецъ съ своей стороны превосходно зналъ, что если бы не его воля, сынъ бы до сихъ

поръ работалъ на него въ качествѣ простого батрака. И относительно этихъ вопросовъ у нихъ подымался уже не разъ разговоръ. Но сегодня старикъ не былъ расположенъ препираться изъ-за пустяковъ. Когда эта красивая машина завязнетъ въ полѣ, или лошадь откажется ее везти, или большія косы сломаются,—тогда старикъ вознаградитъ себя за все, что онъ до сихъ поръ терпѣлъ. И когда онъ вышелъ въ поле и сталъ въ укромное мѣстечко, чтобы полюбоваться ожидаемымъ зрѣлищемъ, онъ чувствовалъ такую сильную радость, что забылъ и про утренній кофе, который не успѣлъ выпить.

Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть поскорѣе разрѣшеніе мучившаго его вопроса. Андерсъ сталъ у изгороди, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ машину должны были пустить въ ходъ. Лошадь вовсе не казалась такою испуганною, какъ Андерсъ воображалъ. Она шевелила ушами каждый разъ, когда машина издавала звукъ, но, вообще, казалась спокойною, какъ будто все это не имѣло къ ней никакого отношенія.

— Вотъ удивительная лошадь, совсѣмъ не пугается, —замѣтилъ Андерсъ. Онъ не въ силахъ былъ дольше молчать. Языкъ говорилъ самъ собою.

Сынъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на отца.

— Я, конечно, испыталъ ее,—отвѣтилъ онъ.

Андерсъ смутился: какъ это ему не пришло раньше въ голову? И онъ рѣшилъ молчать, чтобы не портить себѣ радости торжества, которое раньше или позже должно было несомнѣнно наступить.

Августъ все возился съ машиною. „Онъ приводитъ ее въ порядокъ“, подумалъ старикъ. И онъ отъ радости произносилъ мысленно самыя удивительныя клятвы. Но Августъ спокойно сѣлъ и погналъ лошадь.

Никогда старый Андерсъ не видѣлъ ничего болѣе удивительнаго. Лошадь шла впередъ, освѣщенная яркими лучами солнца, а тимофеева трава падала вокругъ колесъ красной машины. Она падала съ обѣихъ сторонъ ея, между тѣмъ какъ косы подымались и опускались, всякій разъ попадая на нужное мѣсто. Большими, красивыми полосами ложилась скошенная трава, вслѣдъ за легкимъ экипажемъ. Все дальше и дальше подвигалась машина. Далеко у изгороди она обернулась и поѣхала обратно, придерживаясь постоянно края. Теперь ее изъ за травы не было видно, и Андерсъ могъ только разглядѣть шляпу сына, которая то опускалась, то подымалась. Лугъ представлялъ красивое зрѣлище, но Андерсъ этого не

замѣчалъ. Онъ стоялъ неподвижно и смотрѣлъ, какъ маленькій странный экипажъ съ своимъ пружиннымъ сидѣньемъ двигался, описывая большой кругъ. Съ каждымъ разомъ кругъ этотъ дѣлался меньше, но по всему лугу лежала трава, срѣзанная ровными, плоскими снопами, и притомъ такъ близко къ землѣ, что ни одна коса не могла бы сдѣлать этого. Прошло нѣсколько часовъ, а Андерсъ все стоялъ и смотрѣлъ на кусочекъ поля, гдѣ еще росла трава, и который выдѣлялся, точно островокъ на гладкой поверхности моря.

Но чѣмъ дольше Андерсъс тоялъ, тѣмъ больше оставляло его мужество, и когда солнце поднялось высоко, онъ, шатаясь, отправился домой, между тѣмъ какъ въ ушахъ его все еще раздавался шумъ работающей жатвенной машины.

Весь міръ представлялся ему въ другомъ свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ красная машина дѣйствовала, и онъ чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ, что старое время косъ миновало безвозвратно.

Въ своемъ домикѣ онъ засталъ Грету, которая сидѣла и ждала его. На столѣ стояло сало, а картофель подогрѣвался въ печи.

— А что, пошла она?—спросила Грета.

— Чортъ его знаетъ, какъ это она можетъ идти,—отвѣтилъ Андерсъ, съ усталымъ лицомъ садясь за столъ.

— А я развѣ этого не говорила?—замѣтила старуха.

Но теперь Андерсъ серьезно разсердился.

— Держи языкъ за зубами!—закричалъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу.—Ты говорила! Кой чортъ заботится о томъ, что ты тамъ говорила.

Грета замолчала, потому что она по опыту знала, что самый лучшій способъ прекратить ссору—это если одна изъ сторонъ замолчитъ. Но Андерсъ продолжалъ кричать, точно у него въ самомъ дѣлѣ былъ поводъ сердиться. Онъ былъ такъ взбѣшенъ на машину, что гнѣвъ долженъ былъ непремѣнно найти себѣ исходъ. И такъ какъ жена его была одна у него подъ рукою, то на нее и обрушилась вся буря. Онъ говорилъ, не переставая, все время, пока ѣлъ, и бранился такъ, что Грета пошла припереть дверь, изъ боязни, чтобы его словъ не услышали во дворѣ.

Но когда онъ облегчилъ свое сердце и, наконецъ, замолчалъ, молчаніе его долго не прерывалось. А открывъ ротъ, онъ сказалъ только слѣдующее:

— Чортъ меня побери, если она не шла!

Цѣлое лѣто проходилъ Андерсъ, разсматривая, не развалится ли на части машина. Она казалась такою хрупкою, а между тѣмъ держалась, и когда жатва была кончена и машина поставлена въ сарай, гдѣ она должна была отдыхать до слѣдующаго лѣта, Андерсъ заперся въ своемъ домикѣ и пересталъ выходить на дворъ.

Казалось, жатвенная машина отняла всѣ силы у стараго Андерса. Онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе слабѣлъ и подъ конецъ даже пересталъ заботиться о томъ, что получалъ на иждивеніе. Онъ молча принималъ то, что ему давали, никогда не интересуясь знать, справедливо ли съ нимъ поступаютъ или нѣтъ. А въ одинъ зимній день онъ легъ и умеръ въ своей комнатѣ, и такъ какъ дѣти получили послѣ старика дворъ, то должны были справить ему хорошіе поминки...

Но когда стараго Андерса положили въ могилу, и кончилась суета, вызванная его погребеніемъ, Грета прошла къ себѣ и сѣла у окна съ библіею въ рукахъ, чтобы прочесть стихъ или два, раньше, чѣмъ наступятъ сумерки. Но дѣло у нея не спорилось. Мысли никакъ не могли сосредоточиться на печатныхъ буквахъ, и прежде чѣмъ она успѣла опомниться, она положила большую книгу на колѣни и устремила взоры на старую липу. На ней не видно было теперь ни одного листочка, а вокругъ ствола лежали сугробы снѣга, наваленные недавнею метелью. Голыя вѣтви грозно подымались къ сѣрому небу, а маленькія вѣтки сгибались подъ напоромъ вѣтра. Гретѣ пришло на мысль, что она прежде смотрѣла всегда на липу съ другой стороны. Она видѣла ее прежде, съ порога краснаго дома, черезъ дверь, липа была тогда гораздо ближе къ ней. Теперь же, когда она переселилась въ сѣрый домикъ, стоявшій у каменной стѣны, липу было видно и съ этого мѣста, но здѣсь она не доставляла матушкѣ Гретѣ такого удовольствія. Такъ, какъ она ее видѣла прежде, она уже никогда больше не увидитъ ея, развѣ въ томъ случаѣ, если зайдетъ къ дѣтямъ. Матушка Грета вздохнула и подумала, не пойти ли ей къ нимъ и сегодня вечеромъ. Но она тотчасъ прогнала эту мысль. Она не хотѣла, она боялась помѣшать имъ. И кромѣ того ей казалось, что Августу будетъ непріятно, если она заплачетъ по отцѣ.

Поэтому матушка Грета осталась сидѣть одна. и не замѣтила, какъ наступили сумерки, и какъ потемнѣло вокругъ большой липы и въ комнатѣ.

Но вдругъ дверь открылась, и вошелъ Августъ. Грета была

тронута. Она ужасно обрадовалась при мысли, что онъ вспомнилъ о ней, и въ волненіи не находила даже словъ, чтобы заговорить съ нимъ. Но когда Августъ сѣлъ, и свѣчка была зажжена, матушка Грета поняла, что онъ пришелъ съ цѣлью переговорить съ нею о чемъ-то, и тотчасъ догадалась, что онъ хочетъ ей сказать.

— Отецъ умеръ,—началъ сынъ послѣ нѣкоторой паузы.

— Да,—отвѣтила Грета, вздыхая.

— Хорошо, что онъ умеръ,—сказалъ Августъ.—Онъ уже былъ старъ.

Матушка Грета ничего не отвѣтила на это. Она сжала губы и печально глядѣла передъ собою.

— Теперь вамъ придется получать половину содержанія,—продолжалъ Августъ спокойно.

— Конечно, — сказала успокоенная мать. Она боялась, чтобы сынъ не потребовалъ уменьшенія ея содержанія.

Сынъ просидѣлъ нѣсколько минутъ молча, въ раздумьи. У него, очевидно, было еще что-то на умѣ, что не такъ-то легко было высказать.

Наконецъ онъ сказалъ:

— Видите ли что, мы подумали,—теперь, когда батюшка умеръ, у васъ здѣсь будетъ слишкомъ просторно. У насъ наверху стало страшно тѣсно съ тѣхъ поръ, какъ родилось столько дѣтей. Поэтому мы рѣшили, что вы, вѣроятно, не будете имѣть ничего противъ, если служанка будетъ приходить къ вамъ ночевать.

Матушка Грета не сразу отвѣтила. Ее задѣло за живое, что дѣти не хотятъ дать ей дожить спокойно въ своемъ домикѣ, пока не наступитъ ея послѣдній часъ. Но она не желала выказать недовольства, а колеблясь, отвѣтила:

— Что же? Это можно.

— Да и для васъ лучше не быть одною на случай, если что-нибудь приключится съ вами,—прибавилъ Августъ.

Минуту спустя онъ ушелъ.

Если что-нибудь приключится! Онъ, конечно, ждетъ ея смерти. Да и ничего страннаго нѣтъ въ этомъ! Сначала онъ отдѣлался отъ старика, а теперь желаетъ, чтобы и старуха пошла тою же дорогою. Матушка Грета вздохнула, вспоминая, что и она сама думала такъ въ свое время.

Не весело жилось матушкѣ Гретѣ послѣ этого дня. У нея лично ничего не было, когда Андерсъ женился на ней: она бѣдною дѣвушкою вошла въ богатый крестьянскій домъ

и сдѣлалась его хозяйкою. Поэтому она не вправѣ была и ничего требовать, и понимала, что дѣти считаютъ милостивымъ даромъ то, что даютъ ей на содержаніе. Она была бѣдная старуха, живущая изъ милости у собственныхъ своихъ дѣтей, и они выдавали ей должное съ возрастающимъ недовольствомъ по мѣрѣ того, какъ время шло, а она все жила и жила. Если бы Грета могла, она бы охотно пошла въ домъ бѣдныхъ.

Доживи старикъ Андерсъ до этого времени, онъ увидалъ бы, что если жатвенная машина шла хорошо, за то многое другое шло, чѣмъ дальше, все хуже и хуже. Августъ Сьегренъ заключилъ заемъ въ хорошія для хозяйства времена; часть этихъ денегъ онъ дѣйствительно употребилъ на улучшенія по хозяйству, и эта часть расходовъ доставляла теперь доходъ. Но вмѣстѣ съ полученными деньгами возникло и желаніе лучше жить, а это желаніе привело въ свою очередь къ разнаго рода улучшеніямъ, къ покупкѣ мебели, дорогихъ платьевъ и т. д. А часть денегъ, употребленная на такого рода расходы, не приносила ренты. Напротивъ того, банкъ требовалъ, чтобы за нихъ уплачивались проценты, и уплачивались въ точно опредѣленный срокъ.

Жизнь приняла совершенно другой характеръ: во всемъ дворѣ появился оттѣнокъ роскоши; Августъ Сьегренъ поступалъ въ этомъ отношеніи совершенно такъ же, какъ поступали вокругъ него всѣ другіе. Благодаря общему повышенію жизненныхъ требованій, онъ не замѣтилъ риска, которому подвергался. То обстоятельство, что и всѣ другіе позволяли себѣ это, служило оправданіемъ для отдѣльнаго лица; всегда остается въ полной силѣ старая неправда, что мы не можемъ быть хуже другихъ, разъ мы такіе, какъ всѣ.

Между тѣмъ наступили тяжелые для земледѣльцевъ годы. Хлѣбъ страшно палъ въ цѣнѣ, урожаи ухудшались годъ отъ году, трудно было одновременно поддерживать новый образъ жизни и уплачивать проценты въ банкъ. Недовольство и печаль воцарились въ домѣ. Чувство опасности и страхъ разоренія носились въ воздухѣ, а Августъ Сьегренъ привыкъ жить въ полномъ спокойствіи, наслаждаясь прочностью своего положенія.

И Грета также не хотѣла умирать. Это была маленькая, худая женщина, сгорбившаяся подъ тяжестью лѣтъ; она все еще продолжала жить въ маленькомъ домикѣ около каменной стѣны. Когда дѣла приходятъ въ безпорядокъ, сердце

черствѣетъ, и Августъ Сьегренъ не принадлежалъ къ числу людей, которые особенно заботятся о томъ, чтобы быть всегда по отношенію ко всѣмъ справедливымъ. Пока все шло у него хорошо, онъ хотѣлъ жить такъ, чтобы не дать никому повода сказать о немъ что-либо дурное за глаза. Но теперь, когда въ карманѣ у него становилось пусто, а виды на будущее все ухудшались, въ немъ стало все сильнѣе и сильнѣе возбуждаться раздраженіе противъ этой старой женщины, точно онъ вынужденъ былъ отдать ей то, въ чемъ самъ нуждался. Его неудачи и ошибки, тяжелые годы, пережитые имъ, и уменьшившіеся доходы сдѣлали его раздражительнымъ, вспыльчивымъ, и всякій разъ, когда ему приходило въ голову, сколько онъ долженъ выплачивать матери, онъ чувствовалъ къ ней ненависть, которой не смѣлъ выразить, но которая становилась все сильнѣе по мѣрѣ того, какъ въ немъ росло сознаніе, что она ему въ тягость. Ему казалось даже, что мать сама должна понимать, какою тяжестью виситъ она у него на шеѣ, и разъ она ничѣмъ не могла ему помочь, она должна была сама лечь и умереть. Похороны не такъ ужъ дорого стоили бы, по крайней мѣрѣ, все было бы тогда кончено. Да, скоро дошло до того, что маленькое содержаніе, выдаваемое имъ матери, стало казаться ему настолько значительнымъ, что онъ сталъ приписывать ему свое затруднительное положеніе.

И вотъ онъ началъ мало-по-малу сокращать расходы на мать. Грета, бывшая обузой для хозяина дома, возбудила противъ себя и всѣхъ его домочадцевъ. Она не смѣла спорить, ограничивала свои потребности, довольствовалась тѣмъ немногимъ, что получала, и мало-по-малу привыкла меньше ѣсть. Ей приходилось выслушивать столько непріятныхъ замѣчаній всякій разъ, когда она заговаривала о томъ, что должна была получать, что она предпочитала молчать и сидѣть голодною цѣлый день одиноко въ своей комнатѣ, наблюдая за дымомъ, подымавшимся изъ трубы дома, гдѣ готовили обѣдъ. Денегъ она не получала уже цѣлый годъ.

Однажды осенью, когда стало холодно, она вынуждена была пойти во дворъ, попросить топлива. Она пришла въ недобрый часъ. Оставалось всего нѣсколько дней до уплаты процентовъ въ банкъ. Августъ Сьегренъ собралъ все, что могъ, и теперь у него ничего не оставалось на зиму, которая скоро должна была наступить.

Старуха вошла и молча сѣла у двери. Невѣстка съ гнѣ-

вомъ посмотрѣла на нее, а черезъ открытую дверь въ спальню доносился голосъ ея сына. Онъ сидѣлъ, бормоча про себя какія-то цифры. Внуки играли на полу. Но они выросли и понимали, что старуха въ тягость родителямъ, и ни одинъ изъ нихъ не подошелъ къ бабушкѣ.

Старуха вздохнула. Она сама чувствовала, что лучше бы подождать до другого раза, но ей казалось такъ же трудно уйти, какъ и придти. Поэтому она предпочла переговорить сразу, чтобы не быть вынужденною возобновить свое посѣщеніе.

— Я хотѣла спросить, какъ мнѣ быть съ топливомъ на этотъ годъ?—начала она.

Кристина не отвѣчала, а изъ спальни слышался только монотонный голосъ, считавшій цифры.

— Мнѣ кажется, вы могли бы мнѣ хоть отвѣтить,— сказала старуха.

— Батюшка,—сказала Кристина, — матушка пришла и хочетъ поговорить съ тобой о топливѣ.

Счетъ на минуту прервался. Затѣмъ голосъ продолжалъ прежнимъ монотоннымъ образомъ считать.

— Я могу и подождать,—сказала старуха, съежившись на своемъ стулѣ, какъ бы отъ усталости. Вокругъ морщинистаго рта легло выраженіе гнѣва.

Скоро замолчалъ и голосъ въ спальнѣ. Раздался звукъ запираемаго замка, звонъ ключей. Августъ вышелъ въ кухню и остановился среди комнаты.

— Что тутъ такое?—спросилъ онъ.

— А вотъ, говоримъ о топливѣ,—отвѣтила жена.

Грета подняла на него глаза, и ея лицо приняло испуганно вопросительное выраженіе, точно она боялась, что ей придется отказываться отъ самаго необходимаго.

— Дровъ у насъ совсѣмъ нѣтъ,—отвѣчалъ Августъ.—То немногое, что еще осталось, нужно для насъ самихъ.

Грета подавила гнѣвныя слова, просившіяся у нея на уста, и смиренно, точно умоляя о милости, отвѣтила:

— Теперь холодно, и мнѣ нечѣмъ даже испечь картофель.

Августъ плюнулъ; онъ какъ бы задумался надъ тѣмъ, что ему отвѣтить.

— Говорятъ, что тотъ, кто ни на что больше не годенъ, годится для собиранія помета на пастбищѣ, — сказалъ онъ.

Маленькая старуха встала. Все ея хрупкое тѣло дрожало, лицо приняло злобное выраженіе въ то время, какъ она стояла, угрожая сыну своею худощавой рукою.

— Я не должна просить о томъ, на что имѣю право,— вскричала она;—потому что то, что я должна имѣть, то я и получу. Стоитъ мнѣ только пойти къ кронфогту—и вы дадите мнѣ дровъ и еще многое другое въ придачу.

Августъ Сьегренъ съ угрожающимъ видомъ двинулся на мать. Глаза его вспыхнули гнѣвомъ.

— Не трогай меня! — закричала старуха. — Бей, бей, если смѣешь! Я тебя бить не буду! Но если бы я тебѣ давала столько шлепковъ, сколько должна была давать, когда ты былъ маленькимъ, ты не стоялъ бы теперь здѣсь и не угрожалъ бы своей матери. Теперь я требую всего, я требую денегъ за цѣлый годъ. Ты долженъ отдать мнѣ все, что задолжалъ. Я не двинусь съ мѣста, пока не получу всего.

Не говоря ни слова, Августъ взялъ мать за плечи, покраснѣвъ отъ злости, вытолкнулъ на лѣстницу и заперъ за ней дверь.

Старая Грета простояла нѣсколько минутъ неподвижно. Ея губы произнесли нѣчто въ родѣ проклятія, но ее сейчасъ же охватилъ смертельный ужасъ; внѣ себя отъ волненія, она отправилась домой и заперлась на ключъ. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, она успокоилась; но тутъ ей вспомнились слова сына.

Собирать пометъ на пастбищѣ! Какъ самая бѣдная изъ женщинъ своего прихода, она должна была бродить по лугу и подбирать пометъ, чтобы потомъ топить имъ печь. Но ничего другого нельзя было и придумать. Она не смѣла еще разъ подымать съ сыномъ вопроса о топливѣ. Она выбросила картофель изъ корзины и вышла съ нею изъ дому.

Поспѣшно шла она мелкими шажками по дорогѣ и свернула на боковую тропинку, ведущую черезъ паркъ. Много деревьевъ росло въ этомъ мѣстѣ, березъ и дубовъ, и на ихъ пожелтѣвшихъ листьяхъ играли холодные лучи осенняго солнца. Верхушки деревьевъ шумѣли надъ ея головою, и по мѣрѣ того, какъ она шла, гнѣвъ все съ большею и большею силою заговаривалъ въ ней. Здѣсь было не мало дровъ, но ни щепки не виднѣлось на землѣ, все было собрано и сложено въ дровникѣ. Она не нашла для себя и щепочки.

А за деревьями виднѣлось пустынное и обширное пастбище, простиравшееся на много миль вдаль; въ глубинѣ его

выглядывалъ шпицъ церковной колокольни, возвышавшійся изъ-за лѣска.

Она оглянулась, пошла впередъ и начала свою работу. Наклоняясь надъ тощимъ дерномъ, она стала собирать пометъ, высушенный на солнцѣ, и класть его въ корзинку. Большое пространство прошла она, пересѣкая во всѣхъ направленіяхъ пастбище. Но много было другихъ, побывавшихъ здѣсь раньше ея. Чѣмъ дальше она шла, тѣмъ больше усиливалось ея раздраженіе, и она начала желать своимъ дѣтямъ зла.

Вдругъ она услышала голосъ, звавшій ее. Она подняла голову, и увидала передъ собою маленькаго старичка съ большою бѣлою бородою и живыми, добродушными глазами.

— Здравствуйте, матушка Грета,—сказалъ онъ.—Такъ вамъ приходится теперь ходить собирать по пастбищу?

Говорившій съ нею былъ крестьянинъ, который въ прежнее время часто посѣщалъ ея мужа. Онъ также жилъ на хлѣбахъ у своихъ дѣтей, и Грета часто видалась съ нимъ прежде. Но она никакъ не могла заставить себя сказать ему правду.

— Плохія настали теперь времена,—сказала она.

Было бы позорно для всего ея рода, если бы она разсказала откровенно, зачѣмъ ей приходится бродить здѣсь по пастбищу. Кровь бросилась ей въ голову. Какъ ей ни было тяжело, но никто не долженъ имѣть право говорить, что она ходитъ по приходу и осуждаетъ своихъ собственныхъ дѣтей. Поэтому она прибавила:

— Пометъ хорошо подмѣшивать къ дровамъ.

Старикъ стоялъ и смотрѣлъ на нее. Онъ лукаво улыбнулся.

— Я самъ живу на хлѣбахъ,—сказалъ онъ.—И я знаю, что это значитъ.

Грета подумала нѣсколько минутъ. Пріятно было бы поговорить по душѣ съ кѣмъ-нибудь. Но она опять вспомнила, что это можетъ бросить тѣнь на честь ея рода, и отвѣтила:

— Мнѣ не на что жаловаться. То, что я должна получать, я получаю.

Старикъ посмотрѣлъ на нее недовѣрчиво.

— Вамъ, значитъ, хорошо живется, — сказалъ онъ и ушелъ.

Когда Грета наполнила свою корзину, она взяла ее въ руки и, тяжело ступая, отправилась домой.

Но въ ней пробудилось новое чувство. Она стала бояться, чтобы дѣти не сдѣлали ей зла. И каждый вечеръ, когда служанка являлась къ ней ночевать, старуха запирала дверь своей спальни на замокъ и спала одна.

Между тѣмъ дѣла Августа Сьегрена приходили все въ бо́льшее и бо́льшее разстройство. Долги увеличивались; въ одинъ прекрасный день они приняли такіе крупные размѣры, что ему пришлось продать дворъ со всѣмъ въ немъ находящимся.

Матушка Грета сидѣла въ день аукціона на порогѣ своего домика и испуганными глазами глядѣла на толпу людей, ходившихъ взадъ и впередъ по двору, производя оцѣнку домашняго скарба, который долженъ былъ продаваться съ молотка. Она знала, что тотъ, кто купитъ дворъ, возьметъ на себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и обязательство содержать ее, и что она можетъ, не заботясь о насущномъ хлѣбѣ, спокойно ждать смертнаго часа. Но если ей тяжело было жить у дѣтей, каково-то будетъ жить у чужихъ? Со страхомъ смотрѣла бѣдная старуха на людей, проходившихъ мимо нея, раздумывая, кому-то изъ нихъ придется принять на себя заботу о ней. Ей казалось, какъ будто на аукціонѣ собираются выкрикивать ея имя и вызывать желающихъ ее купить.

Былъ ясный сентябрьскій день, и столъ для аукціона былъ поставленъ подъ старою липою. Аукціономъ заправлялъ звонарь прихода, веселый, толстый, краснощекій малый, извѣстный всему околотку и уже привыкшій къ такого рода дѣламъ.

Онъ стоялъ на столѣ съ молоткомъ въ рукѣ и выкрикивалъ предлагаемые предметы. Для каждаго у него находилось какое-нибудь веселое замѣчаніе. Сначала онъ скупился на нихъ, потому что, когда собственникъ вынужденъ разставаться съ своимъ домомъ и землею, на аукціонѣ царитъ всегда подавленное настроеніе. Но по мѣрѣ того, какъ время шло, и напитки, которые потреблялись изрядно, разсѣевали печальное настроеніе толпы, аукціонъ принялъ болѣе веселый характеръ; звонарь, замѣтивъ измѣненіе въ расположеніи духа своихъ слушателей, и самъ нѣсколько пріободрился, и съ каждымъ ударомъ молотка его веселость увеличивалась, пока наконецъ собравшаяся вокругъ него толпа не начала хохотать и громко вскрикивать отъ удовольствія.

Какъ только Грета узнала, что дворъ будетъ продаваться

съ аукціона, исчезъ и ея гнѣвъ противъ дѣтей. Все, что они дѣлали ей дурного, было забыто; разъ имъ грозило разореніе, они и не могли поступать иначе. Имъ самимъ много приходилось терпѣть, и они, очевидно, хотѣли до послѣдней минуты скрыть отъ другихъ печальное положеніе своихъ дѣлъ. Гретѣ казалось даже, что она сама поступала несправедливо относительно своихъ дѣтей, и старалась теперь удѣлить имъ все, что могла, изъ своего маленькаго имущества.

Августъ Сьегренъ и его жена также начали относиться лучше къ матери съ тѣхъ поръ, какъ надъ ними стряслась бѣда. Какъ ни много приходилось имъ думать о собственныхъ дѣлахъ, они не могли не понять, какъ дурно поступили относительно бѣдной старухи, и теперь, когда она не могла уже больше приносить имъ никакого убытка, не было и основанія косо смотрѣть на нее.

И вотъ матушка Грета сидѣла и смотрѣла, какъ все продавалось и переходило въ чужія руки. Хотя она давно уже не хозяйничала, но было же время, когда все это принадлежало ей, а многое изъ продаваемаго было пріобрѣтено уже при ней. Но теперь все шло въ чужія руки: и старое бюро съ мѣдною отдѣлкою, и серебряныя ложки, и часы, стоявшіе въ парадной комнатѣ, и лоханка, и красивыя чашки для кофе съ вензелями на нихъ, которыя дарились въ день ангела, и черное шелковое платье, лежавшее на днѣ сундука, и одностволка Андерса, и его рыболовные снаряды. Тяжелѣе всего было Гретѣ, когда дѣло дошло до животныхъ. Между продаваемыми коровами были такія, которыхъ матуша Грета сама вскормила и воспитывала, еще когда онѣ были телятами, и рѣзвились и прыгали на лугу. Онѣ испуганно мычали, и мычаніе ихъ ножомъ рѣзало старое сердце матушки Греты. Ей казалось, что онѣ плачутъ, потому что все такъ измѣнилось и носило такой унылый видъ.

Но старая Грета сидѣла и ждала собственно одного, и съ каждымъ часомъ мучившее ее безпокойство только усиливалось. Она хотѣла узнать, кто купитъ дворъ, и кому она сама будетъ теперь принадлежать. Указывали, какъ на покупателя, на одного стараго, богатаго, крестьянина. Онъ всѣ эти послѣдніе дни рыскалъ по двору, заглядывалъ въ каморки и конюшню, копалъ землю на полѣ и изслѣдовалъ домъ съ погреба до чердака. Онъ побывалъ и въ маленькомъ домикѣ

старухи Греты. Молча, въ страхѣ стояла она подъ своею низкою кровлею, пока богатый крестьянинъ осматривалъ ея жилище.

Это былъ большой, коренастый малый съ спиною, шириною въ дверь. Про него говорили, что онъ страшно богатъ, но еще болѣе скупъ. Разсказывали, что онъ самый крутой хозяинъ въ цѣломъ околоткѣ, и что если его усадьба нѣсколько лѣтъ тому назадъ сгорѣла, такъ это потому, что онъ самъ поджегъ ее или подговорилъ кого-либо другого сдѣлать это. По крайней мѣрѣ, съ этого времени началъ онъ богатѣть. Впрочемъ, разговоры объ этомъ давно уже успѣли умолкнуть, никто не говоритъ о вчерашнемъ снѣгѣ. Богатый Магнусъ Бенгтссонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми непріятно вступать въ пререканія.

Его большая фигура приблизилась между тѣмъ къ аукціонному столу; какъ только кончилась продажа движимости, наступила пауза; въ это время многіе отошли отъ стола изъ чувства уваженія, которое толпа всегда питаетъ къ людямъ, дѣлающимъ крупныя дѣла. Только четверо, пятеро изъ самыхъ состоятельныхъ крестьянъ остались подъ липою.

Маленькій звонарь выпрямился и прокричалъ: дворъ! На этотъ разъ онъ не прибавилъ никакого остроумнаго замѣчанія. Онъ былъ очень серьезенъ, и его круглое, красное лицо приняло дѣловое, сосредоточенное выраженіе.

Грета также встала и приподнялась на цыпочки. Подобно тому, какъ крыса высматриваетъ изъ своей дыры, чтобы увидѣть, можно ли ей выйти или нѣтъ, ея маленькіе, внимательные глаза оглядывали небольшую кучку людей, группировавшуюся вокругъ стола. Звонарь громко назвалъ оцѣночную сумму, но молчаніе не прерывалось. Крестьяне глядѣли другъ на друга, но никто изъ нихъ не рѣшался первый начать. Звонарь сбавилъ сто риксдалеровъ. Но опять никто не двинулся. Магнусъ оглядывалъ поперемѣнно то одного, то другого изъ своихъ соперниковъ, но не раскрывалъ рта. Звонарь сбавилъ еще сто риксдалеровъ, и наконецъ маленькій, худой старикъ произнесъ: „идетъ“.

Лицо Греты просвѣтлѣло. Говорившій былъ хорошій, добрый человѣкъ, котораго она давно уже знала.

Но Магнусъ Бенгтссонъ сейчасъ же набавилъ пятьдесятъ риксдалеровъ. И вотъ крестьяне начали одинъ передъ другимъ набавлять кто пять, кто десять риксдалеровъ. Магнусъ Бенгтссонъ сѣлъ на скамейку подъ липою, точно чув-

ствуя себя дома. Онъ прислушивался къ раздававшимся голосамъ, и какъ только кто-либо дѣлалъ надбавку, тотчасъ прибавлялъ съ самодовольною увѣренностью, подбивавшею другихъ еще больше возвышать цѣну.

Старуха съ возрастающимъ страхомъ слѣдила за объявленіемъ суммы и за надбавками. Ей казалось, что невыносимая тяжесть сдавливаетъ ей грудь, когда она стояла одинокая среди этой толпы людей, изъ которой никому не было до нея никакого дѣла. А между тѣмъ все ея дальнѣйшее существованіе зависѣло отъ того, кто получитъ дворъ. Для другихъ этотъ вопросъ не могъ имѣть такого важнаго значенія. Даже тотъ, кто собирался купить дворъ, не могъ слѣдить съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за торгомъ, какъ эта старая женщина, живущая на хлѣбахъ, которая стояла въ сумеркахъ въ углу двора, ожидая рѣшенія своей судьбы.

Наконецъ молотокъ громко ударилъ въ послѣдній разъ по столу—и старуха опустилась на порогъ, пораженная, закрывая лицо руками. „Магнусъ Бенгтссонъ“, прокричалъ звонарь. По щекамъ матушки Греты текли слезы, но она забыла про нихъ и ни о чемъ не думала больше. Народъ сталъ расходиться; никто не обращалъ вниманія на плачущую старуху.

— Это та старуха, что живетъ на хлѣбахъ,—замѣтилъ кто-то.

Наконецъ во дворѣ, перемѣнившемъ хозяина, воцарилось глубокое молчаніе.

Но старуха не замѣчала этого. Слезы ея продолжали течь, и она все сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ, съ головою, опущенною на худыя, морщинистыя руки. Вдругъ она вздрогнула. Ей точно во снѣ показалось, что кто-то заговариваетъ съ нею и, поднявъ голову, она увидѣла передъ собой богача Магнуса Бенгтссона; толстый и высокій, заложивъ руки въ карманы, стоялъ онъ передъ ней.

— Развѣ ты не слышишь, что съ тобою говорятъ?—сказалъ онъ.

Грета встала и вытерла, насколько могла, свои мокрыя щеки.

— Отчего ты ревешь?—спросилъ крестьянинъ, не получивъ отъ старухи отвѣта на свой вопросъ.

— Тяжело мнѣ все это,—отвѣтила Грета и снова заплакала.

— Гм! Да! Конечно, тяжело,—подтвердилъ Магнусъ

Бенгтссонъ.—Теперь ты будешь жить у меня, пока не отправишься на тотъ свѣтъ.

— А этого, вѣрно, не долго придется ждать,—прибавилъ онъ. Съ тѣмъ Магнусъ Бенгтссонъ и ушелъ, сказавъ, что придетъ на другой день.

Новые люди поселились во дворѣ, именно крестьянинъ, взявшій его въ аренду у хозяина. Новые люди принесли съ собою и новые порядки, и все сдѣлалось чужимъ для Греты. Никто, положимъ, не жилъ въ ея домикѣ. Но отъ этого ей было не легче. Ей казалось, что она стоитъ поперекъ дороги у всѣхъ, и она молила каждый вечеръ Бога, чтобы онъ скорѣе послалъ ей смерть. Двадцать лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ она стала жить на хлѣбахъ, а Богъ, всегда такой милостивый, не желалъ принять къ себѣ старой женщины, которая никому уже не могла доставить радости, а напротивъ того, всѣмъ мѣшала, всѣмъ надоѣдала. Но у Господа свои пути, думала старая Грета. По крайней мѣрѣ, священникъ какъ-то разъ сказалъ ей это, а кому же знать, какъ не ему.

Однажды ночью Гретѣ приснилось, что къ ней пришла смерть, въ видѣ громаднаго скелета, влѣзшаго въ окно. Его глаза горѣли, точно угольки, и онъ наклонилъ свою косу надъ постелью, на которой она лежала. Тутъ Грета начала во снѣ горячо молить Бога, чтобы онъ избавилъ ее отъ смерти, и, проснувшись, отъ души поблагодарила Господа, что это былъ только сонъ.

Но Грета никакъ не могла сойтись со всѣми этими новыми людьми, поселившимися въ ея прежнемъ домѣ, и подобно тому, какъ она прежде боялась своихъ дѣтей, она начала теперь бояться ихъ. Магнусъ Бенгтссонъ устроилъ такъ, что содержаніе ей выдавалъ арендаторъ, и Грета вскорѣ замѣтила, что онъ относится къ ней далеко не дружелюбно. Она и ему была въ тягость, всѣмъ людямъ была она въ тягость.

А смерть все не приходила. Еще много лѣтъ видѣла Грета, какъ распускалась весною липа и какъ падали осенью ея листья. И ей самой пришлось читать въ газетахъ о себѣ, какъ о необыкновенно древней старухѣ.

Старая Грета вообразила, что это печатается въ упрекъ ей, и что въ газетѣ сказано, что ей слѣдовало умереть уже много-много лѣтъ тому назадъ.

М. Лучицкая.

О СВОЙСТВАХЪ МАТЕРІИ.

Д-ра Готлиба Адлера, приватъ-доцента Императорскаго вѣнскаго университета.

Лекція, прочитанная въ собраніи Общества для распространенія естественно-научныхъ знаній въ Вѣнѣ (Verein zur Verbreitung naturwisschaftlichen Kentnisse in Wien).

Всѣ тѣ затрудненія, которыя могутъ представиться философу при опредѣленіи понятія «матерія», разрѣшаются физикомъ весьма просто. Онъ прямо говоритъ: все, что мы видимъ или осязаемъ, все, что посредствомъ движенія теплоты, электричества, свѣта или звука можетъ стать доступнымъ нашему наблюденію — все это мы называемъ «матеріей».

Уже въ древнѣйшія времена тайна «матеріи» занимала человѣческіе умы. Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся у грековъ, это вопросъ о первобытной матеріи, или объ элементахъ, изъ которыхъ состоитъ «матерія». И въ то время, какъ Ѳалесъ (Thales) считаетъ воду первобытной матеріей, Гераклитъ указываетъ на огонь, какъ на таковую, а въ 400 году до Р. Х. Эмпедоклъ первый установилъ ученіе объ элементахъ или стихіяхъ: вода, огонь, воздухъ и земля, изъ смѣшенія которыхъ образуется матерія. Такой взглядъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, принятъ былъ Аристотелемъ и господствовалъ вмѣстѣ съ аристотелевской философіей въ теченіе среднихъ вѣковъ; даже Галилей былъ увлеченъ имъ. Если мы станемъ доискиваться опытныхъ основаній подобной гипотезы, то найдемъ ихъ въ слѣдующемъ явленіи, болѣе всего поражающемъ насъ въ водѣ, а именно въ томъ, что эта матерія, смотря по тому, сообщаемъ мы ей тепло или отнимаемъ его отъ нея (понятія объ огнѣ и теплѣ еще въ концѣ прошлаго вѣка считались однозначущими), дѣлается твердой, какъ земля, жидкой, или газообразной, какъ воздухъ. Галилей говоритъ такъ объ этомъ явленіи: «Когда матерія огня наполняетъ поры тѣло, то оно уже не можетъ болѣе оставаться твердымъ,—оно расплавляется. Когда

же огонь оставляетъ тѣло, то природа, не терпящая пустоты, сдвигаетъ частички, и тѣло становится твердымъ».

Мы знаемъ въ настоящее время, что физики, благодаря новѣйшимъ техническимъ усовершенствованіямъ, могутъ перевести всѣ твердыя тѣла, за исключеніемъ угля, въ жидкое и даже въ газообразное состояніе. Мы знаемъ также, что посредствомъ весьма высокаго давленія и чрезвычайно сильнаго холода можно всѣ безъ исключенія газы перевести сначала въ жидкое, а затѣмъ и въ твердое состояніе. Въ послѣднее время, профессору Вроблевскому въ Краковѣ удалось произвести этотъ опытъ съ обоими газами, составляющими нашъ атмосферный воздухъ, съ кислородомъ и азотомъ. Въ то же время химія учитъ насъ, что измѣненія, при которыхъ газъ дѣлается жидкимъ или твердымъ, не касаются самой сущности газа, его химическаго состава, или его химическаго отношенія къ другимъ тѣламъ. Даже болѣе того: для современнаго физика опредѣленія — твердый, жидкій, газообразный — давно перестали быть элементарными различіями,—слишкомъ разнообразны, слишкомъ постепенны эти переходы изъ одного состоянія въ другое.

Изъ длиннаго ряда произведенныхъ въ этомъ направленіи опытовъ я приведу здѣсь слѣдующій: профессоръ Томсонъ, въ Глазговѣ, укрѣпилъ металлическую проволку въ погребѣ, температура котораго изъ года въ годъ оставалась неизмѣнной, а къ проволкѣ привѣсилъ грузъ. Какъ извѣстно, тяжесть, привѣшенная къ проволкѣ, вытягиваетъ ее. Теперь является вопросъ: происходитъ ли удлиненіе проволки сразу, или постоянная тяжесть удлиняетъ проволоку постепенно? Оказывается, что вышеупомянутая проволка, находящаяся подъ наблюденіемъ уже около 40 лѣтъ, продолжаетъ удлиняться еще до сихъ поръ подъ вліяніемъ тяжести. То, что происходитъ съ этой проволкой, очень похоже на вліяніе, происходящее съ каплей меда, когда ее спускаютъ съ ложки: капля вытягивается въ нитку, которая по мѣрѣ удлиненія все утончается. Точно также и проволка истончается и удлиняется подъ дѣйствіемъ оттягивающей ее силы. Другой примѣръ: глетчеры безпрерывно, хотя весьма медленно сползаютъ съ горъ въ долины. Это движеніе, однако, отличается отъ движенія камня, брошеннаго съ обрыва, всѣ частички котораго съ совершенно одинаковой скоростью стремятся внизъ. Если вбить рядъ деревянныхъ кольевъ поперекъ глетчера, то увидимъ, что средній колышекъ всего скорѣе спустится подъ гору, а боковые гораздо медленнѣе. Другими словами, глетчеръ, несмотря на то, что онъ представляетъ собою сплошную массу, течетъ въ долину также, какъ водный потокъ, наибольшая ско-

рость движенія котораго приходится въ серединѣ, а наименьшая— у береговъ.

Я желаю только доказать этимъ, что различія, которыя привели древнихъ къ ученію о четырехъ стихіяхъ, не могутъ считаться существенными, съ точки зрѣнія современной физики, такъ какъ основываются лишь на внѣшнихъ формахъ проявленія матеріи. Если мы вообще хотимъ узнать что-либо *существенное* о ней, то должны избрать путь, который впервые указалъ Леонардо да-Винчи современному естествознанію, сказавъ: «нѣтъ ничего достовѣрнаго въ естественныхъ наукахъ, что не зависѣло бы въ извѣстной степени отъ математики». Другими словами: мы достигнемъ существенныхъ познаній о матеріи только тогда, когда намъ удастся выразить *въ цифрахъ* всѣ данныя, добытыя соотвѣтствующими опытами. Но какимъ образомъ мы можемъ опредѣлить количество матеріи? Отвѣтъ: посредствомъ *взвѣшиванія*. Съ тѣхъ поръ, какъ Ньютонъ впервые доказалъ, что всякая матерія вѣсома, и что вѣсъ ея тѣмъ больше, чѣмъ больше взято матеріи, съ тѣхъ поръ мысль о томъ, что количество матеріи можно опредѣлить ея вѣсомъ, завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе мѣста въ повседневной жизни. Покупаемъ ли мы теперь въ аптекѣ хининъ по граммамъ, или сахаръ и кофе по килограммамъ, мы всегда увѣрены, что получимъ желаемое количество вещества, если обозначимъ его вѣсъ. Каждая хозяйка знаетъ, что вѣрнѣе получитъ желаемое количество угля, покупая его на вѣсъ, чѣмъ мѣшками.

Послѣ того, какъ было установлено, что количество матеріи можно опредѣлить помощью взвѣшиванія, выступило на очередь рѣшеніе другого существеннаго вопроса: уничтожается ли матерія? Лавуазье изучалъ матерію во всѣхъ ея разнообразныхъ измѣненіяхъ, при которыхъ она, какъ, напримѣръ, въ растворахъ и химическихъ соединеніяхъ, можетъ совершенно исчезнуть изъ подъ нашего наблюденія. Особенно тщательно изслѣдовалъ онъ процессъ горѣнія. Взвѣсивъ не только сухой остатокъ сгорѣвшаго вещества, который оказался, конечно, легче, чѣмъ все вещество до сожженія, но собравъ даже тщательно дымъ и всѣ газообразные продукты горѣнія и опять-таки взвѣсивъ ихъ, онъ могъ доказать, что зола и летучіе продукты горѣнія въ совокупности вѣсятъ болѣе, чѣмъ сама матерія, и что этотъ излишекъ равняется количеству поглощеннаго кислорода, въ поглощеніи котораго и состоитъ процессъ горѣнія. На этомъ основаніи онъ выставилъ основное положеніе, составляющее первый пунктъ нашихъ познаній о матеріи,—положеніе, что матерія не можетъ быть уничтожена; дру-

*

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

гими словами, что запасъ ея въ мірѣ неизмѣненъ. Это и есть законъ *сохраненія матеріи*.

Матерія имѣетъ еще одно существенное свойство, а именно: она является носительницей извѣстнаго запаса силы, и наоборотъ,— всякій запасъ силы, существующій въ мірѣ, связанъ съ матеріей. Невольно является вопросъ: въ какой формѣ связаны запасъ силъ, или энергія, съ матеріей?

Леонардо да-Винчи говоритъ, каждое движущееся тѣло обладаетъ силой по направленію своего движенія, благодаря которой оно способно производить работу. По Лейбницу, впервые изучившему законы этой силы, мы называемъ способность къ работѣ, которую пріобрѣтаетъ матерія при видимомъ движеніи своихъ частицъ, *живой силой*. Одинъ изъ самыхъ выдающихся примѣровъ живой силы представляетъ намъ пуля ружья Маннлихера. Пуля этого новаго ружья вѣситъ не болѣе 15-ти граммовъ *). При такомъ вѣсѣ она едва могла бы проникнуть сквозь застывшее масло. Но если придать этой пулѣ ту скорость движенія, которая сообщается ей въ ружьѣ Маннлихера, то она пріобрѣтаетъ такую силу, что способна пробить сосновое бревно въ 80 сентиметровъ толщиной, разнести кучу песку въ 90 сентиметровъ толщиной или кирпичную стѣну, и еще послѣ того ранить находящагося подъ прикрытіемъ стѣны человѣка.

Теперь является вопросъ, отчего зависитъ величина этой живой силы? Отвѣтъ на это данъ уже Галилеемъ, и для васъ онъ также станетъ ясенъ, если вы представите себѣ, что одна и та же скорость сообщена ружейной пулѣ и пушечному ядру. Ясно, что, не смотря на одинаковую скорость, живыя силы ихъ будутъ разныя, а именно: живая сила пушечнаго ядра во столько же разъ больше, во сколько его *масса* превосходитъ массу ружейной пули.

Гораздо труднѣе опредѣлить зависимость живой силы отъ скорости движенія. Споръ по поводу этого, длившійся много лѣтъ среди физиковъ, былъ рѣшенъ въ пользу ученія Лейбница, утверждавшаго, что живая сила возрастаетъ пропорціонально квадрату скорости.

Матерія можетъ содержать энергію еще въ другой формѣ. Представимъ себѣ пулю, пущенную изъ комнатнаго пистолета вертикально вверхъ. Она будетъ двигаться вверхъ съ постепенно уменьшающейся быстротой, такъ какъ скорости ея движенія противодѣйствуетъ другая сила---притяженіе земли. Достигнувъ извѣстной высоты, скажемъ, напримѣръ, высоты собора св. Стефана,

*) 15 грам. равняется, приблизительно, $3^3/_5$ золотника.

пуля теряетъ всю свою скорость, и ее можно безопасно подхватить на этой высотѣ прямо рукой, потому что, съ потерей скорости, она потеряла и свою разрушительную силу. Повидимому, пуля, долетѣвшая до высоты колокольни св. Стефана, ничѣмъ не отличается отъ той, что находится внизу. А между тѣмъ, человѣку, стоящему на землѣ по направленію ея полета, будетъ нѣсколько жутко, потому что пуля, въ случаѣ паденія, пріобрѣтаетъ ту же скорость, которую она имѣла при вылетѣ изъ дула, а вмѣстѣ съ нею и прежнюю разрушительную силу.

Такимъ образомъ, пуля, находясь на извѣстной высотѣ отъ земли, содержитъ въ себѣ способность къ работѣ, которая въ любой моментъ можетъ быть превращена въ живую силу. Эту-то способность къ работѣ, пріобрѣтаемую матеріей вслѣдствіе ея положенія, мы называемъ *энергіей положенія*.

Но матерія можетъ быть носительницей силы еще въ третьей формѣ. Представьте себѣ, что пуля дѣйствительно упала съ высоты колокольни св. Стефана, и чѣмъ ниже она падаетъ, тѣмъ большую пріобрѣтаетъ скорость и, слѣдовательно, тѣмъ болѣе возрастаетъ ея живая сила, такъ что при паденіи на гранитную мостовую, пуля превращается въ сплющенную, неподвижную массу. Поверхностному наблюдателю покажется, что при этомъ исчезла и вся ея живая сила. Но дотроньтесь до этой сплющенной массы термометромъ и вы увидите, что она согрѣлась, приблизительно, градусовъ на 10 по Цельсію. Сообщите пулѣ бо́льшую скорость, выстрѣлите, напримѣръ, изъ ружья Маннлихера въ стальную дощечку, при ударѣ о которую пуля несомнѣнно сплющится,—и отъ уничтоженія видимой живой силы получится такое повышеніе температуры, при которомъ пуля расплавится, что соотвѣтствуетъ температурѣ въ 325° по Цельсію.

Ученіе о томъ, что каждый разъ, когда уничтожается живая сила въ видѣ движенія матеріи, то взамѣнъ ея, всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, появляется одна и та же сумма теплоты,—слѣдовательно, при потерѣ удвоенной живой силы развивается въ два раза больше теплоты и т. д., это положеніе было впервые установлено Робертомъ *Майеромъ* и доказано *Джойлемъ* посредствомъ опытовъ. Послѣ того Гельмгольцъ, а за нимъ и другіе изслѣдователи, вычисленіями и экспериментальными изслѣдованіями установили для всѣхъ разнообразныхъ случаевъ проявленія энергіи матеріи соотношеніе между исчезающей живой силой и возникающей теплотой. Этими изслѣдованіями было установлено второе фундаментальное положеніе, которое гласитъ: какъ бы разнообразны ни были тѣ измѣненія матеріи, благодаря которымъ могутъ измѣ-

няться внѣшнія проявленія энергіи, носительницей которой является матерія,—сумма энергіи всегда остается неизмѣнной, или иначе: сумма содержащеся въ матеріи силы также неизмѣнна, какъ количество самой матеріи. Это положеніе о *сохраненіи энергіи*. Эти оба положенія, которыя я старался изъяснить вамъ, составляютъ основу нашихъ знаній о матеріи.

А теперь я попрошу васъ оставить область опредѣленныхъ свѣдѣній о матеріи и терпѣливо послѣдовать за мной въ область гипотезъ. Прежде всего я коснусь той гипотезы, которая даетъ физику представленіе о томъ, въ какой формѣ матерія содержитъ въ себѣ теплоту. Физикъ полагаетъ, что теплота есть также живая сила, т.-е. есть ни что иное, какъ движеніе, но не видимое движеніе тѣла, какъ одного *цѣлаго*, а движеніе его малѣйшихъ частицъ—*молекулъ*. Характерно въ этомъ движеніи то, что молекулы движутся неправильно, безпорядочно, такъ что живая сила каждой отдѣльной молекулы стремится въ разныя стороны, вслѣдствіе чего тѣло, не смотря на интенсивность движенія молекулъ, ее составляющихъ, все-таки остается неподвижнымъ. Далѣе, физики полагаютъ, что чѣмъ выше температура тѣла, тѣмъ больше скорость, а слѣдовательно, и живая сила этого неправильнаго движенія. Что же касается до характера молекулярнаго движенія, то физикъ говоритъ, что движеніе это различно, смотря по тому, каково тѣло: твердое, жидкое или газообразное.

Въ твердомъ тѣлѣ, по представленію физиковъ, каждая молекула удерживается въ своемъ положеніи сосѣдней молекулой, такъ что онѣ могутъ производить лишь небольшія колебанія въ стороны, не особенно удаляясь отъ точки своего равновѣсія. Это движеніе сходно съ движеніемъ маятника.

Повысьте температуру тѣла, и эти движенія усилятся; молекулы все больше будутъ удаляться отъ точки равновѣсія, частицы тѣла раздвинутся, и мы скажемъ, что тѣло отъ теплоты расширилось. Наконецъ, дѣло можетъ дойти до того, что та живая сила, съ которою отдѣльныя молекулы стремятся выйти изъ положенія равновѣсія, будетъ равняться той, которая ихъ удерживаетъ вмѣстѣ. При такой температурѣ тѣло можетъ перейти въ жидкое или расплавленное состояніе. Повысьте еще его температуру, и живая сила молекулъ до того возростетъ, что они окончательно отдѣлятся другъ отъ друга и будутъ двигаться по прямолинейному направленію до тѣхъ поръ, пока не наткнутся на препятствіе, могущее измѣнить это направленіе. Тогда тѣло будетъ испаряться, а состояніе устремившихся въ разныя стороны молекулъ мы называемъ газообразнымъ.

Физикъ представляетъ себѣ газъ слѣдующимъ образомъ: вообразимъ себѣ пустое пространство, замкнутое со всѣхъ сторонъ. Представимъ себѣ далѣе, что въ срединѣ помѣщается множество молекулъ—цѣлые бильоны. Сцѣпленіемъ извѣстной силы эти молекулы удерживаются вмѣстѣ, но представимъ себѣ, что сила эта исчезла, и частички разлетаются въ разныя стороны (вслѣдствіе полной неправильности въ направленіи ихъ движеній). Онѣ ударяются о стѣнки сосуда, отскакиваютъ и носятся зигзагами. Совокупность этихъ частицъ бомбардируетъ стѣнки сосуда, стремясь разорвать ихъ. Толчки слишкомъ многочисленны и быстры, чтобы мы могли наблюдать ихъ въ *отдѣльности*. Мы только видимъ общій эффектъ такихъ толчковъ и этотъ эффектъ представится намъ въ видѣ давленія, которое производитъ газъ на стѣнки сосуда. Заключите въ это пространство двойное количество молекулъ, число толчковъ удвоится, другими словами: давленіе возрастаетъ вмѣстѣ съ плотностью газа (законъ Маріотта). Съ другой стороны, повысьте температуру газа и, согласно вышеизложеннымъ объясненіямъ о свойствахъ теплоты, вы увеличите живую силу отдѣльныхъ молекулъ и интензивность производимыхъ ими толчковъ, другими словами: съ повышеніемъ температуры, возрастаетъ давленіе газа на стѣнки сосуда. Такимъ образомъ, на основаніи этой гипотезы о молекулярномъ строеніи газа, мы можемъ, путемъ вычисленій, сдѣлать цѣлый рядъ заключеній. Если *всѣ* эти заключенія окажутся вполнѣ совпадающими съ результатами соотвѣтствующихъ опытовъ и данными дѣйствительности, то тѣмъ самымъ въ глазахъ физика значительно увеличивается достовѣрность гипотезы о строеніи газовъ и о способѣ содержанія въ нихъ теплоты.

Я прошу позволенія вернуться къ одному пункту моего предыдущаго изложенія, такъ какъ боюсь, что онъ можетъ служить поводомъ къ неправильному истолкованію. Я пытался на взятомъ мною примѣрѣ пули доказать принципъ сохраненія энергіи. Я взялъ три случая: первый, когда пуля, находясь на высотѣ башни св. Стефана, содержитъ въ себѣ извѣстный запасъ энергіи, второй, когда она, падая съ нея, содержитъ въ себѣ видимую живую силу, и, наконецъ, третій, когда она, расплющившись при паденіи, вмѣсто потери этой силы, пріобрѣтаетъ теплоту. Во всѣхъ этихъ трехъ состояніяхъ пуля заключаетъ въ себѣ одинаковое количество энергіи. Теперь у васъ, навѣрное, явится вопросъ: но если это правда, то почему же невозможно всю теплоту, которую пріобрѣла сплющенная пуля, снова превратить въ ту же живую силу, отъ которой она произошла? Почему невозможно принудить эту теплоту снова поднять на воздухъ сплюснутую пулю и превратить всю силу,

опустившую ее на землю, въ прежнее видимое правильное движеніе? И нельзя ли, а если нельзя, то почему именно, превратить всю энергію, содержащуюся въ видѣ теплоты, *цѣликомъ* въ видимую живую силу? Позвольте мнѣ сдѣлать одно маленькое сравненіе, чтобы лучше уяснить вамъ эту проблему. Представьте себѣ, что какому-нибудь милліонеру пришло въ голову раздѣлить свой милліонъ между ста тысячами индивидуумовъ, которыхъ онъ вовсе не зналъ и отъ которыхъ не получилъ даже росписокъ. Каждому одолжилъ онъ по десяти гульденовъ.

Ясно, что и послѣ такого раздѣла милліонъ все же не пересталъ существовать, но, находясь въ рукахъ одного владѣльца, расходуясь только въ одномъ опредѣленномъ направленіи, по волѣ одного человѣка, онъ несомнѣнно былъ осязательнѣе, чѣмъ, будучи раздѣленъ по маленькимъ суммамъ между ста тысячами; выражаясь по просту, милліонъ былъ въ послѣднемъ случаѣ прямо растраченъ. И вдругъ милліонеру вздумалось снова собрать свой милліонъ. Не зная лично каждаго должника, онъ опубликовалъ воззваніе, въ которомъ просилъ должниковъ вернуть ему милліонъ въ томъ же размѣрѣ, по десяти гульденовъ, какъ они его получили. Вы видите, что эта задача много труднѣе первой, которая разрѣшилась сама собой. Также точно и съ нашей пулей.

Пуля, падая съ башни св. Стефана, содержала въ своемъ видимомъ движеніи извѣстную живую силу, доступную нашему наблюденію, ибо всѣ молекулы двигались въ одномъ, опредѣленномъ направленіи. Пуля, неподвижно лежащая теперь у подножія башни, потерявшая, слѣдовательно, всю свою скорость движенія, но пріобрѣтшая взамѣнъ ея соотвѣтствующее количество тепла, имѣетъ точно ту же энергію или живую силу, какъ и прежде, и вся разница въ томъ, что теперь живая сила раздробилась по отдѣльнымъ молекуламъ. Наше требованіе, чтобы молекулы соединили свою энергію въ одномъ направленіи и пуля, какъ одно цѣлое, полетѣла снова вверхъ, сходно съ желаніемъ милліонера вернуть свой, розданный по маленькимъ суммамъ, милліонъ.

Правда, у насъ въ рукахъ есть средство превратить безпорядочное движеніе молекулъ, ихъ теплоту, въ правильное, т.-е. въ видимую живую силу. Такимъ средствомъ служитъ, напримѣръ, паровая машина. Послѣ того, какъ я разъяснилъ вамъ взглядъ физиковъ на свойства теплоты, вы легко можете представить, какимъ образомъ паровая машина обращаетъ теплоту въ рабочую силу. Вода въ паровомъ котлѣ нагрѣвается, отдѣльныя молекулы воды получаютъ такую громадную живую силу, что отдѣляются отъ своихъ сосѣдей и уносятся въ видѣ пара. Представьте себѣ,

что паръ этотъ выпускается въ другой котелъ, въ которомъ онъ подвергается дальнѣйшему нагрѣванію, или, по техническому выраженію, перегрѣвается; тогда скорость движенія, отдѣльныхъ молекулъ увеличивается еще больше. Такимъ образомъ, онѣ пріобрѣтаютъ огромную скорость, съ которой устремляются черезъ особый клапанъ въ паровой цилиндръ, ударяются о его стѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о поршень, который его запираетъ, и, производя на него давленіе, двигаютъ его вверхъ. Если же посредствомъ клапана пустить паръ сверху въ тотъ моментъ, когда поршень поднялся, то молекулы, производя давленіе въ обратномъ направленіи, опустятъ его внизъ.

Значитъ, можно достигнуть того, что неправильное, безпорядочное движеніе отдѣльныхъ молекулъ—теплота, превращается въ правильное и, вслѣдствіе этого, доступное нашему зрѣнію, т.-е. въ видимое движеніе поршня вверхъ и внизъ, которое при механическомъ соединеніи съ маховомъ колесомъ, а отъ него посредствомъ системы приводовъ, можетъ передаваться далѣе. Такимъ образомъ, мы имѣемъ средство обращать теплоту въ работу. Но чего мы никогда не достигнемъ въ нашихъ машинахъ, это того, чтобы молекулы отдавали всю свою силу исключительно поршню парового цилиндра и не растрачивали бы часть ея, ударяясь въ своемъ безпорядочномъ движеніи объ его стѣнки. Наши усилія превратить теплоту, т.-е. безпорядочную живую силу *цѣликомъ* въ правильную энергію, разбиваются о несовершенство нашихъ машинъ, которыя не могутъ направлять отдѣльныя молекулы и заставлять ихъ превратить всю свою живую силу въ правильное движеніе. Кромѣ того, во всѣхъ нашихъ машинахъ, безъ исключенія, часть ихъ видимаго правильнаго движенія обращается въ неправильное, т.-е. въ теплоту, вслѣдствіе неизбѣжнаго взаимнаго тренія отдѣльныхъ составныхъ частей. Такъ какъ мы не въ состояніи обратить эту теплоту снова въ живую, то и не можемъ создать Perpetuum mobile *).

Я желалъ бы еще обратить ваше вниманіе на одинъ пунктъ, на который напирали знаменитые изслѣдователи Томсонъ и Максуэль, что міръ одушевленный, снабженный органами съ безконечно тонкимъ строеніемъ, скорѣе имѣетъ возможность воздѣйствовать на каждую молекулу въ отдѣльности и обращать ихъ безпорядочную живую силу въ правильную энергію, чѣмъ это могутъ сдѣлать наши грубыя машины. Я указываю на это въ особенности для того, чтобы оттѣнить, насколько рисковано все то, что возможно или невозможно для неорганическаго, неодушевленнаго міра,

*) Непрерывное движеніе.

переносить цѣликомъ въ міръ органическій, одушевленный, какъ это часто бываетъ съ крайними матеріалистами.

Въ послѣднихъ словахъ моей лекціи я дошелъ до предѣловъ физики, но я не могу отказать себѣ въ удовольствіи прочитать вамъ стихотвореніе римскаго поэта Лукреція—«О свойствѣ предметовъ»,—написанное имъ въ 60-мъ году до Р. Хр. въ его произведеніи «De natura rerum», гдѣ онъ въ поэтическихъ выраженіяхъ высказываетъ свой взглядъ на матерію. Онъ говоритъ:

«Частицы первобытной матеріи не находятъ покоя и отдыха въ пространствѣ вселенной, но неутомимо двигаются кругомъ. Такимъ образомъ происходитъ, что, встрѣчаясь, онѣ или далеко отлетаютъ другъ отъ друга, вслѣдствіе толчка, или, сплотившись, выдерживаютъ толчки. Первобытная матерія никогда ни умножается, ни уменьшается отъ разрушенія. Поэтому, движеніе, которое господствуетъ теперь въ первобытныхъ элементахъ, существовало съ незапамятныхъ временъ и всегда будетъ существовать, потому что нѣтъ мѣста въ мірѣ, куда частицы первобытной матеріи могли скрыться, нѣтъ мѣста, откуда явились бы новыя силы, могущія измѣнить природу и движеніе предметовъ».

Эти слова поэта звучатъ какъ переложенное въ стихи содержаніе сегодняшней лекціи, но если вы примете во вниманіе, что прошло двѣ тысячи лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Лукрецій написалъ ихъ, а едва пятьдесятъ лѣтъ назадъ тотъ же взглядъ, но подтвержденный опытами, высказали Майеръ и Гельмгольцъ,—вы увидите, что великія открытія въ области естествознанія не могутъ всегда слѣдовать за простымъ высказываніемъ какой-нибудь идеи. Каждая идея остается для физика воздушнымъ замкомъ, пока она не доказана опытами и, главнымъ образомъ, пока опыты, посредствомъ цифровыхъ данныхъ, каждую гипотезу не обратятъ въ теорію.

НАУЛАКА.

Романъ Рюдіарда Киплинга и Уолькотта Балестріера.

I.

Николай Тарвинъ сидѣлъ на освѣщенномъ луною мосту, перекинутомъ черезъ ручей, неподалеку отъ Топаза, и болталъ ногами надъ водой. Рядомъ съ нимъ сидѣла маленькая, смуглая женщина съ печальными глазами и спокойно смотрѣла на луну. Она была смуглой отъ загара, какъ это обыкновенно бываетъ съ дѣвушками, не боящимися ни солнца, ни дождя, ни вѣтра, а въ глазахъ ея было грустное выраженіе, свойственное людямъ, живущимъ среди высокихъ горъ и безбрежныхъ равнинъ и знакомымъ съ жизнью и съ горемъ. У женщинъ Американскаго Запада часто бываютъ такіе глаза, и онѣ заслоняютъ ихъ рукой отъ заходящаго солнца, стоя по вечерамъ у дверей своихъ хижинъ и поджидая возвращенія домой мужей. Тяжелая жизнь всегда тяжелѣе ложится на женщину, чѣмъ на мужчину.

Кэтъ Шериффъ всю жизнь прожила среди пустынь Западной Америки. Она росла въ то время, когда желѣзныя дороги только еще начали прокладываться въ окружающей ея глуши. Пока она не поступила въ школу, ей ни разу не пришлось жить въ такомъ мѣстѣ, откуда желѣзная дорога шла бы въ обѣ стороны. Отецъ ея служилъ гражданскимъ инженеромъ, и Кэтъ вмѣстѣ съ родителями часто случалось жить въ какой-нибудь мѣстности до тѣхъ поръ, пока проведеніе желѣзнодорожной линіи не было окончено и надъ краемъ зажигались первые лучи цивилизаціи съ ея электрическими фонарями; но затѣмъ отца ея снова переводили на какой-нибудь новый пунктъ, гдѣ не было и простыхъ фонарей, гдѣ зачастую не было никакого даже жилья, кромѣ дома, въ которомъ они жили, и мать ея должна была иногда брать въ нахлѣбники людей, работавшихъ подъ началомъ ея мужа. Но не эти одни условія вліяли на молодую двадцати-трехлѣтнюю дѣвушка, которая

сидѣла теперь рядомъ съ Тарвинымъ и только-что заявила ему, что хотя онъ ей и нравится, но у нея есть другія обязанности, призывающія ее.

Обязанности, о которыхъ она упоминала, заключались въ ея стремленіи провести жизнь на востокѣ, стараясь улучшить положеніе женщинъ въ Индіи. Зародилось оно въ ней два года тому назадъ, когда она кончала курсъ въ Сентъ-Луи.

Это было въ одинъ апрѣльскій солнечный, теплый день. Хотя позеленѣвшія деревья, налитыя почки и яркій солнечный свѣтъ и манили ее изъ залы, гдѣ назначено было чтеніе одной индійской женщины объ Индіи, но въ концѣ концовъ она обязана была, какъ учащаяся, присутствовать на чтеніи Пундиты Рамабаи о печальномъ положеніи ея сестеръ на родинѣ. Это была раздирающая душу исторія, и дѣвушки, дѣлая послѣ чтенія сборъ, трогательно просили за несчастныхъ, пораженныя всѣмъ слышаннымъ; а потомъ долго ходили по корридорамъ и шептались.

Кэтъ вышла изъ залы съ задумчивымъ рѣшительнымъ взоромъ, съ разгорѣвшимися щеками и съ видомъ человѣка, на котораго точно сошелъ духъ святой. Она быстро прошла въ садъ, чтобы остаться одной, и ходила по дорожкамъ между цвѣтами, увлеченная, воодушевленная, довольная, счастливая. Она нашла то, чего жаждала. Ей хотѣлось плакать. Жилы въ вискахъ бились, кровь горячей струей разливалась по жиламъ, она безпрестанно останавливалась, чтобы перевести духъ.

Эта минута вдохновила всю ея жизнь; и она посвятила ее на служеніе тому дѣлу, о которомъ только-что узнала, посвятила ему всѣ свои силы, умъ и сердце.

И теперь, когда, послѣ двухлѣтней подготовки къ своему призванію, она вернулась въ Топазъ знающей и хорошей фельдшерицей, готовой ѣхать трудиться въ Индію, Тарвинъ желалъ удержать ее въ Топазѣ и просилъ ее выйти за него замужъ.

— Назовите это какъ хотите,—говорилъ ей Тарвинъ въ то время, какъ она смотрѣла на луну,—можете назвать это долгомъ, женской сферой дѣятельности, или какъ назвалъ сегодня въ церкви миссіонеръ: «просвѣщеніемъ людей, пребывающихъ во мракѣ». Я не сомнѣваюсь, что вы съумѣете придумать еще множество возвышенныхъ наименованій. Но, по моему мнѣнію, это просто бредни.

— Не говорите этого Никъ, это мое призваніе.

— Призваніе ваше должно заставить васъ остаться дома, и если вы не знаете этого, то мнѣ предназначено указать вамъ его,— сердито сказалъ Тарвинъ. Онъ бросилъ камешекъ въ ручей и, нахмуривъ брови, смотрѣлъ на воду.

— Милый Никъ, какъ можете вы уговаривать меня остаться дома послѣ того, что мы слышали сегодня вечеромъ?

— И нужно же кому-то уговаривать дѣвушекъ поддерживать эту мертвую цивилизацію! Вы находите, что можете принести пользу, только бросивъ домъ? Это вы называете путемъ къ славѣ?

— Бросить!—проговорила Кэтъ, повернувшись къ нему.

— А какже иначе назовете вы это? Ахъ, дорогая Кэтъ, перенеситесь въ прежніе дни, вспомните, какой вы были тогда, и чѣмъ мы были другъ для друга, и подумайте, не можете ли вы перемѣнить ваши воззрѣнія? У васъ есть отецъ и мать, такъ вѣдь? Не можете же вы сказать, что бросить ихъ—хорошо? Кромѣ того, существуетъ человѣкъ, который теперь сидитъ подлѣ васъ и любитъ васъ болѣе всего на свѣтѣ—любитъ васъ, васъ дорогую, до безумія. Вѣдь и вы любили его немного, не такъ ли?

Говоря это, онъ обнялъ ее, и она не отняла его руки.

— Неужели это не имѣетъ никакого для васъ значенія? Неужели вы не видите въ этомъ вашего призванія, Кэтъ?

Онъ заставилъ ее обернуться къ нему, и вопросительно посмотрѣлъ ей въ глаза, которые при свѣтѣ луны казались глубже и темнѣе, чѣмъ обыкновенно.

— Вы думаете, что имѣете права на меня?—спросила она, немного погодя.

— Я готовъ думать, что угодно, только бы удержать васъ. Нѣтъ—правъ у меня нѣтъ никакихъ, или, лучше сказать, у меня нѣтъ такихъ правъ, которыхъ вы не могли бы нарушить. Но всякій человѣкъ въ данномъ случаѣ имѣетъ права удержать васъ отъ этого безумія. Самое положеніе дѣлъ этого требуетъ. Вотъ что я хочу сказать.

— Вы не довольно серьезно смотрите на вещи, Никъ, — сказала она, отстраняя его руку.

Тарвинъ не понялъ, зачѣмъ она это сказала, но весело проговорилъ:

— Нѣтъ, вы ошибаетесь. Но, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ все обратить въ шутку.

— Вотъ видите... я говорю, что вы шутите.

— Я не шучу только съ однимъ,—прошепталъ онъ.

— Будто?—Она отвернулась онъ него.

— Съ тѣмъ, что я не могу жить безъ васъ,—сказалъ онъ и, наклонившись къ ней, прибавилъ:—да и не буду.

Кэтъ сжала губы. Она была женщина съ характеромъ. Такъ сидѣли они на мосту и убѣждали другъ друга, пока не услыхали, какъ часы въ одной изъ хижинъ по ту сторону ручья пробили

одиннадцать. Ручей бѣжалъ съ горъ, возвышавшихся передъ ними, за полмили отъ города. Тарвинъ болѣзненно почувствовалъ окружающую тишину и одиночество, когда Кэтъ встала и рѣшительно сказала, что отправляется домой. Онъ понималъ, что она твердо рѣшилась ѣхать въ Индію, и его воля на этотъ разъ безпомощно разбивалась объ ея рѣшеніе. Онъ спрашивалъ себя: развѣ не этой самой волей онъ добывалъ себѣ средства къ существованію, выдвинулся въ двадцать восемь лѣтъ изъ среды обитателей Топаза. и надѣялся достигнуть еще гораздо бо̀льшаго?.. Онъ съ досадою вскочилъ, а Кэтъ повернулась и пошла по дорогѣ домой.

— Подождите же!—крикнулъ онъ.

Она ничего не отвѣчала и не останавливалась.

— Не удастся вамъ загубить свою жизнь съ вашей индійской миссіей,—продолжалъ онъ.—Я не допущу этого, отецъ вашъ не пуститъ васъ. Мать ваша будетъ убиваться и плакать, а я все время буду стоять на ея сторонѣ. Мы съумѣемъ съ пользою употребить вашу жизнь, если вы сами не знаете, что съ нею дѣлать. Вы не знаете своихъ силъ. Страна та пригодна только для крысъ, это скверная страна—да, да, скверная большаа страна—какъ въ нравственномъ, такъ и въ физическомъ, и въ земледѣльческомъ отношеніи скверная страна. Тамъ не мѣсто бѣлымъ людямъ, а тѣмъ менѣе бѣлымъ женщинамъ; тамъ нѣтъ хорошаго климата, нѣтъ правительства, нѣтъ ирригаціи, но зато есть холера, зной и вѣчныя войны, такъ что жить невозможно. Все это вы можете прочесть въ воскресныхъ газетахъ. Вамъ надо остаться дома!

Она остановилась на минуту и при свѣтѣ мѣсяца посмотрѣла ему въ лицо. Онъ взялъ ее за руку и, несмотря на всю силу своей воли, съ замираніемъ сердца ждалъ ея отвѣта.

— Вы хорошій человѣкъ, Никъ, — сказала она, опустивъ глаза,—но 31-го я сяду на пароходъ въ Калькутту.

II.

Чтобы выѣхать 31-го изъ Нью-Іорка, ей надо было оптравиться изъ Топаза, по крайней мѣрѣ, 27-го. Теперь же было 15-е. Тарвинъ не терялъ времени. Онъ каждый вечеръ приходилъ къ ней, и у нихъ начинались безконечныя препирательства.

Кэтъ охотно слушала его убѣжденія, но складки у рта ея говорили, что рѣшимость ея непоколебима, она только сожалѣла о необходимости огорчать его.

— Это мое призваніе!—восклицала она. — И уклониться отъ него я не могу. Не могу не слѣдовать ему, не могу не ѣхать.

И когда она съ тоской разсказывала ему, какъ ясно доносятся до ея сердца стоны несчастныхъ индійскихъ женщинъ, какъ муки и ужасы ихъ жизни не даютъ ей покою ни днемъ, ни ночью, то Тарвинъ не могъ не чувствовать уваженія къ причинѣ, заставлявшей ее покинуть его. Онъ умолялъ ее не внимать призывавшимъ ее голосамъ, но самъ въ глубинѣ души сочувствовалъ ея жаждѣ облегчать чужія страданія. Онъ могъ только горячо убѣждать ее, что существуютъ и другія бѣдствія, и другіе народы, которымъ тоже можно помогать. Онъ тоже былъ несчастенъ, потому что она была нужна для его счастья, и если бы она захотѣла только, то и онъ сдѣлался бы необходимъ для ея счастья. Они были нужны другъ другу и серьезнѣе этого ничего быть не могло. Индійскія женщины могутъ подождать, они вмѣстѣ поѣхали бы къ нимъ потомъ, когда въ Топазѣ водворится общество «Три К°», и онъ составитъ себѣ состояніе. А теперь передъ ними было счастье, передъ ними была любовь!

Онъ былъ уменъ, былъ страшно влюбленъ, зналъ, чего хотѣлъ, и умѣлъ убѣдительно говорить. Кэтъ набиралась силъ въ его отсутствіи. Ей нечего было отвѣчать ему. Такимъ даромъ слова, какъ Тарвинъ, она не отличалась. У нея была глубокая, спокойная и молчаливая натура, которая умѣла только сильно чувствовать и дѣйствовать.

Въ ней было много смѣлости и молчаливой выдержанности, иначе она давно бы отказалась отъ мечты, родившейся въ ней два года тому назадъ. Первая преграда явилась ей въ лицѣ родителей. Они рѣшительно не позволили ей изучать медицину. Ей хотѣлось быть и врачомъ, и сестрой милосердія, въ надеждѣ, что въ Индіи она найдетъ случай примѣнить эти обѣ спеціальности; но разъ одна изъ нихъ была для нея закрыта, то она поступила въ Нью-іоркскую школу фельдшерицъ, и родители допустили это потому только, что имъ вообще было очень трудно отказывать ей въ чемъ бы то ни было.

Когда она высказала свои идеи матери, та пожалѣла, что они дали ей образованіе. Мать пожалѣла даже, что отецъ дѣвушки нашелъ, наконецъ, занятія не по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожная линія шла теперь въ двѣ стороны отъ Топаза; и Кэтъ, вернувшись изъ школы, нашла, что дорога проведена уже за сто миль къ западу, а родныхъ своихъ застала на прежнемъ мѣстѣ. Имъ больше не пришлось передвигаться—отецъ ея пріобрѣлъ цѣлые акры городской земли, и былъ слишкомъ богатъ, чтобы трудиться. Онъ бросилъ свою службу и ударился въ политику.

Шерифъ очень любилъ свою дочь и относился къ ней съ той

снисходительностью, какая часто выпадаетъ на долю единственнаго ребенка. Онъ говорилъ обыкновенно, что все, «что бы она ни сдѣлала—хорошо», и всегда всѣмъ былъ доволенъ. Онъ желалъ, чтобы накопленныя имъ богатства принесли ей пользу, и у Кэтъ не хватало духа сказать ему, какъ она намѣревалась употребить ихъ. Матери своей она сообщила весь свой планъ, а отцу сказала только, что желаетъ быть фельдшерицей. Мать горевала втихомолку, съ грустною безнадежностью женщины, которую жизнь научила ждать всегда худшаго. Кэтъ было очень тяжело огорчать ее и сердце ея разрывалось отъ сознанія, что она не можетъ сдѣлать того, чего и мать, и отецъ ожидали отъ нея. Ожидали же они отъ нея очень немногаго—они хотѣли только, чтобы она вернулась домой и зажила такъ, какъ всѣ барышни. Она понимала, что, съ своей точки зрѣія, они вполнѣ правы, но въ тоже время была убѣждена въ томъ, что ей предназначена совсѣмъ иная судьба.

Это была ея первая непріятность. Контрастъ между святыми минутами въ саду и суровой прозой, когда дѣло дошло до осуществленія ихъ, становился, съ теченіемъ времени, все сильнѣе и сильнѣе. Временами ей бывало очень тяжело; но она шла впередъ, не всегда твердо, не всегда храбро, но неизмѣнно въ одномъ и томъ же направленіи. Жизнь въ фельдшерской школѣ сильно разочаровала ее. Она, конечно, не думала, что путь ея будетъ усѣянъ цвѣтами, но въ концѣ перваго же мѣсяца готова была горько смѣяться надъ разницей между ея мечтами о самопожертвованіи и дѣйствительностью, которая и вниманія не обращала на ея мечты. Она надѣялась облегчать страданія и изцѣлять недуги съ перваго же дня своего поступленія въ школу. А на дѣлѣ ей пришлось мыть только молочныя бутылки для дѣтей.

Стала она присматриваться къ другимъ дѣвушкамъ, чтобы увидать, какъ онѣ сохраняютъ свои идеалы среди работы, имѣющей такъ мало общаго съ ихъ будущей дѣятельностью, и увидала, что что никакихъ идеаловъ у нихъ и нѣтъ. Когда же, съ теченіемъ времени, ее допустили до ухода за дѣтьми и затѣмъ до настоящихъ занятій, она увидала, какъ ея задача отдаляла ее отъ всѣхъ. Другія учились тутъ для профессіи. Онѣ смотрѣли на это, какъ на ремесло, и учились ему, какъ учились бы шить. Онѣ учились, чтобы зарабатывать по двадцати долларовъ въ недѣлю. Разсказъ одной арканзасской дѣвушки, какъ она кокетничала съ молодыми врачами въ клиникѣ, окончательно разочаровалъ ее.

Кромѣ обязательной работы въ школѣ, она брала уроки индустанскаго языка, и постоянно съ благодарностью вспоминала о

своемъ домашнемъ воспитаніи, доставившемъ ей здоровье и укрѣпившемъ ея силы.

Черная работа при самомъ ухаживаніи за больными не отталкивала ее. Она не находила въ этомъ ничего противнаго, и когда къ концу перваго года ее назначили въ женскій госпиталь помощницей фельдшерицы, то она какъ бы выросла въ своихъ собственныхъ глазахъ и была счастлива, что могла оказывать помощь.

Съ этого времени она начала работать много и успѣшно. Прежде всего она хотѣла пріобрѣсти какъ можно больше знаній. Предварительная работа была трудная, но она находила утѣшеніе въ томъ, что всѣ больныя любили ее и жили ею. Успѣхъ увлекалъ ее. Она всей душой отдалась дѣлу, и въ громадной, длинной палатѣ, гдѣ поддерживала столько страдалицъ въ послѣднія минуты жизни, гдѣ она жила со смертью и постоянно имѣла съ нею дѣло, успакаивая невыразимыя страданія и слыша только стоны—она убѣдилась, что дѣйствительно создана для этого дѣла.

Теперь же каждый вечеръ въ половинѣ девятаго шляпа Тарвина висѣла на крючкѣ въ прихожей ея дома.

Ничто не могло заставить его бросить попытку убѣдить ее въ томъ, въ чемъ онъ самъ былъ убѣжденъ; но онъ дѣлалъ это очень добродушно, и ей это даже нравилось. Ей многое въ немъ нравилось, и часто, когда они сидѣли такъ другъ противъ друга, она начинала мечтать, какъ мечтала много лѣтъ тому назадъ, о возможности провести съ нимъ всю жизнь. Но такія мечты она сурово отгоняла отъ себя. Теперь ей нужно было думать о другомъ; и все-таки она не могла заставить себя относиться къ Тарвину такъ же безразлично, какъ къ прочимъ мужчинамъ.

Тѣмъ не менѣе, она уѣзжала—уѣзжала, не смотря на все, что онъ говорилъ, не смотря на всю его любовь.

Когда она ему говорила, чтобы онъ не терялъ времени и не думалъ о ней, онъ просилъ ее не заботиться о немъ: она ему дороже дѣлъ и политики, и онъ самъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Я знаю,—отвѣчала Кэтъ.—Но вы забываете, въ какое неловкое положеніе вы меня ставите. Я вовсе не хочу, чтобы ваша партія послѣ выборовъ сказала, что вы невнимательно относились къ своимъ обязанностямъ, и что вслѣдствіе этого отецъ мой добился большинства голосовъ; еще скажутъ, пожалуй, что я это сдѣлала нарочно...

— Конечно,—прямо призналась она:—я бы очень хотѣла, чтобы отецъ попалъ въ законодательный корпусъ штата, и не хочу, чтобы вы избирались, потому что, если будете избраны вы, онъ не будетъ; но мѣшать вамъ я вовсе не хочу.

— Не заботьтесь, пожалуйста, объ избраніи вашего отца!—вскричалъ Тарвинъ. — Если только это мѣшаетъ вамъ спать, вы можете спать до тѣхъ поръ, пока въ городъ къ намъ не явится Общество «Три К°». На этотъ разъ я самъ ѣду въ Денверъ, и поѣдемте лучше вмѣстѣ со мной. Ѣдемте! Хотите быть женою предсѣдателя палаты и жить въ Капитоль-Гилѣ?

Онъ на столько нравился ей, что она почти вѣрила его постоянному заявленію, что для него пожелать какую-нибудь вещь—значитъ добиться ея.

— Никъ!—насмѣшливо, но не вполнѣ недовѣрчиво сказала она:—вамъ не быть предсѣдателемъ!

— Я добился бы даже губернаторства, если бы думалъ, что этимъ привлеку васъ. Произнесите хоть слово надежды, и вы увидите, на что я способенъ!

— Нѣтъ! нѣтъ!—качая головою, сказала она.—Мои губернаторы только раджи, и живутъ далеко отсюда.

— Позвольте, Индія не менѣе половины Соединенныхъ Штатовъ. Въ какую же область вы ѣдете?

— Какъ?..

— Въ какое попечительство, городъ, область, округъ? Куда вамъ слѣдуетъ адресовать письма?

— Въ Раторъ, въ провинціи Гокраль Ситарумъ, Раджпутана, Индія.

— Вотъ какъ!—съ отчаяніемъ повторилъ онъ. Адресъ былъ точенъ, и онъ вполнѣ повѣрилъ, что она дѣйствительно ѣдетъ, что она исчезаетъ изъ его жизни и удаляется въ другой конецъ свѣта, о которомъ упоминается въ арабскихъ сказкахъ, и который населенъ какими-то сказочными лицами.—Полноте, Кэтъ! Не отважитесь же вы отправиться жить въ такую языческую, волшебную страну? Что же будетъ съ Топазомъ, Кэтъ? Что же будетъ съ вашимъ домомъ? Вы не можете сдѣлать этого, Кэтъ. Пусть онѣ лѣчатся тамъ, какъ знаютъ. Оставьте ихъ! Или предоставьте ихъ мнѣ! Я поѣду туда самъ, обращу кое-какіе изъ ихъ языческихъ бриллiантовъ въ деньги, и отправлю туда цѣлую корпорацію фельдшерицъ, организованную по плану, составленному вами. Затѣмъ мы обвѣнчаемся, и я свезу васъ туда посмотрѣть на то, что я тамъ устрою. Я сдѣлаю все на славу. Недумайте, что они такъ бѣдны. Если только миссіонеръ вамъ не вралъ, то у нихъ есть такія ожерелья, которыя могли бы покрыть весь національный долгъ. Бриллiанты въ куриное яйцо, громадныя жемчужины, сафиры чуть ли не въ кулакъ, и изумрудовъ столько, что пересчитать нельзя... и все это навѣшано на шею идола, или спрятано въ храмѣ, а они

призываютъ скромныхъ бѣлыхъ дѣвушекъ пріѣхать къ нимъ и ухаживать за ними! Это я называю просто мошенничествомъ.

— Точно деньги могутъ помочь имъ! Дѣло не въ этомъ. Въ деньгахъ нѣтъ ни милосердія, ни доброты, ни сострадания, Никъ; настоящая помощь заключается въ самопожертвованіи.

— Ну, прекрасно! Въ такомъ случаѣ, принесите и меня въ жертву. И я поѣду съ вами!—сказалъ онъ, впадая въ свой обычный веселый тонъ.

Она засмѣялась, но вдругъ остановилась.

— Вы не должны ѣхать въ Индію, Никъ! Пожалуйста, не вздумайте ѣхать, не вздумайте слѣдовать за мною! Вы не должны!

— Если я получу мѣсто раджи, я не откажусь. Это мѣсто довольно выгодное.

— Американца въ раджи не возьмутъ, Никъ.

Странно, что мужчины, считающіе жизнь свою шуткой, ищутъ успокоенія у женщинъ, которыя считаютъ ее серьезной, какъ молитва.

— Но американцу, можетъ быть, позволятъ захватить раджу въ плѣнъ,—не задумываясь продолжалъ Тарвинъ,—и добыча эта была бы хорошая. Впрочемъ, положеніе раджи, вообще, считается небезопаснымъ.

— Почему вы думаете?

— Общества страхованія отъ несчастныхъ случаевъ берутъ съ нихъ двойную премію. Ни одно изъ моихъ обществъ не рискнуло бы застраховать ихъ жизнь,—задумчиво продолжалъ онъ.

— Все-таки, вы не должны пріѣзжать,—рѣшительно сказала она.—Вы не должны быть тамъ, помните это.

Тарвинъ вдругъ вскочилъ.

— Спокойной ночи! Спокойной ночи!—вскричалъ онъ.

Онъ поспѣшно поклонился и нетерпѣливо простился съ ней. Она пошла въ прихожую проводить его, онъ мрачно снялъ съ крюка свою шляпу и поспѣшно удалился.

Никто не можетъ преслѣдовать политическія цѣли и въ то же время заниматься любовью. Можетъ быть, увѣренность въ этой истинѣ и заставила Шерифа благосклонно относиться къ ухаживаніямъ Тарвина за его дочерью. Тарвинъ всегда интересовался молодой дѣвушкой, но никогда такъ открыто не ухаживалъ за нею, какъ въ послѣднее время. Шерифъ разъѣзжалъ по округу, и рѣдко бывалъ дома, но, возвращаясь въ Топазъ, съ удовольствіемъ улыбался, видя, чѣмъ занятъ его соперникъ. Предвкушая легкую побѣду надъ нимъ на большомъ избирательномъ митингѣ въ Канонъ-Сити, онъ, можетъ быть, слишкомъ понадѣялся на увле-

ченіе молодого человѣка. А Тарвинъ привыкшій къ успѣху и сознавая, что запустилъ, послѣднее время, дѣла своей партіи, встрепенулся отъ предсказаній и предостереженій Кэтъ — они подѣйствовали на него, какъ перецъ на открытую рану.

Митингъ въ Канонъ-Сити былъ назначенъ вечеромъ слѣдующаго дня, когда происходилъ вышеупомянутый разговоръ, и Тарвинъ вышелъ въ тотъ вечеръ на платформу, заваленную ящиками съ товарами, съ юношескимъ страстнымъ желаніемъ дать понять, что онъ явился, не смотря на то, что влюбленъ.

Шерифу предоставлено было говорить первому. Тарвинъ сидѣлъ сзади, безпокойно покачивая ногой, закинутой на колѣно. Толпа слушателей смотрѣла на нервнаго, сухого, мѣшковатаго человѣка съ добрыми, умными глазами и выдающимся впередъ подбородкомъ. Носъ у него былъ большой, а лобъ въ морщинахъ и съ рѣдкими волосами на вискахъ, что весьма обыкновенно даже среди молодыхъ людей на западѣ. Онъ окинулъ быстрымъ, проницательнымъ взоромъ толпу, къ которой потомъ намѣревался обратиться съ рѣчью, и по глазамъ его можно было заключить, что этотъ человѣкъ способенъ добиться своего при какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствахъ, и умѣетъ повелѣвать людьми.

Слушая Шерифа, онъ удивлялся, какимъ образомъ у него хватало духу излагать разные невѣрные взгляды на серебро и тарифы собравшейся передъ нимъ толпѣ, въ то время, какъ дочь его замышляла дома такое возмутительное дѣло?.. Въ его головѣ все было такъ тѣсно связано съ Кэтъ, что, когда онъ всталъ, наконецъ, чтобы отвѣчать Шерифу, то едва удержался, чтобы не спросить, какъ могъ, чортъ возьми, человѣкъ предполагать, чтобы интеллигентная толпа согласилась съ его политико-экономическими взглядами, которые онъ намѣревался примѣнить къ управленію государствомъ, если онъ не могъ даже справиться съ своей собственной семьей? Зачѣмъ позволяетъ онъ своей дочери портить такимъ образомъ свою жизнь? Для чего же существуютъ отцы? Но замѣчанія эти онъ оставилъ про себя...

Тарвинъ обладалъ даромъ оратора, умѣющаго завоевывать сердца своихъ слушателей; онъ обвинялъ, упрекалъ, просилъ, настаивалъ, требовалъ; онъ поднималъ свои худыя, длинныя руки, призывалъ въ свидѣтели боговъ, и статистику, и республиканскую партію, и, въ случаѣ надобности, оживлялъ свою рѣчь анекдотами. «Это напоминаетъ мнѣ человѣка», кричалъ онъ, какъ кричатъ обыкновенно ораторы, «котораго мнѣ привелось встрѣтить, въ Висконсинѣ, который....» Человѣкъ въ Висконсинѣ служилъ доказательствомъ, хотя Тарвинъ никогда не бывалъ въ Висконсинѣ, и ни-

когда такого человѣка не зналъ; но исторія была отличная, и когда толпа застонала отъ восторга, то Шерифъ съежился и постарался улыбнуться, чего именно и желалъ Тарвинъ.

Въ толпѣ слышались однако и неодобрительные возгласы, но глухой одобрительный шепотъ дѣйствовалъ возбуждающимъ образомъ на Тарвина, хотя, въ сущности, онъ не нуждался въ возбужденіи, такъ какъ подъ вліяніемъ страстнаго желанія своего сердца, и криковъ и свистковъ, пришелъ въ восторженное состояніе, удивившее его самого, и почувствовалъ, что вполнѣ овладѣлъ всей толпой. Это были хорошія минуты. По окончаніи его рѣчи, всѣ поднялись съ мѣстъ и заявили свое одобреніе громкими восторженными криками, потрясавшими все зданіе. Шапки летѣли вверхъ, народъ толкалъ другъ друга, выражая желаніе вынести Тарвина на рукахъ.

Тарвинъ, задыхаясь, пробирался сквозь толпу. Добравшись до уборной, позади эстрады, онъ заперъ дверь на задвижку и, растянувшись въ креслѣ, вытеръ себѣ лобъ.

— И человѣкъ, который въ состояніи побѣждать цѣлую толпу,— прошепталъ онъ:—не можетъ добиться, чтобы маленькая, худенькая дѣвушка вышла за него замужъ!

III.

На слѣдующее утро въ Канонъ-Сити всѣ открыто говорили, что Тарвинъ стеръ съ лица земли своего противника, и всѣ положительно утверждали, что когда, послѣ рѣчи Тарвина, Шерифъ всталъ, чтобы снова говорить, какъ было заявлено въ программѣ, то публика заставила его криками сѣсть на мѣсто. Но на станціи желѣзной дороги, когда оба отправлялись въ Топазъ, старикъ кивнулъ ему головой, улыбнулся, и положительно не выказывалъ нежеланія ѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Повидимому, онъ не очень огорчился своимъ пораженіемъ. Тарвинъ объяснялъ это тѣмъ, что Шерифу было чѣмъ утѣшиться. Вслѣдъ за этимъ разсужденіемъ, у него явилась мысль, что самъ онъ сыгралъ дурака. Онъ, конечно, имѣлъ удовольствіе публично одержать верхъ надъ соперникомъ-кандидатомъ, несомнѣнно хорошимъ человѣкомъ, и доказалъ своимъ противникамъ, что онъ все-таки представляетъ силу, съ которой нельзя не считаться, несмотря на глупые толки прокакого-то миссіонера, завладѣвшаго головою извѣстной молодой дѣвушки. Но развѣ это сближало его съ Кэтъ? Онъ былъ увѣренъ теперь, что его выберутъ, но на какую должность? Онъ говорилъ ей даже о предсѣдательствѣ, но и это нисколько не тронуло ея. Тарвинъ желалъ получить предсѣдательство только въ сердцѣ Кэтъ.

Онъ боялся, что на этотъ высокій постъ теперь онъ скоро выбранъ не будетъ, и, глядя на расплывшуюся фигуру, стоявшую подлѣ него на краю полотна, зналъ, кому этимъ обязанъ. Она никогда не поѣхала бы въ Индію, если бы ея отецъ былъ другимъ человѣкомъ. Но чего можно ждать отъ такого мягкаго, эгоистичнаго, облѣнившагося богатаго человѣка? Тарвинъ простилъ бы Шерифу его мягкость, если бы за ней стояла сила. Но у него было свое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ, случайно разбогатѣвшемъ въ такомъ городѣ, какъ Топазъ.

Шерифъ принадлежалъ къ ненавистному для Тарвина типу людей, разбогатѣвшихъ случайно, и которые потомъ болѣе всего стараются какъ бы только кого-нибудь не задѣть. Въ политикѣ онъ тоже держался этого принципа, и приводилъ въ восторгъ организаторовъ разныхъ благотворительныхъ базаровъ, домашнихъ спектаклей и ужиновъ. Онъ отправлялся на всѣ эти ужины и базары, устраиваемые въ Топазѣ, заставлялъ ходить съ нимъ и дочь, и жену, и коллекціи всевозможныхъ игрушекъ, вышивокъ, подушекъ и разныхъ рукодѣлій, пріобрѣтаемыхъ съ благотворительною цѣлью, наполняла весь домъ.

Но о добротѣ его говорили меньше, чѣмъ слѣдовало бы говорить. Дамы-благотворительницы брали его деньги, и не высказывали своего мнѣнія о немъ; а Тарвинъ, чтобы показать, какъ онъ думаетъ о политической системѣ своего соперника, открыто отказывался покупать эти билеты. Желаніе угодить всѣмъ лежало и въ основѣ отношеній Шерифа къ дочери. Китти непремѣнно хотѣла ѣхать, и отецъ полагалъ, что нужно ее отпустить. Онъ говорилъ, что сначала онъ сильно возставалъ противъ ея желанія, и Тарвинъ, зная, какъ онъ любилъ дочь, охотно вѣрилъ, что онъ сдѣлалъ все, что могъ. Онъ досадовалъ на него только за то, что онъ можетъ такъ мало.

Когда поѣздъ, направлявшійся въ Топазъ, подошелъ къ станціи, Шерифъ и Тарвинъ вошли вмѣстѣ въ вагонъ-салонъ. Тарвину не хотѣлось разговаривать, во время пути, съ Шерифомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось и показать этого нежеланія. Шерифъ предложилъ ему сигару, и когда кондукторъ Девъ Льюисъ проходилъ мимо нихъ, Тарвинъ окликнулъ его, какъ стараго пріятеля, и просилъ, кончивъ обходъ, придти къ нему. Тарвинъ любилъ Льюиса, какъ любилъ тысячу подобныхъ случайныхъ знакомыхъ, между которыми пользовался нѣкоторой популярностью, и пригласилъ онъ Дева не только потому, что хотѣлъ избавиться отъ разговора съ Шерифомъ — кондукторъ сообщилъ, что съ тѣмъ же поѣздомъ ѣдетъ въ отдѣльномъ вагонѣ предсѣдатель Общества «Три К°.» съ семействомъ.

— А!—проговорилъ Тарвинъ, и попросилъ кондуктора познакомить его съ предсѣдателемъ, такъ какъ ему хотѣлось поговорить съ нимъ. Кондукторъ засмѣялся и сказалъ, что вѣдь онъ не подходящее лицо для этого, а потомъ, вернувшись, сказалъ, что предсѣдатель просилъ его рекомендовать ему толковыхъ и знающихъ людей изъ Топаза, съ которыми онъ могъ бы поговорить о Топазѣ. Кондукторъ сказалъ ему, что съ поѣздомъ ѣдутъ два такихъ джентльмена, и президетъ послалъ сказать черезъ него, что былъ бы очень радъ, если бы они были такъ добры и перешли къ нему въ вагонъ.

Уже цѣлый годъ желѣзно-дорожное общество «Трехъ Компаній» вело переговоры о томъ, чтобы провести линію черезъ Топазъ, но объ этомъ говорили вяло, какъ бы выжидая поддержки. Торговое сословіе Топаза тотчасъ же собралось и вотировало оказать поддержку. Поддержка эта выразилась въ видѣ отдачи городскихъ мѣстъ въ аренду и въ собственность и, наконецъ, въ намѣреніи пріобрѣсти акціи этой дороги по высокой цѣнѣ. Со стороны торговаго комитета это было хорошо, но подъ давленіемъ городского тщеславія и городской гордости Рустлеръ поступилъ гораздо лучше. Рустлеръ лежалъ за пятнадцать миль отъ Топаза, выше на горахъ, и, слѣдовательно, ближе къ рудникамъ; Топазъ признавалъ его своимъ соперникомъ и въ другихъ отношеніяхъ, а не только по отношенію къ Обществу «Трехъ Компаній».

Оба города выросли почти въ одно и то же время; затѣмъ волна отошла отъ Рустлера и подняла Топазъ. Это стоило Рустлеру нѣсколькихъ гражданъ, которые перебрались въ Топазъ, какъ въ болѣе цвѣтущій городъ. Многіе изъ гражданъ сложили свои дома на телѣги и, къ немалому огорченію своихъ согражданъ, перевезли ихъ въ Топазъ. Но затѣмъ Топазъ сталъ чувствовать, что теряетъ почву. Домъ или два оказались перевезенными обратно. На этотъ разъ выигрывалъ Рустлеръ. Если желѣзная дорога пройдетъ тамъ, то Топазъ погибнетъ. Если же дорога пойдетъ черезъ Топазъ, то городъ можетъ считать себя обезпеченнымъ въ дальнѣйшемъ процвѣтаніи. Оба города ненавидѣли другъ друга, какъ только на западѣ Америки ненавидятъ другъ друга города — коварно, преступно, злорадно. Если бы Топазъ могъ убить Рустлера, или Рустлеръ могъ убить Топаза съ помощью болѣе смѣлыхъ предпріятій, то восторжествовавшій городъ устроилъ бы тріумфальное побѣдоносное шествіе.

Гражданинъ Западной Америки всегда гордится своимъ городомъ. И въ основаніи такой гордости лежитъ ненависть къ другому городу—сопернику.

Тарвинъ дорожилъ своей любовью къ Топазу, какъ религіей. Онъ былъ для него дороже всего на свѣтѣ, за исключеніемъ Кэтъ, а иногда онъ казался ему даже дороже Кэтъ. Онъ съ идеальной готовностью исполнялъ свои обязанности относительно города. Для себя лично онъ желалъ успѣха, желалъ выдвинуться впередъ, но онъ не могъ имѣть успѣха, если бы городъ палъ. Эту любовь къ Топазу можно было назвать страстнымъ и личнымъ патріотизмомъ.

Онъ присутствовалъ при его рожденіи, зналъ его въ то время, когда могъ еще заключить его почти цѣликомъ въ свои объятія; онъ любовался имъ, ласкалъ его, нянчилъ его, и зналъ, что ему нужно. Ему нужно было общество «Три К°».

Кондукторъ, проводивъ Шерифа и Тарвина въ вагонъ предсѣдателя, представилъ ихъ ему, а предсѣдатель представилъ ихъ своей молодой женѣ—двадцатипятилѣтней блондинкѣ, сознававшей, что она хорошенькая, около которой Тарвинъ тотчасъ же и усѣлся. Въ предсѣдательскомъ вагонѣ было помѣщеніе по обѣ стороны салона, въ который они были приглашены. Все это было чудомъ уютности и изящества при роскошной обстановкѣ. Въ салонѣ стояла мягкая мебель, обитая плюшемъ, и было множество зеркалъ.

Предсѣдатель только-что возникшаго общества центральной дороги Колорадо и Калифорніи очистилъ для Шерифа одинъ изъ соломенныхъ стульевъ, снявъ съ него цѣлую кучу иллюстрированныхъ газетъ, и устремилъ на него черные глаза изъ подъ густыхъ бровей. Самъ онъ сѣлъ на другой соломенный стулъ. У него были щеки въ пятнахъ и жирный подбородокъ пожившаго въ свое время пятидесятипятилѣтняго мужчины. Онъ слушалъ оживленныя объясненія, которыя тотчасъ же ему сталъ давать Шерифъ, а Тарвинъ вступилъ въ разговоръ съ м-съ Метри, вовсе не касающійся желѣзныхъ дорогъ. Онъ наго ворилъ ей любезностей, и сталъ разспрашивать объ ея свадебномъ путешествіи. Они только-что возвращались съ этого путешествія, и предполагали поселиться въ Денверѣ. Она не знала, понравится ли ей Денверъ. Тарвинъ далъ ей нѣкоторыя свѣдѣнія о городѣ. Онъ ручался за Денверъ, и яркими красками изобразилъ своей слушательницѣ всѣ достоинства этого города. Расхваливалъ его магазины и театры, утверждая, что они могутъ убить Нью-Іоркъ, и тутъ же замѣтилъ, что ей слѣдовало бы взглянуть на театръ въ Топазѣ. Выразилъ также надежду, что они остановятся тамъ дня на два.

Тарвинъ не сталъ хвалить Топаза, такъ какъ онъ хвалилъ

Денверъ. Онъ постарался только доказать ей, что это очаровательный городъ, наиболѣе цвѣтущій на Западѣ, и затѣмъ тотчасъ же перешелъ на другую тему. Вообще, разговоръ ихъ имѣлъ, преимущественно, личный характеръ, и Тарвину хотѣлось прежде всего расположить м-съ Метри въ свою пользу и затѣмъ отыскать ея слабую струнку. Ему нужно было узнать, какимъ образомъ можно подѣйствовать на нее. *Этимъ* путемъ можно было добраться и до предсѣдателя. Тарвинъ увидалъ это лишь только вошелъ въ вагонъ. Онъ зналъ ея исторію, и зналъ даже ея отца, содержателя отеля, въ которомъ онъ останавливался, когда бывалъ въ Омага. Онъ спросилъ у нея, какія тамъ произошли перемѣны и кому проданъ отель; затѣмъ выразилъ надежду, что управляющій остался тотъ же самый. А поваръ? У него слюнки текли при воспоминаніи объ этомъ поварѣ. Она сочувственно засмѣялась. Въ этомъ отелѣ она провела свое дѣтство, играла въ залахъ и корридорахъ, барабанила на фортепіано въ салонѣ, и лакомилась въ буфетѣ. Повара она знала—лично знала его. Онъ давалъ ей пирожное, которое она уносила въ дѣтскую. Да, да, этотъ поваръ до сихъ поръ еще былъ тамъ.

У Тарвина было что-то привлекательное въ обращеніи и его веселость дѣйствовала заразительно. Его сердечность, открытый, довѣрчивый характеръ и серьезное отношеніе къ жизни были чрезвычайно симпатичны. Онъ относился съ безпристрастнымъ добродушіемъ ко всѣмъ людямъ. Его можно было назвать кузеномъ всего человѣчества и роднымъ братомъ всѣхъ извѣстныхъ ему лицъ.

Они очень скоро хорошо познакомились съ м-съ Метри, и она повела его къ окну вагона, откуда были видны рудники Арканзаса. Вагонъ былъ послѣднимъ въ поѣздѣ, и изъ окна открывался видъ на желѣзнодорожное полотно и горы, между которыми оно извивалось. Они встали у окна и стали смотрѣть на нависшія надъ ними высоты, и на ущелья, которыя, пропустивъ ихъ, тотчасъ же замыкались. Поѣздъ, грохотомъ своимъ профанировавшій красоту этой первобытной страны, чудеснымъ образомъ цѣплялся у отвѣснаго берега, съ рѣкой по одну сторону и скалистой стѣной по другую. Иногда м-съ Метри теряла равновѣсіе, при крутыхъ поворотахъ дороги, и, чтобы не упасть, схватывала Тарвина за рукавъ. Тогда онъ предложилъ ей руку, и они продолжали смотрѣть на гигантовъ, поднимавшихся у нихъ надъ головами.

М-съ Метри постоянно вскрикивала отъ восторга и удивленія, какъ дѣлаютъ обыкновенно женщины, восторгаясь красотою при-

роды, и затѣмъ тихо шептала похвалы. Ея веселость была подавлена этимъ зрѣлищемъ, какъ была бы подавлена присутствіемъ смерти; а Шерифъ все еще объяснялъ предсѣдателю всѣ выгоды Топаза, тотъ же не внимательно слушалъ его и искоса посматривалъ на окно. Метри походилъ на смущеннаго людоѣда, когда подошедшая жена похлопала его по спинѣ и прошептала что-то на ухо. Она опустилась на свое прежнее мѣсто, и приказала Тарвину занимать ее; и Тарвинъ охотно разсказалъ ей, какъ онъ ходилъ съ экспедиціей въ мѣстность за этими горами. Онъ не нашелъ того, чего искалъ, то-есть, серебра, но нашелъ необыкновеннаго качества аметисты.

— Да неужели? Аметисты? Настоящіе аметисты? Я и не знала, что въ Колорадо есть аметисты.

Глаза ея блеснули какимъ-то страннымъ огнемъ, огнемъ страсти и желаній. Тарвинъ тотчасъ же обратилъ на это вниманіе. Ужъ не *это* ли ея слабая струна? Если этотъ акъ... Онъ былъ большой знатокъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ, которые составляли часть естественныхъ богатствъ окрестностей Топаза. Онъ могъ до безконечности говорить съ ней о драгоцѣнныхъ камняхъ. Дикое предположеніе преподнести ей отъ купечества удивительную брилліантовую діадему мелькнуло у него въ головѣ, но тотчасъ же было отброшено. Топазу не поможетъ такой подарокъ. Надо было дѣйствовать дипломатично, деликатно, спокойно, ловко, съ умѣньемъ фокусника. Онъ мысленно представлялъ себѣ неожиданное появленіе, по его иниціативѣ, общества «Трехъ К°» въ Топазѣ, а себя основателемъ будущаго города. Онъ видѣлъ Рустлеръ опрокинутымъ въ прахъ, а себя самого милліонеромъ.

Его мечты остановились на нѣкоторое время на двадцати акрахъ, составлявшихъ пока всю его собственность; деньги, на которыя онъ купилъ эти двадцать акровъ, не легко ему достались. Но предположеніе продать часть ихъ обществу «Трехъ К°» для постройки вокзала, когда пройдетъ желѣзная дорога, а остальное раздѣлить на городскіе участки, не играло главной роли въ общемъ планѣ. Онъ мечталъ о выгодахъ, Топазѣ.

Глядя на руки м-съ Метри, онъ замѣтилъ, что пальцы у нея были унизаны необыкновенными кольцами. Колецъ было не такъ много, но камни въ нихъ были чудесные. Онъ не могъ налюбоваться на крупный солитеръ, надѣтый у нея на лѣвой рукѣ; когда они стали говорить о драгоцѣнныхъ каменьяхъ, она сняла кольцо съ руки, чтобы показать ему, и при этомъ сообщила, что у этого камня цѣлая исторія. Отецъ ея купилъ это кольцо у какого-то актера, трагика, съ которымъ случилась бѣда

въ Омахѣ, гдѣ онъ игралъ передъ пустымъ театромъ. Деньгами за кольцо была уплачена дорога всей труппы до Нью-Іорка. Это была единственная польза, принесенная камнемъ своимъ прежнимъ владѣтелямъ. Трагикъ выигралъ его отъ шуллера, который убилъ человѣка, поссорившись съ нимъ изъ-за этого солитера, а человѣкъ, заплатившій за него жизнью, купилъ его за безцѣнокъ у приказчика ювелира.

— Было бы недурно, если бы камень этотъ былъ украденъ въ Кимберлейскихъ рудникахъ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ и проданъ дьяволу,—сказала она:—тогда исторія была бы полная. Какъ вы думаете, м-ръ Тарвинъ?

Спрашивая что-нибудь, она всегда поднимала брови и улыбалась, какъ бы требуя подтвержденія, на что Тарвинъ охотно соглашался. Онъ согласился бы принять гипотезу, опровергающую справедливость открытій Галилея и Ньютона, если бы м-съ Метри потребовала этого. Онъ сидѣлъ, вытянувшись и насторожившись, какъ собака, дѣлающая стойку.

— Я смотрю иногда на него и думаю, не увижу ли я преступленій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ,—сказала м-съ Метри.— Преступленія такъ привлекательны и страшны, не правда ли, м-ръ Тарвинъ, особенно убійство? Но болѣе всего я люблю самый камень. Не правда ли, какъ онъ хорошъ? Папа часто говорилъ, что онъ ничего не видалъ лучше этого камня, а вѣдь въ отелѣ приходится видѣть множество хорошихъ бриллiантовъ.

Она любовно посмотрѣла на солитеръ.

— Что можетъ быть лучше хорошаго бриллiанта—ничего!

Она вздохнула. Глаза ея загорѣлись. Въ голосѣ ея звучала искренняя нотка.

— Я могла бы безъ конца смотрѣть на хорошій бриллiантъ, если бы только онъ былъ безусловно хорошъ. Папа зналъ, какъ я люблю драгоцѣнные камни, и всегда покупалъ ихъ у пріѣзжающихъ въ отель. Ему удавалось выгодно покупать ихъ—прибавила она, сжимая свои хорошенькія губы, — но онъ оставлялъ для себя всегда только очень хорошіе камни. Иногда онъ отдавалъ два-три камня за одинъ, зная, что я люблю только очень хорошіе и настоящіе. Ахъ, какъ я люблю ихъ! Камни лучше людей! Они всегда могутъ быть при насъ и никогда не мѣняются!

— Я слышалъ объ одномъ ожерельѣ, которое вамъ понравилось бы, если вы дѣйствительно любите драгоцѣнные камни, — спокойно сказалъ Тарвинъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—проговорила она. — Гдѣ же оно находится?

— Очень далеко.

— Знаю! Въ Тифани?—сердито вскричала она.—Знаю я васъ!

— Нѣтъ, дальше!

— Гдѣ же?

— Въ Индіи.

Она съ любопытствомъ посмотрѣла на него.

— Скажите мнѣ, что это за ожерелье?—спросила она. Выраженіе лица ея и голосъ сразу измѣнились. — Такъ оно дѣйствительно хорошо?

— Лучшаго на свѣтѣ нѣтъ,—сказалъ Тарвинъ и остановился.

— Ну, не терзайте меня, — вскричала она. — Изъ чего оно сдѣлано?

— Изъ брилліантовъ, жемчуга, рубиновъ, опаловъ, бирюзы, аметистовъ, сапфировъ... цѣлой нитки сапфировъ. Рубины величиною въ вашъ кулакъ; брилліанты въ куриное яйцо. Оно стоитъ цѣлое царство.

Она перевела духъ, и нѣкоторое время молчала.

— А гдѣ же это ожерелье?—вдругъ рѣзко спросила она.

— На шеѣ у одного идола, въ провинціи Раджпутана. А вамъ хотѣлось бы имѣть его?—мрачно спросилъ онъ.

Она засмѣялась.

— Конечно,—отвѣчала она.

— Ну, такъ я достану вамъ его,—сказалъ Тарвинъ.

Она откинула назадъ свою бѣлокурую головку и засмѣялась, глядя на нарисованныхъ купидоновъ на потолкѣ вагона. Она всегда откидывала назадъ голову, когда смѣялась, чтобы показать свою красивую шею.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Проф. П. Н. Милюкова.

(*Продолженіе* *).

Очеркъ второй. Экономическій бытъ.

I.

Натуральное и денежное хозяйство. — Характеръ натуральнаго хозяйства древней Руси.—Эксплуатація зоологическихъ богатствъ.—Истощеніе центра и перенесеніе зоологической эксплуатаціи на окраины. — Медленность перехода къ земледѣльческой культурѣ.—Экстенсивныя системы древне-русскаго земледѣлія. — Постепенное истощеніе почвы въ центрѣ и на окраинахъ.— Причины замедленія перехода къ интенсивнымъ системамъ послѣ освобожденія крестьянъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія на Кузнецкомъ мосту, на самомъ бойкомъ мѣстѣ, стоялъ большой барскій домъ. Передъ домомъ оставался незастроеннымъ просторный дворъ, по обѣ стороны котораго, также какъ и позади барскаго дома, тянулись многочисленныя барскія службы: людскія, поварня, конюшни и сараи, кладовыя и амбары. Богатый владѣлецъ дома мало однако же приносилъ дохода московскимъ лавкамъ и магазинамъ, такъ какъ все у него было свое, а не покупное: провизія привозилась ему цѣлыми обозами изъ крѣпостныхъ деревень, прислуга была тоже своя, крѣпостная, и въ составъ ея входили не только лакеи и горничныя, но и кучера, и повара, и даже музыканты и парикмахеръ. Если бы какимъ-нибудь чудомъ вся Москва исчезла съ своего мѣста, и перестала бы существовать вся Россія, кромѣ крѣпостныхъ деревень владѣльца, то въ барскомъ домѣ на Кузнецкомъ мосту обычная жизнь хозяина съ многочисленными гостями могла бы продолжать свое теченіе, какъ будто нигдѣ ничего не измѣнилось.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май 1895 г.

Не знаю хорошенько, что именно находится теперь на мѣстѣ стараго барскаго дома; вѣроятно, какой-нибудь грандіозный магазинъ, многоэтажная гостинница или банкирская контора. Но что бы тамъ ни находилось теперь, можно навѣрное сказать, что теперешній хозяинъ, будь это собственникъ дома или содержатель магазина и гостинницы, или квартирантъ послѣдняго,—уже не могутъ раздѣлять того философскаго равнодушія, съ какимъ имѣлъ возможность созерцать окружающее ихъ предшественникъ, владѣлецъ крѣпостныхъ деревень. Дѣло въ томъ, что никто изъ нихъ не можетъ быть сытъ предметами своего имущества,—зданіями, сукнами, лампами и т. д.; всѣмъ имъ приходится, чтобы существовать и пользоваться достаткомъ, обращать свой товаръ въ деньги и деньги опять въ товаръ и такъ далѣе до безконечности: другими словами, всѣ они зависятъ отъ покупателя, и всѣ ихъ предпріятія разсчитаны на болѣе или менѣе быстрый обмѣнъ.

Эта перемѣна въ центрѣ Москвы представляетъ намъ въ миніатюрѣ то, что случилось на протяженіи, главнымъ образомъ, нашего вѣка, во всей Россіи, а за много вѣковъ раньше и въ западной Европѣ. Вездѣ экономическая жизнь народовъ начиналась съ такъ-называемаго натуральнаго хозяйства, то-есть такого, которое производитъ свои продукты для самого себя и само всѣ ихъ потребляетъ. Но въ Западной Европѣ уже при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, съ XIV вѣка началось распаденіе этого натуральнаго хозяйства, и совершилась мало-помалу замѣна его хозяйствомъ мѣновымъ, при которомъ каждый производитель производитъ не все для себя нужное, а выбираетъ какую-нибудь одну спеціальность, нужную для всѣхъ, и продукты своей работы, конечно, уже болѣе совершенные,—обмѣниваетъ на нужные для себя продукты работы другихъ спеціалистовъ. Это хозяйство называется еще и денежнымъ, такъ какъ деньги служатъ необходимымъ орудіемъ общаго обмѣна, такъ сказать, общимъ знаменателемъ цѣнности всѣхъ отдѣльныхъ спеціальныхъ работъ, очень трудно сравнимыхъ безъ этого вспомогательнаго средства. Впрочемъ, когда обмѣнъ правильно и прочно устанавливается, тогда это вспомогательное средство постепенно становится излишнимъ: точнѣе говоря, излишнимъ становится всякій разъ мѣнять обмѣниваемые продукты на наличный драгоцѣнный металлъ,—оказывается достаточнымъ опредѣлить ту цифру металла, какую имѣетъ право получить за свой продуктъ владѣлецъ этого продукта, и дать ему документъ, который бы обезпечивалъ ему полученіе этого количества металла. Такимъ образомъ, деньги постепенно замѣняются денежными знаками, равноцѣнность кото-

рыхъ съ настоящими деньгами обезпечивается довѣріемъ къ тѣмъ учрежденіямъ или лицамъ, которыя даютъ эти знаки.

Всѣ перечисленныя явленія, свойственныя мѣновому хозяйству, получаютъ тѣмъ большее развитіе, чѣмъ дальше идетъ экономическій ростъ страны; раздѣленіе труда становится все болѣе и болѣе дробнымъ; сложность и быстрота обмѣна все болѣе увеличивается; въ результатѣ общественное довѣріе или кредитъ все болѣе выростаетъ, и все болѣе расширяются примѣненія кредита къ различнымъ явленіямъ экономической жизни.

Предъидущій очеркъ долженъ былъ уже подготовить читателя къ тому, что въ исторической жизни Россіи всѣ эти явленія, сопровождающія экономическій ростъ страны, онъ встрѣтитъ гораздо менѣе развитыми и весьма запоздалыми сравнительно съ Западной Европой. Обмѣнъ является, конечно, на самыхъ низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія; но, въ общемъ, все наше экономическое прошлое есть время господства не мѣноваго, а натуральнаго хозяйства; въ классѣ землевладѣльческомъ только освобожденіе крестьянъ вызвало окончательный переходъ къ мѣновому хозяйству, а въ классѣ крестьянскомъ натуральное хозяйство процвѣтало бы и до нашего времени, если бы необходимость добыть деньги для уплаты податей не заставляла крестьянина выносить свои продукты и свой личный трудъ на рынокъ.

Но характеризовать экономическую жизнь Россіи преобладаніемъ натуральнаго хозяйства—далеко еще недостаточно. Натуральное хозяйство можетъ быть разное, а въ нашемъ примѣрѣ помѣщичьяго дома на Кузнецкомъ мосту мы имѣли дѣло съ высоко развитымъ и весьма сложнымъ типомъ натуральнаго хозяйства. Если мы углубимся въ русское прошлое, мы встрѣтимъ тамъ несравненно болѣе элементарные типы.

По свойству человѣческой природы люди не склонны затрачивать на поддержаніе своего существованія больше труда, чѣмъ это безусловно необходимо. Только возрастающее несоотвѣтствіе между потребностями людей и запасами природы заставляетъ людей увеличить количество работы. Такое несоотвѣтствіе можетъ произойти или отъ увеличенія потребностей, или отъ уменьшенія запасовъ. Именно увеличеніемъ потребностей, происходящимъ отъ возростанія числа жителей страны, мы и объясняли раньше необходимость усиливать трудъ, предполагая при этомъ, что количество запасовъ природы остается одно и то же. Но дѣло въ томъ, что и запасы природы не остаются одинаковыми, а параллельно съ увеличеніемъ населенія уменьшаются. Занявши страну съ непочатыми естественными богатствами, населеніе начинаетъ

съ того, наиболѣе легкаго средства,—что расхищаетъ эти даровыя или требующія наименьшаго приложенія труда богатства природы. При этомъ прежде всего пускаются въ оборотъ и постепенно истребляются зоологическія богатства края, животное населеніе лѣсовъ и водъ. Затѣмъ подвергаются истощенію ботаническія и почвенныя богатства. Наконецъ, очередь доходитъ до ископаемыхъ минералогическихъ средствъ страны. Всѣ эти природные рессурсы были тронуты въ Западной Европѣ и частью даже истощены еще въ доисторическомъ прошломъ. У насъ процессъ постепеннаго расхищенія ихъ составляетъ основной фонъ нашей прошлой экономической жизни и проходитъ красной нитью черезъ все наше экономическое развитіе вплоть до настоящаго времени. Чѣмъ долѣе занимало населеніе извѣстную мѣстность, тѣмъ истощеніе природныхъ богатствъ должно было наступить въ ней раньше. Время, когда, напримѣръ, жители Кіевской области занимались звѣроловствомъ, уже древнѣйшему нашему лѣтописцу XI вѣка представлялось отдаленнымъ преданіемъ. На русскомъ сѣверѣ природныя зоологическія богатства сохранялись дольше. Правда, для того, чтобы найти въ Поволжьи самыя рѣдкія и цѣнныя пушныя породы, вродѣ черныхъ соболей или чернобурыхъ лисицъ, намъ пришлось бы восходить къ первымъ вѣкамъ нашего государства, ко временамъ арабской торговли IX—XI вѣка. Но въ томъ же центральномъ Поволжьи въ XIV—XV вѣкѣ мы встрѣчаемъ достаточно слѣдовъ, показывающихъ, что зоологическія богатства края продолжали служить основой экономической жизни. Въ старинныхъ грамотахъ постоянно попадаются цѣлыя селенія, спеціальностью которыхъ была эксплуатація этихъ зоологическихъ богатствъ: селенія *бобровниковъ*, *бортниковъ*, *рыболововъ*. На пустынныхъ, тогда рѣчкахъ Московской и сосѣднихъ губерній въ большомъ еще количествѣ водились бобры. На мѣстахъ, богатыхъ бобрами, гдѣ-нибудь по Вожѣ или по Клязьмѣ, цѣлыми десятками садились деревни «бобровниковъ», распредѣлявшихъ между собою эти «бобровые гоны». Въ лѣсахъ Московской губерніи уже въ началѣ XV вѣка, по свидѣтельству Герберштейна, не было иныхъ пушныхъ звѣрей, кромѣ зайцевъ; горностая и куницу можно было найти тогда не ближе Волги. Но въ этихъ центральныхъ лѣсахъ, все еще обширныхъ, въ изобиліи водилась дикая пчела, сама себѣ создававшая въ дуплахъ деревьевъ естественные ульи. Рядъ новыхъ поселковъ «бортниковъ» раздѣлилъ между собою эти борти (дуплистыя деревья съ медомъ) на «бортныя ухожья»; медъ и воскъ были однимъ изъ самыхъ распространенныхъ продуктовъ старинной русской добывающей промышленности.

Наконецъ, по всему теченію Волги и ея большихъ притоковъ, насколько этотъ бассейнъ былъ заселенъ, существовалъ цѣлый рядъ «рыбныхъ слободъ», населенныхъ «рыболовами».

Легко замѣтить, однако же, что бобры, медъ, воскъ, и даже рыба, если она добывается въ большомъ количествѣ, не могли же потребляться въ тѣхъ хозяйствахъ, въ которыхъ добывались,— что, слѣдовательно, самое существованіе такихъ поселеній какъ бы противорѣчитъ господству натуральнаго хозяйства. Это было бы такъ, конечно, если бы всѣ эти промышленники были свободными людьми и работали на себя. Но въ дѣйствительности всѣ они были слугами мѣстной власти: князья-владѣльцы и, можетъ быть, нѣкоторые крупные собственники давно уже разобрали между собою всѣ эти «бобровые гоны», «бортныя ухожья», «рыбные ѣзы» (затворы), словомъ, всѣ лакомые куски тогдашней народной экономіи. Продукты этихъ промысловъ всѣ, или почти всѣ, потреблялись въ княжескомъ хозяйствѣ. На поддержаніе же собственнаго существованія эти слуги княжескаго дворца должны были имѣть собственную небольшую запашку.

Къ XVII-му вѣку, однако же, упоминаніе о поселеніяхъ бобровниковъ, бортниковъ, становится все рѣже; новые поселки этого характера совсѣмъ перестали возникать въ московскомъ центрѣ. Дѣло въ томъ, что въ теченіи XVI вѣка и къ XVII-му вѣку зоологическія богатства центральной московской Россіи окончательно истощились. Владѣльцы старыхъ бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ ловель и бортнаго лѣса расчищали теперь лѣсъ подъ пашню, ставили новые починки, и старыя зоолого-экономическія поселенія превращались въ «пашенныя села». Но, разставшись съ этой ступенью экономическаго развитія въ центрѣ, русское населеніе далеко не разставалось съ ней окончательно. Превратившись въ центрѣ въ населеніе по преимуществу земледѣльческое, оно перенесло теперь свою эксплоатацію зоологическихъ богатствъ на непочатыя окраины. Вслѣдъ за пушнымъ звѣремъ русскій звѣропромышленникъ пошелъ въ Сибирь; бортничество сохранилось у юго-восточныхъ инородцевъ (мордва, чуваши), а на всемъ вновь заселяемомъ юго-востокѣ начался новый періодъ зоолого-промышленной эксплоатаціи. Мы знаемъ изъ предъидущаго очерка, что колонизація юго-востока была вызвана политическими причинами: необходимостью борьбы съ кочевниками; но теперь мы можемъ прибавить и новую, внутреннюю, причину передвиженія населенія на новыя земли. Дѣло въ томъ, что эти новыя земли представляли непочатый край природныхъ богатствъ въ то самое время, когда богатства центра замѣтно оскудѣли. Конечно, эта большая

легкость жизни на свѣжей окраинѣ объясняетъ ту необычайную быстроту, съ которой приливалъ народный потокъ на эту окраину, какъ только она становилась сколько-нибудь безопасной отъ набѣговъ. Эти же обстоятельства заставляютъ предположить, что за вторую половину XVI вѣка, когда началась колонизація юго-востока, русское населеніе должно было значительно увеличиться; по крайней мѣрѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ открытіе новыхъ земель и ихъ заселеніе вело за собою усиленное размноженіе населенія.

Во всякомъ случаѣ, та же быстрота заселенія новыхъ окраинъ была причиной того, что періодъ эксплоатаціи зоологическихъ богатствъ продолжался здѣсь сравнительно недолго, и полоса такой эксплоатаціи быстро отодвигалась все далѣе и далѣе на югъ. Въ серединѣ XVI вѣка югъ Кіевской губерніи, вся Полтавская, почти вся Курская и Воронежская—представляютъ такую полосу бобровыхъ гоновъ, рыбныхъ и звѣриныхъ ловель: вездѣ тутъ звѣря бьютъ, бобровъ и рыбу ловятъ. Къ серединѣ XVII вѣка эти мѣстности уже заселены земледѣльческимъ населеніемъ, и полоса звѣропромышленныхъ угодій, такъ-называемыхъ «юртовъ», отодвигается на югъ—за Бѣлгородскую линію. Въ 1622-мъ году все теченіе Донца со всѣми притоками занято такими угодьями: вся средина Харьковской губерніи состоитъ изъ семи «юртовъ», которые эксплоатируютъ бѣлгородскіе служилые люди. Съ середины вѣка, однако, и сюда, какъ мы знаемъ, приходятъ новые колонисты и занимаютъ, съ согласія правительства, старые «юрты»,— не безъ предварительной борьбы съ ихъ старыми владѣльцами. Мы видѣли уже, что правительство пользовалось колонизаціей юга для своихъ военныхъ цѣлей: оно превращало поселенцевъ въ служилыхъ людей и поручало имъ оборону границы. Уже эта раздача «юртовъ» въ помѣстья, вмѣсто пашни, служилымъ людямъ сокращаетъ періодъ эксплоатаціи зоологическихъ богатствъ края; но того же самаго сокращенія правительство добивается и прямо, заставляя всячески новопоселенныхъ служилыхъ людей заняться хлѣбопашествомъ и стараясь повсюду завести собственную казенную запашку. Правительство при этомъ преслѣдовало собственные интересы: значительная часть жалованья служилымъ людямъ платилась въ XVII вѣкѣ натурой—хлѣбомъ: отправляя въ новый край отряды служилыхъ людей, правительство должно было посылать имъ обозы хлѣба до тѣхъ поръ, пока не было или не хватало казеннаго и владѣльческаго хлѣба на мѣстѣ.

Вотъ почему правительство спѣшило здѣсь, какъ и въ Сибири, завести поскорѣе запашки на мѣстѣ. Но это удавалось ему

далеко не сразу. Изъ отведеннаго правительствомъ участка только самая небольшая часть разрабатывалась подъ пашню, а остальная оставалась «дикимъ полемъ», или продолжала эксплоатироваться, какъ угодье. Въ Воронежѣ, напримѣръ, въ 1615 году каждый владѣлецъ пахалъ только по $1^1/_2$ десятины (въ каждомъ полѣ, считая пашню «наѣздомъ»), а «дикаго» (то-есть, не распаханнаго) поля было у каждаго по 25 десятинъ. Въ Осколѣ (1615 г.) распахано на каждаго менѣе десятины, а дикаго поля приходится по 30 десятинъ. По стольку же имѣли и бѣлгородскіе служилые люди; но пашня въ этомъ числѣ почти вовсе отсутствовала: «за пашню» имъ было дано въ помѣстье «1 островокъ, 7 юртовъ съ озерки и съ упалыми (то-есть, впадающими) рѣчками и съ бортными ухожьи и съ рыбными и съ звѣриными ловлями», разбросанными на разстояніи десятковъ верстъ отъ Бѣлгорода. Только постепенно въ теченіе XVII-го вѣка угодья и дикое поле разрабатывались подъ пашню.

Къ XVIII вѣку оставалось, однако, все еще много мѣста для звѣропромышленной и рыболовческой эксплуатаціи. Полный просторъ для такой эксплуатаціи представляли Екатеринославская губернія и нижнее Поволжье, тогда еще вовсе незаселенныя. Затѣмъ, два казачьихъ войска: Запорожская сѣчь на юго-западѣ и донское казачество на юго-востокѣ, на весь вѣкъ сохранили характеръ огромныхъ рыболовныхъ и звѣропромышленныхъ артелей. До самаго своего уничтоженія въ 1775 г., большая часть «войска запорожскаго низового» ежегодно весною собиралась и бросала между своими куренями «лясы» (жребій) на рѣчки. Затѣмъ, ватаги промышленниковъ отправлялись въ тѣ мѣста, которыя доставались ихъ куренямъ по жребію и оставались тамъ на все лѣто. Для защиты промышленниковъ отъ возможныхъ нападеній посылались каждое лѣто особыя команды куренныхъ казаковъ, получавшія за это на свою долю первые десятки наловленной рыбы. Пахали въ Запорожьѣ мало; въ составъ царскаго жалованья, посылавшагося запорожцамъ, входили мука и крупа. Въ 1755 г. кошевой просилъ у императрицы Елизаветы прибавки хлѣбнаго жалованья и мотивировалъ свою просьбу тѣмъ, что «войско запорожское низовое изъ давнихъ лѣтъ и нынѣ хлѣба не пашетъ, да и въ степныхъ мѣстахъ весьма малый родъ бываетъ». Не забудемъ, что это говорилось про мѣстности, принадлежащія къ наиболѣе плодороднымъ во всей Россіи. То же самое преобладаніе промышленной эксплуатаціи и отсутствіе хлѣбопашества мы видимъ въ области Донского войска. Еще въ 1690 г. войсковой кругъ посылаетъ въ казацкіе городки по Хопру и Медвѣдицѣ грамоту,

въ которой прямо запрещается пахать землю и сѣять хлѣбъ, а «если станутъ пахать, и того бить до смерти и грабить». Въ этомъ оригинальномъ распоряженіи выразился инстинктивный протестъ казачества противъ надвигавшейся изъ Москвы болѣе экстенсивной культуры. Защищая формы своего стараго экономическаго быта, донское войско этимъ самымъ какъ бы защищало свое право на обширные пустыри, которые въ концѣ XVII вѣка начало у него отнимать московское правительство и вольные колонисты. Величайшей измѣной со стороны своихъ былъ, съ этой точки зрѣнія, именно переходъ къ земледѣлію отъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ края.

Такимъ образомъ, донскому казачеству приходилось посылать изъ Москвы «хлѣбное жалованье», и здѣсь средства къ жизни добывались промышленной эксплуатаціей «юртовъ», подѣленныхъ тутъ разъ навсегда между «станицами»: каждый въ угодьи своей станицы имѣлъ право «всякіе промыслы чинить», «запоръ запирать» (на рѣкахъ для рыбной ловли), «звѣря бить», «рыбу ловить» и т. д. Такимъ образомъ, только уже въ нашемъ вѣкѣ эти богатѣйшія области Россіи сдѣлались земледѣльческими. И опять, исчезнувши здѣсь, разработка зоологическихъ богатствъ была перенесена на дальнѣйшую окраину: артельное производство рыболовнаго промысла всѣмъ войскомъ сохранилось до нашихъ дней у войска уральскаго; хлѣбопашество появилось, правда, и въ этомъ краѣ, но лишь въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка и до сихъ поръ еще стоитъ на низкой степени развитія.

Такимъ образомъ, къ нашему общему наблюденію, что экономическое прошлое Россіи представляется временемъ господства натуральнаго хозяйства, мы можемъ теперь прибавить еще тотъ выводъ, что натуральное хозяйство древней Россіи было наименѣе интенсивнымъ, т.-е. требовало наименьшаго напряженія труда, что оно было, напротивъ, въ высшей степени экстенсивнымъ, довольствовалось потребленіемъ даровыхъ продуктовъ природы, истощило эти продукты въ центрѣ только къ концу XVI в., чѣмъ далѣе на югъ (и востокъ) тѣмъ позднѣе, а на нѣкоторыхъ окраинахъ далеко не истощило и понынѣ. Только истощивъ зоологическія богатства страны, населеніе сдѣлалось окончательно земледѣльческимъ, т.-е. перешло къ трудовому добыванію своихъ пищевыхъ продуктовъ.

Но и въ этой области, въ области земледѣльческой культуры, русское населеніе ограничивалось до сихъ поръ наименьшей затратой труда, и употреблявшіяся имъ системы земледѣлія суть наиболѣе экстенсивныя. Даровыя силы природы и здѣсь прежде

всего пускались въ оборотъ и расходовались безвозвратно, и только истощеніе почвы заставляло населеніе обратиться къ менѣе хищническому хозяйству. На всемъ русскомъ крайнемъ сѣверѣ мы не можемъ, впрочемъ, прослѣдить этого процесса, такъ какъ развитіе земледѣлія, по мѣстнымъ условіямъ края, не пошло тамъ до сихъ поръ дальше первыхъ шаговъ (подсѣчная система). Съ тѣхъ поръ, какъ Герберштейнъ отмѣтилъ тамъ «рѣдкость или почти совершенное отсутствіе хлѣбнаго потребленія», общее количество запашки, конечно, должно было увеличиться; но и до сихъ поръ площадь пашни и луга составляетъ въ Архангельской губерніи только 0,2%, въ Вологодской—3,4%, въ Олонецкой—3,8% общей площади, $^{8}/_{10}$ или $^{9}/_{10}$ которой покрыты лѣсами. Прежде, какъ и теперь, старая Новгородская область, даже включая самый Новгородъ, не могла прокармливаться собственнымъ хлѣбомъ и если не замѣняла хлѣба «рыбной и звѣриной пищей», по словамъ того же Герберштейна, то должна была питаться привознымъ хлѣбомъ Поволжья.

Другое дѣло въ центральномъ междурѣчьи. Здѣсь періодъ наиболѣе экстенсивнаго земледѣлія проходитъ раньше, чѣмъ начинаются показанія нашихъ источниковъ. По нашимъ, самымъ древнѣйшимъ свѣдѣніямъ, мы встрѣчаемъ уже здѣсь обычныя и въ наше время три поля: озимое, засѣваемое обыкновенно рожью, яровое, засѣваемое большею частью овсомъ, и паръ. Даже удобреніе пашни навозомъ встрѣчается уже въ извѣстіяхъ конца XV вѣка и начала XVI в., какъ явленіе вполнѣ обычное. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что уже въ это время почва московскаго центра до нѣкоторой степени истощилась. Но далѣе на востокъ, во Владимірской, Нижегородской и Рязанской областяхъ, въ началѣ того же XVI в., почва оказывается гораздо свѣжѣе: по свидѣтельству Герберштейна, она превышала плодородіе Московской области и давала часто 20, а иногда и 30 зеренъ на одно зерно посѣва пшеницы; въ Рязанской области даже еще больше. Правда, необходимо вспомнить при этомъ, что Московская область расположена на суглинкѣ, тогда какъ въ Рязанской и Нижегородской области Московское государство захватывало единственный тогда въ его составѣ уголокъ хорошаго чернозема. Но, чтобы давать урожай, указываемый Герберштейномъ, этотъ черноземъ долженъ былъ быть неистощеннымъ. Тотъ же черноземъ въ наше время даетъ, самое большее, урожай самъ-пять пшеницы. Если вѣрить показаніямъ Герберштейна, плодородіе почвы за $3^{1}/_{2}$ вѣка уменьшилось въ четыре раза *).

*) О такихъ же урожаяхъ самъ-20—30 вспоминаютъ старожилы и относительно степного чернозема въ первую половину нашего вѣка. Но нужно

Съ середины XVI вѣка русское хозяйство впервые передвинулось на полосу чернозема. Правительство, руководившее колонизаціей, при первомъ же заселеніи вводило здѣсь повсюду московское трехполье. Однако же и въ самомъ центрѣ трехпольная система не успѣла еще въ то время вытѣснить болѣе экстенсивныя культуры. Огромное количество земель, записанныхъ въ правительственныя описи подъ названіемъ «перелога» или «пашни, поросшей лѣсомъ», свидѣтельствуетъ о томъ, что наряду съ трехпольемъ повсюду продолжала еще существовать переложная и подсѣчная система земледѣлія. Даже въ срединѣ XVII вѣка, въ такомъ раціональномъ по тому времени хозяйствѣ, какимъ было хозяйство Б. И. Морозова, и притомъ не только въ нижегородскихъ его имѣніяхъ, но подъ самой Москвой (въ Звенигородскомъ у.) шла ежегодная расчистка и сожиганіе лѣса подъ новую пашню. Но тутъ, надо прибавить, дѣло шло уже объ эксплуатаціи оставшихся неудобныхъ участковъ: лѣсъ сѣкли, «выбирая низкія мѣста», и приказчикъ Морозова сохранилъ намъ одну сценку, живо рисующую характеръ этой эксплуатаціи. «Сѣкли пустошь», докладываетъ онъ какъ разъ изъ подмосковнаго села; «пришло болото и въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна, и бочаги — вода по поясъ; какъ кустъ станутъ сѣчь, такъ вода и забрызжетъ; а рабочіе говорятъ: мы-де нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ; вотъ заработаемъ харчъ, да и пойдемъ».

На вновь колонизуемомъ юго востокѣ не было никакой надобности такъ выгадывать и тѣсниться. Если московское правительство и заводило здѣсь прямо трехполье на казенной запашкѣ, то это было скорѣе всего просто по старой привычкѣ. По обычаю, и надѣлы, отводившіеся служилымъ людямъ, дѣлились на три поля. Но мы видѣли, что новые колонисты вообще неохотно занимались земледѣліемъ на окраинѣ, предпочитая эксплуатировать непочатыя еще зоологическія богатства края. Естественно, что, поскольку они все-таки принимались за соху, они выбирали болѣе экстенсивную систему земледѣлія. Выбравъ участокъ нетронутаго никѣмъ «дикаго» поля, они распахивали его «наѣздомъ» и возвращались къ нему нѣсколько лѣтъ подрядъ, до полнаго истощенія,

---

сказать, что вообще преданія о высокихъ урожаяхъ стараго времени не подтверждаются собранными до сихъ поръ, правда, весьма немногочисленными данными. Въ XVII вѣкѣ, можетъ быть, вслѣдствіе дурной обработки, урожаи были значительно ниже теперешнихъ. Казенная запашка въ Елецкомъ у. давала 19 лѣтъ подрядъ самъ-2,2 урожай ржи и самъ-1,5 урожай овса. Урожаи самъ-4 были большою рѣдкостью, а самъ-5 извѣстны только въ вотчинахъ Б. И. Морозова.

чтобы не поднимать новой цѣлины. Затѣмъ, истощенный участокъ на новый рядъ лѣтъ забрасывался, обращался въ перелогъ, или даже снова порасталъ лѣсомъ. Мы имѣемъ всѣ основанія думать, что эта «переложная» система преобладала надъ трехпольной на окраинѣ XVII-го вѣка. Въ XVIII вѣкѣ, вслѣдъ за продвиженіемъ окраины на югъ, туда же продвинулась за нею и переложная система, опять-таки въ сообществѣ съ трехпольной. Оффиціально землевладѣльцы Харьковской, Воронежской, Оренбургской губ. отвѣчаютъ въ срединѣ XVIII вѣка на запросъ Вольнаго Экономическаго Общества, что у нихъ господствуетъ трехполье; но тутъ же оказывается, что они сплошь и рядомъ, «вмѣсто тѣхъ десятинъ, которыя кажутся имъ неплодоносными, поднимаютъ залогъ, т.-е. вспахиваютъ новую землю и старую, покидая, запущаютъ, которая черезъ нѣсколько лѣтъ сама отъ себя утучняется». По наблюденіямъ нашихъ агрономовъ, въ этихъ мѣстностяхъ до самаго послѣдняго времени продолжала существовать улучшенная залежная система; въ своемъ же примитивномъ видѣ она опять передвинулась въ XIX вѣкѣ южнѣе, на новую окраину.

Какъ видимъ, постепенное истощеніе почвы идетъ полосами, слѣдуя за направленіемъ русской колонизаціи. Послѣдней ступенью въ этомъ длинномъ процессѣ расхищенія природныхъ богатствъ почвы было истощеніе—уже въ нашемъ вѣкѣ и почти въ наше время—новороссійскаго степного чернозема. Если вѣрить воспоминаніямъ старожиловъ, этотъ черноземъ еще въ первой половинѣ нашего вѣка, давалъ баснословные урожаи. Но съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался предметомъ лихорадочной спекуляціи. Подъ вліяніемъ высокихъ цѣнъ на пшеницу и удешевленія провоза хлѣба къ южнымъ гаванямъ (по вновь построеннымъ желѣзнымъ дорогамъ), хозяева спѣшили увеличить количество посѣвовъ пшеницы въ ущербъ качеству обработки земли подъ посѣвы; притомъ, отъ земли, плохо вспаханной и взбороненной, они требовали нѣсколько лѣтъ подрядъ урожая все той же пшеницы. Другими словами, они примѣнили къ этому случаю привычные имъ пріемы переложнаго хозяйства, но безъ періодическаго отдыха пашни. Въ результатѣ получилось, конечно, быстрое истощеніе почвы, заростаніе ея негодными травами и рядъ неурожаевъ. Въ то же время цѣны хлѣба и преимущественно пшеницы, непрерывно возраставшія до средины 70-хъ годовъ, съ этого времени стали такъ же непрерывно падать. Американская пшеница перегнала русскую на англійскомъ и французскомъ рынкахъ, и русское хлѣбное производство, составляющее болѣе половины русскаго вывоза, очутилось передъ кризисомъ. Такимъ образомъ и здѣсь наступилъ, наконецъ, моментъ,

когда, истративъ даровыя силы природы, населеніе должно будетъ возмѣстить ихъ усиленнымъ трудомъ. Въ центральныхъ мѣстностяхъ, какъ мы видѣли, этотъ моментъ долженъ былъ наступить гораздо раньше; но пока оставались въ европейской Россіи незанятыя земли и продолжался процессъ колонизаціи, это истощеніе природныхъ богатствъ повело за собою лишь пріостановку роста населенія въ центрѣ. Переходъ къ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ лучшимъ скотомъ и орудіями, съ искусственнымъ удобреніемъ и орошеніемъ,—словомъ, съ большей затратой капитала въ земледѣліе,—задерживался еще общимъ строемъ крѣпостного хозяйства. Но съ тѣхъ поръ, какъ крестьянское освобожденіе положило конецъ господству натуральнаго хозяйства, улучшеніе культуры стало очередной задачей нашего земледѣлія. Если оно все еще задерживалось до сихъ поръ, то это лишь благодаря послѣдствіямъ того самаго соціальнаго переворота, который сдѣлалъ его окончательно необходимымъ. Къ этимъ послѣдствіямъ мы еще вернемся; но въ нѣсколькихъ словахъ нелишне будетъ напомнить о нихъ теперь же, поскольку они могли повліять на развитіе земледѣльческой культуры. На владѣльческихъ земляхъ это развитіе было отсрочено кризисомъ помѣщичьяго хозяйства, сопровождавшимся ускореннымъ переходомъ изъ рукъ въ руки дворянской земельной собственности. Появленіе на рынкѣ новаго товара, земли, повело на первыхъ порахъ къ коммерческимъ спекуляціямъ на этотъ товаръ и къ самой хищнической эксплуатаціи купленныхъ имѣній новыми собственниками. Въ послѣдніе годы передъ реформой средняя цѣна десятины въ европейской Россіи была 15½ р. Въ 60-хъ годахъ она уже поднялась до 28 руб., въ 70-хъ—равнялась 45 руб., а въ 80-хъ—достигла 70 руб. Конечно, такой быстрый ростъ цѣны на землю объясняется не спекуляціей; напротивъ, самая спекуляція до нѣкоторой степени вызывалась возрастаніемъ цѣнъ. Стоимость земли, помимо общаго оживленія внутренняго рынка, поднималась, главнымъ образомъ, вслѣдствіе повышенія цѣнъ на хлѣбъ подъ вліяніемъ международнаго рынка и вслѣдствіе усиленнаго спроса на землю со стороны крестьянъ. Положеніе крестьянъ послѣ освобожденія объясняетъ всего лучше, почему и усидѣвшіе на своихъ земляхъ хозяева не занялись улучшеніемъ земледѣльческой культуры. Рабочій трудъ крестьянъ, нуждающихся въ заработкѣ, такъ дешевъ, что владѣльцы предпочитаютъ не заводить машинъ. Съ другой стороны, потребность крестьянъ въ землѣ такъ велика, что они готовы дать землевладѣльцу больше, чѣмъ онъ самъ можетъ выручить, хозяйничая на своей землѣ: они уступаютъ ему

не только то, что онъ могъ бы получить въ качествѣ прибыли и процента на свой капиталъ, но и часть того, что ему пришлось бы заплатить имъ въ качествѣ заработной платы, если бы они пошли къ нему въ батраки. Такимъ образомъ, весьма значительная часть владѣльческихъ земель арендуется крестьянами; они, конечно, не имѣютъ ни возможности, ни желанія производить какія-либо улучшенія на арендованномъ участкѣ, а всего чаще доводятъ его до полнаго истощенія, за которымъ должно послѣдовать паденіе арендной платы. Такимъ образомъ и этимъ путемъ, какъ всякимъ другимъ, мы приходимъ къ тому же неизбѣжному исходу: къ необходимости перейти къ болѣе интенсивной культурѣ. За послѣднее десятилѣтіе накопилось не мало фактовъ, показывающихъ, что на этотъ путь вступило не только владѣльческое, но даже и крестьянское хозяйство.

Разработка экономической исторіи Россіи едва началась въ наше время и не успѣла дать значительныхъ результатовъ. Основная мысль этого отдѣла (постепенное истощеніе природныхъ богатствъ Россіи) развивается въ статьяхъ *А. П. Щапова*: Историко-географическое распредѣленіе русскаго населенія въ «Русскомъ Словѣ», 1864, №№ 8—10; 1865, №№ 6 — 9. Отрывочныя данныя относительно промышленной эксплуатаціи юго-востока можно найти въ сочиненіяхъ по исторіи колонизаціи (см. выше).—См. также: *П. А. Соколовскаго.* Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и колонизація юго-восточныхъ степей передъ крѣпостнымъ правомъ. Спб., 1878. Для очерка сельскохозяйственной исторіи послужили: *И. Н. Миклашевскій.* Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства. М., 1894.—*И. Е. Забѣлинъ.* Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ («Вѣстн. Европы», 1871, 1 и 2); *имъ же* изданныя «Книги посѣвныя, ужинныя и умолотныя въ имѣніи Морозова» («Временникъ Общества Исторіи и Древностей», кн. VII).—*Н. Н. Оглоблинъ.* Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и нач. XVIII вѣка. («Описаніе докум. и бумагъ моск. архива Мин. Юстиціи», кн. IV). — *Ал. Бѣлевскій.* Общинное землевладѣніе и землепользованіе, въ «Юрид. Вѣстникѣ», 1888, сентябрь.—*А. Ѳ. Фортунатовъ.* Сельскохозяйственная статистика европейской Россіи. М., 1893 и *его же.* Урожаи ржи въ европейской Россіи. М. 1893.—*Н. Карышева.* Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды. Дерптъ, 1892 г.—*Кн. Васильчиковъ.* Сельскій бытъ и сельское хозяйство въ Россіи. Спб. 1881.—*Е. Ермоловъ.* Орагнизація полеваго хозяйства, т. I-й.—Свѣдѣнія о цѣнахъ на земли, проданныя съ публ. торга 1854—1859 гг. Спб. 1859.—*Matthaei.* Die wirthschaftlichen Hülfsquellen Russlands. Dresden, 1883—4.

II.

Пропорція городского населенія Россіи и ея возрастаніе.—Роль домашней промышленности.—Происхожденіе фабричной промышленности; отношеніе къ ней государства въ послѣдніе два вѣка—Причины устойчивости кустарной промышленности въ Россіи.—Измѣненія во внутреннемъ строѣ ея.

Самымъ наглядным признакомъ развитія экономической жизни страны служитъ сосредоточеніе ея населенія въ городскихъ центрахъ. Чѣмъ многочисленнѣе и разнообразнѣе потребности населенія, чѣмъ болѣе у него покупательныхъ средствъ, тѣмъ многочисленнѣе становится и классъ производителей и посредниковъ, удовлетворяющихъ этимъ потребностямъ,—другими словами, тѣмъ болѣе возрастаетъ торгово-промышленный классъ, составляющій главную часть городского населенія, и тѣмъ болѣе, вмѣстѣ съ этимъ, развиваются высшія сферы экономической жизни: промышленность, торговля и кредитъ. Въ наиболѣе передовыхъ въ этомъ отношеніи странахъ Европы населеніе быстро переходитъ отъ сельскихъ занятій къ городскимъ. Во Франціи въ срединѣ этого вѣка четверть всего населенія жила въ городахъ (25%); теперь земледѣліемъ занимается менѣе половины жителей (48%). Въ Германіи тоже только 42% остались при земледѣльческой культурѣ, а въ промышленной Саксоніи это число падаетъ до 20%. Въ Англіи уже въ срединѣ столѣтія число горожанъ не только сравнялось, но и превысило число сельскихъ жителей (50,8%). Подобныя пропорціи городского населенія давно уже превосходятъ тотъ размѣръ, который необходимъ, чтобъ удовлетворить внутреннему потребленію страны; производительность главныхъ промышленныхъ центровъ Западной Европы давно уже разсчитываетъ на покупателей не на одномъ только своемъ національномъ, но также и на всемірномъ рынкѣ; въ свою очередь и продукты земледѣлія они должны прикупать у другихъ народовъ. Разъ перейдены такимъ образомъ границы внутренняго обмѣна, дальнѣйшему расширенію производительности почти нѣтъ предѣловъ, пока обезпеченъ сбытъ продуктовъ на международномъ рынкѣ.

Въ Россіи этотъ признакъ экономическаго развитія—количество городского населенія—даетъ очень невыгодныя показанія, какъ можно видѣть изъ слѣдующей таблицы (второй столбецъ означаетъ процентное отношеніе городского населенія ко всему населенію страны; третій столбецъ—абсолютныя цифры городского населенія).

1724	3%	328 тысячъ.
1782	3,1	802 »
1796	4,1	1.301 »
1812	4,4	1.653 »
1835	5,8	3.025 »
1851	7,8	3.482 »
1878	9,2	6.091 »
1890	12,8	13.948 »

Въ годъ смерти Петра, слѣдовательно, изъ каждыхъ 100 человѣкъ каселенія только 3 человѣка жили въ городѣ: остальные 97 составляли сельское населеніе. Къ концу XVIII вѣка, несмотря на увеличеніе городского населенія въ 5 разъ, эта пропорція измѣнилась очень незначительно: на 4 человѣка горожанъ приходилось 96 сельскихъ жителей. Съ тѣхъ поръ пропорція городского населенія увеличилась втрое (и вчетверо, если считать со времени Петра): вмѣсто 4% и 3% теперь живетъ въ городахъ 12,8% всего населенія *). Но и эта пропорція принадлежитъ къ наименѣе выгоднымъ въ Европѣ: только Швеція можетъ въ этомъ отношеніи сравниться съ Россіей.

Приведенныхъ пропорцій городского населенія, однако, далеко недостаточно для характеристики развитія русской промышленности. Онѣ показываютъ только, что промышленность не успѣла переселиться окончательно въ городъ, что раздѣленіе труда между добывающимъ и обрабатывающимъ классомъ не пошло, слѣдовательно, далеко, и что мы должны искать началъ русской промышленности внѣ русскаго города. Когда мы вернемся къ исторіи городского сословія, мы увидимъ, чѣмъ былъ первоначально этотъ городъ; но и теперь, разъ мы уже характеризовали экономическую жизнь старой Россіи, какъ періодъ натуральнаго хозяйства, изъ этой самой характеристики мы можемъ вывести, что занятіе промышленностью носило въ древней Руси вполнѣ домашній характеръ, т. е. сосредоточивалось внѣ города: всякая крестьянская

*) Абсолютная цифра городского населенія увеличилась въ XIX вѣкѣ въ 8 разъ, а со времени Петра въ 40 разъ слишкомъ. Припомнимъ, что все населеніе за тотъ же промежутокъ возросло въ 9 разъ.

семья сама ткала для себя холстъ изъ собственнаго льна, сама дѣлала свою домашнюю утварь, даже орудія, и покупала только весьма немногое. Въ этомъ своемъ видѣ домашняя промышленность существовала всегда и вездѣ, и повсюду она постепенно вытѣснялась по мѣрѣ развитія мѣнового хозяйства: въ Западной Европѣ раньше, у насъ позже. Но мы должны остановиться нѣсколько на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія той же домашней промышленности. И въ Западной Европѣ, и у насъ съ самыхъ давнихъ поръ домашняя промышленность стала работать не только для внутренняго потребленія семьи, а для сбыта: тамъ и здѣсь появились мѣстныя спеціальныя производства, производимыя домашнимъ способомъ, по возможности, изъ своего матеріала и съ помощью доморощенныхъ орудій. Но судьба этихъ зародышей промышленности у насъ и въ Западной Европѣ была разная. Въ Европѣ быстрый ростъ промышленной жизни, быстрое развитіе техническихъ приспособленій скоро повели къ расширенію размѣровъ этихъ производствъ, къ увеличенію затратъ на матеріалъ и орудія; тѣмъ и другимъ скоро овладѣли лица, способныя производить эти затраты, владѣющія капиталами; капиталистъ сперва продолжаетъ давать работы на домъ, а потомъ соединяетъ работниковъ въ одномъ помѣщеніи и все болѣе замѣняетъ ихъ ручной трудъ, требовавшій личнаго искусства, машинной работой.

Такъ, домашняя форма промышленности превратилась на Западѣ въ капиталистическія формы мануфактуры и фабрики. У насъ же домашняя промышленность до сихъ поръ уцѣлѣла въ своихъ старинныхъ формахъ: суздальскіе богомазы, павловскіе замочники, вологодскіе и устюжскіе мастера по черни и т. д. продолжаютъ работать, какъ работали въ XVII вѣкѣ, и все тѣ же владимірскіе офени разносятъ ихъ издѣлія по всей православной Руси. Наша мануфактура и фабрика не развилась органически, изъ домашняго производства, подъ вліяніемъ роста внутреннихъ потребностей населенія; она создана была поздно правительствомъ, руководившимся при этомъ какъ своими практическими нуждами (напр., сукнами для арміи), такъ и теоретическими соображеніями о необходимости развитія національной промышленности. И эту теорію и соотвѣтствовавшія ей мѣры правительство Петра заимствовало у господствовавшей тогда на Западѣ политико-экономической школы меркантилистовъ. Старинные русскіе кустари при этомъ были забыты, и новая форма производства перенесена съ Запада готовою. Въ странѣ безъ капиталовъ, безъ рабочихъ, безъ предпринимателей и безъ покупателей эта форма могла держаться только искусственными средствами и могла привиться благодаря продол-

жительному и усиленному покровительству. Рабочіе даны были фабрикантамъ даровые, въ лицѣ приписанныхъ къ заводамъ крѣпостныхъ; покупатели даны были обязательные, путемъ предоставленія монополіи и путемъ устраненія съ рынка однородныхъ иностранныхъ продуктовъ, облагавшихся тяжелыми ввозными пошлинами. Однако же, русская промышленность далеко не сразу воспользовалась предоставленными ей преимуществами. На первыхъ порахъ покровительственный тарифъ не столько поощрилъ промышленность, сколько стѣснилъ торговлю: первая еще не успѣла почувствовать его выгодъ, тогда какъ послѣдняя испытывала очень реальныя неудобства. Такимъ образомъ, первый нашъ охранительный тарифъ (1724 года) къ общему удовольствію замѣненъ былъ вскорѣ гораздо болѣе льготнымъ тарифомъ 1731 года. Какіе скудные плоды принесли первыя усилія создать путемъ покровительства національную промышленность, видно изъ результатовъ правительственнаго «освидѣтельствованія» фабрикъ въ 1730-хъ годахъ. Многіе фабриканты оказались при этой повѣркѣ «подложными»: они держали фабрики и заводы только для вида, чтобы пользоваться привилегіями, предоставленными мануфактуристамъ. Сенатъ «отрѣшилъ», было, этихъ «недѣйствительныхъ» фабрикантовъ, но кабинетъ рѣшилъ оставить за ними ихъ права и «обнадежить» продолженіемъ покровительства, если они захотятъ превратиться въ «дѣйствительныхъ». Это обстоятельство объясняетъ, почему въ спискѣ 300 важнѣйшихъ фабрикъ, существовавшихъ въ 1780 году, мы находимъ, только 22 уцѣлѣвшихъ отъ петровскаго времени; между тѣмъ, общее количество фабрикъ и заводовъ, открытыхъ при Петрѣ, доходило до сотни *). Двѣ трети фабрикъ 1780 года, почти 200 изъ трехсотъ, возникли въ промежутокъ отъ Петра до Екатерины II (включая 1762 годъ). Помимо усиленнаго покровительства отдѣльнымъ предпринимателямъ, это возрастаніе объясняется перемѣной въ тарифѣ 1731 года. По соображеніямъ болѣе финансовымъ, чѣмъ покровительственнымъ, на привозные товары была наложена новая 13% пошлина, долженствовавшая замѣнить собой уничтоженныя въ 1753 году внутреннія таможенныя пошлины. Благодаря этой прибавкѣ, значительно сократился ввозъ въ Россію заграничныхъ тканей (бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ) и галантерейныхъ товаровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явилась потребность въ русскихъ издѣліяхъ этого рода. Изъ 211 фабрикъ, удовлетворявшихъ этому

*) Мы насчитали по Кириллову около 100 частныхъ фабрикъ и около 42 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ.

спросу въ 1780 году, только 17 возникло при Петрѣ, и 149—отъ Петра до Екатерины II.

Съ воцареніемъ Екатерины II русская промышленность вступила въ новый фазисъ развитія. Екатерина покончила съ системой личныхъ монополій и очень послѣдовательно проводила систему свободной внутренней конкурренціи. Правительство перестало смотрѣть на занятія фабрикой, какъ на своего рода службу, и, закрывая въ 1780 году Мануфактуръ-коллегію, Екатерина открыто заявила объ этой перемѣнѣ правительственной точки зрѣнія. «Установленіе Мануфактуръ-коллегіи», говорилось въ указѣ, «имѣло начало свое въ такое еще время, когда къ распространенію полезныхъ рукодѣлій и фабрикъ недовольнымъ побужденіемъ казался собственный каждаго въ томъ прибытокъ, но старанія правительства простирались и на изъятія всякихъ предубѣжденій». Теперь напротивъ, «всѣмъ подданнымъ нашимъ въ заведеніяхъ становъ и рукодѣлій столь безпредѣльная дана отъ насъ свобода, что не стѣсняются уже они ни частнымъ испрошеніемъ на то дозволенія, ни надзираніемъ за дѣломъ рукъ ихъ, гдѣ собственная каждаго польза есть лучшее и надежнѣйшее поощреніе». На этомъ основаніи Екатерина «подтверждаетъ», «чтобы принадлежащія частнымъ людямъ собственно фабрики и мануфактуры не инако разумѣемы были, какъ собственное имѣніе, которымъ каждый можетъ свободно распоряжаться, не требуя никакого дозволенія отъ начальства».

Этотъ характерный указъ отмѣчаетъ тотъ моментъ, когда для развитія русской фабричной промышленноси перестало быть нужнымъ правительственное *понужденіе*. Но отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта промышленность тогда же перестала нуждаться и въ правительственной *поддержкѣ*. Первый изъ тарифовъ Екатерины (1766), правда, нѣсколько понизилъ ввозныя пошлины; но слѣдующими двумя (1782 и 1797) ввозъ опять былъ затрудненъ; всѣми тремя одинаково поощрялся привозъ иностраннаго сырья, нужнаго для русскихъ фабрикъ, и задерживался привозъ иностранныхъ фабрикатовъ, которые могли конкуррировать съ продуктами отечественной промышленности. Огражденная отъ иностраннаго соперничества и предоставленная внутренней конкурренціи, русская промышленность быстро двинулась впередъ: явилось значительное количество мелкихъ фабричныхъ предпріятій, успѣшно соперничавшихъ съ болѣе крупными и сбивавшихъ цѣну продуктовъ. При вступленіи Екатерины на престолъ въ Россіи было около 500 фабрикъ; въ годъ ея смерти ихъ уже насчитывалось 2.000.

Дальнѣйшій ростъ количества фабрикъ и наемныхъ рабочихъ въ нашемъ вѣкѣ виденъ будетъ изъ слѣдующей таблицы:

	Фабрикъ.	Рабочихъ
1804	2.423	95.202
1825	5.261	210.568
1850	9.843	517.679
1887	25.865	866.238 *)

За все это время покровительство государства не только не ослабѣло, но, напротивъ, достигло своего апогея. «Либеральный», фритредерскій тарифъ 1819 года, ограничившій число запрещенныхъ товаровъ для ввоза пятью, для вывоза тремя, былъ единственнымъ исключеніемъ. Совпавши съ общей перемѣной политики имп. Александра, а также и съ экономическими послѣдствіями континтальной системы, сократившей спросъ на русское сырье, этотъ тарифъ не просуществовалъ и трехъ лѣтъ. «Продукты имперіи не находятъ болѣе рынковъ за-границей, мануфактуры ея крайне подавлены, монета быстро утекаетъ въ отдаленныя страны, солиднѣйшіе торговые дома находятся въ опасности; сельское хозяйство и торговля, также какъ и фабричная промышленность стоятъ на краю банкротства»: такъ изображалъ положеніе дѣла правительственный циркуляръ, и выводилъ отсюда то заключеніе, что «Россія вынуждена оставить систему независимой торговли» **). Въ 1822 году изданъ былъ запретительный тарифъ графа Канкрина, дѣйствовавшій, съ нѣкоторыми измѣненіями, до средины нашего столѣтія. Этотъ тарифъ впервые создалъ наиболѣе значительную въ Россіи, и наиболѣе нуждавшуюся всегда въ правительственной опекѣ, хлопчатобумаждую промышленность. Это былъ первый опытъ русскихъ предпринимателей съ машиннымъ производствомъ въ широкихъ размѣрахъ. Онъ быстро повелъ за собою

*) Сверхъ того, мелкихъ заводовъ, производящихъ менѣе чѣмъ на 1.000 р., 54.468 съ 91.681 рабочимъ. Число рабочихъ въ текстѣ ниже дѣйствительности, такъ какъ изъ обложенныхъ акцизомъ отраслей промышленности нѣтъ данныхъ (въ Сборникѣ Центр. Стат. Комитета) о рабочихъ на винокуренныхъ, пивоваренныхъ и табачныхъ заводахъ и фабрикахъ. Общая цифра рабочихъ въ Россіи исчисляется почти въ $1^1/_2$ милліона.

**) Въ одномъ, тоже оффиціальномъ, документѣ мы находимъ такую характеристику послѣдствій тарифа 1819 года: «хотя многіе капиталисты понесли убытки, строенія ихъ опустѣли и многія заведенія ослабли, но зато, навыкъ и искусство, пріобрѣтенное на нихъ, не только не погибло въ народѣ но, напротивъ, болѣе распространилось. Смышленные мастеровые, оставивъ упадшія фабрики, водворили промышленность по селеніямъ, устроивъ собственныя мастерскія и увеличивъ оныя своими домашними силами». Такъ думали, очевидно, народники двадцатыхъ годовъ.

и тѣ послѣдствія, которыя свойственны европейскому индустріализму, вскормленному тою же хлопчатобумажной промышленностью: перепроизводство и кризисы. Уже въ 30-хъ годахъ фабриканты должны были не разъ считаться съ паденіемъ цѣнъ и затрудненіемъ сбыта. Въ 1839 году ихъ спасло введеніе серебрянаго рубля; въ 1841 они выхлопотали себѣ возвышеніе запретительной пошлины въ полтора раза. Съ помощью такихъ героическихъ средствъ хлопчатобумажная промышленность продолжала процвѣтать. Представители русскаго капитала заботились, однако, не столько о развитіи и улучшеніи производства, сколько объ удержаніи за собой баснословнаго дохода, обезпеченнаго имъ запретительнымъ тарифомъ. Уже въ 30-хъ годахъ правительство собиралось принять противъ этого мѣры и грозило производителямъ допущеніемъ конкурренціи. Наконецъ, тарифъ 1850 года рѣшительно покончилъ съ господствомъ запретительной системы Канкрина и ограничилъ доходы фабрикантовъ половиной прежняго (15% вмѣсто 30%). Правительство снова, хотя и нерѣшительно, начинало склоняться къ свободной торговлѣ; тарифъ 1857 года пошелъ въ этомъ направленіи еще дальше тарифа 1850 г. Одного ожиданія такого поворота было достаточно, чтобы русскіе предприниматели сократили свои обороты; а послѣдовавшее затѣмъ освобожденіе крестьянъ, поднявшее цѣну на трудъ, и хлопковый кризисъ, вызванный американской войной, привели къ закрытію многихъ фабрикъ и къ сокращенію числа рабочихъ въ другихъ. Всего этого было достаточно, чтобы остановить дальнѣйшее развитіе фритредерскихъ тенденцій. Фабриканты были приглашены участвовать въ пересмотрѣ тарифа; въ результатѣ этого пересмотра изданъ былъ новый, умѣренно-покровительственный, тарифъ 1869 года. Предприниматели добивались, однако, большаго: они хотѣли, чтобы высота пошлины на ввозные товары не зависѣла отъ колебаній русскаго рубля, т. е. не понижалась съ пониженіемъ его курса. Интересъ казны, получавшей пошлину, въ этомъ случаѣ совпадалъ съ интересами промышленниковъ: такимъ образомъ, въ 1876 году, въ ожиданіи войны и связанныхъ съ нею финансовыхъ затрудненій, рѣшено было взимать таможенныя пошлины золотомъ. При тогдашнемъ курсѣ кредитнаго рубля, это повышало размѣры пошлины на цѣлую треть сравнительно съ тарифомъ 1869 года; а при дальнѣйшемъ паденіи курса повышеніе становилось еще значительнѣе. Золотая пошлина возвращала, такимъ образомъ, русской промышленности то положеніе, котораго лишили ее тарифы 50-хъ годовъ; естественно, что она вызвала новое оживленіе промышленности, увеличеніе количества фабрикъ

и расширеніе ихъ оборотовъ. Достаточно вспомнить, однако, что оживленіе это поддерживалось усиленными выпусками бумажекъ, чтобы увидѣть, какъ оно было непрочно. Неурожай 1880 года снова грозилъ финансовымъ кризисомъ казначейству и экономическимъ кризисомъ—промышленности: и снова исходъ, благопріятный для обоихъ, былъ найденъ въ повышеніи пошлинъ (на 10% въ 1881 году).

Такимъ образомъ, до самаго послѣдняго времени русская фабричная промышленность не вышла изъ-подъ правительственной опеки. Значитъ ли это, что она дѣйствительно еще не можетъ, или же только, что она не хочетъ обходиться безъ поддержки со стороны государства? Есть ли такое положеніе только временное,—и тогда, скоро ли оно кончится,—или же постоянное, и тогда стоитъ ли вообще поддерживать индустріализмъ въ Россіи? Эти вопросы ставились и возбуждали нескончаемые споры, по крайней мѣрѣ, втеченіе цѣлаго столѣтія. Жизнь шла своимъ чередомъ и существенно видоизмѣняла всѣ данныя для ихъ разрѣшенія. Вызванная къ жизни государственными потребностями и правительственными теоріями, русская фабрика уже ко времени Екатерины II стала отвѣчать дѣйствительнымъ потребностямъ русскаго населенія. Но тутъ какъ разъ начался исполинскій ростъ европейскаго машиннаго производства, а вмѣстѣ съ тѣмъ обострилась борьба за сбытъ продуктовъ этого производства на международномъ рынкѣ. Захваченная врасплохъ, русская промышленность поспѣшно оградила себя высокимъ барьеромъ, за которымъ ей жилось еще лучше, чѣмъ прежде, и по прежнему не нужно было думать о завтрашнемъ днѣ. Съ тѣхъ поръ, однако, русскій экономическій бытъ успѣлъ также совершенно преобразиться. Мѣновое хозяйство послѣ крестьянской реформы могло торжествовать окончательную побѣду надъ натуральнымъ. Съ каждымъ годомъ Россія все болѣе укрѣплялась на новой ступени экономической жизни, на которой индустріализмъ являлся необходимымъ продуктомъ *внутренняго* развитія. Облегченіе обмѣна и увеличеніе внутренняго потребленія, умноженіе капиталовъ и широкое развитіе кредита должны были постепенно приблизить русскую промышленность къ тому нормальному положенію, въ которомъ находится европейская. Вмѣстѣ съ тѣмъ и права ея на особое попеченіе со стороны государства должны были сильно уменьшиться.

При этихъ условіяхъ, декретировать отмѣну русскаго капитализма или предсказывать ему естественную смерть—было бы уже нѣсколько поздно. Факты, подбираемые въ доказательство этого утвержденія, могутъ доказать только, что русскій капитализмъ

все еще переживаетъ переходное время, и что ему, во всякомъ случаѣ, очень далеко до западно-европейскаго, Изъ этихъ фактовъ мы остановимся здѣсь только на одномъ, самомъ крупномъ: на русской кустарной промышленности.

Дѣло въ томъ, что на полтора милліона, самое большее, фабричыхъ рабочихъ—въ Россіи существуетъ до сихъ поръ никакъ не менѣе четырехъ милліоновъ крестьянъ, занимающихся обрабатывающей промышленностью у себя въ деревнѣ, и въ то же время не бросающихъ земледѣлія. Это—тотъ самый классъ, изъ котораго выросла, какъ мы говорили, европейская фабрика, и который нисколько не участвовалъ (вѣрнѣе сказать, очень мало участвовалъ) въ созданіи русской. Вмѣсто того, чтобы быть поглощеннымъ фабрикой, этотъ классъ не только продолжаетъ существовать, но даже увеличивается въ числѣ, овладѣваетъ новыми отраслями занятій, успѣшно соперничаетъ съ фабрикой, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ее побиваетъ. Чѣмъ же объяснить такое видимое противорѣчіе факту развитія капитализма?

Изслѣдователи давно указали тѣ причины, которыми объясняется живучесть и способность къ развитію нашей кустарной промышленности. Помимо слабости экономическаго развитія и незначительности капиталовъ, которыми обусловливается существованіе домашней промышленности въ извѣстный періодъ во всѣхъ странахъ, въ нашемъ отечествѣ существуютъ особыя причины, заставляющія значительную часть земледѣльческаго населенія заниматься домашней промышленностью. Причины эти двоякія: климатическія и финансовыя. По свойству нашего климата русское земледѣліе поставлено въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ западное. Чѣмъ далѣе къ востоку на одной и той же географической широтѣ, тѣмъ лѣто позднѣе начинается и ранѣе кончается. Уменьшеніе продолжительности лѣта вознаграждается, правда, его большей знойностью, такъ что одни и тѣ же земледѣльческія растенія вызрѣваютъ на востокѣ скорѣе, чѣмъ на западѣ. Но это ведетъ къ тому неудобству, что приходится на короткомъ промежуткѣ времени напрягать гораздо больше рабочей силы: въ 4 мѣсяца нужно бываетъ сдѣлать тѣ же земледѣльческія работы, которыя на западѣ можно разложить на семь: въ результатѣ то же дѣло, которое тамъ можетъ быть сдѣлано четырьмя рабочими, у насъ требуетъ семерыхъ. Зато въ остальные 8 мѣсяцевъ не приходится дѣлать никакого дѣла, относящагося къ земледѣлію, и рабочій трудъ можетъ быть употребленъ на другое занятіе. Эта возможность вести наряду съ земледѣліемъ другія занятія становится необходимостью въ тѣхъ случаяхъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ,

гдѣ земледѣліе мало даетъ дохода и не покрываетъ обязательныхъ расходовъ крестьянскаго хозяйства (т. е. прежде всего податей). Позднѣе мы увидимъ, что въ такомъ положеніи находится вся центральная полоса Россіи; вотъ почему домашняя промышленность и отхожіе промыслы наряду съ земледѣліемъ стали здѣсь уже съ давнихъ поръ необходимымъ вспомогательнымъ рессурсомъ крестьянина. Крестьянинъ-ярославецъ уже передъ крестьянскимъ освобожденіемъ изъ каждаго заработаннаго имъ рубля только 37 копеекъ получалъ собственно съ земледѣлія, остальными 63 копейками онъ былъ обязанъ промысламъ; а въ приволжскихъ мѣстностяхъ эта доля дохода, получавшаяся съ промысла, доходила до 88 копеекъ, и только 12 коп. оставалось на долю земледѣлія. И притомъ, чтобы заработать эти 63—88 копѣекъ, крестьянинъ вовсе не долженъ былъ идти въ городъ. Какъ разъ въ центральныхъ губерніяхъ было въ то время всего 6% городского населенія, тогда какъ въ земледѣльческой черноземной полосѣ число горожанъ доходило до $8^1/_2$%; слѣдовательно, центральная промышленность оставалась по преимуществу сельской. Эта промышленность могла существовать и соперничать съ фабричной (и даже съ городскими ремесленниками), именно благодаря своей первобытной простотѣ, при которой отъ производителя не требовалось никакихъ почти предварительныхъ затратъ капитала на помѣщеніе, орудія и матеріалъ. Это обстоятельство, а также и то, что кустарныя издѣлія такого промышленника были для него не единственнымъ средствомъ существованія, а только вспомогательнымъ заработкомъ, занимавшимъ его досугъ, все равно пропадавшій даромъ,— эти обстоятельства и давали ему возможность продавать свои произведенія по чрезвычайно низкой цѣнѣ. Вотъ почему не только удержалась, но даже продолжала развиваться въ Россіи такая, повидимому, архаичная форма промышленности, какъ кустарное производство.

Если, однако, ближе всмотрѣться въ дѣло, то окажется, что и архаичность вовсе не есть неизмѣнный спутникъ кустарныхъ промысловъ. Прежде всего, далеко не всѣ отрасли кустарнаго производства есть остатокъ отдаленной старины. Весьма многія возникли не раньше нашего столѣтія, какъ продуктъ общаго промышленнаго оживленія вѣка. Затѣмъ, примитивный характеръ кустарной техники большею частью держится только спросомъ на издѣлія привычнаго типа; слѣдуя измѣненіямъ спроса, кустарныя издѣлія могутъ достигать высокаго техническаго совершенства и снова возвращаться къ первобытной грубости работы. Наконецъ, что самое главное, домашняя форма промышленности цѣлымъ рядомъ

неуловимыхъ переходовъ можетъ приближаться къ капиталистической, и даже переходить въ нее. Кустари не участвовали, конечно, въ созданіи петровской фабрики; но процессъ превращенія мелкихъ заведеній въ крупныя совершается на всякомъ шагу и во всякое время. Точно также, какъ на западѣ, этотъ процессъ происходитъ двумя различными путями: путемъ непосредственнаго разрыва кустарей съ земледѣліемъ и превращенія ихъ въ фабричныхъ рабочихъ, и—еще чаще—замаскированнымъ путемъ раздачи работы на домъ. Одинъ изслѣдователь еще въ началѣ 80-хъ годовъ разсчитывалъ, что 86,5% кустарныхъ издѣлій Московской губерніи и 96% двухъ уѣздовъ Владимірской находятся въ рукахъ крупныхъ предпринимателей. Такимъ образомъ, будущему кустарной промышленности угрожаетъ въ настоящее время не столько фабричная конкурренція и развитіе машинной техники, сколько капитализація мелкихъ предпріятій. Несомнѣнно, существуетъ въ кустарной промышленности стремленіе предупредить этотъ исходъ путемъ добровольной кооперації; но до сихъ поръ попытки кооперації встрѣчались не особенно часто и удавались еще рѣже. Во всякомъ случаѣ, и кооперативное, и капиталистическое «обобществленіе» кустарнаго труда одинаково ведетъ къ ослабленію связи его съ земледѣльческимъ трудомъ, составляющей сущность кустарной промышленности.

Наиболѣе полнымъ сводомъ данныхъ по исторіи русской промышленности остается сочиненіе *А. Семенова*. Изученіе историческихъ свѣдѣній о россійской торговлѣ и промышленности съ половины XVII столѣтія по 1858 годъ. Спб. 1859 г., три части. Изъ многочисленныхъ сводовъ оффиціальнаго статистическаго матеріала для нашего очерка послужили: *Кириллова*, Цвѣтущее состояніе всероссійскаго государства, М. 1831 г., 2 тома. *Hermann*. Statistische Schilderung von Russland. Ptsbg. 1790. *Schnitler*. Essai d'une statistique générale de l'émpire de Russie. Paris. 1829 г. (и его же Empire des Tsars). *Пельчинскій*. О состояніи промышленныхъ силъ Россіи (1822—1832). Спб. 1833. *Reden*. Das Kaiserthum Russland. Berl. 1843. Обзоръ различныхъ отраслей мануфактурной промышленности Россіи. Спб. 1863 г. т. II-й. Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи, т. II-й. Спб. 1883 г. Сборникъ свѣдѣній по Россіи 1890 г., изд. Центр. Стат. Комитета. См. также отдѣлъ «Финансовые дѣятели въ XIX столѣтіи» въ сочиненіи: «Наши государственные и общественные дѣятели». Спб. 1890 г. О домашней промышленности см. замѣчанія *Haxthausen'a* въ 1 томѣ его Etudes, Hanovre, 1847 г. *А. Корсакъ*. О формахъ промышленности. М. 1861 г. Современное состояніе кустарной промышланности, во многомъ уясняющее ея исторію см. у *В. В.* Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886 г.; его же. Артель въ мелкомъ промыслѣ. Спб, 1895 г. и *Н. Езерскаго*. Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894 г.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

РОМАНЪ.

К. М. Станюковича.

*(Продолженіе *).*

XXI.

Появившись въ большой кухнѣ Опольевыхъ, Антошка на этотъ разъ не интересовался наблюденіями. Онъ не обратилъ своего вниманія ни на обстановку, ни на количество мѣдной посуды, ни на низенькую, приземистую фигуру повара, стоявшаго у плиты и мѣшавшаго что-то въ кастрюлѣ большой ложкой, а, поглощенный одною мыслью—передать какъ можно скорѣе письмо по назначенію—обратился къ молодому кухонному мужику, который, недалеко отъ дверей, перемывалъ въ жестяной лохани тарелки.

Голосъ Антошки дрожалъ тревожнымъ нетерпѣніемъ, когда онъ спросилъ молодаго парня:

— Скажите пожалуйста, барышня дома?

— Барышня? А тебѣ зачѣмъ барышня?

— Письмо имъ есть... Передать бы.

— Обожди. Кто-нибудъ изъ комнатъ придетъ и возьметъ... И дома-ли, нѣть-ли барышня—скажетъ...

— Должно быть, дома, еще не завтракали,—замѣтилъ, отворачиваясь отъ плиты, поваръ, довольно благообразный старикъ съ сѣдыми кудреватыми волосами, выбивавшимися изъ подъ бѣлаго колпака.

И, оглядѣвши Антошку своими добродушными и въ то же время любопытными небольшими глазками, спросилъ:

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

— А ты отъ кого съ письмомъ, мальчикъ?

— Отъ одного бѣднаго ихъ сродственника... Онѣ знаютъ...

— На бѣдность, значитъ, проситъ?

— Очень даже нуждаются...

Поваръ подумалъ и сказалъ:

— Вѣрно, это тотъ самый сродственникъ, котораго генералъ приказалъ не пускать и писемъ отъ него не принимать...

— То-то отъ него письмо къ барышнѣ.

— А онъ какъ же доводится генералу... Ты не знаешь?— любопытно допрашивалъ старикъ.

— Родной братъ...

— Родной братъ?—воскликнулъ старикъ-поваръ, необыкновенно изумленный.—Ты это вѣрно знаешь?

— Очень даже вѣрно...

— А мы полагали, что такъ, какой-нибудь дальній... Однако! Родной братъ такого важнаго генерала, а швейцаръ говорилъ, что ходитъ въ родѣ нищаго въ самомъ послѣднемъ костюмѣ...

— И вовсе даже нищіе... Изъ за своей легкой одежи чуть не умерли!—пояснилъ Антошка, замѣтивъ, что поваръ видимо не сочувствуетъ такому безсовѣстному отрицанію кровныхъ узъ.

— Нищій... братъ генерала Опольева!.. Нечего сказать... прокламація!.. Видно, на братца не надѣется, что къ племянницѣ пишетъ?

— Ужъ какая надежда,—съ сердцемъ проговорилъ Антошка,—ежели вашъ генералъ вовсе отказался отъ родного брата... Пропадай, молъ, какъ собака, а мнѣ наплевать... И сколько горя принялъ Александръ Иванычъ, генеральскій-то братъ... Такого, можно сказать, важнаго званія господинъ, офицеромъ въ уланахъ служилъ и по улицамъ милостыню собиралъ... И всѣ сродственники отъ него отреклись за роднымъ братомъ... Допустили, чтобы человѣкъ терпѣлъ... А еще все графы да князья!—возмущенно закончилъ Антошка.

— Ддда... времена!.. Родного брата и... въ шею! Очень даже просто!—протянулъ, ни къ кому не обращаясь, старикъ и вздохнулъ, покачавъ головой.

Онъ снова сталъ мѣшать въ кастрюлѣ, черпнулъ ложкой и, попробовавъ соусъ, спросилъ:

— А ты какъ же знаешь генеральскаго брата?

Антошка въ короткихъ словахъ разсказалъ свою исторію.

Поваръ, видимо удивленный и тронутый, промолвилъ раздумчиво.

— Ишь вѣдь какія бываютъ на свѣтѣ дѣла!.. Нищій, а призрѣлъ сироту... Богатый и родного брата въ шею... Ловко!

— Жалостливый!—вставилъ и кухонный мужикъ, необыкновенно сосредоточенно и словно бы сердито слушавшій разсказъ Антошки.

— А ты вотъ что, Аѳанасій,—обратился къ мужику поваръ,—возьми-ка отъ мальчика письмо да снеси Дуняшѣ, пусть, молъ, самой барышнѣ передастъ, да у ней въ комнатѣ... Чтобы, значитъ, генералъ не провѣдалъ... Да оботри прежде руки-то... Письмо замараешь... Вотъ такъ... неси теперь Дуняшѣ... И лакеямъ не показывай...

Когда Аѳанасій ушелъ, поваръ ласково сказалъ Антошкѣ:

— Пока присядь, мальчикъ. Богъ дастъ, барышня не откажетъ помочь горемычному дяденькѣ... Она у насъ добрая... не похожа на отца... Тотъ вовсе какъ будто каменный!—прибавилъ, понижая голосъ, поваръ.

— Безпремѣнно поможетъ!—увѣренно подтвердилъ Антошка.

— Ты почему же полагаешь?

— Она разъ прислала двадцать пять рублей, быдто отъ отца... И велѣла въ письмѣ, ежели что, къ ней писать, а не къ отцу...

— Ишь ты! Папеньку своего не захотѣла оконфузить!—промолвилъ поваръ.

Въ скоромъ времени, вслѣдъ за кухоннымъ мужикомъ, въ кухню вошла молодая горничная Дуняша и велѣла Антошкѣ идти за собой.

— Барышня хочетъ тебя видѣть! — привѣтливо сказала она.

Нина дожидалась въ маленькой комнатѣ Дуняши, находившейся въ корридорѣ, собираясь принять Антошку почти тайкомъ.

Необыкновенно участливо и внимательно, нѣсколько смущенная и точно чувствуя себя въ чемъ-то виноватою, слушала эта худощавая молодая дѣвушка съ большими темно-

сѣрыми глазами возбужденный разсказъ Антошки, въ дополненіе къ письму, о „графѣ“, объ его болѣзни, объ его добротѣ, и когда Антошка окончилъ разсказъ мольбой о томъ, чтобъ его не отдавали въ пріютъ и не разлучали съ „графомъ“, который всѣми брошенъ,—молодая дѣвушка, потрясенная и возмущенная, обѣщала непремѣнно сегодня же поѣхать къ княгинѣ и просить ее отмѣнить свое распоряженіе.

Она торопливо отдала Антошкѣ конвертъ съ двадцатью пятью рублями, и проговорила:

— Кланяйся отъ меня дядѣ. Извинись, что мало посылаю... Скоро еще пришлю... Успокой его... Скажи, что я буду просить княгиню... Она не возьметъ тебя въ пріютъ... я увѣрена... ты останешься при дядѣ... Ты вѣдь такъ его любишь...

— Еще бы не любить!..—воскликнулъ Антошка.

— И дядя, и ты, оба вы хорошіе!—возбужденно произнесла дѣвушка, и я сдѣлаю для васъ все, что могу...

— Спаси васъ Богъ, добрая барышня... Какъ графъ-то обрадуется, что вы жалѣете его... А то... вѣдь онъ чуть-было не умеръ...

— Зачѣмъ же онъ не написалъ мнѣ?

— Шибко боленъ былъ... Безъ памяти лежалъ, барышня...

— Бѣдный!.. Ну, иди же къ нему, Антоша... Кланяйся... Вотъ и тебѣ... возьми, возьми!—говорила она, доставая изъ портмоне послѣдній рубль, бывшій тамъ, и отдавая его Антошкѣ.—Что-нибудь себѣ купишь...

Антошка вышелъ благодарный и обрадованный.

„Теперь „графъ“ не пропадетъ. Племянница его не чета всѣмъ этимъ княгинямъ и графинямъ. Сейчасъ видно, какая она простая да жалостливая!“—думалъ Антошка, торопливо возвращаясь домой...

Рубль, полученный имъ, заставилъ его задуматься о томъ, что бы такое купить графу на эти деньги, что доставило бы ему удовольствіе. Долго онъ ломалъ надъ этимъ вопросомъ голову и наконецъ рѣшилъ, что вино очень полезно „графу“, тѣмъ болѣе, что и докторша во время болѣзни приказывала давать вина и сама его привозила, и Антошка, войдя въ погребъ, потребовалъ самой лучшей мадеры въ рубль.

XXII.

Разсказъ Антошки произвелъ на молодую дѣвушку сильное впечатлѣніе.

Первый разъ въ жизни она непосредственно услыхала объ ужасахъ нищеты и горя несчастныхъ людей. До этого она, случалось, читала объ этомъ въ книгахъ или слыхала мимоходомъ въ разговорахъ, что люди впадаютъ въ нищету по своей винѣ, но никогда не задумывалась надъ этимъ вопросомъ. Богатая, избалованная, получившая домашнее воспитаніе, жившая въ замкнутомъ кружкѣ такихъ же богатыхъ и чиновныхъ людей, она не могла себѣ представить, что за этимъ міромъ довольства, блеска и роскоши существуютъ на свѣтѣ люди, не имѣющіе ни пищи, ни платья, ни крова, нуждающіеся въ кускѣ хлѣба въ то время, когда ей шьютъ бальное платье, стоющее большихъ денегъ, или дарятъ дорогія бездѣлки.

А теперь эти мысли бродили въ ея головѣ, находили откликъ въ добромъ сердцѣ дѣвушки, и ей непремѣнно хотѣлось помочь и этому несчастному дядѣ, и этому мальчику.

Какъ ни было ей тяжело осуждать отца, но она осудила его въ душѣ за то, что онъ такъ жестоко отнесся къ родному брату, и она припомнила тѣ ужасныя слова отца, которыя онъ говорилъ по поводу письма, полученнаго мѣсяцъ тому назадъ отъ дяди, въ которомъ онъ молилъ о помощи для мальчика. И тогда она почувствовала правдивость этого письма. И тогда она подумала, что отецъ не правъ, считая своего брата лжецомъ... И тогда она находила жестокимъ поведеніе отца и, полная стыда за него, послала свои двадцать пять рублей. А теперь, послѣ того, какъ услыхала эту трогательную исторію двухъ бездомныхъ, горемычныхъ существъ, молодая дѣвушка невольно еще строже судила отца, и слова его казались ей теперь безсердечными.

О, какъ бы хотѣлось ей помирить отца съ дядей... Откуда такое озлобленіе? Ужели отецъ недоступенъ жалости и не можетъ отнестись къ нему тепло и сердечно, ободрить его, помочь ему?..

Но при мысли объ этомъ ей становилось жутко, и невольныя сомнѣнія закрадывались въ ея голову. Отецъ—не-

преклоненъ и, что разъ рѣшилъ, не мѣняетъ. И смѣетъ ли она учить отца? И станетъ ли онъ ее слушать?

Но если отецъ не исполняетъ то, что велитъ и долгъ, и любовь, она должна исполнить. Она не допуститъ, чтобы родной братъ отца нищенствовалъ, собирая милостыню на улицахъ, и чтобы отъ него отняли этого мальчика, котораго онъ такъ любитъ. Это безжалостно, возмутительно!

Возбужденная и радостная, что и у нея, скучающей и неудовлетворенной тою жизнью, которую заставляли ее вести, нашлось вдругъ дѣло, что и она можетъ быть полезной двумъ существамъ, молодая дѣвушка вышла изъ своей комнаты и прошла въ кабинетъ къ матери.

Нина разсказала ей то, что слышала отъ Антошки, и проговорила:

— Мама. Вѣдь необходимо помочь дядѣ и этому мальчику!

Госпожа Опольева, женщина добродушная, но благоговѣвшая передъ мужемъ, хотя и согласилась съ дочерью, что этотъ „несчастный дядя“ заслуживаетъ помощи, и что онъ всегда возбуждалъ въ ней жалость, но прибавила:

— А что скажетъ отецъ, Нина?

— Но развѣ, мама, мы-то сами не можемъ помочь помимо папы, его родному брату?.. И, наконецъ, вѣдь онъ вовсе не такой дурной... Напротивъ, эта исторія съ мальчикомъ... эти заботы о немъ...

— Но почему дядя обратился къ тебѣ, Нина?.. Онъ тебя совсѣмъ не знаетъ... Видѣлъ маленькой дѣвочкой...

Нина призналась матери, что раньше послала дядѣ отъ имени отца деньги, и теперь послала.

— Видишь, ты какая!—растроганно произнесла мать и нѣжно потрепала дочь по щекѣ своей бѣлой, пухлой рукой въ кольцахъ.— А если папа узнаетъ объ этомъ? Вѣдь онъ будетъ недоволенъ... Ты вѣдь знаешь его мнѣніе о дядѣ?..

— И пусть узнаетъ... Я тогда сама разскажу папѣ, что онъ ошибается... И папа, быть можетъ, убѣдится и... помирится съ дядей.

Опольева сдѣлала отрицательный жестъ.

— Этого никогда не будетъ! —произнесла она грустнымъ тономъ.

— Но если ты, мама, его попросишь...

— Я ужъ пробовала...

— Но за что же такая ненависть?.. Что же, наконецъ, сдѣлалъ такое дядя, что отъ него всѣ отшатнулись, и довели его до нищенства?—воскликнула Нина.—Разскажи мнѣ, мама...

Мать разсказала извѣстную читателю исторію „графа“.

— Что жъ тутъ такого ужаснаго, мама?.. Развѣ дядя не могъ исправиться? И развѣ многіе молодые люди не то же дѣлаютъ?.. И, однако, ихъ не изгоняютъ изъ общества... Помнишь, еще недавно какую исторію разсказывали о графѣ Бѣжецкомъ... Онъ сдѣлалъ вещи похуже, чѣмъ бѣдный дядя, и тѣмъ не менѣе, его вездѣ принимаютъ... И папа, и ты съ нимъ любезны... Онъ остался въ полку...

— Положимъ, съ дядей сурово обошлисъ... не спорю,— замѣтила мать,—но все-таки такъ опуститься, сдѣлаться пьяницей, нищимъ...

— Но кто же въ этомъ виноватъ? Развѣ родные поддержали его тогда? Напротивъ, всѣ, какъ ты говоришь, его оставили и сами же обвиняютъ его. Ахъ, мама, мама, какъ это несправедливо и безжалостно!—воскликнула молодая дѣвушка. — Нѣтъ, мама, голубчикъ, милая, добрая, ты ужъ позволь мнѣ помогать дядѣ... я буду давать ему въ мѣсяцъ свои двадцать пять рублей... И свои непремѣнно... Мнѣ на булавки и остальныхъ двадцати пяти за глаза довольно... И не нужно папѣ говорить... Пусть дядя будетъ думать, что это онъ посылаетъ... Не правда ли?..

— Ну, что жъ, дѣлай, какъ хочешь, добрая моя дѣвочка, возьми и отъ меня маленькую ленту... пошли ему еще десять рублей... Я буду давать каждый мѣсяцъ.

— Спасибо за дядю и за мальчика, мамочка... Теперь они, по крайней мѣрѣ, не будутъ нищенствовать... А за этого мальчика я буду просить тетю Мери... Я послѣ завтрака къ ней поѣду... Можно?

— Поѣзжай... только врядъ ли ее застанешь послѣ завтрака... Вѣдь, Маріе, ты знаешь, всегда занята... Время у нея распредѣлено...

— Я теперь поѣду...

— А завтракать?..

— Богъ съ нимъ съ завтракомъ... Потомъ позавтракаю...

— Такъ прикажи закладывать карету...

— Нѣтъ, я лучше въ саняхъ, мамочка...

И съ этими словами Нина вышла изъ кабинета матери и попросила Дуняшу приказать запречь сани.

Черезъ полчаса она уже ѣхала къ княгинѣ Моравской. Дорогой у нея явилась мысль послѣ визита къ Моравской поѣхать къ дядѣ. То-то онъ обрадуется! Непремѣнно надо навѣстить его. Мама навѣрное не разсердится! А отецъ не будетъ знать объ этомъ!

— Дома княгиня?

— Дома, пожалуйте!

Молодая дѣвушка быстро поднялась по лѣстницѣ.

Лакей встрѣтилъ ее у дверей почтительнымъ поклономъ и, проводивъ до гостиной, пошелъ докладывать княгинѣ.

XXIII.

Княгиня Марья Николаевна съ четверть часа тому назадъ вернулась съ прогулки, по обыкновенію, свѣжая, цвѣтущая и румяная, въ томъ спокойномъ, увѣренномъ и довольномъ расположеніи духа, которое бываетъ у счастливо-уравновѣшеннаго человѣка, сознающаго, что все, что онъ дѣлаетъ, хорошо и плодотворно, и что самъ онъ безупреченъ.

Сегодня во время прогулки именно такія мысли занимали княгиню, и она съ горделивымъ чувствомъ подумала, что она живетъ не такъ, какъ другія женщины. Въ самомъ дѣлѣ, большую часть женщинъ ея круга занимаютъ выѣзды, наряды, сплетни, флиртъ и разныя сердечныя увлеченія, доводящія многихъ до забвенія всякихъ приличій,—а она вся поглощена дѣятельностью. Сколькимъ людямъ она благотворитъ, сколько несчастныхъ, благодаря ей, сдѣлались счастливѣе, сколько дѣтей призрѣвается въ пріютахъ... А всѣ эти благотворительные концерты, спектакли и базары, устраиваемые, благодаря ея энергіи и настойчивости, какъ много даютъ они средствъ на добрыя дѣла?..

Благодаря ея дѣятельности, она не скучаетъ, не нервничаетъ, какъ эти свѣтскія дамы... Жизнь ея полна смысла, и она несетъ „крестъ свой“ безъ всякаго ропота... Да и Богъ съ нимъ, съ этимъ семейнымъ счастьемъ... Она обходится и

безъ него, и не надо ей какой-то любви, о которой такъ хлопочатъ многія женщины. Она и въ молодости никого не любила и вышла замужъ за старика по разсудку, такъ ужъ теперь...

Съ жестокостью женщины, никогда не увлекавшейся и всегда исполнявшей свой долгъ съ неумолимой строгостью, княгиня не отказала себѣ въ маленькомъ удовольствіи осудить тѣхъ, кто распускаетъ себя, мысленно назвать ихъ презрительной кличкой и брезгливо пожать плечами...

И сама она внутренно гордилась своею безупречностью, не подозрѣвая, конечно, что эта безупречность въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ ея уравновѣшенной, честолюбивой и холодной натуры, и съ самодовольнымъ чувствомъ думала, что она примѣрная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, благодаря твердымъ принципамъ, основаннымъ на религіозномъ фундаментѣ.

Съ такимъ заключеніемъ она вернулась домой, сдѣлавши свой узаконенный моціонъ, рекомендованный ей докторомъ, чтобы не полнѣть.

Письмо „графа“, которое княгиня только-что прочла, нѣсколько смутило молодую женщину и, главное, нарушило ея спокойное расположеніе духа и поколебало ея увѣренность въ томъ, что все, что она дѣлаетъ, хорошо и полезно.

Давно, давно не читала княгиня такихъ писемъ, хотя получала ихъ много.

Это было страстное, умоляющее, и вмѣстѣ съ тѣмъ негодующее письмо возмущеннаго и несчастнаго человѣка, полное ядовитыхъ сарказмовъ насчетъ желанія кузины спасать людей при помощи полиціи и дѣлать не добро, а зло. Искренностью и горемъ дышали эти строки, въ которыхъ „графъ“ объяснялъ, что такое для него этотъ мальчикъ, возродившій его къ жизни, его, одинокаго и всѣми брошеннаго. Неужели милые родственники, не желающіе его знать, хотятъ отнять единственное преданное ему существо. „Это было бы безсовѣстно и бездушно, княгиня,—писалъ „графъ“.—Если вы это сдѣлаете, значитъ, вы сами никогда и никого не любили, кромѣ себя, и ваша благотворительность—ничего не стоитъ, она для васъ—удовлетвореніе тщеславія, и больше ничего. Ужели у васъ хватитъ жестокости нанести послѣдній ударъ

тому человѣку, который—помните?—когда-то былъ вашимъ искреннимъ почитателемъ. Впрочемъ, и тогда вы были всегда слишкомъ холодны и разсудительны, и если теперь эти качества получили полное развитіе, то отъ васъ ждать пощады нечего... Вы, конечно, думаете, что я, отверженный, буду виновникомъ погибели мальчика... У васъ вѣдь, у сытыхъ, богатыхъ людей, и особенно у благотворителей... такая мораль... Вы воображаете, что ваши пріюты — спасаютъ... О, какъ вы ошибаетесь и какъ вы слѣпы, еслибъ только могли это понять... Простите за рѣзкость письма, но поймите, если не можете чувствовать, что вы хотите сдѣлать... Повремените, по крайней мѣрѣ. Соберите справки, узнайте обо мнѣ, посылайте своихъ благотворителей справляться о мальчикѣ, и если свѣдѣнія эти будутъ неблагопріятны, тогда... тогда берите его въ пріютъ, изъ котораго Антошка, конечно, убѣжитъ и, благодаря вамъ, дѣйствительно попадетъ, какъ вы выражаетесь, въ „когти порока“... Нѣтъ, вы этого не сдѣлаете, кузина... Не сдѣлаете“.

Прошла минута, другая, а княгиня все еще держала письмо въ рукахъ. Она хотѣла бы отнестись къ этому дерзкому письму съ презрѣніемъ и чувствовала, что не можетъ... Она хотѣла увѣрить себя, что это пишетъ „пропавшій человѣкъ“, пьяница, негодяй, и что на этотъ „пьяный бредъ“ не стоитъ обращать вниманія, и, тѣмъ не менѣе, чувствовала, что этотъ „бредъ“ задѣваетъ ее, и что онъ дышетъ правдой...

И ея красивое, спокойное, увѣренное въ себѣ лицо омрачилось тѣнью. Вмѣсто того, чтобы разорвать письмо, она положила его на письменный столъ и задумалась...

Въ эту минуту постучали въ двери.

— Войдите!

— Нина Константиновна Опольева!—доложилъ лакей.

— Просите сюда!—проговорила княгиня.

Она поднялась и пошла встрѣтить молодую дѣвушку.

Княгиня очень благоволила къ своей молодой родственницѣ. Она считала Нину серьезной дѣвушкой, а не обыкновенной свѣтской пустельгой, которая только ищетъ жениховъ и занимается кокетствомъ.

— Какой счастливый вѣтеръ занесъ тебя, Нина?—гово-

рила княгиня, цѣлуя молодую дѣвушку. — У васъ всѣ здоровы: мама, отецъ?

— Всѣ здоровы, тетя Мери... А къ вамъ я, тетя, съ просьбой, съ большой просьбой.

— Да ты присядь прежде, Нина...

Нина опустилась на маленькій диванчикъ.

— Ну, теперь разсказывай, въ чемъ дѣло...

„Волнуясь и спѣша", молодая дѣвушка стала просить княгиню не опредѣлять Антошку въ пріютъ.

— Если бъ вы знали, тетя, какъ любятъ они другъ другъ друга: бѣдный дядя и этотъ мальчикъ!.. Онъ сейчасъ у меня былъ и разсказывалъ, что дяди былъ опасно боленъ, чуть не умеръ, простудился, когда вышелъ въ легкомъ пальто собирать милостыню... А этого своего пріемыша ни за что не пускалъ... Его одѣлъ, а объ себѣ не подумалъ... Вообще, тутъ все необыкновенно, тетя, и доказываетъ, что дядя вовсе не такой дурной человѣкъ... Напротивъ...

— И твой папа такъ нынѣ думаетъ?

— Нѣтъ, тетя... Папа предубѣжденъ противъ дяди...

— А ты, Нина, увлекаешься... Я тоже получила сейчасъ письмо отъ кузена... и очень дерзкое и наглое... И онъ требуетъ, чтобъ я не опредѣляла его пріемыша въ пріютъ... И какой тонъ.. Какія выраженія!..

— Но, тетя, онъ такъ несчастенъ... Полиція грозитъ отнять мальчика...

— Да, я просила объ этомъ, чтобы его спасти... Онъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе, этотъ мальчикъ. Въ пріютѣ ему было бы лучше! настаивала княгиня.

— Онъ убѣжитъ изъ пріюта... Онъ не хочетъ туда!

— И твой дядя пишетъ, что убѣжитъ... Вотъ дѣлай послѣ этого добро людямъ... Хлопочи о нихъ!—съ сердцемъ промолвила княгиня. — Что можетъ выйти изъ этого мальчика? Нищій, пьяница, воръ...

— О нѣтъ, тетя, нѣтъ... О немъ и о дядѣ будутъ заботиться... Дядя больше не станетъ просить милостыни... Нѣтъ!—энергично протестовала Нина, вся вспыхивая.

— Ты хочешь помогать ему?

— Да, тетя.

— Напрасно, моя милая... Надо помогать съ разборомъ...

Твои деньги пойдутъ на пьянство... Твой дядя совсѣмъ погибшій человѣкъ...

— Не думаю, тетя...

— А я увѣрена... Ужъ если помочь ему, то иначе...

— Какъ, тетя?

— А вотъ какъ: помѣстить его въ богадѣльню. Я берусь это устроить. Это было бы лучше всего!

И княгиня вся засіяла отъ этой, неожиданно осѣнившейся голову мысли. Въ самомъ дѣлѣ, чего же лучше!

— Но если дядя не захочетъ, тетя, въ богадѣльню?— промолвила Нина и невольно улыбнулась этому неудержимому желанію княгини благодѣтельствовать людямъ, не спросивши у нихъ, хотятъ ли они этого.

— Ну и дуракъ, если не захочетъ!—категорически отрѣзала княгиня. Ему, значитъ, нравится жизнь, которую онъ ведетъ.

— Нѣтъ, милая тетя, ужъ вы исполните просьбу... Оставьте дядѣ мальчика... Не откажите, голубчикъ-тетя!— упрашивала Нина.

— Ну, хорошо... Я уступаю... Не хотятъ люди добра— какъ хотятъ, а я умываю руки! — проговорила, наконецъ, княгиня.

— И напишите поскорѣй кому тамъ нужно, а то полиція возьметъ мальчика.

— Я сейчасъ протелефонирую.

И княгиня подошла къ телефону, вызвала, кого слѣдуетъ, и просила отмѣнить распоряженія.

— Ну, теперь однимъ нищимъ на свѣтѣ будетъ больше... поздравляю! Ты довольна этимъ, Нина? — проговорила княгиня.

Но тонъ ея голоса звучалъ весело. Она, казалось, сама была рада, что исполнила просьбу и оставила Антошку при „графѣ“.

— А мнѣ кажется, что теперь двумя менѣе несчастными людьми будетъ болѣе! —замѣтила Нина, улыбаясь своими большими кроткими глазами.

— Ты, Нина, еще очень молода и потому смотришь въ розовые очки... Дай Богъ, чтобъ бѣдный кузенъ исправился, благодаря мальчику, хотя я мало вѣрю въ исправленіе та-

кихъ людей... Согласна, что это въ самомъ дѣлѣ трогательная исторія... Письмо его, хоть и дерзкое, а кажется искреннимъ и, признаюсь, произвело и на меня впечатлѣніе...

— Вотъ видите, тетя... Что онъ пишетъ?

— Онъ болѣе бранится... Ну довольно объ этомъ. Что кончено, то кончено... Разскажи о себѣ... Я тебя давно не видала... Что ты дѣлаешь? Надѣюсь, ты съ нами позавтракаешь? Я тебя не отпущу, слышишь? Довольна ты своей жизнью?

Молодая дѣвушка призналась, что та жизнь, которую она ведетъ, ея не удовлетворяетъ.

— Ну еще бы!.. Есть чѣмъ удовлетворяться? Эти ваши скучнѣйшіе балы, эти ваши глупые фиксы и глупые кавалеры... Надѣюсь, не влюбилась еще ни въ одного изъ этихъ господъ?

— Нѣтъ, тетя...

— И слава Богу... Я всегда считала тебя умной дѣвочкой... А что ты читаешь? Не одни романы, конечно?

— Нѣтъ, тетя... Я и журналы читаю...

— Тебѣ бы надо, Нина, дѣломъ заняться...

— Какимъ, научите, тетя...

— Сдѣлайся членомъ нашего Общества „Помогай ближнему“ и, если захочешь, дѣло найдется...

— Я охотно готова бы работать... Но только...

Она не договорила нѣсколько смущенная.

— Что же тебя останавливаетъ?

— Папа не особенно любитъ всѣ эти благотворительныя общества...

Княгиня вспыхнула.

— Твой отецъ—извини, а ужъ я прямо скажу—совсѣмъ сдѣлался въ послѣднее время чиновникомъ и не понимаетъ никакого живого дѣла... Мы съ нимъ не разъ ссорились изъза этого... По его мнѣнію, только то хорошо, что вышло изъ канцелярій, а свободная частная дѣятельность ему не по сердцу... Онъ и меня считаетъ вродѣ сумасшедшей... я знаю... Но я съ нимъ поговорю о тебѣ, и надѣюсь, что онъ позволитъ тебѣ работать подъ моимъ наблюденіемъ... Хочешь?..

— Съ большимъ удовольствіемъ!

— Очень рада... Ты, по крайней мѣрѣ, будешь полезна ближнимъ... А теперь ты что?.. Барышня съ хорошимъ при-

данымъ, за которой охотятся женихи... Нечего сказать, пріятное положеніе... И знаешь, что я тебѣ скажу, Нина?..

— Что, тетя?..

— Не торопись выходить замужъ.

— Я и не тороплюсь.

— Тебѣ двадцать лѣтъ... Подожди еще лѣтъ пять...

— Охотно буду ждать, тетя!—разсмѣялась Нина.

— И—главное, Нина—не выходи замужъ по разсчету, и особенно за старика... Избави тебя Богъ отъ этого!—какъ-то значительно и серіозно проговорила княгиня... Ну, а теперь пойдемъ завтракать! — круто оборвала она разговоръ, когда вошедшій лакей доложилъ, что завтракъ поданъ.

XXIII.

— Куда, прикажете, барышня, домой?—спросилъ кучеръ послѣ того, какъ швейцаръ Моравскихъ усадилъ Нину въ санки и застегнулъ полость.

— Нѣтъ, Иванъ... Поѣзжайте къ Бердову мосту. Вы знаете, гдѣ Бердовъ мостъ...

— Какъ не знать, барышня.

Кучеръ натянулъ возжи, и рѣзвая вороная „Свѣтланка“ понесла санки крупною быстрою рысью.

Кучеръ любилъ „хорошо прокатить“ барышню, которую онъ, какъ и вся вообще прислуга въ домѣ Опольевыхъ, отличалъ за ея простоту и ласковое, привѣтливое обращеніе, показывавшее, что барышня не гнушается простымъ человѣкомъ. Это не то, что „самъ генералъ“, всегда ровный, никогда не возвышавшій голоса и въ то же время, съ какимъ-то снисходительнымъ презрѣніемъ смотрѣвшій на прислугу. Никогда ни съ кѣмъ ни одного лишняго слова, кромѣ приказаній, точныхъ и короткихъ. Никогда ни малѣйшей фамильярности и никакой шутки, даже съ камердинеромъ, который жилъ у него шесть лѣтъ. И не даромъ всѣ трепетали Опольева, зная, что за малѣйшую неаккуратность и за неточное исполненіе его приказаній виновный будетъ немедленно разсчитанъ и безъ всякихъ объясненій.

Иванъ пустилъ „Свѣтланку“ во всю. Снѣжная пыль обдавала закутанную Нину, и вѣтеръ рѣзалъ ея лицо. Она любила скорую ѣзду.

— Тише, тише, Иванъ... Кого-нибудь задавите!..

— Что вы, барышня... Не извольте безпокоиться...

Однако онъ попридержалъ лошадь, и только въ малолюдной Офицерской снова пустилъ „Свѣтланку“ полнымъ ходомъ.

Не доѣзжая Бердова моста, кучеръ круто осадилъ лошадь у воротъ большаго дома, указаннаго Ниной.

Она вышла изъ саней и нерѣшительно дернула за звонокъ у воротъ.

Наконецъ явился дворникъ.

— Гдѣ здѣсь живетъ г. Опольевъ?—спросила Нина.

— На заднемъ дворѣ, у прачки, третій этажъ... номеръ 50!—грубовато отвѣтилъ дворникъ.

— Да ты проводи-то барышню... Не видишь, кто съ тобой говоритъ!—сердито окрикнулъ кучеръ, находившій, что дворникъ отнесся не съ надлежащимъ почтеніемъ къ барышнѣ, да еще пріѣхавшей на собственной лошади.

— Я... что жъ... Я провожу... Пожалуйте, барышня!—проговорилъ дворникъ уже болѣе любезно.

„Ишь вѣдь дядю нищаго своего пошла провѣдать“, сочувственно подумалъ кучеръ, который ужъ узналъ сегодня на кухнѣ, кто такой братъ ихъ генерала.

Не безъ нѣкоторой брезгливости поднялась Нина по темной, вонючей лѣстницѣ, съ мокрыми ступеньками и покрытыми сыростью стѣнами. Изъ многихъ квартиръ съ открытыми дверями шелъ скверный запахъ кухни и смрада. По лѣстницѣ шмыгнули какія-то подозрительныя мужскія фигуры, скверно одѣтыя, съ испитыми физіономіями и удивленно озирали нарядно одѣтую барышню, И Нинѣ становилось жутко.

— Вотъ здѣсь, пожалуйте.

И дворникъ дернулъ звонокъ.

За дверями послышалось шлепанье туфель, и Анисья Ивановна въ кофтѣ и юбкѣ, съ засученными руками, показалась въ дверяхъ.

— Вамъ кого?—удивленно спросила она.

— Александръ Ивановичъ Опольевъ здѣсь живетъ?

— Здѣсь... здѣсь... Пожалуйте, барышня! — привѣтливо встрѣтила Нину квартирная хозяйка, догадавшись по описанію Антошки, что это та самая племянница, которая помогла „графу“.

*

— Можно къ нему войти?—робко спросила Нина и невольно поморщилась, вдыхая отвратительный спертый воздухъ маленькой квартирки.

— Очень даже можно... Александръ Иванычъ сегодня первый разъ встали и сидятъ... Не угодно ли? Входите... Вотъ ихъ комната...

Нина постучала.

— Войдите! — раздался изъ комнаты низкій сиповатый басокъ „графа“.

Молодая дѣвушка вошла и остановилась на мгновеніе, смущенная и взволнованная, пораженная и нищенской обстановкой маленькой комнатки, и видомъ этого блѣднаго, смертельно блѣднаго, осунувшагося лица, изрытаго морщинами, съ черными, глубоко сидящими, глазами, все еще красиваго и выразительнаго. Шапка кудрявыхъ, сѣдоватыхъ волосъ, покрывавшихъ большую голову „графа“, придавала ему видъ художника. Съ перваго же взгляда Нину поразило необычайное сходство его съ отцомъ, но только „графъ“ казался совсѣмъ старикомъ, хотя и былъ моложе. Одѣтъ онъ былъ въ свое знаменитое порыжѣлое пальто и въ туфляхъ...

— Съ кѣмъ имѣю честь,—съ изысканною вѣжливостью началъ, было, удивленный „графъ“, съ трудомъ приподнимаясь съ кровати и стараясь держаться прямо, но не докончилъ фразы и пристально вглядѣвшись въ Нину, воскликнулъ:

— Нина... Нина Константиновна... Неужели это вы?

— Я самая, дядя!—проговорила закраснѣвшаяся дѣвушка, торопливо подходя къ „графу“ и протягивая ему руку.

— Не ожидалъ!—едва вымолвилъ онъ и горячо припалъ къ ея рукѣ.

Нина поцѣловала его въ голову...

— Не ожидалъ!—повторилъ онъ, стараясь скрыть свое волненіе.—Спасибо вамъ, милая дѣвушка... Спасибо... Садитесь...

И „графъ“ хотѣлъ, было, подвинуть табуретъ...

— Не безпокойтесь, дядя... пожалуйста, сидите...

И, присѣвъ на табуретъ, она продолжала, все еще смущенная и взволнованная:

— Я непремѣнно хотѣла побывать у васъ, узнать о вашемъ здоровьѣ и сообщить пріятную вѣсть и вамъ, и Анто-

шѣ,—обернулась она къ Антошкѣ, ласково ему улыбнулась.— Я только-что отъ княгини Моравской... Антошу отъ васъ не возьмутъ... Княгиня телефонировала градоначальнику...

Антошка весело улыбался.

— И за это спасибо вамъ, Нина Константиновна...

— Просто—Нина, дядя...

— Ну извольте: Нина... И за все, за все, что вы сдѣлали...

— Полноте, дядя... Стоитъ ли говорить... Много ли я сдѣлала?.. Я ничего не сдѣлала того, что бы слѣдовало,— какъ-то значительно и словно бы виновато проронила молодая дѣвушка, бросая робкій взглядъ, полный участья, на „графа“. Я вѣдь раньше рѣшительно ничего не знала о васъ, а теперь, какъ узнала отъ Антоши, какой вы хорошій!..

— Ну ему вѣрить нельзя... Онъ удивительно болтливый и, главное, увлекающійся мальчишка... Видите ли, Нина, дѣтство его было очень печальное, и когда его пригрѣли, онъ ужъ и раскисъ, являя рѣдкое качество чувства благодарности... Такъ княгиня смилостивилась?.. Отказалась отъ мысли силою облагодѣтельствовать Антошку и, конечно, полагаетъ, что онъ пропадетъ?.. Но вы, Нина, я увѣренъ, этого не думаете, и понимаете, что я постараюсь, чтобъ онъ не былъ похожъ на меня!—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой.

— Разумѣется, не думаю, дядя...

— И не ошибетесь... вѣрьте...

И, словно бы спохватившись и вспоминая что и онъ когда-то былъ свѣтскимъ человѣкомъ, „графъ“ поспѣшилъ освѣдомиться о здоровьѣ ея родителей.

— Благодарю васъ, здоровы...

Она хотѣла, было, прибавить: „вамъ кланяются“, но удержалась отъ этой лжи и прибавила:

— Я вѣдь къ вамъ, дядя, пріѣхала экспромтомъ... Ни папа, ни мама не знаютъ...

— Тѣмъ болѣе порадовали... Вѣдь вы первая изъ родственниковъ рѣшились посѣтить меня... Первая, и вѣроятно, послѣдняя...

— Я, дядя, если позволите, и еще пріѣду.

— Позволю?.. Я буду безконечно радъ васъ видѣть, но... какъ бы вамъ-то не досталось, милая племянница... Вашъ отецъ не очень-то обрадуется, если узнаетъ, а я... я не хочу,

что-бы изъ за меня вамъ сказали хоть одно непріятное слово!— прибавилъ графъ на превосходнѣйшемъ французскомъ языкѣ.

— Не бойтесь... Не достанется... И я надѣюсь, что и папа примирится съ вами... пойметъ, какъ онъ передъ вами... виноватъ!..

— Виноватъ?.. Напрасно вы думаете, что онъ виноватъ... У брата своя точка зрѣнія... Онъ человѣкъ извѣстныхъ правилъ... вотъ и все...

Нина просидѣла полчаса и была просто очарована и изяществомъ „графа“, и его остроумными замѣчаніями, и его манерами, полными достоинства.

Наконецъ она поднялась и, крѣпко пожимая руку „графа“, горячо проговорила:

— Я очень-очень рада, дядя, что познакомилась съ вами...

И прибавила по французски съ робкою застѣнчивостью:

— И надѣюсь, дядя, что вы позволите мнѣ быть исключеніемъ изъ родственниковъ... и... и... быть вамъ полезной,— чуть слышно прибавила она.—Видите ли... у меня есть свободныя и совсѣмъ ненужныя деньги... Не обидьте, дядя, меня отказомъ и позвольте ежемѣсячно присылать вамъ бездѣлицу... тридцать пять рублей... Больше я, къ сожалѣнію, не могу...

„Графъ“ не находилъ словъ...

— И кромѣ того... вамъ, дядя, необходимо перемѣнить квартиру и... сдѣлать кое-что... Вы больны, вамъ нуженъ уютъ... теплое платье... На-дняхъ я пришлю деньги... Они мнѣ совсѣмъ не нужны... право... двѣсти рублей... Вы перемѣните обстановку... Вамъ необходима чистая комната... Не правда ли... И вы возьмете отъ любящей васъ племянницы... Вѣдь да, да?..

— Милая! Добрая!..—проговорилъ дрогнувшимъ голосомъ графъ.

— До свиданія, дядя... Будьте здоровы...

Она крѣпко пожала руку „графа“ и сказала Антошкѣ:

— Проводи меня, Антоша... Прощайте, Анисья Ивановна...

Антошка проводилъ молодую дѣвушку до саней. Когда онъ ее подсаживалъ, то замѣтилъ, что глаза ея полны слезъ.

— Прощайте, барышня... Дай вамъ Богъ всего хорошаго!—горячо проговорилъ онъ.

— До свиданія... Берегите дядю... Если заболѣетъ, дайте мнѣ знать...

Необыкновенно веселый и радостный вернулся Антошка къ „графу“ и думалъ встрѣтить и его такого-же веселаго. Но каково же было его удивленіе, когда, войдя въ комнату, онъ увидѣлъ „графа“, сидящаго за столомъ, съ закрытымъ руками лицомъ. Плечи его вздрагивали, словно бы онъ плакалъ.

И „графъ“ дѣйствительно плакалъ, потрясенный и тронутый сердечнымъ участіемъ, котораго онъ такъ долго не видалъ. Неужели это не сонъ, и впереди новая жизнь безъ этого опостылаго попрошайничества?

К. Станюковичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОЦЕССЪ ОПЛОДОТВОРЕНІЯ ВЪ РАСТИТЕЛЬНОМЪ ЦАРСТВѢ.

И. П. БОРОДИНА.

(*Продолженіе* *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Оплодотвореніе скрыто- и голосѣмянныхъ растеній.—Связь ихъ съ споровыми.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между высшими или, такъ называемыми, сѣмянными растеніями низшее мѣсто занимаютъ хвойныя, саговыя и немногія другія растенія, по строенію своихъ цвѣтовъ близкія къ хвойнымъ. Ихъ выдѣляютъ въ особую группу подъ названіемъ *голосѣмянныхъ* растеній, тогда какъ всѣ прочія составляютъ группу *скрытосѣмянныхъ*. Голосѣмянныхъ растеній весьма немного; въ общей сложности ихъ едва наберется четыреста видовъ, по крайней мѣрѣ, между нынѣ живущими формами, тогда какъ скрытосѣмянныхъ далеко за сотню тысячъ. Отличительный признакъ голосѣмянныхъ заключается въ отсутствіи у нихъ того, что называютъ завязью, т. е. полаго внутри образованія, скрывающаго въ себѣ яички—будущія сѣмена; нѣтъ также столбика и рыльца, словомъ — недостаетъ вообще пестика. Яички у нихъ сидятъ или совершенно обнаженно, или же, чаще, прикрыты особыми чешуйками; стоитъ только отогнуть чешуйку—и прикрѣпленныя къ ней со внутренней стороны яички бросятся въ глаза, тогда какъ у скрытосѣмянныхъ можно увидать яички, только разрѣзавъ или разломавъ скрывающую ихъ завязь. Какъ уже сказано, голосѣмянныя несомнѣнно стоятъ ниже скрытосѣмянныхъ, т. е., организованы проще и больше ихъ приближаются къ споровымъ растеніямъ. Палеонтологическія данныя, т. е. изученіе ископаемыхъ растеній, вполнѣ подтверждаютъ воззрѣніе, согласно которому голосѣмянныя возникли на землѣ раньше

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

скрытосѣмянныхъ; въ жизни нашей планеты была эпоха, когда голосѣмянныя являлись единственными представителями сѣмянныхъ растеній вообще. Если бы не было между споровыми растеніями формъ съ двоякими спорами, а съ другой стороны между сѣмянными растеніями не было бы голосѣмянныхъ, то нельзя было бы вовсе связать другъ съ другомъ оба отдѣла растительнаго царства—растенія со спорами и растенія съ сѣменами.

Мы познакомимся сначала съ процессомъ оплодотворенія огромнаго большинства сѣмянныхъ растеній, а затѣмъ уже съ особенностями, которыя представляютъ голосѣмянныя. И такъ, теперь будетъ идти рѣчь о растеніяхъ, у которыхъ яички скрыты внутри настоящаго пестика.

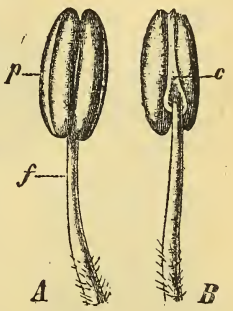


Рис. 114.

Мужскимъ оплодотворяющимъ органомъ является у сѣмянныхъ растеній, какъ мы уже знаемъ, такъ называемая *тычинка*. Мы помнимъ также, что она составлена изъ двухъ различныхъ частей (рис. 114)—изъ нити (*f*) и пыльника (*p*), и что въ пыльникѣ внутри содержится плодотворная *пыльца* или, иначе, *цвѣтень*. Въ самой ранней молодости, когда тычинка едва обозначилась вну-

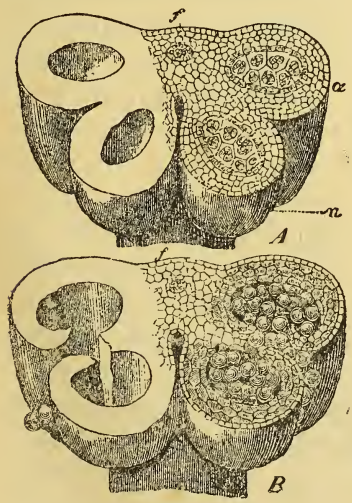


Рис. 115.

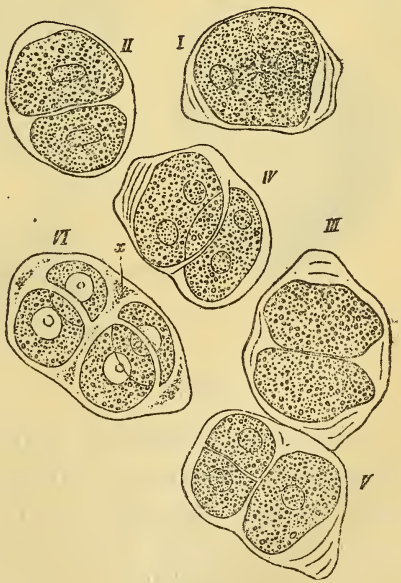


Рис. 116.

три завязывающагося бутона, весь пыльникъ составленъ сплошь изъ одинаковыхъ, нѣжныхъ клѣточекъ. Но вскорѣ въ четырехъ мѣстахъ обозначаются,—какъ видно на рис. 115 *A*, на попереч-

номъ разрѣзѣ молодаго пыльника,—группы болѣе крупныхъ клѣточекъ, которыя спеціально предназначены для развитія пыльцы. Эти крупныя клѣточки, предварительно расклеившись, или, у другихъ растеній, оставаясь плотно сомкнутыми, дѣлятся такъ, что внутри каждой изъ нихъ образуется по четыре клѣточки, изъ которыхъ каждая дастъ впослѣдствіи одну пылинку. Процессъ дѣленія совершается или въ два темпа, т.-е. клѣточка сначала распадается перегородкою на двѣ, а затѣмъ вскорѣ каждая изъ нихъ производитъ еще по перегородкѣ (рис. 116), или же вся первоначальная клѣточка сразу распадается на четыре, подвергаясь, такъ сказать, четвертованію (рис. 117). Въ послѣднемъ случаѣ предварительно образуется въ клѣточкѣ четыре ядра, но не сразу, а чрезъ повторенное дѣленіе первоначальнаго ядра на двое, и только когда эти четыре ядра готовы и размѣстились надлежащимъ образомъ, отъ стѣнки клѣточки врастаютъ внутрь словно клинья (рис. 117 *D*), разрѣзающіе ее мало-по-малу на четыре части съ однимъ ядромъ въ каждой. Тѣмъ ли, другимъ ли способомъ, въ результатѣ получаются, слѣдовательно, — временно, конечно, — клѣточки, связанныя другъ съ другомъ по четыре, такъ называемыя, тетрады или четверки. Обыкновенно содержимое въ каждой камерѣ облекается вскорѣ собственною тоненькою оболочкою, послѣ чего какъ общая оболочка всей четверки, такъ и перегородки, раздѣлявшія ее на камеры, растворяются, и молодыя пылинки становятся свободными. Такимъ образомъ у огромнаго большинства сѣмянныхъ растеній каждая пылинка составлена изъ одной клѣточки, но развивались онѣ группами по четыре сообща. Этотъ способъ развитія удивительно напоминаетъ способъ обра-

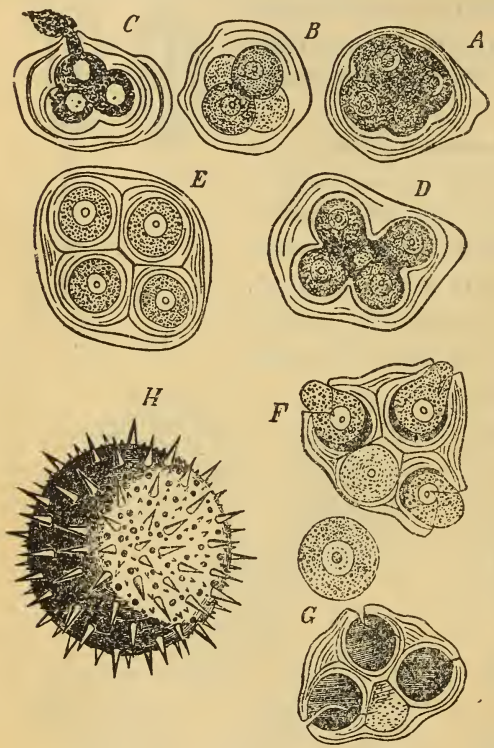


Рис. 117.

зованія споръ у большинства высшихъ споровыхъ растеній; тамъ замѣчаются совершенно такія же четверки (рис. 108). Есть, впрочемъ, сѣмянныя растенія, у которыхъ готовая пыльца устроена сложнѣе въ томъ отношеніи, что пылинка состоитъ не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ клѣточекъ. Тогда число послѣднихъ оказывается либо 4, либо 8, 16, 32 и т. д., потому что въ составъ пылинки входитъ одна или нѣсколько четверокъ, остающихся склеенными между собою. Случается даже, какъ, напримѣръ, у нѣкоторыхъ орхидей, что вся пыльца въ гнѣздѣ пыльника образуетъ одну связную массу, т.-е. всѣ четверки остаются склеенными. Такія массы называютъ поллинаріями. Рис. 119 изображаетъ одинъ такой поллинарій, извлеченный изъ тычинки орхиднаго. Такъ какъ въ пыльникѣ тычинки обык-

Рис. 11 8.

Рис. 119.

новенно бываетъ два гнѣзда, то каждая тычинка даетъ два поллинарія. Эта крупная, ясно замѣтная простымъ глазомъ масса, такъ и не разсыплется на отдѣльныя пылинки, а будетъ перенесена цѣликомъ на рыльце. Но вообще растенія со *сложною* пыльцою составляютъ исключеніе изъ общаго правила.

Молодыя пылинки, разъединившись изъ четверокъ, увеличиваются въ объемѣ и измѣняютъ строеніе своей оболочки. Мы разсмотримъ теперь строеніе пыльцы въ окончательномъ ея видѣ. Какъ уже сказано, почти всегда пылинка образуется одною клѣточкою. Величина пылинокъ у разныхъ растеній чрезвычайно различна. Есть растенія съ особенно мелкою пыльцею, есть другія, у которыхъ отдѣльная пылинка настолько крупна, что ясно различима простымъ глазомъ. Столь же разнообразна и форма пылинки могутъ быть шаровидныя, эллипсоидальныя, тетраэдрическія и т. д., и все это признаки весьма постоянные для каж-

даго извѣстнаго растенія; у незабудки, напримѣръ, пыльца всегда необычайно мелкая, у тыквы, напротивъ, особенно крупная и т. д. Рисунки 119 и 120 наглядно показываютъ, какъ различно выглядятъ подъ микроскопомъ пылинки разныхъ растеній. На рис. 119 всѣ пылинки срисованы при одномъ и томъ же увеличеніи (въ 200 разъ) и сразу бросается въ глаза, какъ, напримѣръ, мелки пылинки одуванчика (фиг. 4) сравнительно съ пылинками мальвы (фиг. 8). Но впечатлѣніе еще усиливается при сопоставленіи рис. 119 съ рис. 120, гдѣ мы видимъ еще болѣе крупную пыльцу, несмотря на то, что увеличеніе здѣсь вдвое слабѣе; пылинки конопли (фиг. 7) кажутся карликами передъ гигантскими пылинками тыквы (фиг. 3). Въ связи съ этими различіями въ размѣрахъ пылинокъ стоитъ и различное число ихъ въ пыльникѣ: очень крупныя пылинки находятся въ числѣ всего нѣсколькихъ десят-

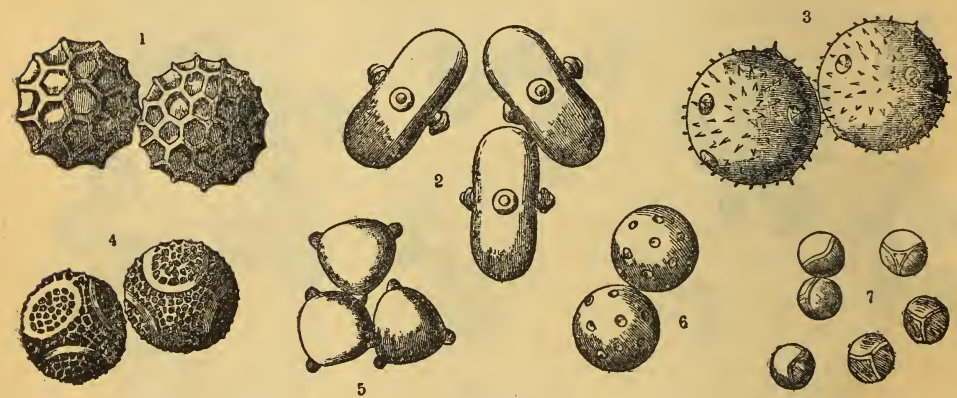


Рис. 120.

ковъ, тогда какъ мелкія насчитываются тысячами и даже десятками тысячъ. Особенное разнообразіе пыльцѣ придаетъ строеніе ея оболочки. Нужно вспомнить, что пылинка попадаетъ на рыльце и, оставаясь сама лежать тамъ, выпускаетъ изъ себя особую трубочку, называемую пыльцевою трубкою; послѣдняя, собственно, и производитъ оплодотвореніе, проникая въ яичко. Сообразно съ этимъ уже заранѣе оболочка пылинки принимаетъ особенное строеніе. Обыкновенно она составлена какъ бы изъ двухъ шкурокъ: внутренняя нѣжная, а наружная болѣе прочная; трубочка образуется чрезъ дальнѣйшее разрастаніе внутренней оболочки, при чемъ ей обыкновенно даже не приходится прорывать наружную, такъ какъ въ послѣдней имѣются заранѣе намѣченныя мѣста для пропуска будущей трубочки; это обыкновенно круглыя отверстія, сквозь которыя выглядываетъ, часто высовываясь въ видѣ бородавочки, внутренняя оболочка. Число такихъ мѣстъ въ пылинкѣ у раз-

ныхъ растеній неодинаково: на рис. 120 въ 2 и 5 и на рис. 121, напримѣръ, мы видимъ ихъ три и это очень обыкновенный случай, но бываетъ и гораздо больше, какъ, напримѣръ, на фиг. 6 того же рисунка, а нерѣдко и одно. Даже въ томъ случаѣ, если мѣстъ, предназначенныхъ для выхода пыльцевой трубочки, имѣется въ пылинкѣ нѣсколько, въ дѣйствительности выходитъ, за весьма рѣдкими исключеніями, всего одна трубочка. Которая изъ бородавочекъ разрастется въ трубку—будетъ зависѣть отъ того, какъ пылинка ляжетъ на рыльце. Впрочемъ, пыльцевыя трубочки можно получить и безъ всякаго рыльца, напримѣръ, посѣявъ зрѣлую пыльцу на сочную поверхность арбузной корки или, еще проще, въ каплю сахарнаго сиропа, иногда даже просто въ воду, хотя въ большинствѣ случаевъ чистая вода такъ быстро поглощается пылинкою, что послѣдняя, вмѣсто вытягиванія въ трубочку, мгновенно лопается. Ко всему сказанному слѣдуетъ еще прибавить, что очень часто поверхность пылинки бываетъ покрыта различнаго рода неровностями, шипами, бородавочками, гребешками и т. п., которыя въ своей совокупности образуютъ часто весьма оригинальные и красивые узоры, какъ это видно на рисункахъ 119 и 120. Эти узоры не лишены извѣстнаго значенія. Благодаря шипамъ и пр., пылинки легче пристаютъ къ тѣлу насѣкомыхъ, играющихъ такую выдающуюся роль при переносѣ пыли на рыльца. Сопоставляя все сказанное, неудивительно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ по одной пылинкѣ можно узнать подъ микроскопомъ, какому растенію она принадлежитъ.

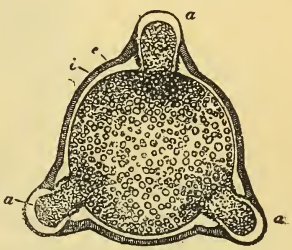


Рис. 121.

Но, какъ ни привлекательна бываетъ внѣшность пылинки, главный интересъ скрывается внутри ея, такъ какъ произвести оплодотвореніе можетъ, конечно, только содержимое пыльцы, а никакъ не оболочка. Мы видѣли, что микроспоры высшихъ споровыхъ растеній въ качествѣ оплодотворяющихъ элементовъ выпускаютъ изъ себя живчиковъ. Въ пылинкахъ сѣмянныхъ растеній, сколько ни искали, не могли замѣтить настоящихъ, подвижныхъ живчиковъ, но въ послѣднее время удалось найти нѣчто имъ равнозначащее, соотвѣтствующее, хотя, на первый взглядъ, и непохожее на нихъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Разъ пылинка представляетъ клѣточку, то внутри ея, естественно, должно находиться клѣточное ядро. Еще въ шестидесятыхъ годахъ, однако, было замѣчено, что зрѣлая пылинка содер-

житъ даже не одно, а два ядра, притомъ часто отличныхъ другъ отъ друга по формѣ (рис. 122 *D*). Долгое время этимъ ядрамъ внутри пылинки не придавали особеннаго значенія; сначала просто не замѣчали ихъ, а потомъ ошибочно утверждали, что они, хотя и существуютъ временно, и даже вступаютъ въ пыльцевую трубочку, но, въ концѣ концовъ, растворяются. Теперь, однако, несомнѣнно выяснилось, что въ нихъ-то и заключается главный интересъ дѣла и что оплодотвореніе отнюдь не вызывается простымъ прикосновеніемъ пыльцевой трубочки къ зачатку, съ которымъ мы далѣе познакомимся. Вотъ что происходитъ въ пылинкѣ

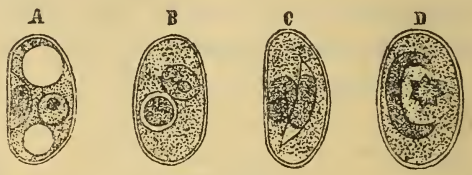


Рис. 122.

передъ тѣмъ какъ она высыпается изъ пыльника и переносится на рыльце. Вначалѣ, тотчасъ послѣ своего обособленія изъ знакомыхъ уже намъ четверокъ, она дѣйствительно заключаетъ лишь одно клѣточное ядро. Мы видимъ, его, напримѣръ, на лѣвой фигурѣ рисунка 123, изображающаго пылинки лиліи, растенія, у котораго процессъ оплодотворенія изученъ особенно тщательно (французскимъ ботаникомъ *Гиньяромъ*). На любопытныхъ подробностяхъ строенія ядра, хорошо переданныхъ на рисункѣ, на оригинальныхъ змѣйкахъ, наполняющихъ его внутренность, мы теперь останавливаться не станемъ. Это ядро вскорѣ дѣлится на два и на средней фигурѣ того же рисунка 123 мы видимъ его въ этомъ переходномъ состояніи, но опять-таки не станемъ пока вдаваться въ разборъ сложной фигуры дѣлящагося ядра. Вслѣдъ за образованіемъ двухъ ядеръ вокругъ одного изъ нихъ скопляется небольшая часть протоплазмы и отграничивается отъ прочей ея массы. Можно сказать, что теперь пылинка разбилась внутри на двѣ очень неравномѣрныя клѣточки, каждая съ своимъ ядромъ, хотя настоящей перегородки при этомъ не получается. Маленькая клѣточка вначалѣ обыкновенно прилегаетъ къ оболочкѣ пылинки, что мы видимъ, напримѣръ, на рис. 122 *A* въ пылинкѣ традесканціи, но вскорѣ она отклеивается отъ стѣнки и помѣщается свободно въ полости, принимая чаще всего веретенообразную (рис. 122 *C*) или даже серповидную форму. Въ итогѣ, внутри совершенно зрѣлой пылинки оказывается два тѣльца различнаго

вида (рис. 122 *D*): одно изъ нихъ (въ данномъ случаѣ звѣздообразное) есть ядро большой клѣточки, другое же (серповидное)— не ядро, а цѣлая маленькая клѣточка, большую часть которой составляетъ ея ядро, что особенно ясно передано въ правой фигурѣ рис. 123 для пылинки лиліи. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что только эта маленькая, голая (т. е. не покрытая оболочкой) клѣточка имѣетъ, дѣйствительно, половой характеръ, представляя истинный оплодотворяющій элементъ; самая же пылинка является лишь вмѣстилищемъ его, подобно тому, какъ микроспора у высшихъ споровыхъ растеній служитъ вмѣстилищемъ для живчиковъ. Вслѣдствіе того эту клѣточку называютъ *генеративною*, а большую, составляющую самую пылинку,—*вегетативною*. Иногда уже въ самой пылинкѣ, а чаще во время путе-

Рис. 123.

шествія по пыльцевой трубкѣ, генеративная клѣточка распадается на двѣ, повидимому, вполнѣ равноправныя, тоже голыя клѣточки (рис. 127 *A*, *gz*). Такъ вотъ они, истинные оплодотворяющіе элементы высшихъ растеній, замѣняющіе собою живчиковъ и вполнѣ имъ соотвѣтствующіе! И здѣсь также это не просто клѣточныя ядра, а цѣлыя голыя клѣточки. Не нужно удивляться тому, что оплодотворяющіе элементы у высшихъ растеній утратили свойственную нѣкогда ихъ предкамъ подвижность. Это обстоятельство находится въ очевидной связи съ измѣненнымъ способомъ доставки оплодотворяющихъ элементовъ. Микроспора просто лопается и, безъ церемоніи, выбрасываетъ сформированныхъ ею живчиковъ, предоставляя послѣднимъ самимъ отыскивать себѣ дорогу къ яйцу, подлежащему оплодотворенію. Напротивъ, пылинка, съ помощью развиваемой ею пыльцевой трубочки, бережно проводитъ содержащіеся въ ней оплодотворяющіе элементы до самаго мѣста ихъ назначенія и выпускаетъ ихъ только въ рѣшительный моментъ, когда они уже не могутъ сгинуть безъ пользы. Легко видѣть, что этотъ послѣдній способъ отличается большимъ совершенствомъ, лучше

обезпечиваетъ успѣхъ оплодотворенія, а потому неудивительно, что онъ получилъ въ растительномъ царствѣ такой рѣшительный перевѣсъ надъ типомъ споровыхъ.

Посмотримъ теперь, что такое *яичко*, внутри котораго собственно и разыгрывается процессъ оплодотворенія. Простому глазу яичко, извлеченное изъ завязи, гдѣ оно можетъ находиться, смотря по растенію, въ единственномъ или множественномъ числѣ, представляется бѣлою, однородною крупинкою, но микроскопъ обнаруживаетъ въ ней весьма сложное строеніе. Вообще говоря, мы различаемъ въ яичкѣ внутреннюю часть, называемую *ядромъ*, одинъ или два *покрова*, облекающихъ это ядро, и, наконецъ, *ножку*, служащую для прикрѣпленія яичка къ завязи. Ядро яичка не имѣетъ ничего общаго съ знакомымъ уже намъ клѣточнымъ ядромъ; это, сравнительно, массивное тѣло, составленное изъ многихъ клѣточекъ и внутри каждой клѣточки, разумѣется, находится свое клѣточное ядро. Рис. 124 пояснитъ намъ строеніе яичка, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ изображаетъ, нарочно схематически, особенно простой случай строенія завязи, когда внутри ея содержится всего одно яичко, прикрѣпленное ножкою къ дну завязи. На рисункѣ представлены вообще половые органы цвѣтка, а именно двѣ тычинки и весь пестикъ въ продольномъ разрѣзѣ. На одной тычинкѣ *c* мы видимъ пыльникъ *a*, разрѣзанный поперекъ, пыльникъ еще не раскрывшійся, почему въ немъ видны еще четыре гнѣзда; на другой тычинкѣ пыльникъ *b* изображенъ рас-

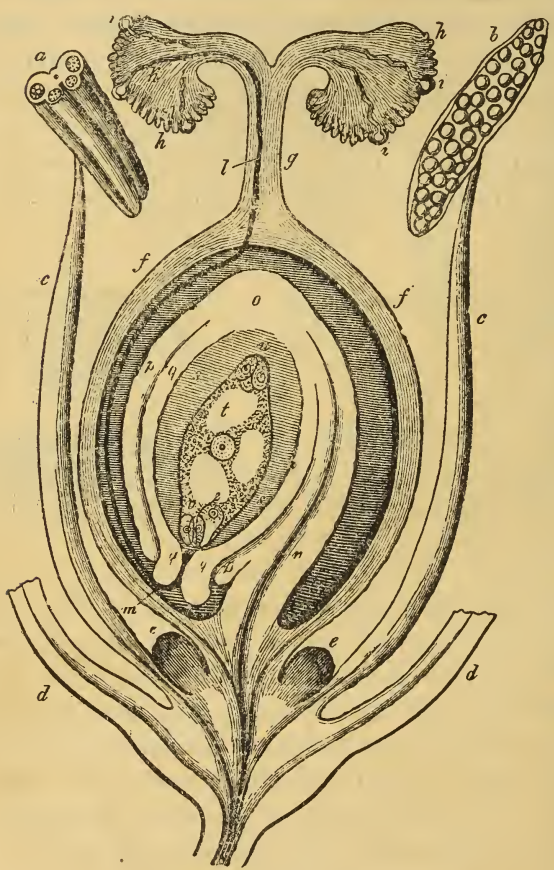


Рис. 124.

крывшимся, какъ обыкновенно, продольною щелью, и въ немъ очень грубо виднѣются пылинки. Въ пестикѣ, занимающемъ средину, мы различаемъ рыльце *h*, столбикъ *g* и завязь *f*. Яичко занимаетъ почти всю полость завязи, *n*—его ножка, *p* и *q*—два покрова, а вся внутренность *ss*—то, что мы назвали выше ядромъ яичка. Въ этой части обрисовывается большой мѣшокъ или полость *t*, настолько значительная, что она бросилась въ глаза первымъ же изслѣдователямъ, которые примѣнили микроскопъ къ изученію растенія: на прозрачномъ яичкѣ ее можно иногда разглядѣть даже въ лупу. Эта полость, называемая *зародышнымъ мѣшкомъ*, есть самая интересная часть всего яичка, такъ какъ въ ней содержится подлежащій оплодотворенію элементъ, и въ нее же долженъ проникнуть элементъ, производящій оплодотвореніе. Но, прежде чѣмъ говорить подробнѣе о зародышномъ мѣшкѣ, мы остановимся еще нѣсколько на покровахъ яичка. Въ данномъ случаѣ мы видимъ ихъ два, но у многихъ растеній яичко довольствуется однимъ, а есть нѣкоторыя, но весьма немногія растенія, которыя даже вовсе не имѣютъ покрова, такъ что яичко составлено изъ голаго ядра. Какъ видно на рисункѣ, покровы облекаютъ ядро не сплошь (нужно помнить, что рис. 124 изображаетъ яичко въ разрѣзѣ); въ одномъ очень узенькомъ мѣстечкѣ *m* ядро остается обнаженнымъ, такъ какъ въ покровахъ оказывается здѣсь небольшой каналъ, ведущій на незначительную, впрочемъ, глубину, внутрь яичка. Этимъ *сѣмявходомъ*, какъ его называютъ, почти всегда пользуется при оплодотвореніи выпущенная пылинкою трубочка, чтобы проникнуть къ зародышному мѣшку. Происхожденіе такого канала объясняется изъ исторіи развитія яичка. Яичко возникаетъ въ видѣ бугорка—это будущее ядро; скоро при основаніи такого бугорка показывается какъ бы складка или валикъ въ формѣ колечка—зачатокъ покрова; при дальнѣйшемъ разрастаніи молодаго яичка валикъ, показавшійся позже, растетъ быстрѣе ядра, обгоняетъ его, такъ сказать, и закрываетъ собою все бо́льшую его часть, а затѣмъ и все ядро, но вполнѣ не смыкается при вершинѣ, оставляя здѣсь упомянутый каналъ. Если покрововъ два, то вскорѣ за первымъ валикомъ показывается второй, колечкомъ обхватывающій основаніе перваго и постепенно его обрастающій, тоже не смыкаясь при вершинѣ. Такимъ образомъ изъ двухъ покрововъ яичка внутренній возникаетъ всегда раньше внѣшняго. То положеніе частей яичка, которое изображено на рисункѣ, особенно распространено, но не единственное вообще встрѣчающееся; здѣсь яичко обращено сѣмявходомъ внизъ, ко дну завязи, въ другихъ же случаяхъ сѣмявходъ, напротивъ, занимаетъ верхушку самаго яичка (*o*).

Обратимся теперь къ зародышному мѣшку, посмотримъ—что это такое и какъ онъ получается. Первоначально все ядро яичка составлено изъ одинаковыхъ нѣжныхъ клѣточекъ, но уже очень рано одна изъ внутреннихъ клѣточекъ начинаетъ усиленно разрастаться. Однако она не превращается прямо въ зародышный мѣшокъ, какъ долгое время думали. Достигнувъ извѣстной величины, она дѣлится поперечными перегородками на нѣсколько, все же сравнительно крупныхъ клѣточекъ. На рис. 125-мъ изображено ядро яичка (покровъ не нарисованъ) въ *A* до, въ *B* послѣ упомянутаго дѣленія, которое превратило здѣсь прежнюю одну клѣточку въ четыре. Хотя это дѣленіе происходитъ у всѣхъ растеній (мѣняется только число перегородокъ), смыслъ его совершенно теменъ, потому что вслѣдъ затѣмъ изъ всѣхъ этихъ клѣточекъ только одна, обыкновенно нижняя (считая за верхушку конецъ, обращенный къ сѣмявходу), начинаетъ усиленно расти, вытѣсняя прочія, и окончательно превращается въ зародышный мѣшокъ. И такъ, большая полость во внутренности яичка, называемая зародышнымъ мѣшкомъ, есть ничто иное, какъ очень большая клѣточка, но зачѣмъ она получается съ описанными церемоніями, а не прямо разрастаніемъ одной изъ начальныхъ клѣточекъ—это, повторяю, совершенно непонятно. Зародышный мѣшокъ иногда уже до оплодотворенія разрастается такъ сильно, что вытѣсняетъ всѣ прочія клѣточки ядра и, слѣдовательно, лежитъ прямо подъ покровами, составляя одинъ всю внутренность яичка. Еще до оплодотворенія въ зародышномъ мѣшкѣ происходятъ интересные, подготовительные процессы. Будучи клѣточкою, онъ, разумѣется, заключаетъ внутри клѣточное ядро. Это ядро дѣлится на два и оба ядра отходятъ къ противоположнымъ концамъ обыкновенно продолговатаго зародышнаго мѣшка; затѣмъ каждое распадается повтореннымъ дѣленіемъ на четыре ядра. Въ это время мы находимъ, слѣдовательно, внутри зародышнаго мѣшка четыре клѣточныхъ ядра близъ одного конца и столькоже близъ другаго. Скоро вокругъ трехъ изъ ядеръ каждой группы обособляется содержимое такъ, что получаются три нѣжныя, лишенныя оболочекъ клѣточки, прочія же два ядра, оставшіяся нипричемъ, направляются, съ горя, другъ къ другу и сливаются въ одно; это сліяніе ядеръ хорошо замѣтно на трехъ послѣдовательныхъ фигу-

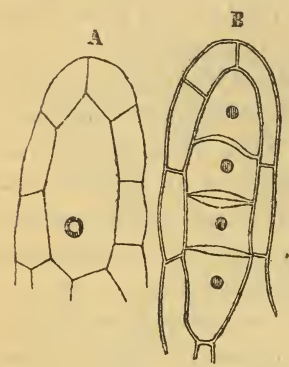


Рис. 125.

рахъ рисунка 126, изображающаго зародышный мѣшокъ одного изъ нашихъ паразитныхъ растеній (Monotropa), яички котораго особенно удобны для изслѣдованія. Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ мы находимъ передъ оплодотвореніемъ въ готовомъ яичкѣ внутри зародышнаго мѣшка, какъ показываетъ рис. 124, три клѣточки на одномъ концѣ, три на другомъ, а посрединѣ лежитъ клѣточное ядро. Въ такомъ видѣ зародышный мѣшокъ ожидаетъ оплодотворенія и безъ него дальше не тронется. Нужно сознаться, что смыслъ описанныхъ процессовъ отъ насъ пока совершенно ускользаетъ. Изъ шести клѣточекъ, заключенныхъ въ мѣшкѣ, мы понимаемъ значеніе только одной; въ сущности, она одна была нужна. Вся группа, занимающая конецъ, удаленный отъ сѣмявхода (*u* на рис. 124 и нижнія мелкія клѣточки рис. 126), не принимаетъ никакого участія въ оплодотвореніи и непонятно, зачѣмъ растеніе трудилось образовать эти три клѣточки. Вся драма разыграется въ томъ концѣ зародышнаго мѣшка, который обращенъ къ сѣмявходу. Но и здѣсь оплодотворенію подвергается только одна изъ трехъ клѣточекъ *z*; она вполнѣ заслуживаетъ названія *яйца*, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствуетъ яйцу архегонія, напримѣръ. Что же касается другихъ двухъ клѣточекъ *v*, то мы называемъ ихъ вспомогательными, но въ чемъ выражается оказываемая ими, будто бы, помощь—рѣшительно не знаемъ. Эту же интересную группу изъ трехъ клѣточекъ мы видимъ на рис. 126. Двѣ клѣточки, расположенныя бокъ-о-бокъ въ верхней части фигуръ 1 и 2, суть вспомогательныя клѣточки, примыкающая же къ нимъ снизу—яйцо. При извѣстномъ положеніи, переданномъ на фиг. 3, замѣтна лишь одна изъ вспомогательныхъ клѣточекъ, такъ какъ другая прикрыта ею. Этимъ отчасти объясняется, почему долгое время думали, что въ верхушкѣ зародышнаго мѣшка существуютъ вообще двѣ клѣточки; ихъ называли тогда зародышными пузырьками и считали равноправными въ томъ смыслѣ, что оплодотворенію можетъ подвергнуться любая изъ нихъ, но всегда которая-нибудь одна. Выходило, значитъ, что у высшихъ растеній образуется рядомъ два яйца и одно изъ нихъ всегда гибнетъ безслѣдно. Между тѣмъ у споровыхъ растеній мы видимъ въ этомъ отношеніи строгую экономію; растеніе не скупится только на оплодотворяющіе элементы, чтобы вѣрнѣе обезпечить оплодотвореніе сравнительно малочисленныхъ яицъ. Только въ 1878 году замѣчательныя изслѣдованія *Страсбургера* выяснили существованіе не двухъ, а трехъ клѣточекъ и между ними одного только яйца. Едвали нужно обращать вниманіе читателя на то, что термины «яйцо» и «яичко» отнюдь не синонимы. Яйцомъ вездѣ называется

клѣточка, обыкновенно голая, подлежащая оплодотворенію, яичко же—сложный органъ, свойственный только сѣмяннымъ растеніямъ и составленный изъ очень большаго числа клѣточекъ. Вслѣдствіе этой, надо сознаться, довольно неудачной терминологіи, не яичко заключено въ яйцѣ, а, наоборотъ, въ сравнительно крупномъ, ясно различаемомъ простымъ глазомъ «яичкѣ» содержится крошечное, съ трудомъ замѣтное лишь подъ микроскопомъ «яйцо». Послѣ оплодотворенія яйцо произведетъ молодое растеньеце—зародышъ, а яичко превратится въ сѣмя, содержащее внутри этотъ зародышъ. Обыкновенно каждое яичко заключаетъ въ себѣ только одно яйцо, но есть и исключенія, такъ какъ у нѣкоторыхъ растеній въ яичкѣ образуется постоянно нѣсколько зародышныхъ мѣшковъ.

Теперь мы можемъ перейти къ самому *оплодотворенію*. Мы уже знаемъ, что пыльца, развившаяся въ тычинкахъ, должна попасть на рыльце пестика. Какъ это происходитъ, какъ совершается такъ-называемое *опыленіе*, этого мы теперь разбирать не станемъ. Обыкновенно на рыльце переносится сразу большое число пылинокъ. Каждая изъ нихъ, подъ вліяніемъ высачиваемой зрѣлымъ рыльцемъ липкой жидкости, выпускаетъ изъ себя пыльцевую трубочку, какъ это изображено, напримѣръ, на рис. 124, гдѣ *i*—пылинки, попавшія на рыльце *h*. Цѣлый пучекъ пыльцевыхъ трубочекъ врастаетъ въ самую ткань рыльца, направляясь сквозь столбикъ во внутренность завязи. Въ столбикѣ либо находится узенькій долевой каналъ, ведущій въ завязь, либо клѣточки въ осевой части сплошнаго, повидимому, столбика, такъ слабо связаны между собою, что трубочки легко раздвигаютъ ихъ на своемъ пути въ завязь. Дальнѣйшій ихъ путь заранѣе намѣченъ въ самомъ устройствѣ завязи, по внутренней стѣнкѣ которой тянутся полоски сочной ткани, расположенныя такимъ образомъ, что, слѣдуя имъ, пыльцевыя трубочки достигнутъ яичекъ. Что заставляетъ пыльцевую трубочку врастать затѣмъ въ сѣмявходъ яичка—пока еще не выяснено; возможно и здѣсь существованіе особой приманки, какъ мы это видѣли въ архегоніяхъ споровыхъ растеній. На рис. 124 можно прослѣдить пыльцевую трубочку *l* на всемъ пути ея слѣдованія отъ пылинки *k*, оставшейся на поверхности рыльца, до сѣмявхода яичка *m*. Длина этого пути у разныхъ растеній, разумѣется, весьма различна, смотря по длинѣ, напримѣръ, столбика. По мѣрѣ роста пыльцевой трубочки, въ нее переливается содержимое пылинки; мало-по-малу совершенно опоражнивается не только самая пылинка, но и ближе къ ней лежащая часть трубочки, и этотъ пустой кусокъ можетъ даже отгородиться

отъ живой сочной части трубочки особою пробочкою, хотя настоящихъ перегородокъ внутри пыльцевой трубки не образуется и она на всемъ протяженіи представляется одною клѣточкою.

Какъ уже сказано, пыльцевая трубочка почти всегда забирается во внутрь яичка чрезъ каналъ, называемый сѣмявходомъ. Однако, правило это не безъ исключеній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ *Трейбъ* на островѣ Явѣ изслѣдовалъ подробно эмбріологію казуаринъ, оригинальныхъ деревьевъ тропическихъ странъ, по слабому развитію своихъ листьевъ напоминающихъ хвощи и приносящихъ шишки на манеръ хвойныхъ. Оказалось, что, помимо цѣлаго ряда другихъ странныхъ особенностей въ процессѣ ихъ оплодотворенія, пыльцевая трубка у казуаринъ никогда не пользуется существующимъ и здѣсь сѣмявходомъ, а проникаетъ въ яичко съ противоположнаго конца (*о* въ рис. 124), издавна получившаго названіе *халазы*. Это обстоятельство побудило Трейба выдѣлить казуарины въ особый классъ подъ названіемъ *халазогамныхъ* растеній, противопоставивъ ихъ всѣмъ прочимъ скрытосѣмяннымъ, которыхъ онъ предложилъ называть *порогамными*, такъ какъ у нихъ пыльцевая трубка проникаетъ въ яичко чрезъ пору—сѣмявходъ. Это открытіе Трейба надѣлало много шума. Однако, въ самое послѣднее время любопытныя изслѣдованія *Навашина* (нынѣ профессора кіевскаго университета) показали, что халазогамія свойственна не однѣмъ казуаринамъ, а встрѣчается и у растеній нашихъ странъ, напримѣръ, у березы, ольхи, лещины, вяза. Вмѣстѣ съ тѣмъ дальнѣйшія, еще не законченныя изслѣдованія того же русскаго ученаго порождаютъ сильныя сомнѣнія въ правильности толкованій Трейба и обѣщаютъ много интересныхъ разоблаченій въ будущемъ.

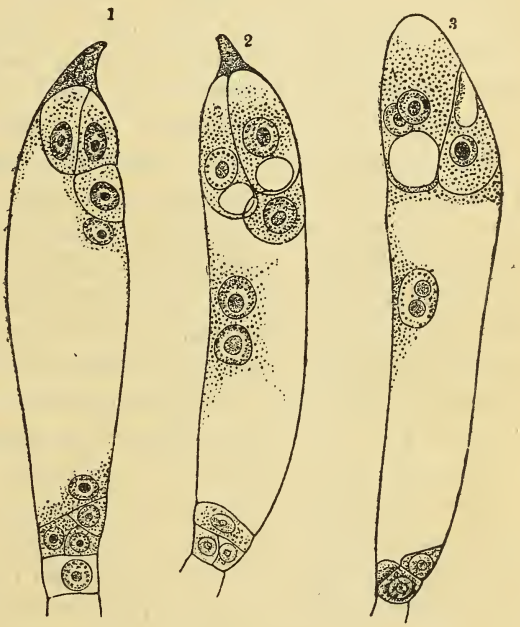


Рис. 126.

Проникнувъ въ сѣмявходъ, пыльцевая трубочка иногда непосредственно встрѣчаетъ зародышный мѣшокъ, а именно тотъ конецъ его, въ которомъ заключены яйцо и двѣ вспомогательныя клѣточки. Хотя зародышный мѣшокъ, какъ мы видѣли, возникаетъ всегда на нѣкоторой глубинѣ, но при разрастаніи своемъ онъ часто вытѣсняетъ клѣточки, отдѣляющія его вначалѣ отъ сѣмявхода; есть даже растенія, у которыхъ верхушка его высовывается чрезъ сѣмявходъ открыто въ полость завязи, какъ бы навстрѣчу оплодотворяющей трубочкѣ. Если же такого разрастанія не происходитъ, пыльцевая трубочка, пройдя сѣмявходъ, пробирается затѣмъ по ткани ядра, раздвигая клѣточки, лежащія на пути, и все-таки достигаетъ верхушки зародышнаго мѣшка, обыкновенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ лежатъ вспомогательныя клѣточки. Даже тамъ, гдѣ пыльцевая трубка проникаетъ въ яичко не чрезъ сѣмявходъ, а снизу, чрезъ халазу (см. выше), она обыкновенно, обогнувъ зародышный мѣшокъ по всей его длинѣ, достигаетъ все-таки той его части, гдѣ лежитъ знакомая уже намъ тройка половыхъ клѣточекъ. Оболочка зародышнаго мѣшка здѣсь къ этому времени чрезвычайно размягчена; случается даже, что ея вовсе нѣтъ, т. е. она совершенно расплылась, такъ что голыя, нѣжныя вспомогательныя клѣточки просунуты словно сквозь отверстіе мѣшка. Быть можетъ, назначеніе вспомогательныхъ клѣточекъ заключается именно въ томъ, чтобы открыть пыльцевой трубочкѣ свободный доступъ къ яйцу. Какъ бы то ни было, во время оплодотворенія конецъ пыльцевой трубочки крѣпко прирастаетъ къ верхушкѣ зародышнаго мѣшка. Теперь-то наступаетъ рѣшительный моментъ. Мы видѣли выше, что клѣточное ядро и генеративная клѣточка, заключенныя въ пылинкѣ, остаются въ сохранности и переходятъ въ пыльцевую трубочку. Мало того, генеративная клѣточка, какъ уже было сказано, во время путешествія, дѣлится на двѣ. На рис. 127 *A* мы видимъ молодой растущій конецъ пыльцевой трубки, вмѣщающій въ себѣ оригинальную тройку. Впереди обыкновенно шествуетъ клѣточное ядро пылинки *(vk)* или, вѣрнѣе, ядро той крупной вегетативной клѣточки, которая вытянулась въ пыльцевую трубку. Этому ядру, однако, не суждено быть даже свидѣтелемъ процесса оплодотворенія его: по всѣмъ имѣющимся показаніямъ, оно постепенно растворяется и исчезаетъ безслѣдно прежде чѣмъ конецъ пыльцевой трубки успѣетъ достигнуть мѣста назначенія. Слѣдомъ за этимъ ядромъ тянутся одна за другою обѣ генеративныя клѣточки (*gz* въ рис. 127 *A*). Зачѣмъ ихъ образуется двѣ, это не совсѣмъ понятно. Про запасъ, что ли? Не та, такъ другая! Какъ бы то ни было, оплодотвореніе производитъ

лишь одна, безъ сомнѣнія, передняя, которая ближе къ цѣли. Когда конецъ пыльцевой трубки плотно приложился къ разрыхленной оболочкѣ зародышнаго мѣшка, генеративная клѣточка выдавливается изъ трубки въ яйцо́ и ядро ея сливается съ ядромъ яйца. Этотъ процессъ изображенъ, нѣсколько схематично, на фигурахъ *B*, *C* и *D* рисунка 127, представляющихъ яйцо въ разныхъ фазисахъ оплодотворенія. Въ *B* оплодотворяющій элементъ *(sk)* еще заключенъ въ концѣ пыльцевой трубки, въ *C* онъ уже въ яйцѣ и подошелъ къ клѣточному ядру яйца *(ek)*; наконецъ, въ *D* оба ядра слились въ одно *(kk)*. Разумѣется, наблюдать непосредственно подъ микроскопомъ сліяніе мужскаго и женскаго элементовъ у высшихъ растеній несмыслимо. Здѣсь нельзя, какъ у водорослей, напр., слѣдить воочію за ходомъ процесса, а можно только ловить моменты. Мы умерщвляемъ, почти на удачу, массу яичекъ, кладя ихъ, напримѣръ, въ спиртъ, дѣлаемъ массу разрѣзовъ и затѣмъ, сравнивая получающіяся картины, стараемся выяснить послѣдовательность совершающихся измѣненій. А такая группировка—вещь щекотливая, потому что природа на нашихъ препаратахъ нумеровъ не ставитъ, предоставляя намъ самимъ догадываться, который изображаетъ болѣе раннюю и который—слѣдующую затѣмъ стадію процесса. И тѣмъ не менѣе, благодаря сравнительной крупности ядеръ, нигдѣ процессъ оплодотворенія не изученъ съ такою подробностью, съ формальной, по крайней мѣрѣ, стороны, какъ именно у высшихъ, скрытосѣмянныхъ растеній; классическимъ, можно сказать, растеніемъ въ этомъ отношеніи сдѣлалась, послѣ тщательныхъ изслѣдованій *Гиньяра*,—лилія.

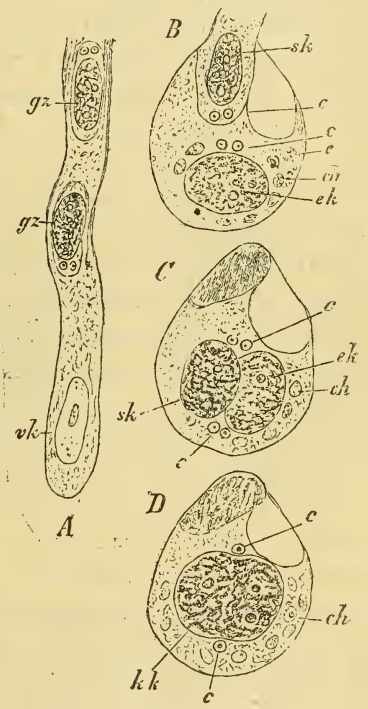


Рис. 127.

Чтобы понять любопытныя подробности сліянія мужскаго и женскаго элементовъ, необходимо, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ, познакомиться съ процессомъ дѣленія клѣточныхъ ядеръ. Уже въ самомъ началѣ настоящаго очерка, когда зашла рѣчь о клѣточкѣ, было замѣчено, что образованіе двухъ ядеръ изъ одного

сопровождается чрезвычайно сложными измѣненіями, протекающими притомъ совершенно одинаково какъ въ растительныхъ, такъ и въ животныхъ клѣточкахъ. Правда, иногда тотъ же результатъ достигается весьма просто: ядро, слегка вытянувшись, перешнуровывается затѣмъ бисквитообразно надвое, но это случай рѣдкій; обыкновенно же при дѣленіи ядра наблюдается сложный процессъ, получившій названіе *каріокинеза*. Основу ядра, помимо заключенныхъ въ немъ одного или нѣсколькихъ ядрышекъ (ср. рис. 13), составляетъ плотный остовъ, на подобіе сѣти или губки, густо красящійся отъ анилиновыхъ красокъ, напримѣръ, вслѣдствіе чего вещество остова назвали *хроматиномъ*. Этотъ хроматинъ передъ дѣленіемъ ядра слагается въ одну нить, змѣеобразно извивающуюся внутри ядра по разнымъ направленіямъ, что можно видѣть на обѣихъ крайнихъ фигурахъ рис. 123, а еще лучше на рис. 128 I. Вскорѣ эта нить распадается на нѣсколько кусковъ, число которыхъ въ разныхъ случаяхъ различно, но вообще отличается большимъ постоянствомъ; ихъ бываетъ то 8, то 12, то 24, а иногда и еще больше (рис. 128 II, гдѣ ихъ 12). Куски эти, нерѣдко имѣющія дугообразную форму, вродѣ буквы *U*, размѣщаются затѣмъ болѣе или менѣе въ одной плоскости поперекъ дѣлящагося ядра, къ тому времени обыкновенно утратившему прежній свой рѣзкій контуръ. Въ такомъ положеніи мы видимъ ихъ на средней фигурѣ рис. 123. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по обѣ стороны этой плоскости обозначаются два пучка тончайшихъ ниточекъ, замѣтныхъ на той же фигурѣ, сходящихся къ двумъ противоположнымъ точкамъ бывшаго ядра, называемымъ полюсами. Въ общемъ получается впечатлѣніе двухъ конусовъ, сложенныхъ основаніями, и въ плоскости сложенія размѣщены куски хроматина. Теперь, а иногда уже и раньше, каждый изъ этихъ кусковъ расщепляется по всей своей длинѣ надвое и вслѣдъ затѣмъ эти половинки расходятся въ противоположныя стороны, какъ бы карабкаясь по тонкимъ нитямъ и пробираясь по нимъ къ полюсамъ. Это расхожденіе поясняется рис. 129. Отъ каждаго куска хроматина одна половинка направится къ одному, а другая къ противоположному полюсу. Достигнувъ полюса, отдѣльные куски сливаются другъ съ другомъ сначала въ одну связную змѣевидную нить, а затѣмъ въ сѣтеобразный остовъ, вокругъ котораго появляется опять рѣзкій контуръ, вродѣ оболочки, а внутри снова показываются исчезнувшія временно ядрышки. Такимъ путемъ у каждаго изъ полюсовъ бывшаго ядра получается по одному новому ядру и... каріокинезъ оконченъ. Но въ самые послѣдніе годы выяснилась еще одна любопытнѣйшая подробность: клѣточное ядро, повидимому, по-

стоянно сопровождается двумя крошечными, чрезвычайно трудно уловимыми, шариками, получившими названіе *центрозомъ*. Они вначалѣ плотно сближены между собою и прилегаютъ къ ядру снаружи. Въ такомъ видѣ мы замѣчаемъ ихъ на рис. 128 I въ *a*, также въ двухъ крайнихъ фигурахъ рис. 123. Центрозомы были открыты сначала въ животныхъ клѣточкахъ, а потомъ уже Гиньяръ показалъ, что онѣ имѣются и въ растительныхъ. Происхожденіе ихъ до сихъ поръ еще не выяснено, но онѣ возбуждаютъ чрезвычайный интересъ въ ученыхъ характернымъ участіемъ своимъ въ процессѣ каріокинеза. Когда начинается дѣленіе ядра, центрозомы, до сихъ поръ сближенныя, расходятся, удаляются другъ отъ друга и размѣщаются на прямо противоположныхъ пунктахъ окружности ядра, какъ изображено на рис. 128 II. Это и будутъ такъ называемые полюсы дѣлящагося ядра (средняя фигура рис. 123); отъ нихъ будутъ расходиться конусообразно знакомыя уже намъ тончайшія ниточки, по которымъ станутъ взбираться къ полюсамъ половинки кусковъ хроматина. Послѣ того, какъ у каждаго полюса сформируется по новому ядру, центрозома раздвоится и опять получится сближенная пара ихъ, какъ на рис. 128 I. Такимъ образомъ центрозома играетъ роль притягательнаго центра по отношенію къ кускамъ хроматина. Это ничтожное зернышко, съ величайшимъ трудомъ обнаруживаемое при сильнѣйшихъ увеличеніяхъ, какъ бы управляетъ дѣленіемъ ядра. Неудивительно, что ученые относятся къ нему съ такимъ уваженіемъ и интересомъ.

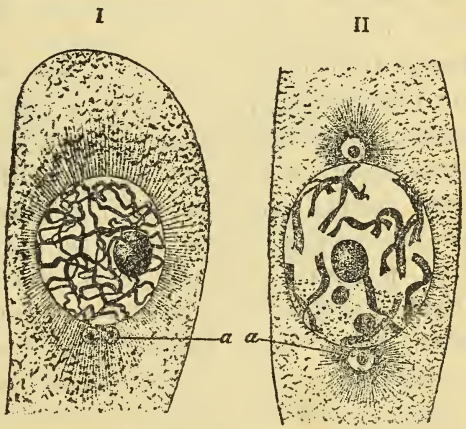


Рис. 128.

Все до сихъ поръ сказанное относится въ одинаковой мѣрѣ ко всякому дѣлящемуся ядру, въ какой бы клѣточкѣ оно ни встрѣчалось. Но въ ядрахъ половыхъ клѣточекъ, какъ показалъ Гиньяръ, замѣчается любопытная особенность: какъ бы въ предчувствіи предстоящаго имъ взаимнаго сліянія, они уже заблаговременно уменьшаютъ вдвое число тѣхъ кусковъ, на которые распадается нить хроматина при дѣленіи ядра. Въ молодомъ, еще неготовомъ пыльникѣ лиліи, равно какъ и въ развивающемся яичкѣ того же растенія, каждый разъ, какъ происходитъ дѣленіе ядра въ какой-

либо клѣточкѣ, въ немъ получается ровно 24 куска хроматина, но въ послѣдніе моменты приготовленія пылинокъ и окончательнаго развитія половаго снаряда въ зародышномъ мѣшкѣ, вмѣсто 24, мы находимъ всего 12 кусковъ (рис. 128 II и 129). Послѣ сліянія ядра генеративной клѣточки, выскользнувшаго изъ конца пыльцевой трубочки, съ ядромъ яйца, получается ядро, которое при дѣленіи своемъ опять даетъ 24 куска, что повторяется и далѣе. Другое чрезвычайно важное обстоятельство, выяснившееся изъ изслѣдованій того же Гиньяра, заключается въ томъ, что при оплодотвореніи происходитъ не только сліяніе ядеръ, но также сліяніе соотвѣтственныхъ центрозомъ, какъ это можно видѣть на рис. 127, гдѣ центрозомы обозначены буквами *cc*. Фигура *A* ясно показываетъ, что въ каждой изъ двухъ генеративныхъ клѣточекъ, содержащихся въ пыльцевой трубкѣ, находится, кромѣ ядра, также пара центрозомъ; изъ фигуры *B* можно заключить, что центрозомы эти сохраняются даже передъ самымъ оплодотвореніемъ, такъ какъ ядро *sk* готово выскользнуть изъ конца пыльцевой трубки и вступить въ яйцо. Въ *D* сліяніе центрозомъ окончено; каждая изъ тѣхъ двухъ центрозомъ *c*, которыя лежатъ на рисункѣ сверху и снизу ядра *kk*, представляющаго, какъ мы видѣли, результатъ сліянія двухъ половыхъ ядеръ, получилась чрезъ сліяніе одной изъ центрозомъ генеративной клѣточки съ таковою яйца. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ, такъ какъ ясно доказываетъ, что оплодотвореніе нельзя сводить только къ сліянію двухъ ядеръ, къ чему до открытія центрозомъ и до разъясненія строенія живчиковъ сильно склонялись весьма многіе ученые, какъ зоологи, такъ и ботаники, видѣвшіе всю суть въ хроматинѣ ядра и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относившіеся къ протоплазмѣ.

Наглядными признаками совершившагося оплодотворенія служатъ измѣненія, происходящія въ яйцѣ и вспомогательныхъ клѣточкахъ. Послѣднія становятся мутными, теряютъ прежнее рѣзкое очертаніе и постепенно расплываются безслѣдно. Напротивъ, яйцо, до тѣхъ поръ голое, облекается оболочкою и начинаетъ разрастаться. Вскорѣ оно дѣлится поперечною перегородкою на двѣ клѣточки; одна изъ нихъ обыкновенно повторяетъ тотъ же процессъ еще одинъ или нѣсколько разъ, такъ что въ результатѣ получается ниточка, состоящая изъ одного ряда клѣточекъ и однимъ концомъ прикрѣпленная къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка. Клѣточка, лежащая на противоположномъ свободномъ концѣ этой нити, начинаетъ затѣмъ дѣлиться уже не поперекъ, а по разнымъ направленіямъ, вслѣдствіе чего на концѣ нити формируется шарикъ, постепенно разрастающійся и слагающійся все изъ боль-

шаго числа клѣточекъ, какъ видно на рис. 130. Этотъ шарикъ есть ничто иное, какъ новое растеніе или такъ называемый *зародышъ*. Что касается самой нити, то она имѣетъ лишь временное значеніе, служа для прикрѣпленія молодаго зародыша къ оболочкѣ зародышнаго мѣшка, внутри котораго формируется зародышъ; по этой нити доставляется послѣднему необходимый для его роста питательный матеріалъ; разъ зародышъ достигъ извѣстной стадіи развитія, нить дѣлается ненужною, ссыхается, и въ зрѣломъ сѣмени мы ея обыкновенно уже не замѣчаемъ. Она соотвѣтствуетъ, можно сказать, той части зародыша у высшихъ споровыхъ, которую называютъ ножкою; та тоже служитъ для доставки развивающемуся зародышу пищи и не принимаетъ участія въ построеніи окончательнаго растенія. Степень развитія этого органа (его

Рис. 129.

можно вообще назвать *подвѣскомъ*) у разныхъ сѣмянныхъ растеній весьма различна; иногда онъ является не въ видѣ нити, а образуетъ массивное тѣло, иногда, напротивъ, составленъ изъ одной только клѣточки; наконецъ, есть растенія, вовсе лишенныя его, у которыхъ оплодотворенное яйцо цѣликомъ превращается въ зародышъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что происхожденіе новаго растенія, въ сущности, одинаково какъ у сѣмянныхъ растеній, такъ и у папоротниковъ, хвощей, плауновъ и т. п.; вездѣ оно развивается изъ голой клѣточки (яйца), оплодотворяемой въ одномъ случаѣ пыльцевою трубочкою, въ другомъ—живчикомъ. Но въ самомъ ходѣ развитія обнаруживается характерная разница. У папоротника и т. п. разъ оплодотвореніе произошло, развитіе молодаго растенія идетъ себѣ непрерывно; напротивъ, у сѣмянныхъ растеній скоро происходитъ характерная остановка: едва начавшее свое развитіе молодое растеньеце (зародышъ), вмѣстѣ со всѣмъ яичкомъ, ссыхается и съеживается, теряя воду,—получается *сѣмя*, которое въ такомъ видѣ можетъ оставаться безъ измѣненія не только до слѣдующаго года, но даже нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ, если сѣмя посадить,

т. е. дать ему, кромѣ воздуха, еще и воды, начинается прораста-ніе, т.-е., въ сущности, дальнѣйшее развитіе зародыша, само собою прервавшееся при созрѣваніи сѣмени. На какой именно стадіи развитія зародыша происходитъ такой перерывъ—это различно для разныхъ растеній. Такъ, напримѣръ, на рис. 131 изображенъ разрѣзъ зрѣлаго сѣмени одного паразитнаго растенія; *f*—бывшій сѣмявходъ, чрезъ который проникла оплодотворяющая трубочка, а *e*—зародышъ. Здѣсь зародышъ, хотя и состоитъ изъ значительнаго числа клѣточекъ, но остался въ видѣ шарика (ср. рис. 130 *B*), на которомъ нельзя различить никакихъ частей будущаго растенія; корешокъ, стебелекъ, листочки — все это обозначится, развиваясь изъ шарика, только послѣ того, какъ сѣмя начнетъ прорастать. Но это исключительный случай. У большинства растеній развитіе успѣваетъ зайти дальше, прежде чѣмъ сѣмя созрѣетъ. Такъ, на рис. 130-мъ мы видимъ прежній шарикъ принимающимъ въ *D* болѣе сложную форму: на немъ обозначаются корешокъ *h* и первые два листа особенной формы (такъ называемыя сѣмядоли) *cc* молодаго растеньица. Корешокъ всегда обращенъ къ подвѣску (*et*)—слѣдовательно и къ сѣмявходу яичка; сѣмядоли же развиваются на свободномъ концѣ зародыша; значитъ, если яичко было обращено сѣмявходомъ вверхъ, то новое растеніе разовьется вверхъ корешкомъ. Нерѣдко развитіе идетъ еще дальше и изъ углубленія, лежащаго между сѣмядолями (*p* въ рис. 130), развивается такъ называемая почечка, т. е. бугорокъ, современемъ превращающійся въ стебель и иногда успѣвающій еще до созрѣванія сѣмени заложить одинъ или даже нѣсколько листочковъ. Такую почечку мы видимъ, напримѣръ, въ *Kn* на рис. 132 *A*, изображающемъ про-

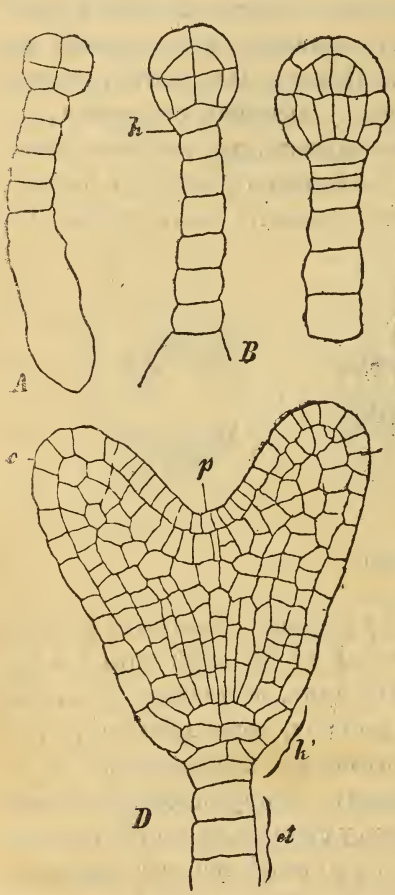


Рис. 130.

дольный разрѣзъ зрѣлаго сѣмени бобовъ (русскихъ); *w*—корешокъ, а главную массу всего сѣмени образуютъ двѣ сѣмядоли, изъ которыхъ на рисункѣ видна одна *c*, другая же, прикрывавшая собою почечку *Kn*, удалена разрѣзомъ; все перечисленное, составляющее вмѣстѣ зародышъ, т. е. зачатокъ новаго растенія, прикрыто снаружи шкуркою или кожурою. Изъ рис. 132 *B* ясно, что происходитъ при прорастаніи того же сѣмени: чрезъ трещину кожуры вытягивается корешокъ и пробивается почечка; первый даетъ подземную, вторая — надземную часть растенія. Что касается сѣмядолей, то особенная форма ихъ, непохожая на прочіе настоящіе листья того же растенія, вызвана спеціальнымъ назначеніемъ ихъ. Сѣмядоли служатъ складочнымъ мѣстомъ того запаса питательнаго матеріала, который всегда скопляется въ зрѣломъ сѣмени, съ тѣмъ, чтобы дать возможность ростку быстро развить на счетъ этого запаса корень, стебель и листья, необходимые для дальнѣйшаго самостоятельнаго питанія. Это какъ бы капиталъ, предназначенный на воспитаніе молодаго растенія, капиталъ, собранный материнскимъ организмомъ и, въ данномъ случаѣ, ввѣренный непосредственно самому ростку. Поэтому-то при прорастаніи легко видѣть, что, по мѣрѣ развитія корешка и почечки, сѣмядоли, крѣпкія, переполненныя питательными веществами, постепенно истощаются, съеживаются и, наконецъ, отпадаютъ. Въ данномъ случаѣ сѣмядоли остаются въ землѣ, но у нѣкоторыхъ растеній онѣ при прорастаніи выносятся наружу и тогда могутъ зеленѣть. На рис. 133 это видно, напримѣръ, на прорастающемъ сѣмени льна. Въ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ зародышъ, образовавшійся изъ оплодотвореннаго яйца, составляетъ одинъ почти все сѣмя; онъ только покрытъ кожурою. Но есть еще другаго рода сѣмена, гдѣ зародышъ занимаетъ лишь небольшую часть сѣмени, потому что самъ почти не заключаетъ въ себѣ питательныхъ веществъ; послѣднія находятся тогда вокругъ или возлѣ зародыша въ особой ткани, составленной изъ паренхиматическихъ клѣточекъ и органически не связанной съ молодымъ растеніемъ; ткань эту называютъ (очень неудачно) *бѣлкомъ*. Она можетъ, слѣдовательно, быть и не быть въ сѣмени, сообразно чему мы и отличаемъ сѣмена бѣлковыя и сѣмена безбѣлковыя. Бобы и ленъ

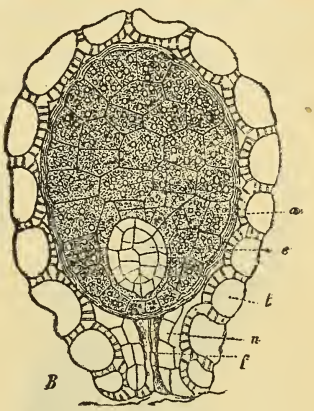


Рис. 131.

принадлежатъ къ послѣдней категоріи: стоитъ снять съ сѣмени кожуру, что очень легко сдѣлать, если его предварительно размочить,—и мы прямо увидимъ зародышъ. Примѣрами сѣмянъ бѣлковыхъ могутъ служить зерна злаковъ. Зерно, напримѣръ, пшеницы, ржи, кукурузы, строго говоря, не сѣмя, а цѣлый плодъ, заключающій внутри одно сѣмя, такъ какъ зерно образуется не изъ яичка, а изъ цѣлой завязи, содержавшей одно яичко; но вынуть самое сѣмя изъ зерна невозможно, потому что кожура его плотно

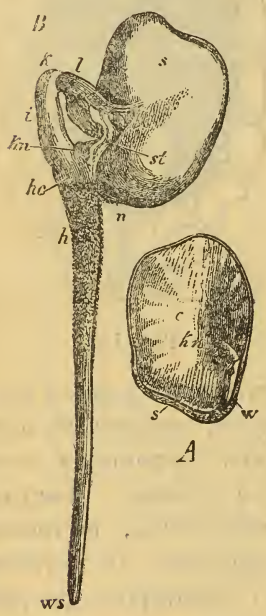


Рис. 132.

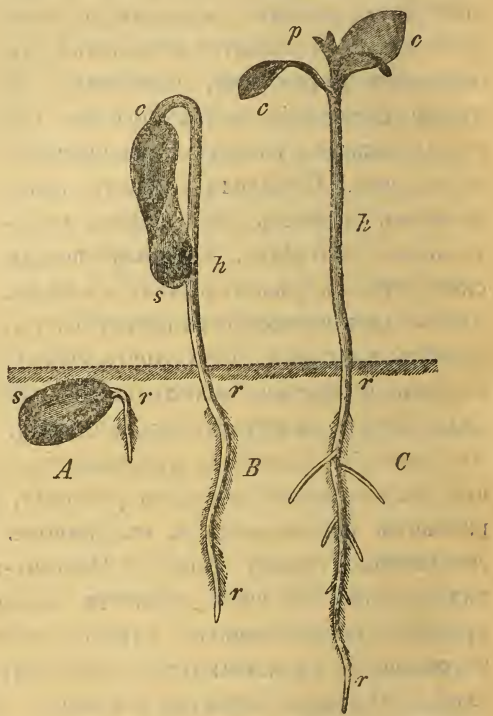


Рис. 133.

срастается въ одно цѣлое со стѣнкою плода. Въ такомъ зернѣ зачатокъ растенія, т. е. зародышъ, занимаетъ лишь незначительную часть—одинъ уголокъ всего зерна, какъ видно, напримѣръ, изъ рис. 134, гдѣ зерно пшеницы въ *A* разрѣзано вдоль. Зародышъ обозначенъ здѣсь буквою *e*; фигуры *B* и *C* поясняютъ прорастаніе зерна, ясно свидѣтельствуя о томъ, что растеньеце съ его корешками *w* и почечкою *k*, составленною изъ листочковъ, прикрывающихъ другъ друга на подобіе колпачковъ или наперстковъ, развивается только изъ участка *e* фигуры *A*; даже первый листъ *s* зародыша (сѣмядоля), имѣющій здѣсь видъ щитка, плотно прилегающаго одною стороною къ бѣлку, не разрастается далѣе,

не говоря уже о массѣ бѣлка *d*. Сѣмядоля служитъ въ этомъ случаѣ для всасыванія питательныхъ веществъ, находящихся въ бѣлкѣ, и для передачи ихъ разрастающимся частямъ зародыша, корешкамъ и почечкѣ.

И такъ, особенность бѣлковыхъ сѣмянъ состоитъ въ томъ, что питательный матеріалъ, необходимый для быстраго развитія зародыша, отлагается у нихъ не въ самомъ зародышѣ, не въ сѣмядоляхъ его, какъ въ сѣменахъ безбѣлковыхъ, а въ особой ткани, называемой бѣлкомъ. Откуда же берутся паренхиматическія клѣточки, образующія эту ткань? Для разъясненія этого вопроса мы должны вернуться къ тому, что происходитъ въ зародышномъ мѣшкѣ послѣ оплодотворенія. Мы знаемъ, что вспомогательныя клѣточки расплываются, а яйцо разрастается и даетъ зародышъ, укрѣпленный на подвѣскѣ. Но, кромѣ того, въ полости зародышнаго мѣшка начинаютъ развиваться новыя клѣточки, даже въ томъ случаѣ, если сѣмя получится безбѣлковое. Развитіе этихъ клѣточекъ можетъ быть двоякое. Процессъ во всякомъ случаѣ начинается съ того, что клѣточное ядро самаго зародышнаго мѣшка дѣлится на два ядра. За этимъ можетъ послѣдовать образованіе между обоими ядрами поперечной перегородки, раздѣляющей зародышный мѣшокъ на двѣ клѣточки — верхнюю и нижнюю, послѣ чего или обѣ, или только дальше одна изъ нихъ дѣлятся по разнымъ направленіямъ, такъ что либо весь мѣшокъ, либо одна изъ его половинъ наполняется клѣтчатою тканью, среди которой формируется зародышъ изъ яйца. Это одинъ способъ образованія бѣлка. При другомъ способѣ, вслѣдъ за дѣленіемъ ядра, перегородки не получается, а каждое изъ двухъ

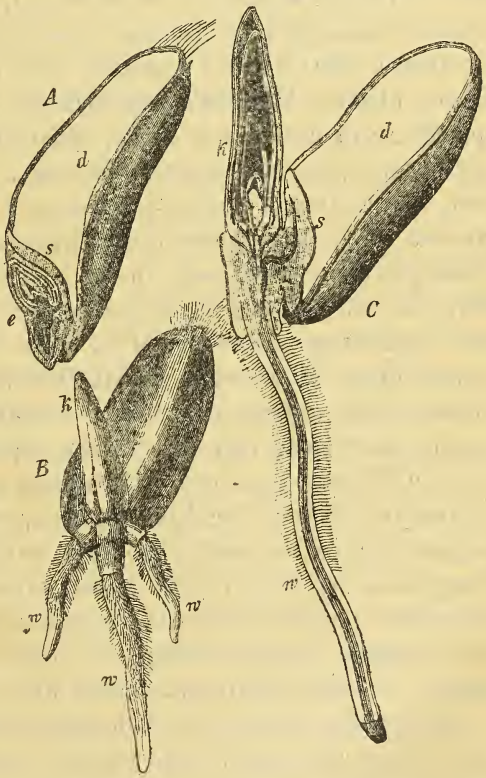


Рис. 134.

ядеръ, въ свою очередь, дѣлится надвое, и этотъ процессъ повторяется много разъ, такъ что внутри зародышнаго мѣшка получается большое число клѣточныхъ ядеръ, располагающихся по стѣнкѣ. Скоро между ядрами образуются перегородки, такъ что каждое ядро входитъ въ составъ особой клѣточки. Такимъ образомъ совнутри стѣнка зародышнаго мѣшка выстилается слоемъ плотно сомкнутыхъ клѣточекъ, которыя, размножаясь дѣленіемъ, могутъ наполнить весь зародышный мѣшокъ. Какъ уже замѣчено выше, развитіе бѣлка начинается во всякомъ случаѣ, но если сѣмя должно получиться безбѣлковое, то процессъ рано или поздно останавливается; иногда, напримѣръ, только покажутся ядра, но до образованія около нихъ клѣточекъ дѣло такъ и не доходитъ; въ другихъ случаяхъ образуются и клѣточки, но по мѣрѣ созрѣванія зародыша безслѣдно вытѣсняются послѣднимъ.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ происхожденіе различныхъ частей сѣмени. Все сѣмя образовалось изъ яичка. Только нужно помнить, что не каждое яичко, даже въ случаѣ успѣшнаго оплодотворенія, дѣйствительно даетъ сѣмя. У многихъ растеній завязь, заключающая внутри нѣсколько яичекъ, даетъ, однако, постоянно плодъ съ однимъ только сѣменемъ. Въ жолудѣ дуба, напримѣръ, заключено, какъ и въ пшеничномъ зернѣ, всего одно сѣмя, но въ завязи дуба находилось шесть яичекъ, изъ которыхъ пять заглушены были шестымъ, а въ завязи пшеницы съ самаго начала было только одно яичко. Очевидно, что, будетъ ли сѣмя бѣлковое или безбѣлковое, почти все сѣмя образовалось изъ зародышнаго мѣшка бывшаго яичка; зародышъ сформировался изъ яйца, а бѣлокъ, если онъ сохранился, тоже возникъ внутри зародышнаго мѣшка. Послѣдній вообще, по мѣрѣ созрѣванія сѣмени, разрастается такъ сильно, что, если не сдѣлалъ этого уже раньше, совершенно вытѣсняетъ всю ткань ядра и даже часть покрововъ; сохраняются только нѣсколько наружныхъ слоевъ клѣточекъ, которые даютъ кожуру сѣмени. Въ простѣйшемъ случаѣ кожура можетъ состоять всего изъ одного слоя клѣточекъ.

Иногда случается, что въ одномъ сѣмени развивается два или даже болѣе зародыша. Это можетъ зависѣть отъ того, что въ яичкѣ находился не одинъ, а нѣсколько зародышныхъ мѣшковъ, но тотъ же результатъ можетъ получиться и другимъ способомъ при нормальномъ строеніи яичка. Въ послѣднее время появились указанія на то, что въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть оплодотворяемо не только яйцо, но и одна изъ вспомогательныхъ клѣточекъ, а не то даже и обѣ, такъ что начинаютъ развиваться два или три зародыша сразу въ одномъ и томъ же

зародышномъ мѣшкѣ. Если вспомнить, что пыльцевая трубка содержитъ (рис. 127 *A*) не одну, а двѣ генеративныя клѣточки (а иногда даже три), то съ этой стороны развитіе двухъ или трехъ зародышей представляется вполнѣ возможнымъ; довольно неожиданною, однако, является равноправность вспомогательныхъ клѣточекъ съ яйцомъ. Если вспомогательныя клѣточки могутъ, хоть изрѣдка, подвергаться оплодотворенію, значитъ онѣ, въ сущности, тоже яйца. Въ извѣстномъ смыслѣ это возвращеніе къ прежнему представленію о двухъ (а теперь трехъ) равноправныхъ зародышныхъ пузырькахъ, изъ которыхъ почему-то лишь одинъ дѣйствительно оплодотворяется. Но нѣсколько, и притомъ даже больше трехъ, зародышей можетъ возникнуть внутри одного зародышнаго мѣшка еще совершенно инымъ способомъ. Зародыши формируются тогда не изъ яйца, а по сосѣдству съ нимъ изъ клѣточекъ яичка, прилегающихъ къ зародышному мѣшку *). Это странное явленіе, недавно только сдѣлавшееся извѣстнымъ, у нѣкоторыхъ, но весьма немногихъ растеній наблюдается постоянно. Имъ объясняются, между прочимъ, нѣкоторые случаи такъ называемаго (мнимаго) партеногенеза или дѣвственнаго зарожденія.

Въ животномъ царствѣ встрѣчается, особенно между насѣкомыми, цѣлый рядъ примѣровъ того, что яйцо безъ оплодотворенія начинаетъ развиваться въ зародышъ. Это-то несомнѣнное, хотя и непонятное явленіе и называютъ *партеногенезомъ*. Въ растительномъ царствѣ подобные примѣры чрезвычайно рѣдки. Настоящій партеногенезъ, въ сущности, извѣстенъ лишь между споровыми растеніями. Сюда можно отнести явленія, наблюдаемыя при половомъ размноженіи сапролегній. У этихъ водяныхъ грибовъ, какъ мы видѣли, часто вовсе нѣтъ антеридіевъ и тѣмъ не менѣе яйца оогонія облекаются оболочками и превращаются въ ооспоры, способныя къ прорастанію; да и у тѣхъ сапролегній, которыя снабжены антеридіями, оплодотвореніе яицъ подлежитъ сомнѣнію. Довольно вѣроятенъ, хотя строго еще не доказанъ, партеногенезъ для нѣкоторыхъ двудомныхъ мховъ. Такихъ мховъ весьма много, но обыкновенно мужскіе экземпляры съ антеридіями и женскіе съ архегоніями растутъ въ перемѣшку и оплодотвореніе вполнѣ обезпечено. Есть, однако, и такіе мхи, мужскіе и женскіе экземпляры которыхъ удалены другъ отъ друга на огромныя разстоянія: въ одной мѣстности, напримѣръ, на Альпахъ, водятся исключительно

*) Надняхъ, можно сказать, въ лабораторіи московскаго профессора *Горожанкина* открыто было у одного изъ видовъ лука образованіе зародышей (безъ оплодотворенія, конечно) изъ антиподныхъ клѣточекъ (см. выше), покоющихся на днѣ зародышнаго мѣшка.

мужскіе, въ другой—на Карпатахъ, напримѣръ, только женскіе экземпляры того же мха, и, несмотря на то, послѣдніе, хотя и очень рѣдко, приносятъ плоды. Но самое знаменитое въ этомъ отношеніи растеніе—Chara crinita. Хары—оригинальныя зеленыя водоросли, по внѣшности нѣсколько напоминающія хвощи своими нитевидными вѣточками, собранными въ кольца (нѣмцы называютъ ихъ канделябровыми растеніями). Они размножаются исключительно половымъ путемъ, причемъ производятъ крупные, сложнаго строенія оогоніи съ однимъ яйцомъ и еще болѣе сложные антеридіи съ громаднымъ числомъ живчиковъ. Большинство харъ—однодомныя растенія, но Chara crinita—изъ двудомныхъ. Она растетъ часто массами въ солоноватой водѣ, причемъ встрѣчается почти исключительно въ женскихъ экземплярахъ. На перечетъ извѣстны немногія мѣстности Европы (между прочимъ, у насъ близъ Гурьева на берегахъ Каспійскаго моря), гдѣ были находимы мужскіе экземпляры ея. Въ особенномъ изобиліи она водится по берегамъ и на островахъ Нѣмецкаго моря и, несмотря на самые тщательные поиски, въ этой мѣстности, обшаренной вдоль и поперекъ наиаккуратнѣйшими нѣмцами, никому ни разу не удалось встрѣтить экземпляра съ антеридіями. А между тѣмъ каждый годъ это однолѣтнее растеніе снова появляется массами, развиваясь изъ яицъ, неоплодотворенныхъ за полнымъ отсутствіемъ живчиковъ. Вотъ это настоящій, несомнѣнный партеногенезъ! Что касается растеній сѣмянныхъ, то для нѣкоторыхъ двудомныхъ изъ нихъ давно уже существовали показанія, будто они способны давать сѣмена и безъ опыленія. Однако, въ большинствѣ случаевъ показанія касательно образованія зрѣлыхъ сѣмянъ при полномъ, будто бы, устраненіи плодотворной пыльцы оказывались результатомъ недосмотра. Исключеніе составило только одно экзотическое растеніе (Coelebogyne изъ молочайныхъ), распространенное въ Европѣ исключительно въ женскихъ экземплярахъ и тѣмъ не менѣе аккуратно дающее всхожія сѣмена. Самыя тщательныя наблюденія не могли здѣсь открыть присутствія пыльцы, но, съ другой стороны, оказалось, что зародышъ получается при этомъ не изъ яйца, а, какъ упомянуто выше, изъ окружающихъ зародышный мѣшокъ клѣточекъ. Слѣдовательно, настоящаго партеногенеза здѣсь нѣтъ. Скорѣе это явленіе можно было бы подвести подъ одну категорію съ тѣмъ, которое наблюдается у нѣкоторыхъ папоротниковъ (см. выше), гдѣ растеніе развивается на предросткѣ не изъ яйца архегонія, какъ обыкновенно, а безъ участія послѣдняго. Другими словами, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ, названнымъ апогаміей, утратою половой воспроизводительности,—

форма (цвѣтокъ) сохранилась, но смыслъ, суть дѣла исчезли. Въ этой сферѣ, впрочемъ, еще много невыясненнаго, и можно ожидать важныхъ разоблаченій въ будущемъ.

Такъ вотъ какъ совершается оплодотвореніе у скрытосѣмянныхъ растеній. На первый взглядъ не оказывается никакого сходства съ тѣмъ, что мы видѣли у споровыхъ: живчиковъ нѣтъ, архегоніевъ нѣтъ, какое-то яичко, какой-то зародышный мѣшокъ, предростка нѣтъ и т. д. Но обратимся теперь къ голосѣмяннымъ, именно къ хвойнымъ растеніямъ.

Мы уже знаемъ, что *голосѣмянныя* получили свое названіе отъ того, что имѣютъ яички, но не имѣютъ завязи. Тычинки у нихъ расположены всегда отдѣльно отъ яичекъ, но обыкновенно на томъ же экземплярѣ. Когда цвѣтутъ сосна, ель и т. п., мы находимъ на деревѣ мягкія желтыя шишечки: это мужскіе цвѣты; у сосны (рис. 137 *a*) они собраны тѣсными кучками, у ели размѣщены поодиночкѣ. Каждый цвѣтокъ представляетъ стерженекъ, тѣсно усаженный тычинками, довольно похожими на тычинки другихъ растеній, такъ какъ пыльникъ тоже составленъ изъ двухъ половинокъ (рис. 137, фиг. 2). Самая же пыльца имѣетъ нѣкоторыя особенности. У многихъ хвойныхъ, напримѣръ, у сосны, пылинка получаетъ своеобразный видъ, вслѣдствіе развитія по бокамъ ея пузырей, наполненныхъ воздухомъ (рис. 135 IV и V *bl*). Съ перваго взгляда можно подумать, что такая пылинка состоитъ изъ трехъ клѣточекъ, средней и двухъ боковыхъ, но въ дѣйствительности послѣднія лишены содержимаго и получились оттого, что на этихъ мѣстахъ наружная оболочка оттопырилась отъ внутренней; такіе воздушные мѣшки, очевидно, должны помогать пыли разноситься вѣтромъ. Кромѣ того, въ пылинкѣ хвойныхъ нѣтъ тѣхъ заранѣе предназначенныхъ для выхода пыльцевой трубки мѣстъ, съ которыми мы познакомились выше у скрытосѣмянныхъ растеній. При прорастаніи пылинка хвойныхъ, или, вѣрнѣе, наружная ея оболочка лопается, подобно тому какъ лопаются микроспоры у высшихъ споровыхъ, чтобы выпустить живчиковъ. Это видно на рис. 135 для пыльцы туи: I—зрѣлая свѣжая пылинка (здѣсь она безъ воздушныхъ пузырей), II и III —

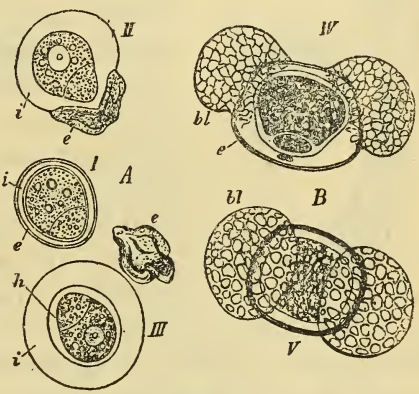


Рис. 135.

*

она же въ водѣ; шкурка ея *l* лопнула и даже сброшена въ III. Но всего интереснѣе для насъ внутреннія особенности разсматриваемой пыльцы. Передъ окончательнымъ созрѣваніемъ пылинка, до тѣхъ поръ одноклѣточная, дѣлится на двѣ клѣточки весьма неодинаковой величины (рис. 135). Это, въ сущности, то же, что мы уже видѣли въ пыльцѣ скрытосѣмянныхъ, но тамъ маленькая (генеративная) клѣточка оставалась голою, здѣсь же она отдѣляется отъ крупной настоящею перегородкою. Мало того, на этомъ дѣло обыкновенно не останавливается, а дѣленіе повторяется еще одинъ или даже нѣсколько разъ, такъ что внутри пылинки получается группа изъ нѣсколькихъ мелкихъ клѣточекъ, прилегающая къ оболочкѣ и вдающаяся въ полость пылинки, какъ это передано на рис. 136 въ *y*. Съ тѣхъ поръ, какъ эти дѣленія стали извѣстными (еще въ сороковыхъ годахъ) воззрѣнія ученыхъ на дальнѣйшую судьбу мелкихъ клѣточекъ въ пылинкахъ голосѣмянныхъ нѣсколько разъ мѣнялись. Одно время ошибочно думали, что пыльцевая трубка развивается изъ верхней мелкой клѣточки, прорастающей насквозь чрезъ крупную. Потомъ выяснилось, что это не такъ; дѣйствительно, рис. 136 *B* ясно показываетъ, что пыльцевая трубка получается чрезъ разрастаніе крупной клѣточки. Тогда мелкія клѣточки стали считать не участвующими вовсе въ оплодотвореніи, и стали ихъ сравнивать съ безплодными клѣточками, образующимися въ микроспорахъ при развитіи въ нихъ живчиковъ. Наконецъ, только въ 1892 году дѣло, повидимому, окончательно разъяснилось замѣчательными изслѣдованіями варшавскаго профессора *Бѣляева*, къ которому съ необычайною поспѣшностью примкнулъ и *Страсбургеръ*, только-что передъ этимъ утверждавшій противное. Оказывается, что послѣдняя изъ мелкихъ клѣточекъ, та, которая всего глубже впячивается въ полость пылинки, и которую нѣкогда считали производящею пыльцевую трубку, есть настоящая генеративная клѣточка; ей-то, или ея потомству, и суждено совершить оплодотвореніе, съигравъ роль живчиковъ. При прорастаніи пылинки эта клѣточка дѣлается свободною, вслѣдствіе разрушенія другой мелкой клѣточки, соединявшей ее со стѣнкою, и, вмѣстѣ съ ядромъ послѣдней, направляется въ пыльцевую трубку. Точно также какъ и у скрытосѣмянныхъ, эта генеративная клѣточка еще до оплодотворенія дѣлится обыкно-

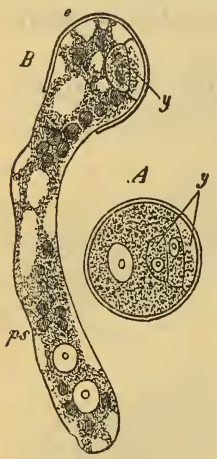


Рис. 136.

венно на двѣ. Такимъ образомъ, сравнительно съ хвойными и вообще голосѣмянными растеніями, у скрытосѣмянныхъ оказывается въ пыльцѣ значительное упрощеніе, такъ какъ не образуется вовсе безплодныхъ мелкихъ клѣточекъ, а все сведено къ абсолютно необходимому: крупной клѣточкѣ, дающей пыльцевую трубку, и мелкой, распадающейся на двѣ генеративныя, и даже не облекающейся оболочкою.

Но гораздо болѣе замѣчательныя особенности мы встрѣтимъ въ яичкѣ хвойныхъ и вообще въ женскихъ цвѣткахъ ихъ, начиная съ того, что здѣсь очень трудно даже сказать, что слѣдуетъ считать за цвѣтокъ. Строеніе обыкновенно такое. То, что впослѣдствіи превращается въ извѣстную каждому деревянистую шишку, имѣетъ во время цвѣтенія видъ гораздо болѣе мелкой и мягкой шишечки. Рис. 137, напримѣръ, изображаетъ анализъ цвѣтущей сосны. Въ *a* видна вѣточка съ мужскими цвѣточками, а въ *b* двѣ (въ природѣ красноватыя) женскія шишечки. На незамѣтномъ снаружи стерженькѣ въ шишечкѣ тѣсно собраны чешуйки, а подъ каждою изъ нихъ совнутри сидитъ по другой чешуйкѣ (3 *b*). Эти послѣднія чешуйки представляются особенно важными, такъ какъ онѣ-то несутъ, опять-таки совнутри, (фиг. 3 *a*) два яичка, обращенныхъ своими отверстіями (сѣмявходами) внизъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти же чешуйки впослѣдствіи, разрастаясь и деревенѣя, дадутъ собственно шишку (*c* на фиг. 1), тогда какъ прикрывавшія ихъ первоначально снаружи чешуйки ссохнутся и въ зрѣлой шишкѣ мы ихъ либо вовсе не увидимъ, напримѣръ, у

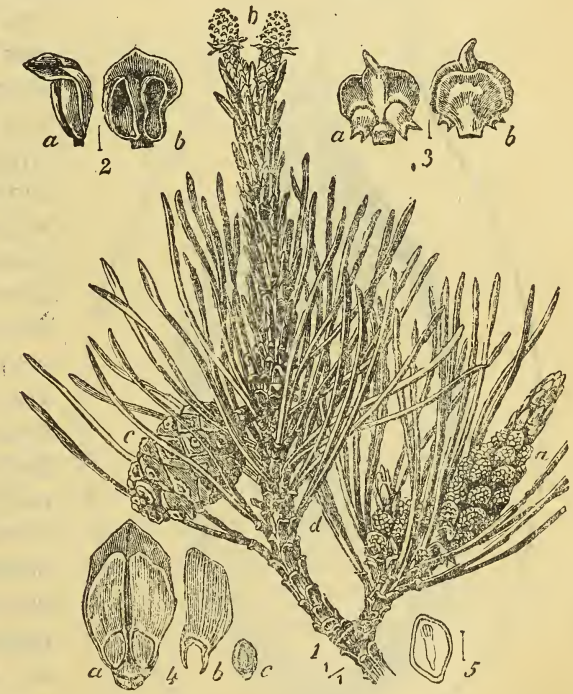


Рис. 137.

сосны, ели, либо замѣтимъ только ихъ кончики, какъ у пихты. И такъ, яички сидятъ попарно подъ прикрытіемъ особыхъ чешуекъ. Слѣдуетъ ли считать каждое отдѣльное яичко, каждую пару ихъ или, наконецъ, всю шишечку за образованіе, соотвѣтствующее цвѣтку,—это вопросъ чрезвычайно спорный.

Обратимся однако къ самому яичку хвойныхъ. Рис. 138 изображаетъ схематически его строеніе и ходъ оплодотворенія. Яичко состоитъ изъ ядра *b* и одного покрова *a*, сѣмявходъ котораго *k* настолько широкъ, что пылинка *h* проходитъ свободно сквозь него и попадаетъ здѣсь прямо на ядро яичка. Понятно, что при такихъ условіяхъ достаточно очень коротенькой пыльцевой трубочки, чтобы совершить оплодотвореніе. И несмотря на это, между опыленіемъ и оплодотвореніемъ проходитъ иногда длинный промежутокъ времени, у сосенъ, напримѣръ, цѣлый годъ, вслѣдствіе чего сосновая шишка требуетъ двухъ лѣтъ для своего созрѣванія. Внутри ядра обозначается, какъ обыкновенно, одинъ зародышный мѣшокъ *cc*, развивающійся совершенно такъ же, какъ у скрытосѣмянныхъ. Но вмѣсто того, чтобы внутри себя произвести знакомыя намъ шесть клѣточекъ, зародышный мѣшокъ у хвойныхъ уже до оплодотворенія наполняется весь паренхиматическими клѣточками *dd*, подобно тому, какъ это происходитъ у скрытосѣмянныхъ послѣ оплодотворенія при развитіи такъ называемаго бѣлка. Нѣкоторыя изъ этихъ клѣточекъ на концѣ мѣшка, обращенномъ къ сѣмявходу, сильно разрастаются. На рис. 138 мы находимъ всего двѣ такія клѣточки *e* и *e'*, но у можевельника, напримѣръ, ихъ можетъ быть штукъ 10—15 и тогда онѣ вплотную приле-

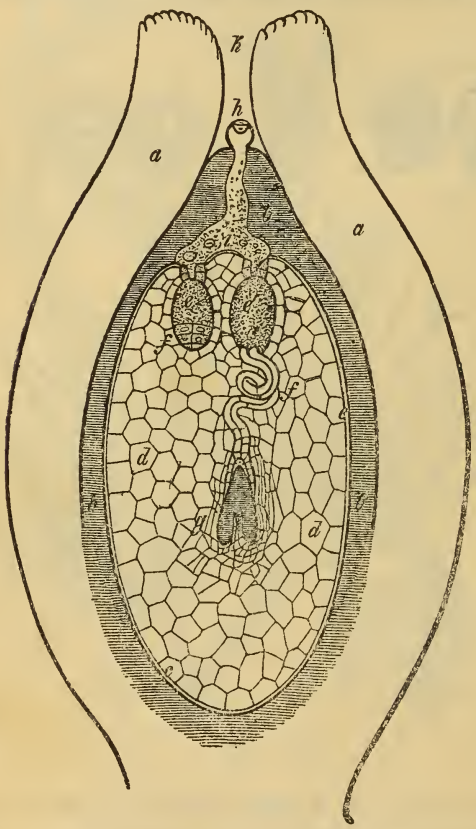


Рис. 138.

гаютъ другъ къ другу (рис. 139). Эти клѣточки назвали *корпускулами*; въ нихъ-то и произойдетъ оплодотвореніе. Опуская нѣкоторыя подробности, замѣтимъ только, что и здѣсь замѣчается сліяніе двухъ клѣточныхъ ядеръ (рис. 140). Изъ конца пыльцевой трубочки (*p* въ фиг. *B*), плотно приложившагося къ вершинѣ корпускулы или даже вторгшагося во внутрь ея на нѣкоторую глубину, выскользаетъ ядро (*sn*) генеративной клѣточки и сливается съ ядромъ (*on*) самой корпускулы [1]), которое послѣ этого

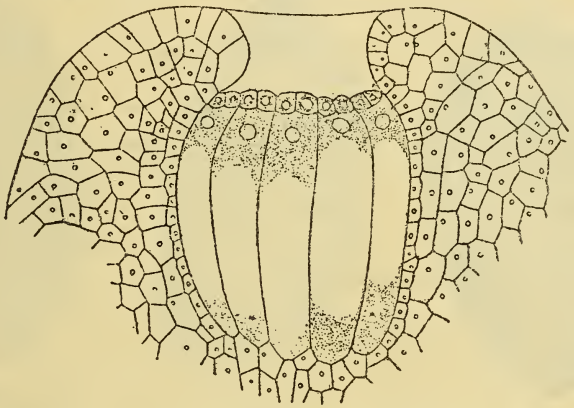


Рис. 139.

опускается на дно и здѣсь дѣлится на 2, 4, 8 ядеръ; ядра скоро входятъ въ составъ клѣточекъ, какъ это видно на рис. 138 при *f* въ нижней части корпускулы *e* и на фигурахъ *D*—*T* рис. 140. Дальнѣйшую судьбу ихъ изображаетъ тотъ же рисунокъ для корпускулы *e'*: клѣточки частью вытянулись въ длинныя извилистыя нити *f*, соотвѣтствующія подвѣску другихъ растеній, частью пошли на образованіе зародыша *g*, тоже обращеннаго корешкомъ къ сѣмявходу. Такъ какъ въ яичкѣ хвойныхъ всегда бываетъ нѣсколько корпускулъ и каждая изъ нихъ развиваетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ зародышъ (у нѣкоторыхъ изъ одной корпускулы образуется даже четыре зародыша), то, въ отличіе отъ прочихъ сѣмянныхъ растеній, у хвойныхъ всегда возникаетъ нѣсколько зародышей внутри одного яичка; при дальнѣйшемъ развитіи однако одинъ беретъ перевѣсъ, вытѣсняетъ прочіе, и въ результатѣ

[1]) Этотъ переходъ клѣточнаго ядра изъ пыльцевой трубки въ корпускулу былъ впервые подмѣченъ *Горожанкинымъ* (въ 1884 году) и наблюденіе это имѣло рѣшающее значеніе. До тѣхъ поръ полагали, что у высшихъ растеній оплодотвореніе совершается простымъ прикосновеніемъ пыльцевой трубки къ зародышному мѣшку. Только послѣ удачнаго препарата Горожанкина, застигшаго ядро на мѣстѣ преступленія, Страсбургеръ переизслѣдовалъ еще разъ пыльцу скрытосѣмянныхъ и исправилъ свое ошибочное показаніе о мнимомъ растореніи заключенныхъ въ ней генеративныхъ клѣточекъ еще до оплодотворенія.

получается сѣмя обычнаго типа съ однимъ зародышемъ, лежащимъ среди бѣлка (фиг. 5 въ рис. 137), какъ это всякій легко можетъ провѣрить, напримѣръ, на кедровыхъ орѣшкахъ.

Теперь, познакомившись съ самыми фактами, мы можемъ обратиться къ ихъ истолкованію. Относительно пыльцы это не представляетъ особенныхъ затрудненій. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пылинка сѣмянныхъ растеній вполнѣ соотвѣтствуетъ

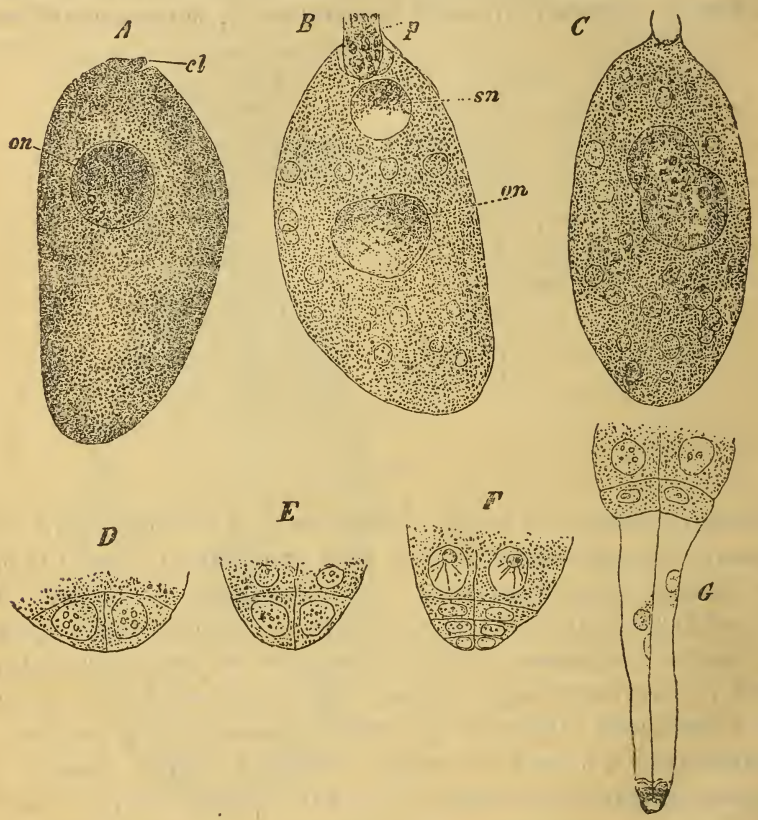


Рис. 140.

микроспорѣ высшихъ споровыхъ; только живчиковъ здѣсь не получается или, вѣрнѣе, живчики утратили свою подвижность, что, какъ уже замѣчено было раньше, обусловливается, безъ сомнѣнія, особымъ усовершенствованнымъ способомъ доставки оплодотворяющихъ элементовъ къ мѣсту назначенія, т.-е. образованіемъ пыльцевой трубочки.

Труднѣе выяснить себѣ, какое соотношеніе существуетъ между макроспорами и яичками. Съ помощью хвойныхъ и это однако удается въ значительной мѣрѣ. Общепринятое въ настоящее время толкованіе заключается въ слѣдующемъ. Яичко сѣмянныхъ

растеній слѣдуетъ уподобить макроспорангію, производящему внутри себя одну только макроспору, и макроспора эта—зародышный мѣшокъ. Подобно тому, какъ макроспора, прорастая, развиваетъ клѣтчатую ткань—предростокъ, а затѣмъ изъ отдѣльныхъ клѣточекъ послѣдняго образуетъ архегоніи, такъ и зародышный мѣшокъ хвойныхъ наполняется клѣтчатою тканью—бѣлкомъ и превращаетъ нѣкоторыя клѣточки въ корпускулы. Стоитъ только сравнить нашъ рис. 138 съ рис. 112, чтобы убѣдиться въ полнѣйшей аналогіи. Такимъ образомъ корпускулы хвойныхъ—тѣ же архегоніи, и теперь даже ихъ стали прямо называть этимъ именемъ. Только архегоній здѣсь сильно упростился и состоитъ главнымъ образомъ изъ самаго яйца: есть, впрочемъ, и небольшая шейка, большею частью изъ четырехъ мелкихъ клѣточекъ, прикрывающихъ сверху каждую корпускулу, какъ это можно замѣтить и на рис. 138. Замѣчено даже отдѣленіе такъ называемой канальцевой клѣточки, которую мы видимъ на рис. 140 въ фиг. *A* (*cl*) при вершинѣ корпускулы. У скрытосѣмянныхъ растеній произошло дальнѣйшее, сильное упрощеніе: макроспора, т. е. зародышный мѣшокъ, вовее не производитъ предростка, развѣ считать за остатокъ таковаго тѣ три, неизвѣстно зачѣмъ возникающія клѣточки, которыя называютъ антиподами; кромѣ того, вмѣсто архегонія или корпускулы здѣсь образуется только самое яйцо, значеніе же вспомогательныхъ клѣточекъ остается неяснымъ.

Мы видѣли выше, что при развитіи изъ оплодотвореннаго яйца зародыша, т. е. новаго растенія, у сѣмянныхъ растеній замѣчается характерная пауза, перерывъ въ развитіи, влекущій за собою образованіе того, что мы называемъ сѣменемъ. Присматриваясь въ этомъ отношеніи къ споровымъ растеніямъ, мы и у нихъ встрѣчаемъ подобную же паузу; тамъ тоже есть части, которыя, подобно сѣменамъ, сохраняются долгое время въ сухомъ видѣ безъ измѣненія, а при посѣвѣ производятъ растеніе, но перерывъ происходитъ здѣсь въ другомъ мѣстѣ, вслѣдствіе чего спора не вполнѣ соотвѣтствуетъ сѣмени. Спора есть результатъ остановки до оплодотворенія, а потому понятно, что въ ней не можетъ быть внутри никакого зародыша; напротивъ, сѣмя получается вслѣдствіе временнаго перерыва въ развитіи уже послѣ оплодотворенія, а потому заключаетъ зачатокъ новаго растенія. Другими словами это можно выразить такъ: у споровыхъ сначала отдѣляется отъ материнскаго растенія клѣточка, предназначенная для размноженія (спора), и потомъ уже происходитъ оплодотвореніе; у сѣмянныхъ, оплодотвореніе и первоначальное развитіе зародыша совершаются еще въ связи съ материнскимъ организмомъ, а затѣмъ уже отъ послѣдняго отдѣляется сложный комплексъ съ новымъ

зачаткомъ внутри, т.-е. сѣмя. Если обратиться за аналогіями къ животному царству, то сѣмя скорѣе всего можетъ быть уподоблено птичьему яйцу, тоже представляющему результатъ уже совершившагося оплодотворенія и тоже заключающему внутри зародышъ новаго организма. Для споры подходящаго сравненія не оказывается.

Нѣсколько разъ въ теченіи этой главы, мы, не довольствуясь изложеніемъ современнаго состоянія вопроса объ оплодотвореніи у высшихъ растеній, касались его исторіи. Но повѣствованіе наше въ этомъ отношеніи было бы неполнымъ, еслибъ мы прошли совершеннымъ молчаніемъ любопытную эпоху сороковыхъ годовъ, когда въ наукѣ велся оживленнѣйшій споръ ни болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, который изъ половыхъ органовъ растенія слѣдуетъ считать мужскимъ, который женскимъ. Заварилъ эту кашу *Шлейденъ*, выступивъ въ 1838 году съ оригинальною теоріею, по которой зародышъ хотя и развивается въ зародышномъ мѣшкѣ яичка, но образуется при этомъ изъ конца пыльцевой трубки, а въ такомъ случаѣ приходилось признать пылинку не за оплодотворяющій, а, напротивъ, за оплодотворяемый (зародышнымъ мѣшкомъ) элементъ и яичко изъ женскаго органа превращалось въ мужской. Поднялся невыразимый переполохъ, особенно когда въ 1843 году итальянскій ученый Амичи, за 30 лѣтъ до того, впервые замѣтившій, что пылинки на рыльцѣ выпускаютъ трубочку, открылъ теперь въ зародышномъ мѣшкѣ зародышные пузырьки. Спроста они тутъ или не спроста? Конецъ ли пыльцевой трубки, или одинъ изъ этихъ пузырьковъ превращается въ зародышъ? Ученые съѣзжались, показывали и пересылали другъ другу убѣдительные, по ихъ мнѣнію, препараты, спорили до изнеможенія Одинъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ теоріи Шлейдена, *Шахтъ* получилъ даже академическую премію за сочиненіе, доказывавшее, что зародышъ дѣйствительно возникаетъ изъ пыльцевой трубки, а зародышные пузырьки служатъ только благородными свидѣтелями. Въ 1855 году, однако, тотъ же Шахтъ окончательно призналъ свое заблужденіе, послѣ чего наступило продолжительное затишье въ этомъ вопросѣ. Для насъ, русскихъ, эта эпоха сороковыхъ годовъ имѣетъ еще свое спеціальное значеніе, такъ какъ она совпала съ зарожденіемъ на Руси микроскопической ботаники. Наши несторы въ этой области, покойные *Желѣзновъ* и *Ценковскій*, дебютировали оба въ наукѣ работами по оплодотворенію хвойныхъ. Внимательный читатель, безъ сомнѣнія, уже замѣтилъ, какую видную роль играли съ тѣхъ поръ въ исторіи занимающаго насъ вопроса русскія имена. Сѣмя, очевидно, упало на добрую почву!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВЕЛИКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

А. Валенберга.

Перев. съ шведскаго В. Фирсова.

*(Продолженіе *).*

ЧАСТЬ II.

I.

Среди мелкихъ недоразумѣній и все чаще и чаще возникавшей у Гильдуръ тревоги за будущее, случилось вдругъ такое происшествіе, въ сравненіи съ которымъ все остальное было лишь ничтожными пустяками.

Какъ-то, около полудня, прибѣжала на кухню господъ Скогъ старуха Мая и попросила служанку передать барышнѣ, что докторъ проситъ ее къ себѣ по важному дѣлу.

Гильдуръ сейчасъ же отправилась къ Бурманамъ и застала Сета въ гостиной съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ и съ какимъ-то письмомъ въ рукахъ. Никогда еще Гильдуръ не видѣла его въ такомъ возбужденіи.

Страшнымъ, пылающимъ взглядомъ глядѣлъ онъ на нее и нѣсколько секундъ не говорилъ ни слова. Только, когда она робко приблизилась къ нему и, дрожащимъ отъ испуга голосомъ, спросила, что такое случилось, онъ точно опомнился, крѣпко обнялъ ее и проговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Милая... возлюбленная!.. Никогда, никогда этого не будетъ!..

— Что такое? Чего не будетъ?

— Не будетъ... никогда!—повторилъ онъ, точно не разслышавъ вопроса, и провелъ рукой по ея волосамъ, печально заглядывая ей въ лицо, точно прощаясь съ нею.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май, 1895 г.

Она съ возростающей тревогой смотрѣла на него и оглянулась по сторонамъ, какъ бы ища разгадки. Она подняла съ полу письмо, выпавшее изъ рукъ Бурмана, когда онъ обнималъ ее. Увидѣвъ въ ея рукахъ письмо, онъ махнулъ рукой, какъ бы предоставляя ей читать, схватился за голову и отошелъ въ сторону, повторяя: Не будетъ!.. Никогда не будетъ...

Гильдуръ прочла письмо. Оно было не длинно.

Писала сама госпожа Бурманъ. Она извѣщала, что получила свѣдѣнія о томъ, что ее розыскиваютъ, и, такъ какъ ничто не удерживаетъ ее больше заграницей, гдѣ недавно скончался ея другъ, она скоро и сама вернется къ мужу. День и часъ своего пріѣзда она не сообщала, но обѣщала поспѣшить. Очевидно, она принимала или дѣлала видъ, что принимала розыски Бурмана за шагъ къ примиренію, и безъ дальнѣйшихъ колебаній возвращалась къ нему. Во всякомъ случаѣ на разводъ она согласія не давала.

Въ глазахъ Гильдуръ потемнѣло. Ударъ былъ слишкомъ жестокъ и неожиданъ. Она сдѣлала шага два и безъ чувствъ упала въ объятія Сета.

Когда она пришла въ себя, подлѣ нея стояли Бурманъ и Мая. Старуха мочила ей виски водой; Бурманъ поглаживалъ ея мокрые волосы...

Она приподнялась на диванѣ и дико осмотрѣлась, но опять упала на подушки, сраженная полученнымъ извѣстіемъ.

Сетъ Бурманъ сталъ утѣшать ее. Вѣдь все сводилось къ простому усложненію, которое можно будетъ со временемъ и устранить. Сущность вѣдь не измѣнялась! Но она не захотѣла слушать утѣшеній. Въ эту минуту ей было тяжело даже видѣть его и она отвернулась къ стѣнѣ, закрывая глаза... Ей опять стало дурно.

Когда она снова открыла глаза, кромѣ Сета и Маи, возлѣ нея была Лена. Дѣвушка съ любопытствомъ разглядывала ее черезъ плечо Маи, и въ лицѣ ея было что-то злорадное. Но, замѣтивъ, что Гильдуръ смотритъ на нее, она придала лицу совсѣмъ другое выраженіе, — склонилась впередъ и нѣжно предложила Гильдуръ стаканъ воды, который держала наготовѣ.

Гильдуръ гадливо отстранила стаканъ. И Сетъ, и его дочь внушали ей въ эту минуту отвращеніе. Никогда еще она не чувствовала себя такой ничтожной, безпомощной... И вдругъ, въ припадкѣ полнаго отчаянія, она обняла шею старой Маи и разразилась горькими безслезными рыданіями.

Ей казалось, что вокругъ нея рушился цѣлый мишурный міръ, и она осталась одна въ печальной пустынѣ. Точно издали доносились къ ней ласковыя слова старухи:

— Барышня, милая! Да перестаньте же убиваться!.. Ну, полно, полно... Христосъ съ вами, зачѣмъ такъ плакать...

Доносился откуда-то и другой голосъ, повторявшій, что все это пустяки и что скоро все опять наладится. Она понимала, что это говорилъ Сетъ...

Но, ни слова старухи, ни то, что говорилъ Сетъ, не производили на нее никакого впечатлѣнія. Она вѣдь понимала, что простымъ отрицаніемъ дѣйствительности нельзя было измѣнить ея.

И вдругъ руки ея, ослабѣвъ, безпомощно повисли на плечахъ Маи, и она опять впала въ забытье. Но на этотъ разъ она не была въ полномъ обморокѣ. Глаза ея были открыты и тупо, безъ всякаго выраженія, смотрѣли въ пространство. На вопросы она беззвучно отвѣчала „да“ и „нѣтъ“. Когда пришли братъ и невѣстка, она безпрекословно согласилась идти съ ними домой и нашла въ себѣ даже силы встать.

Ее увели.

Цѣлый день пролежала она неподвижно на кушеткѣ, въ маленькомъ будуарѣ Гертрудъ. Она позволяла ласкать себя и ничего не возражала на то, что ей говорили въ утѣшеніе. Но ничто не производило на нее впечатлѣнія, и полуобморочное состояніе не проходило.

Вечеромъ пришелъ Бурманъ и снова сталъ увѣрять, что полученное письмо не имѣло никакого серьезнаго значенія. По его мнѣнію, это только ударъ въ пространство, злобная выходка изъ мести. Никогда эта женщина не посмѣетъ на самомъ дѣлѣ отказаться отъ развода. Можно наконецъ припугнуть ее и судомъ.

Онъ говорилъ горячо, и постепенно взглядъ Гильдуръ началъ оживляться. Она уже начинала прислушиваться къ его словамъ и понимать то, что онъ говорилъ.

— Но... вѣдь она можетъ разлучить насъ, если захочетъ;—съ усиліемъ проговорила она, когда онъ еще разъ повторилъ всѣ свои доводы.—Вѣдь она можетъ дать невѣрное показаніе даже подъ присягой... Подумай, каково знать, что она можетъ сдѣлать съ нами все, что захочетъ!..

— Да нѣтъ же! Говорю тебѣ, что она не можетъ сдѣлать намъ зла.

Сказавъ это, онъ склонился къ ней, и приложилъ свою

щеку къ ея щекѣ, добиваясь отъ нея хоть одного ласковаго движенія. Но она опять отвернулась отъ него.

Она не умѣла отдаваться наполовину. Она хотѣла обладать имъ одна, и безспорно, или вовсе не обладать. Ее приводила въ полное отчаяніе одна мысль, что его могутъ отнять у нея. Но въ то же время она предпочитала сразу отказаться отъ него, чѣмъ оставаться насчетъ его въ неувѣренности.

— Ты считаешь меня отвѣтственнымъ за все это?— спросилъ онъ тихо.—Ты знать меня больше не хочешь?

Въ его голосѣ прозвучала такая скорбь, что сердце у нея дрогнуло. Но она еще боролась противъ овладѣвавшаго ею чувства состраданія къ нему, и промолчала. Тогда онъ печально поникъ головой и въ свою очередь умолкъ.

— Сетъ!—сказала она, вдругъ обернувшись къ нему.

Онъ поднялъ голову.

— Послушай, Сетъ,—продолжала она.—Разстанемся на время. Позволь мнѣ уѣхать отсюда... Если все окончится благополучно, и ты будешь свободенъ, я могу вѣдь вернуться и сдѣлаться тогда твоею... навсегда.

Онъ понялъ, что она уже не такъ неприступна, какъ за минуту передъ тѣмъ, и вмѣсто отвѣта обнялъ ее, покрывая ея лицо поцѣлуями. Она уже не отталкивала его.

— Ты вѣдь любишь меня?.. попрежнему? — говорилъ онъ.—Скажи, что любишь, еще разъ скажи! Милая, дорогая моя! Любишь?

— Да, люблю! — вырвалось у нея, и, отдаваясь порыву чувства, она спрятала лицо у него на груди. Это былъ ея первый порывъ съ полученія извѣстія. Бурманъ возликовалъ.

— Все-таки, позволь мнѣ уѣхать!—шептала она.—Это вѣдь ненадолго.

Но, вмѣсто отвѣта, онъ продолжалъ ласкать ее и увѣрять въ своей любви. Вѣдь она его солнце, его радость! Развѣ онъ можетъ жить безъ нея? Безъ нея вѣдь у него не останется ни мужества жить, ни силы работать. Жизнь такъ коротка, такъ тяжела... Стоитъ ли сокращать дни счастья?

Онъ помолчалъ, заглянулъ ей въ глаза и вскричалъ:

— Гильдуръ, моя смѣлая, честная Гильдуръ! Не покинешь же ты меня въ минуту горя?

— Я должна... я обязана уѣхать...

Она упрямо бормотала это, но сама уже чувствовала, что не въ силахъ противостоять ему. Когда онъ желалъ чего-нибудь, онъ добивался этого не силой убѣжденія, а страст-

ной настойчивостью, которая придавала ему краснорѣчіе, и которую онъ умѣлъ скрашивать горячими знаками любви. Онъ въ самомъ дѣлѣ приходилъ въ ужасъ при мысли о разлукѣ съ Гильдуръ, хотя бы даже на короткое время. Онъ слишкомъ уже привыкъ всегда имѣть подлѣ горячо преданную ему дѣвушку, которая дѣлила съ нимъ и горе, и радости, которая понимала его задачи и сочувствовала въ его стремленіи вверхъ. Она была ему дорога, какъ радость очей его. Онъ любилъ ел свѣжій ротикъ, всегда искушавшій его, ея глаза, въ которыхъ онъ читалъ любовь къ себѣ; онъ любилъ все ея милое существо. Но дороже всего была она ему, какъ олицетвореніе его публики, какъ представительница его сторонниковъ.

Больше всего трогало Гильдуръ именно то, что она была ему необходима, въ чемъ онъ откровенно признавался, говоря, что безъ нея не могъ бы работать. Женская потребность самоотверженія возбуждалась въ ней этимъ сознаніемъ, и ей становилось стыдно покинуть мѣсто, гдѣ она оказывалась кому-нибудь полезной... Въ душѣ ея происходила страшная борьба. Съ одной стороны, она сознавала, какое тяжелое испытаніе выпадетъ ей на долю, если она останется, и будетъ постоянно страдать отъ своего ложнаго положенія, и принуждена будетъ постоянно бороться противъ сомнѣній. Развѣ не лучше было бы, столько же ради него, какъ и ради собственнаго счастія, устраниться отъ всего этого? Но, съ другой стороны, вправѣ ли она покинуть его въ самыя трудныя минуты испытанія, если они любятъ другъ друга, и она обѣщала ему свою вѣрность, и онъ просилъ ее остаться?

Она выпрямилась на кушеткѣ, отстранила его рукой и проговорила въ сильнѣйшемъ возбужденіи:

— Уйди, Сетъ! Оставь меня одну... Я подумаю, и завтра же дамъ тебѣ отвѣтъ.

Онъ ушелъ.

Цѣлую ночь она не смыкала глазъ, продолжая бороться съ своими сомнѣніями. Но утромъ, когда Сетъ Бурманъ зашелъ справиться объ ея здоровьи, она была уже одѣта и совершенно приготовлена принять его.

Въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ, съ которымъ онъ подошелъ къ ней, она бросилась ему на шею и сказала:

— Я останусь съ тобой, пока въ силахъ, и пока имѣю право!

Съ этого дня многое перемѣнилось, хотя отнюдь не для Сета Бурмана. Его отношенія къ Гильдуръ остались прежнія, и его надежды на будущее счастье не поколебались. Онъ и представить себѣ не могъ, чтобы безотвѣтная женщина, которую онъ называлъ когда-то своей женой, могла серьезно стать ему поперекъ дороги. Но для Гильдуръ все измѣнилось.

Она не знала уже покоя. При всемъ желаніи, она не могла уже считать Сета Бурмана своимъ безспорнымъ женихомъ. И въ ней стала проявляться все возраставшая сдержанность, мѣшавшая ей относиться къ нему съ прежней нѣжностью.

Сначала онъ не замѣчалъ этой перемѣны и выказывалъ ей больше любви, чѣмъ прежде, понимая, что въ ея сердцѣ должны были остаться кое-какіе шипы, и стараясь удалить ихъ нѣжными ласками. Но вотъ, мало-по-малу его стала возмущать ея холодность, онъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ и сталъ раздражаться.

Онъ требовалъ, чтобы она раздѣляла его увѣренность въ томъ, что никто не посмѣетъ стать имъ поперекъ дороги. Его бѣсили ея сомнѣнія, и, привыкши къ тому, что она раздѣляла всѣ его взгляды, онъ принималъ эти сомнѣнія, какъ оскорбительный для него знакъ недовѣрія.

Въ первый разъ у нихъ оказывались противоположныя мнѣнія въ серьезномъ вопросѣ, и онъ относился къ этому съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Это сдѣлалось больнымъ мѣстомъ, котораго ни онъ, ни она не могли касаться безъ раздраженія. Пришлось избѣгать всего, что могло имѣть отношеніе къ этому пункту, и вскорѣ Гильдуръ стала замѣчать, что у нея накопился цѣлый міръ чувствъ и мыслей, которыми она не дѣлилась съ Сетомъ, потому что боялась затронуть щекотливые вопросы. Нарождалась рознь...

Какъ-то зайдя къ Бурману, Гильдуръ застала дома одну Маю. Старуха была занята уборкой бѣлья, и Гильдуръ вошла къ ней въ комнату поболтать въ ожиданія возвращенія Лены и Бурмана.

Въ разговорѣ на глаза ей попалась та самая фотографическая карточка нарядно одѣтой молодой женщины, которую она уже однажды разсматривала въ болѣзни Маи. Не обращая вниманія на недовольные взгляды, которыми старуха слѣдила за ея движеніями, она взяла карточку въ руки и стала пристально ее разсматривать. Горькое чувство подни-

малось въ ней при видѣ изображенія ненавистной женщины, которая со дня на день могла сама явиться передъ ней, и разбить все ея счастіе. Но тѣмъ сильнѣе притягивала ея взгляды эта карточка.

— Хороша она?—спросила Гильдуръ, не оборачиваясь.

Мая сложила бѣлье, которое держала въ рукахъ, и процѣдила, точно нехотя:

— Да, она была очень хороша.

Гильдуръ ни разу не говорила еще съ Маей ни о своемъ обрученіи съ Бурманомъ, ни о его первой женѣ. Ни словомъ не обмѣнялись обѣ женщины и объ отчаяніи, овладѣвшемъ Гильдуръ по полученіи злополучнаго письма. Но можно вѣдь было считать несомнѣннымъ, что Мая и безъ того знала все, что дѣлалось въ семьѣ Бурмана, и поэтому Гильдуръ нашла нѣсколько страннымъ такое явное нежеланіе старухи говорить съ ней объ этихъ вещахъ. Во всякомъ случаѣ, она, не желая упустить случая разузнать кое-что о своей предшественницѣ, и, полагаясь на добрыя отношенія, всегда существовавшія между нею и старухой, возобновила разспросы.

— Вы любили ее, Мая?—спросила она.

— Да, я сказала бы неправду, если бы стала отрицать это. Бѣдняжка! Ко мнѣ она, во всякомъ случаѣ, всегда была добра

— Бѣдняжка? Стало быть, вамъ жаль ея?

— Гм... да! — Мая старательно разглаживала бѣлье, которое раскладывала на полкахъ шкафа, и не оборачивалась.—Да, барышня;—прибавила она,—многихъ людей приходится пожалѣть въ наше время! Гм. Не легко стало жить на свѣтѣ, охъ, какъ нелегко!

Гильдуръ иронически посмотрѣла на фотографію.

— Она выглядитъ такой молодой, здоровой, безпечной. Развѣ тяжела была для нея жизнь?

— Да, ей жилось очень не весело. Видите ли, не надо никогда думать, что вина всегда на одной сторонѣ... Вѣдь нашъ докторъ, господинъ Бурманъ, не любитъ уступать и дѣлаетъ все по своему; а она была такого характера, что не умѣла быть серьёзной... Ну, вотъ, и пошло! Сперва докторъ не сталъ принимать ея родственниковъ и ея не сталъ къ нимъ пускать. Потомъ ему не понравилось, что она много шутитъ и смѣется съ знакомыми, и ихъ онъ не сталъ принимать... Ну, стало ей скучно, а смириться она не захотѣла;

и вотъ, стали они жить такъ: докторъ въ одну сторону, а она въ другую. Вотъ и случилось...

Съ портрета смотрѣли на Гильдуръ такіе смѣлые, веселые глаза, что, казалось, госпожа Бурманъ, смѣясь, подтверждала слова старухи.

Еще съ минуту разсматривала Гильдуръ красивое лицо, которое въ одно и то же время и плѣняло, и отталкивало ее, потомъ, тихо поставивъ портретъ на комодъ, кивнула Маѣ и вышла изъ комнаты.

Безъискусственный разсказъ старухи долго еще звучалъ въ ея ушахъ, и ей казалось, что за немногими словами этого разсказа, прятались длинныя и невеселыя исторіи. Тутъ видимо была борьба двухъ противоположныхъ, сильныхъ натуръ, и такъ какъ ни одинъ изъ борцовъ не пожелалъ уступить, явился разрывъ.

Но... но развѣ необходимо одному изъ двухъ уступить, если двое хотятъ ужиться? И способна ли она сама всегда уступать?

Въ первый разъ задавала себѣ Гильдуръ такой вопросъ, и даже теперь онъ показался ей совершенно вздорнымъ. Вѣдь между нею и Сетомъ не можетъ же быть серьёзныхъ разногласій. Когда она проситъ его о чемъ-нибудь или онъ проситъ ее,—каждый изъ нихъ съ радостью готовъ исполнить желаніе другого. Только вотъ, въ послѣднее время... Мысли ея приняли другое направленіе:

„Если онъ любитъ меня и не хочетъ ломать моей воли, почему же онъ никогда не помнитъ моихъ желаній и не соображается съ моими взглядами? Почему онъ такъ часто поступаетъ наперекоръ моимъ желаніямъ и никогда не догадывается сдѣлать что-нибудь, что могло бы обрадовать меня? Или онъ забываетъ обо мнѣ, или же и не заботится узнать о моихъ склонностяхъ... Наконецъ, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда я не согласна съ нимъ, почему онъ даже не пытается понять моей точки зрѣнія, совершенно пренебрегаетъ ею? Я же сама вѣдь радуюсь, горжусь тѣмъ, что понимаю его...

Всѣ эти размышленія повели только къ тому, что она разсердилась на себя. Она, очевидно, поддалась дурному вліянію, которое произвелъ на нее разсказъ Маи, и теперь придиралась къ пустякамъ, стараясь найти въ Сетѣ дурное!..

И что же она нашла? Ничтожныя мелочи, невниманіе, зависящія отъ его разсѣянности! Нельзя же въ самомъ дѣлѣ

требовать, чтобы въ головѣ, всегда переполненной творческими замыслами, оставалось еще мѣстечко для мелочныхъ соображеній о какихъ-нибудь вкусахъ, склонностяхъ, фантазіяхъ окружающихъ его людей!

При этихъ мысляхъ сердце ея сжалось еще болѣзненнѣе прежняго.

Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ онъ „великій человѣкъ“!

Теперь случилось именно то, что она съ ненавистью думала о своихъ соперницахъ,—политикѣ и литературѣ. Если бы она могла, она отобрала бы у него перо и превратила бы его въ обыкновеннаго смертнаго! Но такой власти ей не было дано, да и нельзя было бы сдѣлать этого, потому что Бурманъ былъ рожденъ съ характеромъ „великаго человѣка“. Безъ пера, безъ каѳедры, безъ славы—онъ былъ бы такимъ же, какъ и теперь. То, что подняло его надъ общимъ уровнемъ людей, и чѣмъ объяснялись всѣ его хорошія и дурныя стороны—это были его умъ, его честолюбіе, его индивидуальность. Его себялюбіе было лишь плодомъ сознанія своихъ достоинствъ. Его увѣренность въ своей непогрѣшимости—тоже. Ужъ не эта ли непогрѣшимость и сыграла главную роль въ его первой супружеской драмѣ? Ужъ не ею ли объяснялось и то, что онъ такъ мало сообразовался съ желаніями другихъ людей?

Гильдуръ въ безпокойствѣ поднялась съ дивана, на которомъ предавалась этимъ размышленіямъ, и схватилась за голову. Нѣтъ, не слѣдовало размышлять о такихъ вещахъ! Она вѣдь попадала только въ заколдованный кругъ, изъ котораго не было выхода, и въ которомъ она на каждомъ шагу натыкалась на самые мучительные, неразрѣшимые вопросы.

Но не такъ-то легко было оторваться отъ такихъ размышленій. Потянулись дни, а Гильдуръ, не успокоивалась, и съ каждымъ новымъ днемъ будущее представлялось ей все неопредѣленнѣе и неопредѣленнѣе прежняго. Она чувствовала себя, точно на зыбкой трясинѣ, и уже боялась идти впередъ. А идти впередъ приходилось, потому что она все еще любила Сета, и даже въ мысляхъ не хотѣла допустить разрыва съ нимъ.

Тѣмъ не менѣе, она инстинктивно сознавала, что необходимо приготовить Бурмана и приготовиться самой къ возможной перемѣнѣ въ ихъ отношеніяхъ. И она стала избѣгать свиданій съ женихомъ, видаясь съ нимъ какъ можно рѣже и пріучая его смотрѣть на ихъ связь, какъ на нѣчто не вполнѣ прочное.

Обстоятельства въ этомъ ей помогли. Свободнаго времени у Бурмана было теперь очень мало, работы же и хлопотъ набиралось все болѣе и болѣе, и онъ не замѣчалъ, среди всего этого, совершавшейся въ его невѣстѣ перемѣны. Онъ писалъ статью за статьей для своей газеты, работалъ надъ особымъ политическимъ памфлетомъ, и, въ довершеніе всего, принялся еще за новый большой романъ, который долженъ былъ служить продолженіемъ его послѣдняго романа, и отъ котораго онъ ожидалъ очень многаго. Недавній успѣхъ сильно ободрилъ его, и его творческія силы точно удесятерились. Теперь, одержавъ такую блистательную побѣду надъ своими противниками и заручившись большимъ кругомъ читателей, онъ уже не сомнѣвался въ дальнѣйшемъ успѣхѣ какъ на политическомъ, такъ и на литературномъ поприщахъ, и лихорадочно работалъ, не давая себѣ ни минуты отдыха.

Такимъ образомъ, сами обстоятельства складывались такъ, что ихъ свиданія происходили все рѣже и рѣже. Гильдуръ и Бурманъ встрѣчались теперь уже только на короткое время, по вечерамъ, и то далеко не всегда случалось, такъ какъ къ Бурману часто заходили по вечерамъ сотрудники по дѣламъ газеты, а Гильдуръ начала чаще выѣзжать изъ дому и принимать у себя гостей.

Сетъ Бурманъ жаловался иногда на разлучавшія ихъ обстоятельства. По временамъ, особенно когда Гильдуръ нѣсколько вечеровъ кряду выѣзжала изъ дому, онъ даже началъ подозрѣвать истину. Въ этихъ случаяхъ онъ бралъ иногда голову Гильдуръ обѣими руками, печально смотрѣлъ ей въ лицо и говорилъ:

— Прежде ты бы этого не сдѣлала!

Тогда слезы подступали къ ея глазамъ, и она жалобно возражала:

— Не говори этого, Сетъ! Ты и представить себѣ не можешь, какъ огорчаешь меня этими словами... Неужели ты не сознаешь, что я бы рада была, что я бы всегда... если бы...

Она не договаривала мысли и умолкала, а онъ не настаивалъ, чувствуя, что они дошли до такого пункта, котораго лучше не слѣдовало касаться. Оба вздыхали и расходились, а Бурманъ нѣкоторое время не могъ взяться за работу: его начинало волновать то, что опять изъ Берлина давно уже нѣтъ извѣстій и никакъ не удавалось узнать адреса жены.

О, если бы у него только былъ въ рукахъ этотъ несчаст-

ный адресъ! Онъ твердо былъ увѣренъ, что все устроится хорошо, только бы его узнать... Да и становилось уже черезчуръ мучительно видѣть постоянную тревогу бѣдной Гильдуръ!

Однако онъ не долго мучился такими размышленіями и вскорѣ уже опять сидѣлъ, весь уйдя въ свой трудъ.

Со своей стороны и Гертрудъ помогала разлученію Гильдуръ и Бурмана. Она никогда не могла вполнѣ примириться съ двусмысленнымъ, по ея мнѣнію, положеніемъ, въ которое поставила себя ея золовка, и злополучное письмо изъ Берлина было для нея почти радостной вѣстью. Теперь она быстро подмѣтила старанія Гильдуръ нѣсколько отдалиться отъ Бурмана и сейчасъ же воспользовалась удобнымъ случаемъ расхолодить чувства помолвленныхъ.

Прежде всего она сдѣлалась опять такъ же ласкова и внимательна къ Гильдуръ, какъ и до помолвки. Замѣтивъ, что она старается выѣзжать изъ дому и принимать гостей, чтобы мѣшать свиданіямъ съ Сетомъ, она, въ свою очередь, тоже стала приглашать гостей, принимать приглашенія за себя и за Гильдуръ. Ожили даже ея надежды на Валеріуса. Съ нимъ она подъ разными предлогами оставляла Гильдуръ наединѣ, заставляя ихъ играть въ экарте, а когда сопровождала ихъ на катокъ, всегда находила предлогъ куда-нибудь скрыться, и Валеріусъ съ Гильдуръ снова оставались вдвоемъ.

Все это было довольно замѣтно и сейчасъ же бросилось Гильдуръ въ глаза. Но она была увѣрена въ себѣ, и только улыбалась надъ ухищреніями невѣстки. Въ ея теперешнемъ нервномъ состояніи для нея было истиннымъ удовольствіемъ, какъ можно больше бывать въ обществѣ Валеріуса, который такъ умѣлъ успокоивать и утѣшать ее, ни словомъ не касаясь того, что её тревожило, и вполнѣ понимая ее.

Какъ-то, послѣ обѣда, она акомпанировала Валеріусу, который спѣлъ какой-то новый романсъ, и затѣмъ начала задумчиво наигрывать отрывки мелодій, погруженная въ свои невеселыя мысли. Онъ стоялъ у рояля и пристально смотрѣлъ на нее.

За послѣднее время она сильно измѣнилась. Она замѣтно похудѣла, лицо осунулось, руки стали точно прозрачныя...

— Знаете, что?—сказалъ онъ неожиданно.—По моему, вы лѣнивы!

— Лѣнива?—переспросила она съ удивленіемъ и невольно улыбнулась.

— Да. У васъ нѣтъ настоящихъ занятій, нѣтъ труда.

— А почему вы знаете?

— Это вѣдь замѣтно по вашей наружности! У васъ слишкомъ изнѣженныя руки. Такихъ рукъ не бываетъ у трудящагося человѣка.

— Не прикажете ли вязать чулки для бѣдныхъ дѣтей?— спросила она насмѣшливо.

— Да, если вы въ состояніи думать о бѣдныхъ дѣтяхъ въ то время, какъ вяжете имъ чулки.

Она усталымъ движеніемъ провела рукой по лбу и проговорила:

— Ну, столько-то я врядъ ли могу сдѣлать для бѣдныхъ дѣтей.

— Ну, такъ найдите себѣ какое-нибудь другое занятіе, но непремѣнно такое, которое приковывало бы къ нему всѣ ваши мысли. Право, даже некрасиво имѣть такія блѣдныя, жалкія руки! Нужно позаботиться о нихъ, хотя бы ради красоты...

Она печально улыбнулась. Ей было пріятно слышать тревогу за нее, звучавшую въ его голосѣ, не смотря на шутливый тонъ. Потомъ она посмотрѣла на свои руки и спросила, не поднимая глазъ:

— Что же мнѣ дѣлать?

— Читайте.

— О, читала я довольно! Все, что получше, давно прочла, а хлама не стоитъ и читать, тѣмъ болѣе, что хламъ и развлечь не можетъ.

— Какъ, вы успѣли прочесть все, что получше?—удивился онъ.—Въ такомъ случаѣ, преклоняюсь передъ вашей ученостью!

И онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣсилъ ей насмѣшливый поклонъ.

— Т.-е. я хотѣла сказать, что прочла все, что получше изъ доступнаго мнѣ,—поправилась она.

— И въ этомъ позвольте усомниться. Хорошаго чтенія хватитъ на всякую жизнь!..

Поигрывая салфеточкой, которой была прикрыта на роялѣ рабочая корзинка Гильдуръ, онъ сталъ говорить о литературѣ. По его словамъ, самые образованные изъ свѣтскихъ людей не имѣютъ понятія хотя бы о четверти хорошихъ книгъ, и это даже въ одной только области изящной словесности. Особенно же мало или вовсе неизвѣстны иностран-

ные писатели, такъ какъ на шведскій языкъ переводится изъ нихъ самая ничтожная часть.

— Загляните-ка въ каталоги книжныхъ магазиновъ, и вы увидите, какъ мало у насъ извѣстны иностранныя книги. А между тѣмъ, спросите любого знатока иностранной литературы, даже любого образованнаго иностранца, и онъ перечислитъ множество произведеній, производящихъ въ своемъ отечествѣ огромное впечатлѣніе.

Гильдуръ слушала его однимъ ухомъ, повидимому, опять занятая своими мыслями. Очевидно, вопросъ о чтеніи не интересовалъ ея, или она не вѣрила, чтобы книги могли ее развлечь.

— Мало того, что вы нашли бы что прочесть въ иностранной литературѣ,—продолжалъ онъ, нисколько не смущаясь ея равнодушіемъ,—вы могли бы оказать и огромную услугу своимъ соотечественникамъ. Подумайте, какъ мало распространено у насъ знаніе языковъ, и какъ благодарны были бы вамъ шведскіе читатели, если бы вы перевели или хоть указали бы переводчикамъ, нѣкоторыя прекрасныя сочиненія.

На этотъ разъ онъ добился ея вниманія.

— Вы говорите серьезно?— спросила она.

— Конечно! Вы заработали бы столько денегъ, что могли бы накупить бѣднымъ дѣтямъ больше чулокъ, чѣмъ навязали бы впродолженіе всей вашей жизни, наконецъ, могли бы доставить заработокъ бѣднымъ переводчикамъ, которымъ нечего ѣсть, и у которыхъ нѣтъ ни сводобнаго времени, ни вкуса, ни случая, необходимыхъ для выбора стоющихъ перевода книгъ. Не говорю уже объ удовольствіи, какое вы доставили бы подписчицамъ журналовъ и библіотекъ!

Гильдуръ улыбнулась, отнесшись къ дѣлу полу-шутливо, какъ и онъ. Но потомъ она долго обдумывала сдѣланный ей намекъ и на слѣдующій день сама первая заговорила съ Валеріусомъ о „скрытой отъ шведскихъ читателей“ литературѣ.

Ее начинала заманивать перспектива интересныхъ открытій и полезной дѣятельности. У нея были родственники и знакомые въ Англіи, Германіи, во Франціи. Отъ нихъ она легко могла получить нужныя указанія, а языки она знала въ совершенствѣ. Въ концѣ концовъ она такъ увлеклась этой идеей, что попросила у Валеріуса совѣта, какіе именно вопросы сдѣлать своимъ заграничнымъ знакомымъ, и высказала намѣреніе завтра же отправить письма.

Опытный въ журнальномъ и издательскомъ дѣлѣ, Валеріусъ тотчасъ же далъ ей практическіе совѣты, указалъ, въ какихъ отрасляхъ литературы и среди какихъ авторовъ надо было искать стоющія перевода книги, и наконецъ намекнулъ, что, въ случаѣ успѣшности перевода, къ услугамъ Гильдуръ будетъ Бальдерская издательская фирма.

Возможность забыться въ трудѣ и ожить среди полезной и интересной дѣятельности, такъ увлекла Гильдуръ, что щеки ея разгорѣлись, въ глазахъ появился уже давно не замѣчавшійся въ нихъ огонекъ, и вотъ она опять та же свѣжая, жизнерадостная дѣвушка, какой была до полученія этого скверная письма изъ Берлина.

— Мы еще ничего и не сдѣлали, а ужъ ваши руки выглядятъ лучше!—сказалъ Валеріусъ, когда она подала ему руку на прощаніе.

Онъ шутилъ, но замѣтно было, что онъ серьезно радовался за Гильдуръ, гордясь тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать...

Гильдуръ ждала очень многаго отъ своей будущей работы. Эта работа обѣщала ей развлеченіе, а главное, что-то такое, что должно было еще болѣе приблизить ее къ Бурману. Вѣдь это такой трудъ, который непремѣнно долженъ заинтересовать его. Ему представился бы случай относиться къ ней не только какъ къ возлюбленной и узнать ее съ такой стороны, съ какой онъ вовсе не зналъ ея до сихъ поръ. Можетъ быть, онъ станетъ тогда больше обращать вниманія и на ея личные взгляды и убѣжденія. Какъ мала ни была бы ея работа въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлалъ онъ, это все-таки работа литературная, которая могла привлечь его вниманіе.

Не разсѣется-ли тогда и то неопредѣленное чувство неудовлетворительности, которое мучило ее столько времени? Вѣдь теперь у нихъ будутъ сходные интересы и нѣчто общее въ трудѣ?..

Всѣ эти мысли проносились въ головѣ Гильдуръ, когда вечеромъ она сидѣла у Бурмана и помогала ему читать корректуру, слѣдя по оригиналу. Впрочемъ, слѣдила она довольно плохо и надѣлала нѣсколько ошибокъ, такъ какъ ее отвлекали отъ предмета роившіяся въ мозгу мысли.

— Какая ты сегодня разсѣянная, моя милая помощница!—съ улыбкой замѣтилъ Бурманъ, когда корректура была окончена.

Онъ привлекъ ее къ себѣ и сталъ ласкать ея волосы.

Тогда Гильдуръ объявила ему свою новость. Она съ увлеченіемъ разсказала о сдѣланномъ ей предложеніи, краснорѣчиво изложила всѣ хорошія стороны такой работы, и закончила выраженіемъ увѣренности, что переводъ у нея выйдетъ отличный. Вѣдь она вполнѣ владѣетъ языками, и сама хорошо пишетъ, а главное, вѣдь тутъ работа не на спѣхъ и не ради заработка!

Сетъ Бурманъ слушалъ ее съ добродушной усмѣшкой, съ какой взрослые слушаютъ мечты ребенка, разсуждающаго о подвигахъ, которые онъ намѣренъ совершить въ будущемъ.

— А кто же сдѣлалъ тебѣ это предложеніе? — спросилъ онъ, наконецъ.

До сихъ поръ Гильдуръ ухитрилась ни разу не назвать Валеріуса, инстинктивно чувствуя, что это имя испортитъ все. Но теперь пришлось назвать его и признаться, что это всецѣло его выдумка.

Бурманъ насупился.

— Вѣроятно, онъ берется и помѣстить или издать твой переводъ?—спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да, т.-е., онъ не обѣщалъ навѣрное, но, если выйдетъ какой-нибудь прокъ изъ перевода, то онъ готовъ принять мой трудъ...

— Вотъ какъ! Что же, это хорошо!..

Онъ собралъ разсыпанные по столу корректурные листы и, молча пошелъ въ свой кабинетъ. Въ дверяхъ онъ пріостановился и, не оглядываясь, сказалъ, что идетъ писать срочную статью.

Гильдуръ осталась у стола въ гостиной, разсѣянно чертя карандашомъ по бумагѣ. Отъ ея великой радости не осталось и слѣда. Она поняла, что такъ будетъ всегда, что всякое дѣло, которымъ она захочетъ заполнить пустоту своей жизни, будетъ разбито въ самомъ началѣ! Ей приходилось отказываться отъ всякой надежды когда-нибудь найти такую дѣятельность, въ которой она могла бы соприкасаться съ дѣятельностью Сета, и въ то же время выказать нѣкоторую самостоятельность, личный вкусъ и личные взгляды. Такихъ вещей онъ, очевидно, не любилъ...

Лена заговорила съ нею, и она машинально отвѣчала ей, не понимая даже, о чемъ шла рѣчь. Черезъ минуту она бросила карандашъ, и поднялась, чтобы уйти.

Простившись съ Леной, она подошла къ дверямъ кабинета и, не заходя туда, крикнула Бурману: „до свиданія“. Но онъ быстро обернулся и попросилъ ее войти.

Она приблизилась къ его столу и довольно холодно спросила его, что ему нужно. Тогда онъ овладѣлъ ея рукой, и сказалъ:

— Неужели ты не понимаешь, Гильдуръ, что меня можетъ огорчить то, что у тебя такъ мало со мной общаго, что ты готова принимать услуги отъ человѣка, съ которымъ я не хочу имѣть никакого дѣла!

Въ послѣднее время онъ, дѣйствительно, прервалъ всякія дѣловыя сношенія съ Бальдерской типографіей и печаталъ свои сочиненія исключительно въ типографіи Ветерлинга. Но съ Валеріусомъ онъ не ссорился, и, во всякомъ случаѣ, онъ не могъ говорить, что „не имѣетъ съ нимъ дѣла“.

— Ахъ, Сетъ!—вскричала Гильдуръ. — Не хочешь же ты сказать, что онъ такой дурной человѣкъ, что съ нимъ не стоитъ имѣть дѣло? Не особенно давно, ты самъ пользовался его услугами и называлъ его другомъ!..

Сетъ Бурманъ нѣсколько смутился. Онъ поигрывалъ концами шарфа Гильдуръ и невольно задумался о Валеріусѣ. Этотъ человѣкъ постоянно сбивалъ его съ толку, то привлекая его, то внушая какія-то неопредѣленныя враждебныя чувства. Теперь, напримѣръ, когда ему хотѣлось отнестись къ нему безпристрастно, чтобы холодно выставить его передъ Гильдуръ такимъ, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности, онъ почувствовалъ невозможность чернить его, и какой-то внутренній голосъ властно вступился за него.

— Гм!—протянулъ онъ.—Друзьями, если хочешь, насъ можно назвать и теперь... Никогда я не утверждалъ, что онъ дурной человѣкъ! Наоборотъ, онъ честный, добрый... вообще, порядочный человѣкъ. Его можно уважать, а какъ знакомый и собесѣдникъ, онъ положительно пріятенъ... Но...

Бурманъ передохнулъ. Облегчивъ свою совѣсть такими крупными уступками, которыя онъ сдѣлалъ нѣсколько угрюмо и какъ бы неохотно, онъ считалъ себя вправѣ говорить уже безъ стѣсненій и воинственно поднялъ голову.

— Но,—продолжалъ онъ, — тѣмъ не менѣе, это одинъ изъ тѣхъ людей, съ которыми я далъ себѣ слово держать себя насторожѣ и никогда не возобновлять дѣловыхъ сношеній. Развѣ ты не обратила вниманіе на то, что онъ всегда себѣ на умѣ? За каждымъ его словомъ остается что-то не досказанное, что-то затаенное... Это вѣдь такъ замѣтно.

Она подумала. Въ словахъ Сета была доля истины. Ва-

леріусъ, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ обыкновеніе не договаривать все сразу, какъ бы нащупывая почву и боясь, что его слова будутъ истолкованы неправильно.

— Да, у него есть это!—согласилась Гильдуръ.— Но его мысли всегда честны, и его нетрудно бываетъ понять.

— Во всякомъ случаѣ, льщу себя надеждой, что я-то понимаю его!—замѣтилъ Сетъ злорадно.

— Нѣтъ, Сетъ, ты-то чаще всего и заблуждаешься на его счетъ. Въ этомъ я увѣрена! Только изъ-за того, что онъ любитъ выражаться намеками и не сразу подходитъ прямо къ предмету, ты уже подозрѣваешь его въ неискренности и Богъ знаетъ въ чемъ. Но, увѣряю тебя, ты заблуждаешься!

Она часто размышляла о непонятной и все увеличивавшейся враждѣ Сета къ Валеріусу. Эта вражда началась съ того вечера, когда Валеріусъ разоблачилъ истинное значеніе внезапной любезности норвежскаго министра, и съ тѣхъ поръ не угасала, не смотря на временныя измѣненія въ настроеніи Бурмана. Сетъ былъ обидчивъ и злопамятенъ, и, очевидно, это ничтожное, но непріятное разоблаченіе глубоко запало ему въ душу. Съ тѣхъ поръ всякое прямодушное замѣчаніе Валеріуса насчетъ какой-нибудь слабости Бурмана принималось имъ уже, какъ обида. Въ особенности же должна была его обидѣть выходка Валеріуса въ день помолвки. Бурманъ любилъ судить о другихъ, но не переносилъ сужденій о себѣ, тѣмъ болѣе такихъ, каковы были сужденія, высказанныя тогда Валеріусомъ. Все это было объяснимо. Непонятнымъ казалось только то упорство, съ какимъ Сетъ старался видѣть что-то затаенное и неискренное въ прямодушныхъ и, на этотъ разъ, вполнѣ досказанныхъ словахъ друга. Съ Бурманомъ Валеріусъ былъ даже слишкомъ откровененъ и уже, во всякомъ случаѣ, не лукавилъ. Въ этомъ Гильдуръ была вполнѣ увѣрена, а потому-то и не постѣснилась сказать Сету, что онъ заблуждался на счетъ Валеріуса.

Но Бурману это не понравилось. Онъ выпустилъ изъ рукъ конецъ шарфа, которымъ поигрывалъ, и посмотрѣлъ на Гильдуръ съ раздраженіемъ.

— Вотъ какъ?!—сказалъ онъ.—Такъ я заблуждаюсь? Въ такомъ случаѣ, врядъ ли стоитъ продолжать этотъ разговоръ. Твои симпатіи на сторонѣ непонятаго? Такъ иди къ нему... иди съ Богомъ!

Она выпрямилась и хотѣла уже уйти. Но сердце у нея дрогнуло. Тяжело было уйти, не примирившись.

— Милый Сетъ,—сказала она и, снова склонившись къ нему, обняла его.—Не будемъ же ссориться изъ-за такихъ пустяковъ. Ты полагаешь одно, я—другое, но развѣ это причина сердиться и ссориться? Во всякомъ случаѣ, ты не долженъ думать, что я не солидарна съ тобой. Я не приму услугъ отъ людей, которымъ ты не желаешь обязываться, и ни въ какомъ случаѣ не поступлю тебѣ наперекоръ.

При этихъ словахъ онъ весь просіялъ, прижалъ ее къ груди и крѣпко поцѣловалъ.

Опять онъ видѣлъ въ ней свою прежнюю милую Гильдуръ! Въ послѣднее время она иногда точно ускользала отъ него... Но теперь все прошло—не правда-ли?—и навсегда! И они снова сидѣли рядомъ, счастливые и веселые.

Но послѣ первыхъ минутъ радостнаго примиренія въ Гильдуръ снова проснулись опасенія за будущее. Не хотѣлось ей отказаться отъ труда, въ которомъ она надѣялась найти утѣшеніе въ настоящемъ, и осмысленную дѣятельность въ будущемъ! И она осторожно навела разговоръ снова на переводы.

А что, если она обойдется безъ всякихъ услугъ Валеріуса? Что можетъ Сетъ имѣть противъ ея труда въ этомъ случаѣ?

Онъ подумалъ.

— Это вѣдь его предложеніе и, конечно, онъ будетъ интересоваться твоимъ трудомъ даже если и не будетъ твоимъ издателемъ,—замѣтилъ онъ.—Да и трудно было бы устранить его... вполнѣ. Лучше бы не начинать.

Но, восхищенная тѣмъ, что Сетъ не отвѣтилъ категорическимъ запрещеніемъ, Гильдуръ стала настаивать и бралась все устроить, какъ нельзя лучше. Вѣдь она могла сказать, что руководить ея работой берется самъ Сетъ, а такъ какъ у Сета былъ свой постоянный издатель, то не будетъ ничего удивительнаго если, и она предпочтетъ обратиться къ этому издателю. Пусть ей предоставятъ только свободу дѣйствовать.

Въ концѣ концовъ она таки добилась позволенія взяться за переводы. Тогда она пришла въ настоящій восторгъ и стала краснорѣчиво говорить о томъ, чего ждала для себя отъ этой работы.

— Знаешь, Сетъ,—говорила она между прочимъ,—вѣдь меня просто мучила мысль, что ты считаешь меня такимъ ничтожествомъ...

— Ничтожествомъ?!!

Онъ хотѣлъ негодующе протестовать, но она рукой зажала ему ротъ, и продолжала:

— Да, да, я чувствовала, что это такъ. Замѣтно вѣдь, что тебѣ и слушать не хочется, когда я дѣлаю свои глупыя замѣчанія о такихъ вещахъ, какъ литература, и т. п. Ты врядъ ли слышишь, что я говорю въ такихъ случаяхъ, и во всякомъ случаѣ тотчасъ же забываешь все, что я говорю, потому что мои разсужденія объ этихъ вещахъ въ самомъ дѣлѣ совершенный вздоръ. Я вѣдь сама сознаю это. Вотъ другое дѣло, если бы я нашла себѣ посильный интеллигентный трудъ, который самъ по себѣ заинтересовалъ бы тебя. При этомъ и у меня выработались бы, пожалуй, собственныя, не совсѣмъ глупыя сужденія, и тогда бы ты, можетъ быть, сталъ меня слушать. Тяжело вѣдь быть ничтожествомъ и не имѣть даже права на вниманіе людей.

Онъ не зналъ, что ей возразить, и только крѣпче прежняго обнималъ ее. Никогда еще ему и въ голову не приходило, чтобы у нея могли копошиться такія странныя мысли. И когда же это онъ находилъ ее ничтожной? Никогда! Онъ любилъ ее такой, какова она есть, и не желалъ никакой перемѣны. Впрочемъ, если она полагаетъ, что существуетъ на свѣтѣ хоть что-нибудь, что можетъ еще болѣе сблизить ихъ, то съ Богомъ!—пусть она вооружится этимъ и попробуетъ еще крѣпче затянуть связывающій ихъ узелъ. Но онъ увѣренъ, что это безполезно, такъ какъ онъ и безъ того знаетъ, что всю жизнь будетъ слѣдовать за ней, какъ вѣрный пудель!

Говоря это, „вѣрный пудель“ цѣловалъ ей руки и былъ такъ же счастливъ, какъ она. Его восхищало то, что глаза ея опять сверкали, а на устахъ снова играла счастливая улыбка, какъ въ началѣ зимы, когда еще ничто не омрачало ихъ счастія.

II.

На письма Гильдуръ своевременно получены были отвѣты и цѣлые ворохи книгъ на трехъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ. Надъ этими книгами просиживала она теперь до самаго обѣда, не замѣчая времени, которое прежде тянулось для нея такъ невыносимо медленно. Въ числѣ присланныхъ книгъ были и плохія, и уже давнымъ давно переведенныя, но были и такія, которыя сразу заинтересовали ее.

Долго она колебалась въ выборѣ, но, наконецъ, остановилась на одной, сильно заинтересовавшей ее, книгѣ и, согласно уговору, передала ее для предварительнаго просмотра не Валеріусу, а самому Бурману. Тотъ взялъ книгу, обѣщаясь прочесть, какъ можно скорѣе.

Въ ожиданіи отвѣта Бурмана, она тщательно обдумывала прочитанную книгу, чтобы быть совершенно подготовленной къ обсужденію. Прежде, всякій разъ, когда ей приходилось говорить съ Сетомъ о какомъ-нибудь сочиненіи, онъ съ первыхъ же словъ разбивалъ всѣ ея разсужденія, что она приписывала, главнымъ образомъ, своей неподготовленности къ спорамъ, такъ какъ его доводы, сами по себѣ, не всегда казались ей вѣрными. Но, на этотъ разъ, она была вполнѣ подготовлена защищать свое мнѣніе, и намѣревалась удивить Сета.

Между тѣмъ проходили дни за днями, а Бурманъ все еще не удосуживался прочесть книгу. Всякій разъ, когда Гильдуръ напоминала о ней, оказывалось, что у Бурмана не нашлось еще ни одного свободнаго часа. То онъ заваленъ работой, то долженъ былъ принимать сотрудниковъ, то идти въ театръ, такъ какъ самъ велъ въ своей газетѣ и театральный отдѣлъ.

Гильдуръ ждала терпѣливо, не требуя нисколько чтобы, ради ея переводовъ, Сетъ пренебрегалъ своими дѣлами. Лишь изрѣдка она чувствовала нѣкоторое нетерпѣніе, особенно, когда ей случалось слышать безконечные и совершенно праздные споры Бурмана съ Ветерлингомъ, или видѣть, какъ онъ по цѣлымъ часамъ просиживалъ съ Леной у шахматной доски, заинтересованный трудной шахматной задачей. Но, и въ этихъ случаяхъ, она подавляла свое нетерпѣніе, утѣшаясь мыслью, что, вѣрно, Сетъ хочетъ заняться ея книгой серьезно, въ такое время, когда голова его свѣжа, и ничто не отвлекаетъ его отъ занятій.

Зато съ Валеріусомъ приходилось ежедневно говорить о полученныхъ изъ-заграницы книгахъ. Она сообщила ему, что передала на прочтеніе Сету ту книгу, которую сочла наиболѣе подходящей для перевода, но все еще не рѣшалась признаться, что будетъ работать для другого издателя. Съ каждымъ днемъ становилось труднѣе сдѣлать это признаніе человѣку, который такъ безкорыстно помогалъ ей, чѣмъ только могъ. Ей начинало даже казаться, что она поступаетъ предательски, собираясь воспользоваться его идеей, но помимо него, пожалуй, даже во вредъ его изданіямъ... Но она молчала.

Прошло больше недѣли и, такъ какъ Бурманъ все еще не прочелъ книги, Валеріусъ предложилъ Гильдуръ заняться тѣмъ временемъ одной изъ другихъ хорошихъ книгъ.

Она смутилась. Заняться, помимо совѣтовъ Бурмана, значило бы отказаться отъ ея излюбленной мечты о нѣкоторой общности въ трудѣ съ Сетомъ, и, можетъ быть, оскорбить его.

— Не знаю, какъ онъ это приметъ!..—замѣтила она нерѣшительно.

— Что жъ, обождите еще немного!—посовѣтовалъ Валеріусъ насмѣшливо.—Болѣе полугода онъ книги не продержитъ.

Гильдуръ отвернулась. Не смотря на всю деликатность Валеріуса, у него вырывались подчасъ такія злыя насмѣшки надъ Бурманомъ, которыя серьезно огорчали ее. Но возражать было нечего.

— И знаете ли, по правдѣ сказать, винить его не въ чемъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Валеріусъ.—Такъ поступаютъ всѣ признанные писатели. Было время, когда онъ самъ дожидалъ очереди и трепеталъ за свои литературные труды, а теперь онъ самъ заставляетъ дожидаться и трепетать другихъ. Нельзя идти противъ законовъ природы, да и месть сладка!

Эта насмѣшка была еще злѣе первой, но имѣла хоть то достоинство, что давала возможность обратить все въ шутку. Другой поправки, въ сущности, нельзя было сдѣлать, и Гильдуръ улыбнулась.

— Такъ вотъ,—продолжалъ онъ,—пока Бурманъ оставляетъ насъ въ ожиданіи своего приговора, которымъ намѣренъ озадачить насъ, какъ сюрпризомъ, ничто не мѣшаетъ намъ перевести другую книгу. Вы говорили объ одномъ романѣ съ очень интереснымъ сюжетомъ. Позвольте мнѣ прочесть этотъ романъ, и я скажу, годится ли онъ для перевода.

Что ей было дѣлать? Приходилось тутъ же признаться, что она намѣрена воспользоваться его идеей, но затѣмъ не имѣть съ нимъ никакого дѣла, или же отдать ему книгу...

Она встала и пошла за романомъ.

Уже на слѣдующій же день онъ возвратилъ ей книгу и сказалъ, весело улыбаясь:

— Романъ недуренъ и годится для нашего журнала. На этомъ пока и остановимся.

Онъ ожидалъ, что это сообщеніе обрадуетъ ее. Но она потупилась...

— Романъ вамъ съ самомъ дѣлѣ понравился?—спросила она, не поднимая головы.

— Да, написано легко, сюжетъ превосходный, читается съ неослабѣвающимъ интересомъ... Чего же еще? Если васъ увлекаетъ мысль поработать на этомъ поприщѣ, тутъ и колебаться нечего. Совѣтую сегодня же взяться за переводъ.

— Но я предпочла бы перевести ту, другую, книгу.

— Ту, которая у Бурмана?

— Да.

Она не умѣла притворяться, и онъ замѣтилъ, что она чего-то недоговариваетъ. Наступило неловкое молчаніе. Гильдуръ съ тоской озиралась по сторонамъ, отъ души желая, чтобы кто-нибудь пришелъ помѣшать ея разговору съ Валеріусомъ. Но Гуго сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, а Гертрудъ въ дѣтской укладывала дѣтей спать, и никто не приходилъ.

— Понимаю! — сказалъ наконецъ Валеріусъ. — Мавръ исполнилъ свою обязанность! Мавръ можетъ удалиться!

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричала она.—Вы не должны такъ понимать мои слова!.. Я не...

Но онъ прервалъ ее дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Не въ первый уже разъ вы поступаете со мной такимъ образомъ! Это было замѣтно уже съ первыхъ дней нашего знакомства, хотя и въ мелочахъ... Во всякомъ случаѣ, я не имѣлъ намѣренія навязываться вамъ съ своими услугами... Простите! Когда встрѣчаешься съ кѣмъ-нибудь каждый день, то принимаешь иногда простую любезность за дружескія отношенія...

Его голубые глаза потемнѣли и сверкали. Никогда еще она не видѣла его въ такомъ возбужденіи; даже ожидать нельзя было такой вспышки отъ этого, всегда спокойнаго, сдержаннаго, человѣка.

И такъ сбылось именно то, чего больше всего опасалась Гильдуръ! Онъ былъ оскорбленъ, и гораздо болѣе оскорбленъ, чѣмъ она ожидала... Съ какой стати ее принуждаютъ оскорблять людей? Почему она не должна принимать дружескихъ услугъ отъ людей, противъ которыхъ ничего не имѣла? Не часто вѣдь предлагаются такія услуги... Наконецъ, какъ смѣть ограничивать ея права выбирать своихъ друзей? Этотъ, напримѣръ, теперь, когда ее заставляютъ жестоко обижать его, дороже ей, чѣмъ когда-либо. Она не хочетъ, наконецъ, потерять его дружбу!

Она была почти такъ же взволнована, какъ и онъ.

— Сетъ хочетъ, чтобы я печатала свои переводы у его издателя,—сказала она очень тихо.

— Такъ я и зналъ! — проговорилъ Валеріусъ и, склонившись надъ столомъ, сталъ разрывать на мелкіе клочки кусочекъ отвалившейся отъ книги обложки. Послѣ непродолжительнаго молчанія онъ прибавилъ:

— Я его bête noire, какъ говорятъ французы, и это большая честь для безобидной собаки, которая только и умѣетъ, что повиливать хвостомъ. Съ чего это только онъ хочетъ непремѣнно видѣть во мнѣ волка? Какое ему удовольствіе въ этомъ?

Онъ говорилъ уже своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ и, по обыкновенію, подшучивалъ. Но въ его голосѣ слышалась какая-то печальная нотка, которая мучила Гильдуръ, и самая шутка о виляющей хвостомъ собакѣ, которую отгоняли, какъ волка, намекала на многія горькія размышленія.

— Сетъ большое дитя,—сказала Гильдуръ.—Какъ дитя, онъ видитъ волковъ за всѣми кустами... Но онъ скоро одумается...

— Можетъ быть.

Онъ отвѣтилъ разсѣянно, старательно раскладывая на столѣ клочки обложки и... что-то жалкое было въ этой наклоненной надъ столомъ фигурѣ, и вдругъ Гильдуръ почувствовала къ нему острую жалость. Вотъ какъ она отплачивала ему за всю его дружбу, за постоянное вниманіе къ ней, за участіе, съ какимъ онъ относился къ ней въ тяжелыя минуты!

Неожиданно для себя самой схватила она его за руку и промолвила:

— Неужели вы не можете попрежнему остаться моимъ другомъ? Если бы вы знали, какъ это мнѣ необходимо!

Она хотѣла сказать совсѣмъ не то, что сорвалось у нея съ языка помимо ея воли. Но лучшаго утѣшенія для него нельзя было и придумать. Онъ весь просіялъ, точно отъ неожиданной радости, и крѣпко, крѣпко пожалъ руку, такъ своевременно протянутую ему. Черезъ минуту ея уже не было въ комнатѣ, и онъ остался одинъ.

Съ минуту еще сидѣлъ онъ, точно во снѣ, и все еще воображая, что держитъ въ своей рукѣ что-то нѣжное, горячее. Но вдругъ онъ опомнился, всталъ, собралъ клочки бумаги, которыми игралъ, свернулъ изъ нихъ шарикъ и бросилъ въ пепельницу. Затѣмъ, закуривъ папиросу, онъ пошелъ въ кабинетъ Скога и предложилъ ему пройтись по бульвару...

Былъ полдень. Когда Мая отперала Гильдуръ наружную дверь, изъ гостиной доносились звуки фортепіано. Это Лена играла свою, только что разученную, новую пьесу, какую-то бравурную мазурку, рекомендованную кѣмъ-то Бурману.

Гильдуръ остановилась въ дверяхъ и, никѣмъ незамѣченная, стала слушать. Пьеса и самое исполненіе оставляли желать очень многаго, но шуму было достаточно. Лена барабанила по клавишамъ съ какимъ-то явнымъ остервененіемъ, и щеки ея горѣли... Оглядѣвшись, Гильдуръ увидѣла, что на диванѣ сидѣли два слушателя, ради которыхъ и старалась Лена. Одинъ изъ нихъ былъ Сетъ, другой — редакторъ „Стража“, господинъ Ветерлингъ.

Бѣдная Лена!

Гильдуръ не могла удержаться отъ улыбки, вспомнивъ, какъ часто Лену отправляли къ роялю, точно въ застѣнокъ, на пытку. По лицу дѣвушки видно было, какъ непріятно ей исполнять трудную, и къ тому же еще плохую, пьесу передъ чужимъ человѣкомъ. Играть при Ветерлингѣ, какъ Лена сама говорила Гильдуръ, было особенно непріятно. Онъ слушалъ съ такимъ вниманіемъ и благодарилъ всегда въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, что становилось даже неловко. А между тѣмъ именно при немъ то и приходилось играть всякій разъ, какъ онъ только приходилъ. Этого желалъ ея отецъ, и этого было довольно.

Когда Лена доиграла наконецъ свою мазурку и съ замѣтнымъ удовольствіемъ захлопнула нотную тетрадь, Гильдуръ вошла въ гостиную.

Всѣ поднялись ее привѣтствовать, а Бурманъ съ довольнымъ видомъ улыбнулся ей и, взявъ ее подъ руку, попросилъ войти въ кабинетъ.

— Мнѣ надо кое-о-чемъ поговорить съ тобой!—сказалъ онъ и, замѣтивъ нѣкоторую нерѣшительность, съ какой она взглянула на Лену и Ветерлинга, полагая, очевидно, невѣжливымъ покидать ихъ, прибавилъ:—Ничего, они насъ извинятъ! Не правда ли, Ветерлингъ? Ты вѣдь никуда не спѣшишь и можешь пока сыграть съ Леной въ шахматы...

Редакторъ объявилъ, что партія въ шахматы доставитъ ему большое удовольствіе...

— Садитесь же и начинайте!—перебилъ его церемонныя фразы Бурманъ.—Не зѣвай, Лена! Онъ играетъ недурно...

Онъ вышелъ изъ гостиной съ Гильдуръ, руку которой не выпускалъ изъ подъ своей руки.

— Я покажу тебѣ кое-что особенное!—сказалъ онъ уже въ кабинетѣ и, выпустивъ руку Гильдуръ, направился къ книжному шкафу.

Она подумала, что онъ успѣлъ прочесть ея книгу и хочетъ поговорить о ней. У нея даже сердце забилось отъ радостнаго ожиданія. Но, открывъ шкафъ, онъ досталъ съ нижней полки толстую пачку иностранныхъ газетъ и полѣзъ за такой же пачкой на самую верхнюю полку.

— Погоди немножко,—говорилъ онъ, выкидывая на полъ пачку за пачкой,—у меня этого добра много!

Наконецъ, отобравъ цѣлую кучу газетъ, онъ бросилъ всѣ остальныя обратно въ шкафъ и заперъ его.

Никакой книги въ его рукахъ не было... И такъ, опять Гильдуръ пришлось испытать разочарованіе! Тоскливо оглянулась она вокругъ себя, равнодушно посмотрѣла черезъ открытыя двери въ гостиную, гдѣ Лена и, видимо ухаживавшій за ней, Ветерлингъ уже сидѣли за шахматнымъ столикомъ, и снова перевела взглядъ на Бурмана.

Между тѣмъ онъ подходилъ къ столу съ цѣлой охабкой газетъ.

— Вотъ тебѣ, моя милая дѣвочка! — сказалъ онъ, сваливая охабку на столъ.—Ты желала найти себѣ полезную работу и развлеченіе? Вотъ тебѣ работа и развлеченіе!

Она съ недовѣріемъ поглядывала на пыльный ворохъ газетъ и на какой-то иллюстрированный журналъ, который Бурманъ развернулъ передъ нею. Чего отъ нея хотѣли?

Но это ей тотчасъ же объяснили. „Стражъ“ нуждался въ матеріалѣ. Эта газета была еще слишкомъ молода и имѣла слишкомъ мало подписчиковъ, чтобы обходиться безъ литературнаго балласта и, такъ какъ средствъ въ распоряженіи редакціи было тоже мало, то рѣшено было пополнять столбцы переводными вещицами: очерками, разсказами, описаніями. При этомъ Бурманъ вспомнилъ о желаніи Гильдуръ сократить свои досуги переводами и взялся ей предложить сдѣлать это для „Стража“ безвозмездно. Вотъ ей и случай безкорыстно послужить на общую пользу! У Бурмана, кстати, набралось довольно много иностранныхъ еженедѣльныхъ журналовъ. Въ нихъ навѣрное найдется чѣмъ позаимствоваться.

Говоря это, онъ переворачивалъ страницы разложеннаго на столѣ иллюстрированнаго журнала, отмѣчая синимъ карандашемъ то какой-нибудь анекдотъ, то маленькій разсказъ,

не прочитывая даже того, что отмѣчалъ и руководствуясь исключительно заглавіями.

— Ты вѣдь согласна?—прибавилъ онъ. — Ты вѣдь моя помощница на всю жизнь. Содѣйствуя успѣху „Стража“, ты содѣйствуешь и моему успѣху. Это прямое участіе въ моемъ трудѣ, а именно этого, кажется, ты и желала. Такъ вѣдь?

— Да,—негромко отвѣтила она.

Слушая шелестъ переворачиваемыхъ жесткихъ листовъ, она невольно содрогалась.

Такъ вотъ какъ онъ понялъ ея стремленіе къ интеллигентному труду, который приблизилъ бы ее къ нему! Онъ предлагалъ ей такую работу, которой не дарилъ даже лишняго взгляда, ремесленный трудъ, да еще по исключительно денежнымъ соображеніямъ. Ради сбереженія нѣсколькихъ кронъ въ недѣлю, онъ хотѣлъ, чтобы она превратилась въ пишущую машину къ его услугамъ!

Она твердо рѣшилась не напоминать ему больше о книгѣ, которую онъ взялся прочесть, чтобы дать ей совѣтъ, а прошло уже болѣе двухъ недѣль съ ея послѣдняго напоминанія. Но теперь она не въ силахъ была бы удержаться отъ вопроса.

— А моя французская книга, Сетъ? Когда же ты прочтешь ее?

— Да, да,—замялся онъ.— Это я сдѣлаю очень скоро. Лишь бы покончить съ изданіемъ моей брошюры о народномъ голосованіи, да заключить этотъ безконечный рядъ статей о свободѣ печати, а тамъ я буду посвободнѣе и непремѣнно займусь твоей книгой. Тебѣ вѣдь не къ спѣху. Теперь у тебя довольно работы.

Онъ улыбнулся ей, точно напоминалъ о сдѣланномъ ей подаркѣ и хотѣлъ приласкать ее. Но она невольно отвернулась. Ее возмущало, что онъ совсѣмъ не хотѣлъ понять ея желаній и симпатій.

Зато неласковость, съ какой она отвернулась отъ него, была что-то такое, что онъ понималъ!

— Ты отворачиваешься отъ меня?—спросилъ онъ обиженно.

— Нѣ-ѣтъ,—протянула она и принудила себя обернуться къ нему. Но это его не успокоило.

— Не знаю, что я такое сдѣлалъ, — сказалъ онъ медленно;—но ты измѣнилась ко мнѣ. Иногда мнѣ начинаетъ даже казаться, что ты совсѣмъ разлюбила меня...

— О, Сетъ, Сетъ, какъ ты можешь говорить это!— вскричала она и поспѣшила спрятать голову у него на груди. Она точно пряталась отъ чего-то, можетъ быть, отъ себя самой и отъ своихъ постоянныхъ сомнѣній. Неужели она способна когда-либо разлюбить этого большого ребенка, этого великаго человѣка съ наивными недостатками избалованнаго мальчика? Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Нелѣпо даже сомнѣваться въ этомъ.

Когда она высказала это и запечатлѣла свои слова горячимъ поцѣлуемъ, пришлось и ему повѣрить ей. Впрочемъ, онъ самъ уже догадывался, почему она отвернулась отъ него.

— Ты надулась на меня за то, что я до сихъ поръ не прочелъ твоей книги? — сказалъ онъ. — Да? Не отрицай лучше...

— Да нѣтъ же...

— Ну, ну, это вѣдь совершенно естественно, тѣмъ болѣе, что въ самомъ дѣлѣ затянулось это... съ книгой. Но вотъ увидишь, какъ живо прочту, какъ только хоть немножко удосужусь.

Тучка пронеслась, и о ней уже больше не вспоминали. Бурманъ опять занялся иностранными журналами и сталъ усердно отмѣчать все, что годилось для его газеты. Желая со своей стороны показать интересъ къ дѣлу, Гильдуръ стала помогать ему. Ни за что не хотѣла она, чтобы онъ подумалъ, что она охотно бы уклонилась отъ труда, котораго онъ просилъ у нея. Въ своемъ усердіи она разыскивала статейки и даже хотѣла идти за совѣтомъ къ Ветерлингу по поводу одного очерка, на счетъ котораго Бурманъ сомнѣвался, но онъ удержалъ ее.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо,—сказалъ онъ.—Пусть еще немножко побудутъ одни.

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Такъ ты думаешь, что Лена?..

— Этого вѣдь никогда нельзя угадать навѣрное!—перебилъ онъ, улыбаясь и, замѣтивъ, что Лена смотритъ на него изъ-за шахматнаго стола черезъ раскрытую дверь, привѣтливо кивнулъ ей головой.

— Такъ вотъ,—снова дѣловито заговорилъ онъ, придвигая стулъ поближе къ столу,—отмѣтимъ мы и эту повѣсть.

Говоря это, онъ очертилъ заглавіе повѣсти толстой синей чертой и продолжалъ перелистывать журналъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

1908 IX

КАКЪ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЖИЗНЬЮ.

Джона Леббока.

(Переводъ съ англійскаго).

(*Продолженіе* *).

Глава VII.

Патріотизмъ.

Если есть страна, для которой можно работать съ гордостью, то это—наша родина.

«О Англія, по своему внутреннему величію, ты похожа на маленькое тѣло съ великой душой».

По размѣрамъ Англія составляетъ лишь точку въ океанѣ; между тѣмъ, болѣе половины судовъ, плавающихъ въ открытомъ морѣ, украшены британскимъ флагомъ.

Ея географическое положеніе, безъ сомнѣнія, очень выгодно, климатъ умѣренный и пріятный, а серебряная полоса моря избавила насъ отъ многихъ войнъ.

Одинъ ораторъ Соединенныхъ Штатовъ, описывая свою страну, сказалъ, что она ограничена на югѣ—экваторомъ, на востокѣ—Атлантическимъ океаномъ, на сѣверѣ—сѣвернымъ сіяніемъ, а на западѣ—заходящимъ солнцемъ. Можно сказать, безъ преувеличенія, что солнце никогда не заходитъ въ Британской имперіи.

«Британія,—сказалъ Кампбель,—не нуждается въ крѣпостяхъ и башняхъ на границахъ; путь къ ней пролегаетъ черезъ водяныя горы, она покоится на глубокой стихіи».

По словамъ одного американскаго государственнаго дѣятеля, «ея флагъ развѣвается на всѣхъ моряхъ и во всѣхъ портахъ, и утренній барабанный бой ея солдатъ, слѣдующихъ весь день за солнцемъ, всю землю безпрерывно наполняетъ звукомъ воинственныхъ пѣсенъ Англіи».

---

*) См. «Міръ Божій», № 5, май.

Но больше всего мы можемъ радоваться тому, что наши солдаты появляются вездѣ не какъ враги, а какъ друзья и защитники. Девизъ нашихъ добровольцевъ: «Защита, а не вызовъ»— равно подходитъ къ нашей арміи, какъ и нашему флоту.

Наша великая имперія выросла постепенно. Этимъ мы обязаны энергіи и труду нашихъ предковъ, если и мы не выродились, мы обязаны передать ее нашимъ дѣтямъ не только не ослабленной, но усиленной и улучшенной.

Есть многое, конечно, въ нашей исторіи, о чемъ нельзя не пожалѣть. Но, въ сравненіи съ другими націями, наша страна пролила мало крови.

Если не считать войнъ, то ни одна страна, съ такой долголѣтней исторіей, не пролила такъ мало крови; у насъ не было побоищъ, не было царства террора, не было Сицилійской вечерни.

Въ войнѣ мы всегда были великодушны къ своимъ противникамъ. По окончаніи великой борьбы съ Наполеономъ, когда Франція была совершенно обезсилена, а союзники заняли Парижъ, мы согласились оставить неприкосновенными всѣ территоріи и колоніи Франціи—при одномъ лишь условіи, прекращенія торговли неграми, и не налагали на нее никакого долга, тогда какъ намъ самимъ война обошлась больше, чѣмъ въ 900.000.000 фунт. ст. Оглядываясь на это время, мы видимъ, что наши государственные дѣятели были, можетъ быть, болѣе великодушны, чѣмъ слѣдовало; неудивительно, если иные французы считаютъ Ватерлоо— французской побѣдой. Во всякомъ случаѣ, условія мира были болѣе благопріятны для нихъ, чѣмъ для насъ.

Реставрація французскихъ колоній составляетъ лишь слабую часть тѣхъ усилій и жертвъ, которыя потратила Англія на прекращеніе отвратительной торговли неграми. Португаліи мы заплатили 300.000 ф. ст., а Испаніи—400.000 ф. ст., чтобы убѣдить ихъ бросить эту торговлю. Въ продолженіи болѣе, чѣмъ полувѣка, въ то время какъ мы изнемогли подъ страшнымъ денежнымъ долгомъ и были гораздо менѣе богаты и сильны, чѣмъ теперь,—мы содержали на западномъ берегу Африки эскадру, которая, по исчисленію г. Гладстона, намъ обходилось ежегодно въ 700.000 ф. ст., не считая людей, которые тамъ гибли. Западной Индіи мы уплатили 20.000.000 ф ст., чтобы она освободила своихъ невольниковъ. Въ общемъ, благородныя усилія нашего отечества для прекращенія этой отвратительной торговли, стоили нашей странѣ отъ 50 до 100 милліоновъ фунт. стерлинговъ.

Другія страны извлекали большую часть своихъ доходовъ изъ колоній и подвластныхъ имъ народовъ.

Аѳиняне требовали отъ союзныхъ государствъ большой, ежегодной контрибуціи, что составляло даже значительную часть ихъ доходовъ. У римлянъ было возведено въ принципъ, чтобы провинціи несли на себѣ расходы имперіи. Завоевавъ Сицилію, они захватили десятую часть полевыхъ продуктовъ и 5% стоимости всѣхъ товаровъ. И въ болѣе близкомъ времени другія страны, напримѣръ, Испанія, Португалія, Голландія,—извлекали значительные доходы изъ своихъ колоніальныхъ владѣній.

Англія же вела себя совсѣмъ иначе. Мы не только не извлекли ничего изъ колоній, но еще потратили на нихъ громадныя суммы. Насколько я могъ удостовѣриться, до 1859 года не было опубликовано ни одного отчета, гдѣ бы значилась сумма, потраченная метрополіей на свои колоніи; но съ 1859 по 1869 годъ она превысила 41.000.000 ф. ст., и, безъ сомнѣнія, въ предыдущіе года составляла ежегодно около 4.000.000 ф. ст. Кромѣ того, расходы окажутся еще гораздо значительнѣе, если взять въ разсчетъ, сколько стоила армія, экипировка, бараки, больницы и многое другое, не считая расходовъ на управленіе, на главную квартиру и всѣ неоффиціальныя должности.

Наши военныя средиземныя укрѣпленія едва ли могутъ назваться колоніальными владѣніями, и, конечно, Мальта и Гибралтаръ не могутъ оплачивать себя. Съ другой стороны, они намъ необходимы для защиты нашихъ сообщеній съ Индіей и Австраліей; но почему *мы* должны ихъ поддерживать, а не Индія и не Австралійскія колоніи, которыя могли бы взять на себя хоть часть расхода? Всѣ перечисленные расходы касаются только посланныхъ отрядовъ; между тѣмъ, разъ мы должны постоянно ихъ содержать, въ виду интересовъ колоній, было бы естественно получать какую-нибудь контрибуцію въ счетъ этихъ расходовъ.

Наши національные отчеты не указываютъ какой-нибудь суммы, спеціально ассигнованной на морскіе расходы по колоніямъ; но на самомъ дѣлѣ страна несетъ на себѣ почти всецѣло всѣ тѣ морскіе расходы, которые падали бы на колоніи, если бы онѣ были независимыми. Мы для нихъ замѣняемъ морскую стражу, мы, на своей счетъ, оберегаемъ ихъ берега. Очень легко сообразить, какую это составляетъ экономію для нихъ: 35.000.000 англичанъ въ Великой Британіи, вмѣстѣ съ Ирландіей, платятъ ежегодно 18.000.000 ф. ст. морскихъ расходовъ; между тѣмъ 300.000.000 нашихъ соотечественниковъ въ колоніяхъ почти что ничего не платятъ.

Обратимся опять къ Индіи. Едва ли нужно пояснять, что Индія не участвуетъ прямо не только въ общихъ расходахъ

имперіи, но и въ тѣхъ мѣстныхъ расходахъ, изъ которыхъ она, какъ наша колонія, извлекаетъ себѣ большую выгоду. Ни одинъ англійскій пахарь, ни одинъ англійскій плательщикъ податей не платитъ хоть однимъ пенни меньше изъ за того, что мы владѣемъ Индіей.

Что касается военныхъ расходовъ, то приняты всѣ мѣры, чтобы Индія не платила ничего сверхъ содержанія служащихъ тамъ нашихъ отрядовъ. Забавно видѣть,—если вообще такой серьезный вопросъ можетъ быть забавнымъ,—до какой степени энергично борется управленіе Индіи противъ всякаго налога, который индѣйскія власти не считаютъ абсолютно необходимымъ.

Что касается флота, то къ Индіи отношеніе столь же великодушно. Нельзя сомнѣваться, что нашъ флотъ ей очень полезенъ. Онъ ее избавляетъ отъ тяжелаго расхода; между тѣмъ, она даетъ ежегодно на флотъ лишь незначительную сумму въ 70.000 ф. ст., и, кромѣ того, тратитъ около полумилліона на паровые буксиры, внутреннія суда, портовыя нужды.

Мы всегда искренно желали управлять Индіей для ея блага. Мы могли ошибаться тамъ, какъ ошибались у себя дома, но принципъ, на основаніи котораго мы управляемъ Индіей,—честенъ и хорошъ.

Мнѣ кажется, нельзя сомнѣваться, что наше управленіе пошло на пользу Индіи. Докторъ Гунтеръ, въ своей книгѣ «Наша Индѣйская Имперія», сообщаетъ намъ, что въ Орисса раджа получалъ 60% съ жатвы; самое умѣренное мѣстное правительство брало 33%; мы же беремъ всего отъ 3% до 7%. Никто не можетъ усомниться, что налоги на нашихъ соотечественниковъ въ Индіи—легче, а ихъ жизнь и имущество болѣе обезпечены, чѣмъ если бы они оставались подъ своимъ управленіемъ; тѣмъ не менѣе, извѣстно, что Индія не участвуетъ ни однимъ пенни въ нашихъ доходахъ. Нельзя, можетъ быть, сказать, чтобы насъ любили въ Индіи; это было бы слишкомъ, но никто не станетъ опровергать того, что наше правительство пользуется тамъ всеобщимъ уваженіемъ.

Что мы не непопулярны въ Индіи, это, мнѣ кажется, ясно доказалъ послѣдній бунтъ. Наши соотечественники вели себя геройски, всѣ до единаго, но если бы наше правительство было жаднымъ и несправедливымъ, если бы въ общемъ мѣстное населеніе намъ не довѣряло и насъ не уважало, насъ бы выбросили въ море. Мужество нашихъ храбрыхъ солдатъ и ловкость нашихъ офицеровъ мало послужили бы намъ въ данномъ случаѣ. Индѣйскій народъ не принималъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ съ нами, и его отношеніе къ намъ во время этого кризиса,—лучшее свидѣтельство того, что мы исполнили свой великій долгъ.

Одинъ знаменитый французъ, Бартелеми Сентъ-Илеръ, бывшій секретаремъ иностранныхъ дѣлъ при Тьерѣ, горячо свидѣтельствуетъ о хорошемъ и справедливомъ управленіи въ Индіи, которое, говоритъ онъ, «заслуживаетъ того, чтобы всѣ друзья гуманности и цивилизаціи пожелали ему успѣха. Политическое и нравственное воспитаніе двухъ сотъ пятидесяти милліоновъ людей—громадный трудъ, благородно начатый въ этомъ вѣкѣ; онъ потребуетъ, для окончательнаго своего завершенія, цѣлаго ряда усилій и времени, которое нельзя опредѣлить». Онъ справедливо говоритъ, что намъ предстоитъ трудная задача, но насъ должна поддерживать увѣренность, что намъ искренно рукоплещутъ всѣ просвѣщенные и безпристрастные умы.

Исторія Гонгъ-Конга и Сингапура показываетъ, какого о насъ мнѣнія другія расы. «Гонгъ-Конгъ,—говоритъ м-ръ Вудъ,—ничто иное, какъ маленькій, безплодный островъ, который до перехода въ руки Британіи былъ населенъ нѣсколькими десятками рыбаковъ; теперь онъ переполненъ десятками тысячъ китайцевъ, которые перешли сюда съ материка, зная, что подъ британскимъ управленіемъ они освобождаются отъ тяжелыхъ налоговъ, что ими будутъ управлять справедливые законы, что они свободно могутъ заниматься выгоднымъ ремесломъ». Точно также, когда-то необитаемый островъ Сингапуръ теперь населенъ пестрымъ населеніемъ, которое изъ Китая, Малайскаго полуострова и Индіи привели сюда тѣ же причины.

Возьмемъ Яву. «Въ продолженіи пятилѣтняго британскаго владычества,—говоритъ Гиренъ,—управленіе было такъ мудро и умѣренно, что послѣ реставраціи мѣстные жители и европейцы съ трудомъ стали привыкать опять къ голландскому владычеству. Въ короткое время британскаго управленія было пролито больше свѣта на этотъ островъ, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ голландскаго владычества».

Переходя къ Америкѣ, я могъ бы привести поразительное свидѣтельство одного американскаго епископа, Вайголя изъ Миннезота, который, сопоставляя отношенія Соединенныхъ Штатовъ и Великой Британіи къ индѣйцамъ, говоритъ: «Съ одной стороны границы стоитъ нація, потратившая 500.000.000 фунт. ст. на войны съ индѣйцами; народъ, не имѣющій 100 миль между Атлантическимъ и Тихимъ Океаномъ, которыя бы не были сценой какого-нибудь избіенія индѣйцевъ; правительство, которое не могло и двадцати лѣтъ провести, не воюя съ индѣйцами, которое ни одному индѣйскому племени не передало христіанской цивилизаціи и которое знаменуетъ свой столѣтній юбилей новой, кровопролитной

войной съ индѣйцами. Съ другой стороны границы—та же англо-саксонская раса и тѣ же язычники. Они не потратили ни одного доллара на войны съ индѣйцами, у нихъ не было индѣйскихъ побоищъ. Почему это такъ? Въ Канадѣ, въ индѣйскихъ договорахъ эти люди называются: «индѣйскими подданными ея величества». Когда цивилизація доходитъ до нихъ, они стоятъ на твердой почвѣ, они получаютъ помощь отъ цивилизаціи, они имѣютъ права и собственность, они подлежатъ закону и защищаются закономъ; у нихъ свои школы, куда христіане посылаютъ своихъ лучшихъ учителей».

Съ Ирландіей, говорятъ, было поступлено несправедливо. Между тѣмъ, она имѣетъ большее представительство, чѣмъ на то ей даютъ право—ея народонаселеніе и ея участіе въ доходахъ имперіи; она обложена такими же налогами, какъ и мы, но у насъ еще есть, кромѣ того, поземельный налогъ, домовый налогъ, желѣзнодорожный и нѣкоторые другіе, простирающіеся до 900.000 ф. ст. въ годъ; до нынѣшняго года ирландскіе фермеры платили меньшій подоходный налогъ, чѣмъ англійскіе, и ирландская земля оцѣнивается ниже англійской. Ирландія получала гораздо больше субсидій, чѣмъ Англія и Шотландія; такъ, напримѣръ, въ голодный годъ она получила 8.000.00 0 ф. ст. Говорятъ что винный акцизъ несправедливо тяготѣетъ надъ Ирландіей. Но Англія не только уплачиваетъ акцизъ на пиво, но и на вино 92%, тогда какъ Ирландія — всего 7,9%. Я увѣренъ, что Англія и Шотландія искренно желаютъ быть справедливыми къ Ирландіи.

Миръ одерживаетъ такія же побѣды, какъ и война. Обратимся къ исторіи человѣческаго прогресса, и мы увидимъ, что у насъ достаточно причинъ гордиться своими предками.

Англійскій языкъ быстро распространяется и стремится сдѣлаться общимъ языкомъ человѣческой расы. Между тѣмъ, еще недавно Бэконъ просилъ д-ра Плейфайра (Playfair) перевести съ англійскаго на латинскій языкъ «Успѣхи знанія», потому что англійскій языкъ ограничивалъ число читателей, а переводъ на латинскій языкъ являлся какъ бы вторымъ рожденіемъ книги.

Ни одна страна не можетъ похвалиться болѣе свѣтлой, чистой и благородной литературой. Можетъ быть, скажутъ, что я, какъ англичанинъ, сужу пристрастно. Но всѣ признали единодушно, что Шекспиръ стоитъ въ міровой литературѣ одинъ надъ всѣми. Чаусеръ, Бэконъ, Мильтонъ, Спенсеръ и многіе другіе, не говоря уже о болѣе современныхъ писателяхъ, тоже составляютъ славу нашей націи. Недавно одна передовая итальянская газета предложила голосованіе относительно лучшихъ книгъ въ мірѣ. Нѣ-

сколько сотъ подписчиковъ дали свое мнѣніе, и изъ первыхъ восьми книгъ, въ числѣ которыхъ одна была Библія, не менѣе четырехъ оказались англійскими.

Въ исторіи изобрѣтеній и открытій имя Уатта всегда будетъ связано съ паровой машиной, Стефенсона—съ локомотивомъ, Уитстона (Wheatstone)—съ электрическимъ телеграфомъ, Аркрайта—съ ткацкимъ станкомъ, Гэргривса—съ «дженни» *), Фокса Тэлбота—съ фотографіей.

Въ области медицины Гарвей открылъ кровообращеніе, Дженнеръ—оспопрививаніе. Симпсонъ ввелъ въ употребленіе анэстеризующія средства, а Листеръ—антисептическое леченіе въ хирургіи. Въ области науки, у насъ много великихъ именъ: Бэконъ и Ньютонъ, Юнгъ, Дарвинъ, Дэви, Дальтонъ, Кавендишъ, Фарадей, Гершель и многіе другіе.

Я привожу всѣ эти факты, совсѣмъ не какъ наши заслуги. Они приносятъ великую честь нашимъ отцамъ, и мы въ правѣ ими гордиться, но они налагаютъ на насъ и великую отвѣтственность.

Мы можемъ присоединиться къ молитвѣ Мильтона: «О ты, Который, по Своей великой милости, возвелъ Британскую Имперію со всѣми ея дѣтьми-островами на славную и завидную высоту, не покидай насъ и въ нашемъ счастіи». Но мы не должны довольствоваться молитвой о такомъ великомъ дарѣ; мы должны стремиться заслужить его. Мы должны помнить, что, чѣмъ больше сила, тѣмъ она спокойнѣе: «не матеріальная, а нравственная сила управляетъ людьми и ихъ поступками», какъ говоритъ Карлейль.

Англія имѣетъ право ожидать, «что каждый исполнитъ свой долгъ». Она намъ всѣмъ говоритъ: «Все это я сдѣлала для тебя; что же ты сдѣлалъ для меня?»

Дѣйствительно, когда мы оглядываемся на всю исторію прошлаго, мы можемъ сказать безъ преувеличенія, что наша страна исполнила ввѣренное ей великое дѣло, въ мудромъ и свободномъ духѣ, и управляла имперіей не менѣе славнымъ образомъ, чѣмъ одерживала побѣды. Мечта—надѣяться, что придетъ время, когда всѣ говорящіе по англійски народы составятъ одну великую націю!

Можетъ быть, меня упрекнутъ въ пристрастіи, въ излишней гордости моей страной. Но факты говорятъ сами за себя. Морисъ (Maurice) хорошо говоритъ, что «въ общемъ, тотъ человѣкъ справедливѣе всего относится ко всякой другой странѣ, который

*) Прядильный станокъ съ тысячью веретенъ.

сильнѣе всего привязанъ къ своей собственной». Любовь къ родинѣ возвышаетъ понятіе о гражданственности, отвлекаетъ насъ отъ мелкаго круга личныхъ, и даже семейныхъ, интересовъ и приводитъ къ истинной широтѣ и красотѣ національной жизни. Истинный духъ нашей имперіи—не тщеславіе,—онъ справедливо гордится распространеніемъ нашего языка, нашей литературы, нашего народа и нашей торговли на сушѣ и на морѣ; такимъ образомъ, мы глубоко чувствуемъ, что на насъ лежитъ великая отвѣтственность.

Глава XI.

Гражданственность.

Мы всѣ составляемъ часть народнаго правительства, и должны готовить себя къ этой великой и отвѣтственной роли *), какъ къ самому важному нашему долгу. Для этого нужны: знаніе, размышленіе и добрая воля. Самое процвѣтаніе и размѣры нашей имперіи составляютъ источникъ опасности. Мы управляемъ многими человѣческими расами и нѣкоторыми совершенно различными отъ нашей, по идеямъ и стремленіямъ. Примѣръ—Индія. Ея народонаселеніе почти въ десять разъ больше народонаселенія Англіи; оно дѣлится на разныя племена, различныя по расамъ и по вѣрованіямъ. Настоящій индусъ принадлежитъ къ той же самой великой расѣ, какъ и мы: онъ говоритъ на языкѣ, сходномъ не только по своему происхожденію и своей структурѣ съ нашимъ, но содержащимъ даже нѣкоторыя родныя намъ слова.

Но Индія составляетъ только одну, хотя, можетъ быть, и самую великую для насъ отвѣтственность. Мы сталкиваемся по всему міру съ другими великими націями. Постоянно поднимаются вопросы, которые требуютъ съ обѣихъ сторонъ также умѣренности и уступчивости. Наши государственные дѣятели должны знать, когда слѣдуетъ уступить и когда быть настойчивымъ, а народъ долженъ знать, кого поддерживать.

Исторія человѣчества показала намъ цѣлый рядъ великихъ имперій, которыя разсыпались въ прахъ. Египетъ, Ассирія, Персія, Римъ поднялись до небывалой высоты—и пали. Въ болѣе близкое намъ время Генуя и Венеція процвѣтали и славились своими кораблями, колоніями и торговлей, какъ мы теперь. Если хотимъ избѣжать ихъ судьбы, мы должны избѣгать ихъ ошибокъ.

«Тысячи лѣтъ мало, чтобы образовать государство,—говоритъ

*) Читатель помнитъ, что дѣло идетъ объ Англіи.

Байронъ,—и одного часа достаточно, чтобы превратить его въ прахъ».

Что касается нашей иностранной политики, то наши интересы, какъ и нашъ долгъ, обязываютъ насъ поддерживать дружескія отношенія съ другими странами. Къ несчастью, націи часто смотрятъ на другіе народы, какъ на враговъ. Между тѣмъ, очевидно, мы всѣ — люди, и должны быть друзьями. Одинъ уэльскій проповѣдникъ, однажды, просто и прекрасно иллюстрировалъ эту мысль. Онъ разсказалъ, какъ, однажды, гуляя, онъ увидѣлъ на противуположномъ холмѣ безобразную фигуру; приблизившись, онъ разсмотрѣлъ человѣка, а когда подошелъ совсѣмъ близко, то узналъ въ немъ своего брата.

Другія націи нетолько — люди, но — и наши братья, и ихъ интересы во многомъ связаны съ нашими. Если они страдаютъ, и мы страдаемъ; все, что выгодно имъ, и намъ выгодно. Величайшіе интерссы Британіи заключаются въ мирѣ и процвѣтаніи всѣхъ. Блескъ войны соблазняетъ воображеніе человѣчества. Мы слышимъ о «великолѣпіи славной войны», говорятъ, что «каждый солдатъ носитъ въ своемъ ранцѣ фельдмаршальскій жезлъ», и т. д.,—и не сознаемъ всего ужаса, всѣхъ несчастій, которыя влечетъ за собой война.

Рѣзня и всевозможныя страданія, на которыя такъ страшно смотрѣть во время войны, составляютъ неопровержимый аргументъ въ пользу третейскаго суда. Настоящее положеніе вещей—позорно для человѣческой природы. Дикимъ племенамъ, можетъ быть, извинительно рѣшать свои разногласія силою оружія, но наше нравственное чувство, и даже простой здравый смыслъ, возмущается при такомъ порядкѣ вещей у цивилизованныхъ націй.

Въ дѣйствительности, мы не знаемъ совсѣмъ настоящаго мира, теперь фактически мы живемъ въ военное время; къ счастью, оно не сопровождается кровопролитными сраженіями, но оно ведетъ за собой ужасныя страданія. Даже у насъ, треть національнаго дохода идетъ на подготовленіе къ будущимъ войнамъ, треть идетъ на уплату долговъ за прошлыя войны и только треть остается на управленіе страною. Между тѣмъ, страна идетъ на страшный рискъ, затѣвая войну, а интересы всѣхъ странъ до такой степени связаны, что въ настоящее время каждая война, въ сущности, есть междоусобная война.

Я не стою за миръ во что бы то ни стало, но за миръ почти-что во что бы то ни стало. Безъ сомнѣнія, есть нѣкоторые вопросы, которые не подлежатъ третейскому суду, но Руссель (Russell), очень большой авторитетъ въ этомъ отношеніи, говорилъ, что

за послѣднія сто лѣтъ не было ни одной войны, которая бы не могла быть рѣшена безъ содѣйствія оружія.

При послѣднемъ своемъ свиданіи съ Гамбеттой мы много говорили на эту тему, и онъ сказалъ съ обычнымъ своимъ оживленіемъ, что если настоящіе военные расходы не уменьшатся, то придетъ время, когда всѣ французы окажутся нищими, стоящими передъ военными бараками.

Самыя худшія преграды, стоящія между народами, составляютъ обычаи и нравы, разнаго рода обязанности, а главное, ни на чемъ не основанныя зависть и ревность, въ силу которыхъ каждый приписываетъ другому оскорбительныя намѣренія, въ то время, какъ ни одинъ, быть можетъ, ихъ не имѣетъ.

Тотъ же ревнивый и злобный духъ, который такъ часто характеризуетъ международныя отношенія, отравляетъ и внутреннюю политику. Но оскорбленіе—не аргументъ; оно скорѣе свидѣтельство слабости. Будетъ большое счастье, когда у насъ между партіей и партіей, между народомъ и народомъ, никто не будетъ унижаться до угрозы, до дикаго желанія мести ошибающемуся брату; тогда человѣчество научится уважать и любить другъ друга.

Иногда говорятъ, что нельзя дѣлать революціи изъ розовой воды. Между тѣмъ, разсужденіе привело къ бо̀льшимъ перемѣнамъ въ устройствѣ міра, чѣмъ оружіе; и даже тамъ, гдѣ было употреблено о̀ружіе, перо одержало верхъ надъ мечомъ. Идеи—сильнѣе штыковъ.

Милль говоритъ: «При сравнительно юномъ состояніи человѣческаго прогресса, при которомъ мы живемъ, человѣкъ не можетъ чувствовать ко всѣмъ другимъ людямъ ту полноту симпатій, которая бы сдѣлала невозможнымъ всякій дѣйствительный разладъ въ общемъ направленіи ихъ жизни; но есть уже люди, у которыхъ соціальное чувство настолько развито, что они не могутъ заставить себя думать о другихъ своихъ товарищахъ, какъ о соперникахъ, съ которыми нужно бороться за счастье и которымъ слѣдуетъ желать неудачи въ дѣлахъ, чтобы имѣть успѣхъ въ своихъ».

Чтобы хорошо и мудро исполнить свой гражданскій долгъ, нужно, по словамъ Борка, «тщательно культивировать свой умъ, развить до возможно болѣе совершенной силы и зрѣлости всякое великодушное и честное чувство, которое вложено въ насъ природой. Стремленія, столь привлекательныя въ частной жизни, должны служить къ достиженію общаго блага; такимъ образомъ, мы должны быть патріотами и не забывать, что мы джентльмэны... Общественная жизнь требуетъ силы и энергіи; кто спитъ на своемъ посту, точно также измѣняетъ своему долгу, какъ и

тотъ, кто перебѣгаетъ къ врагу». Подумайте сперва, какъ исполнить свой долгъ, а затѣмъ уже предъявляйте свои права.

Лордъ Болингброкъ приводитъ въ своемъ трудѣ «О духѣ патріотизма» замѣчаніе Сократа, что «хотя ни одинъ человѣкъ не возьмется за ремесло, даже за самое маленькое, если онъ ему не обучался,—всякій считаетъ себя достаточно подготовленнымъ къ самому тяжелому изъ всѣхъ,—къ управленію». Сократъ сказалъ это на основаніи своего опыта въ Греціи. Онъ бы не измѣнилъ своего мнѣнія, если бы въ настоящее время жилъ въ Британіи.

Дѣйствительно, передъ нами стоятъ множество неотлагательныхъ задачъ. Мы стараемся воспитывать своихъ дѣтей, но, вѣроятно, никто не скажетъ, что наша система уже совершенна; борьба капитала съ трудомъ раззоряетъ нашу торговлю, ставитъ въ затруднительное положеніе фабрики; санитарное состояніе нашихъ большихъ городовъ оставляетъ еще многаго желать; въ области науки одни только начинанія.

Между тѣмъ, помимо всякаго вопроса о прогрессѣ, повседневная жизнь общества требуетъ постояннаго труда. Пренія парламента, веденіе мѣстныхъ дѣлъ, администрація, словомъ, всѣ общественныя дѣла требуютъ въ цѣломъ столько же вниманія и заботы, какъ и дѣла личныя; все болѣе и болѣе рѣзко выступаетъ необходимость усиленной общественной организаціи.

Деньги не главное. Мысль и любовь гораздо больше имѣютъ значенія, чѣмъ золото. Кто отдаетъ свое время, дѣлаетъ гораздо больше, чѣмъ тотъ, кто отдаетъ свои деньги. Въ сущности, деньги и воодушевленіе, если они не сопровождаются опытомъ и выдержкой, опасны: они могутъ надѣлать больше вреда, чѣмъ добра; ибо плохо сдѣланная работа можетъ принести больше вреда, чѣмъ совсѣмъ не сдѣланная работа.

Гораздо лучше давать надежду, силу и бодрость, чѣмъ деньги. Лучшая помощь состоитъ не въ томъ, чтобы брать на себя чужія заботы, а въ томъ, чтобы внушить человѣку бодрость и энергію, которыя помогутъ нести эти заботы.

Помогать другимъ совсѣмъ не легко; тутъ требуется не одно горячее сердце, но и ясный умъ, и здравое сужденіе.

Желая помочь, мы должны быть очень осторожны, чтобы не нарушить чужой независимости. Очень щекотливо то обстоятельство, что, при избыткѣ помощи, люди теряютъ извѣстный стимулъ къ борьбѣ, и такимъ образомъ, ихъ чувство независимости слабѣетъ; всѣ существа, зависящія отъ другихъ, имѣютъ склонность обратиться въ паразитовъ; оттого не такъ важно подать человѣку хлѣба, какъ дать ему возможность его заработать;

не такъ важно ему непосредственно помочь, какъ научить его себѣ самому помочь. Міръ такъ сложенъ, что мы неизбѣжно многимъ обязаны своимъ сосѣдямъ, но желательно, чтобы каждый человѣкъ стоялъ, насколько это возможно, на своихъ собственныхъ ногахъ.

Мы не можемъ требовать отъ другихъ, чтобы они сообразовались съ нашими идеалами; но мы должны имъ помочь осуществить все, что есть лучшаго въ ихъ собственныхъ идеалахъ, содѣйствовать ихъ самосовершенствованію. Обыкновенно, деньги бросаются неразумно тѣми, кто ихъ даетъ, не изъ искренняго сочувствія, а изъ желанія избѣжать лишней заботы; но работа для общества приноситъ въ концѣ концовъ свою собственную награду; мы, вѣроятно, извлекаемъ больше счастья изъ работы на другихъ, чѣмъ на себя. Самая скромная работа дѣлается священной, когда она производится для другихъ.

Какъ бы работа ни была низка, вкладывайте въ нее свое сердце.

Сэръ Т. Моръ (T. More) говоритъ: «Какую бы роль вы ни взяли на себя, исполняйте ее какъ можно лучше; если вы даже не будете въ состояніи исправить человѣческіе пороки, освященные обычаями и нравами, вы все-таки не должны изъ за этого бросать общее дѣло; вы не должны оставлять корабль во время бури, только потому, что не можете управлять имъ, и что вѣтры вамъ не повинуются. Но учитесь и старайтесь, насколько возможно, вести дѣло хорошо и мудро направлять его къ цѣли; устройте такъ, чтобы то, что вы не можете сдѣлать хорошимъ, было бы менѣе дурнымъ. Ибо пока всѣ люди не будутъ добрыми, все не можетъ идти хорошо. А я думаю,—прибавляетъ онъ,—этого еще не будетъ много лѣтъ».

Но чѣмъ лучше люди будутъ исполнять свой долгъ, тѣмъ ближе и раньше подойдемъ мы къ такому порядку вещей. Собственно говоря, мы, можетъ быть, далеко не сознаемъ, какъ мы могли бы быть счастливы, если бы только попробовали.

Быть англичаниномъ имѣетъ большія преимущества.

Каждый человѣкъ равенъ передъ закономъ.

Каждый человѣкъ считается невиннымъ, пока его вина не доказана.

Ни одного человѣка нельзя судить вторично за одинъ и тотъ же проступокъ.

Всѣ дѣла должны судиться публично, и заключенный встрѣчается лицомъ къ лицу съ своими обвинителями.

Ни одинъ человѣкъ не можетъ быть судьей въ своемъ собствен-

номъ дѣлѣ, ни одинъ человѣкъ не можетъ взять въ свои руки законъ.

И такъ, работать на нашу страну, чего бы это ни стоило,—есть нашъ священный долгъ, и кто служитъ своей родинѣ изъ личныхъ цѣлей, изъ боязни опасности или смерти, тотъ не заслуживаетъ жизни. Смерть неизбѣжна, а слава добродѣтели—вѣчна, по словамъ сэра Н. Жилберта.

Между тѣмъ, служеніе нашей странѣ, сравнительно, рѣдко сопряжено съ опасностями. Оно лишь требуетъ отъ насъ нѣкоторыхъ лишеній и извѣстнаго времени на исполненіе обязанностей и на работу, которая можетъ казаться не героической, и даже скучной, но которая, тѣмъ не менѣе, необходима.

Общественныя дѣла—комитеты, выборы, митинги, рѣчи, собранія, губернскіе сеймы—совсѣмъ не романтичны; они не ослѣпляютъ воображенія, не волнуютъ крови, а между тѣмъ, голосованіе въ мирное время то же, что удачный маневръ во время битвы, и не менѣе важно по своимъ послѣдствіямъ, хотя оно мирное, а не кровопролитное. Голосованіе не право, а долгъ; и готовиться къ нему тоже долгъ.

Количество безплатной, общественной, работы поразительно, и это можетъ продолжаться еще долго.

Никто не имѣетъ права пользоваться выгодой всего этого труда, не участвуя, хоть скромно, по возможности, хоть чѣмъ-нибудь въ общемъ дѣлѣ.

Бэконъ говоритъ: «Имущество не можетъ быть достойной цѣлью человѣческаго существованія». Домъ, пища и одежда не единственные предметы первой необходимости, да и нужны они въ очень умѣренной степени.

Даже съ самой узкой, эгоистической, точки зрѣнія, время не потеряно, если оно, по словамъ Арнольда, употреблено на дѣло любви къ ближнему, но стремленіе къ дѣятельности, къ помощи, къ благу, желаніе прекратить человѣческія ошибки, уяснить спорные вопросы, уменьшить сумму человѣческаго горя, но благородное стремленіе оставить міръ лучшимъ и болѣе счастливымъ, чѣмъ мы нашли его—все это мотивы общественные, и они содѣйствуютъ не только счастью другихъ, но и нашему собственному.

«Есть блага жизни,—говоритъ епископъ Бутлеръ,—которыми мы наслаждаемся только въ союзѣ съ другими людьми; таковы: миръ, достатокъ, свобода, здоровье. Но истинное расположеніе къ нашимъ собратьямъ дало бы намъ понятіе объ общемъ интересѣ въ болѣе строгомъ смыслѣ: потому что, по мѣрѣ увеличенія нашей любви къ ближнему, его интересы, радости и горести дѣлаются

нашими. Изъ себялюбія проистекаетъ наше понятіе о личномъ благѣ, какъ о чемъ-то своемъ: любовь къ ближнему научила бы насъ присвоивать себѣ его благо и благополучіе и считать себя дѣйствительными участниками его счастія. Такимъ образомъ, принципъ любви сдѣлался бы въ нашей собственной груди адвокатомъ интересовъ нашихъ собратьевъ».

«Дай же,—говоритъ Маркъ-Аврелій,—дай живущему въ тебѣ божеству стать хранителемъ живого существа, мужественнаго и зрѣлаго, занятаго политическими дѣлами римлянина и правителя, занимающаго свой постъ, какъ человѣкъ, ожидающій знака, для ухода изъ жизни, готовый уйти, не нуждаясь ни въ человѣческомъ проклятіи, ни въ человѣческомъ свидѣтельствѣ».

Время, которое мы отдаемъ общественнымъ обязанностямъ—не потеряно. Оно приноситъ съ собой собственную награду.

Горсфоль (Horsefall) говоритъ: «Великое дѣло—въ тяжелое время соединить свои интересы съ интересами общественными».

Кто хочетъ, можетъ сдѣлаться храбрымъ человѣкомъ и достойнымъ патріотомъ: всякій можетъ участвовать хоть въ какомъ-нибудь движеніи въ пользу своихъ собратьевъ и помочь имъ стать здоровѣе, счастливѣе и лучше въ жизни.

И только такимъ образомъ можно дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ, который, рано или поздно, человѣкъ всегда себѣ предлагаетъ: «Что ты сдѣлалъ для справедливости и правды, для Бога и человѣка, въ продолженіи своей жизни, въ золотые часы яркогорящей юности до конца всего скоропредящаго твоего существованія?» какъ говоритъ Уайтеръ (Whitter).

Глава XII.

Соціальная жизнь.

Мы съ гордостью говоримъ, что домъ каждаго англичанина—его замокъ, но онъ долженъ быть больше, чѣмъ замкомъ, а именно его роднымъ гнѣздомъ; домъ—его замокъ по законному праву, но сдѣлать изъ него настоящее гнѣздо, очагъ (home), зависитъ отъ него самого.

Что составляетъ такой «home»? Любовь, симпатія и довѣріе. Воспоминанія дѣтства, родительская ласка, свѣтлыя мечты юности, гордость сестры, братскія сочувствія и помощь, взаимное довѣріе, общія надежды, интересы и огорченія, все это создаетъ и освѣщаетъ «home».

Домъ безъ любви можетъ быть замкомъ или дворцомъ, но онъ не будетъ семейнымъ очагомъ; любовь составляетъ жизнь

настоящаго очага. «Домъ безъ любви не очагъ семьи, какъ тѣло безъ души—не человѣкъ».

Кто обладаетъ жизнерадостнымъ сердцемъ, у того вѣчный праздникъ.

Въ настоящее время мы цѣнимъ менѣе свой домъ, какъ замокъ, т. е. убѣжище отъ произвола власти, чѣмъ какъ убѣжище отъ жизненныхъ заботъ и огорченій, какъ покойную гавань, защищенную отъ грозъ и бурь, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ путешествіи по міру.

Въ самой удачной жизни бываетъ время испытанія, и богатство, во всякомъ случаѣ, не можетъ обезпечить счастье или покой.

Человѣкъ не былъ созданъ для того, чтобы жить одному, даже въ раю. «Что бы дѣлала въ самомъ раю одинокая душа?» спрашиваетъ Бернарденъ де Сенъ-Пьеръ. Сердце человѣка должно оставаться дома, но хорошо имѣть работу внѣ его. Мы не предназначены вполнѣ ни для общества, ни для одиночества. Оба хороши и, можно даже сказать, необходимы.

Красоты природы составляютъ нашу вѣчную радость, но солнечное сіяніе въ небѣ мало значитъ, если нѣтъ также сіянія въ сердцѣ.

Мы должны питать къ семьѣ чувства привязанности, уваженія и любви. Такова основа цивилизаціи, истинная школа всего лучшаго; семья взываетъ ко всѣмъ благороднѣйшимъ и высшимъ чувствамъ нашей природы. Что могутъ ангелы сдѣлать большаго, чѣмъ осчастливить другихъ?

Вашъ домъ можетъ быть скроменъ, некрасивъ, не поэтиченъ, даже холоденъ и неудобенъ, и тутъ ваше мѣсто и вашъ долгъ, и чѣмъ больше затрудненія, тѣмъ больше будетъ награда.

Терпѣливо сносить заботы и обиды—труднѣе тяжелой работы; это живая жертва, которую труднѣе принести, чѣмъ жертву деньгами, временемъ или трудомъ.

Въ сущности, мало людей думаютъ о счастьѣ другихъ, и эта маленькая горсточка, вѣроятно, не прочтетъ этихъ строкъ. Но очень возможно, что въ общемъ люди причиняютъ зло чаще по недомыслію или по недостатку такта, чѣмъ по безсердечію. Встрѣчайте всѣхъ съ ласковой улыбкой, добрыми словами и теплымъ гостепріимствомъ. Недостаточно любить тѣхъ, кто намъ дорогъ. Мы должны имъ доказать свою любовь. Многіе изъ насъ оскорбляютъ по незнанію, легкомыслію или необдуманности тѣхъ, кого больше всего любятъ и кому желаютъ помочь.

Мы всѣ сами знаемъ, какой чудотворной силой обладаютъ нѣсколько сочувственныхъ словъ.

«Я часто думалъ, да и теперь думаю,—говоритъ лордъ Честерфильдъ,—немного вещей, которыхъ бы люди такъ мало знали, какъ умѣніе любить и ненавидѣть. Люди оскорбляютъ тѣхъ, кого любятъ, то вслѣдствіе ошибочной снисходительности, то вслѣдствіе ослѣпленія, или даже пристрастія къ ихъ ошибкамъ. Когда же они ненавидятъ, они вредятъ самимъ себѣ, вслѣдствіе своей несдержанности и вспыльчивости».

Даже среди друзей наша жизнь какъ-то склонна къ уединенію; «мы смотримъ другъ на друга, какъ бы стоя на разныхъ островахъ, заключенные за тюремную рѣшетку своихъ костей и за занавѣсью своей кожи», по выраженію Жанъ Поль Рихтера.

Какъ мы мало знаемъ своихъ друзей, или даже своихъ родственниковъ! Часто даже члены одной и той же семьи живутъ совершенно обособленно; ихъ умы какъ будто двигаются по параллельнымъ линіямъ и никогда не встрѣчаются; въ сущности они совсѣмъ не соприкасаются.

Кебль (Ceble) говоритъ: «самое нѣжное и близкое намъ сердце, и то не знаетъ и половины тѣхъ причинъ, по которымъ мы улыбаемся или вздыхаемъ».

Мы разсуждаемъ о погодѣ, о жатвѣ, о послѣдней повѣсти, о политикѣ, о здоровьи и неудачахъ нашихъ сосѣдей, все о вещахъ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ настоящей нашей внутренней жизни. Чѣмъ ординарнѣе предметъ, чѣмъ онъ ничтожнѣе, тѣмъ онъ какъ будто больше обсуждается, и часто больше всего говорятъ тѣ, кому нечего сказать.

Мало людей понимаютъ, что разговоръ—это цѣлое искусство. Чтобы семья жила дѣйствительно одной жизнью, въ любви и согласіи, мало привязанности и добрыхъ намѣреній,—нужны сочувствіе, умѣнье высказываться и вызвать обмѣнъ мыслей. Если люди васъ не развлекаютъ, постарайтесь ихъ развлечь.

Люди часто гордятся тѣмъ, что говорятъ все, что имъ приходитъ на умъ; безъ сомнѣнія, слѣдуетъ быть правдивымъ и откровеннымъ, но разговоръ, какъ и другія вещи, требуетъ нѣкотораго усилія съ нашей стороны, чтобы сдѣлаться интереснымъ.

Мы всѣ можемъ создать себѣ счастливую семейную обстановку.

Безъ сомнѣнія, человѣкъ непріятнаго характера больше наказываетъ себя, чѣмъ другихъ.

«Онъ всегда мучитъ другихъ, самъ мучится,—говоритъ Попъ,—и находитъ удовольствіе единственно въ томъ, чтобы быть недовольнымъ». А разъ онъ никогда не бываетъ доволенъ, то и никогда не бываетъ счастливъ. Чтобы содѣйствовать счастью насъ

окружающихъ, мы совсѣмъ не должны непремѣнно приносить какія-либо великія жертвы; но однихъ добрыхъ намѣреній—недостаточно. Тутъ нужны тактъ, обдуманность и опытъ. Практика необходима для удовлетворительнаго совершенія всякаго хорошаго или дурного дѣла.

Добрая и симпатичная манера творятъ чудеса. Одна старая пословица говоритъ, что «манера составляетъ человѣка», и нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что многіе вышли въ люди, благодаря своей манерѣ держать себя, и многіе погубили себя, потому что не обладали этимъ умѣньемъ. И первый министръ, при выборѣ въ кабинетъ, руководствуется не одной мудростью, краснорѣчіемъ, способностями или характеромъ человѣка, но отчасти и его манерой держать себя, отъ которой зависитъ, насколько онъ можетъ ладить съ другими.

Грубость—не сила; часто она лишь прикрываетъ собой слабость. Шекспиръ говоритъ, въ своей великолѣпной картинѣ Юлія Цезаря, что «въ жизни онъ былъ мягкимъ; онъ былъ составленъ изъ столькихъ перемѣшанныхъ элементовъ, что природа могла бы, указывая на него, сказать всему міру: «вотъ человѣкъ».

«Иногда думаютъ,—говоритъ сэръ Максуэль (Maksvell),—что согласіе и разногласіе имѣютъ тайное отношеніе къ музыкальнымъ струнамъ. Въ сущности, онѣ имѣютъ болѣе глубокій смыслъ: единеніе или разногласіе сердецъ».

Если необходимо показать человѣку, что онъ неправъ, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, говорить мягко; особенно же съ дѣтьми, потому что, по выраженію Жанъ Поля Рихтера, «маленькую колыбель ребенка легче омрачить, чѣмъ звѣздное небо человѣка». Говорятъ, что Рубенсъ могъ однимъ штрихомъ превратить смѣющееся дитя—въ плачущее. Мы всѣ тоже можемъ сдѣлать въ жизни. Одного слова бываетъ достаточно. «Во всякомъ случаѣ, говорите всегда мягко; иногда что-нибудь незначительное западетъ глубоко въ душу, и только вѣчность скажетъ, сколько оно принесло хорошаго и радостнаго!» говоритъ Лангфордъ.

Хорошее правило: порицать съ глазу на глазъ и хвалить публично. То, что сказано наединѣ, всегда лучше принимается, — чувствуется доброе намѣреніе, и результаты бываютъ значительнѣе, тогда какъ публичная похвала гораздо больше ободряетъ и составляетъ болѣе богатую награду.

Главное же, если нужно показать человѣку, что онъ неправъ, слѣдуетъ это дѣлать всегда очень серьезно, какъ бы съ сожалѣніемъ; никогда не слѣдуетъ, если возможно, выказывать гнѣвъ

или раздраженіе. Архитасъ говорилъ своему рабу: «Я бы тебя наказалъ, если бы не сердился». Если вы сердитесь, по крайней мѣрѣ, остановитесь и подумайте раньше, чѣмъ говорить. Матью Арнольдъ приводитъ, какъ характеристику высшей культуры, «неизсякаемую снисходительность, разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, строгій разборъ всѣхъ поступковъ въ соединеніи съ милостивымъ сужденіемъ лицъ».

Смерть скоро всѣхъ сравняетъ. И такъ, обращайтесь заранѣе со всѣми такъ, какъ это требуется отъ джентльмэна.

Если возможно, никогда не покидайте друга въ гнѣвѣ, или даже въ минуту охлажденія. Помните,—*всякая разлука можетъ быть послѣдней.*

Нѣкоторыя слова—что солнечные лучи, другія же—что ядовитыя стрѣлы или змѣиные укусы. И если жесткія слова больно жалятъ, то сколько удовольствія приносятъ добрыя слова!

«Добрыя слова,—говоритъ Джорджъ Гербертъ,—стоятъ мало, но цѣнность имѣютъ большую». Часто одно необдуманное слово можетъ утѣшить или ранить разбитое сердце.

Иногда слова излишни. Когда Петръ отрекся отъ Христа, «Господь взглянулъ на Петра», говоритъ Писаніе. Этого нѣмого упрека было довольно. Петръ вышелъ и горько заплакалъ.

Точно также, какъ одинъ взглядъ можетъ причинить острую боль, ласковый взглядъ можетъ иногда заставить сердце радостно забиться. Ласковая улыбка при утренней встрѣчѣ освѣтитъ самый темный день.

Не слѣдуетъ быть слишкомъ сдержаннымъ. Не бойтесь высказывать свою привязанность. Вашей любви мало, если будете казаться холоднымъ. Симпатія больше помогаетъ людямъ, чѣмъ услуга, любовь больше, чѣмъ деньги, и доброе слово доставляетъ больше удовольствія, чѣмъ подарокъ.

Когда Веньямина Уэста спрашивали, что сдѣлало изъ него художника, онъ отвѣчалъ: «Поцѣлуй матери». Конфуцій сказалъ: «Если домашнія твои обязанности хорошо исполнены, тебѣ незачѣмъ идти далеко для принесенія жертвы».

Слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ выборѣ друзей; они составляютъ, по выраженію Цицерона, самую драгоцѣнную и красивую мебель жизни. Джорджъ Гербертъ говоритъ: «Бывайте въ хорошемъ обществѣ, и вы будете ему принадлежать». Одна испанская пословица говоритъ: «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты живешь, и я тебѣ скажу, кто ты». Человѣкъ, который не умѣетъ быть себѣ другомъ, не можетъ быть ничьимъ пріятелемъ.

Денгэмъ говоритъ, что хорошій выборъ друзей удваиваетъ

всѣ радости, всѣ наслажденія благороднѣйшими добродѣтелями, и уменьшаетъ на половину всѣ нашигорести.

Мудрый выборъ женщинъ-друзей тоже очень важенъ. Со времени Соломона много мудрецовъ погибло отъ сиренъ.

«Дружба—драгоцѣнность жизни», говоритъ Лайли, и человѣка, не имѣющаго друзей, слѣдуетъ жалѣть, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, въ этомъ онъ самъ виноватъ.

Не можетъ быть, чтобы человѣкъ долженъ былъ быть одинокимъ, хотя, конечно, слѣдуетъ иногда оставаться одному, потому что трудно любить ближняго, отъ котораго никуда нельзя уйти.

Отъ времени до времени человѣкъ непремѣнно думаетъ, что имѣетъ основаніе быть недовольнымъ своими друзьями. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ быть терпѣливымъ и разумнымъ. Взгляните на дѣло съ точки зрѣнія вашего друга. Не дѣйствуйте поспѣшно: природа никогда не торопится. «Поспѣшишь—людей насмѣшишь», говоритъ старая пословица. Главное же, не слѣдуетъ никогда ссориться сгоряча. Слѣдуетъ сперва все хорошо передумать и переждать гнѣвъ. Какъ бы вы вечеромъ ни были сердиты, утромъ вещи иногда кажутся совсѣмъ иными.

Если вы написали умное, убѣдительное, но рѣзкое письмо, то задержите его до слѣдующаго дня, и, вѣроятно, оно совсѣмъ не пойдетъ.

Старайтесь быть въ лучшихъ отношеніяхъ со своими друзьями. Имѣть плохого пріятеля хуже, чѣмъ совсѣмъ его не имѣть.

Дурныхъ же людей слѣдуетъ сторониться и не входить съ ними ни въ какія отношенія. Тѣмъ не менѣе, хотя не слѣдуетъ съ ними дружиться, не разумно также дѣлать изъ нихъ себѣ враговъ ихъ очень много.

Лэмбъ остроумно замѣчаетъ, что «подарки насъ заставляютъ еще болѣе любить отсутствующихъ», но доброта, терпѣніе и симпатія, конечно, имѣютъ гораздо больше силы.

Друзья могутъ потребовать отъ васъ всего, что вы можете дать; но они не имѣютъ права просить у васъ взаймы.

«Не дѣлай долговъ и не давай взаймы», говоритъ Шекспиръ.

Благодаря друзьямъ, можно избѣгнуть многихъ опасностей и большаго горя. Когда Августъ былъ опозоренъ своей дочерью Юліей, онъ сказалъ: «этого не случилось бы, если бы Агриппа или Мэценатъ жили еще».

И когда пріобрѣтете друзей, не теряйте ихъ.

Не давайте имъ самаго ничтожнаго повода быть недовольными вами.

Если же смерть васъ разлучитъ, остается сладкая надежда на свиданіе въ будущей жизни.

Самый важный шагъ въ жизни, — это бракъ. Любовь одухотворяетъ природу и придаетъ ей особенную прелесть. Она превращаетъ некрасивую гусеницу въ воздушное созданіе, она весной окрашиваетъ перья птицъ, зажигаетъ огонекъ свѣтлячка, возбуждаетъ пѣсню соловья, вдохновляетъ поэта. Даже бездушная природа какъ будто чувствуетъ ея призывъ, и цвѣты сверкаютъ самыми богатыми красками.

Симонидэсъ говоритъ, что для мужчины нѣтъ большаго благословенія, какъ хорошая жена, и бо̀льшаго проклятія, какъ злая.

Что касается подбора, то нелегко давать какой-нибудь цѣнный совѣтъ. Нѣкоторыя соображенія сами собой очевидны. Нехорошо жениться слишкомъ рано. Сэръ Тайлоръ говоритъ, что когда двое очень молодыхъ людей женятся, то они ему напоминаютъ горошину, предназначенную служить опорой другой горошинѣ.

Не женитесь ради денегъ, но и не безъ денегъ. Кто женится изъ-за денегъ, ставитъ себя ниже денегъ, разъ у него радость и разумное счастье жизни уходятъ на второй планъ; сколько людей, сосчитавъ деньги и горести, были бы рады цѣною всѣхъ этихъ денегъ купить жизнь, которую они сами продали.

Не воображайте себѣ, что можете послѣ брака продолжать свою самостоятельную жизнь, имѣя въ видѣ прибавки—граціозное, простое, веселое, жизнерадостное существо, которое бы вносило свѣтъ въ ваше существованіе, всегда было бы подъ рукой въ минуты тяжелаго одиночества, и которое можно было бы всегда отстранить, когда оно не нужно. Это однѣ эпикурейскія мечты юности.

Жереми Тайлоръ говоритъ, что Гомеръ «прибавляетъ много нѣжныхъ названій къ характеру обязанностей мужа. Ты долженъ быть для нея отцомъ, матерью и братомъ: это должно такъ быть, а то бракъ то же, что сиротство. Ибо та, которая покидаетъ отца, мать и брата для тебя, дѣлается или несчастной, какъ покинутое дитя, или должна найти все это, и больше еще, въ тебѣ». Если у васъ есть малѣйшее сомнѣніе, то не женитесь. Бракъ или большое счастье, или большое несчастье.

Бракъ влечетъ за собою большую отвѣтственность. Не довѣряйтесь, въ этомъ дѣлѣ, однимъ глазамъ; бракъ долженъ быть заключенъ, по выраженію Джереми Тайлора, не глазами и руками, а разумомъ и сердцемъ.

Хорошая жена—помощникъ не только въ матеріальныхъ вещахъ, но и въ умственной сферѣ. Шекспиръ говоритъ, что даже низкіе люди пріобрѣтаютъ, когда они влюблены, благородство, не свойственное ихъ натурѣ. Если же даже низкіе люди такъ преобразуются и охватываются сильнымъ стремленіемъ ко всему

хорошему, то тѣ, которымъ свойственно благородство, дѣлаются еще лучше и прекраснѣе.

«Бракъ,—говоритъ Жереми Тайлоръ,—божественное учрежденіе, священный союзъ, святое таинство, знаменательное по своему значенію, вызывающее уваженіе по своимъ цѣлямъ и религіозному смыслу; бракъ полезенъ человѣческому обществу, и Господь смотритъ на него, какъ на святое дѣло».

Тертулліанъ говоритъ: «Если бракъ счастливъ, то нѣтъ словъ выразить все счастье. Они вмѣстѣ молятся, вмѣстѣ поклоняются, вмѣстѣ постятся... они всегда вмѣстѣ, въ затрудненіяхъ, въ несчастіи, въ развлеченіяхъ. Никто изъ нихъ не скрываетъ чего-либо отъ другого, ни одинъ изъ нихъ не тяготитъ другого. Христосъ радуется, когда видитъ такой бракъ. Онъ имъ посылаетъ миръ. Гдѣ двое, тамъ и Онъ, а гдѣ Онъ,—нѣтъ зла».

Вы берете себѣ жену, по торжественнымъ и прекраснымъ словамъ нашего свадебнаго обряда: «на лучшее и на худшее, на богатство и бѣдность, на болѣзнь и здоровье, чтобы любить ее и заботиться о ней, покуда смерть васъ не разлучитъ».

«Счастливый бракъ,—говоритъ Стэнлей,—новое начало жизни, новый путь къ счастью и пользѣ; единственный великій случай покончить со всѣмъ прошлымъ, со своимъ безуміемъ и ошибками, покончить и оставить его далеко, далеко за собой, а самому идти впередъ съ новыми надеждами, новымъ мужествомъ, новыми силами къ открывающемуся передъ нами будущему. Счастливый домашній очагъ лучше всего походитъ на рай; тамъ мужъ и жена, отецъ и мать, братъ и сестра, дитя и родители, всякій по своему помогаетъ другъ другу, какъ могутъ помогать только члены одной семьи, ибо никто другой не имѣетъ такого случая помочь, не знаетъ такъ хорошо характеръ другого, не заинтересованъ такъ въ благополучіи, славѣ, счастьи и добротѣ другого, какъ въ благополучіи того, который кость отъ кости, и плоть отъ плоти; въ его счастьи и славѣ мы сами дѣлаемся счастливыми и славными; въ его несчастіи мы дѣлаемся несчастными; его эгоизмъ, слабость и ничтожество насъ принижаютъ до земли; чистота же, благородство и сила его насъ поднимаютъ почти невольно до долга, до неба, до Бога».

Наконецъ, дѣти—великая, но чудная отвѣтственность. Иногда говорятъ, что они «посылаются», и легкомысленные родители оправдываются, говоря, что «если Богъ посылаетъ рты, то онъ пошлетъ и пищу». Но Матью Арнольдъ справедливо замѣчаетъ, «что нѣтъ оправданія тому, кто содѣйствуетъ появленію въ міръ бѣдныхъ малютокъ, зная, что не можетъ ихъ обставить прилично и достаточно».

Дайте имъ расти въ свѣтѣ любви; если ихъ дѣтство согрѣто тепломъ любви, они лучше вынесутъ холодъ жизни.

«Только тотъ, кто любитъ своихъ дѣтей, можетъ знать, сколько радостныхъ волненій приносятъ милые дѣтскіе голоса; ихъ ребячество, ихъ лепетъ, ихъ легкій гнѣвъ, ихъ невинность, ихъ несовершенство, ихъ труды,—все это даетъ радость и утѣшеніе тому, кто любитъ ихъ, кому хорошо въ ихъ обществѣ; но кто не любитъ своей жены и своихъ дѣтей, вскармливаетъ дома львицу и вьетъ себѣ гнѣздо горя, сама благодать не можетъ его осчастливить. Такимъ образомъ, всѣ заповѣди Божьи, предписывающіе человѣку: любить свою жену,—ничто иное, какъ потребность въ радостяхъ, способность радоваться».

Глава XIII.

Трудолюбіе.

Не тратьте ничего напрасно, особенно же время. *Сегодня* приходитъ только разъ, и больше никогда. Время—богатѣйшій даръ неба; потеря его—невозвратна.

Драйденъ говоритъ: «Само небо не имѣетъ власти надъ прошедшимъ, ибо то, что было, прошло; и у каждаго былъ свой часъ».

Не тратьте времени такъ, чтобы потомъ раскаяваться. Нѣтъ мысли печальнѣе, какъ: «поздно», или: «это могло бы быть». Время, это—данный вамъ залогъ, и вы отвѣтите за каждую минуту. Будьте скупы на сонъ, на пищу, и больше всего—на время.

Нельсонъ однажды сказалъ, что приписываетъ всѣ свои успѣхи въ жизни тому, что всегда былъ наготовѣ за четверть часа до назначеннаго времени.

«Молодежь,—говоритъ лордъ Мельбурнъ,—должна была бы слышать только такія рѣчи: «вы должны сами себѣ пробить дорогу, и отъ васъ зависитъ умереть съ голоду, или нѣтъ».

Трудолюбіе не только существенно важно для успѣха, но имѣетъ здоровое вліяніе на нравственный обликъ человѣка. Жереми Тайлоръ говоритъ: «Не будьте никогда праздными, наполняйте всякую свободную минуту чѣмъ-нибудь полезнымъ; развратъ легко вкрадывается въ пустое существованіе, когда душа бездѣйствуетъ, а тѣло—въ холѣ; обезпеченный, здоровый и праздный человѣкъ никогда не оставался еще цѣломудреннымъ, если являлось искушеніе; физическій трудъ—самый полезный; онъ легче всего отгоняетъ дьявола».

«Время и земля,—по словамъ Кебля,—подготовляютъ къ небу и вѣчности; Богъ намъ дастъ въ будущемъ мірѣ вѣка, тожественные съ мгновеніями проведенными здѣсь, на землѣ».

Хоть чѣмъ-нибудь содѣйствовать общему счастью и благу,—вотъ та высшая цѣль, та благородная надежда, которыя могутъ вдохновить человѣческое существованіе.

Говорятъ, Петръ Медичи однажды поручилъ Микель-Анджело сдѣлать статую изъ снѣга. Это было безсмысленной тратой времени. Но если время Микель-Анджело было цѣнно для міра, то наше время имѣетъ такую же цѣнность для насъ; между тѣмъ, мы слишкомъ часто его тратимъ на статуи изъ снѣга, и даже хуже,—на идолы изъ грязи.

Великій римскій философъ и государственный дѣятель Сенека сказалъ: «Мы всѣ жалуемся на недостатокъ времени, а между тѣмъ, у насъ его больше, чѣмъ нужно. Всю свою жизнь мы или ничего не дѣлаемъ, или дѣлаемъ ненужное, или не дѣлаемъ того, что слѣдуетъ. Мы постоянно жалуемся на то, что наши дни сочтены, но поступаемъ такъ, какъ будто бы имъ не предвидѣлось конца».

Поразительно, сколько можно сдѣлать при извѣстной экономіи времени. Нееміа (neheміah) успѣвалъ прочесть молитву Престолу Милости въ то время, какъ стоялъ за стуломъ царя Персіа.

Между тѣмъ, у самыхъ счастливыхъ изъ насъ, наполняющихъ прекрасно и мудро свое время, остается много вещей несдѣланныхъ, много книгъ непрочитанныхъ, много зрѣлищъ невиданныхъ, много странъ не посѣщенныхъ.

Великій, можно сказать, единственно великій элементъ успѣха и счастья въ жизни заключается въ способности къ честному, серьезному труду. Цицеронъ говорилъ, что прежде всего нужна смѣлость, во-вторыхъ—смѣлость и въ-третьихъ—смѣлость. Довѣріе къ себѣ очень полезно, безъ сомнѣнія, но было бы вѣрнѣе сказать, что прежде всего нужно трудолюбіе, во-вторыхъ—трудолюбіе и въ-третьихъ трудолюбіе. Конечно, трудъ, какъ и развлеченіе, не составляетъ цѣли жизни, но они оба—средства къ одной и той же цѣли.

Трудъ—необходимъ для душевнаго спокойствія, какъ и для здоровья тѣла. День, проведенный въ суетѣ—утомительнѣе цѣлой недѣли, проведенной за работой. Суета истощаетъ всю нашу систему, трудъ же поддерживаетъ ее въ здоровьи и порядкѣ. Мускульное упражненіе обезпечиваетъ тѣлу здоровье, а мозговое упражненіе приноситъ душевное спокойствіе. «Умственный трудъ доставляетъ сердечное успокоеніе», говоритъ Дженкуртъ.

«Дайте дѣвушкѣ настоящую работу, которая бы поднимала ее съ зари и утомляла къ вечеру, давая ей сознаніе, что она принесла за день пользу своимъ собратьямъ, и безсильное горе ея отчаянія преобразится въ величіе сіяющаго и благодѣтельнаго спокойствія», говоритъ Рускинъ.

Дѣлайте, что хотите, но только дѣлайте что-нибудь. Даже попытки отыскать философскій камень и сдѣлать изъ круга четырехугольникъ, и тѣ остались не безплодными.

Д-ръ Джонсонъ сказалъ: «Слова—дщери земли, а поступки—сыны неба». Дѣлайте хорошо то, что дѣлаете. Вкладывайте свое сердце въ дѣло. Развивайте всѣ свои способности: вы должны или воспользоваться ими, или потерять ихъ.

«Сама исторія генія,—говоритъ Гарнетъ (Garnett),—насколько возможно ее передать, сводится къ исторіи упорнаго трудолюбія въ борьбѣ съ препятствіями, и нѣкоторые выдающіеся люди прямо утверждаютъ, что геній—немного болѣе трудолюбія. Джорджъ Эліотъ смѣется при мысли, что она можетъ писать свои повѣсти по вдохновенію. Президентъ Дуайтъ (Dwight) обыкновенно говорилъ мальчикамъ, что «геній—это способность дѣлать усилія».

Въ концѣ концовъ попрошайничество тяжелѣе работы и въ общемъ хуже оплачивается. Каждому человѣку слѣдовало бы стоять на своихъ ногахъ. «Пахарь на своихъ ногахъ,—говоритъ Франклинъ,—выше джентльмена, стоящаго на колѣняхъ».

Говоря о своей знаменитой англійской грамматикѣ, Коббетъ замѣчаетъ: «Я изучалъ грамматику, когда былъ солдатомъ, на частной службѣ, на жалованьи въ 6 пенсовъ въ день. Я сидѣлъ при этомъ на дежурной скамьѣ или постели; мой ранецъ замѣнялъ мнѣ книжный шкапъ; досчечка на колѣняхъ была моимъ письменнымъ столомъ, а заданный урокъ потребовалъ цѣлаго года работы. У меня не было денегъ на покупку свѣчи или деревяннаго масла; зимою, я рѣдко пользовался инымъ свѣтомъ, кромѣ огня въ каминѣ, да и то, только въ очередь... Не смотрите легко на тотъ фартингъ, который мнѣ приходилось отдавать за чернила, перо или бумагу. Увы! этотъ фартингъ составлялъ большую сумму для меня: я былъ такого же большаго роста, какъ и теперь; я былъ очень здоровъ и дѣлалъ много движеній. Деньги, не потраченныя на ѣду, составляли за цѣлую недѣлю 2 пенса на человѣка. Я помню, и помню хорошо, какъ однажды, въ пятницу, сдѣлавъ всѣ необходимые расходы, я съэкономничалъ на полъпенни, на который намѣревался на слѣдующее утро купить копченую селедку; но раздѣваясь вечеромъ и готовясь лечь спать съ мучительнымъ ощущеніемъ голода, я вдругъ замѣтилъ, что

потерялъ свой полпенни! Я зарылся головой подъ грубыя простыню и одѣяло, и заплакалъ, какъ дитя! И я спрашиваю опять, если, при такихъ обстоятельствахъ, я могъ задать себѣ и одолѣть такую работу, то можно ли найти въ мірѣ юношу, которому простительно неисполненіе долга?»

У Коббета не было денегъ, но у него была энергія и мужество. Бэконъ говоритъ: «Большинство людей, какъ будто, не сознаютъ своихъ богатствъ и своей силы: они больше придаютъ значенія, чѣмъ слѣдовало бы, первому и гораздо меньше второму. Самостоятельность и самоотреченіе научаютъ человѣка черпать воду изъ своего собственнаго резервуара, ѣсть сладкій хлѣбъ, заработанный собственными трудами, и бережно тратить довѣренныя ему блага».

Есть такая восточная пословица: «Стараніе приноситъ успѣхъ; лучше быть работающимъ псомъ, чѣмъ празднымъ львомъ».

«Работай ежечасно, говоритъ природа человѣку, постоянно, оплачено тебѣ или нѣтъ твое время; работай, и ты не минуешь награды: какая бы ни была твоя работа, тонкая или грубая, будетъ ли она заключаться въ сѣяніи хлѣба, или писаніи поэмъ, если она только честна и добросовѣстно исполнена, — она принесетъ свою награду внутреннему міру человѣка; неудачи могутъ быть частыя, и все-таки ты рожденъ для побѣды. Награда хорошо исполненной работы заключается въ томъ, что она исполнена».

Великій мудрецъ, Михаилъ Скотъ, какъ намъ передаетъ Вальтеръ-Скотъ, побѣждалъ дьявола лишь путемъ безпрерывной работы. То же примѣнимо ко всѣмъ намъ. Христосъ говоритъ, что, когда злой духъ былъ изгнанъ изъ человѣка, онъ возвратился и когда нашелъ домъ пустымъ, вошелъ въ него съ семью другими бѣсами, еще худшими.

Праздность—не отдыхъ. Она больше утомляетъ, чѣмъ работа. У римлянъ была пословица: «Difficilis in otio quies» (труденъ покой въ праздности). Трудно отдыхать, ничего не дѣлая.

Никогда не торопитесь. Природа никогда не торопится. Первый совѣтъ швейцарскаго проводника молодому путешественнику, совѣтъ, который онъ чаще всего повторяетъ, состоитъ въ томъ, чтобы идти всегда медленно и твердо, потому, что «чѣмъ медленнѣе ты будешь подниматься, тѣмъ скорѣе ты достигнешь вершины»; не слѣдуетъ идти слишкомъ скоро, но и не терять времени по дорогѣ. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отъ времени до времени останавливаться; здоровенный волъ, и тотъ требуетъ отдыха, и межа отмѣчаетъ пространство, послѣ котораго ему нужно дать передышку. Точно также въ жизни великая тайна успѣха

заключается въ томъ, чтобы никогда не торопиться и никогда не терять времени. «Торопливость,—говоритъ одна восточная пословица,—отъ лукаваго, а терпѣніе раскрываетъ ворота блаженства».

Многіе думаютъ, что поспѣшностью можно сберечь время. Это большое заблужденіе. Двигаться быстро — хорошо, но гораздо важнѣе—сдѣлать вещь хорошо, чѣмъ сдѣлать ее скоро.

Что же касается работы, то она гораздо утомительнѣе и тяжелѣе, если дѣлается неправильно, урывками и въ попыхахъ, чѣмъ если она исполнена медленно, твердо, правильно, безъ поспѣшности и суеты. Торопливость не только портитъ работу, но и жизнь.

«Работать не спѣша и не отдыхая»,—таковъ былъ девизъ Гете, хотя наше слово «отдыхъ» не вполнѣ выражаетъ его мысль.

«Не торопись, не давай необдуманному поступку
«Испортить навсегда успѣшную работу духа;
«Подумай хорошенько и узнай, гдѣ правда,
«А затѣмъ рѣшайся, узнай свою силу;
«Не торопись, годы никогда не исправятъ
«Одинъ неосторожный поступокъ.
«Не отдыхай, жизнь проходитъ мимо,
«Иди и будь смѣлъ, покуда ты не умеръ:
»Оставь за собой что-нибудь властное и великое,
«Чтобы могло завоевать время;
«Славно—жить, не умирая,
«Когда все видимое прошло навсегда».

И такъ, работайте усердно, но не спѣшите, не суетитесь и не волнуйтесь.

«Интересуйтесь,—говоритъ Франсисъ Галтонъ,—только развертывающимся передъ вами путемъ, но не ждите его конца съ нетерпѣніемъ. Думайте, смотрите на возвращеніе къ цивилизаціи послѣ странствованій въ дикихъ странахъ, не какъ на окончаніе тяжелаго времени, но съ сожалѣніемъ, какъ на прекращеніе пріятной жизни, полной приключеній. Такимъ образомъ, рискуя немногимъ, вы постепенно будете подвигаться, заключая знакомства и узнавая особенности данной страны; все это, въ случаѣ поспѣшнаго и несчастнаго возвращенія, окажется неоцѣнимымъ. И такъ, когда пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, вы оглянетесь съ удивленіемъ на громадное, пройденное вами, пространство, потому что, если вы будете проходить только по 3 мили въ день, вы за годъ сдѣлаете ихъ 1.000, а это составляетъ большой путь. Басня о зайцѣ и черепахѣ какъ будто нарочно написана для путешественниковъ на большихъ и невѣдомыхъ дорогахъ».

Вставайте рано, давайте движеніе и отдыхъ своимъ мышцамъ и своему мозгу, будьте умѣренны въ ѣдѣ, спите достаточно, смотрите на все спокойно — и будьте увѣрены, — работа не будетъ вамъ вредна. Суета и возбужденіе, нетерпѣніе и безпокойство, все это не только не помогаетъ работѣ, но и можетъ постепенно убить человѣка и, по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ него готовую жертву первой возможной болѣзни; но при спокойномъ и добродушномъ отношеніи къ жизни, умственное напряженіе и свободная мысль будутъ имѣть такое же значеніе для души, какъ движеніе и свѣжій воздухъ для тѣла; они удлинятъ, а не укоротятъ вашу жизнь.

Трудолюбіе — мозгъ государственнаго дѣятеля, мечъ воина, тайна изобрѣтателя, «откройся, Сезамъ» ученаго,—какъ говорится въ «Простой жизни и высокихъ мысляхъ Адама». Наша милостивая королева была однимъ изъ лучшихъ властителей исторіи. А почему? Безъ сомнѣнія, у нея много ума и такта, но главное, она никогда не избѣгала труда. Духъ, въ которомъ она работала, выраженъ въ одномъ замѣчаніи ея къ лорду Монтэллу, приведенномъ въ мемуарахъ г-жи Джэмсонъ (Jemson). Въ отвѣтъ на его извиненія, что онъ принужденъ безпокоить ее по дѣлу, она сказала: «Пожалуйста, никогда не произносите передо мною слово «безпокоить». Скажите мнѣ только, какъ слѣдуетъ сдѣлать вещь, чтобы она была исполнена хорошо, и я всегда ее сдѣлаю, если могу».

Какія бы ни были ваши обязанности или дѣла въ жизни, старайтесь ихъ исполнять какъ можно лучше.

Герцогъ Веллингтонъ столько же обязанъ своими побѣдами тому, что былъ хорошимъ человѣкомъ, какъ и тому, что былъ великимъ полководцемъ. Онъ обращалъ самое тщательное вниманіе на всѣ подробности провіанта и интендантства; его лошади имѣли всегда вдоволь корму, его люди были прекрасно снабжены теплой одеждой, крѣпкой обувью и хорошей пищей.

«Если ты увидишь человѣка, усердно работающаго,—говоритъ Соломонъ,—ты можешь быть увѣренъ, что онъ предстанетъ предъ царями». Святой Павелъ совѣтуетъ намъ «не быть лѣнивыми въ дѣлѣ, а быть бодрыми духомъ и служить Господу».

Трудолюбіе приноситъ свою собственную награду. Колумбъ открылъ Америку въ то время, какъ искалъ восточный путь въ Индію; Гёте замѣчаетъ, что Саулъ нашелъ царство въ то время, какъ искалъ отцовскихъ ословъ.

«Рѣшитесь,—говоритъ Франклинъ,—исполнить свой долгъ, и непремѣнно исполняйте то, что порѣшили».

Иногда думаютъ, что геній можетъ замѣнить работу. Мы читаемъ о людяхъ, которые лѣнились въ первые свои университетскіе годы, которые работали лишь временно, при страшномъ умственномъ напряженіи, съ мокрой салфеткой на головѣ, и которые блестяще кончили университетъ. Повѣрьте, они дорого заплатили позднѣе за мокрую салфетку. Но даже въ этомъ случаѣ имъ пришлось работать. Много великихъ людей обязаны своимъ успѣхомъ болѣе трудолюбію, чѣмъ способностямъ, если судить по ихъ школьнымъ воспоминаніямъ. Говорятъ что Веллингтонъ и Наполеонъ, Клайвъ, Скоттъ, Шеридэнъ и Бёрнсъ, всѣ были заурядными мальчиками въ школѣ.

Безъ сомнѣнія, нѣкоторые люди болѣе одарены, чѣмъ другіе. Но пусть двое людей вступятъ вмѣстѣ въ жизнь, одинъ съ блестящими способностями, но беззаботный, лѣнивый и самодовольный; другой же сравнительно неспособный, но трудолюбивый, заботливый и съ строгими принципами, и со временемъ онъ обгонитъ своего болѣе блестящаго соперника. Никакія преимущества въ жизни, никакія способности, никакіе богатые друзья или большія связи не могутъ замѣнить недостатокъ трудолюбія и характера.

У Гроссетеста, линкольнскаго епископа и великаго государственнаго дѣятеля, былъ лѣнивый братъ, который однажды пришелъ къ нему и заявилъ, что хочетъ быть великимъ человѣкомъ. Епископъ отвѣчалъ: «Братъ, если твой плугъ сломанъ, я заплачу за его починку; если твой волъ околѣетъ, я куплю тебѣ другого; но я не могу сдѣлать изъ тебя великаго человѣка; я нашелъ тебя пахаремъ и боюсь, что когда покину тебя, ты будешь все тѣмъ же пахаремъ».

Мильтонъ былъ не только геніальнымъ, но и поразительно трудолюбивымъ человѣкомъ. Онъ такъ описываетъ свои привычки: «Зимой я часто встаю раньше, чѣмъ колокола призываютъ пахаря къ молитвѣ; лѣтомъ я почти всегда встаю вмѣстѣ съ самой ранней птицей, или немного позднѣе, и читаю великихъ писателей или готовлюсь къ чтенію до тѣхъ поръ, пока вниманіе мое не обострится, и память не развернется во всей своей полнотѣ; тогда я приступаю къ ясной и горячей работѣ, сохраняющей тѣлесное здоровье и бодрость, и повинуюсь радостно и сознательно, а не слѣпо, своему уму, на пользу религіи и свободы нашей страны».

Не смотрите на работу, какъ на скучную обязанность. Если захотите, вы можете сдѣлать ее интересной. Вложите свое сердце въ работу, вникните въ ея смыслъ, выясните себѣ ея причины и предъидущую исторію, разсмотрите ее со всѣхъ точекъ зрѣнія, подумайте о томъ, сколькимъ людямъ можетъ принести пользу

самый скромный трудъ, и не найдется, можетъ быть, ни одной обязанности, къ которой нельзя было бы отнестись съ увлеченіемъ. Вы полюбите свою работу, и если будете ею увлекаться, она вамъ покажется легкой. Даже, если вамъ сперва покажется невозможнымъ такъ отнестись къ своему труду, если въ началѣ онъ покажется вамъ тяжелой лямкой,—можетъ случиться, что это-то вамъ и нужно; оно можетъ оказаться здоровымъ, какъ горный воздухъ, для выработки вашего характера. Наши скандинавскіе предки поклонялись Тору, работающему молотомъ, а въ старомъ, сѣверномъ миѳѣ говорится, что Воландъ продалъ свою душу чорту, чтобы сдѣлаться лучшимъ кузнецомъ въ мірѣ; въ этомъ, конечно, онъ зашелъ слишкомъ далеко.

Большой вопросъ, сколько часовъ слѣдуетъ отдавать сну. Это должна рѣшить природа. Нѣкоторые люди нуждаются въ болѣе продолжительномъ снѣ, чѣмъ другіе. Мнѣ кажется, не слѣдуетъ уменьшать количество сна, требуемое природой. Точно также нельзя считать потеряннымъ время, проведенное во снѣ. Сонъ удивительно обновляетъ нервную энергію, въ которой всегда такъ нуждаются городскіе жители.

Сэръ Е. Кюкъ такъ дѣлилъ свой день: шесть часовъ на сонъ, шесть на изученіе законовъ, четыре на молитву, а остальное предоставлялъ опредѣлить природѣ.

Сэръ В. Джонсъ (Jones) измѣнилъ этотъ порядокъ такимъ образомъ: «шесть часовъ закону, семь успокаивающему сну, десять посвящается всему міру, а всѣ часы—небу».

Мнѣ бы не хватило ни шести, ни семи часовъ на сонъ. Мы должны спать, пока не освѣжимся настолько, что сами проснемся; слѣдуетъ пробуждаться самому.

Въ тяжелое время, занятіе, развлекающее наши мысли, часто бываетъ большимъ утѣшеніемъ. Многіе изъ насъ мучаются въ часы досуга напрасною боязнью и ненужнымъ безпокойствомъ. Будьте всегда заняты.

«Такимъ образомъ, — говоритъ Стерлингъ,—ты найдешь въ трудѣ и въ мысли покой, который не можетъ дать горе».

Лайлли давно сказалъ: «Всякое мѣсто—отечество для мудреца, и вездѣ дворецъ для спокойнаго ума».

И такъ, работайте вмѣстѣ съ природой, но не противъ нея. Не плывите, если возможно, противъ теченія; но если нужно, вы должны это сдѣлать. Не бойтесь этого; въ большинствѣ случаевъ, природа потрудится за насъ, если мы только ей предоставимъ свободу дѣйствій.

«Надъ природой—тоже, что въ природѣ», говоритъ Кингслей:

«кто преступаетъ одинъ физическій законъ,—виноватъ во всемъ. Вся вселенная какъ-бы вооружается противъ него, и вся природа, со своими безчисленными и невидимыми силами, готова отомстить ему и его дѣтямъ послѣ него, и поразитъ его тогда и тамъ, гдѣ онъ не можетъ предвидѣть. Съ другой стороны, кто повинуется всѣмъ сердцемъ и душой закону природы, тотъ увидитъ, какъ все содѣйствуетъ его благу. Ему помогаетъ и сочувствуетъ точно также солнце надъ его головой, какъ и пыль подъ его ногами: потому что онъ повинуется волѣи уму Того, Кто создалъ солнце, пыль и все и Кто далъ имъ законъ, его же не прейдеши»

А. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Ганнеле», фантастическія сцены въ двухъ частяхъ, Гергарта Гауптмана. Въ чемъ заключается причина успѣха пьесы? Символическій реализмъ «Ганнеле».—«Починъ», сборникъ Общества любителей россійской словесности.—«Притчи» Л. Н. Толстого. Ошибочность его взгляда на отношенія общества къ его проповѣди. Удивительное толкованіе послѣдняго разсказа графа «Хозяинъ и работникъ». — «Этюды о русской читающей публикѣ» Н. А. Рубакина. Упадокъ читателей изъ привиллегированныхъ классовъ и ростъ читателей изъ народа.

«Фантастическія сцены» Гауптмана, постановкой которыхъ публика обязана «Литературно-артистическому кружку», произвели давно уже небывалый эффектъ и въ печати, и въ обществѣ. Явились, какъ водится, страстные поклонники и не менѣе ожесточенные враги, одни ничего не видѣли, кромѣ выдающихся достоинствъ, другіе, напротивъ, — указывали только недостатки. Общій отзывъ, однако, въ пользу «Ганнеле», и большинство публики признало ее пьесой интересной и трогательной, хотя для многихъ и непонятной.

Между тѣмъ, «Ганнеле» — крайне незамысловатая вещь, можно сказать, примитивная по мотиву и очень простая по обработкѣ, какъ и все истинно прекрасное. Тема ея далеко не нова, и можно указать много высоко-художественныхъ произведеній, одинаковыхъ съ ней по содержанію. Ее сравниваютъ съ прелестнымъ и трогательнымъ разсказомъ Достоевскаго «Мальчикъ у Христа на ёлкѣ», и съ полнымъ правомъ можно отнести ее къ циклу такъ-называемыхъ «рождественскихъ разсказовъ», въ которыхъ фигурируютъ обыкновенно бѣдныя дѣти, погибающія при самой трогательной обстановкѣ. Лучшіе изъ этихъ разсказовъ принадлежатъ Диккенсу и Андерсену.

Дѣло не въ темѣ «Ганнеле», а въ ея обработкѣ, новой, оригинальной и несравненно болѣе глубокой, чѣмъ у Достоевскаго и у другихъ писателей.

На сценѣ умираетъ дѣвочка, преждевременно истерзанная

жизнью, ничего ей не давшей, кромѣ мученій голода, холода, нищеты,—и смутныхъ, неясныхъ, туманныхъ и поэтическихъ представленій, что жизнь могла бы быть и иной. Только эта иная жизнь такъ далека отъ дѣйствительной, выпавшей на долю Ганнеле, что здѣсь, на землѣ, она и представить ее не можетъ. Такая жизнь ей представляется только на небѣ, куда и стремится ея душа съ страстнымъ желаніемъ уйти поскорѣе отсюда, гдѣ она ничего не видѣла хорошаго. «Не тебя,—поютъ ей духи,—ласкало солнце, не для тебя росла трава въ долинѣ; ты никогда не была сыта, никогда не дышала чистымъ воздухомъ, не знала, что такое ароматъ цвѣтовъ». Чуткая, нервная и экзальтированная дѣвочка, доведенная истощеніемъ до галлюцинацій, бросается въ воду. Въ блаженномъ восторгѣ своихъ видѣній она не хочетъ возвращаться назадъ, къ прежней жизни, ужасается при воспоминаніи о своемъ вотчимѣ, который будетъ ее снова мучить, объ окружающихъ, которые ее дразнили «незаконнорожденной принцессой въ лохмотьяхъ», и думаетъ съ теплой благодарностью только объ учителѣ, отъ котораго одного она слышала слова любви и утѣшенія, «такіе прекрасные, чудесные гимны». Въ смерти она не видитъ ничего страшнаго, ее пугаетъ только ея безмолвье да холодъ могилы. За то похороны ей представляются моментомъ ея торжества, когда всѣ поймутъ и признаютъ, какая она, Ганнеле, прекрасная, милая дѣвушка, «съ самой маленькой ножкой», и всѣ будутъ жалѣть о ней, а ея вотчима всѣ осудятъ, и онъ съ горя повѣсится. Душа ея улетитъ въ рай, о которомъ ей говорила мать, и ее тамъ встрѣтитъ любимый учитель г. Готтвальдъ («Генрихомъ зовутъ его. Хорошее имя—Генрихъ, правда?»).—Она умираетъ, радостная, довольная, примиренная, безъ борьбы и сожалѣній.

Здѣсь нѣтъ никакой драмы,—драма разыгрывается не на сценѣ, а въ зрительномъ залѣ, въ сердцахъ зрителей, которые, съ начала и до конца, мучительно сознаютъ неизбѣжность этой смерти и свое безсиліе измѣнить жизнь такъ, чтобы и Ганнеле перестала мечтать о смерти, какъ о единственномъ и хорошемъ исходѣ для нея.

Поднимается занавѣсъ, предъ нами пріютъ для нищихъ, погибшихъ женщинъ и жалкихъ бродягъ. Они заняты своими ничтожными дѣлишками, ссорятся и мирятся, словомъ, живутъ, какъ могутъ жить отребья человѣчества. Вносятъ умирающую Ганнеле, и предъ нами возникаетъ вопросъ, если бы она не бросилась въ воду, что ее ожидало бы тогда? И тутъ же готовый отвѣтъ: то же, что случилось съ ея матерью, что было съ обитательницами пріюта, старухой Тульне и тридцатилѣтней дѣвушкой Гетой, у которой «на лицѣ печать распутства». Зритель сразу

видитъ, что для такихъ, какъ Ганнеле, нѣтъ выбора. Ихъ ждетъ одно и то же, а если Ганнеле сломилась раньше, то это ея счастье,—но это «счастье»—случайность.

Почему же, однако, такъ? Почему нѣтъ для нихъ лучшей участи, о которой мечтаетъ въ своихъ видѣніяхъ Ганнеле? Всѣ мечты ея такъ реальны по существу. Она жаждетъ только теплой одежды, пищи, свѣта, воздуха—и немножко любви. Развѣ все это такъ недоступно, что только въ раю и можно встрѣтить? Конечно, нѣтъ. Наивный, даже грубый матеріализмъ ея мечтаній,—вотъ что трогаетъ больше всего и выжимаетъ слезы у зрителей. Пока Ганнеле живетъ и борется, ею никто не интересуется, а когда она гибнетъ въ борьбѣ, всѣ растерянно пожимаютъ плечами, какъ бургомистръ на сценѣ, или какъ докторъ, констатирующій фактъ смерти. Зритель, если не совсѣмъ очерствѣлъ душою, не можетъ не чувствовать горечи вины передъ Ганнеле, не можетъ и не сознавать безсилья передъ роковымъ вопросомъ,—такъ что же дѣлать? Чувство справедливости возмущается въ немъ, хочется излить на кого-либо негодованіе за участь Ганнеле. Въ пьесѣ отвѣтчикомъ за все, но только въ глазахъ самой Ганнеле, является ея вотчимъ, рабочій-каменьщикъ. Но ни авторъ, ни зритель не могутъ обвинить этого пьяницу, который самъ скорѣе жертва, чѣмъ палачъ. Положимъ, онъ грубъ, вѣчно пьянъ, жестокъ, золъ, словомъ, животное во всѣхъ отношеніяхъ. Но или всѣ окружающіе таковы же, какъ онъ, или же, если они не таковы, то всѣ они несравненно болѣе виновны, чѣмъ онъ, допуская, при наличности всѣхъ своихъ добродѣтелей, гибель Ганнелле въ рукахъ такого негодяя.

Въ этомъ и заключается весь драматизмъ, этимъ объясняется и сила впечатлѣнія, какое «Ганнеле» производитъ на всѣхъ.

Въ пьесѣ нѣтъ ничего мистическаго. Она реальна до грубости, и если этотъ реализмъ не разрушаетъ художественной иллюзіи, то лишь благодаря фантастическому оттѣнку, лежащему на всемъ. Видѣнія Ганнеле такъ перемѣшаны съ дѣйствительностью, что зритель съ трудомъ различаетъ ихъ, поддаваясь иллюзіи вполнѣ. Ганнеле сливаетъ воедино и бредъ, и окружающихъ, и свое прошлое, что вполнѣ естественно и понятно. Гауптману принадлежитъ оригинальная мысль — вывести на сцену эти видѣнія, заставить ихъ жить, говорить, дѣйствовать, что многимъ кажется страннымъ и непонятнымъ. Они принимаютъ ихъ за какіе-то символы, тогда какъ ничего символическаго въ нихъ нѣтъ. Ангелы, смерть, странникъ, учитель, дѣти, толпа,—причудливо перемѣшанные фантазіей умирающей дѣвочки,—именно таковы, какими можетъ ихъ

воображать невѣжественная, больная дѣвочка, для которой всѣ отвлеченныя понятія мыслимы только въ реальной, тѣлесной оболочкѣ. Для нея нѣтъ въ нихъ ничего символическаго, а для автора — они представляютъ внутренній міръ ребенка. Онъ раскрываетъ его передъ зрителями, заставляя ихъ въ смущеніи опустить голову. Мясо, молоко, одежда, тепло, свѣтъ, воздухъ — вотъ идеалъ этого ребенка. А между тѣмъ, натура его—кроткая, впечатлительная, доступная всему возвышенному. Ганнеле любила школу, церковь, благодарна за всякую ласку и доброе слово, проникнута благоговѣйной любовью къ Христу, который любитъ всѣхъ такихъ, какъ она, бѣдныхъ, покинутыхъ дѣтей. Образъ Ганнеле въ высшей степени поэтиченъ, обрисованъ авторомъ нѣжными, тонкими, изящными чертами. Она такая хрупкая, граціозная, симпатичная, созданная для любви и нѣги, «для звуковъ сладкихъ и молитвъ», — и рядомъ, какъ олицетвореніе окружающей жизни, ея вотчимъ, несчастный, грубый, спившійся оборванецъ. Рай въ ея видѣніяхъ,—и тутъ же пріютъ для отбросовъ общества, гдѣ все гнусно и скверно. Такими контрастами художникъ намѣренно подчеркиваетъ свою основную мысль, чуждую всякаго мистицизма и декадентства. Въ послѣдней сценѣ, когда духи уносятъ радостную душу Ганнеле, занавѣсъ падаетъ и быстро вновь поднимается,—на сценѣ нѣтъ ни ангеловъ, ни добраго странника, ни восторженной Ганнеле. Въ убогомъ пріютѣ лежитъ на жалкой постели ея тѣло въ грязномъ оборванномъ платьѣ, и докторъ равнодушно заявляетъ на вопросъ сестры милосердія—«умерла»?—«Да, умерла». Нѣкоторымъ эта заключительная сцена кажется лишней, присочиненной, не вяжущейся съ общимъ ходомъ пьесы. Странное недоразумѣніе, чтобы не сказать больше. Послѣдняя сцена, это—главный, необходимый штрихъ въ картинѣ, безъ чего она была бы неясной, недодѣланной и, дѣйствительно, уподобилась бы мистическо-декадентскому бреду. Этой сценой авторъ говоритъ зрителю: вотъ мечты, а вотъ дѣйствительность. Выводъ сдѣлайте сами.

И выводъ получается безотрадный, но было бы несправедливо упрекать Гауптмана въ пессимизмѣ, какъ это дѣлаетъ одинъ критикъ, называя его убѣжденнымъ страстнымъ пессимистомъ, а его «Ганнеле»—апоѳеозомъ смерти. Ни то, ни другое несправедливо. Гауптманъ—реалистъ до глубины души, онъ беретъ жизнь такою, какова она есть, не отрицаетъ дурного, но и не отворачивается отъ хорошаго. Въ томъ положеніи, которое выпало на долю Ганнеле, смерть—спасеніе, но во всей пьесѣ ни однимъ словомъ не отрицается жизнь по существу. Его Ганнеле мечтаетъ о любви къ доброму учителю и выражаетъ въ наивной пѣсенкѣ, какъ она

понимаетъ ее; въ своихъ мечтахъ о жизни въ раю она выражаетъ отрицаніе только жизни полной лишеній, и если стремится къ смерти, то какъ къ неизбѣжному переходу отъ ада, выпавшаго ей на долю, къ райскому житію.

Гауптманъ даже не все отрицаетъ и въ томъ, что составляетъ въ общемъ жизнь Ганнеле на землѣ. Кто далъ ей лучшія минуты здѣсь? Учитель и діаконисса, школа и церковь. Кто является, чтобы облегчить ея послѣднія минуты? Докторъ. Эти три лица, представители трехъ учрежденій,—три луча свѣта въ мрачномъ царствѣ нищеты и невѣжества. Выводя ихъ на сцену, художникъ какъ бы указываетъ путь, который можетъ привести общество къ разрѣшенію вопроса, поставленнаго имъ во всей неприглядной наготѣ. Путь этотъ—просвѣщеніе, соединенное съ вѣрой въ добро, руководимое любовью къ человѣчеству. Вѣра и наука — прежде всего, а остальное все приложится.

Какъ ни общъ этотъ отвѣтъ, онъ все-таки далекъ отъ пессимизма, который и не въ натурѣ Гауптмана. Судя по его портрету, это—молодой человѣкъ съ энергичнымъ, нѣсколько грубоватымъ лицомъ, съ твердо очерченнымъ подбородкомъ,—настоящее лицо борца. Въ своихъ «Ткачахъ» онъ и выступаетъ такимъ борцомъ, во имя лучшаго будущаго, въ которое онъ вѣритъ и стремится убѣдить другихъ. Въ «Ганнеле» онъ не даетъ рѣшенія, потому что и не могъ бы дать, если бы и хотѣлъ. Какъ художникъ, онъ выполнилъ задачу, если заставилъ зрителей задуматься надъ поставленнымъ вопросомъ, рѣшеніе котораго—дѣло будущаго.

И ни одинъ человѣкъ не осмѣлится теперь сказать, что знаетъ это рѣшеніе, если онъ только не заблуждается, или не обладаетъ такимъ самомнѣніемъ, какъ Л. Н. Толстой, выступившій, по-истинѣ, какимъ-то пророкомъ въ своихъ «Притчахъ», съ которыми не лишне познакомить нашихъ читателей.

Эти замѣчательныя «Притчи» появились въ сборникѣ «Общества любителей россійской словесности»—«Починъ».

Это Общество существуетъ уже чуть не сто лѣтъ (основано въ 1811 г. при московскомъ университетѣ), но извѣстность его мало распространена среди обыкновенной читающей публики. Странное, но обычное для насъ явленіе. У насъ такъ мало обществъ, призванныхъ къ самостоятельной дѣятельности, такъ мало привычки къ послѣдней, такъ глубоко ушли мы въ бюрократизмъ всякаго рода, что даже въ области литературы, гдѣ, помимо воли, вырабатывается привычка жить на людяхъ и съ людьми,—нѣтъ или почти нѣтъ склонности къ единенію, къ совмѣстной работѣ, къ взаимной поддержкѣ

и дружному отстаиванію своихъ интересовъ. «Общество любителей россійской словесности» пережило три четверти вѣка, насчитываетъ въ рядахъ своихъ членовъ почетнѣйшія имена русской литературы, и въ чемъ же сказывается его работа? Гдѣ плоды этой почти вѣковой дѣятельности? Сколько у него членовъ? По приложенному въ концѣ «Сборника» списку—140!

Какъ показываетъ самое названіе «Починъ»—это первый шагъ, который дѣлаетъ «Общество» въ широкую публику, хотя неизвѣстно, предназначается ли «Починъ» для такой публики, или же только для членовъ «Общества». Скорѣе послѣднее, такъ какъ цѣна не обозначена. Если такъ, то очень жаль, что такъ. Жариться въ собственномъ соку хотя и обычная участь русскихъ обществъ, но литературному это «и не къ лицу, и не пристало». Неужели нечего ему сказать читателю, нечего заимствовать у него, нечѣмъ заинтересоваться въ нашей обыденной жизни? Литература давно уже перестала изображать Парнасъ, куда во время оно, въ тѣ дни, «когда намъ были новы всѣ впечатлѣнія бытія»,—уходили величественные мужи «съ печатью тайны на челѣ», и, завернувшись въ классическую тогу, «вѣщали». Литература только и стала дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ должна быть, когда, переставъ «вѣщать», заговорила «въ веселомъ русскомъ слогѣ», спустилась къ намъ, простымъ смертнымъ, и вмѣсто боговъ—привлекла къ отвѣту грѣшныхъ русскихъ обывателей.

Пора бы и «Обществу любителей россійской словесности» нѣсколько разомкнуться и пустить въ свои сѣни веселую живую «улицу», съ ея свѣтомъ и шумомъ дня, съ ея большими и малыми интересами,—съ тѣмъ, словомъ, чѣмъ живы люди. Въ жизни нѣтъ ничего мелкаго и ничтожнаго,—есть только мелкіе и ничтожные умы.

Въ «Сборникѣ» есть статьи живыя, интересныя и горячо написанныя. Статья г-жи Некрасовой объ Огаревѣ, «Поэзія Некрасова» Ив. Иванова, любопытное сообщеніе Н. С. Тихонравова—«Плачъ холоповъ прошлаго вѣка»—затрогиваютъ вопросы, никогда не теряющіе значенія и интереса. Но вниманіе читателя, конечно, прежде всего обращается къ тому, кто такъ умѣетъ привлекать къ себѣ это вниманіе. Мы имѣемъ въ виду «Три притчи» Л. Н. Толстого.

Написаны онѣ, очевидно, pro domo sua. По крайней мѣрѣ, характеръ ихъ чисто апологическій. Л. Н. Толстой измѣнятъ въ нихъ прежнюю тактику, заключавшуюся въ величавомъ молчаньи, съ которымъ онъ встрѣчалъ до сихъ поръ критику своихъ поученій. Неоднократно онъ заявлялъ и устно, и печатно, что ничего

не читаетъ, что противъ него пишутъ, не слѣдитъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производитъ его проповѣдь въ литературѣ, не интересуется этимъ и предпочитаетъ идти своей дорогой, не обращая вниманія, идетъ ли кто за нимъ. Насколько такія увѣренія были правдивы, показываютъ «Притчи», въ которыхъ Л. Н. Толстой съ горячностью утверждаетъ, что «*всѣ*», «мудрые и сильные», возстали противъ него, что «*ни одинъ человѣкъ, ни въ одной статьѣ или книгѣ*, не возразилъ мнѣ», «*никто* не отвѣтилъ на поставленные имъ вопросы». Чтобы говорить такимъ категорическимъ тономъ, надо быть дѣйствительно незнакомымъ съ литературой послѣдняго времени. Возражать, что это не такъ, что многіе и во многихъ статьяхъ и цѣлыхъ книгахъ возражали графу,—напрасный трудъ. Л. Н. Толстой, *не читая*, знаетъ, что «никто» ничего не возражалъ. По этому поводу вспоминается недавняя замѣтка въ московскихъ газетахъ, какъ Л. Н. Толстой, *не учась*, сразу сѣлъ на велосипедъ и покатилъ, къ великому изумленію московскихъ велосипедистовъ. Умилившись при видѣ такой талантливости, они рѣшили поднести ему серебряный велосипедъ.

О чемъ же «вѣщаетъ» онъ въ своихъ «Притчахъ»?

Въ первой говорится о томъ, какъ выросла сорная трава на хорошемъ лугу. Люди ее косили, отчего она только умножалась. Тогда добрый и мудрый хозяинъ посовѣтовалъ владѣльцамъ—не косить сорную траву, а вырывать ее съ корнемъ. Но люди не исполнили его совѣта, продолжая по разнымъ причинамъ поступать по прежнему. Лугъ засорялся все больше и больше, и дѣло дошло до того, что остались однѣ сорныя травы. Тогда одинъ человѣкъ вспомнилъ предписаніе мудраго хозяина и напомнилъ его людямъ. Но вышло еще хуже,—люди обидѣлись на его напоминаніе, стали называть его безумнымъ гордецомъ, возмнившимъ, что онъ одинъ изъ всѣхъ понялъ совѣтъ хозяина, бранили и смѣялись надъ нимъ. Сколько ни разъяснялъ имъ этотъ человѣкъ, что онъ не выдумываетъ ничего новаго, что совѣтъ этотъ поданъ мудрымъ хозяиномъ, что у него одно лишь желаніе—помочь людямъ извести сорную траву,—его не слушали, и окончательно было рѣшено, что этотъ человѣкъ или превратно толкуетъ слова мудраго хозяина, или злодѣй, желающій только увеличить сорныя травы.

«Тоже самое случилось и со мной,—заключаетъ графъ,—когда я указалъ на предписаніе евангельскаго ученія о непротивленіи злу насиліемъ... Я говорилъ, что, по ученію Христа, вся жизнь человѣка есть борьба со зломъ, противленіе злу разумомъ и любовью, но что изъ всѣхъ средствъ противленія злу Христосъ исключаетъ одно неразумное средство противленія злу насиліемъ, состоящее въ томъ, чтобы бороться со зломъ зломъ же.—И эти слова мои были поняты такъ, что я говорю, будто Христосъ училъ тому, что не

надо противиться злу. И всѣ тѣ, чья жизнь построена на насиліи и кому поэтому дорого насиліе, охотно приняли такое перетолкованіе моихъ словъ и вмѣстѣ съ нимъ словъ Христа, и было признано, что ученіе о непротивленіи злу есть ученіе невѣрное, нелѣпое, безбожное и зловредное. И люди спокойно продолжаютъ подъ видомъ уничтоженія зла производить и увеличивать его».

Во второй притчѣ рѣчь идетъ о фальсификаціи науки и искусства, которую графъ сравниваетъ съ фальсификаціей съѣстныхъ товаровъ. Когда опытная и хорошая хозяйка стала уличать торговцевъ, что они подмѣшиваютъ муку, замѣняютъ масло маргариномъ, и тому подобное,—торговцы, обозлившись на нее, говорили покупателямъ, что она помѣшанная. И всѣ ее ругали и нападали на нее, доказывая, что она хочетъ лишить ихъ пищи.

«Тоже случилось со мной по отношенію къ наукѣ и искусству нашего времени... Когда я сказалъ, что та наука и то искусство, которыми торгуютъ на умственномъ базарѣ, маргариновыя или, по крайней мѣрѣ, съ большими подмѣсями чуждыхъ истинной наукѣ и истинному искусству веществъ, и что я знаю это, потому что купленные мною на умственномъ базарѣ продукты оказались неудобосъѣдаемыми ни для меня, ни для близкихъ мнѣ людей, не только неудобосъѣдаемыми, но прямо вредными, то на меня стали кричать и ухать, и внушать мнѣ, что это происходитъ оттого, что я не ученъ и не умѣю обращаться съ такими высокими предметами. Когда же я сталъ доказывать то, что сами торговцы этимъ умственнымъ товаромъ обличаютъ безпрестанно другъ друга въ обманѣ; когда я напомнилъ то, что во всѣ времена, подъ именемъ науки и искусства предлагалось людямъ много вреднаго и плохого, и что потому и въ наше время предстоитъ та же опасность, что дѣло это не шуточное, что отрава духовная во много разъ опаснѣе отравы тѣлесной, и что поэтому надо съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдовать тѣ духовные продукты, которые предлагаются намъ въ видѣ пищи, и старательно откидывать все поддѣльное и вредное, когда я сталъ говорить это,—никто, никто, ни одинъ человѣкъ, ни въ одной статьѣ или книгѣ не возразилъ мнѣ на эти доводы, а изо всѣхъ лавокъ закричали, какъ на эту женщину: онъ безумецъ! Онъ хочетъ уничтожить науку и искусство, то, чѣмъ мы живемъ. Бойтесь его и не слушайтесь! Пожалуйте къ намъ, къ намъ! У насъ самый послѣдній заграничный товаръ».

Какой, однако, жаргонъ у проповѣдника непротивленія злу насиліемъ! Это языкъ—не любви и разума, а озлобленнаго, до болѣзненности развитого самолюбія.

Въ третьей фигурируетъ все человѣчество, въ образѣ путниковъ, сбившихся съ дороги, и графъ Толстой, подающій единственный разумный совѣтъ остановиться, подумать и выбрать новый путь послѣ зрѣлаго размышленія. Но «никто» не послушался, «ни одинъ человѣкъ» не призналъ ошибочности избранной дороги.

«А всѣ разсердились, обидѣлись и поспѣшили заглушить дружнымъ говоромъ мой одиночный голосъ. «Мы и такъ лѣнивы и отстали. А тутъ проповѣдь лѣни, праздности, недѣланія!» Нѣкоторые прибавили даже: ничего—недѣланія. Не слушайте его, впередъ за нами!.. Что думать? Что стоять?

Скорѣе впередъ! Все само собой сдѣлается!—Люди сбились съ пути и страдаютъ отъ этого. Казалось бы, первое и главное усиліе энергіи, которое слѣдуетъ сдѣлать, должно бы быть направлено не на усиленіе того движенія, которое завлекло насъ въ то ложное положеніе, въ которомъ мы находимся, а на остановку его. Казалось бы, ясно то, что, только остановившись, мы можемъ хоть сколько-нибудь понять свое положеніе и найти то направленіе, въ которомъ мы должны идти для того, чтобы придти къ истинному благу не одного человѣка, не одного разряда людей, а истинному общему благу человѣчества, къ которому стремятся всѣ люди и отдѣльно каждое сердце человѣческое. И что же? Люди придумываютъ все возможное, но только не то одно, что можетъ спасти, а если и не спасти ихъ, то хотя облегчить ихъ положеніе, именно то, чтобы хоть на минуту остановиться и не продолжать усиливать своей ложной дѣятельностью свои бѣдствія. Люди чувствуютъ бѣдственность своего положенія и дѣлаютъ все возможное для избавленія себя отъ него, но только того одного, что навѣрное облегчитъ ихъ положеніе, они ни за что не хотятъ сдѣлать, и совѣтъ сдѣлать это больше всего раздражаетъ ихъ. Если бы можно было еще сомнѣваться въ томъ, что мы заблудились, то это отношеніе къ совѣту одуматься очевиднѣе всего доказываетъ, какъ безнадежно мы заблудились, и какъ велико наше отчаяніе».

Прежде графъ Толстой нападалъ на догматы во имя свободы критики. Теперь онъ каждое свое положеніе возводитъ въ догматъ, причемъ мы видимъ его чуть ли не нетерпимѣе папы, который все же дѣлаетъ уступки требованіямъ времени. Его «*я* сказалъ», «*я* утверждаю», «*я* думалъ»—сокрушаютъ все,—и науку, и опытъ, и жизнь...

А «ученики», превзошли «учителя», договорившись, по истинѣ, до геркулесовыхъ столбовъ невозможнаго. Вотъ небольшая выдержка изъ статьи г. Меньшикова въ майской книжкѣ «Недѣли», по поводу послѣдняго разсказа Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ».

«Таковъ историческій смыслъ притчи «Хозяинъ и работникъ». Брехуновъ—отживающее язычество, Никита—растущее изъ стихіи народной истинное христіанство... Въ «Хозяинѣ и работникѣ» отмѣченъ великій расколъ между хозяйничающими и рабочими классами, между такъ называемой интеллигенціей и народомъ. Жизнь интеллигенціи еще насквозь проникнута языческими началами: въ ея законахъ и уставахъ, которымъ долженъ подчиниться и народъ, все еще дѣйствуетъ жестокое римское право, и въ зародышевомъ представителѣ интеллигенціи—въ Брехуновѣ—живетъ духъ Цезаря, мечтавшаго о захватѣ міра. Какъ Цезарь, какъ все язычество, Брехуновъ только и мечтаетъ о захватѣ—зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы возбуждать страхъ и зависть и имѣть возможность питать къ слабымъ презрѣніе. Зачѣмъ Брехунову столько денегъ, лавокъ, домовъ, рощъ и т. д.?. Вѣдь для его вполнѣ безпечнаго счастья довольно было бы одного дома, одного небольшого клочка земли. И всѣ Брехуновы, вся интеллигенція помѣшана на томъ же тщеславіи, на жаждѣ ненужныхъ жизни матеріальныхъ выгодъ, съ неизбѣжнымъ насиліемъ и обманомъ. Не то стихійный Никита, народъ: тамъ, гдѣ онъ не развращенъ, не втянутъ въ хищничество, тщеславіе уже не встрѣчается—по крайней мѣрѣ въ видѣ страшной душевной болѣзни, какъ среди интеллиген-

ціи. Въ глубинахъ народныхъ замѣтны истинно христіанскіе обычаи братства, равенства и свободы—свободы и мысли, и вѣры, и слова. Нѣтъ тщеславія—нѣтъ и алчности къ богатству. Большинство народа цѣлью труда ставитъ необходимое питаніе; для большинства интеллигенціи эта цѣль—какое-нибудь преимущество: господство политическое, экономическое, умственное, т. е. нѣчто по существу не христіанское. Цѣль Никиты—питаніе—легко удовлетворима, цѣль Брехунова—неудовлетворима вовсе; кругъ жизни народа замкнутъ, какъ геометрическій кругъ; интересы интеллигенціи подобны гиперболѣ, вѣтви которой идутъ въ безконечность, въ безсиліе захватить ее», и т. д.

Что скажетъ Л. Н. Толстой, прочитавъ эту статью, трудно предвидѣть, но, по всей вѣроятности, ему станетъ не по себѣ. Врядъ ли ему приходило въ голову—видѣть въ Брехуновѣ интеллигенцію и даже «духъ Цезаря», а въ грѣшномъ Никитѣ—олицетвореніе «стихійной правды», народнаго духа, цѣль котораго—«питаніе».

Дальше, повидимому, идти некуда. Остается, впрочемъ, еще одинъ шагъ къ «опрощенію»—признать, что третье дѣйствующее лицо разсказа Мухортый—недосягаемый идеалъ. Онъ такъ кротокъ, смиренъ, ласковъ и жизнерадостенъ, съ природой одною онъ жизнью дышитъ, и если не разумѣетъ «ручья лепетанія», то ни мало не сомнѣвается, что трава существуетъ затѣмъ, чтобы ее ѣсть, и вода, чтобы пить, а что больше, то отъ лукаваго. Кромѣ «питанія», никакихъ цѣлей онъ не преслѣдуетъ, къ «насильственной интеллигенціи» вполнѣ равнодушенъ и насчетъ кнута превратныхъ толкованій не придерживается, — пріемлетъ и ничто же вопреки глаголетъ, а если и брикнетъ иной разъ, такъ больше «любя»...

Когда отъ исканій «начала всѣхъ началъ», глубокомысленныхъ вопросовъ «дѣланія» и «недѣланія», «опрощенія» и «непротивленія» перейдемъ къ дѣйствительности, грустно становится за тѣ извращенія здраваго смысла, которыя намъ выдаютъ за послѣднее слово человѣчества. Проповѣдники «нравственнаго возрожденія», желающіе остановить жизнь, уничтожить культуру, порѣшить съ наукой—не видятъ или не хотятъ видѣть, что эта жизнь и такъ еле ползетъ, что культура у насъ только въ зародышѣ, и каждый интеллигентный человѣкъ—это «культурная одиночка», затерянная среди некультурной массы, состоящей или изъ Брехуновыхъ всѣхъ разновидностей, или изъ Никитъ. Эти «одиночки» напоминаютъ вѣхи въ степи, разставленные инженеромъ для обозначенія проектируемаго пути. И ихъ-то они желали бы вырвать? Что же осталось бы тогда?

На этотъ вопросъ отвѣчаетъ лучше всего то, что есть.

А есть вотъ что, какъ намъ показываетъ книга г. Рубакина «Этюды о читающей публикѣ» *), одна изъ интереснѣйшихъ и въ то же время печальнѣйшихъ книгъ, какія вышли за послѣднее время. Ее можно бы назвать: «Этюды объ умственномъ и нравственномъ убожествѣ нашей духовной жизни».

«Извѣстно, — писалъ Мордвиновъ еще лѣтъ шестьдесятъ назадъ,—что богатые люди у насъ, большею частью, ничего не читаютъ, а средняго состоянія и недостаточные граждане не имѣютъ возможности пользоваться книгами». Картина эта,—поясняетъ г. Рубакинъ, — начавшая, было, измѣняться лѣтъ двадцать пять—тридцать тому назадъ, какъ кажется, въ послѣднее время реставрируется. Въ Европейской Россіи на всѣ 659 городовъ въ 1883 г., по свѣдѣніямъ главнаго управленія по дѣламъ печати, приходилось общественныхъ, частныхъ и вообще публичныхъ библіотекъ въ 1884 г.—509, въ 1885 г.—545, въ 1886—630 и 1887—591. Далѣе авторъ приводитъ слѣдующую глубоко поучительную таблицу распредѣленія этихъ библіотекъ по мѣстностямъ.

	Число городовъ.	Число библіотекъ.		Число городовъ.	Число библіотекъ.
Архангельская	12	2	Тульская	12	10
Нижегородская	13	4	Калужская	14	10
Тамбовская	13	5	Курская	18	16
Минская	11	3	Казанская	15	14
Херсонская	23	12	Самарская	10	8
Волынская	12	6	Ярославская	12	12
Уфимская	6	3	Рязанская	12	12
Олонецкая	7	3	Симбирская	8	8
Астраханская	5	3	Тверская	15	18
Подольская	17	7	Харьковская	17	17
Орловская	12	8	Саратовская	11	13
Могилевская	13	9	Кіевская	12	22
Вологодская	13	9	Московская	16	49
Воронежская	12	9	С.-Петербургская	14	59

Итого на 80 милліоновъ жителей въ Европейской Россіи около 600 библіотекъ. Чтобы пояснить эту цифру, г. Рубакинъ приводитъ данныя для другихъ государствъ. Оказывается, что въ Англіи и Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ такихъ городовъ, гдѣ не было бы библіотекъ,—нѣтъ. Швеція въ 1879 г. ихъ имѣла 1.880. Швейцарія имѣетъ ихъ болѣе 2.000, Италія 1.852. Въ Австраліи, съ населеніемъ въ 3,6 мил. жителей, одна

*) «Этюды о русской читающей публикѣ. Факты, цифры и наблюденія». Н. А. Рубакина. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Викторія имѣла въ 1887 г.—314 общественныхъ библіотекъ, въ Новомъ Южномъ Валисѣ до 200, а въ Новой Зеландіи въ 1889 г. было 361 публичная библіотека на 607.000 жителей, — въ той самой Зеландіи, гдѣ еще 30—40 лѣтъ назадъ маорисы ѣли людей. Въ Японіи дѣйствуетъ спеціальный законъ, обязывающій каждую общину нести особый библіотечный налогъ.

Еще печальнѣе данныя о томъ, какъ мы пользуемся нашими библіотеками съ ихъ скуднымъ запасомъ книгъ. Авторъ беретъ города съ наибольшимъ контингентомъ посѣтителей библіотекъ, сопоставляетъ эти числа съ числомъ интеллигентной публики, или, какъ онъ ихъ называетъ, «командующихъ классовъ», и получается слѣдующая картина: «въ Екатеринославлѣ изъ 100 лицъ, принадлежащихъ къ привиллегированнымъ классамъ, состояли подписчиками библіотекъ 4,6 человѣкъ, въ Херсонѣ—5, въ Астрахани—6,4, Нижнемъ-Новгородѣ—10, Воронежѣ—17, Самарѣ—14, Одессѣ — 19». А остальные? Неужели ничего не читаютъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ—ничего.

Это одна изъ замѣчательнѣйшихъ сторонъ русской жизни, которой авторъ касается лишь вскользь. Въ университетскихъ городахъ, по его даннымъ, главный контингентъ читателей составляетъ учащаяся молодежь, относительно которой авторъ замѣчаетъ, что и по выбору чтенія ей тоже принадлежитъ первое мѣсто. Это—фактъ, не подлежащій сомнѣнію, что пока мы учимся—мы читаемъ, и читаемъ много и хорошо. Но вотъ годы ученія кончены, дипломированный юноша вступаетъ въ жизнь, какъ врачъ, адвокатъ, чиновникъ, педагогъ, словомъ—общественный дѣятель. И съ этого момента книга и все, что съ нею связано, уходитъ изъ его жизни. Сбрасывая съ плечъ университетскую форму, онъ выбрасываетъ изъ головы и книгу, безъ борьбы, безъ мучительныхъ колебаній, даже и не замѣчая этого. Разомъ, какъ искусный пловецъ, бросающійся съ крутого берега въ рѣку, онъ исчезаетъ въ пучинѣ, но на поверхность, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уже не показывается. Онъ утонулъ, расплылся, слился съ безформенной массой русскихъ обывателей. На время заимствованная форма «интеллигента», съ его идейными интересами и умственными запросами, отложена въ сторону, какъ маскарадный костюмъ послѣ карнавала. Предъ нами чистенькій чиновникъ въ той или иной формѣ, усердствующій надъ составленіемъ предписаній или отношеній, отдыхающій отъ этого тягостнаго труда за картами или выпивкой и уже косящійся на книгу и, въ особенности, на печать. Вначалѣ, при встрѣчѣ съ книгой, онъ только стыдливо отъ нея сторонится и бранитъ печать развѣ въ семейномъ кругу. Но такъ только вначалѣ, а потомъ...

Старая, но въ нашей жизни постоянно повторяющаяся исторія. Этимъ и объясняется, почему у насъ такъ мало читаютъ, почему изъ сотни врачей развѣ одного можно встрѣтить, который хранитъ научную связь съ предметомъ, интересуется новостями науки и выписываетъ два-три спеціальныхъ изданія; почему педагоги, уча другихъ, разъучиваются сами; почему ничего не читаютъ юристы, технологи и даже—писатели.

Но чѣмъ объясняется этотъ рѣзкій переходъ отъ жизни идейной на университетской скамьѣ къ отрицанію всякой идейности въ жизни практической,—это другой вопросъ. Многое разное тому причиной, разсмотрѣніе чего завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Отмѣтимъ только, какъ одну изъ причинъ, чрезвычайную отвлеченность того идейнаго міра, въ которомъ вращаются умственные интересы мыслящей части общества. У насъ если марксизмъ, то ужъ такой, который самому Марксу оказался бы не по плечу; если народничество, то такое, что въ немъ самый народъ исчезаетъ, а на мѣсто его выступаетъ Мухортый. Неудивительно, если такой житель «заоблачнаго далеко», не имѣющаго никакого отношенія къ текущей жизни, за порогомъ университета не встрѣчаетъ почвы у себя подъ ногами. Теоріи, изъ за которыхъ онъ преломалъ не мало копій въ яростныхъ спорахъ, оказываются непримѣнимыми къ живому дѣлу, не укладывающемуся въ излюбленныя рамки. Вмѣсто критики, является отвращеніе къ книгѣ, недовѣріе къ наукѣ, отсюда одинъ шагъ къ огульному отрицанію, и проповѣдь «опрощенія» готова.

Только на почвѣ нашего невѣжества и некультурности могла создаться такая странная теорія. Въ Англіи, за тридцать лѣтъ до Л. Н. Толстого, Рёскинъ высказалъ всѣ его философско-нравственныя положенія и сдѣлалъ это съ бо́льшей силой и убѣдительностью, чѣмъ почтенный графъ, но ни однимъ словомъ не обмолвился противъ просвѣщенія, не назвалъ науку «маргариновою». Какъ человѣкъ, имѣющій за плечами тысячу лѣтъ культуры, онъ слишкомъ органически сросся съ нею, чтобы огуломъ порѣшить все, и, настаивая на необходимости «нравственнаго возрожденія», онъ именно науку и искусство выдвинулъ, какъ главныя орудія къ подъему духа, въ борьбѣ съ невѣжествомъ массъ и экономическимъ зломъ современнаго общества.

У насъ же проповѣдники «нравственнаго возрожденія» похожи на людей, жившихъ все время въ темнотѣ и внезапно выглянувшихъ на свѣтъ божій. Ослѣпленные яркимъ блескомъ солнца, они съ ужасомъ обращаются вспять и убѣждаютъ другихъ послѣдовать ихъ примѣру. Не слушающихъ они называютъ «Брехуно-

выми», а вынужденную темноту Никиты готовы признать за «стихійную правду», единственную правду, достойную человѣка...

Къ счастью, Никита, пресытившись прелестями стихійной правды, стремится къ тому же, къ чему и интеллигенція,—къ правдѣ человѣческой. Что его стремленія къ ней не плодъ досужей фантазіи, показываетъ та же книга г. Рубакина, въ которой онъ приводитъ наблюденія надъ интеллигенціей изъ народа. Какъ ни мало собранныхъ имъ фактовъ, но они очень характерны и лучше всего опровергаютъ утвержденія народниковъ, будто народъ и интеллигенція—два противоположные полюса, не имѣющіе ничего общаго между собою. Народъ желаетъ, страстно жаждетъ прежде всего образованія.

«Во-первыхъ,—говоритъ одинъ изъ нарождающейся народной интеллигенціи,—должно направить всѣ усиліл на искорененіе въ народѣ самыхъ нелѣпыхъ и часто вредныхъ предразсудковъ и суевѣрій, что, къ сожалѣнію, встрѣчается въ народѣ вездѣ и всюду. Очистить умъ народа отъ тѣхъ вѣковыхъ предразсудковъ, которыми страдаетъ онъ отъ самаго младенчества, а первое, что нужно на этомъ пути, это то, чтобы въ литературѣ, навсегда исчезъ элементъ мистическій, чтобы вся эта чертовщина *) навсегда исчезла съ лица земли, а не поддерживать ее въ народѣ, облекая ее въ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Вообще, нужно брать самыя реальныя стороны жизни народа и описывать безъ всякихъ заднихъ мыслей. Во-вторыхъ, нужно стараться уничтожить въ народѣ разладъ, нужно призывать его къ единенію, какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ общественномъ; искоренять зло, пороки, развратъ, пьянство, облекая ихъ въ самыя яркія картины. Въ-третьихъ, надо побольше разсказовъ историческихъ, написанныхъ въ легкой, понятной формѣ, показывая читателямъ, кто онъ, откуда и что онъ есть. Въ-четвертыхъ, распространять научныя знанія въ формѣ простыхъ разсказовъ и даже въ беллетристической формѣ».

Это пишетъ молодой крестьянинъ, 24 лѣтъ, изъ глухой деревни Новгородской губ., поступившій потомъ на фабрику, гдѣ онъ продолжалъ образованіе въ воскресной школѣ. Его программа, написанная имъ въ отвѣтъ на «Опытъ программы» г. Рубакина, такова, что любой интеллигентъ подпишится подъ нею. Другой «читатель изъ народа», тоже ученикъ воскресной школы, заявляетъ: «Умъ у меня слабъ, и я не знаю, что для меня полезно знать. Одно хорошо, а другое лучше. Хочется знать исторію о Россіи, о географіи, о животныхъ, о растеніяхъ, словомъ о всемъ томъ, что позволено преподавать въ воскресной школѣ». Приведемъ еще одинъ отзывъ «народа» на вопросъ, что ему интереснѣе было бы знать,—отзывъ человѣка, уже начитаннаго и кое-что знающаго.

*) Напр., въ сказкахъ Л. Н. Толстого усердно проповѣдуемая и распространяемая («Иванъ-дуракъ», «Свѣчка» и другія).

«Иногда, всматриваясь въ чистый небосклонъ, усѣянный милліардами звѣздъ, какія чувства охватываютъ мою душу! Какое-то наслажденіе чувствуешь, разсматривая его, и желаніе узнать, охватить все!.. Когда образовалось безчисленное количество звѣздъ, и какъ все это выдѣлялось изъ грубой формы, и какъ образовалась пылинка между всѣми—наша земля, и какія существа здѣсь обитали до появленія человѣка? И когда появился человѣкъ? И какую жизнь велъ? Затѣмъ, жизнь историческую, и развитіе, какъ умственное, такъ и нравственное, и появленіе литературы и поэзіи главныхъ народовъ,—мнѣ желательно знать хорошо и *понятно*. Но, кромѣ того, мнѣ желательно узнать многое другое».

Не напоминаетъ ли этотъ отзывъ знаменитыхъ вопросовъ гейневскаго «дурака», этого типичнаго представителя міровой интеллигенціи? И какъ далеки цѣли, намѣчаемыя читателями изъ народа, отъ единственной цѣли, приписываемой «стихійному Никитѣ»,—питанія! Фальшь подобныхъ народническихъ измышленій разбивается при первомъ столкновеніи съ правдой жизни, не выдуманной, а настоящей простой жизни, которую можно наблюдать на каждомъ шагу.

Положимъ, могутъ возразить, что эти стремленія высказываются народомъ «развращеннымъ», уже заразившимся «тлетворнымъ духомъ» интеллигенціи, а тамъ гдѣ-то, «въ глубинахъ народныхъ», до сихъ поръ знать не хотятъ ничего, кромѣ «стихійной правды—питанія». Но книга, разъ войдя въ круговоротъ народной духовной жизни, доберется и до этихъ пресловутыхъ глубинъ.

«Эти люди,—говоритъ г. Рубакинъ о читателяхъ изъ народа,—благодаря книгамъ, всевозможнымъ книгамъ, успѣли накопить въ себѣ извѣстный запасъ умственной, если можно такъ выразиться, образовательной энергіи, а эта сила, разъ она есть у одного человѣка,—сама собой, не случайно, а необходимо передается другому, третьему, десятому, сотнямъ, тысячамъ; знаменатель этой геометрической прогрессіи обусловленъ талантливостью и энергіей личности. Эта индукція образованія книжнаго напоминаетъ индукцію электрическую. Можно бы было еще сравнить такого начитаннаго читателя съ бродильнымъ грибкомъ, который и въ закрытомъ глухомъ сосудѣ производитъ броженіе».

Такъ шло просвѣщеніе народа вездѣ и всегда, и если мы отстали пока, то видѣть въ этомъ наше спасеніе, въ народной тьмѣ — народную правду, могутъ или завзятые приверженцы мрака, или «сбившіеся съ пути» хотя и доброжелатели народа, но въ этомъ случаѣ ничѣмъ не отличающіеся отъ его заклятыхъ враговъ.

А. Б.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Къ вопросу о тѣлесномъ наказаніи. Въ настоящее время, когда вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія снова ставится на очередь и служитъ предметомъ обсужденія на земскихъ собраніяхъ и въ засѣданіяхъ различныхъ обществъ, статья г. Джаншіева о томъ, «Какъ уцѣлѣла розга» («Русскія Вѣдомости») является чрезвычайно своевременной и интересной. По словамъ г. Джаншіева, первымъ, кто заговорилъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, былъ графъ Я. И. Ростовцевъ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Императору Александру II, писанныхъ имъ изъ-заграницы, лѣтомъ 1858 г., Ростовцевъ пишетъ, между прочимъ, слѣдующе: «Относительно наказаній осмѣлюсь еще присовокупить, что, во всякомъ случаѣ, о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать вовсе: во-первыхъ, это было бы пятномъ настоящаго законодательства, — законодательства объ освобожденіи; во-вторыхъ, есть же въ Россіи мѣста, гдѣ тѣлесныя наказанія, къ счастью, вовсе не употребляются. Нѣкоторые говорятъ, — продолжаетъ Ростовцевъ, — что русскій мужичокъ розгу любитъ. Точно ли это справедливо? Если же онъ къ ней и привыкъ, то не надобно ли отъ нея отучать... Сверхъ того, исправительныя мѣры, постановленныя Высочайшею властью, какъ и всякій законъ, должны дѣйствовать долгое время. Со смягченіемъ нравовъ и мѣры исправительныя сами собою должны смягчаться; если же мѣры эти смягчаться не будутъ, не будутъ смягчаться и нравы».

При обсужденіи крестьянскаго вопроса въ дворянскихъ комитетахъ, вопросъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія стоялъ на второмъ планѣ. Большинство совсѣмъ не касалось его; многіе высказывались въ пользу розогъ; но даже и въ этихъ, въ общемъ крайне консервативно настроенныхъ, комитетахъ раздавались голоса, доказывающіе необходимость отмѣны тѣлеснаго наказанія. Такъ, «большинство московскаго комитета высказалось за отмѣну тѣлеснаго наказанія въ крестьянскомъ судѣ, «въ видахъ смягченія грубости нравовъ, развитія уваженія къ собственной личности, причемъ, — разсуждалъ комитетъ, — каждый изъ нихъ пойметъ и то уваженіе, какимъ обязанъ въ отношеніи къ правамъ другихъ согражданъ». Меньшинство комитета, подъ предво-

дительствомъ тогдашняго губернскаго прокурора (впослѣдствіи извѣстнаго дѣятеля судебной реформы и археолога) сенатора Д. А. Ровинскаго, находя тѣлесныя наказанія безполезными и служащими орудіемъ самаго возмутительнаго произвола, предлагало уничтожить не только розги, но и вообще тѣлесное наказаніе во всѣхъ его видахъ».

Несмотря на оппозицію крѣпостнической партіи, вопросъ объ отмѣнѣ розогъ, вѣроятно, также былъ бы рѣшенъ согласно съ тѣми гуманными принципами, которые были господствующими въ достопамятную «эпоху великихъ реформъ», если бы этому не помѣшала внезапная смерть Ростовцева. Ростовцевъ имѣлъ огромное вліяніе на Государя и ему, вѣроятно, удалось бы отстоять уничтоженіе розогъ, которыя онъ, по его собственному выраженію, считалъ «пятномъ на законодательствѣ объ освобожденіи». Но съ его смертью картина рѣзко мѣняется.

«На мѣсто гуманнаго Ростовцева, смотрѣвшаго съ довѣріемъ на будущность «святаго дѣла», т.-е. освобожденія крестьянъ, неожиданно выступаетъ поборникъ всѣхъ рѣшительно старыхъ дореформенныхъ порядковъ, графъ В. Н. Панинъ, горячо отстаивавшій крѣпостное право. Такой ослѣпленный консерваторъ, не могъ сочувствовать отмѣнѣ розогъ. Гр. Панинъ, назначеніе коего было восторженно привѣтствовано крѣпостниками, какъ знаменіе реакціи противъ либеральной программы Ростовцева, съ первыхъ же шаговъ своихъ дѣлаетъ рѣшительныя попытки для поворота крестьянской реформы согласно видамъ крѣпостниковъ. Если другія попытки гр. Панина (какъ-то обезземеленіе крестьянъ, сохраненіе вотчинной полиціи и пр.) разбились о дружное сопротивленіе членовъ редакціонной коммиссіи, то пламенная защита имъ розги увѣнчалась успѣхомъ».

По спеціальнымъ настояніямъ гр. Панина тѣлесное наказаніе было сохранено. Вообще въ составѣ редакціонной коммиссіи было немного такихъ принципіальныхъ «розголюбовъ» но нѣкоторые члены ея, сочувствуя отмѣнѣ тѣлеснаго наказаніядля крестьянъ, находили, что вопросъ этотъ слѣдуетъ отложить до общаго пересмотра вопроса о всѣхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ вообще. Такимъ образомъ и получилось большинство въ пользу розги.

Этотъ пунктъ въ «Положеніи о крестьянахъ» возбудилъ большое недоумѣніе въ обществѣ. Противъ него выступили корифеи славянофильства. Вотъ, напр., что писалъ по этому поводу И. С. Аксаковъ въ 1860 г.:

«Конечно, ни Константинъ, ни я не подписались бы за сѣченіе, и вовсе не изъ трусости. Какихъ бы умъ ни вымышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится предъ внутреннимъ простымъ чувствомъ, осуждается простотою сердца. Достаточно взглянуть или написать: за сѣченіе,—чтобы противорѣчіе всего вашего внутренняго существа обличило хитрость діалектическихъ доказательствъ. Становится просто невозможнымъ подать голосъ за розгу».

Предусмотрѣнное редакціонной коммиссіей обсужденіе общаго вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, состоялось въ 1863 г. «Подъ вліяніемъ гуманныхъ вѣяній, охватившихъ общество съ особою силою послѣ благополучной отмѣны крѣпостнаго права, тѣлесное наказаніе было изгнано изъ казармъ, изъ военныхъ судовъ и, вообще, изъ уголовнаго суда всѣхъ вѣдомствъ и изъ учебныхъ заведеній. Но, по какой-то ироніи судьбы, великій освободительный актъ 19-го февраля, давшій толчокъ этому благотворному движенію, остался внѣ его воздѣйствія, и пятно въ видѣ розогъ осталось несмытымъ».

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» не-

давно сообщалось о характерномъ для нашихъ нравовъ дѣлѣ крестьянина Трещалова. Трещаловъ, живущій въ деревнѣ Кишлѣевой, Владимірской губ., человѣкъ уже пожилой, лѣтъ 50, степенный и трудолюбивый. Лѣтомъ онъ занимается землепашествомъ, а осенью и зимой столярничаетъ и кормитъ 70-лѣтняго старика-отца, жену, двухъ сыновей и дочь. Деревня относится къ нему доброжелательно, мирно. И онъ живетъ съ нею въ ладу, и когда у кого-нибудь изъ крестьянъ случаются какія-нибудь бумажныя дѣла, онъ, какъ человѣкъ грамотный, разумный и до нѣкоторой степени развитой, помогаетъ имъ своими совѣтами. Но дѣла эти затрогивали иногда мѣстнаго старшину, разоблачали его служебную дѣятельность и, понятно, ставили его во враждебныя отношенія къ Трещалову. Старшина за это старался дѣлать ему при каждомъ случаѣ непріятности, притѣснить, унизить его.

Въ концѣ концовъ старшина восторжествовалъ надъ своимъ врагомъ, и въ 1887 г., по поводу недоразумѣній, возникшихъ у Трещалова съ другимъ крестьяниномъ изъ-за размежеванія земли, онъ добился того, что волостной судъ приговорилъ Трещалова къ 19 ударамъ розогъ. Трещаловъ не покорился и сталъ обжаловывать рѣшеніе волостного суда по всѣмъ инстанціямъ.

Такъ шли годы и всѣ успѣли уже позабыть объ этомъ дѣлѣ, когда вдругъ 21-го декабря 1894 г. въ волость пришла бумага изъ Владимірскаго уѣзднаго съѣзда съ предписаніемъ «о немедленномъ приведеніи въ исполненіе приговора волостного суда надъ Трещаловымъ». Трещаловъ явился въ волость и тутъ, по словамъ газеты, произошла слѣдующая сцена: «Узнавъ, что Трещаловъ явился и стоитъ съ нѣкоторыми крестьянами на дворѣ, старшина велѣлъ привести его, публично, при всѣхъ крестьянахъ, собравшихся въ волостное правленіе, объявилъ Трещалову рѣшеніе волостнаго суда и велѣлъ раздѣваться и ложиться подъ принесенныя сторожемъ розги. Трещаловъ возразилъ, что онъ по своимъ лѣтамъ избавленъ уже отъ тѣлеснаго наказанія, что онъ не мальчишка, что теперь и мальчишекъ въ школахъ не велятъ сѣчь, и проч. Старшина насмѣшливо сказалъ Трещалову, что онъ хотя и не мальчишка, а все-таки долженъ выпороть его. Тогда Трещаловъ заявилъ, что на рѣшеніе волостного суда онъ мѣсяцевъ уже восемь тому назадъ послалъ жалобу въ департаментъ сената, въ доказательство чего вынулъ изъ кармана и показалъ почтовую квитанцію, и просилъ старшину справиться по бумагамъ и книгамъ волостнаго правленія, не полученъ ли изъ сената отвѣтъ на его жалобу. Старшина велѣлъ писарю справиться, справлялся и самъ, но никакого отвѣта не оказалось. Тогда онъ сказалъ Трещалову: «Ну, нечего съ тобой канителиться. Раздѣвайся и ложись! Ты ужъ нѣсколько лѣтъ отбѣгиваешься отъ розогъ».—«Ну, я самъ добровольно раздѣваться не буду,—отвѣтилъ Трещаловъ.—Развѣ насильно меня положите». Старшина крикнулъ сторожу и мужикамъ: раздѣньте и положите его! Мужики набросились, было на Трещалова, но онъ, отстранивъ ихъ отъ себя, сказалъ: «отойдите; я самъ раздѣнусь и лягу».—«Э, какой же ты, братъ, лѣнивый ложиться подъ розги-то. Ну, чего тебѣ стоитъ? Вѣдь ребра розгой не перешибешь», замѣтилъ одинъ шутникъ изъ крестьянъ. Когда мужики выпустили Трещалова изъ рукъ, онъ показалъ видъ, что хочетъ снимать съ себя куртку, но въ тотъ же моментъ вынулъ изъ кармана небольшой сапожный ножъ, и поднялъ его надъ своей головой. «Ну, теперь подходите!» Мужики оторопѣли и отступили. Въ волостномъ правленіи

въ это время былъ по служебнымъ дѣламъ мѣстный урядникъ. Старшина крикнулъ ему, чтобы онъ помогъ обезоружить Трещалова; но урядникъ отвѣтилъ: «это не мое дѣло», и показалъ видъ, что уходитъ изъ волостного правленія, а между тѣмъ подкрался сзади къ Трещалову и изловчился схватить его за руки выше локтей. Трещаловъ сталъ-было бороться съ урядникомъ, закидывалъ назадъ свободную часть руки, чтобы достать его ножомъ, но, окруженный толпой мужиковъ, вырвавшихъ у него ножъ, долженъ былъ сдаться. А затѣмъ его повалили, раздѣли и отсчитали 19 ударовъ розогъ,—и старшина на бланкѣ, за нумеромъ, донесъ съѣзду, что приговоръ волостнаго суда приведенъ надъ Трещаловымъ въ исполненіе».

Исторія съ Трещаловымъ можетъ служить иллюстраціей того, какъ наши «мужички любятъ розгу».

Народныя чтенія. За послѣдніе годы дѣятельность нашихъ частныхъ «Обществъ распространенія народнаго образованія» начала замѣтно оживляться. Дѣятельность эта выражается, главнымъ образомъ, въ содѣйствіи такъ называемому внѣшкольному образованію народа, т. е. въ устройствѣ народныхъ читаленъ, организаціи чтеній, изданіи народныхъ книжекъ, и пр. Однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ провинціальныхъ обществъ является «Тамбовское Общество по устройству народныхъ чтеній». Основатель его, Е. Д. Нарышкинъ пожертвовалъ 200.000 р. для устройства народной читальни, библіотеки и другихъ подобныхъ учрежденій, за что былъ удостоенъ Высочайшей благодарности въ особомъ именномъ рескриптѣ покойнаго Государя Александра III. Читальня была открыта въ іюлѣ 1893 г. Благодаря щедрости жертвователя, она обставлена съ такой роскошью, что въ городѣ ее называютъ «Нарышкинскимъ дворцомъ». Читальня эта—двухъ-этажный домъ съ электрическимъ освѣщеніемъ, съ грандіознымъ двухъ-свѣтнымъ заломъ для народныхъ чтеній. Южная часть аршинъ 12 длиной поднята на аршинъ; здѣсь помѣщается экранъ, а за экраномъ эстрада для волшебнаго фонаря. Въ нижнемъ этажѣ зданія помѣщается особая библіотека; называется она такъ потому, что въ ней, по особому ходатайству, допущены книги, изъятыя изъ другихъ библіотекъ, книги не выдаются всѣмъ, а лишь особо-благонадежнымъ лицамъ для научныхъ занятій и подъ личной отвѣтственностью библіотекаря.

Какъ видно изъ «Отчета» Общества за первый годъ своего существованія (1893—1894 гг.), «въ отчетномъ году было устроено 71 чтеніе. Чтенія были повторныя, т. е. вечеромъ 2-й разъ читали то же, что и утромъ. Успѣхъ повторныхъ чтеній превзошелъ всѣ ожиданія, такъ что съ ноября мѣсяца повторныя чтенія устраивались каждый разъ. Но, не смотря на то, что одно и то же чтеніе исполнялось два раза въ день и слушателей допускалось отъ 1.200 до 1.500 чел., все-таки мѣстъ не хватало и приходилось отказывать. Удовлетворяли прежде взрослыхъ, а потомъ дѣтей.

Отношеніе слушателей къ чтеніямъ не оставляло желать ничего лучшаго: они не разговариваютъ и не выходятъ изъ залы до перерыва или конца чтенія. Трудно сказать, какого содержанія чтенія предпочитаются народомъ: свободныхъ мѣстъ на чтеніяхъ не бываетъ.

На чтеніи «О св. Николаѣ Чудотворцѣ» было 1.498 чел., на чтеніи «О Мамаевомъ побоищѣ» 1.609 чел., а на чтеніи «А. В. Кольцовъ и его пѣсни»—1.820 чел. Это предѣльная цифра, больше никакъ не можетъ вмѣстить аудиторія».

Первоначально, Общество ставило себѣ задачей исключительно устройство народныхъ чтеній. Теперь же оно рѣшило расширить свою дѣятельность и съ будущаго года приступаетъ къ открытію при читальнѣ книжнаго склада. Кромѣ того, оно имѣетъ въ виду содѣйствіе устройству народныхъ библіотекъ въ уѣздныхъ городахъ и селахъ Тамбовской губерніи.

Тамбовское «Общество народныхъ чтеній» находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что въ его рукахъ находится крупный капиталъ, пожертвованный Нарышкинымъ. Но и другія провинціальныя Общества, не имѣющія въ своемъ распоряженіи такихъ крупныхъ суммъ, тоже съ каждымъ годомъ все расширяютъ кругъ своей дѣятельности. Такъ, напр., по сообщенію «Волгаря», года два тому назадъ, «Нижегородское Общество распространенія начальнаго образованія» устраивало чтенія только въ двухъ пунктахъ: въ самомъ городѣ и въ селѣ Канавинѣ. Въ текущемъ же году, помимо 4-хъ аудиторій въ Нижнемъ Новгородѣ, чтенія устраивались еще въ 17 пунктахъ губерніи. По словамъ «Волгаря», «въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ чтенія идутъ каждый воскресный день. Завѣдуютъ чтеніями въ селахъ большею частью учителя народныхъ школъ, отчасти священники, земскій врачъ, земскій начальникъ и др. лица. Часто учитель одинъ—безъ помощи другихъ—и читаетъ, и показываетъ картины, и слѣдитъ за порядкомъ и онъ же долженъ принять на себя всѣ хлопоты по пересылкѣ картинъ и устройству приспособленій для чтеній. Вознаграждаетъ тружениковъ тотъ глубокій интересъ, съ какимъ относятся крестьяне къ чтеніямъ.

Въ одномъ, напр., селѣ не было своего фонаря. Чтенія производились при фонарѣ, даннымъ только на время, и должны были прекратиться. Средствъ купить свой фонарь не было никакихъ. Однако же желаніе продолжать чтенія въ деревнѣ было такъ велико, что школьники, дѣти крестьянъ, сами охотно несли учителю десять, двадцать копѣекъ, и изъ этихъ сборовъ вмѣстѣ съ пожертвованіями самихъ крестьянъ и др. лицъ составилась крупная сумма до 30 р. Фонарь былъ купленъ.

Посѣщеніе чтеній крестьянами носило не случайный характеръ: они интересовались тѣмъ, что читаютъ, критически относились къ выбору матеріала для чтеній. Послѣ чтеній среди нихъ происходятъ жаркіе споры о томъ, что лучше: «божественное, или исторія»?—Разсказъ о Петрѣ I, или «Конекъ-Горбунокъ»?

Крестьяне иногда цѣлой толпой окружали домъ, гдѣ производились чтенія, раскрывали окна (дѣло было осенью) и сколько было среди нихъ завистливыхъ возгласовъ противъ счастливцевъ, успѣвшихъ проникнуть поближе къ чтецу! Въ комнату столько набивалось народу, что огонь въ фонарѣ буквально мерцалъ отъ недостатка кислорода».

Газета справедливо замѣчаетъ, что «во всѣхъ этихъ фактахъ, самое отрадное то, что самъ крестьянинъ обнаруживаетъ иниціативу въ устройствѣ своихъ развлеченій. Стремленіе его къ чтенію, обнаруживающееся и въ городѣ, и въ деревнѣ, прямо указываетъ на развитіе въ немъ жажды просвѣщенія, желанія такъ или иначе расширить свой общественный и нравственный кругозоръ».

Народныя библіотеки въ Николаевскомъ уѣздѣ. «Самарская Газета» сообщаетъ, что въ Николаевскомъ уѣздѣ, Самарской губ., 47 сельскихъ обществъ постановили устроить при сельскихъ училищахъ народныя библіотеки и собрали для этой цѣли уже 6.656 р. Изъ нихъ 2.831 р.

ассигновано самими сельскими обществами, а 3.825 р. составляютъ пожертвованія частныхъ лицъ. Но этимъ сборъ пожертвованій еще не законченъ и, по словамъ газеты, «почти каждая почта приноситъ извѣстіе или о новыхъ ассигнованіяхъ, или о новыхъ сельскихъ обществахъ, которыя примкнули къ общему движенію въ вопросѣ объ устройствѣ библіотекъ».

Газета сообщаетъ далѣе: «Въ средѣ матеріаловъ для статистики по этому вопросу встрѣчаются весьма трогательныя заявленія обществъ, что по бѣдности своей, усиленной зимою экстреннымъ взысканіемъ съ нихъ казенныхъ податей, они въ данное время не могутъ вещественно доказать своего полнаго сочувствія къ выраженной въ инспекторскомъ циркулярѣ мысли, но по уборкѣ хлѣбовъ непремѣнно внесутъ посильную лепту на полезное для нихъ самихъ дѣло. Въ числѣ пожертвованій отъ частныхъ лицъ мы встрѣчаемъ приношенія зерновымъ хлѣбомъ, вмѣсто денегъ, отъ нуждающихся въ послѣднихъ; хлѣбъ этотъ, по накопленіи, или продается съ торговъ, или хранится у священниковъ-законоучителей мѣстныхъ училищъ, которымъ инспекторъ поручилъ сборъ пожертвованій, до поднятія на него цѣны, что ожидается въ концѣ весны. Словомъ, не одни только богатые и состоятельные принимаютъ участіе въ устройствѣ библіотекъ, но и бѣдные крестьяне, по мѣрѣ силъ, не отстаютъ отъ первыхъ въ стремленіи заготовить для себя и дѣтей своихъ умственную пищу.

Препятствіемъ для немедленнаго открытія библіотеки хотя бы въ тѣхъ селахъ, гдѣ имѣются достаточныя пожертвованія и подписка уже закончена, служитъ неполученіе, съ нетерпѣніемъ всѣми ожидаемаго, утвержденія г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, выработаннаго инспекторомъ, устава народныхъ библіотекъ и представленнаго имъ въ концѣ прошлаго года для утвержденія. Полученіе утвержденія устава дастъ сильный толчокъ къ быстрому размноженію библіотекъ въ уѣздѣ».

Летучка. Въ «Восточномъ Обозрѣніи» помѣщена чрезвычайно интересная статья «Изъ записной книжки таежника», въ которой изображается положеніе вольныхъ золотопромышленныхъ рабочихъ, т. наз. «летучки».

«Летучка»—терминъ пріисковый. Отрядъ «летучки» составляется, главнымъ образомъ, изъ излишка рабочихъ рукъ; затѣмъ, къ нимъ примыкаютъ рабочіе, очутившіеся почему-либо безъ паспорта, и, наконецъ, изъ ослабѣвшихъ и совершенно опустившихся рабочихъ, которымъ поступленіе на пріиска совершенно закрыто. Численность летучки опредѣлить трудно, такъ какъ она постоянно колеблется, и въ случаѣ усиленнаго спроса на рабочія руки, ея ряды замѣтно рѣдѣютъ. Никакой постоянной организаціи, которая бы сплачивала всю эту голодную толпу, нѣтъ. Ютится она гдѣ попало: то въ избушкахъ, разбросанныхъ по тайгѣ, то проникаетъ на пріиски и находитъ себѣ пріютъ и пищу у рабочихъ, живущихъ при мѣстѣ; но такихъ мало, такъ какъ здѣсь имъ грозитъ опасность быть арестованными и высланными изъ тайги. Часто они группируются въ отдѣльныя артели—человѣка по три—четыре, а иногда и больше десятка—и отправляются куда-нибудь въ глубь тайги въ мало изслѣдованныя мѣста и пробуютъ счастья въ поискахъ за золотомъ. Ихъ поиски не рѣдко оканчивались успѣхомъ. Есть пріиски, обязанные своимъ открытіемъ летучкѣ. Эти поисковыя партіи отправляются преимущественно въ олекминскую систему, гдѣ вслѣдствіе меньшей населенности и плохихъ путей сообщенія они чувствуютъ себя безопаснѣе:

но не мало ихъ есть и въ витимской системѣ. Добываемое летучкой золото продается, и вырученныя деньги въ большинствѣ случаевъ пропиваются. Скрыть въ тайнѣ свое открытіе летучкѣ никогда долго не удается. Обыкновенно кто-нибудь одинъ изъ артели, а часто и всѣ, тайкомъ отъ другихъ, сообщаютъ, въ чаяніи щедраго вознагражденія, какому-нибудь золотопромышленнику или управленію о мѣстонахожденіи открытой ими золотой розсыпи. Тотчасъ по полученіи подобныхъ свѣдѣній, командируется на вновь открытую мѣстность довѣренный, а подчасъ и нѣсколько довѣренныхъ отъ разныхъ дѣлъ (тогда не обходится безъ столкновеній), и пріискъ, по соблюденіи извѣстныхъ формальностей, становится собственностью новаго владѣльца. Эта дѣятельность летучки оказала громадныя услуги золотопромышленности. Но, чтобы отправиться на поиски новыхъ золотыхъ мѣстъ, нужны средства. Откуда же ихъ беретъ летучка? Хищничество чужого золота даетъ ей эти средства.

Часто золотосодержащіе пески оставляются въ шахтахъ самими управленіями въ силу того, что добыча ихъ сопряжена съ большой опасностью; иногда же мѣстонахожденіе въ отработанныхъ шахтахъ золотосодержащихъ песковъ извѣстно лишь рабочимъ, которые работали въ этихъ шахтахъ; и вотъ, въ поиски за этими жалкими остатками презрѣннаго металла отправляется летучка, пренебрегая очевидными опасностями и не рѣдко платясь жизнью.

Невозможно представить себѣ той опасности, которой подвергаютъ себя хищники во время добычи золота въ отработанныхъ шахтахъ: земляной сводъ, толщиной въ нѣсколько десятковъ, а иногда сотенъ аршинъ, образовавшійся надъ громаднымъ пустымъ пространствомъ подъ землей, поддерживается, во время производства работъ, съ помощью цѣлой системы подпорокъ, изъ которыхъ надежнѣйшія состоятъ изъ четырехугольныхъ земляныхъ колоннъ, въ $^1/_2$—2, а иногда и болѣе сажени длины и ширины, расположенныхъ на такомъ же, приблизительно, разстояніи одна отъ другой. Но лишь работы кончены и вмѣстѣ съ тѣмъ вывезены наверхъ и эти колонны, какъ содержащія въ себѣ золото,—видъ шахты быстро измѣняется. Оставляемыя въ шахтахъ деревянныя подпорки въ 1—$1^1/_2$ обхвата, не могутъ удержать громадной, давящей на нихъ, тяжести верхняго слоя земли; онѣ разламываются въ щепки, и пустота постепенно заполняется.

Въ такой-то подземный лабиринтъ спускаются хищники. Бываютъ случаи, что, добравшись ползкомъ къ мѣсту съ золотомъ, несчастный хищникъ назадъ не могъ уже вернуться: пока онъ возился, добывая крупинки золота, его путь оказался засыпанъ землею, а онъ за-живо погребеннымъ. Часто хищникамъ приходится прожить подъ землею довольно долго, и тогда туда доставляются запасы провизіи, свѣчей и орудій, необходимыхъ при подземныхъ работахъ.

Прослѣдить заболѣваемость и смертность «летучки» почти невозможно. Если основываться на показаніяхъ рабочихъ, то смертность должна быть громадна. Давитъ хищниковъ земля, топитъ вода, гибнутъ они отъ угаровъ, которые неизбѣжны, такъ какъ въ шахтахъ необходимо раскладывать небольшіе костры для оттаиванія вѣчно мерзлой земли, содержащей въ себѣ золото; особенно часты угары лѣтомъ, когда тяги почти не существуетъ вслѣдствіе незначительной разницы въ температурахъ верхняго воздуха и воздуха, нагрѣваемаго кострами подъ землей. Для непривычнаго человѣка пробыть въ такихъ шахтахъ невозможно и нѣсколько часовъ: сырость, вонь, мракъ и, при

всемъ этомъ, шумъ обваливающейся земли и трескъ ломаемаго дерева,— производятъ положительно подавляющее впечатлѣніе.

Кромѣ этихъ физическихъ неудобствъ, «летучка» претерпѣваетъ еще и нравственныя мученія въ формѣ страха передъ «хозяиномъ» шахты, т. е. подземнымъ духомъ. Газета разсказываетъ по этому поводу слѣдующій характерный случай: «Года три тому назадъ, на пріискахъ В. М. Коминера, въ одной изъ шахтъ работало нѣсколько человѣкъ хищниковъ. Когда ихъ присутствіе стало извѣстно казакамъ, всѣ выходы изъ шахты были заняты. Отрѣзанные отъ внѣшняго міра, хищники оставались подъ землей еще нѣсколько сутокъ, но, наконецъ, голодъ заставилъ ихъ сдаться. Отъ первыхъ появившихся на верху казакамъ удалось узнать общее число хищниковъ, находящихся подъ землей. Осада не снималась. Каждый день появлялись изъ подъ земли хищники, изнуренные, не могущіе долѣе бороться съ голодомъ. Упорнѣе всѣхъ оказался какой-то старикъ татаринъ. Не смотря на приглашеніе казаковъ выйти, онъ оставался въ шахтѣ, хотя запасы пищи истощились уже давно. Изнуренный голодомъ, окруженный сыростью и мракомъ, находясь все время въ страшно напряженномъ состояніи,—онъ не выдержалъ: его стали преслѣдовать галлюцинаціи. Послѣднія сутки онъ метался по шахтѣ, стараясь укрыться отъ преслѣдованія «хозяина». Страстныя мольбы несчастнаго, упрашивавшаго «хозяина» обождать еще хоть день, хоть нѣсколько часовъ, пока, какъ онъ почему-то надѣялся, выходы изъ шахты будутъ освобождены отъ казаковъ,— ни къ чему не привели: «хозяинъ» оставался неумолимъ. Видъ сумасшедшаго былъ ужасенъ».

Не вся, впрочемъ, «летучка» занимается хищничествомъ. Есть и такіе, которые ищутъ болѣе спокойнаго труда. Они нанимаются въ рабочіе или входятъ въ артели для рубки и заготовки лѣса, необходимаго при шахтовыхъ работахъ

Секта душителей. Въ глухихъ лѣсахъ Царевококшайскаго уѣзда появилась новая раскольничья секта «подпольниковъ душителей», или просто «душителей». По словамъ «Волгаря», «отличительной чертой этой секты является то, что у нихъ ни одинъ человѣкъ, принадлежащій къ сектѣ, не умираетъ своей естественной смертью. Достаточно захворать кому-либо изъ сектантовъ на столько серьезно, что ни одинъ «знахарь» или «колдунъ» (къ докторамъ никто изъ нихъ не обращается) не въ состояніи «выпользовать» больного человѣка, то близкіе ему люди или родные увозятъ больного куда-нибудь подальше отъ селенія, нерѣдко къ какую-нибудь глухую тѣсную сторожку, и тамъ готовятъ «болящаго раба» къ смерти. Больной, оставленный безъ всякой медицинской помощи, безъ всякаго надзора и ухода, задушается на смертномъ одрѣ. А затѣмъ трупъ задушеннаго отвозится въ лѣсную трущобу и зарывается гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго оврага, причемъ могила ловко маскируется хворостомъ, дерномъ и т. п., такъ что впослѣдствіи сами родственники не въ состояніи указать могилы. Задушеніе умирающаго больного, по вѣроученію этой секты, знаменуетъ собою тотъ «мученическій вѣнецъ», безъ котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ унаслѣдовать царства небеснаго.

На этомъ вѣроученіи и основывается весь дикій фанатизмъ «подпольниковъ», которому опи слѣпо повинуются, не смотря на всѣ преслѣдованія со стороны администраціи и на цѣлый рядъ уголовныхъ дѣлъ по обвиненію въ убійствѣ. Но въ данномъ случаѣ слѣдственная власть и сами представители медицинской науки

зачастую затрудняются разрѣшить, имѣло ли мѣсто убійство или нѣтъ. Дѣло въ томъ, что безнадежно больной, который и безъ того долженъ бы умереть, задушается обыкновенно подушкой, накидываемой ему плотно на ротъ; знаковъ насилія на тѣлѣ никакихъ не остается, а вскрытіе тѣла умершаго констатируетъ ту или иную болѣзнь, которой страдалъ покойный. Цѣлый рядъ «дѣлъ» по поводу такихъ убійствъ закончился ничѣмъ, въ виду отсутствія прямыхъ уликъ къ обвиненію. Благодаря всему этому, секта «подпольниковъ-душителей» находитъ себѣ все большее число адептовъ среди крестьянскаго населенія Царевококшайскаго и смежныхъ уѣздовъ и даетъ не мало хлопотъ сельскимъ и судебнымъ властямъ».

Человѣческія норы. «Волжскій Вѣстникъ» сообщаетъ удивительныя вещи: оказывается, что въ губернскомъ городѣ Симбирскѣ есть люди, живущіе въ буквальномъ смыслѣ слова въ норахъ, и такихъ человѣческихъ норъ въ этомъ городѣ насчитывается около 150. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ «Волжскій Вѣстникъ»:

«На сѣверномъ краю Симбирска, около недавно выстроенныхъ казармъ, есть мѣстность, извѣстная въ городѣ подъ именемъ «кирпичныхъ сараевъ». Здѣсь дѣйствительно уже очень давно, кажется, съ самаго основанія Симбирска, помѣщаются кирпичные сараи, такъ какъ грунтъ земли здѣсь составляетъ красная глина, пригодная для выдѣлки кирпича. Вслѣдствіе этого вся мѣстность изрыта глубокими ямами, въ которыхъ и помѣщаются норы-землянки съ отбросами нашей бѣдноты, пьянства и разврата.

Когда начались эти норы, которыхъ теперь насчитываютъ болѣе 150, никому доподлинно неизвѣстно, такъ какъ разрѣшенія на ихъ постройку никѣмъ никогда выдано не было. Очевидно, возникали онѣ постепенно такимъ образомъ: какой-либо бѣднякъ, обыкновенно пришелецъ изъ деревни, въ чаяніи найти себѣ кусокъ хлѣба въ городѣ, проѣдалъ здѣсь остатки изъ того, что онъ принесъ изъ деревни, и, не найдя пристанища въ городѣ, забирался въ эти ямы. Такъ какъ въ краяхъ этихъ ямъ есть большія углубленія, то ему и удобно было оставаться здѣсь на продолжительное время. Понемногу онъ осваивался со своею квартирою, увеличивалъ и расчищалъ ее, а потомъ ему оставалось только забрать досками и замазать глиной одну лишь стѣну, сдѣлать въ ней двери и окно, и землянка готова. Такъ незамѣтно и росли эти землянки, причемъ болѣе аккуратные и любившіе чистоту и порядокъ хозяева землянокъ улучшали и увеличивали ихъ, насколько хватало у нихъ средствъ и времени».

О существованіи этихъ землянокъ городская дума узнала въ 1884 г. и запретила строить ихъ вновь. Но къ тому времени землянокъ было уже 150, и многимъ изъ нихъ было уже болѣе 10 лѣтъ, такъ что городская земля подъ ними легко могла перейти въ собственность хозяевъ. Поэтому дума постановила наложить небольшую арендную плату на землю на хозяевъ землянокъ и дала сроку арендѣ 10 лѣтъ, разсчитывая, что за эти 10 лѣтъ землянки сами собою куда-нибудь исчезнутъ. Но разсчеты думы не оправдались. «Прошло 10 лѣтъ», говоритъ корреспондентъ «Вол. Вѣстн.».—На засѣданіи думы 20 марта городская управа докладываетъ, что землянки здравствуютъ до сего времени *всѣ полностію*, цѣлы и невредимы, а потомъ выяснилось даже, что одна изъ нихъ сгорѣла, и все-таки возникла изъ пепла...

Санитарныя условія этихъ землянокъ, по словамъ корреспондента, находятся въ самомъ невозможномъ состояніи.

Помимо того, что норы находятся въ землѣ, а слѣдовательно въ нихъ всегда сыро, въ нихъ всегда мало и воздуха, и свѣта, онѣ невелики, да и оконъ въ нихъ всегда лишь однодва, да и то маленькія и обращенныя не «на бѣлый свѣтъ», а въ другой край ямы, гдѣ, можетъ быть, въ двухъ-трехъ шагахъ помѣщается другая подобная же землянка... Населеніе составляетъ, конечно, самый послѣдній отбросъ города, а потому бѣднота и связанная съ нею грязь и невѣжество здѣсь господствуютъ такъ, какъ, кажется нигдѣ въ городѣ... И хорошо, если бы въ такихъ норахъ жило немного народа; но дѣло въ томъ, что многіе изъ нихъ переполнены до крайности; тамъ, гдѣ едва было бы достаточно мѣста для одного-духъ человѣкъ, здѣсь, помимо семьи хозяина, живутъ еще квартиранты, которымъ сдаются тотъ или другой свободный уголъ. Тѣснота и духота поэтому здѣсь невозможныя!

Зимою землянки иногда сплошь заноситъ снѣгомъ, и ихъ приходится окапывать. Весною же снѣгъ стаиваетъ, вода стекаетъ въ ямы, и долгое время стоитъ здѣсь громадными лужами, съ водою, пропитанною массою человѣческихъ экскрементовъ, помоевъ и всякихъ отбросовъ изъ землянокъ. Почва пропитывается этою грязью, а потому Богъ знаетъ, что здѣсь дѣлается лѣтомъ во время жаровъ...

А. С. Елисѣевъ (некрологъ). 22-го мая, въ 3 ч. дня, скончался, извѣстный своими путешествіями по Азіи и Африкѣ, докторъ Елисѣевъ. Докторъ Елисѣевъ писалъ статьи по этнографіи, культурѣ и др., во многихъ изданіяхъ, и между прочимъ, сотрудничалъ и въ нашемъ журналѣ, гдѣ помѣстилъ въ 1893 г. статью о «Положеніи женщины на Востокѣ». Въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ «Міра Божьяго» мы предполагаемъ дать статью, посвященную памяти Елисѣева, а пока сообщимъ краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, заимствованныя изъ «Новаго Времени».

«Дѣятельность покойнаго отличалась разнообразіемъ и была полна приключеній. Приводимъ его краткую біографію, написанную покойнымъ въ прошломъ году, когда онъ возвратился изъ Абиссиніи послѣ неудачной попытки проникнуть въ Суданъ ради изученія быта и нравовъ махдистовъ.

«Моя тридцатишестилѣтняя жизнь представляетъ сплошной, хотя и довольно разносторонній трудъ. До девятилѣтняго возраста я воспитывался дома подъ руководствомъ военныхъ учителей, проводя болѣе половины времени съ отцомъ въ казармахъ и въ лагеряхъ, учился въ Кронштадтской классической гимназіи, потомъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ по естественному отдѣленію и кончилъ въ 1882 г. Императорскую Медико-Хирургическую Академію. Въ званіи военнаго врача служилъ я въ полевыхъ войскахъ и при госпиталяхъ, причемъ занимался спеціально хирургіей; служилъ я и на Кавказѣ, и въ Туркестанѣ, и въ Финляндіи, и въ Остзейскомъ краю, и въ С.-Петербургѣ. Въ 1887 г. вышелъ изъ дѣйствительной службы и, состоя при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, занялся частною практикою. Отъ министерства военнаго былъ командированъ на югъ на ревизію продовольственныхъ продуктовъ, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1889 г., въ Южно-Усурійскій край для препровожденія партіи переселенцевъ, въ 1890 г. въ Персію для наблюденія за ходомъ и развитіемъ холерной эпидеміи, въ 1892 г. былъ на голодномъ тифѣ въ Челябинскомъ уѣздѣ; въ томъ же году былъ командированъ министромъ внутреннихъ дѣлъ для ревизіи врачебныхъ

заведеній Западнаго края, а въ 1893 г. въ Бессарабію и Подолію для прекращенія въ нихъ зимней эпидеміи холеры.

«Съ ранняго возраста началъ дѣлать болѣе или менѣе продолжительныя эксурсіи въ мѣстностяхъ Новгорода и Пскова. Въ 1875 г., еще въ бытность гимназистомъ, обошелъ часть Финляндіи, добравшись пѣшкомъ черезъ Кояну до Улеаборга. Въ 1876 г. объѣхалъ всю Западную Европу, исключая Балканскій полуостровъ и Англію. Въ 1877 г. три мѣсяца пробродилъ въ Финляндіи и Кореліи. Въ 1878 г. все лѣто пробродилъ въ дебряхъ Олонецкой губеніи, части Вологодской и Архангельской губ. Въ 1879 г. бродилъ по горамъ и лѣсамъ Приуралья—на верховьяхъ Печоры. Въ 1880 г. все лѣто провелъ въ дебряхъ новгородскихъ лѣсовъ, занимаясь изслѣдованіемъ мѣстныхъ кургановъ. Въ 1881 г. отправился впервые на Востокъ, посѣтилъ Египетъ, дошелъ до Сіута, а затѣмъ черезъ Каменистую Аравію прошелъ на верблюдѣ въ Палестину. Въ 1882 г. совершилъ поѣздку въ Скандинавію и Лапландію. Въ 1883 г. посѣтилъ снова Египетъ, дошелъ до первыхъ пороговъ, а затѣмъ перешелъ пустыню отъ Кеннэ до Коссейра, объѣхалъ берега Краснаго моря, а въ заключеніе черезъ Акабу прошелъ снова въ Синайскую пустыню, посѣтивъ на пути Петру. Въ 1884 г. былъ командированъ Палестинскимъ Обществомъ въ Святую Землю для изученія положенія русскаго паломничества. Окончивъ эту миссію, отправился въ Триполи, попытался пробраться въ Феццанъ, но не успѣлъ, а потому, объѣхавъ часть Тунисіи и Алжиріи, совершилъ двухмѣсячную экскурсію въ Сахару до Гадамеса. Въ 1886 г. перешелъ поперекъ Малую Азію. Въ 1889 г. совершилъ поѣздку на дальній Востокъ, объѣхалъ Южно-Уссурійскій край, изучая его русскую колонизацію. Потомъ пробылъ полтора мѣсяца въ Японіи; на обратномъ пути экскурсировалъ на Цейлонъ. Въ 1893 г. попытался пробраться въ Суданъ, занятый махдистами, но послѣ разгрома каравана еле спасся бѣгствомъ черезъ пустыню по 6 горнымъ порогамъ Нила. Въ настоящемъ 1894 г. имѣлъ намѣреніе, посѣтивъ Абиссинію, снова сдѣлать попытку проникновенія въ Суданъ. Во всѣхъ путешествіяхъ главною моею научною цѣлью служили антропологическіе, этнографическіе и медицинскіе вопросы.

«Литературой сталъ заниматься съ 1878 года и за этотъ періодъ, помимо трехъ томовъ «По бѣлу свѣту» и нѣсколькихъ книгъ, написано мною до ста различныхъ статей какъ по спеціальнымъ, такъ и по общимъ вопросамъ, не считая еще множества небольшихъ газетныхъ замѣтокъ и статей.

«Дѣля такимъ образомъ свою жизнь на три части, я посвящаю большую изъ нихъ занятію медициной и врачебной практикой, а меньшую литературѣ. Остальная треть приходится на выполненіе путешествій и подготовку къ нимъ».

Елисѣевъ умеръ совершенно неожиданно: недѣлю назадъ онъ чувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Надняхъ онъ былъ призванъ къ ребенку въ дифтеритѣ. Слюна больного ребенка во время кашля попала въ ротъ покойнаго и явилась для Елисѣева роковой заразой. Своевременно оказанная помощь не принесла пользы Александру Васильевичу.

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Европы», «Сѣверный Вѣстникъ», «Русское Обозрѣніе»).

Поэзія гр. Алексѣя Толстого. «Алексѣй Толстой принадлежитъ къ числу поэтовъ мыслителей; онъ былъ поэтомъ-борцомъ... который боролся оружіемъ свободнаго слова за права красоты и за жизненныя права человѣческой личности»,—такъ характеризуетъ А. Толстого Владиміръ Соловьевъ въ своей критической статьѣ о немъ («Вѣстникъ Европы», № 5). Разбирая его стихотворенія, онъ останавливается на двухъ основныхъ мотивахъ его поэзіи—на поклоненіи красотѣ и патріотизмѣ. По его словамъ, для Толстого красота «была дорога и священна, какъ сіяніе вѣчной истины и любви». Культъ красоты онъ понималъ не въ смыслѣ преклоненія передъ изящной и пріятной внѣшностью; для него онъ имѣлъ болѣе глубокое значеніе и находился въ тѣсной связи съ его философскими представленіями о жизни и мірѣ. Для Алексѣя Толстого любовь была движущимъ началомъ вселенной, а красота—внѣшнимъ отраженіемъ этой любви. Мысль эта высказывается, напр., въ стихотвореніи:

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила
И лишь на землю къ намъ ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.
И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты:
Намъ вѣстью лѣсъ о ней звучитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

Та же мысль выражена и въ слѣдующихъ прекрасныхъ строкахъ:

И всѣ сокровища природы,
Степей безбережный просторъ,
Туманный очеркъ дальнихъ горъ,
И моря пѣнистыя воды,
Земля, и солнце, и луна,
И всѣхъ созвѣздій хороводы,
И синей тверди глубина—
То все одно лишь отраженье,
Лишь тѣнь таинственныхъ красотъ,
Которыхъ вѣчное видѣнье
Въ душѣ избранника живетъ.

Переходя затѣмъ къ историко-патріотическимъ стихотвореніямъ Толстого, Вл. Соловьевъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ выразился взглядъ Толстого на два основныхъ начала русской исторіи. «Со всею живостью поэтическаго представленія и со всею энергіей борца за идею, Толстой славилъ и въ прозѣ и въ стихахъ свой идеалъ истинно русской, европейской и христіанской монархіи, и громилъ ненавистный ему кошмаръ азіатскаго деспотизма. Начала истиннаго, національнаго строя онъ находилъ въ кіевской эпохѣ нашей исторіи; осуществленіе противоположнаго принципа онъ видѣлъ въ періодѣ Московскаго государства, къ которому относился съ яростной враждой. «Моя ненависть къ московскому періоду — есть моя идіосинкразія», писалъ онъ въ одномъ письмѣ.

Взгляды Толстого на русскую исторію яснѣе всего высказаны въ его извѣстной балладѣ «Змѣй-Тугаринъ». Въ ней описывается, какъ кіевскій князь Владиміръ съ дружиною пировали на берегу Днѣпра, и какъ на этомъ пиру выступилъ Змѣй Тугаринъ съ пѣснею, въ которой онъ предсказывалъ будущность Россіи: татарское нашествіе и то, что за нимъ послѣдуетъ.

Пѣвецъ продолжаетъ:

И время придетъ,
Уступитъ нашъ ханъ христіанамъ,
И снова подымется русскій народъ,
И землю единый изъ васъ соберетъ.
Но самъ же надъ ней станетъ ханомъ.
. . . . . .
Обычай вы нашъ переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вотъ, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете.

Идеалъ самого поэта выражается въ слѣдующихъ словахъ князя Вла-

диміра, поднимающаго свою чару за «русскую Русь»:

...«За древній обычай до дна ее пью,
За древнее русское вѣче!
За вольный, за честный славянскій народъ,
За колоколъ пью Новограда.
И если онъ даже во прахъ упадетъ,
Пусть звонъ его въ сердцѣ потомковъ живетъ.
Ой, ладо, ой, ладушко-ладо!

Указавъ на то, что, съ исторической точки зрѣнія, Толстой былъ неправъ въ своей идеализаціи кіевской Руси и повальномъ осужденіи Московскаго періода, Вл. Соловьевъ говоритъ далѣе, что, тѣмъ не менѣе, «какъ патріотъ-поэтъ Толстой былъ вправѣ избрать не историческую, а пророческую точку зрѣнія. Онъ не останавливался на матеріальныхъ необходимостяхъ и условіяхъ прошедшаго, а мѣрялъ его сверху—нравственными потребностями настоящаго и упованіями будущаго. И тутъ онъ не ошибался. Для нашего настоящаго духовнаго исцѣленія и для нашихъ будущихъ задачъ нужны намъ, конечно, не монгольско-византійскія преданія московской эпохи, а развитіе христіанскихъ и истинно-національныхъ началъ, что какъ бы было обѣщано и предсказано свѣтлыми явленіями кіевской Руси».

Смерть Пушкина. Въ майскомъ номерѣ «Сѣв. Вѣстн.» напечатана глава изъ записокъ А. О. Смирновой, въ которой она разсказываетъ о смерти Пушкина, и о томъ, какъ отнеслось русское общество къ этой смерти. Г-жа Смирнова находилась въ это время съ мужемъ заграницей и узнала обо всемъ происшедшемъ по письмамъ и разсказамъ очевидцевъ, пріѣзжавшихъ изъ Россіи. Изъ ея записокъ видно, какъ враждебно относился къ Пушкину такъ называемый «высшій свѣтъ», и какъ тяжело было его положеніе въ этомъ свѣтѣ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ его и жену его преслѣдовали всевозможными инсинуаціями и клеветами, сплетничали, разсылали анонимные «циркуляры», и, наконецъ, довели до необходимости дуэли, унесшей въ могилу великаго писателя въ самомъ разцвѣтѣ его творческихъ силъ. Г-жа Смирнова разсказываетъ, напр., слѣдующій фактъ про одного изъ свѣтскихъ друзей Пушкина, В. Соллогуба... «Этотъ вертопрахъ оказалъ Пушкину медвѣжью услугу. Онъ уже провинился разъ передъ Nathalie своими пошлыми остротами; онъ иногда такъ неучтивъ. Пушкинъ потребовалъ письменнаго извиненія. Соллогубъ поступилъ тогда, какъ слѣдуетъ; затѣмъ, вообразивъ, что окажется очень полезнымъ Пушкину, и что эта услуга вернетъ ему расположеніе поэта, онъ снесъ ему гнусный циркуляръ, окончательно истощившій терпѣніе Пушкина. Соллогубъ сказалъ ему, что циркуляръ разосланъ по всему городу... Самъ Пушкинъ получилъ два экземпляра: одинъ присланъ по почтѣ, другой принесенъ неизвѣстнымъ, передавшимъ конвертъ швейцару»...

Послѣ трагическаго исхода дуэли Пушкина, отношеніе высшаго общества къ нему вдругъ рѣзко перемѣнилось, благодаря тому, что смерть его произвела глубокое впечатлѣніе на Государя. Г-жа Смирнова приводитъ слѣдующую выдержку изъ письма къ ней одной петербургской знакомой:

«Видя, что Ихъ Величества жалѣютъ о немъ и хвалятъ его, тѣ самые люди, которые не далѣе, какъ наканунѣ клеветали на него и яростно злословили противъ него, придали своимъ лицамъ соотвѣтствующее случаю выраженіе; мнѣ противно было смотрѣть на ихъ притворство... Произошло еще нѣчто любопытное: нѣкоторыя личности, видя отношеніе Государя къ покойному и его вдовѣ, сдѣлали вдругъ открытіе, что Пушкинъ былъ великимъ человѣкомъ. Принялись расхваливать его передъ лицами, которыя могли передать это

во дворцѣ—пошли даже дальше, стали дѣлать визиты вдовѣ, не принимающей никого, кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ и родни»...

Но обиднѣе всего для памяти Пушкина является то, что даже и жена его только послѣ смерти поняла, что ея мужемъ нужно было гордиться, а не стыдиться того, что онъ «только писатель». «Бѣдная Nathalie», пишетъ про нея г-жа Смирнова,—«она поняла теперь, что слѣдовало гордиться положеніемъ жены такого человѣка, какъ Пушкинъ. Устарѣлые взгляды родныхъ, провинціальныя и московскія воззрѣнія, вродѣ фамусовскихъ, внушили ей представленіе, что быть женой писателя унизительно, и что ихъ приглашаютъ ко двору только ради ея красоты. А между тѣмъ ихъ приглашали именно изъ вниманія къ Пушкину, такъ какъ есть не мало красавицъ, помимо Nathalie, и притомъ болѣе блестящихъ, разговорчивыхъ и пріятныхъ, чѣмъ она. Бѣдная женщина убѣдилась, что Государь сдѣлалъ такъ много именно для писателя и его вдовы. Онъ не сталъ бы платить долги за кого-либо другого, не заботился бы такъ объ обезпеченіи вдовы и дѣтей»...

Интересенъ также разсказъ г-жи Смирновой о посѣщеніи ихъ Мицкевичемъ: «Посѣщеніе Мицкевича очень тронуло моего мужа», пишетъ она... «Онъ приказалъ доложить о себѣ:«Мицкевичъ, другъ Пушкина». Николай вышелъ встрѣтить его. Они пожали другъ другу руки, Мицкевичъ сказалъ мнѣ по-французски: «Я узналъ, что вы были его друзьями и, пришелъ оплакать съ вами великаго славянскаго поэта». Онъ хвалилъ Пушкина. Я разсказала ему, что покойный часто говорилъ мнѣ о немъ, что онъ не забывалъ его. Мицкевичъ отвѣтилъ мнѣ: «Онъ прислалъ мнѣ стихи, которые я храню, какъ драгоцѣнность. Политика разъединяла насъ, но поэзія сблизила. Кончина его составляетъ огромное несчастіе для русской литературы, для русской мысли»... На прощаніе Мицкевичъ сказалъ г-жѣ Смирновой: «Сударыня, я благодарю васъ за оказанный мнѣ пріемъ. Повѣрьте, что славянскій польскій поэтъ оплакиваетъ славянскаго русскаго поэта... Его смерть является утратой для всѣхъ славянскихъ народовъ, и я представляю ихъ въ эту минуту». Несмотря на нѣкоторую театральность въ манерахъ, прибавляетъ г-жа Смирнова, онъ былъ искренно тронутъ. У Мицкевича красивое, грустное лицо, въ которомъ сквозитъ что-то болѣзненное. Въ немъ нѣтъ естественности Пушкина». Г-жа Смирнова разсказываетъ далѣе о томъ, какъ повліяла смерть Пушкина на Лермонтова: «Лермонтовъ своими стихами на смерть Пушкина прославился необычайно. Въ полку товарищи не любили его, теперь же онъ сталъ центромъ. Великій князь былъ очень добръ къ нему. Если бы онъ самъ не разгласилъ о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль Баранта (сына), то сдѣлали бы видъ, что ничего не знаютъ, но онъ заявлялъ всѣмъ, что убьетъ француза. Какой безумецъ! Хотя д'Аршіякъ и Дантесъ французы, но развѣ это можетъ служить основаніемъ къ нападенію на Баранта, отецъ котораго выказалъ столько сочувствія къ Пушкину?»

Воспоминанія о московскомъ университетѣ. Въ «Русскомъ Обозрѣніи» печатаются интересныя записки скончавшагося въ прошломъ году Н. П. Колюпанова, «Изъ прошлаго», въ которыхъ онъ, между прочимъ, разсказываетъ о своемъ пребываніи въ московскомъ университетѣ въ 1843—1849 г.

Въ 1843 г. Колюпановъ поступилъ на математическій факультетъ московскаго университета. Но лекціи профессоровъ не удовлетворяли его, и онъ пробылъ два года на матема-

тическомъ факультетѣ, очень недовольный университетомъ. Вернувшись на третій годъ въ Москву послѣ лѣтнихъ вакацій, онъ случайно зашелъ послушать вступительную лекцію пр. Рѣдкина по энциклопедіи права, которая произвела на него очень сильное впечатлѣніе. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ эту лекцію:

«Вотъ понуривши свою львиную голову и съ трудомъ пробираясь въ толпѣ, вошелъ на каѳедру Петръ Григорьевичъ, по обычаю закрылъ глаза и понюхалъ табаку. Затѣмъ онъ медленно обвелъ глазами, и у него невольно вырвалось восклицаніе: «какое множество!» Дѣйствительно, аудиторія была переполнена: даже на окнахъ стояли студенты; передніе ряды еще сидѣли, а сзади всѣ были набиты стоявшими другъ на другѣ, такъ что не было «пустого пространства». Зачѣмъ вы пришли сюда?—продолжалъ профессоръ. И въ отвѣтъ полилась одна изъ тѣхъ вдохновенныхъ и блестящихъ импровизацій, которыя такъ глубоко западали въ душу слушателей. Онъ говорилъ о значеніи науки, о призваніи университета, о томъ, чего онъ требуетъ отъ студента, что даетъ, чѣмъ напутствуетъ въ жизнь. Звонокъ прервалъ рѣчь. Рѣдкинъ всталъ, что-то необычное было въ его осанкѣ, на немъ еще лежалъ ореолъ сходившаго на него Бога, и онъ своимъ зычнымъ голосомъ закончилъ: «Да, м.м. г.г., ничего нѣтъ выше истины, и наука пророкъ ея, но какъ все святое и великое въ мірѣ, истина требуетъ подвига труднаго, самоотверженія беззавѣтнаго. Возьмите же крестъ свой и грядите по мнѣ». Колюпановъ заключаетъ: «Я прямо пошелъ въ правленіе и подалъ просьбу о переводѣ на первый курсъ юридическаго факультета».

Изъ профессоровъ юридическаго факультета, кромѣ Рѣдкина, Колюпановъ отзывается съ особенной симпатіей о Кавелинѣ.

Всего больше и съ особеннымъ сочувствіемъ и благодарностью говоритъ Колюпановъ о Кавелинѣ. По его словамъ, «Кавелинъ возбуждалъ сильный интересъ въ слушателяхъ и завоевалъ большую съ ихъ стороны симпатію». Помимо ясности, послѣдовательности и живости изложенія Кавелина, онъ привлекалъ больше всего своей искренностью: «слушатели чувствовали, что передъ ними человѣкъ, который самъ дошелъ до того, что онъ говоритъ, ни у кого не заимствовалъ, и этому глубоко и искренно вѣритъ, не подчиняясь никакимъ внѣшнимъ вліяніямъ. Только такія убѣжденія производятъ впечатлѣніе на слушателей и оставляютъ за собой вліяніе». Въ другомъ мѣстѣ записокъ Колюпанова говорится: «Съ Кавелинымъ сближалъ студентовъ прежде всего возрастъ. Кавелинъ поступилъ на каѳедру совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Кромѣ того, въ свои отношенія къ студентамъ Кавелинъ вносилъ столько рѣдкой, искренней и задушевной простоты, что передъ нимъ, такъ сказать, всѣ являлись на распашку, каждый готовъ былъ ему открыть свою душу, и въ отвѣтъ получалъ такое участіе, котораго могъ бы ожидать отъ самаго преданнаго друга... Оттого между Кавелинымъ и студентами образовалась та великая нравственная связь, которая клала отпечатокъ на цѣлую жизнь и установляла между людьми, которыхъ судьба разсѣевала потомъ по всей русской землѣ, извѣстное единство стремленій, задачъ и усилій, направленныхъ къ достиженію цѣли, намѣченной въ эпоху еще подготовленія къ практической дѣятельности. У Кавелина по воскресеньямъ бывали собранія студентовъ, причемъ рѣчь тутъ шла обо всемъ, «но преобладающее мѣсто въ воскресныхъ бесѣдахъ занималъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Большинство сдудентовъ принадлежало къ помѣщикамъ, къ «рабовладѣльцамъ», какъ, не стѣсняясь,

заявлялъ имъ въ глаза Константинъ Дмитріевичъ. Его рѣзкій, безпощадный протестъ противъ крѣпостнаго права имѣлъ гражданское значеніе. Въ умѣ всякаго шевельнулось сомнѣніе; невольно болѣе или менѣе протестъ этотъ переходилъ на слушателей. Какъ-то совѣстно становилось относиться къ этому явленію такъ спокойно и безразлично, какъ это дѣлалось до знакомства съ Константиномъ Дмитріевичемъ. И эта дѣятельность не прошла безслѣдно. Не мало его слушателей явилось впослѣдствіи въ числѣ меньшинства губернскихъ комитетовъ и въ рядахъ мировыхъ посредниковъ перваго призыва. Такимъ образомъ, дѣло, которому К. Д. посвятилъ цѣлую свою жизнь, онъ началъ еще въ молодости, съ первыхъ шаговъ своей профессорской дѣятельности, въ то время, когда для большинства крѣпостное право предоставлялось незыблемымъ устоемъ русской жизни». Колюпановъ тоже былъ впослѣдствіи однимъ изъ усердныхъ работниковъ въ крестьянскомъ дѣлѣ и онъ говоритъ о себѣ: «для меня знакомство съ Кавелинымъ было точкой поворота во взглядахъ на крѣпостное право: я пересталъ относиться къ нему безсознательно, какъ къ безразличному факту».

Много передается въ запискахъ Колюпанова о занятіяхъ Кавелина со студентами, о томъ, какъ онъ старался пріучить ихъ къ самостоятельной научной работѣ, устраивалъ практическіе семинаріи, давалъ имъ въ руки первоисточники.

Интересенъ также отзывъ Колюпанова о Грановскомъ, который читалъ для юристовъ дополнительный курсъ всеобщей исторіи:

«Были люди, — говоритъ Колюпановъ,—талантливѣе Грановскаго, но никто не имѣлъ такого непередаваемаго и неотразимаго обаянія. Въ немъ было столько любви, примиренія, всепрощенія, что онъ всюду приносилъ съ собой какую-то необыкновенно свѣтлую, чистую и успокоительную атмосферу, гдѣ всякій дѣлался самъ и нравственнѣе, и добрѣе». Колюпановъ подробно передаетъ о магистерскомъ диспутѣ Грановскаго, когда такъ могущественно выразилась симпатія студентовъ къ профессору. Это былъ не диспутъ, а публичное выраженіе любви и уваженія къ Грановскому. Слушатели, переполнявшіе актовую залу и ея хоры, всякое слово Грановскаго привѣтствовали громомъ апплодисментовъ; всякое возраженіе его противниковъ встрѣчалось шиканьемъ. Въ своей заключительной рѣчи передъ отзывомъ деканъ факультета, проф. Давыдовъ съ ироніей замѣтилъ, что Грановскому ученую степень присудило, главнымъ образомъ, такое настойчивое и такъ громко заявленное сочувствіе слушателей. Надо сказать, что въ овацiяхъ Грановскому и въ протестахъ противъ его оппонентовъ принимали участіе не одни студенты, и Колюпановъ разсказываетъ о гусарскомъ офицерѣ, который стоялъ рядомъ съ нимъ на хорахъ и усердно стучалъ саблей, увлеченный общимъ порывомъ. Присутствовавшій на диспутѣ попечитель гр. Строгановъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ нарушенія порядка университетской дисциплины, и первый подошелъ поздравить новаго магистра, а толпа студентовъ вынесла Грановскаго на рукахъ при оглушительныхъ крикахъ на улицу до извозчика.

Колюпановъ отводитъ много мѣста въ своихъ воспоминаніяхъ разсказамъ объ П. С. Нахимовѣ, бывшемъ тогда инспекторомъ студентовъ. Это былъ замѣчательно добрый и мягкій человѣкъ, оригиналъ большой руки, чрезвычайно близко принимавшій къ сердцу интересы студентовъ. Онъ говорилъ всѣмъ студентамъ «ты», и только если узнавалъ о комъ-нибудь изъ нихъ что-нибудь дурное, то переходилъ съ нимъ на «вы», и это слу-

жило своего рода наказаніемъ для виновнаго и вліяло даже на обращеніе съ нимъ товарищей. Колюпановъ разсказываетъ слѣдующій, очень характерный для Нахимова случай:

«Въ 1848 году среди студентовъ, устроился клубъ; студенты собирались потолковать и почитать вмѣстѣ, Вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожаками клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а почему-либо выдающихся — очень коротко. Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно. «У васъ тамъ клубъ,господа?»—«Да, есть, Платонъ Степановичъ».—«Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это извѣстно, такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте. Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣе! Вѣдь ни за грошъ пропадете! Послѣ одумаетесь, чушь эта сама изъ головы выпадетъ, на себя послѣ пенять станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ-ротозѣй, не умѣлъ во время предупредить». И студенты закрыли клубъ».

Когда въ 1849 г. въ университетѣ были введены разныя строгости и стѣсненія, то Нахимовъ не захотѣлъ подчиниться имъ и вышелъ въ отставку. Студенты объ этомъ ничего не знали. «Вдругъ въ нашу аудиторію,—разсказываетъ Колюпановъ, — во время лекціи Крылова неожиданно вошелъ Платонъ Степановичъ. Онъ былъ неузнаваемъ: на немъ, какъ говорится, лица не было, куда дѣвалась его воинственно-начальственная осанка,—сгорбленный, чѣмъ-то пришибленный. «Прощайте, господа!» сказалъ Платонъ Степановичъ, поклонился и вышелъ. Мы были ошеломлены и не понимали, что случилось. Въ перемѣну все разъяснилось, — и ужъ на насъ лица не оказалось». Студенты тутъ же устроили подписку, въ которой приняли всѣ участіе, и богатые, и бѣдные; было собрано въ три дня до 5.000 р. Поднесли Платону Степановичу золотой кубокъ и альбомъ съ карточками студентовъ».

За границей.

Женщины въ европейскихъ университетахъ. Женскій вопросъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ странахъ до нѣкоторой степени, порождается экономическими условіями, и особенно это справедливо въ отношеніи Германіи. Быть можетъ именно преобладаніе этихъ причинъ въ связи съ извѣстными нѣмецкими традиціями относительно назначенія и долга женщинъ, и заставляетъ Германію отставать въ этомъ отношеніи по сравненію съ другими европейскими странами — Англіей, Франціей, Бельгіей, гдѣ эмансипація женщины сдѣлала уже огромный шагъ впередъ. Въ Германіи, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, боятся конкурренціи женщины, и поэтому-то тамъ систематически противятся расширенію ея правъ и дѣятельности. Но требованія борьбы за существованіе неумолимы, и силою вещей, германскія женщины становятся конкуррентками мужчины въ разныхъ областяхъ, мало-по-малу прокладывая себѣ путь къ окончательному уравненію своихъ правъ съ правами мужчины. До послѣднихъ лѣтъ единственную подготовку къ воспитательной дѣятельности германскія молодыя дѣвушки получали въ такъ называемыхъ «Lehrerinen Seminar», откуда онѣ выходили лѣтъ 18-ти или 19-ти, сдавъ выпускной экзаменъ по слѣдующимъ предметамъ: Закону Божію, нѣмецкому языку, ариѳметикѣ, исторіи, географіи, немного естественной исторіи и чуть-

чуть физики, химіи и педагогики, зато онѣ хорошо знали шитье, умѣли преподавать рисованіе и хоровое пѣніе и начала французскаго и англійскаго языковъ. На этомъ и заканчивалось образованіе молодыхъ нѣмокъ. Разумѣется, такая программа сильно ограничивала дѣятельность женщины и ей предоставлялось только право преподавать въ младшихъ классахъ и въ первоначальныхъ школахъ, и, кромѣ того, она не могла быть преподавательницею нѣкоторыхъ предметовъ, напримѣръ: исторіи, литературы, Закона Божія и новыхъ языковъ; это исключительно предоставлялось мужчинамъ.

Въ 1887 году министру народнаго просвѣщенія и въ прусскій парламентъ была представлена петиція, подписанная одною изъ самыхъ энергичныхъ дѣятельницъ женскаго движенія, Еленою Лани. Въ этой петиціи заключалась просьба о допущеніи женщинъ къ преподаванію въ школахъ Закона Божія и нѣмецкаго языка. Какъ ни было скромно такое желаніе, все же оно подняло цѣлую бурю въ парламентѣ и министерствѣ, и петиція была отвергнута. Но несмотря на такую неудачу, петиція все-таки принесла нѣкоторую пользу, заставивъ обратить вниманіе на существующую систему женскаго воспитанія. Въ Берлинѣ было уже тогда одно высшее учебное заведеніе для молодыхъ дѣвушекъ, «Victoria Lyceum», основанное подъ покровительствомъ императрицы Викторіи, тогда еще кронпринцессы. Мало-по-малу въ этомъ заведеніи были произведены нѣкоторыя улучшенія, расширена программа и установленъ окончательный экзаменъ, который давалъ право молодымъ дѣвушкамъ, сдавшимъ его, занимать въ школахъ въ качествѣ учительницъ, лучшее положеніе, чѣмъ то, которое онѣ занимали до этихъ поръ. Первый такой экзаменъ состоялся въ 1891 году. Это уже былъ шагъ впередъ, и вскорѣ геттингенскій университетъ послѣдовалъ примѣру Берлина, и, благодаря энергичнымъ усиліямъ г-жи Форверкъ, при этомъ университетѣ были открыты публичныя лекціи для женщинъ, читавшіяся даже тѣми же профессорами и по той же программѣ, что и для мужчинъ. Но, конечно, эти курсы, именуемыя «Fortbildung Kursen», далеко не могли удовлетворять своему назначенію, благодаря неустановленности программы и тому, что они не давали ни математическаго, ни классическаго воспитанія женщинамъ. Наконецъ, въ маѣ прошлаго года германское правительство сдѣлало первый серьезный шагъ. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія учредилъ экзаменъ для женщинъ, на званіе «Oberlehrerin» (главной учительницы). Предметы, изъ которыхъ экзаменуются кандидатки на это званіе, распадаются на двѣ серіи: въ первой заключаются: Законъ Божій, нѣмецкій, французскій и англійскій языки; во второй — исторія, географія, математическія и естественныя науки. Каждая кандидатка должна выбрать два предмета, по одному изъ каждой серіи. Экзаменъ заключается въ представленіи работы на заданную тэму, причемъ на приготовленіе этой работы дается отъ 8 до 10 недѣль сроку. Огромною уступкою современнымъ идеямъ составляетъ также распоряженіе прусскаго министра просвѣщенія, по которому въ женскихъ школахъ, находящихся подъ управленіемъ директоровъ мужчинъ, назначаются вице-директорами женщины.

Единственный дипломъ, открывающій женщинамъ доступъ къ либеральнымъ профессіямъ, это тотъ, который онѣ получаютъ послѣ такъ называемаго «Abiturienten examen», по выходѣ изъ гимназіи. Но греческій языкъ не входитъ въ этотъ экзаменъ, и поэтому онѣ не имѣютъ права поступать въ университетъ съ

этимъ дипломомъ. Съ 1893 года открыты, впрочемъ, въ Берлинѣ классическая гимназія для женщинъ, гдѣ преподается и греческій языкъ. Примѣру Берлина послѣдовали Лейпцигъ и Карлсруэ. Тѣмъ не менѣе, германскіе университеты упорно закрываютъ свои двери женщинамъ, такъ что тѣ изъ нихъ которыя хотятъ заниматься медицинскою практикою, должны отправляться въ заграничные университеты, и только по полученіи тамъ дипломовъ устраиваются въ Германіи, какъ врачи, хотя и тутъ имъ приходится преодолѣвать еще много всевозможныхъ затрудненій. Но этого мало. Нѣкоторые университеты, въ томъ числѣ гейдельбергскій, внезапно прекратили публичныя лекціи для женщинъ, которыя были устроены при этихъ университетахъ. Причины такого ретроградnаго движенія неизвѣстны.

И такъ, мы видимъ, что Германія, хотя медленно и неохотно, все-таки увлекается общимъ теченіемъ и дѣлаетъ уступки женскому движенію.

Первыя попытки къ открытію женщинамъ доступа къ университетскому образованію были сдѣланы въ Англіи 25 лѣтъ тому назадъ. Кэмбриджъ былъ первою крѣпостью, которая подверглась приступу. Въ октябрѣ 1869 года было открыто въ Хитчинѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ разстоянія отъ Кэмбриджа, учебное заведеніе для женщинъ, гдѣ онѣ получали совершенно такое же образованіе, какъ и студенты, причемъ сами профессора университета оказали свое содѣйствіе этому учрежденію и охотно согласились читать лекціи женщинамъ. Но, тѣмъ не менѣе, начало было труднымъ. Число студентокъ не превышало 13. Въ 1872 году основана была женская ассоціація и соединена съ женскою коллегіею, въ 1873 году коллегія была уже переведена поближе къ Гиртону и съ этого времени уже безпрепятственно развивалась. Въ другихъ университетскихъ центрахъ дѣло началось съ публичныхъ лекцій, основанныхъ спеціально для женщинъ. Женскія коллегіи быстро развивались. Только въ 1881 году Кэмбриджъ, наконецъ, рѣшился заняться женщинами. Сенатъ университета принялъ на этотъ счетъ нѣсколько резолюцій; самая важная изъ нихъ конечно, та, которая допускала женщинъ въ университеты, подъ условіями извѣстной подготовки и экзамена. Конечно, путь для женщинъ не былъ еще совершенно расчищенъ, но многое было сдѣлано. Въ 1884 году старинный кэмбриджскій университетъ, до сихъ поръ еще твердо придерживающійся монастырской системы и средневѣковыхъ традицій, рѣшился, наконецъ, построить отдѣльное зданіе для женской коллегіи. Но, повидимому, на этомъ и кончались всѣ его уступки времени, такъ какъ ходатайство женщинъ о присужденіи имъ университетскихъ степеней было въ 1887 году энергично отвергнуто университетомъ, допускающимъ женщинъ не какъ личныхъ членовъ университета, а только какъ «корпоративныхъ членовъ коллегій, присоединяющихся къ университету». Но какъ бы тамъ ни было, а все же студентки получили уже право гражданства въ Кэмбриджѣ, хотя до сихъ поръ университетъ отказывается давать имъ ученыя степени. Студентки получаютъ лишь свидѣтельство въ томъ, что онѣ слушали такія-то и такія-то лекціи и выдержали экзамены, соотвѣтствующіе тому или другому курсу.

Оксфордскій университетъ несомнѣнно болѣе либераленъ. Въ 1878 г. въ Оксфордѣ основана была ассоціація въ пользу высшаго женскаго образованія, которая, затѣмъ, и взялась руководить имъ помимо коллегій. Такихъ коллегій было основано три: «Соммервиль», «Лэди Маргаретъ Голлъ» и «Сентъ Гюгъ Голлъ». Студентки въ

Оксфордѣ имѣютъ свободный доступъ во всѣ библіотеки университета и музеи. Но окончательное свидѣтельство выдается имъ все-таки не университетомъ, а спеціальною экзаменаціонною коммиссіей.

Въ лондонскомъ университетѣ, основанномъ въ 1836 году для диссидентовъ, которыхъ не допускали въ тѣ времена ни въ оксфордскій, ни въ кэмбриджскій университеты, женщины пользуются гораздо большими правами. Съ 1878 г. онѣ имѣютъ свободный доступъ во всѣ факультеты. Для женщинъ была, кромѣ того, устроена очень хорошая медицинская школа, дипломы которой пользуются солидною репутаціей. Но и въ Оксфордѣ и Кэмбриджѣ женщины добились очень многаго, напримѣръ, онѣ наравнѣ со своими товарищами мужчинами выбираютъ членовъ въ университетскій сенатъ. Но онѣ не участвуютъ въ избраніи членовъ парламента.

Университетъ Викторія, основанный въ 1880 г. въ Манчестерѣ, допускаетъ на равныхъ правахъ мужчинъ и женщинъ въ свои стѣны, за исключеніемъ медицинскаго факультета, такъ какъ въ Англіи довольно прочно все-таки засѣло предубѣжденіе, что медицинское образованіе женщины должны получать отдѣльно отъ мужчинъ. Другіе университеты въ Англіи не представляютъ никакихъ особенностей въ своей организаціи и допускаютъ женщинъ на равныхъ правахъ. Только княжество Уэльское пошло еще дальше впередъ и постановило, чтобы въ университетскомъ сенатѣ однимъ изъ членовъ была женщина.

Франція представляетъ одну характерную особенность по сравненію съ другими странами. Вездѣ женщины сами стучались въ двери университетовъ, и такъ сильно и упорно, что заставляли ихъ раскрываться передъ собою, мало-по-малу. Во Франціи же, наоборотъ, двери высшихъ учебныхъ заведеній сами открылись для женщинъ, но женщины не рынулись въ это святилище. Между тѣмъ, обученіе во французскихъ университетахъ доступно всѣмъ, и притомъ оно даровое. Есть «открытые», публичные курсы и «закрытые», куда также нетрудно попасть, надо только исполнить одну простую формальность, записаться на какой-нибудь курсъ. Но несмотря на такой легкій доступъ въ университеты, число француженокъ, поступающихъ туда, очень ограничено. Когда знаменитый химикъ Вюрцъ открылъ въ 1868 году первую школу для женщинъ, то сначала только три воспользовались его приглашеніемъ, и спустя десять лѣтъ, число студентокъ въ этой школѣ достигло только 32. Въ настоящее время всѣхъ студентокъ въ этой школѣ 169 и только 16 изъ нихъ, француженки, остальныя иностранки, преимущественно русскія или польки.

Настоящій толчекъ въ дѣлѣ женскаго образованія былъ данъ закономъ Камилла Сее, въ 1881 году, который основалъ женскіе лицеи и предоставилъ женщинамъ исключительное право преподавать въ этихъ лицеяхъ. Будущія профессорши подготовляются къ этой дѣятельности не въ Сорбоннѣ, а въ нормальной Севрской школѣ, находящейся подъ управленіемъ г-жи Жюль Фавръ. Ту же цѣль преслѣдуетъ и школа Севинье. Ученицы, поступая въ такую школу, подписываютъ обязательство — преподавать въ теченіе десяти лѣтъ по окончаніи курса, и выдержавшія экзаменъ получаютъ мѣста въ публичныхъ школахъ. Кромѣ того, курсы Сорбонны открыты для женщинъ, и точно также еще пятнадцать университетовъ въ департаментахъ открываютъ имъ свои двери.

Столѣтіе Парижской нормальной школы. Весною этого года въ Парижѣ

отпразднованъ былъ столѣтній юбилей «Ecole normale», основанной въ эпоху революціи, по образцу учебныхъ заведеній, существовавшихъ въ Германіи съ 1780 года. Конвентъ, воодушевляемый идеею «народнаго образованія, общаго для всѣхъ французскихъ гражданъ», обратился къ самымъ знаменитымъ дѣятелямъ науки и литературы того времени и просилъ ихъ содѣйствія. На призывъ конвента откликнулись: Лагранжъ, Монжъ, Лапласъ, Вольней, Лагарпъ, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ и др. Тысячи слушателей прибыли въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи, на счетъ государства, и въ той самой залѣ, въ которой теперь происходило юбилейное торжество, началось чтеніе лекцій, имѣвшихъ громадное значеніе для развитія просвѣщенія во Франціи, такъ какъ лица, приглашенныя слушать курсы, должны были, по окончаніи вернуться въ провинцію и повторить тамъ все то, что имъ было сообщено на лекціяхъ. Неудивительно, что нормальную школу сравнивали съ «лучомъ свѣта, внезапно проникшимъ въ страну и озарившимъ ее яркимъ сіяніемъ».

Юбилейное празднество нормальной школы началось съ чествованія Пастера, важнѣйшія изслѣдованія котораго, сдѣлавшія его имя безсмертнымъ, вышли изъ лабораторіи нормальной школы. Въ воспоминаніе этого, на стѣнѣ лабораторіи прибита теперь мраморная доска, съ перечисленіемъ важнѣйшихъ открытій Пастера и обозначеніемъ годовъ, къ которымъ относятся эти открытія. Затѣмъ, директоръ школы Перро, изобразилъ въ общихъ чертахъ ея историческое развитіе и выяснилъ значеніе ея просвѣтительной задачи. Рѣчь свою онъ закончилъ слѣдующими словами: «Народу нужны люди, которые обладали бы единственнымъ превосходствомъ, допускаемымъ народными принципами — превосходствомъ ума. Задача школы именно и заключается въ томъ, чтобы по прежнему доставлять элементы для образованія плеяды такихъ людей».

Нынѣшній французскій министръ народнаго просвѣщенія Пуанкарэ очертилъ задачи и значеніе народнаго образованія и сказалъ, что оно косвенно получаетъ свою окраску и свой характеръ отъ высшаго преподаванія и свободной культуры. Онъ прибавилъ, что республика и народъ всегда будутъ поддерживать избранниковъ, выдвинувшихся исключительно своими заслугами и трудомъ. «Народное образованіе, — сказалъ министръ, — не можетъ быть орудіемъ правительства, оно есть орудіе цивилизаціи; оно не должно препятствовать развитію характера, пытливости ума, не должно стремиться укладывать въ извѣстную форму умъ и совѣсть. Оно не должно мѣшать изслѣдованіямъ, не должно налагать цѣпи на интеллигенцію и унижать разумъ. Народное воспитаніе опирается на знаніе и поддерживается свободой».

Нормальная школа гордится тѣмъ духомъ, который она съумѣла сохранить въ неприкосновенности даже въ трудныя времена наполеоновскаго режима, когда она была превращена въ «педагогическую казарму». Наполеонъ превратилъ школу въ пансіонъ, и она осталась такимъ пансіономъ до сихъ поръ, но, тѣмъ не менѣе, сохранила традиціи 1795 года, вызвавшія ее къ жизни.

Изъ рядовъ «normaliens» — такъ называютъ въ общежитіи учениковъ нормальной школы — вышли многіе выдающіеся люди; въ спискѣ «нормальцевъ» встрѣчаются такія имена, какъ: Викторъ Кузенъ, Тэнъ, Пастеръ, Тьерри, Фюстель де-Куланжъ, Лависсъ, Жюль Симонъ, Прево Парадоль, Вейссъ, Ришпенъ и мн. другіе; съ 1816 года школа дала французскому институту 78 членовъ. Множество академиковъ, сенаторовъ, профессоровъ и писателей

также вышли изъ рядовъ «Нормальцевъ», и, между прочимъ, два такихъ противоположныхъ современныхъ дѣятеля, какъ отёнскій епископъ, монсиньоръ Перро, и вождь французскихъ соціалистовъ Жанъ Жоресъ. Весьма естественно поэтому, что вся Франція приняла участіе въ чествованіи своей знаменитой «Ecole Normale», и нынѣшніе «нормальцы», распѣвая сочиненную по случаю юбилея хвалебную пѣснь своей alma mater, повторяли слѣдующій припѣвъ:

«En somme
Nous sommes
Tous de futurs grands hommes».

(Въ сущности всѣ мы – будущіе великіе люди).

И вся Франція должна желать, чтобы этотъ припѣвъ оказался пророчествомъ.

Деревенская жизнь въ Америкѣ. Эмиграція сельскаго населенія въ большіе города съ каждымъ днемъ увеличивается въ Европѣ и принимаетъ такіе размѣры, которые заставляютъ причислить это явленіе къ числу самыхъ важныхъ вопросовъ современной соціологіи. Предлагались разныя средства для того, чтобы удержать сельское населеніе на своихъ мѣстахъ, но всѣ они оказались болѣе или менѣе безуспѣшными; переселеніе продолжается, увеличивая съ каждымъ днемъ городской пролетаріатъ и всѣ бѣдствія, сопряженныя съ этимъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это явленіе вызывается очень сложными экономическими причинами, и поэтому, мѣропріятіе, направленное противъ какой-нибудь одной изъ этихъ причинъ и дѣйствующее одностороннимъ образомъ, врядъ ли принесетъ существенную пользу. Однако американцы, которыхъ также начинаетъ тревожить явленіе, обнаруживающееся уже и по ту сторону океана, попробовали прежде всего подойти къ этому явленію съ той стороны, съ которой его совершенно не касались въ Европѣ. Дастъ ли какіе-нибудь благопріятные результаты попытка американцевъ—покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, она любопытна во многихъ отношеніяхъ.

Американцы задались вопросомъ: нельзя ли удержать сельское населеніе въ деревняхъ, обставивъ деревенскую жизнь болѣе благопріятными условіями и сдѣлавъ деревни болѣе привлекательными для ихъ обитателей? Мысль и исполненіе всегда идутъ рука объ руку въ Америкѣ, тѣмъ болѣе, что въ частной иниціативѣ, играющей такую огромную роль въ Соединенныхъ Штатахъ и представляющей такую громадную силу, никогда не бываетъ недостатка. Какъ только родился въ головѣ американцевъ проектъ усовершенствованій въ деревенской жизни, такъ немедленно, во всей странѣ, начали возникать многочисленные комитеты, занявшіеся приведеніемъ въ исполненіе этого проекта, и деревни очень быстро стали измѣнять свою физіономію подъ вліяніемъ разныхъ улучшеній и усовершенствованій, имѣющихъ цѣлью удовлетворить потребностямъ населенія, какъ въ физическомъ, такъ въ эстетическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ.

Первая деревня, претерпѣвшая рядъ благодѣтельныхъ превращеній въ этомъ смыслѣ, это—«Стокбриджъ», въ штатѣ Массачусетъ. Частная ассоціація занялась приведеніемъ этой деревни въ надлежащій видъ. Улицы были выравнены, дома исправлены и выстроены болѣе декоративнымъ образомъ и вездѣ устроены бульвары. Въ посадкѣ деревьевъ принимали участіе сами обитатели деревни, такъ какъ имъ была предложена премія за посадку 15 лучшихъ образцовъ. Такая же премія была назначена за сбереженіе и уходъ. Но этого мало. Тотчасъ же явился великодушный жертвователь, внесшій 2.000 долларовъ на устройство безплатной читальни и библіотеки; другой пожертвовалъ зданіе для этой библіотеки, и въ самый

короткій срокъ частная подписка удвоила пожертвованную сумму. Точно также была пожертвована разными лицами земля и деньги (10.000 долларовъ) на устройство публичнаго сада, и Стокбриджъ, прежде бывшій самою обыкновенною невзрачною и плохенькою деревушкой, превратился въ настоящее время чуть ли не въ земной рай. Такую же метаморфозу претерпѣла и деревня Нью-Милльфордъ въ Коннектикутѣ.

Но самыя большія улучшенія и усовершенствованія были произведены въ западныхъ штатахъ. Особенно въ этомъ отношеніи много сдѣлало общество въ Юмингѣ. Деревня, съ населеніемъ въ 700 человѣкъ, превратилась въ маленькій прелестный городокъ, весь утопающій въ зелени и имѣющій также свою библіотеку и общественный садъ.

Въ штатѣ Миннезота, деревни Фарибо и Норзсфильдъ обязаны своими улучшеніями и процвѣтаніемъ даже не коллективнымъ усиліямъ мѣстныхъ ассоціацій, а единичнымъ личностямъ. Первая превратилась въ образцовый городокъ, благодаря епископу Уайтлю, а вторая обязана всѣми своими улучшеніями профессору Маргарету Эвансу, основавшему въ ней коллегію и устроившему прекрасный паркъ, водопроводъ и т. п.

Въ Небраскѣ также устроены теперь водопроводы, газовое и электрическое освѣщеніе, прекрасная ассенизація, трамваи, мощеныя улицы, библіотека и госпиталь, а также общественный садъ и паркъ. Въ Эвантонѣ, вблизи Чикаго, также введены всѣ современныя улучшенія, а въ Окъ-Паркѣ (тамъ же), устроены, кромѣ того, школа, библіотека, паркъ и гимнастическое заведеніе, и все это лишь однимъ лицомъ, Джемсомъ Ковиллемъ, истратившимъ съ этою цѣлью 300.000 долларовъ.

Въ Пенсильваніи существуетъ «ассоціація украшенія деревень», члены которой преимущественно женщины, очень много уже сдѣлали въ этомъ направленіи. Кромѣ того, тамъ же организовано подобное же общество изъ школьной молодежи, спеціально занимающейся посадкою растеній, цвѣтовъ и деревьевъ и слѣдящее за чистотою улицъ. Въ Нью-Джерсеѣ инициатива также принадлежитъ женщинамъ, устроившимъ въ этомъ городѣ безплатную библіотеку. Къ женской ассоціаціи и тутъ примыкаетъ ассоціація школьной молодежи. Въ Монклерѣ жители особенно гордятся чистотою своихъ улицъ и прекрасными санитарными условіями.

Въ Шпрингфильдѣ (въ Массачусетсѣ), шесть лѣтъ тому назадъ, было основано общество, поставившее себѣ цѣлью «развитіе эстетическаго чувства въ жителяхъ». Общество стремилось заставить обитателей этого мѣстечка позаботиться объ его украшеніи, также какъ и объ украшеніи своихъ собственныхъ жилищъ. Назначены были преміи за устройство цвѣтниковъ и украшеніе оконъ растеніями. Жителямъ были розданы съ этою цѣлью милліоны луковицъ разныхъ цвѣтущихъ растеній и сѣмянъ. Но всюду, при этомъ, общество заботится и объ устройствѣ библіотекъ. Въ штатѣ Массачусетсѣ пожертвованія въ пользу устройства безплатныхъ библіотекъ достигаютъ шести милліоновъ долларовъ; 327 деревень въ этомъ штатѣ имѣютъ публичныя библіотеки, изъ которыхъ пятьдесятъ носятъ имя своихъ основателей.

Дѣло улучшенія условій деревенской жизни все разростается въ Америкѣ, и возникаютъ непрестанно новыя общества, задающіяся этою цѣлью. Если это предпріятіе не принесетъ непосредственныхъ результатовъ въ смыслѣ удержанія сельскаго населенія отъ переселенія въ большіе города, то, во всякомъ случаѣ, оно представляетъ огромный интересъ, какъ новое проявленіе могущества въ Америкѣ

частной инициативы и группировки частныхъ лицъ, дѣйствующихъ въ пользу коллективныхъ интересовъ общины и страны.

Тайныя и явныя общества въ Китаѣ. Китайскому правительству не мало хлопотъ доставляли и доставляютъ тайныя общества, имѣющія большое распространеніе и пользующіяся огромнымъ вліяніемъ въ Китаѣ, несмотря на всѣ мѣры, принимаемыя противъ нихъ китайскими властями. Самое вліятельное и распространенное тайное общество въ Китаѣ, это «союзъ колоагуй», возникшій въ провинціи Хуннанъ, населеніе которой считается самымъ храбрымъ и мужественнымъ, и въ тоже время самымъ непокорнымъ по отношенію къ властямъ. Союзъ этотъ имѣетъ болѣе милліона членовъ, и въ каждомъ китайскомъ городѣ происходятъ тайныя собранія этого союза, лозунгомъ котораго служитъ «Китай для китайцевъ». Идея, заложенная въ основу этого союза, заставляетъ его быть противникомъ манджурской династіи и манджурскаго правительства въ Китаѣ, и поэтому-то правительство такъ яростно преслѣдуетъ его членовъ и не щадитъ ихъ, если они попадаются къ нему въ руки. Однако, это случается не такъ часто, потому что китайская полиція не обладаетъ особеннымъ искусствомъ и прозорливостью, статуты же союза очень строги и неизбѣжно караютъ смертью каждую измѣну. Вступленіе въ члены союза сопровождается извѣстными церемоніями; между прочимъ, новый вступающій членъ долженъ выпить кубокъ горячаго вина, смѣшаннаго съ дымящеюся кровью тутъ же зарѣзаннаго пѣтуха. По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, вступающему въ общество дается узенькая полоска полотна, на которой написанъ извѣстный уже лозунгъ, и онъ уже считается съ этой минуты дѣйствительнымъ членомъ. Членами этого общества состоятъ многія высокопоставленныя лица изъ военнаго круга, и даже покойный вице-король въ Нанкинѣ былъ долго членомъ этого общества и, какъ разсказываютъ, поплатился жизнью за неуваженіе къ постановленіямъ общества. Его преемника общество обложило данью, пригрозивъ ему возстаніемъ и избіеніемъ иностранцевъ. Вообще, гдѣ только ни возникали въ Китаѣ безпорядки, вышеназванное тайное общество непремѣнно тутъ играло какую-нибудь роль.

Другое тайное общество, соперничествующее съ «Колоагуй» относительно вліянія и древности своего происхожденія, это—«Самъ-Гопъ-Вуй». Этотъ союзъ организовалъ возмущеніе «тайпинговъ», продолжавшееся нѣсколько лѣтъ и стоившее Китаю, по крайней мѣрѣ, десяти милліоновъ человѣческихъ жизней. Возмущеніе началось на югѣ и распространилось постепенно по всему государству, и чуть-чуть не привело къ сверженію татарской династіи. Во главѣ этого возмущенія стоялъ одинъ китаецъ, именовавшій себя младшимъ братомъ Іисуса Христа, пришедшимъ преобразовать міръ.

Общество «Самъ-Гопъ-Вуй» также обладаетъ огромнымъ вліяніемъ въ Китаѣ и имѣетъ неограниченную власть надъ своими членами. Измѣна карается или отрѣзываніемъ ушей, если она незначительна, или смертью. Члены узнаютъ другъ друга по нѣкоторымъ словамъ и знакамъ, и по тому, какъ они переступаютъ порогъ дома. Кромѣ того, зонтики, вѣера, флаги и расположеніе тарелокъ при угощеніи гостей служатъ знаками для распознаванія членовъ общества. Всѣ члены общества обязаны помогать и поддерживать другъ друга. Лозунгъ ихъ: «Долой татаръ!» и, слѣдовательно, это общество, также какъ и первое, является врагомъ существующаго въ Китаѣ манджурскаго правительства.

Кромѣ этихъ двухъ могущественныхъ ассоціацій, существуетъ въ Китаѣ еще множество мелкихъ тайныхъ союзовъ. Опасность для правительства представляютъ безчисленные рабочіе союзы, существующіе оффиціально, и противъ нихъ правительство совершенно безсильно. Китайцы, вообще, обнаруживаютъ большую склонность къ образованію такихъ союзовъ, и это составляетъ ихъ силу. Рѣшительно всѣ ремесла и отрасли промышленности въ Китаѣ имѣютъ свои союзы. Недавно союзъ цирульниковъ, занимающихъ чуть ли не самое низкое мѣсто въкитайскомъ обществѣ, добился отъ правительства очень важной уступки — уравненія правъ своихъ дѣтей относительно воспитанія съ правами дѣтей всѣхъ остальныхъ классовъ населенія. Какъ ни могущественны китайскіе вице-короли, распоряжающіеся, какъ имъ вздумается, генералами и прочими высокопоставленными чинами, они все-таки ничего не могутъ подѣлать съ ремесленными союзами. Неуспѣхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій, напримѣръ, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ сопротивленія рабочихъ «кули», перевозящихъ тяжести на своихъ тачкахъ. Союзъ этихъ «кули» представляетъ одну изъ самыхъ могущественныхъ организацій въ Китаѣ. Очень часто нововведенія, проектируемыя вице-королями или правительствомъ, разбиваются о препятствія, воздвигаемыя имъ ремесленными союзами.

Китайскіе банкиры также образуютъ союзъ, и правительство, что касается средствъ, напримѣръ, для дальнѣйшаго веденія войны, находится въ полной зависимости отъ этого союза. Въ Тянь-Цзинѣ и Шанхаѣ существуетъ до тысячи банковъ, которые всѣ дѣйствуютъ рука объ руку. Они находятся въ тѣсной связи съ прочими банками государства и управляютъ всѣми денежными дѣлами страны и биржей.

Ремесленные союзы обладаютъ очень строгими уставами и главнымъ образомъ они направлены противъ введенія машиннаго производства. Благодаря именно сопротивленію этихъ союзовъ, въ Китаѣ до сихъ поръ нельзя было ввести машинную работу. Промышленники, попробовавшіе было идти наперекоръ союзамъ, расплачивались обыкновенно, жизнью за свои дерзкія попытки. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Шанхаѣ произошелъ слѣдующій ужасный фактъ. Какой-то промышленникъ досадилъ своими поступками ремесленному союзу, и было постановлено раздѣлаться съ нимъ. Заговоръ хранился въ тайнѣ, и жертва ничего не подозрѣвала. Однажды утромъ онъ вошелъ въ мастерскую, гдѣ у него работало 100 человѣкъ, и вдругъ, по данному сигналу, на него набросились нѣсколько человѣкъ и начали его кусать, за этими другіе и т. д., пока всѣ рабочіе не перепробовали на немъ свои зубы. У дверей мастерской стоялъ на стражѣ избранный предводитель, который не пропускалъ никого изъ рабочихъ, прежде чѣмъ не удостовѣрится по окровавленнымъ зубамъ рабочаго, что онъ выполнилъ приказаніе и укусилъ своего хозяина. Несчастный хозяинъ былъ буквально закусанъ до смерти. Такъ какъ въ Китаѣ не существуетъ закона, карающаго за укушеніе, то виновники не понесли никакого наказанія, хотя это дѣло и дошло до свѣдѣнія правительства, истратившаго по этому поводу много чернилъ и бумаги, но безъ всякихъ результатовъ.

Всѣ эти общества и союзы составляютъ главное препятствіе ко введенію европейской культуры, такъ какъ всѣ они одержимы ненавистью ко всякимъ нововведеніямъ и къ иностранному духу. Поэтому-то люди, хорошо знакомые съ внутреннимъ положеніемъ Китая, сомнѣваются, чтобы результатомъ японско-китайской войны явились какія-нибудь цѣлесообраз-

ныя реформы, такъ какъ правительство слишкомъ для этого безсильно.

Землетрясенія; катастрофа въ Лайбахѣ (Люблянахъ). Главный городъ провинціи Крайна (въ Австріи), Лайбахъ, перенесъ недавно страшную катастрофу, чуть-чуть не превратившую его окончательно въ груду развалинъ. Въ одиннадцать часовъ вечера, 26-го апрѣля, внезапно послышались подземные удары, почва заколебалась и зданія начали рушиться. Землетрясеніе продолжалось почти до семи часовъ утра. За двумя очень сильными ударами слѣдовали болѣе слабыя колебанія,—счетомъ тридцать одно сотрясеніе земли. Жители въ паническомъ страхѣ бѣжали изъ своихъ домовъ, и грохотъ сыпавшихся камней и подземный гулъ, а также темнота ночи, еще усиливали всеобщую панику. 10.000 жителей остались безъ крова, такъ какъ 20% домовъ въ Лайбахѣ совершенно разрушено землетрясеніемъ, большинство же настолько повреждено, что не годится для жилья. Первую и двѣ послѣдующія ночи жители провели подъ открытымъ небомъ, на площадяхъ, въ садахъ и посрединѣ улицы, устроивъ себѣ временное убѣжище, какъ могли. Болѣе счастливые ютились въ палаткахъ, экипажахъ и вагонахъ желѣзной дороги. Землетрясеніе повторилось еще разъ въ первыхъ числахъ мая, но уже не съ такою силой. Область землетрясенія была очень велика и не ограничивалась Лайбахомъ; она распространялась на Тріестъ, Форарльбергъ, Тироль, Верхнюю и Нижнюю Австрію, до Вѣны, гдѣ магнитныя силы, также какъ и въ Прагѣ и Берлинѣ, показывали большія пертурбаціи. Катастрофа въ Лайбахѣ почти совпала съ сильными землетрясеніями въ Сициліи, съ обвалами въ Бельгіи и др. мѣстахъ, а также съ появленіемъ урагановъ и падающихъ звѣздъ. Въ Аграмѣ и Босніи также произошло землетрясеніе около этого же времени, въ Венгріи, Сербіи и Бухарестѣ—громадныя наводненія, затопившія огромные участки земли.

Анри Парвилль, посвящающій этому обширному землетрясенію свой научный фельетонъ въ «Journal des Débats», говоритъ, что давно уже сложилось мнѣніе, будто землетрясеніе неизбѣжно повторяется въ извѣстныхъ областяхъ. Послѣ болѣе или менѣе долговременнаго затишья снова наступаетъ землетрясеніе, обыкновенно, захватывающее большіе участки. Впрочемъ, въ этихъ участкахъ, всегда подвергающихся землетрясеніямъ, обнаруживаются постоянныя колебанія почвы, ускользающія, однако, отъ наблюденія обитателей этой области, пока внезапно надъ ними не разразится катастрофа, подобная той, которая произошла въ Лайбахѣ. Послѣднее сильное землетрясеніе въ этой области было въ январѣ 1348 года. Тѣ же самыя провинціи, Краина, Штирія, Каринтія, Австрія, Венгрія и Моравія подверглись катаклизму. Сорокъ городовъ и множество замковъ были разрушены, въ Альпахъ Виллахи образовались трещины, одно изъ альпійскихъ озеръ исчезло, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ земля раскрылась, и горы, обрушившись въ рѣки, произвели страшныя наводненія.

Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ, вслѣдствіе охлажденія и сжатія нашей планеты, земная кора потрескалась и сморщилась, равновѣсіе сдѣлалось неустойчивымъ, подземныя трещины приводятъ поверхность земли въ болѣе или менѣе непосредственное соприкосновеніе съ резервуаромъ центральныхъ силъ, которыя и даютъ себя чувствовать. И вездѣ именно такія мѣста съ нарушеннымъ равновѣсіемъ претерпѣваютъ отъ времени до времени болѣе или менѣе сильныя колебанія, обнаруживающіяся преимущественно въ эпохи подземныхъ приливовъ, когда

центральная огненная масса стремится къ перемѣщенію.

Не всѣ ученые, однако, раздѣляютъ воззрѣніе, что ядро нашей планеты находится въ жидкомъ или вязкомъ состояніи. Нѣкоторые геологи объясняютъ сотрясенія земной почвы иначе. Одни видятъ здѣсь чисто случайныя явленія, зависящія отъ обрушиванія огромныхъ скалъ, подмытыхъ водой, отъ взрыва паровъ, инфильтраціи морскихъ водъ, превращающихся, подъ вліяніемъ высокихъ температуръ глубокихъ слоевъ земли, въ пары подъ страшно громаднымъ давленіемъ. Другіе ученые видятъ въ землетрясеніяхъ электрическія явленія и т. п. Однимъ словомъ, существуетъ много гипотезъ для объясненія этого загадочнаго явленія, и ужъ одно это обиліе гипотезъ доказываетъ, что это явленіе до сихъ поръ еще не объяснено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ.

По мнѣнію Анри Парвилля, въ землетрясеніи мы имѣемъ проявленіе дѣйствія центральныхъ силъ. Жидкое состояніе ядра земного шара не подлежитъ сомнѣнію. На это указываетъ повышеніе температуры по направленію къ центру. Парвилль, кромѣ того, приводитъ наблюденіе, что уровень лавы въ нѣкоторыхъ вулканахъ повышался и понижался въ связи съ большими приливами, что указываетъ на болѣе или менѣе совершенное сообщеніе съ центральною огненною матеріей. Въ пользу существованія этой матеріи говоритъ также одновременность землетрясеній; очень часто землетрясеніе наступаетъ въ одно и то же время въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Трудно было бы объяснить такое совпаденіе, если бы землетрясеніе вызывалось исключительно только мѣстными и случайными причинами. Если же мы признаемъ общую причину этихъ явленій, заключающуюся въ измѣненіи уровня центральной огненножидкой матеріи, находящагося въ зависимости отъ солнечнаго и луннаго вліянія, то, какъ говоритъ Парвилль, многое становится объяснимымъ. Трудно себѣ представить, чтобы солнце и луна, вліяющія на воды океана, не оказывали бы такого же вліянія и на болѣе или менѣе жидкое, но обладающее огромною плотностью, содержимое земного ядра. Статистическія наблюденія, произведенныя въ теченіи многихъ лѣтъ, указываютъ, что большія землетрясенія всегда происходятъ, какъ и океанскіе приливы, въ извѣстныя опредѣленныя эпохи, находящіяся въ связи съ лунными и солнечными движеніями. Безъ сомнѣнія, почва нашей планеты находится въ состояніи постояннаго колебанія, и, слѣдовательно, при всякомъ положеніи солнца и луны, происходятъ легкія землетрясенія. Но вѣдь и приливы бываютъ нѣсколько разъ въ день, но это не тѣ большіе приливы, которые происходятъ лишь въ опредѣленныя эпохи, зависящія отъ положенія луны и солнца.

И такъ, большія землетрясенія, какъ и большіе приливы, происходятъ отъ одинаковыхъ причинъ, т. е. повинуются однимъ и тѣмъ же вліяніямъ луннаго притяженія, дѣйствующаго и на подземныя силы и вызывающаго появленіе подземныхъ приливовъ, отраженіемъ которыхъ является землетрясеніе. Катастрофа Лайбаха повинуется такому же закону. Въ ночь землетрясенія было полнолуніе. И такъ какъ лунныя вліянія отражаются на океанѣ, на атмосферѣ и т. д., то въ то же время произошли ураганы въ разныхъ мѣстахъ, болѣе или менѣе удаленныхъ отъ центра землетрясенія. Во всякомъ случаѣ, гипотеза существованія подземныхъ приливовъ представляетъ много вѣроятій, такъ какъ объясняетъ появленіе землетрясеній въ опредѣленныя эпохи, между тѣмъ какъ этотъ фактъ остается непонятнымъ, если землетрясеніе объ-

яснять мѣстными и случайными причинами.

«Revue des Deux Mondes». Въ числѣ женскихъ типовъ, описываемыхъ г-жею Бентсонъ въ ея интересныхъ очеркахъ американской жизни и положенія женщины въ американскомъ обществѣ, печатающихся въ «Revue des Deux Mondes», безъ сомнѣнія, видное мѣсто занимаетъ особый видъ женщинъ благотворительницъ и общественныхъ дѣятельницъ на поприщѣ сближенія расъ. Такова миссъ Флетчеръ, извѣстная подъ именемъ «благотворительницы индѣйцевъ». Наука привела ее къ благотворительности. Считаясь «fellow» (членомъ) ученой Гарвардской коллегіи, она предприняла рядъ этнологическихъ, научныхъ изысканій, которыя заставили ее прожить долгое время среди индѣйцевъ, и узнавъ ихъ поближе, она прониклась къ нимъ любовью и состраданіемъ. «Я была поражена, какъ много виновато наше правительство передъ индѣйцами,—говоритъ миссъ Флетчеръ,—и поставила себѣ задачею облегчить—участь индѣйскихъ племенъ, по крайней мѣрѣ въ томъ, что касается ихъ жилищъ и воспитанія дѣтей». И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи миссъ Флетчеръ сдѣлала очень многое. Благодаря ея стараніямъ, былъ изданъ билль, подписанный президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, въ 1882 году, по которому каждый индѣецъ, глава семьи, получалъ право на 160 акровъ земли; холостые же и сироты старше 18 лѣтъ получаютъ половину, а моложе 18 лѣтъ—только четверть этого количества земли. Теперь около 5.000 индѣйцевъ живутъ такимъ образомъ на своихъ участкахъ и могутъ безпрепятственно ихъ обрабатывать.

Миссъ Флетчеръ хорошо изучила бытъ индѣйцевъ и представила очень много цѣнныхъ работъ по индѣйской этнографіи. Ее чрезвычайно интересуетъ расовый вопросъ, и она посвятила ему нѣсколько серьезныхъ научныхъ статей. Также очень цѣнными и интересными считаются ея изслѣдованія индѣйской музыки и цѣсень. Въ настоящее время она состоитъ предсѣдательницею антропологическаго общества, основаннаго ею, и подъ ея же руководствомъ и вліяніемъ находится знаменитая индѣйская школа въ Карлилѣ. Во всѣхъ своихъ лекціяхъ и конференціяхъ, также какъ и статьяхъ, миссъ Флетчеръ возстаетъ противъ расовыхъ предразсудковъ и особенно обращается къ женщинамъ, которыя, по ея словамъ, являются самыми стойкими и вѣрными хранительницами подобныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, и предлагаетъ имъ заняться научнымъ изученіемъ расоваго вопроса, для того, чтобы освѣтить тѣ потемки, которые до сихъ поръ окружаютъ его. «Знаніе, говоритъ обыкновенно миссъ Флетчеръ,—во всякомъ случаѣ является источникомъ состраданія и милосердія. Поэтому, мы и должны стремиться пріобрѣтать какъ можно болѣе знаній!».

Миссъ Флетчеръ посовѣтовала г-жѣ Бентсонъ отправиться въ Карлиль и поговорить съ директоромъ этой школы, капитаномъ Праттомъ, чтобы составить себѣ болѣе вѣрное понятіе о томъ, что такое индѣйцы.

Капитанъ Праттъ участвовалъ въ 1875 году въ экспедиціи противъ индѣйцевъ причемъ, захватилъ въ плѣнъ около сотни индѣйскихъ вождей, которые въ цѣпяхъ были приведены въ крѣпость. Индѣйцы уже приготовились умирать, какъ слѣдуетъ храбрымъ воинамъ, но капитанъ Праттъ разсудилъ иначе. Онъ предложилъ имъ свободу на честное слово, подъ тѣмъ лишь условіемъ, что они будутъ работать. Индѣйцы придаютъ огромное значеніе своему слову и были польщены оказаннымъ имъ довѣріемъ, поэтому никто изъ нихъ не рѣшился злоупотребить да-

рованной свободой. Капитанъ Праттъ мало-по-малу снискалъ ихъ расположеніе; онъ сталъ обучать ихъ грамотѣ, ремесламъ и въ 1879 году добился разрѣшенія открыть индѣйскую школу въ Карлилѣ, въ чемъ ему много помогла миссъ Флетчеръ. Въ настоящее время въ этой школѣ обучается 700 индѣйцевъ, представителей 24 отдѣльныхъ индѣйскихъ племенъ. Въ Карлилѣ введена система совмѣстнаго воспитанія, и здѣсь, также какъ и въ другихъ мѣстахъ Америки, эта система приноситъ хорошіе плоды. Капитанъ Праттъ, по его словамъ, стремится главнымъ образомъ къ тому, чтобы индѣйцы усвоили себѣ американскую цивилизацію, чтобы они «растворились въ ней». Онъ убѣжденъ, что только такимъ путемъ можно спасти индѣйцевъ отъ окончательнаго вымиранія. Оставаясь въ своихъ «резервахъ» (индѣйскія территоріи), ведя традиціонную жизнь индѣйскихъ племенъ, они осуждены на неизбѣжную гибель. По мнѣнію капитана Пратта, изъ 250.000 индѣйцевъ, существующихъ въ настоящее время, въ будущемъ останется не болѣе 35.000, и вотъ ихъ-то и надо спасти отъ пагубнаго вліянія племени. Поэтому-то капитанъ Праттъ и старается о томъ, чтобы прошедшіе курсъ Карлильской школы индѣйцы, молодые люди и дѣвушки, не возвращались къ своему племени, къ «традиціоннымъ кострамъ и жизни въ палаткахъ». На удивленное замѣчаніе, сдѣланное по этому поводу г-жѣ Бентсонъ, онъ сказалъ: «Зачѣмъ имъ возвращаться въ свои семьи? Миссіонеры проповѣдуютъ это во имя какого-то долга и очень много наносятъ вреда дѣлу индѣйцевъ. Надо знать, какъ низко стоятъ въ нравственномъ отношеніи эти племена, нравы которыхъ мы, почему-то, стараемся идеализировать! Мужчины, возвращаясь туда, очень скоро сбрасываютъ европейскую одежду и возвращаются къ «одѣяламъ», а дѣвушки, преслѣдуемыя собственными матерями, не въ состояніи избѣжать возмутительныхъ полигамическихъ союзовъ, унижающихъ ихъ до послѣдней степени».

Капитанъ Праттъ убѣжденъ, что въ томъ, вернется ли индѣецъ въ свои «резервы», или останется среди цивилизованнаго общества, заключается для него вопросъ жизни и смерти. «Мы обязаны помѣшать возвращенію индѣйца къ своему племени,—говоритъ Праттъ.—Мы должны снабдить ихъ всѣми знаніями, чтобы они могли быть членами общества наравнѣ со всѣми, безъ всякаго спеціальнаго ярлыка. Индѣйцы, научившіеся мыслить ясно и послѣдовательно и подвергшіеся долговременному режиму бѣлыхъ, не будутъ ни хуже, ни лучше бѣлыхъ... по крайней мѣрѣ, тѣ, которые переживутъ. Американская система заключается въ томъ, чтобы благопріятствовать развитію индивидуальности и препятствовать деспотизму массы. Эта система приложима къ индѣйцамъ, также какъ и ко всѣмъ другимъ».

При школѣ въ Карлилѣ учреждены всевозможныя мастерскія, удовлетворяющія всѣмъ потребностямъ школы, а также типографія, въ которой печатаются два журнала: «The Indian Helper» (Помощникъ индѣйцевъ), выходящій разъ въ недѣлю и сообщающій внѣшнему міру о томъ, что творится въ школѣ, и «Red Man» (Краснокожій), гдѣ печатаются статьи по индѣйскому вопросу. Многія изъ этихъ статей написаны индѣйскими журналистами, получившими ученыя степени въ Карлильской школѣ. Ученики, работающіе въ мастерскихъ, получаютъ небольшую плату, и заработокъ этотъ составляетъ сбереженія, которыя даютъ имъ возможность, по выходѣ изъ школы, завести свое дѣло или ферму. Капитанъ Праттъ больше всего стремится къ тому, чтобы его

бывшіе воспитанники дѣлались независимыми по окончаніи ученія и заводили какое-нибудь самостоятельное дѣло. Онъ старается внушить имъ сознаніе своихъ гражданскихъ обязанностей и мечтаетъ о томъ, что современемъ его ученики сдѣлаются равноправными американскими гражданами. Съ этою цѣлью имъ организованы въ Карлилѣ студенческіе клубы, гдѣ ученики приготовляются къ будущимъ политическимъ преніямъ; ученицы же образуютъ между собою литературныя общества и клубы и т. д., совершенно такъ, какъ въ коллегіяхъ бѣлыхъ. Г-жа Бентсонъ прибавляетъ, что совершенно также, какъ и нѣкоторые изъ европейцевъ, многіе изъ краснокожихъ относятся недоброжелательно къ идеѣ равенства женщинъ въ умственномъ и гражданскомъ отношеніи, но краснокожія дѣвушки, попадающія въ коллегію, очень быстро осваиваются съ этой идеей и не обращаютъ вниманія на неодобреніе своихъ собратьевъ мужского пола.

До сихъ поръ индѣйцы, представляющіе самое незначительное меньшинство въ Соединенныхъ Штатахъ, не пользуются ровно никакими гражданскими правами. Конгрессъ оказывается къ нимъ гораздо менѣе милостивымъ даже, чѣмъ къ неграмъ, и предоставляетъ имъ только одно право—поскорѣе вымирать. Къ этому именно и ведетъ вся американская система исключенія прежнихъ властелиновъ страны за предѣлы цивилизованнаго человѣчества, и съ этою именно системой вступаетъ въ борьбу ассоціація, имѣющая цѣлью добиться ассимиляціи индѣйцевъ и уравненія ихъ съ прочими гражданами Америки. Какъ всѣ движенія въ Америкѣ, такъ и это народилось и развилось подъ вліяніемъ частной иниціативы. Толчокъ къ нему былъ данъ женщиною, миссъ Флетчеръ, и теперь оно распространилось на всѣ слои американскаго общества и съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ.

«Revue Scientifique». Извѣстный французскій ученый антропологъ и этнографъ Гюставъ Лебонъ посвящаетъ рядъ статей въ «Revue Scientifique» крайне интересному вопросу, касающемуся психологіи толпы. Вопросъ этотъ разбирался на третьемъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ и послужилъ предметомъ замѣчательнаго сообщенія, сдѣланнаго конгрессу Габріелемъ Тардомъ. Лебонъ, также какъ и Тардъ, указываетъ, что толпа обладаетъ спеціальными психологическими чертами, свойственными только человѣческимъ собраніямъ. Тутъ выдвигается на сцену слѣдующій главный фактъ: каковы бы ни были отдѣльныя личности, входящія въ составъ толпы, какъ бы они ни отличались между собою своимъ образомъ жизни, занятіями, характеромъ, умомъ и способностями, вмѣстѣ они образуютъ нѣчто цѣлое, обладающее коллективною душой, заставляющею ихъ думать, чувствовать и дѣйствовать иначе, чѣмъ они бы думали, дѣйствовали и чувствовали каждый въ отдѣльности. Нѣкоторыя идеи и чувства только и могутъ зарождаться и превращаться въ дѣйствіе въ толпѣ. Толпа представляетъ временное существо, образовавшееся изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, случайно и на время соединившихся вмѣстѣ, совершенно такъ, какъ соединяются клѣтки, образуя живое существо, обладающее совсѣмъ уже другими свойствами, нежели каждая клѣтка въ отдѣльности.

Лебонъ не согласенъ со Спенсеромъ, что въ аггрегатѣ человѣческихъ существъ, составляющихъ собственно то, что называется толпой, мы имѣемъ дѣло съ суммой всѣхъ элементовъ, входящихъ въ составъ ея и образующихъ среднюю величину. Онъ го-

воритъ, что, наоборотъ, въ толпѣ мы имѣемъ дѣло съ комбинаціей элементовъ, образующихъ новыя черты, свойственныя только этой комбинаціи. Индивидуумъ въ толпѣ отличается отъ изолированнаго индивидуума—констатировать это не трудно, но трудно выяснить причины этого различія. Для объясненія этого явленія мы должны вспомнить о той роли, которую играютъ элементы безсознательнаго въ нашей психической жизни. Сознательная жизнь нашего ума составляетъ лишь незначительную часть по сравненію съ безсознательною жизнью. Наши поступки часто обусловливаются такими тайными причинами, которыя намъ самимъ неизвѣстны, и анализъ которыхъ ускользаетъ отъ насъ. Эти безсознательные элементы, образующіе душу какой-нибудь расы, порождаютъ сходство между отдѣльными индивидуумами этой расы; сознательные же элементы, составляющіе плодъ воспитанія, или особенной наслѣдственности, являются причиною различія отдѣльныхъ ея членовъ. Въ такъ-называемой «коллективной» душѣ, составляющей душу толпы, спеціальныя черты отдѣльныхъ индивидуумовъ, ихъ индивидуальность исчезаетъ, разнородность превращается въ однородность, и безсознательные элементы души человѣка вступаютъ въ свои права. Различныя причины обусловливаютъ появленіе тѣхъ спеціальныхъ чертъ, которыя характеризуютъ толпу и не замѣчаются совершенно у отдѣльныхъ индивидуумовъ, входящихъ въ составъ этой толпы. Прежде всего исчезаетъ чувство отвѣтственности, удерживающее отдѣльнаго индивидуума отъ многихъ поступковъ, такъ какъ толпа безъимянна и, слѣдовательно, не отвѣтственна. Индивидуумъ въ толпѣ, на основаніи только ея численности, испытываетъ такое ощущеніе силы и власти, какое онъ никогда не можетъ испытать, будучи изолированнымъ отъ толпы. Второю причиною является подражаніе. Это явленіе констатировать не трудно, но объяснить гораздо труднѣе. Безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ гипнотическаго характера. Въ толпѣ всякое чувство, всякое дѣйствіе заразительно и притомъ до такой степени, что индивидуумъ легко приноситъ въ жертву свой личный интересъ ради коллективнаго интереса. Это свойство прямо противорѣчитъ человѣческой природѣ, и человѣкъ дѣлается способенъ къ этому только въ толпѣ. Третьею причиною, вызывающею исчезновеніе индивидуальныхъ различій въ толпѣ, является внушеніе. Состояніе индивидуума въ толпѣ подходитъ къ состоянію загипнотизированнаго, потерявшаго сознаніе личности, волю и способность разсужденія. Какъ у загипнотизированнаго, такъ и у индивидуума въ толпѣ, исчезаютъ нѣкоторыя душевныя свойства, другія же могутъ быть доведены до крайней степени возбужденія. Тогда, повинуясь внушенію, индивидуумъ совершаетъ тѣ или другіе поступки, проявляя при этомъ особенную стремительность. Эта стремительность сильнѣе проявляется въ толпѣ, нежели у загипнотизированнаго субъекта, такъ какъ сила внушенія, одинаковаго для всѣхъ индивидуумовъ въ толпѣ, возрастаетъ отъ дѣйствія взаимности. Индивидуумы, обладающіе большою душевною твердостью и, въ отдѣльности, способные противостоять внушенію, въ толпѣ теряютъ эту твердость и не могутъ противодѣйствовать увлекающему ихъ теченію. Такимъ образомъ преобладающими чертами индивидуума, составляющаго элементъ толпы, является исчезновеніе сознательной личности и господство безсознательной, подражаніе и податливость внушенію и чувству. Онъ перестаетъ быть самъ собою и становится автоматомъ, подчиняющимся чужой волѣ, такъ какъ его соб-

ственная воля подавлена и не можетъ уже болѣе руководить его поступками. Становясь частицею толпы, человѣкъ опускается на нѣсколько ступеней ниже по лѣстницѣ цивилизаціи. Въ изолированномъ положеніи онъ могъ быть культурнымъ человѣкомъ; въ толпѣ же—онъ варваръ, т.-е. повинуется инстинктамъ. Онъ проявляетъ свойственную дикарямъ легкую возбудимость, буйность и свирѣпость, но также выказываетъ необычайную способность къ энтузіазму и ко всякаго рода героизму. Образы и слова, которыя остались бы безъ всякаго вліянія на каждаго индивидуума въ отдѣльности, лишь только этотъ индивидуумъ входитъ въ составъ толпы, подчиняютъ его себѣ безконтрольно и вынуждаютъ къ такого рода поступкамъ, которые находятся въ прямомъ противорѣчіи съ его характеромъ, наклонностями, привычками и интересами. Индивидуумъ въ толпѣ—это песчинка среди другихъ такихъ же песчинокъ, которыя вѣтеръ вздымаетъ и относитъ куда хочетъ.

И не одними только своими дѣйствіями индивидуумъ въ толпѣ отличается существенно отъ того, какимъ онъ былъ въ отдѣльности. Прежде чѣмъ онъ потерялъ всякую независимость въ толпѣ, совершилось превращеніе его чувствъ и идей, и это превращеніе настолько глубокое, что оно можетъ сдѣлать скупого—расточительнымъ, скептика—вѣрующимъ, честнаго человѣка — преступникомъ, труса — героемъ. Въ интеллектуальномъ отношеніи человѣкъ въ толпѣ всегда стоитъ ниже, чѣмъ тогда, когда онъ находится въ изолированномъ положеніи; съ точки же зрѣнія чувствъ и поступковъ, вызываемыхъ этими чувствами, онъ можетъ становиться хуже или лучше, смотря по обстоятельствамъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какому внушенію повинуется толпа. Это обстоятельство совершенно упускается изъ виду писателями, разсматривающими толпу лишь съ точки зрѣнія преступности. Дѣйствительно, толпа часто бываетъ преступна, но также часто она бываетъ и героична. Вѣдь обыкновенно толпа приноситъ себя въ жертву ради какого-нибудь вѣрованія или идеи, даетъ себя убивать ради торжества этой идеи. Возбудивъ энтузіазмъ толпы, можно повести ее куда угодно, и, какъ во время крестовыхъ походовъ, такъ и теперь, толпу можно увлечь идеей славы и чести. Это безсознательный героизмъ, конечно, но именно такого рода героизмъ и дѣлаетъ исторію. Если бы на счетъ народамъ мы начали ставить только ихъ сознательные и обдуманные героическіе поступки, то въ этомъ спискѣ ихъ оказалось бы очень и очень немного!

«Popular Science Monthly». Президентъ американскаго Общества естествоиспытателей, профессоръ Чарльзъ Седжуикъ Майнотъ, избралъ тэмою для своей вступительной рѣчи, на ежегодномъ собраніи американскихъ натуралистовъ, условія успѣха для ихъ научной работы и изысканій, и вліяніе ученой профессіи на характеръ людей, посвящающихъ себя ей, и на все человѣчество. Рѣчь эта, напечатанная въ видѣ статьи въ американскомъ научномъ журналѣ «Popular Science Monthly», заключаетъ въ себѣ очень много вѣрныхъ и полезныхъ истинъ, приложимыхъ не только къ профессіи натуралиста, но и ко всякой другой. Первымъ и основнымъ условіемъ успѣха всякихъ научныхъ изысканій проф. Седжуикъ ставитъ безусловную любовь къ истинѣ. «Истина—это самый абсолютный деспотъ,—говоритъ профессоръ.—Если кто-нибудь изъ ученыхъ позволитъ себѣ уклониться отъ нея въ силу какихъ-либо условій, то она все-таки въ концѣ концовъ восторжествуетъ надъ нимъ, и отниметъ отъ него ту славу и почести, на которыя онъ разсчитывалъ. Недобросовѣстный изслѣдователь мо-

жетъ на время увлечь общество, но въ концѣ концовъ ложность его претензій на славу выйдетъ наружу, и репутація его пострадаетъ отъ этого. Мы видѣли, какъ современный германскій основатель блестящихъ эмбріологическихъ теорій лишился своего мѣста въ ряду ученыхъ, только потому, что не имѣлъ достаточно скромности и осторожности провѣрить свои идеи и убѣдиться въ ихъ непреложности, прежде чѣмъ прокричать о нихъ міру. Какъ бы ни былъ талантливъ и способенъ человѣкъ, но онъ всегда будетъ занимать второстепенное мѣсто въ средѣ ученыхъ, если только онъ не будетъ абсолютно преданъ истинѣ».

Профессоръ признаетъ, однако, что истины достигнуть не легко, и что, несмотря на все свое стремленіе къ ней и преданность, ученый, все-таки, можетъ впасть въ заблужденіе. Для лучшаго избѣжанія возможныхъ ошибокъ человѣкъ, посвящающій себя ученой карьерѣ натуралиста, долженъ прежде всего позаботиться о развитіи своей способности къ наблюденію, изслѣдованію и разсужденію. Наблюденіе, конечно, должно быть поставлено въ основу каждаго научнаго труда. По мнѣнію профессора, эта способность развивается лучше и скорѣе всего у учениковъ, тогда какъ развитіе другихъ способностей, способность къ изслѣдованію и разсужденію оставляетъ желать очень многаго. Между тѣмъ, работа экспериментаторовъ имѣетъ огромное значеніе въ наукѣ, которая всегда начинается съ наблюденій и затѣмъ уже переходитъ къ опытамъ и изслѣдованіямъ. Особенно предостерегаетъ профессоръ отъ пристрастія къ слишкомъ поспѣшнымъ выводамъ. Надо умѣть разсуждать, говоритъ онъ, и приводитъ въ примѣръ покойнаго проф. Гельмгольца, про котораго его пріятель, знаменитый физіологъ Лудвигъ, всегда говорилъ: «Er ist eine reine Denkmaschine» (онъ—настоящая мыслительная машина). Именно эта способность къ разсужденію и сдѣлала Гельмгольца однимъ изъ выдающихся ученыхъ своего времени.

Главная причина, которая чаще всего ведетъ къ заблужденіямъ, это—пристрастіе ученыхъ къ собственнымъ идеямъ и выводамъ. Самомнѣніе и тщеславіе ученыхъ являются источникомъ многихъ прискорбныхъ ошибокъ. Легче образовать добросовѣстнаго и полезнаго изслѣдователя изъ человѣка, не обладающаго блестящими умственными способностями, нежели изъ человѣка способнаго, но тщеславнаго и самодовольнаго.

Къ такимъ же ошибкамъ ведетъ и нетерпѣніе, стремленіе поскорѣе повѣдать міру о своемъ открытіи. «Какъ много вреда наукѣ,—восклицаетъ профессоръ,—принесли такъ-называемыя «Vorläufige Mittheilungen» (предварительныя сообщенія)». Склонность къ спекулятивной работѣ мысли также бываетъ источникомъ многихъ заблужденій, такъ какъ очень часто, благодаря этой склонности, мы дѣлаемъ изъ гипотезы положительный законъ, и помнимъ лишь о конечномъ выводѣ, забывая о доказательствахъ. Такой же вредъ наукѣ приноситъ и склонность къ простымъ, яснымъ и изящнымъ формуламъ. Блестящимъ представителемъ этой склонности является Гербертъ Спенсеръ, который настолько увлекается художественною законченностью формулъ и ихъ простотой, что эту простоту и законченность считаетъ доказательствомъ своихъ выводовъ, и на такое формулированіе смотритъ, какъ на испытаніе истины, замѣняющее доказательство. «Мы всѣ,—прибавляетъ профессоръ,—обнаруживаемъ наклонность пренебрегать доказательствами, если только обобщающій выводъ удовлетворяетъ насъ и представляетъ красивую законченность. Но мы должны прежде всего помнить, что наука не принадлежитъ

*

къ числу изящныхъ искусствъ, и не должны гоняться за красотою формулъ, и руководствоваться въ своихъ занятіяхъ любовью къ прекрасному и чувствами».

Затѣмъ профессоръ очень осуждаетъ склонность большинства ученыхъ къ разглагольствованію. По его мнѣнію, многія ученыя статьи могли бы быть сокращены вдвое безъ всякаго ущерба для ихъ содержанія, такъ какъ въ нихъ находится множество не идущихъ къ дѣлу и лишнихъ подробностей. Наибольшею словоохотливостью отличаются, по мнѣнію американскаго профессора, французскіе авторы. Тотчасъ же послѣ французовъ слѣдуетъ поставить нѣмцевъ, и затѣмъ американцевъ. Всего лучше написаны англійскія ученыя статьи, и профессоръ Седжуикъ приписываетъ это вліянію Гёксли, который во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ доводитъ ясность и краткость изложенія, въ связи съ высокимъ научнымъ содержаніемъ, до высокой степени совершенства.

Что касается вліянія ученой профессіи на характеръ человѣка, то, по мнѣнію профессора Седжуика, профессія натуралиста развиваетъ склонность къ оптимизму, тогда какъ литературная профессія дѣлаетъ, большею частью, людей пессимистами. Писателю приходится имѣть дѣло въ своихъ произведеніяхъ съ обыкновенными людьми и окружающею ихъ обстановкой, и задача его заключается въ изображеніи этихъ людей и обстановки, и изложеніи мыслей, на которыя наводитъ обыденная жизнь. Ему приходится конкуррировать въ этомъ отношеніи съ цѣлымъ прошлымъ своей профессіи и со всѣми прошедшими геніальными произведеніями. Неудивительно, что Джемсъ Руссель Лоуэлль восклицаетъ: «Можетъ ли кто-нибудь надѣяться сказать что-нибудь не только новое, но даже оригинальное, о предметѣ, о которомъ уже такъ много было говорено раньше!» а Ля-Брюйеръ начинаетъ свои «Caractères» словами: «Все уже сказано и все запаздываетъ болѣе чѣмъ на семь тысячъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ появились люди и начали думать». Ничего подобнаго не можетъ испытывать натуралистъ, такъ какъ онъ ежедневно открываетъ нѣчто новое въ природѣ. Результаты его изысканій останутся. Знаніе не составляетъ принадлежности какой-нибудь страны или класса, оно есть достояніе всего человѣчества, «Камень, положенный мною въ зданіе науки, можетъ быть, очень малъ,—говоритъ профессоръ. Современемъ будетъ забыто, что это я положилъ его, но онъ всегда останется на своемъ мѣстѣ».

Профессоръ считаетъ несомнѣнною принадлежностью каждаго истиннаго ученаго величайшую скромность и смиреніе, которыя всегда наблюдаются у людей, преслѣдующихъ высокіе идеалы. Человѣкъ, принимающій мѣриломъ оцѣнки своихъ собственныхъ достоинствъ тотъ высокій идеалъ, котораго вполнѣ онъ никогда не можетъ достигнуть, научается смиренію въ его самой благородной формѣ. Бэръ, Эрнстъ Генрихъ Веберъ, Гельмгольцъ и Дарвинъ принадлежали именно къ числу такихъ людей, способныхъ дѣлать правильную оцѣнку своимъ личнымъ вкладамъ въ науку всего человѣчества.

Великимъ подспорьемъ въ дѣлѣ научныхъ изысканій является солидарность ученыхъ, добросовѣстное отношеніе къ работамъ другого. Часто обвиняютъ спеціальныя научныя занятія въ томъ, что они дѣлаютъ людей узкими спеціалистами и уничтожаютъ въ нихъ художественное чувство и способность интересоваться тѣмъ, что выходитъ за предѣлы ихъ спеціальности. По мнѣнію профессора Седжуика, это обвиненіе несправедливо, и въ узости взглядовъ многихъ ученыхъ виновата не наука,

занятія которой должны, наоборотъ, способствовать расширенію міровоззрѣнія и глубинѣ взглядовъ и характера. Профессоръ Седжуикъ придаетъ огромное значеніе распространенію естественныхъ наукъ въ обществѣ, и видитъ въ этомъ распространеніи залогъ прогресса человѣчества.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Извлеченіе изъ отчета секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за январь—апрѣль 1895 г.

I. Съ 1 января по 10 апрѣля Комитетъ Общества имѣлъ 8 засѣданій, въ которыхъ состоялось 250 постановленій по разнымъ ходатайствамъ, заявленіямъ и вопросамъ, относящимся къ дѣятельности Общества.

Въ постановленіяхъ этихъ выразились нижеслѣдующія дѣйствія Комитета.

1) **Выдача единовременныхъ пособій** 34 лицамъ: въ 125 р. — одному лицу; по 100 р.—четыремъ; въ 79 р. 86 коп.—одному; въ 75 р.—одному; по 60 р. — двумъ; по 50 р. — десяти; въ 40 р. — одному; по 30 р. — пяти; по 25 р.— шести; въ 15 р.—одному; въ 10 р.—одному; всего на сумму 1.676 р. 86 к.

2) **Назначеніе продолжительныхъ пособій** 6 лицамъ: годовыхъ—въ 300 р.— одному; годовыхъ—по 180 р.—тремъ, и годовой же пенсіи въ 100 р.—одному; восьмимѣсячной въ 80 р.—одному.

3) **Выдача безсрочныхъ ссудъ** 15 лицамъ: въ 500 р.—одному; въ 300 р.— одному; въ 200 р.—одному; по 150 р.—двумъ; по 100 р.—пяти; въ 75 р.— одному и въ 50 р.—четыремъ.

4) **Выдача срочныхъ ссудъ** 5 лицамъ: годовыхъ въ 200 р. каждая—двумъ, годовыхъ въ 150 р. каждая—двумъ, и восьмимѣсячной въ 50 р.—одному.

5) **Производство уплаты за воспитаніе и обученіе** 12 дѣтей и **зачисленіе** двухъ **на стипендіи**, предоставленныя Обществу: въ гимназію княгини Оболенской и на курсахъ новыхъ языковъ г-жи Бобрищевой-Пушкиной.

6) **Выдача на погребеніе** одной писательницѣ 50 рублей и одного писателя—30 р.

7) **Оказаніе неденежныхъ пособій.** Пособія эти заключались: въ сношеніяхъ съ редакціями по уплатѣ гонорара сотрудникамъ — для 3 лицъ, въ сношеніяхъ съ издателями о возвращеніи рукописей—для одного лица; въ медицинской помощи больнымъ кліентамъ Фонда; въ помѣщеніи въ клинику—двухъ лицъ и хлопотахъ по пріисканію мѣста для двухъ лицъ.

8) **Отклоненіе** 46 разныхъ просьбъ 33 лицъ.

9) **Выпускъ въ свѣтъ** 13 изданія сочиненій С. Я. Надсона въ количествѣ 6 тысячъ экземпляровъ и 3 изданіе 1 книги разсказовъ В. М. Гаршина въ количествѣ 1 тысячи экземпляровъ.

10) **Приглашеніе** П. Д. Боборыкина для прочтенія публичной лекціи, которая и состоялась 5 января, давъ Обществу 258 р. 87 коп. чистой прибыли, и **устройство** литературнаго вечера въ память Грибоѣдова (21 января), доставившаго чистой прибыли 491 р. 70 к.

11) **Ходатайство** о возмѣщеніи понесенныхъ Обществомъ вслѣдствіе конверсіи принадлежащихъ ему билетовъ убытковъ въ размѣрѣ 13.078 р. 25 к., которые нынѣ и возмѣщены.

II. Съ 1 января по 21 апрѣля 1895 года Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Получено:

а) отъ мин. фин. въ возмѣщеніе убытковъ по конверсіи принадлежавшихъ ему 5% банков. бил. и облиг. восточ. займовъ въ 4% ренту	13.078 р.	25 к.
б) въ именные капиталы	4.950 »	— »
в) » расходный капиталъ		

1. Пожертв. Высоч. особъ	1.500 р. — к.		
2. Годовыхъ членск. взносовъ	610 » — »		
3. Пожертвованій.	91 » — »		
4. Отъ публич. лекціи П. Д. Боборыкина	258 » 87 »		
5. Отъ Грибоѣдовскаго вечера	491 » 70 »		
6. Отъ изданій Общ. (за исключеніемъ причисленныхъ выше показанныхъ къ именнымъ капиталамъ)	7 » — »		
7. Пособія отъ М. Н. П.	1.000 » — »		
8. Процентовъ:			
а) съ капитала	3.389 » 84 »		
б) » срочн. ссудамъ	51 » 25 »		
		7.399	» 66 »
г) въ возвратъ срочныхъ ссудъ		1.451	» 60 »
За то же время Общ. израсходовало:			
а) на изданія		1.723	» 35 »
б) за счетъ расходнаго капитала:			
1. На пенсіи	1.802 р. — к.		
2. » продолж. пос.	1.310 » — »		
3. » стипендіи	910 » — »		
4. » обученіе и воспитаніе . .	1.126 » 50 »		
5. » единоврем. пособія	2.261 » 86 »		
6. » ссуды безсрочныя	1.450 » — »		
7. » выдачи по дух. зав. Елисѣева	475 » — »		
8. Расходовъ общихъ	135 » 10 »		
Засимъ къ 21 апрѣля числится:			
Въ расходномъ капиталѣ перерасходъ		1.175	» 59¾ »
Остатокъ ссуднаго капитала		1.170	» — »
Въ долгахъ за разными лицами по ссудамъ		1.830	» — »
Въ %%-бумагахъ		306.675	» — »
На текущихъ счетахъ и въ кассѣ Общ.		10.127	» 42½ »

Кметы поглядывали другъ на друга, указывая глазами на Мышковъ. Мышко съ окровавленной шеей стоялъ, сдвинувъ брови.

— Тебѣ и твоимъ слѣдовало бы стать во главѣ,—сказалъ кто-то изъ толпы, обращаясь къ нему.—Ты не побоялся одинъ лѣзть волку въ пасть, не побоишься и съ нами.

— Мышко! Мышко! — повторили другіе. Мы всѣ согласны... пусть онъ ведетъ насъ! Послать зеленыя вѣтви, созвать народъ. Идемъ съ нимъ на теремъ.

— Хорошо! — отвѣтилъ тотъ изъ Мышковъ, котораго всѣ уже стали звать «Кровавой шеей».—Хорошо... я поведу васъ, но я буду требовать повиновенія...

— Мы будемъ тебѣ повиноваться!— раздалось со всѣхъ сторонъ. Только Буміръ и стоявшая около него кучка кметовъ молчали. Они отошли въ сторону.

Всѣ стали посматривать на Визуна, который внимательно ко всему прислушивался. Кто-то началъ кричать, чтобы онъ выдалъ имъ изъ храма «станицы» *), но Мышко съ окровавленной шеей отрицательно покачалъ головой.

— На это еще хватитъ времени!— сказалъ онъ рѣшительно — Я самъ явлюсь за станицами... и хорошо знаю, отчего я ихъ теперь не требую.

Сказавъ это, онъ изподлобья посмотрѣлъ на сидящаго на камнѣ Милоша и отвелъ въ сторону Визуна и двухъ своихъ братьевъ.

— Это ихъ кровь,—сказалъ онъ, показывая на князя,—я имъ ни въ чемъ не вѣрю и не хочу ничего рѣшать въ его присутствіи. Если мы сейчасъ вынесемъ станицы, то они тотчасъ же будутъ готовиться къ защитѣ и собирать людей. Мы лучше посидимъ еще нѣкоторое время тихо и будемъ приготовляться и собирать людей безъ всякаго шума. Хвостекъ подумаетъ, что мы испугались его, и успокоится... Можетъ быть, намъ удастся захватить его, не осаждая терема. Онъ долго не станетъ сидѣть взаперти, отправится на охоту, а мы ужъ будемъ на готовѣ, и убьемъ его гдѣ-нибудь въ лѣсу. Если намъ это не удастся, то тогда придется идти на теремъ... Буміръ со своими людьми отсюда отправится прямо въ княжескій теремъ, чтобы сообщить Хвостеку, что мы рѣшили предпринять. Разойдемся же спокойно.

Два брата Мышки пошли передать объ этомъ рѣшеніи остальнымъ кметамъ, и тѣ тотчасъ же направились къ лодкамъ. Оставленный всѣми старый князь Милошъ поднялся, махнулъ рукой Мышкѣ и сказалъ ему:

— Я тебя ни о чемъ не разспрашиваю, такъ какъ я знаю, что вы мнѣ не довѣряете. А только одно хочу вамъ сказать, что я остаюсь на Ледницѣ и не уйду отсюда никуда, развѣ только домой. Мнѣ не годится воевать съ нимъ, ни идти вмѣстѣ съ вами, однако я буду радоваться, если вамъ удастся достигнуть своей цѣли. Я уже старъ, Лешекъ слѣпъ — мы хотимъ только умереть спокойно.

Сказавъ это, онъ повернулся и пошелъ вглубь острова.

Мышко собралъ вокругъ себя кметовъ.

— Теперь домой,—сказалъ онъ.— Вокругъ терема въ лѣсу разставить стражу. Пусть на всѣхъ горахъ будутъ приготовлены костры, чтобы ихъ можно было зажечь по данному знаку. Когда запылаетъ огонь, всѣ должны бѣжать на Гоплу, а теперь сидите тихо, чтобы Хвостекъ ни о чемъ не догадался.

Буміръ еще долго оставался на островѣ и толкался между кметами, стараясь узнать, что они рѣшили,

*) Станицы—древнія изображенія боговъ и военные знаки на длинныхъ шестахъ. Когда ихъ выносили изъ храма, то это обозначало, что объявлена война.

однако это ему не удалось. Онъ зналъ только одно, что станицы не вынесли и война не объявлена, и поэтому рѣшилъ, что кметы струсили, и что изъ всего этого шума ничего не выйдетъ.

Наконецъ и онъ сѣлъ въ лодку, переправился на берегъ и, вскочивъ на лошадь, поскакалъ къ Хвостеку.

На встрѣчу ему вышла сама княгиня.

— Съ чѣмъ возвращаешься? — спросила она.

— Нѣтъ ничего страшнаго,—отвѣтилъ Буміръ.—Старики собирались на Ледницу, былъ и князь Милошъ... Рѣшили воевать, однако все окончилось на словахъ,—силъ у нихъ нѣтъ... Мышковъ выбрали воеводами, а тѣ струсили...

— Не можетъ быть?—спросила съ радостью княгиня.

— Это такъ! Покричали, разошлись, и все снова пойдетъ по прежнему...

Княгиня просіяла. Она приказала кмету подождать, а сама отправилась въ ложницу и разбудила князя. Тотъ вышелъ къ Буміру въ одной рубашкѣ, протирая руками глаза.

Поклонившись ему въ поясъ, Буміръ сталъ разсказывать о томъ, что происходило на Ледницѣ. Князь слушалъ его, зѣвая, потомъ хлопнулъ кмета рукой по плечу и сказалъ, улыбаясь:

— Этихъ Мышекъ я переловлю въ одиночку, и все будетъ тихо... Я ихъ знаю. Это крикуны. Покричать—покричатъ, а дѣла дѣлать не станутъ. Выпьемъ,—прибавилъ онъ, садясь за столъ и указывая Буміру мѣсто на скамейкѣ.

Тотъ усѣлся, но, хотя и зналъ, что ему не угрожаетъ опасность, однако, когда принесли медъ, и онъ вспомнилъ, какъ угощалъ князь своихъ родственниковъ, то у него мурашки забѣгали по спинѣ. Но отказываться отъ угощенья нельзя было, князь могъ обидѣться.

VII.

Прошло нѣсколько дней, и ничего новаго не было. Князь разсылалъ во всѣ стороны смердовъ и переодѣтыхъ дружинниковъ, однако, никто ничего не зналъ ни о какихъ военныхъ приготовленіяхъ. Настало время жатвы. Появилось множество людей съ желѣзными, мѣдными и кременными серпами, но съ оружьемъ почти никого не было видно.

Князь сталъ скучать и тосковать, сидя въ теремѣ. Онъ пилъ, ѣлъ и спалъ, потягивался и зѣвалъ, и сыпалъ проклятья, посматривая съ крыльца на зеленѣвшіеся лѣса. Брунгильда ни за что не хотѣла отпустить его на охоту. Сначала онъ молча повиновался ей, но потомъ это ему надоѣло, и онъ пачиналъ злиться.

Однажды онъ позвалъ къ себѣ смерда.

— Поѣзжай, осмотри лѣсъ, нѣтъ ли тамъ какой-нибудь засады,—сказалъ онъ ему

Смердъ отправился на весь день, привезъ убитаго оленя, разсказывалъ о встрѣченныхъ имъ кабанахъ, медвѣдяхъ и волкахъ. Людей онъ нигдѣ не замѣтилъ.

Это затишье послѣ бури казалось княгинѣ подозрительнымъ. Князь не раздѣлялъ ея мнѣнія.

— Я долженъ отправиться на охоту,—кричалъ онъ со злостью,—я тутъ сгнію, сидя на одномъ мѣстѣ... я не выдержу дольше и околѣю со скуки.

Брунгильда не пускала, и охота откладывалась со дня на день. Наконецъ, князь рѣшительно приказалъ смерду готовиться къ охотѣ на слѣдующій день. Женѣ едва удалось убѣдить Хвостека взять съ собой сильный отрядъ хорошо вооруженныхъ дружинниковъ, вмѣсто той горсти людей, которую онъ бралъ, обыкновенно, на охоту.

Хвостекъ, который уже давно не садился на лошадь, не видѣлъ лѣса, не слышалъ лая собакъ, сразу же повеселѣлъ, когда у него надъ головой

зашумѣли вѣтви деревьевъ и когда онъ вдохнулъ въ себя ароматъ лѣсовъ. Онъ гналъ свою лошадь, чтобы какъ можно скорѣе проникнуть вглубь лѣса, и черезъ полчаса очутился на полянкѣ, съ которой до мѣста охоты, Глубья, было уже недалеко.

Князь выѣхалъ на полянку, но тотчасъ же остановилъ коня. Среди полянки на лежащей колодѣ сидѣла старуха, перебирая кучу сорванныхъ травъ. Она, казалось, вовсе не замѣчала охотниковъ. Въ то время лѣса, поля и воды были населены таинственными существами, которыя чаще всего являлись въ видѣ женщинъ. Онѣ были страшно опасны для людей, для ихъ здоровья и жизни. Ихъ боялись и князь, и смердъ. Обидѣть ихъ—это значило подвергнуться мести и преслѣдованіямъ съ ихъ стороны. Когда Хвостекъ указалъ своему слугѣ на сидящую на землѣ, окруженную травами вѣдьму, тотъ самъ не зналъ, что ему дѣлать. Онъ подъѣхалъ немного ближе и, выглянувъ изъ-за дерева, узналъ въ старухѣ Яругу. Ее всѣ хорошо знали въ теремѣ, такъ какъ она часто приносила княгинѣ разныя травы.

— Что ты здѣсь дѣлаешь, Яруга?—спросилъ, приблизившись къ ней, смердъ.

— Что ты ослѣпъ, что ли? развѣ не видишь, что я травы собираю? Нѣтъ ли у тебя чего-нибудь въ баклажкѣ? А? Дай-ка напиться...

— У меня, кромѣ воды, ничего нѣтъ,—отвѣтилъ смердъ.

— Кромѣ воды?.. Стоило носить!—расхохоталась старуха.—Изъ каждой рѣчки можно этого добра сколько угодно получить... Эхъ ты, дуракъ, дуракъ! Старъ ты, а разума-то нѣтъ... Воду носить!..

— Какія ты это травы собираешь?—спросилъ кметъ старуху.

— А тебѣ зачѣмъ знать? Какое тебѣ до этого дѣло?—отрѣзала Яруга.—Разныя травы...

— А какой-нибудь дурной травы нѣтъ?—спросилъ снова смердъ, понизивъ голосъ.—Тутъ недалеко князь... какъ бы ты ему не повредила своими травами... съ нимъ, вѣдь, нельзя шутить...

Яруга испуганно взглянула по направленію къ лѣсу.

— Князь, — прошептала она, — князь... а онъ не велитъ меня повѣсить?

— Только ты ему не вреди ни въ чемъ!—шепнулъ смердъ.

— Я? Ему? Вѣдь я же бываю у милостивой княгини, она благосклонна ко мнѣ... Вотъ и теперь я для нея собираю травы... Если онъ хочетъ, то я ему дамъ что-нибудь на счастье... Чего ему меня бояться? Вы знаете Яругу...

Смердъ возвратился къ Хвостеку.

— Это Яруга, — сказалъ онъ. — Она, положимъ, вѣдьма, но своимъ ничего дурного не дѣлаетъ, она служитъ нашей милостивой княгинѣ... Она можетъ принести намъ счастье на охотѣ, она все знаетъ.

Хвостекъ, убѣдившись, что ему не угрожаетъ опасность, подъѣхалъ къ старухѣ, посматривая на нее недовѣрчивымъ взглядомъ. Она привѣтствовала князя низкимъ поклономъ.

— Не знаешь, удастся ли сегодня охота?—спросилъ Хвостекъ.

— А гдѣ?

— На Глубьи.

Яруга стала качать головой.

— На Глубьи... туда, князь, незачѣмъ ѣхать.

— Почему?

— Недобрая тамъ дичь засѣла...

Она оглянула княжескихъ людей, какъ будто считая ихъ глазами.

— Какая же это дичь?—спросилъ князь.

— Тамъ Мыши сидятъ, князь. Мыши!— шепнула Яруга,—стадо Мышей.

Она стала безпокойно оглядываться, затѣмъ поднялась съ своего мѣста и хотѣла приблизиться къ князю, но

тотъ замахалъ на нее руками. Онъ былъ встревоженъ ея словами и съ безпокойствомъ посматривалъ на смерда.

— Говори яснѣе!—крикнулъ тотъ.

Яруга колебалась.

— Развѣ вы не понимаете... Вѣдь я же говорю Мыши. Мыши или Мышки,— это все одно... Впрочемъ, я ничего не знаю! ничего не знаю!..

Она снова усѣлась на колоду и стала торопливо перебирать свои травы.

Князь, смердъ и вся дружина стояли объятые страхомъ.

Въ лѣсу было тихо, и уши этихъ людей, привыкшія различать малѣйшій шорохъ, слышали какіе-то непонятные звуки, долетавшіе до нихъ изъ лѣсной чащи.

Князь поблѣднѣлъ. Яруга сидѣла, опустивъ голову, какъ будто совершенно забывъ о присутствіи князя.

— Что же они тамъ дѣлаютъ?— спросилъ смердъ.

— Что? Сидятъ у костра, пекутъ мясо, пьютъ медъ и поджидаютъ кого-то.

Хвостекъ вздрогнулъ.

— Сколько ихъ всѣхъ тамъ?—спросилъ онъ.

— Я считать не умѣю,—отвѣтила старуха,—но ихъ, пожалуй, будетъ копа... *)

Послѣднія слова она вымолвила едва слышнымъ голосомъ. Смердъ оглянулся. Ихъ не было и тридцати человѣкъ.

— Разспрашивай ее, пусть она говоритъ все, что знаетъ!—крикнулъ князь смерду.—А нѣтъ, такъ веревку на шею и на дерево вѣдьму!..

— Говори, что ты знаешь! — настаивалъ смердъ, пододвигаясь къ старухѣ.

— Я уже все вамъ сказала! Вѣдь, еслибъ не я, то вы поѣхали бы прямо въ Глубье, и они сейчасъ бы васъ схватили. Они сидятъ тамъ уже цѣлыхъ три дня... ихъ тамъ много. Всѣ они хорошо вооружены и сидятъ молча, такъ что за три шага ихъ не слышно.

— Гдѣ они засѣли? — спросилъ князь.

— Въ Глубьи, у болотца около ольхъ... на правомъ берегу разведенъ костеръ...

Вдругъ въ чащѣ раздался какой-то шорохъ, и княжескіе люди схватились за копья. Яруга въ испугѣ присѣла на землю. Князь, оглянувшись, увидѣлъ какихъ-то людей между деревьями. Смердъ вскочилъ на свою лошадь. Они поняли, что ихъ окружаютъ. Хвостекъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Онъ самъ не зналъ, что ему предпринять.

Справа и слѣва раздались крики. Люди князя окружили своего господина. Въ кустахъ со всѣхъ сторонъ появлялись головы, руки и копья. Бѣжать было невозможно, такъ какъ путь къ отступленію былъ отрѣзанъ. Смердъ замѣтилъ, что еще впереди былъ свободный проходъ. Онъ далъ знакъ князю и своимъ людямъ и первый бросился въ эту сторону.

Едва они тронулись съ мѣста, какъ въ воздухѣ просвистали стрѣлы. Нѣсколько изъ нихъ воткнулось въ шапку князя, одна попала смерду въ руку, другіе поранили двухъ-трехъ человѣкъ изъ княжескаго отряда. Князь со своими людьми мчался во весь опоръ въ лѣсную чащу, и хотя погоня слѣдовала за ними по пятамъ, однако, стрѣлы не приносили имъ большого вреда. Люди Хвостека немилосердно гнали своихъ лошадей, и вскорѣ преслѣдующіе ихъ кметы стали отставать. Князь и смердъ прекрасно знали свой лѣсъ. Немного спустя, они добрались до новой поляны. Смердъ шепнулъ что-то князю, а затѣмъ отдалъ какое-то приказаніе своимъ людямъ, и тѣ съ крикомъ кинулись влѣво, между тѣмъ какъ смердъ съ княземъ пришпорили лошадей и стали продираться сквозь чащу направо. Погоня, обманутая криками княжеской дворни, мчалась по ея слѣдамъ, а князь въ это время бѣжалъ въ

*) 60.

противоположную сторону. Вскорѣ до убѣгающихъ уже перестали доноситься всякіе крики. Они очутились среди непроходимой чащи, гдѣ опрокинутые стволы деревьевъ образовали естественную засѣку. Они были внѣ опасности, но князь все еще дрожалъ отъ страха и, не давая лошади отдохнуть, пробирался все дальше и дальше.

Они остановились только тогда, когда лошадь князя споткнулась и упала, сломавъ себѣ ногу. Ее пришлось оставить въ лѣсу. Когда смердъ слѣзъ со своего коня, тотъ сталъ тяжело дышать, зашатался, упалъ и околѣлъ. До ночи было еще далеко. Въ лѣсу слышно было только щебетанье птицъ. Князь и смердъ сидѣли, притаившись, въ кустахъ, опасаясь, чтобы кметы, отправившись за ними на поиски, не нашли ихъ; однако, до самаго вечера въ лѣсу царствовала полная тишина. Ободренный этимъ, смердъ пустился искать дорогу, обвязавъ свою раненую руку.

Начинало темнѣть, когда онъ вернулся.

— Мы находимся недалеко отъ хутора бѣднаго кмета Пастуна... Тутъ у него кусокъ поля, а въ лѣсу пасѣка. Онъ человѣкъ спокойный, занимается своимъ ремесломъ, разводитъ пчелъ... Къ нему бы можно было зайти, такъ какъ онъ никого изъ насъ не знаетъ въ лицо... а то мы съ голоду помремъ и не попадемъ домой.

— Заходить въ хуторъ! Самому лѣзть кмету въ лапы! — крикнулъ князь.—Я еще не сошелъ съ ума... идемъ прямо домой!

Они пошли прямо. Смердъ велъ князя, шатаясь. Онъ нѣсколько разъ падалъ по пути, несмотря на то, что подпирался палкой.

— До хутора всего нѣсколько шаговъ, — замѣтилъ онъ. — Пастунъ кметъ гостепріимный, онъ и не спроситъ, кто мы... зайдемъ къ нему... отдохнемъ...

Князь еле тащился отъ голода и усталости. Усталость превозмогла страхъ, и онъ позволилъ вести себя къ кмету.

Хуторъ пчеловода находился на опушкѣ лѣса. Сквозь открытое окно виднѣлся пылающій огонь. Со двора долетало ржанье лошадей и блеяніе овецъ.

Князь остался въ лѣсу, а смердъ отправился къ кмету просить гостепріимства. Хозяинъ сидѣлъ на завалинкѣ со своимъ маленькимъ сыномъ, когда передъ нимъ появился смердъ, съ перевязанной рукой и исцарапаннымъ лицомъ. Онъ еле шелъ.

Увидѣвъ его, Пастунъ поднялся съ своего мѣста и подошелъ къ нему.

— Добрый кметъ, — сказалъ смердъ, —пусти насъ къ себѣ отдохнуть... ненадолго... Мы кметы изъ Ополья... мы заблудились въ лѣсу, охотясь, и вотъ ужъ второй день блуждаемъ по лѣсу безъ пищи... я, падая, сломалъ себѣ руку... мой товарищъ лежитъ недалеко въ лѣсу... онъ выбился изъ силъ отъ усталости... позволь намъ немного отдохнуть у себя..

Говоря это, смердъ внимательно осматривался вокругъ. Въ хуторѣ никого не было. Пастунъ всматривался въ смерда, какъ будто припоминая, что онъ его уже гдѣ-то видѣлъ.

— Заходите,—сказалъ онъ,—вѣдь вы знаете, что мы и врагамъ не отказываемъ въ гостепріимствѣ.

— Мы не враги... — замѣтилъ смердъ.

Старикъ молча указалъ ему на двери дома. Смердъ вернулся за княземъ, который, боясь, чтобы его не узнали, порвалъ свою шапку, содралъ блестки съ кафтана, мечъ спряталъ подъ одежду и закрылъ глаза волосами. Весь дрожа, вошелъ онъ въ хуторъ. Пастунъ посадилъ его на скамью и положилъ передъ нимъ хлѣбъ.

Хозяйка тотчасъ же кинулась подавать угощенья: мясо, пиво и медъ.

Чтобы не выдать князя, смердъ долженъ былъ усѣсться рядомъ съ нимъ на скамьѣ. Хвостекъ сидѣлъ, не говоря ни слова и заслоняя рукой лицо отъ огня. Пястунъ взглянулъ на него нѣсколько разъ, попробовалъ начать разговоръ, но получилъ отвѣтъ отъ смерда, и уже больше ни о чемъ гостей не разспрашивалъ.

Проголодавшіеся гости молча принялись за ѣду. Спокойствіе, царствовавшее въ хуторѣ, полная тишина, ласковыя лица хозяина и хозяйки— все это пріободрило немного бѣглецовъ. Въ сторонкѣ стоялъ маленькій сынъ Пястуна и съ любопытствомъ глядѣлъ на гостей.

Хозяйка, видя, что смердъ сильно страдаетъ, подошла къ нему и предложила перевязать руку. Онъ отправился съ ней къ огню и показалъ свою рану. Очевидно было, что рана нанесена стрѣлой, и обманъ смерда сразу обнаружился, но старуха не сказала ни слова, только посмотрѣла ему въ глаза.

Хвостекъ выпилъ предложенный ему медъ и немного пришелъ въ себя. Онъ посмотрѣлъ на Пястуна, который не спускалъ съ него глазъ.

— Ты кметъ? — спросилъ князь хозяина.

— И я, и мой отецъ, и дѣдъ—всѣ мы кметы,—спокойно отвѣтилъ Пястунъ.

— Мы довольно далеко отсюда живемъ, — продолжалъ Хвостекъ,—и не знаемъ, что у васъ тутъ на Гоплѣ происходитъ. Говорятъ, у васъ неспокойно...

Пястунъ взглянулъ на него.

— Если неспокойно, то въ этомъ не наша вина,—возразилъ онъ.

— Говорятъ, что тутъ кметы бунтуются?

— Они свои права отстаиваютъ.

Хвостекъ замолчалъ.

— Да и князь, вѣроятно, свои отстаиваетъ,—добавилъ онъ, немного спустя.

Хозяинъ точно задумался надъ отвѣтомъ.

— Если ты кметъ, то вѣдь ты знаешь, что мы должны повиноваться ему въ случаѣ войны, но въ мирное время мы привыкли сами рѣшать свои дѣла. Такъ всегда было и такъ должно быть, а кто нарушитъ наши вольности...

Хвостекъ не выдержалъ и расхохотался своимъ дикимъ хохотомъ. Смердъ вздрогнулъ, услышавъ его смѣхъ. Этого было достаточно, чтобы Пястунъ догадался, кто они.

— Я слыхалъ, что ваши хотятъ идти на теремъ? — снова спросилъ князь.

— Князь самъ насъ вызываетъ,— сказалъ кметъ.—Плохо онъ дѣлаетъ. Онъ могъ бы сидѣть спокойно... Такъ нѣтъ же, перебилъ весь свой родъ и нашихъ много погубилъ... Кто виноватъ?

Князь сверкнулъ глазами и сталъ гнѣвно ворчать, точно медвѣдь. Онъ поднялся со скамьи и началъ собираться уходить. Было уже совершенно темно.

— Не уходите отъ меня въ такое время, — сказалъ Пястунъ, — лучше проспитесь, а завтра на зарѣ отправитесь домой, если хотите. Тутъ у меня вы внѣ всякой опасности, хоть бы за вами и гнались... для меня гость святъ!—прибавилъ онъ.

При этихъ словахъ «хоть бы за вами и гнались» — князь вздрогнулъ и отступилъ на шагъ, а Пястунъ улыбнулся. Смердъ поблѣднѣлъ и весь дрожалъ... Наступила минута тяжелаго молчанія, но старый пчеловодъ только улыбался.

Какъ будто въ отвѣтъ на слова Пястуна у воротъ вдругъ послышался конскій топотъ и звуки человѣческихъ голосовъ. Пястунъ сдвинулъ брови, прислушался къ этимъ звукамъ и поспѣшно указалъ князю на двери отъ боковой комнаты, которыя его жена уже полуоткрыла.

— Я знаю, кто вы,—прошепталъ онъ,—спрячьтесь туда... можетъ быть, Мышки ищутъ васъ... вы у меня безопасны. Боги присылаютъ гостей!

Хвостекъ самъ не зналъ, что ему дѣлать, но страхъ заставилъ его направиться, наконецъ, въ боковую комнату. Хозяйка захлопнула за нимъ и за смердомъ двери.

Пястунъ зажегъ лучину и совершенно спокойно вышелъ на дворъ.

У воротъ его ожидало нѣсколько всадниковъ.

— Знаете, батюшка, что случилось?—сказалъ Мышко съ окровавленной шеей.—Три дня и три ночи мы поджидали этого разбойника въ лѣсу. Онъ уже былъ въ нашихъ рукахъ и все-таки ускользнулъ. Ему придется съ голоду помереть въ лѣсу, потому что всѣ его люди разбѣжались, а самъ онъ, навѣрное, не найдетъ дороги. А можетъ быть, кто-нибудь изъ нашихъ встрѣтитъ его и придушитъ... Мы здѣсь напоимъ лошадей и сейчасъ же поѣдемъ домой. Нужно торопиться...

Слуги Пястуна отправились съ ведрами къ колодцу. Кметы стали поить лошадей и князь, спрятанный въ боковой комнатѣ, могъ прекрасно слышать раздававшіяся на дворѣ проклятья и угрозы, направленныя противъ него. Онъ нѣсколько разъ порывался кинуться къ дверямъ, и смерду стоило большихъ усилій удержать его отъ этого.

Довольно долго на дворѣ продолжался шумъ. Мышки поили лошадей, а сами пили медъ, которымъ ихъ угощалъ хозяинъ. Наконецъ, они отправились домой. Когда все затихло, Пястунъ пошелъ выпустить узниковъ.

— Теперь идите,—сказалъ онъ,—опасность миновала...

— Добрый кметъ, — промолвилъ Хвостекъ,—пріѣзжай ко мнѣ въ теремъ, я тебѣ обязанъ жизнью...

— Нѣтъ!—возразилъ Пястунъ.—Спасти васъ мнѣ приказывало право наше, нашъ обычай этого требуетъ... Я не изъ любви къ тебѣ сдѣлалъ это, а по приказанію боговъ... идите съ миромъ... Кто знаетъ, гдѣ еще намъ придется встрѣтиться...

Хвостекъ стоялъ, насупившись.

— Ты не поднимешь на меня руку?..—сказалъ онъ.

— Если всѣ кметы пойдутъ противъ тебя, то и я пойду ..

Хвостекъ поспѣшно вышелъ изъ избы, не говоря ни слова и не оглядываясь. Ворота затворились за нимъ. Была темная ночь. Вдали блестѣла зеркальная поверхность озера, а на башнѣ терема горѣлъ красноватымъ пламенемъ сторожевой огонь. Хвостекъ исчезъ со своимъ слугой во мракѣ, и Пястунъ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда они скрылись изъ виду.

VIII.

На слѣдующій день на хуторѣ Пястуна жизнь вошла въ прежнюю колею. На кровлѣ курлыкалъ аистъ, на лугу ржали лошади, бурыя овечки возвращались домой, воробьи безпокойно чирикали, ласточки кружились высоко въ воздухѣ, предвѣщая погоду. Надъ озеромъ носились стада утокъ.

Пястунъ сидѣлъ за столомъ, погруженный въ глубокое раздумье. По приказанью Мышковъ, въ эту ночь на холмахъ должны были быть зажжены костры. Отъ кмета къ кмету ѣздили гонцы. Въ княжескомъ теремѣ шли тоже приготовленья. Княжескіе стада и табуны были загнаны подъ навѣсы, чтобы ими не завладѣли кметы, кучки которыхъ уже стали появляться на опушкѣ лѣса. Пястуну некого было послать на войну, такъ какъ его сынъ былъ еще малъ. Онъ только вооружилъ свою челядь, чтобы она могла, въ случаѣ необходимости, присоединиться къ кметамъ.

До него долетали какіе-то дикіе крики. Трудно было разобрать, кто поднималъ ихъ: собирающаяся ли у

терема княжеская дворня, или же отовсюду стекавшіеся кметы. Пястунъ вышелъ на дворъ, оглянулся вокругъ, и его взглядъ остановился на возвышающейся на берегу озера сѣрой башнѣ, вокругъ которой вскорѣ долженъ былъ начаться кровавый бой.

Кметъ стоялъ задумавшись, какъ вдругъ у воротъ появилось двое людей въ бѣлыхъ одеждахъ, съ удивительно спокойными лицами. Они остановили лошадей и стали озираться кругомъ. Замѣтивъ Пястуна, они начали шептаться между собой, повидимому совѣтуясь, что имъ слѣдуетъ предпринять.

День клонился къ вечеру. Пришлецы, судя по ихъ одеждамъ, ѣхали издалека, быть можетъ, даже изъ-за Лабы, какъ какъ ихъ платье напоминало нѣмецкое. Оба они были еще не стары. Они ѣхали безъ всякаго оружія, съ небольшими котомками, привязанными къ сѣдламъ. Ихъ усталыя лошади опустили головы и стали жадно щипать траву.

Младшій изъ путниковъ слѣзъ съ лошади и медленно подошелъ къ Пястуну. Онъ привѣтствовалъ кмета не по лехитски, однако на такомъ языкѣ, который былъ Пястуну вполнѣ понятенъ. Старикъ скитался когда-то по бѣлу свѣту и теперь сразу узналъ рѣчь путника. Такъ говорили сербы, моравне и чехи.

— Мы идемъ издалека,—сказалъ гость, — намъ нужно гдѣ-нибудь укрыться на ночь. Туда насъ не пустили,—прибавилъ онъ,—показывая на башню терема. Мы пришли въ безпокойное время, повсюду раздоры, повсюду пусто. Не откажи намъ въ гостепріимствѣ.

Старикъ быстро отворилъ ворота.

— Милости просимъ, добро пожаловать, войдите и отдохните!—проговорилъ онъ.—На нашей землѣ ни одна хата не отказываетъ путнику въ гостепріимствѣ.

И другой путникъ слѣзъ съ коня. Оба они вошли въ ворота, а подбѣжавшій къ нимъ парень, увелъ ихъ лошадей подъ навѣсъ. Пястунъ пригласилъ гостей въ свѣтлицу, посадилъ ихъ на почетномъ мѣстѣ и велѣлъ женѣ приготовить угощенье.

Гости съ большимъ любопытствомъ оглядывали внутренность избы, въ которой все было, по древнему обычаю, изъ дерева и глины. Тутъ не было всѣхъ этихъ блестящихъ бездѣлушекъ, которыхъ множество въ то время привозили купцы изъ-за моря и съ запада; не было тутъ ни римскихъ и этрусскихъ кумировъ, ни красиваго оружія, которымъ полянъ снабжали кробаты, ни металлическихъ украшеній и посуды, получаемой отъ купцовъ за звѣриныя шкуры и янтарь. Издѣлія полянскихъ горшечниковъ и бондарей занимали полки.

Повидимому, кто-то указалъ путникамъ на домъ Пястуна, и они надѣялись найти болѣе зажиточнаго кмета. Одинъ изъ нихъ спросилъ его, тотъ ли онъ самый кметъ, сынъ Кошички, о которомъ имъ передавали.

— Мы отъ многихъ слышали о тебѣ. Намъ говорили о тебѣ тѣ, которые не совѣтовали идти въ теремъ къ вашему князю... И дѣйствительно, тамъ намъ отказали въ гостепріимствѣ, а ты насъ принялъ...

— Да, я сынъ Кошички,—отвѣтилъ Пястунъ.—Я живу по древнему обычаю, мои ворота ни передъ кѣмъ не запираются, но достатковъ, къ которымъ вы, можетъ быть, привыкли, у меня не найдете. Я кметъ и пчеловодъ, живу, какъ и мои отцы жили—по древнему обычаю... Насъ за это дикарями зовутъ, а мы называемъ дикарями тѣхъ, кто носитъ лучшую одежду и лучшее оружіе, а въ груди таитъ сердце хищника... Вы не должны удивляться, что васъ не пустили въ теремъ... тамъ теперь не очень-то спокойно...

— А что такое?—спросилъ гость.

— Да раздоръ между княземъ и кмстами... Онъ женился на нѣмкѣ и хочетъ съ нами по-нѣмецки обращаться. Но мы привыкли къ своей свободѣ и знать не хотимъ чужихъ правъ и обычаевъ.

Гость улыбнулся.

— Можетъ быть, князь и новую вѣру,—спросилъ онъ,—хотѣлъ ввести?

— Нѣтъ; отъ него мы объ этомъ ничего не слыхали,—отвѣтилъ Пястунъ,—хотя о ней разные слухи у насъ ходятъ... Мы ничего чужого не хотимъ знать...

— Вы хорошо поступаете,—продолжалъ гость,—но вѣдь не все чужое дурно. Вы по нашей рѣчи можете судить, что мы не нѣмцы, однако мы полагаемъ, что отъ нѣмцевъ слѣдуетъ брать все, что у нихъ есть хорошаго.

— Что же они хорошее привозятъ?—возразилъ хозяинъ.—Я не знаю. Если убійственное оружіе, то это разбойничье дѣло, если всякія побрякушки для женщинъ, то это ядъ для нихъ. У насъ есть своя земля, которая насъ питаетъ, есть свои пѣсни, есть наши собственные боги... намъ ничего чужого не нужно.

Младшій гость вздохнулъ.

Въ свѣтлицу вошла Рѣпица, жена Пястуна, въ бѣломъ головномъ уборѣ. Она сама несла мясо, а за нею служанки несли калачи, медъ и кубки. Поклонившись гостямъ, онѣ поставили все это на столъ, а сами отошли въ сторонку, такъ какъ не приличествовало женщинамъ садиться въ присутствіи мужчинъ.

Когда старикъ пригласилъ гостей откушать, оба они поднялись со своихъ мѣстъ, обратились къ востоку и стали что-то шептать, дѣлая какіе-то знаки надъ стоящей передъ ними пищей.

Пястуна это смутило.

— Неужели вы чародѣи?—спросилъ онъ.—Зачѣмъ вы дѣлаете эти знаки?

— Не бойся колдовства,—отвѣтилъ младшій изъ гостей,—сядь на скамейку... Мы отгоняемъ чары. У насъ, моравянъ, есть обычай передъ каждымъ дѣломъ испрашивать у Бога благословенія.

— У какого Бога? Мы слыхали, что моравяне и чехи стали поклоняться новому Богу, котораго нѣмцы занесли съ запада...

— Мы знаемъ только одного Бога, одного для всѣхъ людей,—промолвилъ гость.—Онъ отецъ всѣхъ народовъ и властитель всего міра и всякой страны. Мы всѣ его дѣти.

Пястунъ слушалъ его съ изумленіемъ.

— Такому Богу и мы когда-то поклонялись,—сказалъ онъ.— Мы и теперь вѣримъ въ одного верховнаго Бога, хотя меньшихъ боговъ большое множество...

Гости переглянулись и, молча, принялись за предложенную имъ пищу.

— Мы уже много слыхали объ этой новой вѣрѣ,—продолжалъ Пястунъ.—И у насъ есть такіе, которые изъ-за нея покинули прежнюю вѣру. Такъ, значитъ, и вы такіе же новые люди?

— Да, мы такіе люди, мы дѣти единаго Бога,—сказалъ старшій гость,—мы не отрицаемъ этого.

— Мечами и пожарами проповѣдуютъ нѣмцы за Лабой эту вѣру. Мы не хотимъ поклоняться одному Богу съ ними,—проговорилъ Пястунъ.

Гости снова переглянулись, и одинъ изъ нихъ шепнулъ что-то другому. Пястунъ не переставалъ ихъ угощать. Видно было, что любопытство и какое-то внутреннее безпокойство заставляли его разспрашивать о новой вѣрѣ.

Въ то время христіанство уже не было совершенно чуждо въ Лехіи. Оно проникало къ полянамъ со всѣхъ сторонъ. Символъ креста уже не у одного полянина висѣлъ на груди въ качествѣ амулета. Кресты закапы-

вали въ могилы умершихъ. Между славянами уже встрѣчались люди, принявшіе крещеніе, но ничѣмъ не отличавшіеся отъ своихъ собратьевъ-язычниковъ. Массы были привязаны къ вѣрѣ отцовъ, къ древнимъ преданіямъ и къ соединеннымъ съ ними общественнымъ формамъ. Славянское язычество не имѣло тѣхъ опредѣленныхъ, ясныхъ, постоянныхъ формъ, которыми отличались языческіе культы другихъ племенъ. Славяне вѣрили въ единаго Бога, боялись меньшихъ духовъ, вся природа, по ихъ мнѣнію, представляла какое-то живое, разумное существо.

Когда гости поѣли, они опять встали, сложили руки, помолились и снова сѣли.

Пястунъ сталъ разспрашивать ихъ, что это были за слова, которыя они шептали, и не могутъ ли они повторить ихъ.

Тогда младшій путникъ медленно повторилъ благодарственную молитву.

Пястунъ понялъ ея смыслъ и задумался надъ нимъ.

— Такъ вы говорите,—спросилъ онъ,—что для всѣхъ людей существуетъ одинъ Богъ?

— Да!—отвѣтилъ гость,—вмѣстѣ съ нами въ это вѣритъ большинство народовъ, а между ними и наши братья, славяне, есть.

— Такъ, значитъ, они стали нашими врагами?—снова спросилъ Пястунъ.

— Нисколько. Они вѣрятъ въ то, что всѣ народы, всѣ люди—братья и что не слѣдуетъ ни на кого нападать, никого убивать, ни называть врагомъ, такъ какъ по новому ученью нужно любить всѣхъ, даже враговъ!

— Враговъ любить?—воскликнулъ Пястунъ, складывая руки.—Какже это? Враговъ? Значитъ и нѣмцевъ?

— И нѣмцевъ,—продолжалъ гость, но защищаться отъ нападенія слѣдуетъ...

Кметъ сдвинулъ брови, поднялъ руку и сказалъ угрюмымъ голосомъ:

— Они никогда не станутъ нашими братьями, никогда!..

Разговоръ прекратился на нѣкоторое время.

Немного спустя младшій гость сталъ разспрашивать кмета о томъ, что происходило въ землѣ полянъ. Пястунъ снова возвратился къ тому, что все зло идетъ отъ нѣмцевъ, съ которыми якшается Хвостекъ.

— Имъ только земли и добычи надо,—говорилъ старикъ,—они вытѣсняютъ и истребляютъ насъ, чтобы заграбить наши земли и господствовать надъ нами...

— Это правда,—сказалъ старшій изъ гостей,—что нѣкоторые князья, вотъ какъ и вашъ, стали вступать въ союзъ съ нѣмцами, чтобы только сохранить миръ, такъ какъ нѣмцевъ много, и всѣ они хорошо вооружены... Другіе же думаютъ о томъ, какъ бы всѣ наши народы и племена соединить вмѣстѣ противъ нѣмцевъ... Поэтому они и принимаютъ новую вѣру, чтобы стать наравнѣ съ нѣмцами, а между тѣмъ протягиваютъ другъ другу руку для борьбы съ общимъ врагомъ.

Пястунъ сталъ разспрашивать про такихъ князей, и гости разсказали, что это происходитъ въ Моравіи и Чехіи, и что современемъ и полянамъ нужно будетъ приступить къ этому союзу.

Младшій изъ гостей добавилъ:

— А вы не хорошо дѣлаете, если хотите свергнуть своего князя и не избрать другого. Вождь и начальникъ необходимъ... И у другихъ народовъ нашего племени есть князья, особенно у тѣхъ, которымъ приходится воевать.

— Мы это сами понимаемъ,—отвѣтилъ Пястунъ,—мы изберемъ другого, чтобы онъ былъ нашимъ начальникомъ, а этотъ только и зналъ, что кровь человѣческую проливать,

убивать, да травить родственниковъ... Поэтому-то мы и не можемъ ужъ дольше терпѣть его, и весь нашъ народъ желаетъ свергнуть такого князя.

Онъ разсказалъ гостямъ, какъ Хвостекъ поступилъ съ кметами и со своими родственниками, какъ онъ посылалъ за нѣмцами противъ своихъ...

Былъ чудный вечеръ, и Пястунъ позвалъ своихъ гостей на дворъ. Они сѣли на завалинкѣ, а кметъ снова сталъ ихъ разспрашивать о новой вѣрѣ, которая въ высшей степени возбуждала его любопытство.

Вдругъ на одномъ изъ холмовъ среди мрака блеснулъ свѣтъ, и огонь столбомъ поднялся кверху. Путники не успѣли еще спросить, что это значитъ, какъ въ другомъ и третьемъ мѣстѣ появились такіе же огни, и зарево облило все небо.

— Что это за огни?—спросили гости.

— Это костры, посредствомъ которыхъ у насъ объявляютъ войну. Теперь весь нашъ край, всѣ кметы знаютъ, что имъ слѣдуетъ идти туда.

Пястунъ указалъ на башню.

Точно въ насмѣшку надъ огнемъ кметовъ, князь приказалъ развести костеръ на кровлѣ башни, и тамъ появилось громадное пламя, освѣщавшее весь теремъ. Въ зеркальной поверхности озера отразился блескъ огня. Зрѣлище было величественно и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно. Путники грустно вздохнули.

— Не бойтесь,—сказалъ Пястунъ,— у насъ вамъ не грозитъ опасность, хотя бы война сейчасъ же началась. А пока люди соберутся, пройдетъ еще нѣсколько дней. Я попрошу остаться у меня и на завтрашній день; не откажите мнѣ въ этой просьбѣ. Завтра день моего сына, торжественный день для него; онъ оканчиваетъ седьмой годъ и начинаетъ жить... Не знаю, явится ли кто-нибудь изъ нашихъ ко мнѣ, теперь всѣ заняты войной, будьте же хоть вы у меня, добрые люди!

Гости переглянулись, и младшій сказалъ:

— Хорошо, мы согласны!

На слѣдующій день уже на зарѣ всѣ окрестные лѣса и поля наполнились людьми, которые стали отовсюду стекаться къ терему. Толпы кметовъ располагались недалеко отъ стѣнъ, и Хвостекъ могъ видѣть, какъ ихъ силы все возрастали.

Ворота терема были уже заперты въ теченіе нѣсколькихъ дней. Княжескіе люди поправляли валы, прокапывали новые рвы и вколачивали частоколъ. По валамъ прохаживались вооруженные дружинники, а на кровлѣ башни виднѣлась стража.

Хотя Пястунъ не надѣялся, чтобы къ нему прибыли гости, однако почти всѣ старшіе кметы, жупаны и владыки побывали у него, такъ что кметъ сталъ наконецъ безпокоиться, сможетъ-ли онъ угостить ихъ всѣхъ. Его запасовъ пожалуй бы и хватило на всѣхъ, да слѣдовало подумать и о томъ, что приближалась зима, которую нужно было прожить. Но Пястунъ не смущался этимъ и рѣшилъ принимать гостей по старому обычаю, ничего не жалѣя.

Поэтому онъ весело встрѣчалъ ихъ у воротъ.

Старшіе кметы покидали свои дружины и шли на хуторъ пчеловода. Явились и Мышки съ Кровавой шеей во главѣ.

— Это хорошее предзнаменованье для насъ, хозяинъ,—сказалъ онъ,—что въ день твоего сына начинается война съ нѣмецкой неволей. Это значитъ, что ребенокъ дождется возвращенья нашей прежней жизни и свободы.

Подъ деревьями стояли столы съ мясомъ, хлѣбомъ и праздничными каравайми, около столовъ находились кадушки съ пивомъ и медомъ.

Въ ожиданьи обряда постриганья

гости весело бесѣдовали, попивая медъ и пиво.

Младшій изъ путниковъ сталъ по вчерашнему убѣждать кметовъ, чтобы они соединились съ братьями моравскими и чехами противъ нѣмцевъ, такъ какъ всѣмъ славянамъ угрожаетъ страшная опасность со стороны этихъ послѣднихъ, а одолѣть нѣмцевъ можно только общими усиліями...

На это отвѣтили Мышки.

— Дайте намъ сначала искоренить зло, а ужъ мы потомъ подумаемъ, чѣмъ его замѣстить.

Около полудня на хуторѣ Пястуна было множество гостей. Они наполняли весь домъ, дворъ и полянку передъ домомъ. Приближалась минута постриганья. Обязанность жреца исполнялъ глава дома, онъ приносилъ жертву и водилъ семью къ священнымъ мѣстамъ. Мальчики, доживъ до семи лѣтъ, переходили изъ рукъ матери подъ власть отца и начинали готовиться къ своимъ будущимъ обязанностямъ воиновъ и земледѣльцевъ.

Когда уже всѣ были въ сборѣ, мать со слезами на глазахъ подвела къ отцу мальчика, въ бѣлой одеждѣ, съ распущенными волосами, которыхъ еще ни разу не касались ножницы. Когда ребенокъ упалъ къ ногамъ отца, тотъ поднялъ его, поцѣловалъ и окропилъ водой изъ священнаго ручья, а затѣмъ, взявъ ножницы, отрѣзалъ у мальчика прядь волосъ. Чтобы волоса не попали какъ-нибудь въ огонь, что считалось вреднымъ, ихъ закопали около жертвеннаго камня.

Когда пришлось дать мальчику имя, хозяинъ попросилъ сдѣлать это младшаго изъ путниковъ

Тотъ поднялся со своего мѣста и сказалъ:

— Если ужъ я долженъ дать ему имя, то позвольте мнѣ сдѣлать это по нашему обычаю. Богъ, которому поклоняются моравяне и чехи — Богъ для всѣхъ.... И я во имя Его, во имя его Сына и Святаго Духа нарекаю младенца Земовидомъ; пусть ему Богъ дастъ увидѣть его землю счастливой и свободной.

Говоря это, онъ опустилъ руку въ воду и сдѣлалъ ею на челѣ мальчика знакъ креста.

Услышавъ это имя, всѣ обрадовались, а Пястунъ сталъ благодарить путниковъ и хотѣлъ имъ дать что-нибудь на память, однако они отказались отъ всякихъ даровъ и отошли въ сторонку, чтобы не мѣшать другимъ, такъ какъ время было горячее и кметовъ больше всего занималъ вопросъ о войнѣ.

Всѣ посматривали на возвышающуюся на берегу Гопла башню, которая наканунѣ запылала огнемъ, точно желая сказать кметамъ:

— Я не боюсь васъ! Вы собираетесь противъ меня, ну такъ я вызываю васъ.

— Мы разнесемъ это послѣднее гнѣздо Лешковъ!—сказалъ Мышко-Кровавая шея,—и если бы намъ не одинъ, а десять мѣсяцевъ пришлось ожидать этого, то мы наконецъ возьмемъ ихъ голодомъ!

— Взять-то возьмемъ,— прервалъ его Стиборъ,—но изъ ихъ рода еще Милошъ съ сыномъ остались, а что хуже всего, два сына Хвостека, которыхъ мать послала къ нѣмцамъ, могутъ придти сюда и требовать свое наслѣдство. Эта война не одинъ мѣсяцъ, но, можетъ быть, много лѣтъ протянется, эта война не съ однимъ Хвостекомъ, а съ нѣмцами, которые станутъ его защищать.

— Старика Милоша намъ нечего бояться... онъ будетъ спокойно сидѣть въ своемъ теремѣ; но что дѣлать съ нѣмцами?

Между тѣмъ въ сосѣдней рощѣ раздались звуки пѣсни постриганья, которую затянули женщины и дѣвушки. Кметы замолкли и стали къ ней прислушиваться.

Пястунъ всталъ и, взявъ сына за руку, пригласилъ всѣхъ идти на клад-

бище, чтобы принести жертву духамъ предковъ. Всѣ искали глазами путниковъ, но ихъ нигдѣ не было. Они исчезли, оставивъ на столѣ подарокъ для Земовида—блестящій, какъ золото, крестикъ.

IX.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ паломники переправлялись на островъ Ледницу, на небольшомъ холмикѣ на берегу озера стояло нѣсколько хижинъ, а между ними хижина горшечника Мирша. Всѣ въ окрестностяхъ Ледницы знали Мирша, такъ какъ каждый пріобрѣталъ у него горшки, миски, урны и всякую глиняную посуду. Его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ занимались этимъ же ремесломъ, и весь ихъ родъ состоялъ изъ горшечниковъ.

Главой всей семьи былъ старый Миршъ. Онъ былъ зажиточнѣе многихъ кметовъ, и люди поговаривали, что Миршъ давно бы уже могъ бросить свое ремесло и жить безъ всякихъ заботъ. Съ перваго же взгляда на стараго горшечника можно было видѣть, что это былъ необыкновенный человѣкъ. Когда онъ сидѣлъ сгорбившись надъ своей работой, погруженный въ молчанье, его можно было принять за простого работника. Однако, стоило ему только встать и выпрямиться, поднять голову и показать свой высокій лобъ и умное лицо, чтобы всѣ уже издали снимали передъ нимъ шапки. Ходили слухи, что онъ гораздо больше зналъ, чѣмъ говорилъ, что онъ занимался не только обжиганьемъ горшковъ, но имѣлъ сношенія съ духами и видалъ, что происходитъ на томъ свѣтѣ.

Къ нему сходились люди за совѣтомъ. Онъ, обыкновенно, молча выслушивалъ приходящихъ къ нему и заставлялъ ихъ долго дожидаться отвѣта. А отвѣчалъ онъ по большей части однимъ или нѣсколькими словами. Иногда можно было думать, что онъ говорилъ безсмыслицу, но впослѣдствіи оказывалось, что всякое его слово было полно глубокаго смысла.

Всѣ отправлявшіеся въ храмъ на островъ Ледницу останавливались у хижины Мирша и покупали у него горшки. А горшковъ у него былъ громадный выборъ, начиная съ такихъ, которые двое людей едва могли поднять, и кончая совсѣмъ маленькими, нѣсколько штукъ которыхъ можно было помѣстить за пазуху.

Однажды Миршъ отдыхалъ на берегу озера подъ тѣнью старой ивы. Онъ почему-то полюбилъ это дерево. Ива была довольна высока и тѣниста. Ходили слухи, что въ ея дуплѣ обитали духи, и что по ночамъ въ ней раздавались какіе-то странные звуки. Иногда онъ приказывалъ дочери принести туда молока, а не разъ и дремалъ, опершись о пень головой.

Въ этотъ день Миршъ сидѣлъ подъ деревомъ, сложа руки, и посматривалъ на озеро. Проплывавшіе мимо него въ лодкахъ паломники кивали ему головами. Было жарко, пчелы и мухи, жужжа, носились по воздуху, вѣтеръ затихъ, озеро не волновалось и блестѣло такъ, что глазамъ больно было на него смотрѣть.

Вдругъ къ берегу подъѣхало нѣсколько всадниковъ. Старикъ посмотрѣлъ на нихъ съ любопытствомъ. Это былъ кметъ съ нѣсколькими слугами. Онъ слѣзъ съ лошади и сталъ ожидать перевозчика. Такъ какъ перевозчикъ находился еще далеко отъ берега, то кметъ подошелъ къ Миршу и поклонился ему.

— Что подѣлываешь, старикъ?—спросилъ онъ.

— А ты?—спросилъ въ свою очередь вмѣсто отвѣта Миршъ.

— Я ѣду на Ледницу, въ храмъ.

— Для меня и безъ храма вездѣ много духовъ. Откуда ты жупанъ?

Кметъ показалъ рукой на лѣсъ за озеромъ.

— Я Доманъ,—сказалъ онъ.

Старикъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него.

— А я Миршъ—горшечникъ.

Они оба замолчали.

— Ну, что, удалось ужъ вамъ башню на берегу Гопла свалить и князя свергнуть?—спросилъ Миршъ.—Я слыхалъ, что вы задумываете это сдѣлать...

— И вы хотите безъ князя обойтись?—продолжалъ разспрашивать старикъ.—Пчелы въ ульѣ и тѣ безъ матки ничего не могутъ подѣлать.

— Это вѣрно,—отвѣтилъ Доманъ.—Но мы одного прогонимъ, а другого поставимъ на его мѣсто, чтобы только было согласье.

— Вы вызовете волка изъ лѣсу. Троньте только Хвостека, и онъ сейчасъ же приведетъ сюда нѣмцевъ и поморянъ.

— Мы ихъ выгонимъ!

— Ну, прежде они истребятъ ваши посѣвы, да кстати и мои горшки перебьютъ,—расхохотался Миршъ.

Къ берегу причалила лодка, перевозчикъ отеръ потъ съ лица, зачерпнулъ ладонью воды и легъ на берегъ отдохнуть немного. Доманъ направился, было, къ лодкѣ.

— Что жъ это ты безъ жертвы въ храмъ идешь?—остановилъ его Миршъ.

— Хочешь, чтобъ я у тебя взялъ чашекъ.

— Мнѣ этого не нужно, а тебѣ бы не мѣшало,—проворчалъ Миршъ.

— Даромъ, вѣдь не дашь?

— Иногда можно. Сегодня такой день, что дамъ... поставь ихъ передъ Ніей...

Онъ махнулъ рукой сыну, который появился изъ хижины, и вскорѣ принесъ нѣсколько маленькихъ чашечекъ, которыя вручилъ Доману.

Въ то время полянамъ уже были извѣстны деньги, хотя они ихъ и не чеканили. Издавна къ нимъ привозили деньги купцы, являвшіеся за янтаремъ. Между полянами ходили римскія, греческія и арабскія монеты. У Домана было нѣсколько такихъ серебряныхъ монетъ, и онъ предложилъ одну изъ нихъ Миршу, но тотъ отказался отъ нея.

— Поставь эти чашечки отъ меня,—сказалъ онъ.

Доманъ сѣлъ въ лодку, перевозчикъ, вздохнувъ, взялся за весла и, тихо напѣвая какую-то пѣсенку, отчалилъ отъ берега.

Передъ огнемъ въ храмѣ Ніи сидѣла Дива. Въ темномъ храмѣ, не смотря на жаркій день, было почти холодно. Дымъ поднимался прямо кверху и вылеталъ сквозь отверстіе въ кровлѣ. На трехъ камняхъ у священнаго огня сидѣли три дѣвушки, двѣ изъ нихъ спали, третья бодрствовала. Эта третья была Дива.

На головѣ у нея былъ зеленый вѣнокъ, ея волосы были распущены, она была одѣта въ бѣлоснѣжное платье.

Въ храмѣ было пусто.

Огонь отражался въ висящихъ на шеѣ божества кускахъ янтаря, и въ его страшныхъ, красныхъ глазахъ, которые отъ времени до времени какъ будто вспыхивали кровавымъ блескомъ. Дѣвушка сидѣла неподвижно. Она была погружена въ глубокое раздумье. Когда у входа послышался шорохъ, Дива обернулась, вскрикнула и упала на землю.

На порогѣ храма стоялъ Доманъ, котораго она убила. Ей показалось, что это возвращался его духъ.

Ея подруги проснулись, но сразу не могли придти въ себя. Между тѣмъ, Доманъ подбѣжалъ къ ней, поднялъ ее съ земли и поддерживалъ руками.

Дива открыла глаза, но тотчасъ же съ ужасомъ закрыла ихъ опять и старалась оттолкнуть его отъ себя. Она уже прекрасно понимала, что это не духъ Домана, но ее объялъ страхъ, чтобы онъ не захотѣлъ ей мстить у алтаря.

Видя, что она уже не упадетъ, Доманъ отступилъ и остановился по-

одаль. Наступила минута молчанья. Дива пугливо смотрѣла на Домана.

— Не бойся,—проговорилъ онъ.— Ч тебѣ ничего дурного не сдѣлаю, я е хочу тебѣ мстить. Я только хотѣлъ видѣть тебя и показать, что я живъ. [только за этимъ пришелъ сюда.

— Выйди, ради Бога, изъ храма,— казала дѣвушка, придя уже совершенно ъ себя.—Я тоже выйду и объясню ебѣ все... я ни въ чемъ не виновата...

Доманъ вышелъ.

Дива посидѣла нѣсколько минутъ а камнѣ, напилась воды изъ священаго ручья, поправила вѣнокъ и воосы, и медленно вышла на дворъ.

Вдали у тына ее ожидалъ Доманъ. Онъ былъ еще блѣденъ, но, повидиому совершенно здоровъ.

— Ты можешь убить меня здѣсь, ейчасъ же,—промолвила она,—какъ я хотѣла убить тебя тогда... Я не уду защищаться. Я не могла позволить, чтобы меня похитили, я не могла быть твоей женой. Давно уже я ала обѣтъ служить Богамъ и духамъ.

Доманъ съ грустью смотрѣлъ на нее. Она теперь казалась ему еще краше, чѣмъ прежде.

— Послушай, Дива,— сказалъ онъ, вѣдь такая жизнь—это смерть, а боги и духи...

Онъ не осмѣлился докончить.

— Какая это жизнь безъ людей?— добавилъ онъ, помолчавъ немного.— У меня все было бы иначе. Ты имѣла бы свой домъ, свою семью, всего вдоволь... Кто бы тебѣ мѣшалъ приносить жертву у огня и бесѣдовать съ духами на распутьи, у священныхъ камней.

— Духи такъ же ревнивы, какъ и люди,—возразила Дива.—Нельзя въ одно и то же время служить духамъ и людямъ. Мой вѣнокъ принадлежитъ богамъ.

Кметъ хотѣлъ подойти къ ней ближе, но она отступила назадъ. Однако она не спускала съ него своего взгляда. Этотъ человѣкъ, котораго она убила и который, жилъ несмотря на это, возбуждалъ въ ней и раскаянье, и жалость, и страхъ.

— Не сердись на меня, —продолжала она, — я тогда сама не знала, что я дѣлаю, но я должна была защищаться. Если ты хочешь мстить, то возьми мечъ и убей меня такъ, чтобы я не мучилась. Я не боюсь смерти... я пойду блуждать съ духами по вѣчно зеленымъ лугамъ и лѣсамъ.

Доманъ покачалъ головой.

— Неужели ты думаешь, Дива, что я хотѣлъ тебя убить?.. Я бы скорѣе рѣшился снова похитить тебя, хотя бы изъ храма, и снова позволить тебѣ нанести мнѣ рану, только бы ты стала моей...

Дѣвушка покраснѣла.

— Это невозможно, — прошептала она.

— Я никого другого не могу любить, — продолжалъ Доманъ.—Я нарочно подкрался къ вашему дому, чтобы увидѣть твою сестру, когда она шла къ стаду. Хороша она, это правда, но такихъ много на свѣтѣ. Зачѣмъ она мнѣ?

Дѣвушка не спускала съ него глазъ и все повторяла:

— Это невозможно! Это невозможно!

Дивой овладѣвало какое-то странное чувство. Что-то влекло ее къ этому человѣку. Она сама не знала, что съ ней происходило, и стала бояться мести со стороны духовъ. Несмотря на эту боязнь, ее все-таки что-то привлекало въ Доманѣ. Она хотѣла бѣжать, но не могла. Что-то приковывало ее къ землѣ. Ее обуялъ ужасъ.

— Уходи, ради боговъ,— еле могла вымолвить Дива, — уходи и не возвращайся...

— А еслибъ я возвратился? — спросилъ Доманъ.

Дива опустила глаза и молчала.

— Вѣдь ты же сама говоришь, что я имѣю право убить тебя, я имѣю право мстить тебѣ...

— Такъ убей меня!—прервала его дѣвушка.

— Жалко было бы,—сказалъ Доманъ, улыбаясь,—нѣтъ, нѣтъ! Но если я вернусь, то, вѣдь, мнѣ можно будетъ посмотрѣть на тебя?..

Дива вспыхнула, задрожала и, закрывъ лицо передникомъ, скрылась въ храмѣ.

Доманъ постоялъ еще нѣкоторое время на мѣстѣ, сорвалъ съ дерева нѣсколько листьевъ и пошелъ блуждать по острову.

Онъ вскорѣ очутился около хижины Визуна. Старикъ сидѣлъ на порогѣ и кормилъ голубей, которые слетались къ нему отовсюду. Увидѣвъ Домана, онъ вскочилъ съ своего мѣста и кинулся его обнимать.

— Такъ тебя не убила эта дѣвчонка!—воскликнулъ онъ.—Я такъ и зналъ...

Доманъ, улыбаясь, разстегнулъ кафтанъ и показалъ ему широкій рубецъ.

— Ахъ, проклятая волчица! Ну, и силища же! Ты знаешь, что она здѣсь? Хочешь ей мстить?

Доманъ отрицательно покачалъ головой.

— Тебѣ нужно взять другую, объ этой скоро забудешь. А похищать ее отсюда не годится. Возьми другую! Тебѣ нужна жена...

— Не брани меня, батюшка,—сказалъ Доманъ,—но я не хочу другой.

— Только попробуй взять другую, увидишь! По этой будешь тосковать до тѣхъ поръ, пока другой не возьмешь.

Доманъ больше часа провелъ въ обществѣ Визуна. Они сидѣли около хижины, ходили по острову, одинъ жаловался на свою судьбу, а другой совѣтовалъ ему одно и то же: взять другую. Наконецъ, они разстались. Доманъ сѣлъ въ лодку, и вернулся на берегъ озера. Старый Миршъ еще сидѣлъ подъ своей ивой.

— Ну, старина,—сказалъ Доманъ, чтобы было, еслибъ ты мнѣ далъ чего-нибудь поѣсть и позволилъ переночевать у себя?

— Какъ тебѣ отказать?—отвѣтилъ старикъ.—Еслибъ ты даже и не былъ кметомъ или жупаномъ, то, вѣдь, на то и хата, чтобъ ея двери раскрывались передъ гостемъ. Идемъ!

Миршъ поднялся съ своего мѣста.

Какъ разъ въ это время нужно было подавать вечерю, и дочь Мирша, Мила, выглянула изъ хижины. Ея глаза встрѣтились со взглядомъ Домана, и оба они покраснѣли. Ей понравился красивый кметъ, а ему пришло въ голову: что, еслибъ по совѣту Визуна, жениться на такой дѣвушкѣ?

Доманъ и Миршъ вошли въ хижину, гдѣ ихъ уже ожидалъ накрытый столъ. Мила сама имъ прислуживала Она приносила миски и кубки и все время поглядывала на кмета, а одинъ разъ даже улыбнулась.

— Еслибъ я ее прежде встрѣтилъ,—думалъ про себя кметъ,—то, пожалуй, и женился бы на ней.

Они ѣли, весело болтая. Когда уже не нужно было ни приносить, ни уносить чашекъ, молодая хозяйка стала на порогѣ боковой комнатки и украдкой поглядывала на молодого кмета.

— Если бы ты хотѣлъ взять меня,—говорили ея лукавые глаза,—то я бы вовсе не защищалась.

Было уже совершенно темно, когда Доманъ отправился подъ навѣсъ на сѣно. Миршъ подозвалъ къ себѣ дочь и погрозилъ ей пальцемъ.

— Ты чего все время глядѣла на кмета?—сказалъ онъ строго.—Онъ не изъ тѣхъ, которые горшки обжигаютъ. Тебѣ не можетъ быть до него никакого дѣла.

— Я не глядѣла!

— Врешь, глядѣла! Какое тебѣ дѣло до него? Завтра утромъ онъ будетъ уѣзжать, такъ, смотри, не показывайся ему на глаза. Помни это!

На слѣдующее утро Доманъ проснулся очень рано. Онъ всталъ, но не

уѣхалъ, несмотря на то, что лошади уже были готовы, а усѣлся на скамьѣ.

— Что-то мнѣ не хочется ѣхать въ такую жарищу, — сказалъ онъ Миршу.

— Подожди до осени, холоднѣе станетъ!—отвѣтилъ горшечникъ.

Кметъ, ничего не говоря, отправился на берегъ озера и снова поѣхалъ на островъ.

Увидѣвъ, что онъ уѣзжаетъ, Мила подбѣжала къ забору, и стала слѣдить за нимъ сквозь щелку. Отецъ видѣлъ это, но ничего не сказалъ. Лодка отчалила отъ берега.

Дива сидѣла въ храмѣ. Она смотрѣла на огонь, однако, со вчерашняго дня у нея все смѣшалось передъ глазами, и она видѣла только какія-то летающія искры.

Въ храмѣ было множество людей. Гусляръ ворожилъ и принималъ жертвы, а сѣдовласая Накія раздавала священныя травы.

Поднялась занавѣсъ, и передъ Дивой снова явился Доманъ. Она вздрогнула, покраснѣла, отвернулась и продолжала сидѣть неподвижно, глядя на огонь. Доманъ стоялъ передъ ней, опершись на столбъ, поддерживающій кровлю. Дѣвушка рѣшила ему непремѣнно сказать, чтобы онъ тотчасъ же уходилъ. Она поднялась со своего мѣста и вышла изъ храма съ другой стороны. Когда она появилась на дворѣ, передъ ней очутился Доманъ. Кромѣ ихъ двоихъ вблизи больше никого не было. Кметъ обнялъ дѣвушку своими сильными руками и поцѣловалъ ее въ лицо. Дива вскрикнула, заслонила руками глаза, но когда она ихъ раскрыла, Домана уже не было.

Онъ убѣжалъ. Возмущенная его поступкомъ дѣвушка вернулась въ храмъ. Она обмыла лицо водой изъ священнаго ручья, такъ какъ оно горѣло, точно въ огнѣ. Дива взглянула на изображенье Ніолы, красные глаза котораго гнѣвно на нее смотрѣли. Они, казалось, горѣли жаждой мести. Огонь почти потухалъ, и она бросила въ него нѣсколько лучинъ. Изъ храма выходили паломники съ пѣснями въ честь Лада и Ніи. Эти пѣсни громко разносились по озеру и по кустамъ вокругъ храма.

Доманъ долго блуждалъ по острову и наконецъ прилегъ на траву.

Его замѣтилъ Визунъ.

— Ты еще здѣсь?—спросилъ онъ.

— Я самъ не знаю, что меня сюда принесло,—отвѣтилъ кметъ.

— Гдѣ же ты ночевалъ?

— У горшечника Мирша, у котораго такая красавица дочь.

— Вотъ и женись на ней, а не ухаживай напрасно за этой, которая знать тебя не хочетъ.

— Можетъ быть, и та не захочетъ за меня выйти...

— Дочь горшечника за жупана?—захохоталъ Визунъ.—Вотъ ужъ вечеръ приближается,—добавилъ онъ,—возвращайся къ Миршу, такъ лучше будетъ.

Доманъ зѣвнулъ, потянулся, всталъ, сѣлъ въ лодку и, послушавшись совѣта старика, поплылъ къ берегу.

Когда лодка причалила къ берегу, Миршъ сидѣлъ у своей ивы.

— Я весь день ничего въ ротъ не бралъ и голоденъ какъ собака,—сказалъ Доманъ.—Сжалься надо мной, старина, еще разъ. Я тебѣ пришлю медвѣжью шкуру, будешь на ней какъ князь отдыхать.

— Не нужно мнѣ твоей шкуры, на сѣнѣ лучше лежать,—возразилъ старикъ,—а въ хату милости просимъ.

Мила уже издали узнала лодку кмета. Она захлопала въ ладоши, поправила на головѣ зеленый вѣнокъ и посмотрѣла на свое отраженье въ кадкѣ съ водой.

— Эхъ, еслибъ у меня была такая травка, которой его можно было бы приворожить къ себѣ, я бы угостила его ею, и ужъ достигла бы своего...

Вдругъ до нее долетѣли звуки какой-то пѣсенки. Мила выглянула въ окошко и увидѣла старую Яругу, которая приближалась, пошатываясь, къ хижинѣ Мирша. Дѣвушка торопливо выбѣжала изъ заднихъ дверей и стала знаками подзывать къ себѣ старуху.

— Ну, ну!—проворчала старуха,— зачѣмъ это я красавицѣ Милѣ нужна.

Яруга быстро подошла къ забору, у котораго стояла Мила.

— Матушка, Яруга,—прошептала та,—вѣдь ты все знаешь, да?

— Отчего бы мнѣ и не знать всего?..—спросила старуха, внимательно посматривая на дѣвушку.— Я все знаю, голубушка ты моя, и даже то, что тебѣ красавецъ парень приглянулся.

Мила покраснѣла и, нагнувшись къ уху Яруги, шепнула:

— Дай мнѣ такой травы, которой я бы могла приворожить его... Я тебѣ за это дамъ, чего только ты захочешь.

— Тебѣ такой травы?—расхохоталась Яруга.—Да, вѣдь ты сама такая травка. Слѣпымъ нужно быть, чтобы не влюбиться въ тебя. Ты хоть бы и князю, такъ и онъ пара.

— Дай мнѣ этой травы, матушка, милая!—повторяла дѣвушка и, отстегнувъ серебряное украшенье отъ сорочки, сунула его старухѣ въ руку. Та была поражена этимъ. Она нахмурила лобъ, медленно сняла съ плечъ свою котомку, сѣла на землю и стала вынимать связки и пучки какихъ-то корешковъ и травъ. Мила слѣдила за старухой, дрожа отъ нетерпѣнія и пугливо озираясь во всѣ стороны.

Наконецъ Яруга подала ей какую-то сухую былинку.

— Это нужно стереть въ порошокъ и дать ему выпить. Когда же онъ будетъ пить, то смотри ему прямо въ глаза и не сморгни. Сморгнешь— все пропало.

Она громко расхохоталась, но Милы уже не было. Она побѣжала въ хижину, стерла въ порошокъ полученную отъ Яруги былинку и всыпала ее въ кубокъ, приготовленный для гостя.

Отецъ велѣлъ подавать вечерю. Доманъ сидѣлъ погруженный въ глубокое раздумье, изъ котораго его вывелъ взглядъ дѣвушки. Миршъ наливалъ медъ.

— Пусть отецъ сердится, пусть прибьетъ даже, — подумала дѣвушка, и, схвативъ приготовленный кубокъ, поспѣшно наполнила его медомъ и сама подала Доману, смотря ему прямо въ глаза. Онъ принялъ кубокъ и сталъ пить. Мила съ бьющимся сердцемъ глядѣла на него. не моргая, хотя и чувствовала, что отецъ не спускаетъ съ нея грознаго взгляда. Когда Доманъ выпилъ поданный ему медъ, Мила побѣжала въ боковую комнатку и стала повторять, хлопая въ ладоши:

— Теперь онъ мой! Теперь онъ мой! Яруга все знаетъ!

Старый горшечникъ былъ неразговорчивъ въ этотъ вечеръ, и они ѣли молча. На дворѣ поднялась страшная буря. Гремѣлъ громъ, а дождь лилъ, какъ изъ ведра. Буря продолжалась до полуночи, и всѣ, какъ это бываетъ, обыкновенно, въ бурю, спали мертвымъ сномъ.

Кто-то незамѣтно подошелъ къ окошку боковой комнатки, окошечко растворилось, кто-то выглянулъ въ него. Послышался тихій шопотъ, заглушаемый вѣтромъ. Этотъ шопотъ продолжался долго, почти до утра.

Наконецъ голосъ изъ окошечка сказалъ.

— Присылай сватовъ, проси отца, иначе я не пойду изъ дому, иначе не пойду!

На слѣдующій день повсюду было мокро. На дорогѣ стояли громадныя лужи, съ крыши струилась вода, пѣнящіеся потоки дождевой воды катились въ озеро. По небу плыли тучи.

— Послушай, старина,—сказалъ Доманъ,—я сегодня не поѣду домой, на дворѣ вязко, скользко...

— Подожди до зимы,—отвѣтилъ Миршъ, — настанетъ морозъ, вездѣ сухо будетъ...

Доманъ остался. Онъ усѣлся на берегу озера и задумался. Мила слѣдила за нимъ изъ-за забора. Миршъ сидѣлъ подъ своей ивой и ворчалъ что-то. Подъ вечеръ кметъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Еслибъ ты, батюшка, не прогналъ моихъ сватовъ, то я бы прислалъ ихъ къ тебѣ.

— А сколько у тебя женъ?..— спросилъ старикъ.

— Ни одной.

Миршъ поглядѣлъ на него.

— Моя дочь достойна жупана. Присылай сватовъ по древнему обычаю.

Доманъ поклонился.

— Я ѣду домой и тотчасъ же пришлю сватовъ,—сказалъ онъ.

Пока они вели этотъ разговоръ, стало темнѣть. Ну, старый Визунъ,— подумалъ Доманъ,—не знаю, будетъ ли это лѣкарство или ядъ. Беру одну, а думаю о другой, здѣсь сваты, а тамъ сердце...

Вдругъ Миршъ показалъ пальцемъ на небо. Надъ лѣсомъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ, сразу появилось зарево. Доманъ взглянулъ на него и вскрикнулъ.

— Костры!

Вскорѣ къ Миршу на дворъ вбѣжали слуги Домана съ крикомъ.

— Костры!

Доманъ приказалъ имъ готовиться въ путь, а самъ незамѣтно проскользнулъ на дворъ хижины Мирша, подбѣжалъ къ окошку боковой комнатки и, постучавшись въ него, быстро проговорилъ:

— Прощай, Мила! По холмамъ горятъ костры. Я долженъ ѣхать на войну. Какъ только я вернусь съ войны, такъ сейчасъ же пришлю сватовъ. Я уже поклонился отцу и просилъ его, и ты будешь моей...

Въ отвѣтъ на эти слова послышался голосъ дѣвушки.

— Милый ты мой, соколъ мой ясный, возвращайся поскорѣе. Я все время буду сидѣть у окошка, смотрѣть на дорогу и плакать до тѣхъ поръ, пока ты не вернешься, пока не пріѣдутъ сваты.

— На коней! — кричалъ Доманъ своимъ слугамъ.—Прощай хозяинъ, спасибо тебѣ за гостепріимство. Прощайте всѣ!

Они поспѣшно направились къ сборному пункту.

Передъ хижиной стоялъ Миршъ и смотрѣлъ на зарево. Тутъ же находилась и Мила. Она отирала передникомъ слезы, но изъ за этихъ слезъ виднѣлась улыбка, а ея сердце говорило ей:

— Онъ вернется! вернется! Пріѣдутъ сваты, и онъ будетъ моимъ...

X.

На верхушкѣ башни стояла княгиня и озиралась вокругъ. Былъ вечеръ, тотъ самый вечеръ, въ который были зажжены костры. На западѣ еще горѣлъ отблескъ закатившагося солнца. Всѣ лѣса и долины вокругъ спали.

Князь стоялъ позади жены и смотрѣлъ внизъ, на дворъ, на прохаживающихся по валамъ слугъ, на смердовъ, снаряжавшихъ дружину, и на озеро, въ которомъ отражалось пылающее небо.

Рядомъ съ княземъ и княгиней стояло двое юношей почти одинаковаго роста. Сразу же можно было догадаться, что они прибыли изъ далекихъ странъ. Ихъ платья, сшитыя изъ тонкаго сукна, были иного покроя, нежели платье полянъ. На ногахъ у нихъ была тяжелая крѣпкая обувь, а каждый изъ нихъ былъ вооруженъ длиннымъ мечомъ. Не смотря

на свою молодость, они глядѣли свирѣпыми, алчущими добычи воинами.

Какъ разъ въ этотъ день по утру, когда, по приказанью князя, слуги заваливали ворота, на мосту появилось двое юношей, одѣтыхъ въ простые кафтаны, на плохихъ лошаденкахъ. Ихъ сначала не хотѣли, было, впустить, пока не вышелъ старшій смердъ. Тотъ посмотрѣлъ на пришельцевъ, вскрикнулъ и велѣлъ отворить ворота и поспѣшно провелъ ихъ въ теремъ, не помня себя отъ радости.

Смердъ ввелъ юношей въ свѣтлицу. Князь лежалъ на скамьѣ. Онъ поднялся ворча, и оба юноши бросились къ его ногамъ. Князь въ испугѣ всплеснулъ руками.

— Кто васъ прислалъ сюда въ такое время?—воскликнулъ онъ.

Не успѣли они еще отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ отворилась дверь и въ свѣтлицу съ громкимъ крикомъ радости и отчаянья вбѣжала княгиня.

— Дѣтки мои! Зачѣмъ вы пріѣхали?..

Юноши стояли, молча посматривая другъ на друга.

— Мы стосковались по васъ,— сказалъ наконецъ старшій изъ нихъ.— Дѣдушка позволилъ намъ ѣхать, мы сѣли на коней и ѣхали ночью, сквозь лѣса, избѣгая дорогъ, чтобы только увидѣться съ вами...

— А тутъ война начинается!..— вздохнула княгиня. — Охъ, дѣтки мои! Кто знаетъ, что съ нами случится, хоть бы вы-то живыми остались... Кметы бунтуются и готовятся напасть на теремъ.

Княгиня ломала руки, а Хвостекъ ворчалъ.

— Не посмѣютъ! Поволнуются, покричатъ, явятся сюда со своими условіями... ну, и помиримся... а потомъ всѣхъ зачинщиковъ...

Онъ поднялъ руку кверху:

— На дубы!

Князю и княгинѣ приходилось раздаваться въ самое тревожное время. Ихъ радость была отравлена страхомъ. Едва появлялась на ихъ губахъ улыбка, какъ страхъ уже заставлялъ ее исчезать. Князь разсылалъ во всѣ стороны гонцовъ, которые возвращались каждый часъ.

— Что слыхать?—спрашивалъ ихъ Хвостекъ.

— Что вы видали?—спрашивала княгиня.

Смерды передавали:

— Дурные вѣсти... кметы ропщутъ и собираются по своимъ хуторамъ... Мышки ѣздятъ отъ хутора къ хутору.

Каждый изъ гонцовъ повторялъ то же самое. Наконецъ одинъ изъ нихъ, вернувшійся поздно вечеромъ, объявилъ, что ночью запылаютъ костры.

Хвостекъ разсердился и приказалъ запереть его въ башнѣ.

— Лжетъ, подлецъ, кметы его подкупили! Они не посмѣютъ зажечь костровъ... не зажгутъ ихъ! А я прикажу развести костеръ на башнѣ... не боюсь я ихъ!..

Княгиня стала передъ нимъ на колѣни.

— Отправь дѣтей обратно! Умоляю тебя!—вскричала она.—Пусть они ѣдутъ. Дать имъ лодку, отправить ихъ сейчасъ же! Пусть они возвратятся къ дѣду, и переждутъ у него бурю! Кто знаетъ, что насъ ждетъ.

Она молила его со слезами на глазахъ, но Хвостекъ только сердился. Наконецъ рѣшено было ночью отправить ихъ обратно.

И вотъ всѣ они стояли на башнѣ и смотрѣли, не появятся ли зажженные костры. Сыновья князя говорили другъ другу.

— Пусть бы ужъ наконецъ начиналась война! Мы будемъ молить отца и мать, чтобы они позволили намъ остаться. Мы напьемся крови кметовъ!.. Пусть они знаютъ, какъ воюютъ у саксонцевъ!

Хвостекъ все время повторялъ:

— Подлая чернь!.. Не посмѣютъ!..

Вдругъ что-то сверкнуло среди лѣсовъ и долинъ. На плывущей по небу тучѣ появилось кровавое пятно и исчезло... Взвился кверху столбъ дыма и запылало желтое пламя. Это былъ первый костеръ.

Княгиня поблѣднѣла и закрыла глаза.

— Это пастухи развели огонь,— сказалъ князь и сталъ смѣяться.

Вдругъ его сыновья закричали:

— Вотъ одинъ, другой, третій.

На холмахъ появлялись костры одинъ за другимъ, а яркое зарево облило небо. Весь край былъ усѣянъ кострами, Хвостекъ крикнулъ:

— Зажечь костеръ! Пусть знаютъ, что я не боюсь ихъ!

На кровлѣ башни лежала куча камней, а на камняхъ былъ приготовленъ костеръ. Прибѣжали слуги и подожгли его. Хвостекъ улыбался. Княгиня молча стала спускаться съ башни. Сыновья шли покорно за ней.

Хвостекъ еще разъ осмотрѣлся вокругъ, плюнулъ и сошелъ внизъ въ теремъ.

Брунгильда ходила по свѣтлицѣ.

— Дѣти не останутся здѣсь,—говорила она.

— Почему бы имъ не остаться?— спросилъ Хвостекъ...—Ты хочешь, чтобы ихъ по пути кметы захватили и убили. Развѣ они не безопаснѣе здѣсь, въ теремѣ?

Сыновья повалились матери въ ноги, умоляя ее позволить имъ остаться. Но она топнула ногой и сказала, сдвинувъ брови:

— Нѣтъ! Если ужъ мы обречены на погибель, то пусть останется кто-нибудь, кто бы отмстилъ за насъ...

Хвостекъ сталъ сердиться на нее. Княгиня тоже вышла изъ себя. Они чуть было не бросились другъ на друга, но князь во-время удержался, опустилъ голову и сказалъ:

— Дѣлай, что хочешь!

Княгиня велѣла сыновьямъ готовиться въ дорогу. Она позвала Муху и приказала ему снарядить лодку. Княжескіе сыновья сняли съ себя свое платье и одѣлись въ грубые сермяги. Оба они плакали, но не смѣли противиться волѣ матери.

Хвостекъ молча обнялъ ихъ.

— Пусть хоть до завтрашняго дня останутся...

— Нѣтъ, нѣтъ... ни одного часа; завтра всѣ окрестности терема наполнятся кметами—завтра они уже соберутся, осадятъ теремъ и окружатъ озеро,—отвѣтила мать, ломая руки.

Юноши молчали, а по ихъ лицамъ струились слезы. Хвостекъ смотрѣлъ на нихъ и ворчалъ, точно медвѣдь, поднятый изъ логовища.

Княгиня вышла изъ свѣтлицы и вскорѣ вернулась въ простомъ плащѣ и съ повязанной платкомъ головой.

— Я провожу васъ до берега,—сказала она и поцѣловала ихъ по очереди въ голову.

Хвостекъ стоялъ молча. Сквозь открытое окно въ свѣтлицу проникалъ блескъ зарева.

— Видите, это объявленье войны,— сказала Брунгильда.—Можетъ быть, уже завтра она начнется. Теремъ будетъ защищаться... Если имъ удастся овладѣть теремомъ, то мы запремся въ башнѣ... Мѣсяцъ, два, три мы продержимся... Поѣзжайте къ дѣду и спѣшите намъ на помощь. Торопитесь же!..

Она замолчала на мгновенье.

— А если-бы ни насъ, ни терема, ни башни уже не было, то отомстите за отца и за мать—этому змѣиному племени! Всю жизнь мстите!

Хвостекъ проворчалъ:

— Не взять имъ башни... Ведите сюда саксонцевъ... мы продержимся...

Юноши еще разъ пали къ ногамъ родителей и вышли изъ терема. У берега ихъ уже ожидала лодка, въ которой сидѣлъ Муха съ другимъ силь-

нымъ слугой, держащимъ весла на готовѣ. Брунгильда первая вошла въ лодку, ея сыновья послѣдовали за ней, и лодка отчалила.

Въ зеркальной поверхности озера отражалось зарево и лодка должна была держаться берега, чтобы не быть замѣченной.

Поздно ночью вернулась княгиня въ теремъ съ красными отъ слезъ глазами. Хвостекъ уже спалъ. Она сѣла у огня и стала смотрѣть на горящіе дрова. Только подъ утро отправилась она въ ложницу.

На слѣдующій день Хвостекъ спросилъ стоявшаго на стражѣ слугу?

— Что, не видать еще кметовъ.

— Нѣтъ! Вездѣ все тихо и спокойно.

Хвостекъ засмѣялся.

— Не посмѣютъ, не осмѣлятся!..

Прошелъ день, насталъ вечеръ, приближалась ночь. Ничего не было слышно.

Князь все повторялъ свое:

— Не посмѣютъ!..

Прошла ночь. Утромъ стража еще ничего тревожнаго не замѣчала. Снова прошелъ день. На землю опускался вечерній сумракъ. Повсюду было тихо. Княгиня ходила въ безпамятствѣ по терему. Хвостекъ повторялъ:

— Не посмѣютъ!

Вдругъ на башнѣ раздались звуки рога. Всѣ засуетились. Челядь выбѣжала изъ своего помѣщенья. Смерды стали на свои мѣста. Со стороны лѣса къ терему приближалось что-то огромное, живое, точно громадная змѣя. Что это было, никто не могъ сразу различить, такъ какъ землю уже покрывалъ сумракъ.

Снова раздались звуки рога. Княжескіе люди бѣжали на валы, на лѣстницы, на кровли.

Князь съ женой вышли на крыльцо.

Подъ лѣсомъ стояли толпы кметовъ, сразу появившіяся со всѣхъ сторонъ.

— Кметы идутъ на теремъ!—кричали смерды.

Изъ лѣсу выходили толпы кметовъ. Справа, слѣва, со всѣхъ сторонъ появились онѣ. Кметы шли не торопясь, медленно, торжественно. По временамъ къ терему долеталъ ихъ говоръ, похожій на шумъ озера. На высокихъ копьяхъ виднѣлись божьи станицы, священные символы войны.

Князь и княгиня смотрѣли на приближающихся кметовъ. Ихъ лица были блѣдны, какъ лица труповъ, которыхъ еще не такъ давно княжескіе слуги вытаскивали за ноги изъ свѣтлицы. Князь велѣлъ подать себѣ меду, выпилъ его и бросилъ на землю кубокъ.

— Люди, на валы! Живо!—крикнулъ онъ.—Сжечь мостъ!

Слуги кинулись исполнять его приказанье, и вскорѣ пламя обняло деревянный мостъ, освѣщая краснымъ блескомъ башню, весь теремъ и ближайшія окрестности. Вдали уже ничего не было видно. Повсюду было тихо, только слышался трескъ горящихъ бревенъ, а надъ мостомъ поднимался кверху громадный столбъ дыма. Смерды велѣли рубить мостъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе обвалился. Съ трескомъ стали падать въ воду полуобгорѣвшія балки и съ шипѣніемъ поплыли по озеру. Мостъ догоралъ медленно. Наконецъ огонь погасъ, и стало еще темнѣе, чѣмъ было прежде, такъ какъ уже наступила ночь. Что происходило среди этого непроглядnаго мрака, кто знаетъ?

Стража на башнѣ слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ около терема. Однако, ничего не видно. На небѣ сверкаютъ звѣзды, отражаясь въ озерѣ. Вдали стояли черныя громады лѣсовъ. Долина покрыта мракомъ. Нѣтъ ни одного костра, точно кметы сквозь землю провалились.

Такъ прошла ночь. На востокѣ появились первые лучи солнца, надъ землей поднялся туманъ и снова ничего не было видно. Мало-по-малу туманъ сталъ исчезать. Повѣялъ вѣ-

теръ, прогналъ остатки его къ лѣсу, и передъ княжескими людьми, стоящими на валахъ, появились необозримыя толпы кметовъ. Во главѣ ихъ находились Мышки, сидящіе на лошадяхъ, окруженные кучкой старѣйшинъ.

Хвостекъ сталъ ихъ считать, стоя на башнѣ, но это ему не удавалось. Онъ покачалъ головой и пробормоталъ:

— Пусть стоятъ... Постоятъ и уйдутъ!

Затѣмъ онъ сталъ всматриваться въ толпу кметовъ, и повсюду его глаза встрѣчали знакомыя лица. Въ одномъ мѣстѣ стояли братья тѣхъ, которыхъ онъ перебилъ, въ другомъ находились сыновья потопленныхъ въ озерѣ, а еще дальше была кучка тѣхъ, которые приходили съ Мышками въ теремъ. Всѣ они стояли на мѣстѣ и смотрѣли на теремъ, точно желая его уничтожить своими взглядами.

— Пусть смотрятъ! — проворчалъ князь и спустился внизъ. На дворѣ смерды готовили своихъ людей къ бою, подбодряя ихъ увѣреніями, что съ кметами не трудно справиться, такъ какъ это народъ, не привыкшій къ войнѣ.

Изъ терема вышла Брунгильда. Она осмотрѣлась вокругъ, стала ломать руки и закрыла глаза. Князь хотя и улыбался, однако былъ блѣденъ, какъ смерть.

Кметы молча подвигались все ближе и ближе. Одни изъ нихъ несли на плечахъ лодки, другіе приготовляли паромы. Княжескіе люди держали на готовѣ луки и пращи.

Взошло солнце. Мышки кричатъ издали:

— Это твой послѣдній день, Хвостекъ проклятый! Поклонись солнцу и попрощайся съ нимъ! Ты его больше не увидишь!

Князь не слушалъ этихъ криковъ. Онъ сидѣлъ на скамьѣ и пилъ медъ.

На озерѣ стали появляться лодки и паромы, наполненные кметами. Они медленно приближались къ валамъ. Съ крикомъ вскочили притаившіеся на валахъ княжескіе люди. Прожужжали стрѣлы. Съ обѣихъ сторонъ полетѣли камни. Съ валовъ катятся бревна и громадные камни прямо на голову нападающимъ. Но это ничего не помогаетъ. Убитыхъ и сброшенныхъ въ воду замѣняютъ новые ряды. На валы, на валы!—кричатъ нападающіе. Смерды мечутся во всѣ стороны, бѣгаютъ, суетятся. Два раза имъ удалось отбить нападеніе, но кметы напираютъ все сильнѣе и сильнѣе, и, наконецъ, имъ удается оттѣснить на дворъ защитниковъ терема.

Увидѣвъ это, Хвостекъ побѣжалъ въ свѣтлицу, схватилъ за руку жену и направился къ башнѣ.

— На башню, на башню!—раздались крики.

Всѣ бросились туда, такъ что лѣстницы стали гнуться подъ тяжестью спасающихся. Со страшнымъ крикомъ вбѣжали на дворъ княжескіе люди, вытѣсненные съ валовъ. Они не могли устоять подъ напоромъ толпы кметовъ и бросились бѣжать, покрывая валы трупами. Весь дворъ усѣянъ ихъ тѣлами. Ихъ трупы плаваютъ по озеру.

Кто только можетъ, тотъ лѣзетъ на башню. Теремомъ овладѣли Мышки, убивая всѣхъ, кто только имъ попадался подъ руку. Поддававшихся безъ боя княжескихъ людей кметы вязали. Во всемъ теремѣ было совершенно пусто. Ворвавшійся въ свѣтлицу Мышка увидѣлъ на столѣ оставленный княгиней желтый жбанъ, наполненный отравленнымъ медомъ. Онъ схватилъ его и, кинувъ объ землю, разбилъ въ дребезги.

Теремъ наполнился кметами, бросавшими вверхъ шапки и кричавшими:

— Да здравствуютъ Мышки! Да погибнетъ Хвостекъ!

Всѣ смотрѣли на башню, но къ ней никакъ нелзя было подступиться, такъ какъ сверху сыпались камни,

давившіе всякаго, кто только рѣшался подойти къ нимъ ближе.

Вдругъ кто-то поджегъ теремъ, и вскорѣ всѣ деревянныя строенія были объяты пламенемъ.

Мышки вмѣстѣ со старѣйшинами отправились на совѣщанье.

— Что дѣлать съ башней и съ засѣвшими въ ней? Каменной башни не сожжешь, топорами и молотами не разобьешь толстой стѣны и не подкопаешься подъ нее.

— Голодомъ возьмемъ ихъ,—замѣтилъ Кровавая шея.—Зачѣмъ намъ понапрасну людей терять? Расположимся лагеремъ вокругъ башни. Если у нихъ запасовъ хватитъ на мѣсяцъ, то мы два мѣсяца можемъ ждать, можемъ и дольше сидѣть тутъ, пока они не поколѣютъ съ голоду. Чѣмъ больше ихъ тамъ, тѣмъ скорѣе они почувствуютъ голодъ. Мы распустимъ половину нашихъ. Насъ хватитъ, чтобы не дать имъ ускользнуть изъ башни.

Всѣ согласились съ нимъ. Часть кметовъ отправилась домой, а остальные расположились недалеко отъ башни на берегу озера.

Мышки собирались подкрѣпиться пищей, какъ вдругъ изъ лѣсу выѣхала кучка всадниковъ. Они остановились на холмикѣ, оглянулись вокругъ и медленно подъѣхали къ старѣйшинамъ. Кметы узнали въ нихъ Буміра и другихъ дальнѣйшихъ родственниковъ Хвостека, которые всегда стояли за князя. Они не присоединились къ остальнымъ кметамъ точно также, какъ и Милошъ и его родъ. Подъѣхавъ къ Кровавой шеѣ, Буміръ, сказалъ, не слѣзая съ лошади:

— Вы сожгли княжескій теремъ, а гдѣ же князь?

Мышко, смѣясь, показалъ рукой на теремъ. Буміръ покачалъ головой.

— Всѣхъ Лешковъ вамъ не истребить!—сказалъ онъ.—Насъ еще останется не мало... чего вы отъ насъ хотите?

— Отъ васъ? Мы хотимъ, чтобы вы сидѣли тихо и не думали господствовать надъ нами.

— Что же это вы? Прежняя волчья свобода у васъ на умѣ, что ли? Того и смотри, что появятся нѣмцы, и вамъ все равно придется избрать новаго князя...

— Выберемъ, да не изъ вашихъ!—отрѣзалъ Мышко.—Не изъ этого рода, который хотѣлъ ѣздить на насъ и пахать нами... Нѣтъ! Мы найдемъ кмета...

Буміръ взглянулъ на башню.

— Что же вы хотите брать башню?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ...—сухо отвѣтилъ Мышко Кровавая шея.—Мы посидимъ у башни, пока они съ голоду не переколѣютъ.

— Смотрите, какъ бы не пришли нѣмцы и не отомстили за нихъ. Достанется тогда и правому, и виноватому... и мой хуторъ сожгутъ, и мое поле вытопчутъ, а нашихъ людей въ полонъ заберутъ.

Мышки смѣялись.

— Ты думаешь, что у насъ копій нѣтъ?—сказалъ младшій изъ нихъ, прозванный Бѣлымъ.

— У саксонцевъ, братъ, и на себѣ и на стрѣлахъ желѣзо—замѣтилъ Буміръ,—десятокъ ихъ выйдетъ противъ сотни вашихъ...

— Ну, сотня ихъ сюда изъ за Лабы не придетъ...—сказалъ старшій Мышко.

— Это такъ,—согласился Буміръ—но десятокъ саксонцевъ захватитъ съ собой сотню, а то и двѣ поморянъ, а этимъ не далеко ходить.

— Съ поморянами-то мы справимся,—сказалъ Мышко.—Намъ нечего бояться! Эхъ, Буміръ, хотите вы мира, такъ сидите спокойно, а въ наши дѣла не вмѣшивайтесь! Не хотите воевать со своимъ родомъ—никто васъ и не принуждаетъ къ этому. Ну, и сидите спокойно!

— Выпустите же изъ башни и Хвостека, котораго вы хотите голодомъ морить,—сказалъ Буміръ.

Мышко расхохотался.

— Хорошо! — замѣтилъ онъ. — Пусть только Хвостекъ возвратитъ намъ тѣхъ, которыхъ онъ перетравилъ и перебилъ.

Говоря это, онъ растегнулъ сорочку и показалъ Буміру шрамъ на шеѣ.

— И мою кровь пусть онъ вернетъ,—добавилъ кметъ.

— Но довольно вамъ того, что вы сожгли его теремъ, уничтожили все его добро, и перебили его людей?

— Развѣ это его кровь? — воскликнулъ Мышко Бѣлый.—Это его добро, а не кровь. Намъ крови его нужно.

Буміръ задумался

— Завтра вы то же самое и намъ скажете, и всѣмъ Лешкамъ...—сказалъ онъ.

— Мы не объявляемъ вамъ войны—возразили кметы.—Милошъ спокойно живетъ со своимъ сыномъ, васъ никто не тронулъ... Господствовать надъ собой мы не позволимъ, а жить... живите себѣ...

Наступила минута молчанья. Вдругъ на башнѣ послышался какой-то стукъ. Хвостекъ взглянулъ въ окно и крикнулъ:

— Чего ты разговариваешь съ этими разбойниками? Съ бѣшеными звѣрями не разговаривать нужно, а бить ихъ палкой по лбу. Собери людей и приходи къ намъ на помощь! Наше дѣло—твое дѣло...

Мышко посмотрѣлъ на башню. Около него лежалъ лукъ. Онъ схватилъ его, прицѣлился и стрѣла, прожужжавъ по воздуху, воткнулась въ деревянную доску, которой затворялось окошко. Послышался хохотъ, а вслѣдъ затѣмъ къ ногамъ Мышки упала большая, снабженная перьями стрѣла. Кметъ съ презрѣньемъ отбросилъ ее въ сторону.

— Ящерицы поганыя!—кричалъ Хвостекъ сверху.

— Собака бѣшеная! — отвѣчалъ Мышко.

— Гадина!

— Гниль поганая!

— Буміръ!—вскричалъ Хвостекъ,—поѣзжай домой, собери своихъ и не давай намъ погибнуть, а то и съ вами то же самое сдѣлаетъ эта подлая чернь!

Буміръ повернулъ лошадь и собирался уже уѣзжать, когда Мышко сказалъ:

— Можешь дѣлать, что хочешь, но только я клянусь тебѣ—тутъ онъ схватилъ рукой горсть земли и подбросилъ ее кверху—если ты станешь защищать Хвостека, то мы ни одного изъ васъ въ живыхъ не оставимъ. Помни же это!

Буміръ и его товарищи посмотрѣли въ послѣдній разъ на башню, изъ которой до нихъ долетали какіе-то непонятные крики, и медленно поѣхали домой, провожаемые взглядами Мышекъ.

Кто бы заглянулъ къ башню, того обуялъ бы ужасъ при видѣ того, что тамъ происходило уже въ первый день. Внизу находились дружинники, слуги и невольники взятые для защиты. Здѣсь было ужасно тѣсно и душно. Всѣ эти люди дрожали отъ страха и сожалѣли, что они не поддались кметамъ, такъ что смердамъ едва удавалось при помощи палокъ удержать ихъ въ повиновеніи. Во второмъ этажѣ расположились отборные стрѣлки, которые готовились къ защитѣ. Тутъ же находились князь и княгиня. Третій этажъ былъ занятъ женщинами. Повсюду слышался плачъ. Хвостекъ то ходилъ нетерпѣливо взадъ и впередъ, то посматривалъ въ окошко. Брунгильда лежала на разостланной шкурѣ. Оба они надѣялись на помощь, которую должны были привести имъ сыновья. Брунгильда позвала Муху и отправилась осматривать запасы. Ржи было достаточно, но нечѣмъ было приготовить муки, а о томъ, чтобы печь хлѣбъ, нельзя было и думать, такъ какъ дровъ хватило бы на очень непродол-

жительное время. Колодецъ, изъ котораго приходилось доставать воду, былъ старъ и запущенъ, такъ что, вмѣсто воды, осажденные должны были глотать какую-то вонючую гущу.

Вся эта вооруженная чернь, находящаяся внизу, казалась Брунгильдѣ грозной. Всѣ они требовали пищи и воды, и на нихъ уже не дѣйствовала палка смерда.

Брунгильда отозвала въ сторону Муху и показала ему этихъ людей:

— Ртовъ много, а рукъ мало! — сказала она. — Что дѣлать?

Они долго шепотомъ совѣтовались надъ этимъ, и наконецъ, Муха спустился внизъ. Онъ сталъ отбирать людей, и однимъ велѣлъ отправиться наверхъ, а другихъ оставилъ на прежнемъ мѣстѣ. Оставленные были довольны тѣмъ, что имъ позволили спокойно лежать на гнилой соломѣ. Едва ушли тѣ, которымъ было приказано отправиться наверхъ, какъ къ оставшимся спустилась служанка княгини съ мисками, наполненными кашей. Они жадно набросились на предложенную имъ пищу и, минуту спустя, отъ нея и слѣда не осталось. Не прошло и получаса, какъ ужъ всѣ они спали мертвымъ сномъ. Муха снова сошелъ внизъ, осмотрѣлъ ихъ всѣхъ по очереди, пересчиталъ и вернулся наверхъ сообщить княгинѣ, что всѣ были «готовы».

Мышки сидѣли со своими людьми у костра, какъ вдругъ изъ башни посыпались трупы княжескихъ слугъ. Осаждающіе сначала смотрѣли на это съ изумленьемъ.

— Это они избавляются отъ лишнихъ ртовъ, — замѣтилъ одинъ изъ кметовъ, — значитъ, поддаваться не думаютъ!

На третій день около полудня съ башни послышался какой-то голосъ. Кметы думали, что князь хочетъ сдаться, и Мышко Кровавая-шея уже всталъ и хотѣлъ идти къ башнѣ, однако его предупредилъ самый младшій изъ Мышковъ, прозванный изъза длинныхъ ногъ Журавлемъ. Онъ подбѣжалъ къ башнѣ, запрокинулъ голову и сталъ смотрѣть вверхъ. Съ башни раздался хохотъ, и вслѣдъ за этимъ оттуда свалился громадный камень прямо на голову Мышкѣ. Юноша зашатался, упалъ и испустилъ духъ.

Крикъ отчаянія пролетѣлъ по толпѣ кметовъ.

— Кровь за кровь! — закричали они. — Ни одинъ изъ васъ живымъ оттуда не выйдетъ!

Нѣсколько кметовъ побѣжало къ башнѣ, чтобы взять тѣло несчастнаго юноши. Съ башни на нихъ кинули бревно, которое однако не принесло имъ никакого вреда и только придавило трупъ. Тѣло убитаго Мышки было возложено на костеръ и сожжено съ пѣснями, прерываемыми проклятьями, доносившимися съ башни.

Вечеромъ въ лагерь кметовъ притащился маленькій, кривой человѣчекъ съ коротко обстриженными волосами на головѣ. Онъ украдкой поглядывалъ на башню и глодалъ бросаемыя ему кости, такъ какъ, повидимому, былъ очень голоденъ. Никто его не зналъ. Въ то время по міру таскалось множество убогихъ, помѣшанныхъ и слѣпыхъ, и обычай требовалъ, чтобы ихъ принимать и кормить. По тогдашнимъ понятіямъ, помѣшаннымъ былъ свойственъ даръ ясновидѣнья, а нѣкоторые изъ нихъ забавляли людей пѣснью, пляской, или пробовали гадать. Недоносокъ (такъ какъ это былъ онъ) походилъ на одно изъ такихъ беззащитныхъ, добродушныхъ существъ. Кое-кто изъ кметовъ кинулъ ему хлѣбъ и кости, и карликъ съ наслажденіемъ сталъ высасывать остатки мозга.

Никто не обращалъ вниманія на то, что онъ все время смотрѣлъ на башню и ходилъ вокругъ нея, точно ища чего-то на землѣ. Было уже совершенно темно, когда карликъ исчезъ. Утомленная стража дремала у костра,

какъ вдругъ изъ одного отверстія въ башнѣ стала медленно спускаться толстая веревка. Къ ней подползъ Недоносокъ и привязалъ ее себѣ къ поясу.

Одинъ изъ кметовъ, стоящихъ на стражѣ на берегу озера, замѣтилъ что-то поднимающееся по гладкой поверхности стѣны и остановившееся наконецъ у одного изъ окошекъ башни. Кметъ натянулъ лукъ, выпустилъ стрѣлу, послышался крикъ и таинственное существо исчезло.

На полу второго этажа башни лежалъ, охая, Недоносокъ. Стрѣла попала ему въ шею. Хотя стрѣлу тотчасъ же вытащили изъ раны, но кровь не переставала течь. Напрасно старались ее унять. Хвостекъ подошелъ къ карлику и спросилъ, толкнувъ его ногой.

— Ну, что, былъ ты у князя Милоша?

Недоносокъ молчалъ.

— Былъ, — проговорилъ онъ наконецъ, посмотрѣлъ на Брунгильду, приползъ къ ея ногамъ, обхватилъ ихъ, поцѣловалъ и умеръ.

На шестой день послышались въ башнѣ страшные крики и вопли, точно внутри ея происходилъ жестокій бой. Вскорѣ все затихло. Отъ времени до времени въ окнахъ появлялись блѣдныя лица осажденныхъ. На десятый день въ башнѣ было совершенно тихо. Вороны кружились около башни и, казалось, старались въ нее проникнуть. Кметы ждали еще четыре дня. Наконецъ, имъ надоѣло смотрѣть на безмолвныя стѣны и стрѣлять по воронамъ.

Мышка Кровавая-шея велѣлъ готовить лѣстницы. Лѣстницы были приставлены къ башнѣ, но никто оттуда не появлялся. Кметы стали рубить деревянные двери, ведущіе въ башню, и онѣ наконецъ упали со стукомъ и трескомъ. Въ башнѣ было темно, какъ въ могилѣ. Въ самомъ низу виднѣлась куча изуродованныхъ, посинѣвшихъ, гніющихъ труповъ, придавленныхъ обвалившимся потолкомъ. На полу верхняго этажа лежали мертвыя тѣла Хвостека и его жены, покрытыя синими пятнами. Неизвѣстно, что доканало ихъ: голодъ или ядъ.

Кликъ радости пронесся по лагерю кметовъ. Мышки стали кидать шапки вверхъ. Начались поиски за сокровищами князя, а разошедшіеся во всѣ стороны кметы далеко распространили радостную вѣсть, что въ княжескомъ теремѣ хозяйничаютъ вороны.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Въ полнолуніе слѣдующаго мѣсяца на развалины терема Хвостека было созвано кметами общее вѣче. Уже за три дня до назначеннаго срока по хуторамъ стали собираться старѣйшины. По всему было видно, что на этихъ развалинахъ терема, бывшаго свидѣтелемъ столькихъ ужасовъ, и вѣче не пройдетъ спокойно.

Стиборъ, направляясь къ своимъ, остановился у дома Пястуна, желая взять съ собой на совѣщанье и стараго пчеловода.

— Что мнѣ тамъ дѣлать, зачѣмъ я вамъ?—сказалъ Пястунъ.—Я ужъ лучше останусь со своими пчелами... Пусть другіе рѣшаютъ, я человѣкъ бѣдный, куда ужъ мнѣ! Я къ этому не привыкъ и не умѣю приказывать, развѣ только моимъ пчеламъ, которыя слушаются меня, да челяди, которая тоже мнѣ не противится. Я вамъ отъ души желаю начать дѣло въ добрый часъ. Смотрите, поторопитесь выбрать начальника! Того и смотри, что появятся нѣмцы. Плохо будетъ, если они пронюхаютъ, что у насъ нѣтъ главы. Постоимъ по-братски

другъ за друга! Я все исполню, что вы прикажете, а что нужно дѣлать, это вамъ лучше извѣстно...

Стиборъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Намъ именно и нуженъ твой простой разумъ, батюшка. Не къ добру у насъ все клонится. Не мало осталось родственниковъ Хвостека, да и между нашими братьями кметами много есть такихъ, которымъ бы очень хотѣлось княжить... Не легко намъ будетъ справиться съ ними на вѣчѣ.

Оба они вздохнули. Однако Пястунъ стоялъ на своемъ и не пошелъ на вѣче. Они попрощались у воротъ, и старый пчеловодъ, взявъ котомку на плечи, поспѣшно отправился въ лѣсъ, такъ что другіе кметы, ѣхавшіе на вѣче и останавливавшіеся у его хутора, не знали, что стараго Пястуна давно уже не было дома.

Со всѣхъ сторонъ шли кметы къ Гоплу. Шли туда и Лешки съ сумрачными лицами, съ боязнью въ сердцахъ. Они не желали отказаться отъ своихъ претензій и думали, что кметы, не будучи въ состояньи выбрать кого-нибудь изъ своихъ, обратятся къ нимъ. Кметы посматривали на нихъ съ недовѣріемъ.

На развалинахъ терема уже было множество кметовъ, жупановъ и владыкъ, и съ каждой минутой къ нимъ присоединялись новые. Одни ожидали начала вѣча, не отходя отъ своихъ лошадей, другіе расположились на землѣ, третьи переходили отъ кучки къ кучкѣ, стараясь узнать господствующее мнѣніе.

Всѣ были убѣждены, что Мышки, которые уничтожили Хвостека, станутъ во главѣ кметовъ, однако не всѣмъ это было по сердцу.

— Хотя это и наша собственная кровь,—поговаривали кметы,—но они сядутъ намъ на шею не хуже того, отъ котораго мы только-что избавились.

На вѣче пришелъ и совершенно уже выздоровѣвшій Доманъ, и сынъ Виша Людекъ, пришли и многіе другіе со всѣхъ концовъ полянской земли, ожидали только одного Пястуна.

— Этотъ бы тутъ пригодился,— говорили кметы,—человѣкъ онъ простой, да умный. Онъ лучше насъ все знаетъ, хоть и мало говоритъ. Пястунъ прежде всего думаетъ объ общемъ дѣлѣ, а не объ интересахъ какого-нибудь кмета.

Стали разспрашивать про него. Стиборъ сказалъ:

— Онъ пошелъ къ своимъ пчеламъ...

Былъ полдень, а еще не всѣ кметы собрались. Собравшіеся съ нетерпѣніемъ ожидали начала. Они усѣлись въ кругъ и стали торопить старѣйшинъ, чтобы тѣ открывали вѣче.

Поднялся самый старшій изъ кметовъ—Жула. Это былъ зажиточный кметъ изъ рода Яксовъ, жившій въ лѣсу и любившій миръ и спокойствіе. Его считали человѣкомъ строгимъ и даже свирѣпымъ, но справедливымъ. Старикъ провелъ рукой по усамъ и по бородѣ и сказалъ, сдвинувъ брови:

— Приступимъ къ выбору князя! Нужно торопиться, такъ какъ у каждаго дома есть свое дѣло... Мнѣ больше нечего сказать, и я только замѣчу, что, кажется, князей-то у насъ много будетъ, хотя намъ нуженъ только одинъ...

— Мышку выбрать!—сказалъ одинъ изъ приближенныхъ Мышковъ.—Кровавую шею. Онъ уже доказалъ на дѣлѣ, что съумѣетъ быть хорошимъ начальникомъ... намъ именно такого и нужно...

— Отчего бы намъ не поставить княземъ одного изъ Каней,—прервалъ его другой.—Они тоже драться умѣютъ, а кромѣ того, намъ нуженъ князь богатый...

— И родъ Виша не бѣденъ, а Вишъ первый собственной головой заплатилъ за вѣче,—замѣтилъ третій.

Начались споры. Не было согласья.

Лешки стали предлагать въ князья людей изъ своего рода. Въ отвѣтъ на это поднялись крики:

— Достаточно уже у насъ было Лешковъ! Мы не хотимъ ихъ! Долой Лешковъ!

Отъ слова къ слову совѣщанье стало принимать характеръ ссоры, и уже начали подниматься сжатые кулаки. Увидѣвъ это, Стиборъ сталъ уговаривать кметовъ успокоиться и помнить, что на вѣчѣ не кулакъ, а умное слово имѣетъ значенье.

Людекъ, сынъ Виша, выступилъ впередъ и сталъ говорить.

— Уже ходятъ слухи, что старый отецъ нѣмки и ея сыновья знаютъ о судьбѣ Хвостека. Люди говорятъ, что въ тотъ самый день, когда были зажжены костры, сыновья князя находились въ теремѣ, и что мать переправила ихъ черезъ озеро и послала за помощью. Они отправились къ кашубамъ и поморянамъ, а этихъ долго упрашивать не придется. Они придутъ сюда, истребятъ наши посѣвы, сожгутъ наши хутора, а мы все еще будемъ раздумывать надъ тѣмъ, кого бы намъ княземъ поставить...

— Намъ нужно одного князя,— прервалъ его жупанъ Добекъ,—а тутъ желающихъ стать имъ человѣкъ сорокъ... и никто уступить не хочетъ. Давайте же, бросимъ жребій по древнему обычаю! Не умѣютъ люди выбирать, такъ пусть боги выберутъ!

Всѣ замолчали, однако, совѣтъ Добека никому не понравился.

— У насъ еще хватитъ времени бросать жребій,— замѣтилъ Мышко Кровавая-шея.—Не стоитъ начинать съ этого. У насъ есть собственная воля.

— Отчего бы не попробовать бросить жребій?—спросилъ Доманъ. По крайней мѣрѣ, мы бы хоть времени попусту не теряли. Положимъ копья, каждый свое, приведемъ бѣлаго коня, чье копье онъ задѣнетъ ногой, тотъ и будетъ княземъ, того, значитъ, боги желаютъ.

— А то пошлемъ на островъ Ледницу за дѣвушкой, сидящей у огня. Положимъ передъ ней наши шапки, чью она поднимете, того и поставимъ княземъ...

Снова начались споры. Тѣ, которые надѣялись, что ихъ и такъ выберутъ, ни за что не хотѣли согласиться на жребій.

Приближалась ночь. Одни изъ кметовъ поѣхали восвояси домой. Другіе остались на мѣстѣ, третьи, наконецъ, расположились лагеремъ въ ближайшей рощѣ. Мышки, надѣявшіеся, что одного изъ нихъ выберутъ навѣрно, уѣхали разсерженные, такъ какъ все больше и больше появлялось такихъ, которые говорили:

— Чѣмъ мы хуже ихъ? Мы такъ же съумѣемъ княжить, какъ и они.

Вечеромъ, когда Пястунъ возвращался изъ лѣсу, у его воротъ остановился Добекъ.

— Ты предпочелъ отправиться къ пчеламъ, Пястунъ, — сказалъ онъ,— однако, было бы гораздо лучше, если бы ты присутствовалъ на вѣчѣ. Ты бы, пожалуй, могъ дать намъ дѣльный совѣтъ, а пчелы обошлись бы и безъ тебя...

— Ну, что же у васъ тамъ произошло?—спросилъ Пястунъ.

— Да ничего... только, слышно, сыновья Хвостека уже ведутъ на насъ кашубовъ и поморянъ, а мы, между тѣмъ, не имъ, а другъ другу кулаки показываемъ. Вѣче ни къ чему не привело. Сами мы выбрать князя не умѣемъ, и вотъ намъ предлагаютъ бросить жребій...

— Видишь, Добекъ, — спокойно отвѣтилъ Пястунъ, — что я хорошо сдѣлалъ, отправившись къ пчеламъ, такъ какъ я, все-таки, сдѣлалъ что-нибудь, а на вѣчѣ отъ меня никакой пользы бы не было. Такъ, значитъ, вы уже разъѣхались?

— Одни поѣхали домой, другіе остались на мѣстѣ, третьи, какъ вотъ я, ищутъ ночлега. А выбрать князя

все-таки нужно, а то еще намъ сядетъ на шею такой, о которомъ мы и не думали.

На слѣдующее утро къ Пястуну заѣхалъ и Доманъ, такъ какъ всѣ уважали стараго пчеловода и спѣшили къ нему съ поклономъ.

— Что это ты такъ поблѣднѣлъ?— спросилъ его хозяинъ, который уже давно его не видѣлъ и даже не слыхалъ о немъ.

— Я былъ раненъ... много крови потерялъ,—отвѣтилъ Доманъ.

— Кто же тебя ранилъ?

— Да стыдно и признаваться-то... дѣвушка. Я похитилъ дочь Виша, больно ужъ она мнѣ по душѣ пришлась. Она же меня моимъ собственнымъ мечомъ ранила...

— Дорого же она тебѣ досталась!..

— Если бы еще досталась!.. Она убѣжала и скрылась въ храмѣ, на Ледницѣ, а я насилу выжилъ...

— Другую найдешь! — замѣтилъ Пястунъ.

— Я уже и нашелъ, да что же изъ этого, если мнѣ все-таки жалко первой.

Добекъ и Доманъ стали уговаривать Пястуна, чтобы онъ отправлялся вмѣстѣ съ ними на вѣче.

— Зачѣмъ я туда пойду? Все одно, вѣдь, вы ни на что не согласитесь...— возражалъ старикъ. — Рѣшайте безъ меня... куда ужъ мнѣ тамъ.

На слѣдующій день происходило то же самое. Собрались старѣйшины, стали совѣтоваться и, пока они спорили, насталъ вечеръ. Кметы раздѣлились на два лагеря. Въ одномъ верховодили Мышки, во главѣ другого стали Лешки.

Поздно вечеромъ къ хутору Пястуна подъѣхалъ Мышко-Кровавая шея Онъ былъ страшно сердитъ.

— Съ вѣча возвращаешься?—спросилъ его Пястунъ.

— Да, съ вѣча!—отвѣтилъ, вздохнувъ, кметъ.

— Съ чѣмъ идешь?

— Да что? Нѣтъ между нами никакого согласія. Всякій хотѣлъ бы сдѣлаться княземъ, а повиноваться никому не хочется.

— Ну, а ты какъ же?

— Я? Я, извѣстно... тоже... У меня есть право. Кто одолѣлъ ненавистнаго Хвостека, если не я и не нашъ родъ? Кто жертвовалъ жизнью и здоровьемъ? Чѣмъ же я хуже Яксовъ, Лешковъ или Каней?

— Это вѣрно, — замѣтилъ Пястунъ,—но что же изъ всего этого выйдетъ? Говорятъ, что сыновья Хвостека приближаются...

— О выборѣ князя и говорить нечего,—сказалъ Мышко,—кто больше людей соберетъ, тотъ и провозгласитъ себя княземъ, тотъ и будетъ княжить...

— Зачѣмъ же было тогда Хвостека-то низвергать?—спросилъ старикъ.— Вѣдь и онъ такъ княжилъ. Смотри, поступай какъ хочешь, но вѣче уважай! То, что постигло Хвостека, можетъ и съ другими случиться...

— Я никому не поддамся!—воскликнулъ Мышко, поднимая кверху кулакъ.

И такъ, вѣче не привело ни къ чему и даже ухудшило положеніе дѣлъ, такъ какъ многіе кметы, пріѣхавъ на вѣче друзьями, уѣзжали съ него врагами. Особенно много враговъ и соперниковъ пріобрѣли Мышки. Зато Лешки были довольны исходомъ дѣла, потому что не мало кметовъ перешло на ихъ сторону

Приближался день праздника жатвы, и снова было созвано вѣче. Лешки стали собирать своихъ сторонниковъ, а Мышки своихъ. Многіе уже вовсе не хотѣли идти на вѣче. Были и такіе, которые радовались тому, что не было князя, такъ какъ они никому не платили дани; когда же имъ говорили о нападеніи нѣмцевъ, то они недовѣрчиво качали головами, утверждая, что у нѣмцевъ и дома хватитъ дѣла. Вслѣдствіе этихъ причинъ на

вѣче собралось гораздо меньше кметовъ, нежели въ первый разъ. Они уже хотѣли приступить къ совѣщаніямъ, какъ вдругъ передъ ними появился старый Визунъ.

Его усадили на почетномъ мѣстѣ и стали угощать. Визунъ молчалъ. Мышкамъ казалось, что онъ приметъ ихъ сторону, Лешки же были убѣждены, что онъ не выступитъ противъ нихъ. Поэтому всѣ обратились къ нему за совѣтомъ.

Старикъ осмотрѣлся вокругъ и, подумавъ немного, сказалъ:

— Я затѣмъ и притащился сюда, чтобы дать вамъ добрый совѣтъ. Я нарочно ходилъ въ священные храмы и испрашивалъ боговъ, что намъ слѣдуетъ предпринять. Былъ я въ храмѣ Святовида, Радегаста, Поревита... въ Колоберегѣ, въ Щетинѣ, въ Ретрѣ...

— Какъ же ты добрался до Ретры?

— Кто бы меня, беззащитнаго старика, тронулъ? Не разъ останавливали меня Волки, но всегда пускали дальше. Однако, въ храмъ Редегаста не легко проникнуть. Нужно пройти сквозь девять воротъ, а у каждыхъ стоитъ стража, которая разспрашиваетъ и осматриваетъ тебя. Храмъ расположенъ на возвышенности, божество все въ золотѣ и окружено меньшими богами. Туда-то я и отправился, чтобы услышать совѣтъ, исходящій отъ бога.

— Что жъ онъ тебѣ сказалъ?— спросили кметы, затаивъ дыханье.

Визунъ опустилъ глаза.

— Долго пришлось мнѣ ждать,— сказалъ онъ, — наконецъ, пришелъ отвѣтъ: «выберите покорнаго». Мнѣ мало было этого, и я отправился дальше, на священный островъ, на берегъ Святопруда, въ Рекопу. Я спрашивалъ и Триглава, и Святовида. Святовидъ сказалъ: «избирайте малаго!», Триглавъ велѣлъ сказать: «избирайте убогаго!» Такъ и должно быть: поставьте княземъ покорнаго, малаго, убогаго. Такъ угодно богамъ!..

Вдругъ послышался конскій топотъ и появился всадникъ, который уже издали махалъ рукой и что-то кричалъ.

Кметы поспѣшили ему на встрѣчу. Онъ спрыгнулъ съ лошади и сказалъ прерывающимъ голосомъ:

— Сыновья князя съ поморянами, кашубами и нѣмцами идутъ на насъ... они миновали уже пограничную пущу!

Кметы въ смятеньи бросились къ лошадямъ.

— Вотъ чего мы дождались!— крикнулъ со злостью Добекъ.—Теперь мы разбѣжимся во всѣ стороны, и насъ перебьютъ въ одиночку.

Лешки, молча, столпились въ сторонкѣ. Они могли еще кое-какъ пойти на переговоры съ сыновьями Хвостека. Что касается Мышковъ, то этимъ приходилось спасать свои головы.

— На коней!—стали они отдавать приказанье.—Тутъ нѣтъ времени совѣтоваться. Нужно сейчасъ же идти имъ на встрѣчу. Потомъ ужъ поздно будетъ!..

Но Добекъ прервалъ ихъ:

— Домой! За людьми!—крикнулъ онъ повелительно. — Завтра пусть всѣ соберутся здѣсь, на берегу Гопла, а отсюда мы всѣ вмѣстѣ двинемся противъ враговъ. На эти приготовленья хватитъ вечера и ночи. На коней! На коней!

Съ наступленіемъ ночи на небѣ, въ той сторонѣ, откуда шли непріятели, появилось зарево.

На слѣдующій день еще никто не являлся на сборный пунктъ. Всѣмъ пришлось потерять на приготовленіе много времени. У одного не было копій, у другого не хватало стрѣлъ... Только на третій день стали собираться кметы на берегъ озера. Вѣсть о нападеніи непріятелей взволновала всѣхъ, и къ озеру стекались кучки кметовъ изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей.

Добекъ безъ всякаго выбора сталъ

во главѣ кметовъ, и всѣ ему повиновались.

Въ то время поляне еще не были народомъ воинственнымъ. Они вели жизнь спокойную, занимаясь хлѣбопашествомъ, и поэтому ихъ вооруженіе было крайне плохо. Желѣзнаго оружія у нихъ было мало, старинное мѣдное было не у многихъ. Ихъ оружіе состояло изъ каменныхъ молотовъ и топоровъ, палокъ, луковъ и пращей. Челядь шла пѣшей, а кметы сидѣли на лошадяхъ. Каждый изъ этихъ послѣднихъ велъ за собой своихъ людей. Добекъ приводилъ въ порядокъ ряды этой сборной дружины. Онъ любилъ войну и только тогда жилъ полной жизнью, когда сидѣлъ на конѣ съ копьемъ въ рукахъ. Подъ вечеръ онъ разослалъ во всѣ стороны гонцовъ, чтобы узнать, гдѣ находится непріятель, а самъ съ кметами отступилъ въ рощу.

II.

Гонцы возвратились съ извѣстіемъ, что нѣмцы были уже недалеко. Они ихъ даже видѣли, но не могли сказать навѣрное, сколько ихъ было.

Они шли, захватывая въ плѣнъ людей, угоняя скотъ, сжигая хутора и оставляя за собой пустыню и пепелище. Нужно было какъ можно скорѣе выступить противъ нихъ и не пускать ихъ дальше. Однако у кметовъ не было достаточно силъ для этого, и Добекъ рѣшилъ напасть на непріятелей ночью.

Подвигаясь лѣсомъ, кметы встрѣчали бѣглецовъ, которые съ ужасомъ разсказывали о приближеніи закованныхъ въ желѣзо людей, защищающихся желѣзными щитами, отъ которыхъ отскакивали стрѣлы, которыхъ не брали палки. Одинъ изъ этихъ бѣглецовъ вызвался провести кметовъ къ непріятельскому лагерю. Подождавъ до вечера, кметы стали подвигаться на сѣверъ, придерживаясь опушки лѣса, и наконецъ увидѣли изъ за деревьевъ догарающіе костры лагеря. Хищники, повидимому, не ожидали нападенія, и отдыхали совершенно безпечно. Густой лѣсъ съ одной стороны позволялъ кметамъ подкрасться почти къ самому лагерю.

Кметы легли на землю и медленно ползли на животахъ.

Въ лагерѣ поморянъ раздавались дикія пѣсни, вопли и крики. Стражи не было. Въ котелкахъ варилась пища, щиты и мечи были раскиданы по землѣ. Недалеко отъ лагеря стояла кучка людей, связанныхъ лыкомъ и веревками. Это были плѣнные поляне. Люди Добека съ ужасомъ узнавали въ нихъ своихъ близкихъ и знакомыхъ. Нѣмцы и кашубы расположились немного дальше. Хорошо вооруженные саксонцы стояли на стражѣ у шалашей, въ которыхъ почивали сыновья Хвостека, Лешекъ и Попелэкъ.

Добекъ съ верхушки старой сосны осмотрѣлъ расположеніе лагеря и приказалъ своимъ людямъ окружить непріятеля и отрѣзать ему путь къ отступленію. Одна часть кметовъ должна была подкрасться къ плѣнникамъ и освободить ихъ.

Когда все уже было готово, Добекъ вышелъ впередъ и, затрубивъ въ рогъ, далъ знакъ своимъ людямъ броситься на поморянъ. Тѣ услыхали звукъ рога, но не обратили на него никакого вниманія, такъ какъ полагали, что это трубитъ кто-нибудь изъ нихъ же. Они пѣли, хохотали и кричали по прежнему.

Вдругъ изъ лѣсу выскочили поляне и какъ вихрь налетѣли на поморянъ, не ожидавшихъ нападенія. Страшный крикъ пролетѣлъ по лѣсу и началось безпощадное избіеніе. Плѣнники хватали шесты и головни, а плѣнницы голыми руками душили не успѣвшихъ подняться съ земли враговъ. Поморяне, потерявъ голову и совершенно забывъ объ оружіи, бѣжали къ озеру и въ лѣсъ, но повсюду натыкались на окружавшихъ ихъ кметовъ.

Хотя кметы сразу со всѣхъ сторонъ напали на лагерь, однако они не успѣли во время добѣжать до холмика, на которомъ находились князья и нѣмцы. Увидѣвъ сверху, что поляне напали на поморянъ и бьютъ ихъ, нѣмцы схватились за оружіе. Однако было уже поздно. Поморяне падали подъ ударами копій и молотовъ. Нѣкоторые изъ нихъ кидались въ кусты, другіе же, лежа на землѣ, напрасно молили о пощадѣ. Расположившіеся немного дальше кашубы успѣли взяться за оружіе, но поляне сломили ихъ и загнали къ лѣсу, гдѣ ихъ уже ожидали другіе. Небольшая кучка нѣмцевъ окружила князей и бросилась бѣжать въ поле. Ночной мракъ благопріятствовалъ имъ. Въ погоню за ними пустился Добекъ съ десяткомъ кметовъ, но нѣмцы бѣжали такъ быстро, что догнать ихъ не было никакой возможности, и Добекъ вернулся къ своимъ, надѣясь на то, что такая небольшая кучка не избѣгнетъ своей участи и попадется таки въ руки полянъ.

Побѣда была полная, такъ какъ только часть кашубовъ успѣла убѣжать, Добекъ лежалъ подъ дубомъ и отиралъ потъ съ лица. Онъ приказалъ воткнуть въ землю шесты съ божьими станицами, развести костры и сжечь трупы убитыхъ. Плѣнники тотчасъ же стали сносить сухія вѣтви и тащить старые пни. Убитыхъ бросили въ огонь, а нѣкоторыхъ изъ нихъ спихнули въ озеро. Цѣлыя кучи захваченной добычи: мечей, луковъ, молотовъ, щитовъ, обшитыхъ кожей и жестью, лежали подъ деревьями. Освобожденные изъ плѣна женщины, старики и дѣти стояли у костровъ, разсказывая про свое несчастье и благодарили своихъ избавителей.

Когда понемногу всѣ успокоились, старшіе кметы пошли осматривать взятыхъ въ плѣнъ поморянъ. Людекъ замѣтилъ между ними рыжаго человѣка, который старался спрятаться за своего товарища. Его тотчасъ же вытащили за ноги изъ кучи плѣнниковъ. Увидѣвъ его лицо, Людекъ вскрикнулъ:

— Вотъ кто ихъ сюда привелъ! Я его знаю, это нѣмецъ; его зовутъ Генго. Онъ ходилъ по нашей землѣ подъ видомъ купца, заходилъ и въ нашъ домъ, а теперь, разузнавъ все какъ слѣдуетъ, привелъ своихъ.

— Повѣсить его!—крикнулъ Добекъ.

— Нѣтъ, лучше отдайте мнѣ его,— сказалъ Людекъ. Я его запрягу въ соху, пусть онъ служитъ мнѣ. Я не хочу его смерти, онъ, вѣдь, былъ нашимъ гостемъ...

Генго повалился ему въ ноги и сталъ клясться, что онъ ни въ чемъ не виноватъ, такъ какъ князья захватили его силой, зная, что онъ бывалъ у полянъ, но онъ не показывалъ имъ дороги. Онъ долженъ былъ идти, такъ какъ въ противномъ случаѣ ему угрожала смерть.

Однако, никто ему не вѣрилъ, и слуги Людека оттащили его въ сторону.

О преслѣдованіи убѣжавшихъ остатковъ кашубовъ и нѣмцевъ никто и не думалъ, а нѣкоторые изъ кметовъ утверждали, что князьямъ послѣ такого пораженія не легко будетъ найти поморянъ и кашубовъ, которые бы съ ними снова шли на полянъ, а нѣмцевъ изъ за Лабы привести навряд ли удастся.

На слѣдующій день вечеромъ Людекъ велѣлъ привести къ себѣ Генго и, накормивъ его, сталъ допрашивать вмѣстѣ съ Добекомъ. Они подозрѣвали, что нѣмецъ знаетъ гораздо больше, чѣмъ это могло казаться. Однако, кметы не могли отъ него почти ничего добиться. Онъ только говорилъ, что дѣдъ обоихъ сыновей Хвостека во что бы то ни стало хочетъ отомстить за свою дочь, что молодые князья постоянными набѣ-

гами будутъ безпокоить полянъ до тѣхъ поръ, пока не займутъ мѣста своего отца. Генго намекалъ на то, что съ ними можно было бы легко помириться, еслибъ только кметы этого пожелали.

Добекъ сталъ совѣтоваться со старшими кметами, что теперь слѣдовало предпринять: идти ли на границу отомстить поморанамъ за нападеніе, или возвращаться домой? Всѣ были еще разгорячены только что одержанной побѣдой и охотно пошли бы на край свѣта. Рѣшено было напасть на пограничныя селенія поморянъ, и кметы тотчасъ же начали готовиться къ походу.

На слѣдующій день Добекъ направился къ границѣ, а Людекъ возвращался домой, по пути раздавая кметамъ плѣнниковъ, которые, какъ нельзя лучше могли пригодиться во время жатвы. Повсюду Людека встрѣчали съ радостью, какъ вѣстника побѣды. Изъ хуторовъ выбѣгали люди посмотрѣть на взятыхъ въ плѣнъ хищниковъ и провожали ихъ проклятіями и пинками.

Однако, старшіе кметы съ завистью смотрѣли на успѣхъ Добека и опасались, какъ бы онъ не воспользовался военной силой и не захватилъ въ свои руки княжескую власть. Ихъ безпокоило то, что дѣло избранія князя еще не рѣшено, и они повторяли слова боговъ: «изберите покорнаго, убогаго, малаго».

Мышки и Лешки снова объѣзжали своихъ сторонниковъ. И тѣ, и другіе часто останавливались у хутора Пястуна, спрашивая у него совѣта и обвиняя его въ томъ, что для него были дороже его пчелы, нежели дѣла кметовъ и всего племени.

Старикъ только улыбался.

— Если бы я могъ помочь дѣлу, то я навѣрное бы принялъ въ немъ участіе. Но что же я, бѣднякъ, подѣлаю, если вамъ, богатымъ да сильнымъ, ничего не удается. Тутъ не людей, а боговъ слѣдуетъ просить, чтобы они намъ помогли. Легче было дурного князя свергнуть, нежели хорошаго избрать.

Никто не хотѣлъ Лешковъ, такъ какъ всѣ боялись, что они станутъ мстить за свой родъ. Выбрать кого-нибудь изъ Мышковъ кметы тоже не желали, опасаясь, что онъ будетъ притѣснять своихъ личныхъ непріятелей. Шли приготовленія къ новому вѣчу.

III.

Пользуясь временнымъ затишьемъ, Доманъ сталъ готовиться къ свадьбѣ и началъ объѣзжать кметовъ, приглашая ихъ на свадебный пиръ. Когда онъ очутился около дома Вишей, у него болѣзненно сжалось сердце: Доманъ вспомнилъ о Дивѣ.

Людека не было дома. Раздавъ плѣнниковъ, онъ поспѣшилъ за Добекомъ къ границѣ. Вмѣсто него хозяйничалъ его младшій братъ.

Доманъ поздоровался съ нимъ у воротъ.

— Женюсь — сказалъ Доманъ.— Не откажи, пріѣзжай на свадьбу.

— Спасибо, пріѣду, — отвѣтилъ парень,—я радъ, что ты пересталъ думать о Дивѣ.

Доманъ посмотрѣлъ ему въ глаза и грустно улыбнулся.

— Не думай, что я нашелъ такую-же дѣвушку, какъ Диву. Я беру дочь горшечника Мирша. Она молода и весела... можетъ быть, при ней и мнѣ веселѣе станетъ... Ну, такъ готовься въ дорогу. Пусть люди знаютъ, что мы по прежнему друзья.

Они пожали другъ другу руки, пошутили немного, и Доманъ отправился дальше.

Старый горшечникъ совершенно забылъ о своихъ горшкахъ. Дочь не давала ему покоя со всякими просьбами. Онъ не жалѣлъ ничего и ни въ чемъ ей не отказывалъ. Наканунѣ свадьбы все уже было готово. Изба была выбѣлена, выметена, полъ

посыпанъ душистой травой, у дверей повѣшены зеленые вѣнки, на полкахъ поставлена новая посуда. Съ самаго утра въ избѣ Мирша не умолкали пѣсни. Приступили къ печенію свадебнаго коровая. Стало темнѣть, когда на дорогѣ послышался конскій топотъ. Дѣвушки, окружавшія невѣсту, захлопали въ ладоши и стали кричать:

— Ясный мѣсяцъ ѣдетъ!

Мѣсяцемъ этого дня былъ Доманъ. Его сопровождала толпа молодежи верхомъ на лошадяхъ, въ шапкахъ съ перьями и въ праздничныхъ одеждахъ. Женихъ превосходилъ всѣхъ красотой и платьемъ. Онъ сидѣлъ верхомъ на сѣрой лошади, покрытой краснымъ сукномъ. Его поясъ состоялъ изъ блестящихъ колечекъ, на боку сверкалъ мечъ, а на голову была одѣта шапка съ пеломъ и съ цѣпочкой.

Доманъ везъ съ собой не мало подарковъ, и, когда онъ высыпалъ ихъ у ногъ невѣсты, то у дѣвушекъ глаза разбѣжались. Тутъ были разныя заморскія драгоцѣнности: кольца, перстни, мониста, запястья, шпильки, пестрыя ленты... Тутъ же находилась горсть серебряныхъ монетъ. Между подарками былъ и кубокъ изъ драгоцѣннаго камня, похожаго на ледъ, на который всѣ взирали съ изумленіемъ, такъ какъ онъ былъ совершенно прозраченъ.

Вслѣдъ за женихомъ въ избу вошли два гусляра и музыкантъ съ коброй. Изба наполнилась гостями. Старый Миршъ угощалъ ихъ, братья Милы ходили со жбаномъ и поили гостей медомъ и пивомъ. А такъ какъ въ избѣ вскорѣ не хватило мѣста, то парни и дѣвушки вышли на дворъ, куда отправились и музыканты и снова раздались пѣсни.

Доманъ сидѣлъ рядомъ съ Милой. Онъ улыбался, но гдѣ блуждали его мысли, этого никто не зналъ.

Прошла ночь, насталъ день и свадьба стала близиться къ концу, какъ вдругъ на полѣ появилась старуха, торопливыми шагами направляющаяся къ избѣ Мирша. Она поврeменамъ останавливалась, оглядывалась въ испугѣ, поднимала клюку вверхъ и кричала что-то пронзительнымъ голосомъ; однако, ея словъ нельзя было разобрать, такъ какъ музыканты играли, гусляры пѣли, а пляшущая молодежь весело покрикивала.

Старуха бѣжала все быстрѣе и быстрѣе. Всѣ узнали въ ней Яругу.

— Что съ ней такое? — спросилъ старый Миршъ, — она летитъ точно сумасшедшая...

— Это съ нею часто случается! — говорили, смѣясь, другіе, — напьется пива, ну, и бѣсится; она готова еще въ плясъ пуститься...

Яруга бѣжала, все время оглядываясь и показывая на что-то палкой. Ея волосы были растрепаны, сорочка помята и порвана, ноги окровавлены. Подбѣжавъ, задыхаясь, къ воротамъ, она закричала:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Поморяне идутъ! Они уже близко!..

Никто не хотѣлъ вѣрить собственнымъ ушамъ и Яругѣ, которая подняла кверху руки и упала на землю отъ усталости.

Старый Миршъ молча посмотрѣлъ вдаль и крикнулъ:

— На коней!.. Быть можетъ, старуха съ ума сошла и приняла стадо овецъ за поморянъ. Пусть кто-нибудь съѣздитъ, посмотритъ!

Гости всполошились. Прекратились пѣсни, раздались крики ужаса. Доманъ выскочилъ изъ избы на дворъ, ведя за руку испуганную и плачущую Милу. Всѣ въ смятеньи кричали:

— Нѣмцы! Кашубы! Непріятели!

Молодежь бросилась къ лошадямъ. Парень, которому удалось раньше другихъ сѣсть на лошадь, поскакалъ къ ближайшему холмику и тотчасъ же вернулся съ крикомъ:

— Идутъ! Идутъ!

*

Всѣ потеряли голову, такъ какъ уже не было времени искать какого-нибудь убѣжища. Оставался только островъ— Ледница, а между тѣмъ, лодки уже были заняты тѣми, которые первыми добѣжали до берега. Доманъ бѣжалъ подъ навѣсъ за своей сѣрой лошадью; Мила съ распущенными волосами, безъ вѣнка, громко плача, не отставала отъ него. Не думая уже о другихъ, Доманъ вскинулъ ее на коня, сѣлъ на него самъ и пустился бѣжать. Его товарищи тоже садились на лошадей и убѣгали. Женщины толпились на берегу озера, и падали на землю, ломая руки. Такъ какъ лодокъ не хватало, то нѣкоторыя изъ нихъ смѣло бросались въ волу и плыли къ острову.

У стараго Мирша была вырытая въ землѣ яма, входъ въ которую былъ скрытъ. Старикъ не хотѣлъ выдавать чужимъ этого убѣжища, но, увидѣвъ, что Доманъ скрылся, онъ мигнулъ сыну, и они оба куда-то незамѣтно исчезли. Не въ первый разъ уже Миршъ избѣгалъ опасности, спрятавшись въ своей ямѣ.

Между тѣмъ, конскій топотъ и крики слышались все громче и громче. Множество поморянъ и кашубовъ приближалось къ озеру, поднимая облака пыли. Всѣ прятались, куда кто могъ. Старшія женщины, всѣми покинутыя, столпились на берегу озера подъ ивами. Вдали виднѣлась кучка всадниковъ, товарищей Домана. Поморяне съ дикимъ крикомъ кинулись вслѣдъ за бѣглецами, а часть ихъ стала окружать жилище Мирша. Стоявшіе еще на берегу люди бросились въ воду, прячась въ густомъ тростникѣ. Поморяне стали стрѣлять по нимъ изъ луковъ.

Все прибрежье было занято непріятелемъ. Среди полчищъ поморянъ и кашубовъ находилось двое всадниковъ, къ которымъ всѣ относились съ уваженіемъ. Они были одѣты какъ нѣмцы, нѣмцы же ихъ и окружали. Они слѣзли съ лошадей и направились въ пустую избу Мирша. Всѣ разступались передъ ними. Это были сыновья Хвостека—Лешекъ и Попелекъ. За ними слуги тащили на веревкѣ старика съ сѣдой бородой, который судорожно сжималъ въ рукахъ разбитыя гусли.

Сыновья князя усѣлись на скамьѣ, которую еще недавно занимала невѣста. Между тѣмъ, окружавшіе ихъ стали выносить изъ избы все, что только имъ попадалось подъ руку. Десяцкіе и сотники допивали остатки пива и доѣдали находящееся на столахъ мясо. Старый гусляръ упалъ на порогѣ, но его втащили въ избу. Отъ него начали добиваться свѣдѣній, касающихся богатаго храма и сокровищъ, находящихся на островѣ, и требовали, чтобы онъ сказалъ, какъ легче всего добраться до Ледницы. Его разспрашивали, кто самый богатый кметъ въ окрестности, у кого самыя многочисленныя стада, но старикъ только стоналъ и не отвѣчалъ ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ.

Отовсюду въ избу приводили связанныхъ гостей Мирша. Предводители поморянъ и кашубовъ окружили молодыхъ князей и стали совѣтоваться, что дѣлать дальше. Они хотѣли отдохнуть немного и отправиться дальше, не думая о Ледницѣ, такъ какъ переправиться туда было трудно, а нападать на храмъ было небезопасно.

Вдругъ раздались крики:

— Ведутъ! Ведутъ!

Толпа поморянъ, которая пустилась въ погоню за бѣглецами, тащила раненаго Домана. Онъ сидѣлъ на лошади, связанный по рукамъ веревками, а передъ нимъ на сѣдлѣ лежалъ трупъ его молодой жены, въ груди которой торчалъ обломокъ копья. Изъ раны еще бѣжала кровь. Доманъ придерживалъ жену зубами за сорочку, такъ какъ руки у него были связаны. Самъ онъ былъ весь окровавленъ, но, казалось, совершенно не чувствовалъ боли.

Поморяне стащили его съ лошади и, разорвавъ веревки, хотѣли отнять у него тѣло Милы, но это имъ не удалось, такъ какъ онъ всѣми силами прижималъ его къ своей груди. На раненаго кмета бросилось трое людей и повалили его на землю.

Изъ избы вышли молодые князья со своими нѣмцами и съ любопытствомъ окружили раненаго. Одинъ изъ князей нагнулся надъ нимъ и замахнулся на него кулакомъ.

— Собачій сынъ!—крикнулъ онъ.— Когда жгли нашъ теремъ, когда нашихъ убивали, и ты, вѣроятно, былъ тамъ, можетъ быть, ты даже велъ кметовъ на теремъ!

Другой изъ князей сталъ требовать, чтобы Доманъ сказалъ ему, кто велъ кметовъ противъ Хвостека, кто былъ главнымъ зачинщикомъ возмущенія и угрожалъ ему смертью.

Доманъ ничего имъ не отвѣчалъ и, молча, глядѣлъ на тѣло жены.

— Мы ваши князья! — крикнулъ Лешекъ.

Доманъ приподнялъ голову и посмотрѣлъ на него мутнымъ взглядомъ.

— Никто изъ вашего рода не будетъ княжить надъ нами! — проворчалъ онъ. — Не дождетесь вы этого! Вы враги и разбойники, не вамъ господствовать здѣсь!

Долго надругались надъ нимъ нѣмцы и, наконецъ, увели его на берегъ озера, гдѣ находились всѣ остальные плѣнники. Онъ упалъ въ изнеможеніи подъ ивой Мирша.

Вечеромъ трупъ убитой Милы одинъ лежалъ на берегу. Доманъ приползъ къ водѣ, пользуясь тѣмъ, что стража заснула, бросился въ озеро и исчезъ.

IV.

На берегу острова Ледницы стояли толпы людей. Съ берега до нихъ долетали дикіе крики и дымъ горящихъ хуторовъ. Вода несла мертвыя тѣла, которыя подплывали къ острову, какъ будто прося, чтобы ихъ похоронили. Между ними были и молодыя дѣвушки, одѣтыя какъ на свадьбу, съ зелеными вѣнками на головахъ, и пожилыя женщины и маленькія дѣти съ судорожно сжатыми рученками, съ полуоткрытыми мертвыми глазками.

На берегу стоялъ Визунъ, опираясь на палку. Тутъ же находились и сѣдовласая Накія, и Дива, и остальныя дѣвушки, сидящія на стражѣ у священнаго огня. Они стояли молча и, какъ только къ берегу подплывалъ новый трупъ, всѣ нагибались, стараясь узнать, кто бы это могъ быть.

Вдругъ вдали на водѣ раздался какой-то плескъ. Было уже такъ темно, что ничего нельзя было различить. Что-то появлялось и исчезало на волнахъ. Визунъ сошелъ съ холмика и спустился къ самой водѣ. На поверхности воды виднѣлась человѣческая голова, покрытая длинными намокшими волосами. Человѣкъ плылъ къ острову. Еще минута, и онъ былъ бы у берега, но силы его уже оставляли. Визунъ поспѣшно вошелъ въ воду и протянулъ тонущему руку, за которую тотъ сейчасъ же и ухватился. Когда старикъ вытащилъ его на берегъ, то онъ упалъ въ изнеможеніи на землю и потерялъ сознаніе. Онъ былъ покрытъ кровью и синяками. Визунъ сталъ около него на колѣни.

— Доманъ! Доманъ! Ты живъ еще!— вскрикнулъ онъ.

Глаза спасеннаго открылись и снова закрылись. Его подняли и положили на травѣ, прикрывъ длинной сермягой. Старикъ все время стоялъ около него на колѣняхъ. Издали на него посматривали женщины.

Дива, услышавъ имя Домана, робко приблизилась къ лежащему. Визунъ велѣлъ ей принести теплаго пива.

Доманъ едва дышалъ и не могъ вымолвить ни одного слова. Его перенесли въ жилище Визуна, который уступилъ ему свое ложе и усѣлся около него на скамейкѣ. Старикъ самъ перевязалъ его раны, а такъ какъ

онъ зналъ толкъ въ лѣкарственныхъ травахъ, то надѣялся спасти своего воспитанника. Доманъ заснулъ крѣпкимъ сномъ и не просыпался до утра.

Позаботившись о раненомъ, Визунъ снова пошелъ на берегъ. Отъ смѣлыхъ поморянъ всего можно было ожидать, даже ночного нападенія на Ледницу.

Никто на островѣ не ложился въ эту ночь. Всѣ сидѣли на берегу. Уже начинало свѣтать, повсюду царствовала тишина, на озерѣ уже не видно было плавающихъ труповъ, на противоположномъ берегу погасли костры, когда Визунъ замѣтилъ какую-то черную точку, подвигающуюся по поверхности озера. Она медленно приближалась къ острову.

Кто-то плылъ по направленію къ Ледницѣ. Становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе, и старикъ, наконецъ, могъ различить, что въ крохотной лодочкѣ, плывшей къ острову, сидѣла, сгорбившись, женщина, дремавшая отъ усталости и позволявшая вѣтру нести лодочку, куда ему было угодно. Лодочка причалила къ берегу и остановилась. Сидѣвшая въ ней старуха проснулась, осмотрѣлась на всѣ стороны, поднялась, взяла палку и, желая выпрыгнуть на берегъ, упала въ воду.

Это была несчастная Яруга, которую поморяне не убили, боясь ее, какъ вѣдьмы. Замѣтивъ у берега забытую кѣмъ-то лодочку, она сѣла въ нее, отпихнулась палкой и поручила себя вѣтру и водѣ.

Паденіе въ воду отрезвило ее. Она тотчасъ же узнала Визуна и подошла къ нему.

— Живя, моя богиня, спасла меня отъ смерти,—сказала она.

— Много людей погибло? — спросилъ Визунъ.

— Много!! Столько, сколько было. Всѣ погибли! Погибла молодая, погибъ молодой, погибли всѣ гости. Всѣхъ перебили поморяне...

— Они пошли дальше?

— Пошли, пошли! Ихъ ужъ нѣтъ, но кто знаетъ, не вернутся ли они еще?..

Визунъ вздохнулъ съ облегченьемъ.

Между тѣмъ, къ берегу причалила и другая лодка. Въ ней сидѣлъ старикъ, который, спрятался въ тростникахъ и простоялъ всю ночь въ водѣ. Только утромъ ему удалось найти старый челнъ и доплыть на немъ до острова.

Онъ разсказалъ, что поморяне хотѣли-было приготовлять лодки и паромы, чтобы перебраться на Ледницу, но къ нимъ прискакалъ гонецъ отъ границы, и они поспѣшно отступили назадъ, въ лѣса. На берегу озера осталось только пепелище и лежали развалины, да непогребенныя тѣла убитыхъ.

Успокоенный полученнымъ извѣстіемъ, Визунъ пошелъ въ храмъ, а затѣмъ отправился къ своему больному, который все еще спалъ крѣпкимъ сномъ. Приготовивъ для него пищу, старикъ усѣлся на скамью и сталъ ожидать его пробужденія. Отъ времени до времени онъ прикладывалъ руку ко лбу и къ сердцу раненаго. Лобъ былъ горячъ, а сердце правильно билось. Раны затягивались.

Около полудня Доманъ проснулся. Онъ хотѣлъ подняться, но не могъ. Визунъ велѣлъ ему пить и ѣсть, и не разспрашивалъ его ни о чемъ, и только тогда, когда Доманъ немного подкрѣпился, Визунъ позволилъ ему говорить.

Доманъ точно сквозь сонъ помнилъ свою свадьбу, внезапное нападеніе поморянъ, бѣгство съ Милой, погоню, смерть жены, плѣнъ... Онъ припоминалъ, какъ волны бросали его изъ стороны въ сторону, какъ онъ боролся со смертью, и какъ, наконецъ, увидѣлъ на берегу лицо спасшаго его Визуна.

— Отдохни, выздоровѣй, поправься,—сказалъ Визунъ, — и тогда мы проучимъ поморянъ!

Ни въ этотъ день, ни въ слѣдующій Доманъ не могъ встать. Онъ засыпалъ по временамъ, пробуждался съ крикомъ и снова засыпалъ.

Визунъ все время ухаживалъ за нимъ... Раза два, когда Доманъ спалъ, къ хижинѣ Визуна подкрадывалась Дива, отворяла потихоньку двери, смотрѣла на блѣдное лицо спящаго и, вся покраснѣвъ, убѣгала въ испугѣ. Она боялась, какъ бы ее кто-нибудь не засталъ у жилища Визуна. Ей страшно хотѣлось посмотрѣть на кмета, хотя и стыдно было за самое себя.

На третій день Доманъ приподнялся. Онъ уже могъ сидѣть и былъ гораздо спокойнѣе. Дива уже не появлялась. Вечеромъ, когда за ней была очередь нести Доману и старику пищу, она колебалась... и хотѣлось идти, и какой-то страхъ овладѣвалъ ею. Когда она вошла въ хижину Визуна, старика не было дома, и Доманъ сидѣлъ одинъ.

Она вошла въ сѣни, и тотчасъ же выбѣжала на дворъ.

Доманъ увидѣлъ ее въ окошко.

— Дива! Дива! — закричалъ онъ. — Не можешь ли ты осмотрѣть мою рану и перевязать ее.

— Вѣдь Визунъ самъ это тебѣ дѣлаетъ! — отвѣтила дѣвушка.

— У старика дрожатъ руки! — возразилъ Доманъ.

Дива, не знала, что ей дѣлать.

Въ хижину вошелъ Визунъ. Доманъ повторилъ свою просьбу, увидѣвъ старика.

— Иди, перевяжи ему руку! — сказалъ тотъ,—это женское дѣло.

Дива покраснѣвъ, вошла въ хижину. Доманъ сидѣлъ на скамьѣ въ сорочкѣ и въ сермяжкѣ, а на груди у него дѣвушка замѣтила широкій шрамъ, оставшійся отъ раны, которую она нанесла ему собственной рукою. Ей даже показалось, что онъ нарочно хотѣлъ обратить на него ея вниманіе.

Она молча подошла къ раненому кмету и, торопливо перевязавъ его руку, вышла изъ хижины и стрѣлой помчалась къ храму.

— Дива боится тебя,—замѣтилъ Визунъ,— а ты, кажись, снова на нее посматриваешь.

— Я бы, можетъ быть, и забылъ о ней, еслибъ меня сюда не принесла эта злосчастная вода... — отвѣтилъ Доманъ.

— Судьба! — шепнулъ Визунъ.

— Судьба! — повторилъ Доманъ, и оба они замолчали, а старикъ пошелъ въ уголъ поправить что-то, точно желая скрыть выраженіе своего лица.

На слѣдующій день Доманъ попробовалъ выйти изъ хижины и сѣсть на порогѣ. Дивы нигдѣ не было видно. Доманъ надѣялся окончательно выздоровѣть черезъ нѣсколько дней и вернуться домой. Между тѣмъ, просидѣвъ на воздухѣ до поздняго вечера, онъ снова почувствовалъ себя хуже и слегъ въ постель. У него появилась горячка. Въ этотъ вечеръ и Визуну было какъ-то не по себѣ, и онъ прилегъ на свое ложе, жалуясь на боль въ поясницѣ. Въ этотъ вечеръ Дива принуждена была ухаживать за обоими больными. Она молча, заботливо исполняла свою обязанность. Доманъ, обрадовавшись ея появленію, не хотѣлъ пугать ее и не говорилъ ни слова. Только уходя, дѣвушка подняла глаза на кмета, быстро затворила двери и убѣжала.

Яруга все время шаталась по острову, пользуясь тѣмъ, что паломники нуждались въ ней и кормили ее.

Увидѣвъ Диву, выходящую изъ хижины Визуна, Яруга рѣшила заглянуть къ старику.

Она отворила двери и стала внимательно смотрѣть на Домана. Видя, что ее никто не выгонитъ, старуха вошла въ хижину.

— Ахъ, такъ ты тотъ кметъ, котораго я лѣчила и у котораго поморяне убили жену,—воскликнула она, освоившись немного съ господствовавшимъ въ хижинѣ мракомъ. Жалко,

жалко! Хороша и весела была она, точно щегленокъ, однако у тебя ей все-таки не было бы такъ весело, какъ дома...

— Почему?—спросилъ Доманъ.

— Вы богатые жупаны пренебрегаете женами!.. Это тебя дочь Виша такъ уколола!—спросила, смѣясь, Яруга.

Доманъ вздрогнулъ.

— А теперь она ухаживаетъ за тобой.

— Не мели, старуха, языкомъ, не вспоминай мнѣ объ этомъ.

— Вѣдь вы же здѣсь на островѣ помирились?—спросила старуха.

— Я мало ее и видѣлъ!—возразилъ съ притворнымъ равнодушіемъ кметъ.

— Развѣ она тебѣ опротивѣла? Ну, признайся же по чистой совѣсти! Не хочешь ли еще разъ испробовать счастье?.. а? Это мое дѣло помогать парнямъ да дѣвушкамъ... Нашлась бы такая травка... Ты думаешь, что я не могу этого сдѣлать?..

Доманъ молчалъ довольно долго и наконецъ сказалъ:

— Что же ты можешь сдѣлать? Вѣдь она дала обѣтъ служить богамъ. Она ни за кого не пойдетъ.

Яруга расхохоталась.

— Ну, ну! Дала обѣтъ! Не одна давала обѣтъ, а затѣмъ шла отъ того огня, который горитъ въ храмѣ, къ тому—домашнему. Изъ храма можно выкупить, только бы она сама пожелала уйти... У Визуна ихъ много...

Доманъ смотрѣлъ на старуху и слушалъ ее съ возрастающимъ вниманіемъ.

— Я ее уговорю!.. Хочешь?—сказала Яруга.

— Это невозможно!—воскликнулъ Доманъ.

— Возможно! Я много чего знаю,—смѣялась старуха,—такъ попробовать?

— Хватило бы для твоихъ старыхъ зубовъ хлѣба до самой смерти, еслибъ ты это уладила,—сказалъ Доманъ.

— У меня ужъ ни одного зуба нѣтъ,—расхохоталась Яруга,—зачѣмъ мнѣ хлѣбъ? Мнѣ нужно молочка, да мясца кусочекъ, да выпить чего-нибудь, понятно, не воды.

— Все это было бы у тебя,—сказалъ Доманъ,—и тулупъ на зиму нашелся бы; но только это невозможно.

Яруга встала со скамьи, подошла къ Доману и, погладивъ его сморщенной рукой по головѣ, сказала:

— Не торопись домой возвращаться, если хочешь ее получить.

Сказавъ это, она затянула какую-то пѣсенку и вышла изъ хижины. Старуха направилась прямо къ храму, но она не вошла туда, а сѣла на камнѣ у входа. Яруга знала, что дѣвушки пойдутъ за водой. Ей пришлось долго сидѣть, пока она узнала отъ одной изъ дѣвушекъ, что старая Нанія послала Диву за травами, нужными для больныхъ. Услыхавъ это, Яруга направилась въ огородъ, находящійся позади храма.

Это былъ небольшой кусокъ поля, окруженный изгородью, куда не каждому можно было входить. Тутъ находились гряды, на которыхъ росли разныя цѣлебныя травы. Дѣвушка уже нарвала того, что ей было приказано и сидѣла, укладывая травы въ пучки. Яруга остановилась у изгороди.

— Не помочь ли тебѣ, дочка?—спросила она.

Дѣвушка ничего не сказала, но старуха, не обращая на это вниманія, медленно вошла въ огородъ, усѣлась рядомъ съ Дивой и стала вязать въ пучки сорванныя ею травы.

Она молчала нѣкоторое время.

— Я бы не выдержала здѣсь, на Ледницѣ,—сказала она,—тѣсно, тихо, точно въ клѣткѣ.

Дива ничего не говорила.

— Тебѣ приходится жариться у огня... дымъ выѣдаетъ глаза. Жалко красы молодой. Ты здѣсь мучишься, Дива. Я, вѣдь, знахарка, я все знаю

и вижу, что дѣлается съ человѣкомъ! Да, да!

Дѣвушка покраснѣла и спросила:

— Что же ты во мнѣ-то видишь? Что?

— Что я вижу? Да вижу я то, что только теперь начинается, зарождается... Не даромъ доля сюда снова Домана привела... Чему быть, тому не миновать...

При имени Домана Дива вздрогнула, опустила голову и стала быстро перебирать травы.

— Чему быть, тому не миновать!— повторила Яруга.—Можетъ быть, тоже самое и съ Доманомъ будетъ! Лучше у него на хуторѣ, чѣмъ на Ледницѣ.

Сказавъ это, Яруга встала и ушла. Она знала, что зерну иногда долго въ землѣ лежать приходится, пока оно взойдетъ.

Дива сидѣла въ огородѣ, опустивъ руки. Она смотрѣла въ землю и повторяла шопотомъ:

Чему быть, тому не миновать!

V.

Нападенія поморянъ и кашубовъ не давали покоя полянамъ. Едва успѣвали они прогнать одинъ ихъ отрядъ, какъ сейчасъ же появлялся другой, и каждый изъ этихъ отрядовъ заходилъ все дальше и дальше, уничтожая все на своемъ пути. Поляне не знали, гдѣ ихъ искать. Они появлялись то съ сѣвера, то съ востока.

Между тѣмъ старѣйшины все созывали вѣче и совѣтовались, кого бы поставить княземъ. Но изъ этого ничего не выходило. Многіе уже стали жалѣть Хвостека. Однажды вечеромъ, когда на развалинахъ терема Хвостека оканчивалось вѣче, кметы замѣтили направлявшихся къ нимъ тѣхъ двухъ людей, которые были на постриганьи сына Пястуна.

Одинъ изъ Мышковъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и пригласилъ ихъ къ костру. Кметы предложили имъ мяса, хлѣба, пива и меду, но они не хотѣли въ этотъ день дотронуться до мяса, взяли только по куску хлѣба и ѣли его съ пивомъ.

Младшій изъ нихъ, видя, что лица всѣхъ угрюмы и нахмурены, спросилъ, почему это въ землѣ полянъ такая неурядица и почему всѣ кметы грустны.

— Какъ же намъ не грустить?— отвѣтилъ Стиборъ.—Едва успѣли мы избавиться отъ одной бѣды, какъ накликали на свои головы другую. Мы свергли одного князя, а выбрать другого никакъ не удается. Враги истребляютъ наше добро, а мы, не имѣя князя, вовсе и защищать его не можемъ...

— Да, дѣйствительно это великое несчастье, что у васъ нѣтъ начальника... Отчего же это вамъ не удается выбрать начальника?

— Да отъ того, что каждый изъ насъ желалъ бы быть княземъ,—замѣтилъ Стиборъ,—и каждый боится, что избранный въ князья кметъ, который еще вчера былъ равенъ остальнымъ кметамъ, завтра станетъ ихъ угнетать...

Младшій изъ гостей подумалъ немного.

— Если старшіе и богатые кметы не могутъ согласиться—сказалъ онъ,— то отчего бы вамъ не поставить княземъ убогаго, малаго кмета, который былъ бы человѣкомъ честнымъ?..

Всѣ изумились тому, что чужой человѣкъ даетъ имъ такой же совѣтъ, какой они уже получили отъ боговъ. Они переглянулись, а Стиборъ спросилъ:

— Не боги ли вамъ сказали, что мы должны избрать малаго?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ младшій изъ путниковъ,—но кто въ убожествѣ съумѣлъ быть покорнымъ и честнымъ, тотъ и въ счастьи, и въ достаткахъ съумѣетъ быть справедливымъ...

А старшій добавилъ:

— Вотъ и этотъ человѣкъ, кото-

рый принималъ насъ во время постриганья своего сына... вѣдь вы всѣ его уважаете? Почему бы онъ не могъ быть вашимъ княземъ?.. Ума у него хватитъ для этого...

— Пястунъ! — воскликнули всѣ кметы въ одинъ голосъ—Пястунъ!..

У всѣхъ точно пелена съ глазъ упала, и всѣ стали говорить о немъ. Такъ какъ уже приближалась ночь, то путники попрощались съ кметами и отправились искать ночлега.

Кметы совѣтовались еще нѣкоторое время, а затѣмъ отправились прямо къ Пястуну.

Старикъ стоялъ у воротъ, оглядывая возвращающееся съ поля стадо. Болько, Стиборъ и одинъ изъ Мышковъ подъѣхали къ воротамъ, слѣзли съ лошадей и вошли на дворъ, поклонившись хозяину.

— Я радъ гостямъ,—сказалъ Пястунъ.—Милости просимъ, отдохните подъ моей кровлей, но угостить васъ мнѣ нечемъ. Пусто у меня. Подѣлимся чернымъ хлѣбомъ, пока тамъ что-нибудь найдется. Съ доброй ли вы вѣстью идете, выбрали ли вы князя?

Тѣ вздохнули, посматривая другъ на друга.

— Нѣтъ у насъ еще князя, а между тѣмъ голодные поморскіе волки грабятъ наше добро. Не успѣешь оглянуться, какъ все новые и новые отряды поморянъ валятъ на нашу страну. А мы время даромъ теряемъ...

— А ты больше заботишься о своихъ плечахъ, чѣмъ о вѣчахъ,—замѣтилъ Болько.—Твое слово не помѣшало бы намъ...

— Что тамъ поможетъ слово, гдѣ уже кровь говорила, и той не послушались,—сказалъ Пястунъ.—Я человѣкъ малый, убогій.

Когда кметы услыхали эти слова, то ими овладѣлъ какой-то страхъ. Они подумали, что боги желаютъ избранія именно этого человѣка, а не кого-нибудь другого.

— Завтра послѣдній день нашего вѣча,—сказалъ Болько.—Ты долженъ непремѣнно пойти съ нами... Мы явились сюда за тобой... ты долженъ идти, всѣ требуютъ этого... Если ты не пойдешь, то изъ вѣча опять никакого толку не выйдетъ...

Старикъ не отвѣчалъ ни слова.

Вдругъ на порогѣ появился Доманъ, который возвращался прямо съ Ледницы. Всѣ обступили его, и стали разспрашивать, какъ ему удалось спастись отъ поморянъ. Кметы едва вѣрили, что онъ собственными силами добрался до острова.

На другой день утромъ Болько и Стиборъ замѣтили, что Пястунъ собирается незамѣтно ускользнуть въ лѣсъ. Они схватили его за руки, а Болько сказалъ:

— Ты долженъ быть сегодня съ нами. Всѣ кметы требуютъ этого, и ты долженъ идти. Пусть и Доманъ идетъ съ нами. Пусть онъ покажетъ свои раны, и разскажетъ все, что онъ видѣлъ.

Старикъ все еще упирался.

— Мнѣ нужно идти къ пчеламъ... что я буду дѣлать на вѣчѣ?—говорилъ онъ.

Но уже ничего не помогало, и онъ долженъ былъ уступить.

Стиборъ, Болько, Мышко, Пястунъ и Доманъ явились на развалины княжескаго терема, передъ самымъ началомъ вѣча. Замѣтивъ старика въ простой сермягѣ, всѣ поднялись со своихъ мѣстъ и пригласили въ кругъ Пястуна.

— Дай намъ добрый совѣтъ, батюшка, иначе мы погибнемъ. Мы уже наговорились вдоволь, скажи теперь ты свое слово.

Кметы настаивали на томъ, чтобы онъ говорилъ первый.

— Я вамъ ничего новаго не скажу,—промолвилъ старикъ.— Развѣ вы не знаете, что слѣдуетъ дѣлать? Намъ нужно какъ можно скорѣе выбрать князя. У насъ нѣтъ никакого порядка. Слѣдуетъ порядокъ завести.

Наступила минута молчанія.

Вдругъ одинъ изъ кметовъ, котораго звали Кракомъ, поднялся со своего мѣста, подбросилъ вверхъ шапку и громко крикнулъ:

— Вотъ кто будетъ нашимъ княземъ! Пястуна мы избираемъ!

Въ отвѣтъ на это со всѣхъ сторонъ раздались крики:

— Пястуна избираемъ!

— Пястунъ будетъ нашимъ княземъ!

Не было ни одного кмета, который бы не повторилъ этого клика. Всѣ соглашались на выборъ Пястуна.

Старикъ замахалъ руками.

— Я пчеловодъ, я человѣкъ простой, убогій,—сказалъ онъ,—я не умѣю управлять людьми. Я старъ.

Говоря это, онъ уже былъ около своей лошади, вскочилъ на нее и во весь опоръ поскакалъ по направленію къ своему дому.

Кметы кинулись къ лошадямъ, но пока они ихъ поймали, Пястунъ былъ уже далеко и вскорѣ исчезъ изъ виду на опушкѣ лѣса.

Явившись на хуторъ Пястуна, кметы тщетно разспрашивали о старикѣ. Никто его не видѣлъ, такъ какъ онъ, не заѣзжая домой, скрылся въ лѣсу. Кметы сильно опечалились, узнавъ объ исчезновеніи Пястуна. Тѣ изъ нихъ, которые хорошо знали окрестные лѣса, пустились на поиски, надѣясь, что имъ легко удастся найти бѣглеца. Однако прошло три дня, а Пястуна все еще не было. Всѣ возвращались съ поисковъ ни съ чѣмъ.

Прошло еще три дня, и кметы увидѣли подходящую къ нимъ Яругу. Узнавъ о томъ, что Пястунъ скрывался въ лѣсу, старуха расхохоталась и никакъ не хотѣла повѣрить, что его нельзя было отыскать.

— Я его приведу,—сказала она.—Никто лучше меня не знаетъ лѣса. Отъ меня онъ не скроется, я его найду.

Она говорила это съ такой увѣренностью, что кметы повѣрили ей.

Рано утромъ на слѣдующій день отправилась старуха въ лѣсъ. Двое кметовъ издали слѣдили за нею. Они едва успѣвали идти за ней и съ большимъ трудомъ пробирались сквозь чащу лѣса, которая была отлично знакома Яругѣ. Около полудня она присѣла на стволъ повалившагося дерева, съѣла кусокъ хлѣба и, отдохнувъ немного, отправилась дальше. Немного спустя, кметы увидѣли передъ собой старый валъ, покрытый зеленою травой. Здѣсь былъ входъ въ древнее городище. Яруга оглянулась вокругъ, и незамѣтно проскользнула туда. Кметы остановились у входа.

Въ углу городища виднѣлся шалашъ, а въ немъ на кучѣ сухихъ листьевъ сидѣлъ Пястунъ.

Онъ вздрогнулъ, увидя Яругу, которая остановилась передъ нимъ, опираясь на палку.

— Наконецъ-то я тебя нашла,—сказала она.—Пора уже. Тамъ всѣ ожидаютъ тебя, а малый Земко плачетъ, потому что кметы держатъ его, какъ заложника. Сжалься надъ своимъ ребенкомъ и возвращайся домой!

Пястунъ ничего не отвѣтилъ и поспѣшно сдѣлалъ знакъ рукой, чтобы она замолчала, такъ какъ вслѣдъ за нею появились Болько и Собиславъ. Они подошли къ нему, низко кланяясь.

Увидѣвъ ихъ, старикъ сталъ ломать руки.

— Мы присланы сюда за тобой,—сказали кметы.—Все вѣче ожидаетъ тебя. Кметы умоляютъ тебя явиться. Такова воля боговъ.

Старикъ долго молчалъ и наконецъ вымолвилъ.

— Хорошо, я иду съ вами.

Яруга, сидя на землѣ, смѣялась на радостяхъ.

— Вотъ какъ я тебя выдала,—говорила она.—Пусть знаютъ люди, что я еще гожусь на что-нибудь. Они бы цѣлый мѣсяцъ искали тебя и не нашли бы, если бы не я.

Пястунъ и кметы прибыли въ его домъ только поздно вечеромъ. Собиславъ отправился къ остальнымъ кметамъ и сообщилъ имъ, что князь найденъ и что онъ явится къ нимъ на слѣдующее утро.

Утромъ старѣйшины вышли на встрѣчу Пястуиу.

— Отчего ты насъ покинулъ, милостивый князь,—сказалъ Крякъ.— Вѣдь такова воля боговъ, чтобы ты княжилъ надъ нами. Вѣдь всѣ же согласились на это.

— Я не чувствовалъ и не чувствую въ себѣ силъ для этого,—отвѣтилъ Пястунъ.—Я прямо боюсь: Сжальтесь надо мной!..

Кметы не дали ему продолжать. Раздались крики:

— Пястунъ! Пястунъ!

Вдругъ толпа разступилась, и передъ старикомъ явились тѣ двое гостей, которыхъ онъ принималъ у себя дома. Они подошли къ нему съ улыбкой, и поклонившись, сказали:

— Мы являемся еще разъ, чтобы во имя единаго Бога благословить тебя.

Сердце кметовъ наполнилось радостью. Мышки, у которыхъ уже была приготовлена княжеская шапка съ перьями, принесли ее Пястуну, а младшій изъ гостей возложилъ ему ее на голову.

Послышались радостные крики, но старикъ стоялъ въ раздумьи. Онъ былъ грустенъ.

— Вы сами видѣли, — сказалъ онъ,—что я не желалъ власти и не добивался ея. Вы приказываете мнѣ принять ее—хорошо: я принимаю! Я буду справедливъ, но если мнѣ придется быть строгимъ, то помните, что, вѣдь вы сами меня къ этому принудили.

— Приказывай намъ и управляй нами!—раздались крики со всѣхъ сторонъ.—Пусть все будетъ по твоему!

— Заботься о насъ, какъ о своихъ пчелахъ!—добавилъ Стиборъ, кланяясь ему въ поясъ.

Кметы замѣтили, что у Пястуна не было меча. Стиборъ отдалъ ему свой.

— Да будетъ воля боговъ и ваша!—сказалъ Пястунъ.—Вы, которые меня поставили княземъ, должны и помогать мнѣ.

Всѣ толпились около него, какъ около отца.

VI.

Вѣсть объ избраніи Пястуна вскорѣ распространилась по всей полянской землѣ. Всѣ радовались этому и только Лешки и ихъ сторонники были сильно обезпокоены, такъ какъ они боялись, какъ бы кметы не захотѣли истребить ихъ родъ. На послѣднихъ вѣчахъ старый Милошъ, глава всего рода, уже не появлялся. Онъ заперся со своимъ сыномъ въ теремѣ и ни во что не вмѣшивался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ избранья Пястуна, около полудня, кто-то сталъ стучаться у воротъ терема Милоша. Сторожъ взобрался на валъ и посмотрѣлъ, кто бы это могъ быть. У воротъ стояло двое людей, бѣдно одѣтыхъ, съ заслоненными лицами. Онъ не могъ различить ихъ лицъ, но по ихъ движеніямъ и голосамъ легко можно было угадать въ нихъ молодыхъ людей. Оба они требовали, чтобы ихъ пустили къ Милошу.

— Князь боленъ,—отвѣчалъ сторожъ,—и не впускаетъ къ себѣ никого.

Тогда одинъ изъ путниковъ снялъ съ руки перстень и, показавъ его сторожу, велѣлъ тотчасъ же передать его князю.

Сторожъ принялъ перстень сквозь отверстіе въ воротахъ и вручилъ его своему господину.

Милошъ посмотрѣлъ на перстень, вздохнулъ, велѣлъ удалиться со двора женѣ и сыну и приказалъ ввести гостей.

Ворота раскрылись, и путники вошли на дворъ. Это были Лешекъ и

Попелекъ, сыновья Хвостека. Они направились къ Милошу, который приподнялся немного, но не пошелъ имъ на встрѣчу. Остановившись около него, Попелекъ сказалъ:

— Мы съ опасностью жизни проникли сюда. Мы, наслѣдники князя, должны скрываться, какъ дикіе звѣри. Ты не хочешь защищать правъ своего рода и сидишь взаперти. Мы пришли заставить тебя идти намъ на помощь со своими людьми.

Милошъ окинулъ ихъ сердитымъ взглядомъ.

— Вы? Меня? Заставить?—закричалъ онъ...

— Да—продолжалъ Попелекъ. — Мнѣ досталась въ наслѣдство отцовская власть... Я властитель всей этой страны и твой господинъ и не позволю, чтобы нашъ собственный родъ шелъ противъ насъ...

Милошъ слушалъ его со сверкающими глазами, а лежащій у его ногъ медвѣдь гнѣвно ворчалъ. Онъ, казалось, только ожидалъ приказанья, чтобы броситься на пришлецовъ.

— Мы должны вернуть нашу землю и теремъ,—продолжалъ Попелекъ.—Всѣ Лешки должны идти за насъ. Нужно истребить эту чернь, которая взбунтовалась противъ насъ! Такъ вотъ мы и пришли спросить, за кого ты стоишь: за насъ, или за нихъ?

— Ни за васъ, ни за нихъ!—крикнулъ Милошъ.—Я знать васъ не хочу! Вы тутъ живые и здоровые стоите передо мной, а гдѣ мои сыновья? Какъ вы осмѣлились войти сюда? Вѣдь вы знаете, что вашъ отецъ приказалъ одного моего сына убить, а другого ослѣпить. Вы пришли сюда, чтобы напомнить мнѣ о томъ, что я долженъ отомстить за своихъ дѣтей? Хорошо же! Я сейчасъ же прикажу отрубить голову одному изъ васъ, а другого велю ослѣпить и бросить его глаза собакамъ!..

Оба сына Хвостека схватились за мечи и молча переглянулись.

— Вы являетесь сюда, въ мой домъ, приказывать мнѣ?.. принуждать меня? Вы? Меня?—продолжалъ старикъ.

Попелекъ весь покраснѣлъ со злости.

— У меня такое же право, какъ и у отца!—закричалъ онъ, топнувъ ногой и надменно поднявъ голову.—Я зову тебя на войну въ защиту цѣлаго рода. Мой отецъ приказалъ убить твоего сына за то, что онъ бунтовался противъ князя, а другого ослѣпилъ за то, что тотъ шелъ противъ него вмѣстѣ съ братомъ... Еще хорошо, что отецъ и этого не велѣлъ убить.

Милошъ вдругъ поднялся съ земли, схватилъ рогъ и затрубилъ въ него.

— Связать этихъ людей и бросить ихъ въ подземелье!—крикнулъ онъ выбѣжавшимъ отовсюду слугамъ.

— Насъ! Связать?—воскликнулъ Попелекъ, бросаясь къ Милошу.—И ты бы посмѣлъ?

— Вы сами хотѣли этого, вы сами отдались мнѣ въ руки, чтобы я могъ отомстить за своихъ сыновей... Ихъ кровь требуетъ вашей крови!.. Одинъ изъ васъ умретъ, а другой ослѣпнетъ! Связать ихъ!—добавилъ Милошъ, обращаясь къ своимъ слугамъ.

Тѣ въ одно мгновенье окружили молодыхъ князей, которые стали защищаться мечами. Вскорѣ оба были связаны и уведены въ подземелье.

Старый Милошъ шагалъ въ раздумьи по двору. Онъ рвалъ на себѣ сорочку, охалъ, теръ лобъ и ломалъ руки. Старикъ боролся самъ съ собой. Онъ рѣшилъ отомстить за своихъ дѣтей, но, вѣдь, тѣ, которымъ онъ хотѣлъ мстить, были его внуки, сироты, лишенные отца и матери.

Люди Милоша узнали въ плѣнникахъ сыновей прежняго князя и неохотно исполнили приказаніе своего господина, такъ какъ всѣ они сочувствовали Лешку и Попелеку.

Вдругъ у воротъ послышался шумъ.

и раздались голоса, требовавшіе, чтобы Милошъ выпустилъ молодыхъ князей. У воротъ стоялъ сильный отрядъ нѣмцевъ, поморянъ, кашубовъ и слугъ Лешковъ. Старшій смердъ побѣжалъ къ Милошу и объявилъ ему, что у воротъ стоитъ цѣлое войско, съ которымъ не удастся справиться. Однако старикъ не испугался и прогналъ отъ себя вѣрнаго слугу.

Между тѣмъ приближался вечеръ и, стоявшіе за валомъ непріятели, расположились лагеремъ недалеко отъ терема, осыпая осажденныхъ градомъ ругательствъ. Осажденные отвѣчали тѣмъ же. Наступила ночь, и смердъ, выйдя на валы, объявилъ, что молодые князья будутъ немедленно убиты, если кто-нибудь осмѣлится напасть на теремъ.

Стража стояла всю ночь на валахъ. Милошъ былъ строгъ и всѣ его боялись, а жизнь въ его теремѣ была для нихъ невыносима. Мало-по-малу бранныя слова, которыми обмѣнивались осаждающіе съ осажденными, затихли, а начались какіе-то тихіе переговоры.

Милошъ все еще ходилъ по двору, раздумывая, что ему сдѣлать: отомстить ли за своихъ сыновей, или отпустить плѣнниковъ, а въ это самое время осаждавшіе уговаривали его слугъ отворить ворота.

Къ утру все затихло. Казалось, что обѣ стороны заснули, какъ вдругъ ворота тихо отворились, и во дворъ ворвалась толпа вооруженныхъ людей. Ихъ крики разбудили стараго Милоша. Когда онъ кинулся съ кучкой окружающихъ его людей къ воротамъ, весь теремъ былъ уже во власти поморянъ и нѣмцевъ, которые съ крикомъ бѣжали на дворъ и наполняли всѣ строенья терема. Кто-то отвалилъ камень отъ подземелья и вывелъ на свѣтъ молодыхъ князей.

Нападающіе съ ожесточеніемъ кинулись на жителей терема и первымъ палъ старый Милошъ, пораженный копьемъ въ грудь. Поморяне и нѣмцы не пощадили никого, ни женщинъ, ни дѣтей. Даже измѣнники, впустившіе ихъ, были убиты. Никто изъ находившихся въ теремѣ не остался въ живыхъ.

Лешекъ и Попелекъ стояли подъ дубами среди труповъ. Они еще не могли опомниться отъ опасности, которой едва избавились. Вмѣстѣ съ тѣмъ они поняли, что эта побѣда равнялась пораженію, такъ какъ всѣ ихъ родственники Лешки, съ Буміромъ во главѣ, покинули ихъ и исчезли. Они остались одни среди горсти нѣмцевъ и поморянъ, которые могли имъ измѣнить.

Дворъ терема представлялъ ужасное зрѣлище. На немъ валялись кучи мертвыхъ тѣлъ, среди которыхъ виднѣлись трупы Милоша, его старухи-жены и ослѣпленнаго Лешка. Тутъ же лежалъ убитый медвѣдь Милоша, а на вѣтвяхъ дуба прыгали двѣ его сороки.

VII.

Пястунъ собралъ всѣхъ, кто только могъ пригодиться на войнѣ, на берегахъ Гопла. Онъ приказалъ раздѣлить полчища на отряды и самъ выбиралъ начальниковъ и воеводъ, которые должны были получать приказанія непосредственно отъ него самого. Пястуну удалось собрать гораздо больше людей, чѣмъ нужно было для защиты, и хотя онъ не былъ воиномъ по ремеслу, однако, съумѣлъ ихъ такъ подготовить къ войнѣ, что у полянъ въ первый разъ явилось правильное войско, вмѣсто безпорядочныхъ толпъ народа, которыя, какъ это бывало до сихъ поръ, при первомъ же напорѣ враговъ кидались во всѣ стороны и спасались бѣгствомъ. Войско Пястуна могло быть грозно и для нѣмцевъ. Вооруженіе этого войска, не смотря на его простоту, было лучше, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ воеводы сами забо-

тились о томъ, чтобы никто не шелъ съ голыми руками. Тѣ, для которыхъ не хватило лошадей, шля пѣшими, вооружившись копьями, луками и щитами.

Пястунъ отдалъ приказаніе, чтобы междурѣчане, куявяне, познанцы, бахорцы и другія племена шли со своими воеводами и по тремъ дорогамъ направлялись къ границѣ. Они должны были подвигаться въ глубокомъ молчаніи. Самъ Пястунъ ѣхалъ посрединѣ, чтобы за всѣмъ наблюдать самому.

Однажды вечеромъ, когда войско было уже недалеко отъ границы, Пястунъ приказалъ расположиться на ночлегъ у опушки лѣса. Самъ онъ съ сыномъ и нѣсколькими воеводами усѣлся у костра. Они пекли на угляхъ козье мясо и тихо разговаривали, какъ вдругъ въ кустахъ раздался шорохъ, и князь увидѣлъ стоящаго передъ нимъ Добека. Кметъ былъ блѣденъ и взволнованъ и едва держался на ногахъ отъ усталости.

— Добекъ!—воскликнулъ, увидѣвъ его, Пястунъ.—Гдѣ же ты пропадалъ? Что съ тобой случилось? Тутъ всѣ безпокоились о тебѣ.

— Со мной случилось то, о чемъ вы никогда не догадаетесь, чему вы съ трудомъ повѣрите,—отвѣтилъ Добекъ.—Я возвращаюсь прямо изъ лагеря нѣмцевъ!

Всѣ вскрикнули отъ удивленія, а Добекъ продолжалъ:

— Я взялъ у тебя, милостивый князь, плѣннаго нѣмца—Генто. Онъ долженъ былъ поправлять у меня старые мечи, а между тѣмъ чуть меня самого не испортилъ. Хитрая гадина хотѣла меня склонить къ измѣнѣ и побудить къ тому, чтобы я перешелъ на сторону Лешковъ. Я сдѣлалъ видъ, что поддаюсь его убѣжденіямъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь Лешковъ, на поморскую границу. Не мѣшало посмотрѣть, какія у нихъ силы, и узнать, что они задумываютъ предпринять; осмотрѣвъ все какъ слѣдуетъ, вотъ я и между вами.

— А что сталось съ нѣмцемъ, который былъ съ тобой? — спросили воеводы.

— Я уже дольше не могъ выносить его присутствія,—отвѣтилъ Добекъ,—и поджарилъ его въ лѣсу на горячихъ угольяхъ волкамъ въ пищу.

Добека стали закидывать вопросами: какъ вооружены поморяне, какъ нѣмцы? Сколько ихъ всѣхъ? Что они говорили? Куда они думаютъ направиться? Добекъ отвѣчалъ, что они еще стягиваютъ свои силы, а потомъ двинутся обыкновеннымъ путемъ къ Ледницѣ.

Изъ всего того, что Добекъ видѣлъ и слышалъ, можно было вывести заключеніе, что вся дружина Лешковъ не могла равняться съ войскомъ Пястуна и превосходила его только вооруженіемъ. Всѣми овладѣло желаніе какъ можно скорѣе вступить въ бой съ врагами, и князь приказалъ своему войску на разсвѣтѣ же двинуться къ Ледницѣ.

Былъ теплый осенній день. Въ лѣсахъ на листьяхъ еще сверкала роса. Поле было освѣщено солнцемъ. Войска Пястуна медленно располагались лагеремъ, какъ вдругъ стоящіе на холмѣ увидѣли толпу людей, появляющуюся на опушкѣ лѣса.

Это были Лешки со своей дружиной.

Они не ожидали встрѣтиться съ полянами на этой равнинѣ, и поэтому первыя кучки поморянъ, выглянувъ изъ лѣсу, остановились какъ вкопанныя.

Поляне не двигались съ мѣста.

Молодые князья, надѣясь на окружавшихъ ихъ нѣмцевъ, а можетъ быть, и на то, что Добекъ измѣнитъ своимъ, приказали дружинѣ выходить на равнину, и вотъ передъ глазами Пястуна и его воеводъ силы враговъ

стали все увеличиваться. Дикій крикъ пронесся по ихъ рядамъ.

Поляне стояли молча. Пястунъ съ шестью воеводами смотрѣлъ на приготовленія непріятелей. Наконецъ, князь обернулся къ воеводамъ и сталъ ихъ спрашивать взглядомъ, что дѣлать: ждать ли нападенія поморянъ или броситься на нихъ первыми?

Оба войска находились на возвышенностяхъ, раздѣленныхъ долиной, по серединѣ которой бѣжалъ почти высохшій ручей. Ни одинъ изъ воеводъ не рѣшался высказать своего сомнѣнія. Вдругъ они увидѣли приближающагося къ нимъ Визуна. Онъ точно помолодѣлъ и шелъ, весело улыбаясь.

— Я иду изъ храма, — сказалъ онъ,—и несу вамъ радостную вѣсть. Я спрашивалъ боговъ и огнемъ, и водой, и птичьимъ полетомъ, и воскомъ, и дымомъ священнаго огня, и боги отвѣтили, что врагамъ суждено погибнуть!.. Посмотрите, надъ вами въ воздухѣ паритъ бѣлая птица, а тамъ надъ опушкой лѣса кружатся вороны. Ладо! Коляда,—крикнулъ онъ.—Идите на нихъ! Бейте ихъ! Ладо! На нихъ!

За Визуномъ и воеводы и все войско повторило кликъ: Ладо!

Стиборъ тотчасъ же двинулся налѣво, Лютый пошелъ направо, Порай и Нагой остались при Пястунѣ. Поднимались станицы, тысяцкіе выступали впередъ, всѣ хватались за щиты и копья съ крикомъ: Ладо!

Прежде чѣмъ вступить въ бой, обѣ стороны стали извергать на враговъ потокъ ругательствъ и самыхъ скверныхъ бранныхъ словъ, съ обѣихъ сторонъ летѣли плевки и поднимались сжатые кулаки. Наконецъ, поморяне не выдержали и кинулись на непріятелей. Послышался стукъ каменныхъ топоровъ, глухо ударявшихся объ щиты. Первые ряды столкнулись грудью и смѣшались въ одну сплошную кучу, въ которой трудно было отличить друга отъ врага. Еще первые ряды, лежа на землѣ, боролись между собой, какъ ужъ налетѣли слѣдующіе и давили лежащихъ.

Солнце уже было на закатѣ, а битва все еще продолжалась, хотя остатки поморянъ уже готовились къ бѣгству. Лешки, опасаясь, чтобы ихъ поляне не забрали въ плѣнъ, кинулись бѣжать еще раньше и ихъ бѣгство никѣмъ не было замѣчено. Наконецъ полянамъ удалось окружить непріятеля, и тогда началось страшное побоище. Они никого не брали въ плѣнъ, и вскорѣ вся долина и обѣ возвышенности были покрыты тѣлами убитыхъ. Воеводы стали объѣзжать поле битвъ, а разъяренные кметы добивали раненыхъ... Настала ночь. У костра сѣлъ Пястунъ, окруженный воеводами. Они совѣтовались, что дѣлать дальше: идти въ погоню за Лешками или отдыхать?

Старый князь, по своему обычаю выслушалъ сначала все то, что говорили другіе, а затѣмъ сказалъ:

— Двое воеводъ пусть отправляются въ погоню. А мы здѣсь, гдѣ боги послали намъ побѣду, на костяхъ хищниковъ построимъ теремъ. Завтра мы погребемъ тѣла убитыхъ и, отдохнувъ немного, примемся за постройку терема.

Недалеко отъ костра лежалъ раненый Добекъ. Около него стояли Людекъ, сынъ Виша, и Доманъ.

— Чего тебѣ тутъ лежать между трупами,—сказалъ Доманъ.—Мы свеземъ тебя на островъ къ Визуну. Онъ осмотритъ твою рану и зальетъ ее священной водой. Онъ и меня вылѣчилъ. Я свезу тебя.

Самборъ, который стоялъ за Людекомъ,—робко сказалъ:

— Возьмите и меня... я буду держать на колѣняхъ его голову.

Всѣмъ хотѣлось ѣхать на островъ. И Доманъ, и Людекъ, и Самборъ хотѣли увидѣть Диву.

Добека перенесли въ лодку на рукахъ. Доманъ положилъ его голову

себѣ на колѣни. Когда они приближались къ острову, на берегу уже стояла толпа людей, среди которыхъ находилась и Дива.

Доманъ первый узналъ ее.

— Это она стоитъ!—вскрикнулъ онъ.—Это Дива, Дива!

Лодка причалила къ берегу, на которомъ стояли Визунъ, Нанія и дѣвушки, ухаживающія за священнымъ огнемъ.

Визунъ, который вернулся въ храмъ еще до окончанія битвы, не спрашивалъ о ея результатѣ. Онъ окидывалъ всѣхъ гордымъ, побѣдоноснымъ взоромъ.

— Мы побѣдили!—крикнулъ Доманъ, вылѣзая изъ лодки. — Твои предсказанья исполнились. Немногіе изъ нихъ остались въ живыхъ... одинъ изъ ихъ вождей убитъ, но Лешки спаслись бѣгствомъ...

Визунъ наклонился къ раненому и осмотрѣлъ его рану. Добека понесли въ храмъ, куда ихъ повела Дива. Она нѣсколько разъ оглянулась и покраснѣла, замѣтивъ, что Доманъ не спускаетъ съ нея глазъ.

Всѣ молча приближались къ храму и къ жилищу Визуна. Раненаго уложили на томъ же мѣстѣ, гдѣ прежде лежалъ Доманъ, и Дива отправилась къ ручью за водой. Доманъ послѣдовалъ за ней.

— Я помогу тебѣ зачерпнуть воды и снести жбанъ,—сказалъ онъ.

Она ничего ему не отвѣтила и потупила глаза.

— Я принесъ тебѣ поклонъ отъ брата и сестеръ, отъ всѣхъ твоихъ домашнихъ...

Дива вздохнула.

— Они скучаютъ по тебѣ...

Дѣвушка схватила жбанъ и поспѣшно вернулась въ хижину Визуна, гдѣ раненаго окружала толпа людей. Старая Нанія перевязывала рану. Визунъ доставалъ травы. Когда дѣвушка вошла, всѣ разступились и пропустили ее впередъ. Она намочила платокъ въ священной водѣ и приложила его къ ранѣ.

Доманъ вышелъ изъ хижины Визуна и направился къ берегу, желая лечь въ лодку. Вдругъ онъ услыхалъ за собой какой-то шорохъ. Кметъ оглянулся и увидѣлъ Яругу.

— Тянетъ тебя что-то сюда... тянетъ,—сказала она. — Я знаю, что тебя тянетъ! А то, что я тебѣ обѣщала, я сдержу. Я много чего умѣю!

— Что же ты для меня сдѣлала? Дива попрежнему сторонится отъ меня.

— Эхъ ты, простота. Развѣ ты не знаешь, что за той, которая убѣгаетъ, гнаться нужно?

Старуха подошла къ нему, оглянулась вокругъ, какъ будто желая убѣдиться, что ее никто не подслушиваетъ, и шепнула ему на ухо:

— Если ты ее теперь похитишь, то она навѣрное уже не ранитъ тебя.

— Какъ же я ее могу похитить изъ храма?

— Случалось и это!.. Случалось,— возразила Яруга.—Спроси, если хочешь, у Визуна. Брали изъ храма дѣвушекъ и князья, и кметы, только выкупъ давали...

Сказавъ это, Яруга повернулась и исчезла въ кустахъ.

Доманъ, задумавшись, отправился въ лодку и легъ въ ней; однако, кметъ не могъ заснуть. Подъ утро онъ всталъ и пошелъ къ храму.

VIII.

Когда всѣ кметы разъѣхались по домамъ, вернулся къ себѣ и Доманъ. Онъ долго не зналъ, что ему дѣлать: выкинуть ли изъ сердца Диву, или снова попробовать похитить ее и сдѣлать ее хозяйкой въ своемъ домѣ.

Добекъ все еще лежалъ со своей раной на Ледницѣ, медленно выздоравливая. Слѣдовало навѣстить его. Доманъ взялъ съ собой нѣсколько слугъ и направился къ озеру. Они

остановились на берегу озера у рѣчки и, оставивъ въ тростникахъ лошадей, переправились на островъ. Доманъ велѣлъ причалить въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣдко кто высаживался, и отправился одинъ въ хижину Визуна.

Старикъ принялъ его съ распростертыми объятіями, такъ какъ онъ сильно любилъ своего воспитанника и всегда радъ былъ его видѣть. Онъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что кметъ явился провѣдать раненаго товарища.

Когда старикъ вышелъ зачѣмъ-то изъ хижины, Доманъ признался Добеку, съ какой цѣлью онъ сюда явился.

— Отвлекай вниманіе старика,— сказалъ онъ,— и, хотя бы послышались какіе-нибудь крики, старайся удержать его, чтобы я могъ отъѣхать отъ берега. Я заплачу въ храмъ выкупъ, какой онъ только потребуетъ, но Дива должна быть моей.

Приближался вечеръ, и Доманъ отправился въ храмъ, надѣясь застать тамъ дѣвушку. Однако ея не было въ храмѣ. Тогда онъ сталъ ее искать по всему острову, не рѣшаясь, однако, разспрашивать кого бы то ни было, о ней. Было уже почти совершенно темно, когда онъ увидѣлъ ее, наконецъ, идущую по берегу озера. Узнавъ его, Дива прибавила шагу, чтобы не встрѣтиться съ нимъ наединѣ, но онъ такъ ловко пошелъ ей на перерѣзъ, что она никакъ не могла избѣжать встрѣчи.

Дѣвушка остановилась, чтобы показать, что она не боится его. Доманъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Я пріѣхалъ сюда за Добекомъ, но онъ еще не совсѣмъ здоровъ. Плохо ты за нимъ ухаживала...

— За нимъ всѣ ухаживали: Визунъ, Нанія и я, но его рана была очень тяжела...

— Я гораздо скорѣе выздоровѣлъ...

Дива опустила глаза и замолчала. Доманъ все ближе и ближе придвигался къ ней, и она стала со страхомъ оглядываться, не явится ли къ нимъ кто-нибудь. Но никого не было видно.

Они все время шли по берегу озера, и наконецъ Доманъ замѣтилъ въ травѣ голову одного изъ своихъ людей. Не долго думая, кметъ схватилъ дѣвушку, поднялъ ее на воздухъ и, не обращая вниманія на ея крики, понесъ къ лодкѣ.

Нанія первая услыхала крики похищаемой, но когда она явилась на берегъ, лодка уже выплывала изъ тростниковъ. Прибѣжалъ и Визунъ. Онъ сразу же догадался, что произошло. Вскорѣ лодка исчезла среди вечерняго мрака.

Доманъ переправился съ Дивой на другой берегъ. Дѣвушка все время плакала, но уже не противилась тому, что она считала своей судьбой. Высадившись на берегъ, Доманъ сѣлъ на лошадь и повезъ Диву въ домъ Виша, не говоря ей объ этомъ ни слова.

Онъ хотѣлъ взять ее изъ родительскаго дома, чтобы никто не могъ сказать, что онъ похитилъ ее по разбойничьи. Увидѣвъ подъ утро знакомыя окрестности, Дива перестала плакать и успокоилась.

Было холодное, осеннее утро, когда они остановились у воротъ хутора Виша. Живя черпала воду изъ колодца, а Людекъ готовился отправиться на охоту. Всѣ кинулись къ пріѣхавшимъ. Дива спрыгнула съ лошади и, забывъ обо всемъ, бросилась на шею роднымъ.

Доманъ слѣзалъ съ лошади.

— Я привезъ тебѣ сестру,—сказалъ онъ, обращаясь къ Людеку.— Судьба предназначила мнѣ ее. Она должна быть моей, но я хочу получить ее изъ твоихъ рукъ и изъ родительскаго дома. Такъ благослови насъ!

Конецъ.

жизнь человѣчества, какъ и, повсюду, начиналась съ состоянія варварства.

Несправедливо было бы однако, оставлять безъ вниманія драгоцѣнныя указанія, какія даетъ Гомеръ о первыхъ проявленіяхъ эллинской цивилизаціи.

Онъ, безъ сомнѣнія, украшалъ дѣйствительность, но мы можемъ, не боясь ошибиться, ознакомиться изъ его поэмъ по крайней мѣрѣ, съ идеями десятаго вѣка, во время котораго онъ жилъ, и, до извѣстной степени, съ матеріальнымъ прогрессомъ, уже достигнутымъ тогда. Несомнѣнно, что въ эту эпоху эллины уже раздѣлялись на племена или роды, управлявшіеся царями, которые, впрочемъ, ничѣмъ не отличались отъ другихъ вождей. Агамемнонъ напрасно старается добиться признанія своей власти въ качествѣ царя царей. Его ограниченная власть безпрестанно сталкивается съ независимостью другихъ правителей. Эти цари ничто иное, какъ «пастыри народовъ», вожди племенъ или крупные земельные собственники, подобно Улиссу, всѣ владѣнія котораго заключаются въ островкѣ Итакѣ. Тѣмъ не менѣе, поэтъ называетъ ихъ «божественными царями».

Искусство мореплаванія было уже достаточно развито, такъ какъ, увѣряютъ насъ, понадобился многочисленный флотъ, болѣе тысячи кораблей, чтобы перевезти такое количество людей въ Азію. Осадное искусство едва только зарождалось: греки провели десять лѣтъ подъ стѣнами Трои. Тѣмъ не менѣе, битвы, описанныя Гомеромъ, такъ правдоподобны и разнообразны, что Наполеонъ признавалъ у поэта военныя познанія. Оружіе нападенія и защиты, мѣдное и украшенное серебромъ, имѣлось въ большомъ выборѣ. Внѣшняя жизнь еще проста и груба: герои, по окончаніи битвы, сами себѣ варятъ кушанье. Улиссъ своими руками изготовляетъ мебель и украшаетъ рѣзьбою свою кровать. Дочь царя феакійцевъ отправляется съ подругами на рѣку мыть одежды своей семьи. Безпрерывно возникающая и уничтожаемая ткань Пенелопы свидѣтельствуетъ о трудолюбивой дѣятельности царственной женщины. Но, въ то же время, Гомеръ говоритъ о краси выхъ дворцахъ Трои, о многочисленныхъ служанкахъ, работающихъ по приказанію Андромахи. Домъ Улисса въ Итакѣ снабженъ всѣмъ, что можетъ усладить жизнь искателей руки Пенелопы, которые даже злоупотребляютъ этимъ изобиліемъ. Щитъ Ахиллеса, безъ сомнѣнія, дѣлаетъ честь плодовитому воображенію Гомера, но и свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о высокой ступени, достигнутой металлическими издѣліями: поэтъ едва ли могъ бы собрать на этомъ щитѣ столько оживленныхъ картинъ, если бы въ его время не умѣли изобразить хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Надо перечитать Иліаду и Одиссею съ начала до конца, чтобы извлечь оттуда всѣ начала первобытной цивилизаціи и освободить ихъ отъ поэтическихъ вымысловъ.

Громадныя стѣны Микенъ и знаменитыя *ворота львовъ* доказываютъ, по меньшей мѣрѣ, что и древнѣйшія населенія умѣли достигать величественности въ своихъ постройкахъ. Раскопки, предпринятыя въ Микенахъ извѣстнымъ археологомъ Шлиманомъ, дали

самые благопріятные результаты. Путемъ упорныхъ раскопокъ на мѣстѣ прежней Трои (1871—1873 гг.), этому изслѣдователю удалось открыть много древнихъ вещей, которыя онъ считалъ *сокровищемъ Пріама*. Послѣднее далеко нельзя считать доказаннымъ, но является несомнѣннымъ, что на сѣверо-западномъ берегу Азіи въ то время существовала уже достаточно развитая промышленность.

Впрочемъ, не говоря уже объ описаніяхъ Гомера, нравственная красота его твореній служитъ доказательствомъ, что эллины X вѣка имѣли возвышенныя понятія о религіи, семьѣ, общественной связи, обязанностяхъ и совѣсти. Въ этомъ понятіи заключалось предвѣщаніе дальнѣйшаго блестящаго развитія греческаго общества.

Историческія времена; *семья*. Какъ бы далеко мы ни углублялись въ греческую древность, мы видимъ *семью*, собранную вокругъ священнаго очага каждаго дома, который всегда обнесенъ священной оградой [1]). Въ полѣ погребаются родственники, которымъ воздается поклоненіе послѣ ихъ смерти и которые, вмѣстѣ съ особымъ божествомъ, становятся покровителями семьи. Такимъ образомъ, домъ и поле превращаются *въ неотчуждаемую собственность*. *Наслѣдство* переходитъ только къ сыновьямъ, которые одни могутъ поддерживать семейные обряды, и это начало держалось весьма долгое время. Законодательство не допускало родства по женской линіи: за старшимъ сыномъ признавалось преимущество главы домашняго культа, и въ Спартѣ онъ наслѣдовалъ одинъ, при чемъ отцовское наслѣдіе считалось недѣлимымъ.

Религія охраняла *собственность* и, въ то же время, поддерживала своимъ авторитетомъ *отцовскую власть*, такъ какъ глава семьи былъ не только отцомъ, но и жрецомъ. Подчиненіе сына долго оставалось безусловнымъ, въ особенности въ Спартѣ. Отецъ имѣлъ право признать или отвергнуть ребенка при его рожденіи, но онъ долженъ былъ заботиться о продолженіи семьи и своего культа: онъ могъ усыновить чужого сына, если у него не было своего. Онъ былъ единственнымъ собственникомъ, но собственность его принадлежала предкамъ и должна была перейти къ дѣтямъ. Долгое время продажа ея не допускалась.

Греки, еще въ раннюю пору своей исторіи, придавали религіозное освященіе браку; только въ такомъ случаѣ послѣдній считался дѣйствительнымъ и давалъ права дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, мужъ оставлялъ за собою возможность отвергнуть свою жену, но для этого должны были существовать важныя причины, и необходимо было подвергнуться религіозному обряду, уничтожавшему обрядъ освященія брака. Однимъ словомъ, грекъ возвысилъ положеніе женщины, давъ ей участіе, посредствомъ брака, въ домашнихъ обрядахъ, въ молитвахъ у домашняго очага, которыя она повторяла вмѣстѣ со всею семьею, почитавшею въ ней мать. Именно на ея обязанности лежало наблюдать, чтобы священный огонь не потухалъ: въ нѣкоторомъ родѣ, это было ея священнымъ служеніемъ.

---

[1]) Въ этихъ замѣчаніяхъ мы пользуемся ученымъ и оригинальнымъ сочиненіемъ Фюстель де-Куланжа «La cité antique», которое обновило воззрѣніе новѣйшей критики на грековъ и римлянъ.

Соединенные другъ съ другомъ религіозною связью, переживавшую смерть, такъ какъ надо было воздавать поклоненіе покоившимся въ священномъ полѣ, члены одной семьи различались только силою своей преданности семейному началу. Преданнымъ или вѣрнымъ сыномъ былъ тотъ, кто наиболѣе заботился о семейныхъ богахъ и о почитаніи умершихъ.

Фратрія. Связь семьи была такъ сильна, что всѣ различныя развѣтвленія ея, соединяясь между собою, образовали многочисленный союзъ или родъ, *генось*, какъ называли его въ Греціи. Религіозные обряды связывали между собою всѣхъ членовъ и служителей рода, которые вмѣстѣ приносили жертвы. Повсюду въ Греціи мы видимъ, что знаменитыя семьи ведутъ свое начало отъ глубокой древности, отъ героевъ, даже отъ боговъ.

Союзъ нѣсколькихъ родовъ составилъ фратрію, новое религіозное общество, съ общими жертвоприношеніями. Фратріи образовали племя, у котораго было свое божество, свои собранія, свой судъ.

Государство. Соединеніе нѣсколькихъ племенъ составляло государство, подъ покровительствомъ особаго божества. Государство основывалось разомъ, съ помощью извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ. Граница его считалась священной, и основателю его воздавалось поклоненіе. Гордясь покровительствующими ему божествами, относясь ревниво къ сосѣднимъ оожествамъ, греческое государство являлось себялюбивой личностью. Устраняя чужеземца, который не допускался къ участію въ обрядахъ, государство расположено было относиться, какъ къ чуждому для него, ко всякому другому государству, имѣвшему другіе обряды. Если боги двухъ городовъ считались враждебными другъ другу, соперничество между послѣдними становилось ожесточеннымъ. Эта мѣстная и пристрастная религія, въ такой же мѣрѣ какъ физико-географическія условія, являлась причиной розни, колебавшей Грецію и препятствовавшей установленію сильнаго единства. Врагу государства и государственной религіи не оказывалось никакой пощады: вслѣдствіе того, разрушались цѣлые города и истреблялись цѣлыя населенія. Договоры также принимали религіозное значеніе. Обитателямъ сосѣдняго государства открывался доступъ въ храмы, участіе въ священныхъ празднествахъ; боги заключали между собою союзъ.

Такимъ образомъ, идея *отечества* рано была усвоена греками но только *отечества мѣстнаго*. Отчизна, земля отцовъ, была сперва участкомъ семьи съ ея очагомъ и усыпальницей, потомъ землею государства, съ общимъ очагомъ, храмомъ и героями. Территорія государства образовала *священную землю отечества*, что было для грековъ далеко не одними только словами, потому что почитаніе различныхъ божествъ было связано съ этою частью земли. За ея предѣлами, греки не могли уже приносить домашнихъ и національныхъ жертвъ; они не могли совершать погребальныхъ торжествъ въ честь предковъ и совершать обрядовъ, необходимыхъ для нихъ, чтобы обезпечить имъ блаженство въ иномъ мірѣ. Чтобы создать новое отечество, имъ необходимо было перенести туда своихъ бо-

*

говъ и возжечь другой очагъ огнемъ первоначальнаго очага. Иначе, изгнаніе становилось худшимъ изъ наказаній, являясь отлученіемъ отъ религіозныхъ обрядовъ. «Изгнанникъ,—говоритъ Ксенофонтъ,—теряетъ очагъ, свободу, отечество, женъ, дѣтей». Изгнаніе считалось равносильнымъ смертной казни: это была гражданская и религіозная смерть.

Управленіе государства. Глава государства былъ сперва только первосвященникъ. «Забота объ общественныхъ жертвоприношеніяхъ государства,—говоритъ Аристотель [1]),—лежитъ, смотря по религіознымъ обычаямъ, не на особыхъ жрецахъ, но на тѣхъ людяхъ, достоинство которыхъ исходитъ отъ очага и которыхъ въ одномъ мѣстѣ называютъ царями, въ другомъ—пританами, въ третьемъ—архонтами».

Когда греческія государства не захотѣли болѣе имѣть царей, они все-таки настаивали на томъ, чтобы правящія лица сохранили религіозный характеръ. «Аѳинскіе архонты, въ день своего вступленія въ должность, поднимались въ Акрополь съ головой, увѣнчанной миртомъ, и приносили жертву божеству города. Обычай требовалъ также, чтобы, при исполненіи своихъ обязанностей, они имѣли на головѣ вѣнокъ изъ листьевъ. Несомнѣнно, что вѣнецъ, сдѣлавшійся съ теченіемъ времени и до сихъ поръ являющійся эмблемою могущества, былъ тогда лишь религіозной эмблемой, внѣшнимъ знакомъ, при вознесеніи молитвъ и совершеніи жертвъ. Въ числѣ девяти архонтовъ тотъ, кого называли царемъ, былъ, по преимуществу, религіознымъ главою; но и каждый изъ его сотоварищей долженъ былъ исполнять какую-либо священную обязанность, приносить какую-нибудь жертву богамъ» [2]).

Судъ засѣдалъ около алтаря. Никакая битва и никакое торжество не обходились безъ жертвоприношеній. «Такимъ образомъ, и во время мира, и во время войны, религія проникала всѣ человѣческія дѣйствія. Она была повсюду, она охватывала человѣка. Душа, тѣло, жизнь частная и общественная, трапезы, празднества, собранія, судилища, сраженія,—все находилось подъ властью государственной религіи. Она направляла всѣ дѣйствія человѣка, распоряжалась всѣми мгновеніями его жизни, устанавливала всѣ его привычки. Она властвовала надъ человѣческимъ существомъ такъ безусловно, что въ жизни его ничего не оставалось, чего бы она не затрогивала» [3]). Избраніе по жребію нѣкоторыхъ правящихъ лицъ, кажущееся намъ безсмысленнымъ, вполнѣ объяснимо съ религіозной точки зрѣнія грековъ: судьба, рѣшавшая дѣло, была не случайностью, а волею божества.

Народы; іонійцы и дорійцы. Таковы существенныя черты первоначальнаго греческаго общества; онѣ остались глубоко запечатлѣнными въ немъ даже и тогда, когда государство отрѣшилось отъ крайней строгости религіозныхъ узъ. Впрочемъ, за отсутствіемъ достовѣрныхъ источниковъ, мы не имѣемъ возможности прослѣдить образованіе эллинскаго общества, состоявшаго изъ ста

---

[1]) *Политика*, кн. VII.
[2]) Fustel de Coulanges, *La Cité antique.*
[3]) Fustel de Coulanges, *тамъ же.*

различныхъ народовъ, долгое время перемѣщавшихся и утвердившихся лишь послѣ возвращенія гераклидовъ и завоеванія Пелопонеза дорійцами (1104 г.).

Дорійцы, вышедшіе изъ сѣверныхъ горъ, долгое время сохраняли грубость нравовъ и склонность къ охотѣ и войнѣ. Покоривъ сосѣднія населенія, они враждовали между собою, и лакедемонскіе дорійцы пытались подчинить себѣ остальныхъ. Именно, они являются самыми упорными и мужественными представителями дорійскаго племени. Полуварварскіе обычаи, принесенные ими съ дикихъ скалъ Дориды, они превратили въ правила и законы. Отличаясь въ такой же степени, какъ и всѣ эллины, замѣчательными умственными способностями, они старались доказать, что выше всего ставятъ физическую энергію. Суровые къ другимъ, какъ и къ себѣ, они были властнымъ народомъ, и ихъ тяжелая рука уничтожила не одинъ цвѣтокъ, готовый распуститься въ долинахъ Пелопонеза.

Не преувеличивая вліянія расы, мы можемъ сказать, что великая двойственность дорійцевъ и іонійцевъ заявляетъ о себѣ во всей греческой исторіи и объясняетъ различныя превратности ея. Бѣжали ли іонійцы изъ Пелопонеза послѣ переворота, произведеннаго дорійцами, или они утвердились сами въ свѣтлой и скалистой Аттикѣ, къ югу отъ тучной и неуклюжей Беотіи, во всякомъ случаѣ, они обладали, повидимому, духомъ, противуположнымъ дорійскому. Обращеніе ихъ было болѣе мягкимъ, умъ болѣе свободнымъ, вкусъ болѣе тонкимъ. Дѣятельные, трудолюбивые, они умѣли пользоваться трудами мира, тогда какъ дорійцамъ знакомы были только плоды войны и грабежа. Коринѳскій перешеекъ, поприще первоначальныхъ несогласій іонійцевъ и дорійцевъ, остался гранью, раздѣлявшей оба народа. Тамъ была воздвигнута колонна, одна сторона которой, обращенная къ Пелопонезу, имѣла надпись: «Здѣсь находятся дорійцы»; на другой, обращенной къ Аттикѣ, было написано: «Тамъ лежитъ Іонія».

Іонійцы и дорійцы не оставались замкнутыми въ этой рѣзко ограниченной области. Заселяя острова и берега Малой Азіи, они продолжали держаться отдѣльно другъ отъ друга, въ отношеніяхъ почти враждебныхъ, и все-таки были необходимы одни другимъ для поддержанія равновѣсія греческаго духа. Твердость дорійцевъ не допускала легкомысленныхъ іонійцевъ до нравственнаго паденія, къ которому они были склонны, а іонійцы, въ свою очередь, смягчали черствую и отталкивающую суровость дорійцевъ. Дорійцы, исключительно преданные военному дѣлу, не давали іонійцамъ спуститься до уровня финикіянъ, благодаря излишней преданности торговлѣ, а, своей мягкостью, іонійцы способствовали распространенію греческой цивилизаціи, которая могла бы задерживаться жосткостью ихъ соперниковъ. Однимъ словомъ, дорійцы и іонійцы, со своими особыми качествами и недостатками, составляли народъ двойной и единый, раздѣленный и сильный, торговый и въ то же время военный, жестокій и добродушный, привлекательный и суровый, смѣлый и изящный, легкомысленный и упрямый,—народъ, умѣвшій поддерживать сношенія и сражаться съ другими наро-

дами. Онъ олицетворялся въ двухъ городахъ, долго враждовавшихъ между собою, изъ которыхъ каждый представлялъ главныя черты греческаго духа, можно сказать, даже духа всего человѣчества.

Дорійское государство; *Спарта*, *Ликургъ*; *аристократическое правленіе*. Спарта первая достигла могущества, начиная съ IX и VIII вѣка. Однако, у нея не было точныхъ законовъ, и внутреннія несогласія едва не погубили ее. *Ликургъ*, мудрецъ, жившій въ концѣ IX вѣка до Р. Х., возстановилъ миръ и, поддерживаемый авторитетомъ дельфійскаго оракула, учредилъ общественный порядокъ, составившій силу Спарты.

Согласно древнему обычаю, власть оставалась въ рукахъ двухъ *царей*, но эти цари были лишь военоначальниками и первосвященниками. Настоящая власть принадлежала *сенату* изъ двадцати восьми старцевъ и общему собранію спартанцевъ. Позднѣе, эфоры сопутствовали царямъ, наблюдали за ними, составляли планы походовъ, отправляли правосудіе и, исполняя рѣшенія сената, объявляли войну и подписывали мирные договоры.

Власть находилась, такимъ образомъ, въ немногихъ рукахъ. Правленіе Спарты было олигархическимъ, или, говоря иначе, аристократическимъ.

Общественное неравенство. Ликургъ, на самомъ дѣлѣ, установилъ дѣленіе по классамъ или, скорѣе, по народностямъ. Спартанское общество дѣлилось на *дорійцевъ*, завоевателей, *лаконійцевъ*, коренныхъ жителей, и *илотовъ*, рабовъ. Если вѣрить Плутарху, онъ роздалъ лучшія земли девяти тысячамъ спартанцевъ, а остальное тридцати тысячамъ лаконійцевъ. Лаконійцы обязаны были обрабатывать, вмѣстѣ съ илотами, землю спартанцевъ.

Впрочемъ, эти послѣдніе не всѣ пользовались одинаковыми правами. Они раздѣлялись на спартанцевъ (*неодамодовъ*, бывшихъ, отпущенныхъ на свободу рабовъ), *мотаковъ* (нѣчто вродѣ кліентовъ) и *низшихъ*, вѣроятно, младшихъ сыновей, лишенныхъ наслѣдства. Настоящіе спартанцы составляли классъ *равныхъ*, которые одни пользовались политическими правами. «Быть внѣ этого класса,—говоритъ Ксенофонтъ,—значитъ быть внѣ политическаго строя». Эти равные, число которыхъ было весьма ограничено, составляли аристократическое правленіе Спарты.

Лаконійцы были только фермерами, а илоты, обреченные на худшее рабство, образовали отверженный классъ.

Военная дисциплина; *патріотизмъ*. Спартанцы должны были имѣть лишь одно занятіе—охоту или войну. Въ качествѣ воиновъ, ихъ связывала узкая и суровая дисциплина. Законъ не позволялъ имъ отступать даже передъ численнымъ превосходствомъ врага. Восторжествовать или умереть—таковъ былъ ихъ девизъ. Спарту должно было защищать только мужество ея гражданъ.

Поэтому спартанцы даютъ намъ лучшіе примѣры патріотизма и повиновенія закону. На Ѳермопильской скалѣ, послѣ самоотверженія Леонида, были вырѣзаны эти простыя слова: «Прохожій, скажи Спартѣ, что мы умерли здѣсь, повинуясь ея законамъ». Эта преданность отечеству, столь достойно прославленная, не принесла

прямой пользы, такъ какъ не могла остановить персидское войско, обошедшее позицію по тропинкѣ Эты. Но она оказывала на современниковъ и потомство нравственное дѣйствіе, служившее источникомъ патріотическаго самоотверженія. Своими правилами и примѣрами спартанцы дали человѣческой душѣ могущественный толчокъ, заставляющій ее стремиться къ высшему самоотреченію, и у насъ нѣтъ болѣе сильнаго обозначенія для выраженія твердости, какъ назвать ее спартанскимъ мужествомъ.

Когда Леонидъ готовился сразиться съ врагами при Θермопилахъ, нѣкто сказалъ ему: «Какъ, ты отваживаешься, о, Леонидъ, сопротивляться такому множеству непріятелей съ столь немногими воинами!—Если судить по количеству,—отвѣтилъ онъ—всей Греціи было бы мало въ этомъ случаѣ, потому что, въ сравненіи съ Персіей, она лишь ничтожная величина, но если судить по мужеству, то такого числа вполнѣ достаточно». Онъ совѣтывалъ своимъ воинамъ «пообѣдать такъ, какъ это слѣдуетъ людямъ, которые будутъ ужинать у Плутона».

Онъ хотѣлъ спасти юношей и, зная, что они не согласятся, если онъ имъ прямо предложитъ это, онъ ихъ, одного за другимъ, посылалъ съ различными извѣстіями къ эфорамъ. Ему хотѣлось спасти и трехъ изъ людей, вполнѣ взрослыхъ; но они угадали его мысль и не хотѣли принимать на себя его порученій. Одинъ изъ нихъ прибавилъ: «Я шелъ за тобою въ качествѣ воина, а не въ качествѣ вѣстника».

Когда у Павзанія, сына Плистонакса, спросили, почему у лакедемонянъ никому не позволялось что-либо измѣнять въ старинныхъ законахъ, тотъ отвѣтилъ: «Потому что законы должны властвовать надъ людьми, а не люди надъ законами». У одного спартанца спросили: много-ли у него имущества? «Не болѣе, чѣмъ нужно», отвѣтилъ онъ.

Одинъ изъ илотовъ велъ себя слишкомъ дерзко по отношенію къ Хариллу; тотъ сказалъ ему: «Если бы я не былъ разсерженъ, ты погибъ бы только отъ моей руки». На вопросъ, какое правленіе онъ считаетъ наилучшимъ, тотъ же спартанецъ отвѣтилъ: «Такое, въ которомъ наибольшее число гражданъ состязаются между собою въ добродѣтели, не образуя двухъ лагерей».

Когда ѳиванцы, побѣдивъ лакедемонянъ при Левктрахъ, дошли почти до самаго Эвротаса, одинъ изъ нихъ воскликнулъ съ вызывающимъ видомъ: «Гдѣ же эти лакедемоняне?» Плѣнный спартанецъ отвѣтилъ: «Ихъ нѣтъ болѣе; иначе вы не пришли бы сюда».

Филиппъ, вступивъ въ территорію лакедемонянъ, спрашивалъ у нихъ письменно—желаютъ ли они, чтобы онъ пришелъ какъ другъ или какъ врагъ? Они единогласно отвѣтили: «Ни такъ, ни этакъ».

Братья ссорились другъ съ другомъ. Эфоры наказали пеней ихъ отца за то, что онъ смотрѣлъ спокойно на несогласіе сыновей.

У одного лакедемонянина спросили: что́ онъ умѣетъ дѣлать?—«Умѣю быть свободнымъ», отвѣтилъ онъ.

Лакедемонцу, выставленному на продажу, нѣкто сказалъ: «Будешь ли ты честенъ, если я тебя куплю?» Тотъ отвѣтилъ: «Буду, если ты даже меня и не купишь».

Однажды, въ борьбѣ, противникъ лакедемонца, схвативъ его за шею, послѣ долгихъ, тщетныхъ усилій, начиналъ одолѣвать его, заставляя склоняться къ землѣ. Чувствуя, что силы покидаютъ его и что онъ долженъ будетъ уступить, спартанецъ укусилъ соперника въ руку. «Лакедемонецъ, — сказалъ другой, —ты кусаешься, какъ женщина!» — «Нѣтъ, —услышалъ онъ въ отвѣтъ, — какъ левъ!»

Аргилеониса, мать Бразида, потеряла сына въ битвѣ при Амфиполисѣ. Нѣсколько обитателей этого города, пріѣхавъ въ Спарту, посѣтили ее. Она спросила у нихъ—умеръ ли ея сынъ со славой, достойной Спарты? Они отозвались о немъ съ большой похвалою и объяснили, что, по своему мужеству, онъ былъ первымъ изъ всѣхъ лакедемонянъ. «Чужеземцы,—сказала она,—сынъ мой былъ храбръ и мужественъ, но Лакедемонъ насчитываетъ множество гражданъ, которые гораздо достойнѣе его».

Спартанская суровость; воспитаніе. Чтобы поддержать твердость у спартанцевъ, Ликургъ пожелалъ, чтобы она соединялась у нихъ съ суровымъ образомъ жизни. Установивъ или заимствовавъ у критянъ общественныя трапезы, онъ заставилъ спартанцевъ ѣсть за однимъ столомъ и притомъ одну и ту же пищу, опредѣленную закономъ. Даже оба царя должны были принимать участіе въ этихъ общественныхъ обѣдахъ. Самые достовѣрные историки подтверждаютъ существованіе этихъ обѣдовъ, за которыми всего чаще подавалась черная похлебка, грубая смѣсь дурно приправленныхъ кусковъ мяса.

Чтобы переносить подобную жизнь и вырабатывать въ себѣ такую энергію, дѣтямъ необходимо было съ ранняго возраста подвергаться строгому воспитанію и тяжелымъ упражненіямъ. Ребенокъ принадлежалъ не семьѣ, а государству, и всѣ мѣры принимались къ развитію его физическихъ силъ и ловкости и къ образованію характера. Воинственному народу нужно было лишь военное воспитаніе, и забота о какомъ бы то ни было иномъ воспитаніи вполнѣ устранялась. Даже дѣвушки должны были упражняться въ гимнастикѣ, которая ихъ укрѣпляла и дѣлала ихъ достойными подругами воиновъ и поклонницами ихъ доблестей.

Роскошь, промышленность и торговля были изгнаны изъ спартанской республики, которая вовсе не принимала чужеземцевъ, чтобы вмѣстѣ съ ними въ нее не проникла порча нравовъ. Быть можетъ, свидѣтельство, будто спартанцы были совершенно равнодушны къ изящнымъ искусствамъ, заключаетъ въ себѣ нѣкоторое преувеличеніе. Но несомнѣнно, что художественная слава грековъ не исходила отъ спартанцевъ, и что отъ нихъ не дошло до насъ ни одного литературнаго произведенія и ни одного памятника. Они продолжали быть грубыми даже тогда, когда перестали быть суровыми.

Недостатки спартанскаго общественнаго строя. Какъ ни восхваляли еще древніе писатели спартанскія учрежденія, ихъ нельзя не признать вообще противными назначенію человѣка и естественнымъ чувствамъ его. Нарушеніе неотъемлемыхъ правъ родителей и свободы, недоступной для большинства обитателей Лаконіи,

униженіе человѣческаго достоинства въ лицѣ илотовъ, служившихъ игрушкою для дѣтей, духъ завоеванія, склонность къ грабежу, грубыя и варварскія привычки—таковы были послѣдствія этихъ знаменитыхъ учрежденій, которымъ расточалось столько похвалъ.

Несомнѣнно, что духъ свободы былъ чуждъ аристократической и тираннической республикѣ Спарты. Равенства въ ней также не существовало, даже въ высшемъ классѣ, гдѣ раздѣлы имущества, если они когда-нибудь были, скоро прекратились.

Аристотель весьма ясно показываетъ недостатки общественныхъ порядковъ лакедемонянъ. Онъ отмѣчаетъ у нихъ значительное имущественное неравенство. «Одни,—говоритъ онъ,—обладаютъ громадными имѣніями, а другіе едва имѣютъ право называться собственниками; такимъ образомъ, вся страна принадлежитъ лишь нѣсколькимъ лицамъ... Мало того: женщины владѣютъ двумя пятыми земельнаго имущества, потому что весьма многія изъ нихъ остались единственными наслѣдницами и приносятъ мужьямъ богатое приданое». Онъ упоминаетъ также о роскоши и невоздержности женщинъ, утратившихъ энергію первыхъ временъ. Когда въ Лаконію вторглись ѳиванцы и Эпаминондъ, спартанскія женщины, никогда не видавшія огней непріятельскаго лагеря, могли только плакать и вызвали такой страхъ въ войскахъ, что Агизелай лишь съ большимъ трудомъ сдержалъ его. Аристотель порицаетъ и жестокость спартанцевъ по отношенію къ илотамъ; онъ не одобряетъ и правительственное устройство, отданное въ руки старцевъ, слишкомъ склонныхъ къ нерѣшительности, и небогатымъ эфорамъ, доступнымъ для подкупа. Онъ отзывается неблагопріятно и объ общественныхъ трапезахъ. «Ликургъ,—говоритъ онъ,—хотѣлъ сдѣлать изъ этихъ общихъ трапезъ демократическое учрежденіе, но онѣ устроены такъ, что менѣе всего могутъ быть названы всенародными. Трудно, чтобы неимущій гражданинъ могъ внести свою долю въ общій расходъ, а древній обычай, имѣющій силу закона, лишаетъ правъ гражданина того, кто не приноситъ своей доли». Наконецъ, онъ высказывается и противъ главнаго намѣренія законодателя. «Главною цѣлью его было,—говоритъ онъ,—образовать гражданъ съ военными доблестями, т.-е. такихъ, которые умѣютъ побѣждать. Но что же произошло? Лакедемонъ держался какъ нельзя лучше во время войны и не зналъ что́ дѣлать послѣ окончанія ея. Всѣ его учрежденія научали его сражаться, и ни одно не подготовляло его къ мирной жизни».

Въ концѣ концовъ, Спарта пала жертвой своей эгоистической политики, препятствовавшей ей замѣщать пробѣлы, производимые войнами въ ея населеніи. Число настоящихъ спартанцевъ безпрерывно уменьшалось. Во времена Аристотеля, ихъ оставалась только тысяча; по свидѣтельству Плутарха, въ 244 г. до Р. Х. ихъ было не болѣе семисотъ. Спарта погибла за недостаткомъ спартанцевъ. Она сама уничтожила себя.

Іонійское государство Аѳинъ; семейный духъ. Аѳинское государство достигло бо́льшаго величія, потому что не стремилось къ тому. Оно не жертвовало своему тщеславію ни семьей, ни обще-

ствомъ, ни нравственностью. Іонійцы дали волю своему характеру, счастливому отъ природы, и старались, не насилуя, усовершенствовать его воспитаніемъ. Ребенка не отнимали у родителей. Онъ росъ въ семьѣ, и государство предъявляло свои права на него лишь по достиженіи имъ шестнадцатилѣтняго возраста, чтобы доставить ему учителей и помѣстить его въ училище эфебовъ. Даже семейный строй подвергся измѣненію, и наслѣдство дѣлилось поровну между сыновьями; старшему предоставлялось лишь одно преимущество—сохранить за собою отцовскій домъ. Дочь, правда, исключалась изъ наслѣдства, но ей давалось приданое; если она была единственной дочерью, она могла наслѣдовать все имущество отца, съ условіемъ выдти замужъ за одного изъ ближайшихъ родственниковъ. Законодатель Солонъ, жившій долго послѣ Ликурга, такъ какъ реформа его относится къ 595 г., призналъ за отцами право завѣщанія, отвергавшееся религіей; но онъ не уничтожилъ правъ кровной семьи, и свобода завѣщанія была полною только для бездѣтныхъ. Отцовская власть, не будучи ослаблена, была ограничена въ своей продолжительности: сынъ, вмѣсто того, чтобы оставаться подъ постоянной опекой, получалъ права, съ которыми были связаны и обязанности; онъ долженъ былъ кормить отца, когда тотъ становился слишкомъ старъ или терялъ силы. Однимъ словомъ, законы Солона были согласованы съ природой, а не природа вынуждена была уступать законамъ.

Собственность; *трудъ*. Аттика долгое время страдала отъ соперничества между воздѣлывателями равнины, богатыми владѣльцами оливковыхъ деревьевъ, бѣдными обитателями горъ и прибрежными мореплавателями. Главы знатныхъ семействъ сосредоточивали въ своихъ рукахъ земельную собственность и господствовали надъ многочисленными арендаторами, обременяя ихъ поборами. Солонъ произвелъ цѣлый переворотъ, освободивъ арендаторовъ. Аристотель отдаетъ полную справедливость Солону. «Онъ положилъ конецъ,—говоритъ онъ,—порабощенію народа». Освобожденная земельная собственность постоянно дѣлилась и распредѣлялась, сообразно судьбамъ различныхъ семействъ, и получала значеніе, благодаря труду. Солонъ запретилъ праздность. Въ Аѳинахъ необходимо было избрать профессію и обнаружить передъ лицомъ власти законныя средства къ существованію.

Человѣчность. Хотя трудъ и уважался, но въ Аѳинахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, по преимуществу, предоставлялся рабамъ. Впрочемъ, аѳиняне человѣчно обращались съ рабами. Правда, имъ не удалось подняться до идеи равенства, и ихъ знаменитѣйшіе философы старались софизмами оправдать рабство. Тѣмъ не менѣе, аѳиняне не унижали раба, и законъ защищалъ его отъ жестокости господина; рабъ могъ требовать, чтобы его продали въ другія руки, если не былъ доволенъ своимъ положеніемъ.

Общественный духъ. Ревниво относясь, подобно прочимъ грекамъ, къ своимъ гражданскимъ правамъ, аѳиняне все-таки охотно принимали къ себѣ чужеземцевъ. Семейства иноземцевъ, по истеченіи нѣкотораго времени, могли присоединяться къ числу аѳинскихъ семействъ. Склонность къ торговлѣ развивала въ аѳинянахъ

вѣжливость и заставляла ихъ искать общества, вмѣсто того, чтобы избѣгать его. Аѳины стремились къ тому, чтобы въ ихъ стѣнахъ сходились торговцы всѣхъ странъ. Имъ было желательно смѣшеніе представителей различныхъ народовъ, обмѣнъ услугъ и идей. Лучезарный очагъ, все привлекавшій къ себѣ и поддерживавшійся соединенными силами, Аѳины не погибли, утративъ свою независимость, и продолжали сіять яркимъ свѣтомъ въ теченіе всего древняго періода. Никто не думалъ о возстановленіи Спарты, всѣ считали долгомъ побывать въ Аѳинахъ.

Литературныя и художественныя склонности; воспитаніе. Каждый гордился, кто имѣлъ случай учиться въ Аѳинахъ. Остроумные, умственно развитые аѳиняне, разрабатывали и почитали словесность и искусство съ успѣхомъ, о которомъ мы будемъ говорить ниже. Воспитанію придавалась величайшая важность. Аристофанъ изображаетъ намъ аѳинскихъ дѣтей «отправляющимися въ школу въ порядкѣ, распредѣленными на небольшіе отряды; они идутъ плотными рядами въ дождь, въ снѣгъ или по яркому солнцу; эти дѣти какъ будто уже понимаютъ, что исполняютъ гражданскій долгъ» [1]). Платонъ, съ своей стороны, говоритъ: «Родителямъ не можетъ быть предоставлено право посылать или не посылать дѣтей къ учителямъ, избраннымъ городомъ, такъ какъ дѣти не столько принадлежатъ родителямъ, сколько государству». Школа эфебовъ, которая вначалѣ обучала государственному и военному дѣлу, а также и религіи, превратилась въ подобіе университета, съ обширнымъ преподаваніемъ и учеными состязаніями.

И по выходѣ изъ школъ, аѳиняне съ удовольствіемъ слушали риторовъ, софистовъ и философовъ и обсуждали вопросы первостепенной важности. Владѣя самымъ благозвучнымъ, іонійскимъ нарѣчіемъ, они обладали такимъ изощреннымъ ухомъ, что малѣйшая неправильность въ удареніи оскорбляла слухъ даже простолюдина и рыночной торговки. Любя краснорѣчіе, восторженно относясь къ поэзіи, они простили Пизистрату его тиранію за поощреніе литературѣ и искусствамъ и восхищались воздвигнутыми имъ памятниками, которые впослѣдствіи были замѣнены прекрасными произведеніями вѣка Перикла.

Политическая свобода; демократическое правленіе. Ступени, какими аѳиняне достигли своей политической свободы, заслуживаютъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ имъ обыкновенно удѣляется. Аѳинянамъ нужно было болѣе пяти вѣковъ, чтобы освободиться отъ власти знатныхъ семействъ, *эвпатридовъ*. Эти послѣдніе, наскучивъ царскою властью, политическою и религіозною, въ одно и то же время, уничтожили ее въ 1045 г. и открыли путь для переворотовъ, которые впослѣдствіи должны были обратиться противъ ихъ собственнаго могущества. Власть *архонтовъ*, замѣнившая царскую власть, мало отличалась отъ послѣдней, будучи пожизненной и наслѣдственной въ древней царственной семьѣ Кодра. Въ 754 г. власть архонта стала десятилѣтнею, а затѣмъ она была раздѣлена: религіозныя обязанности были поручены архонту-царю; дру-

[1]) Аристофанъ, «Облака», ст. 960—965.

гой архонтъ-*эпонимъ*, по имени котораго назывался годъ, имѣлъ лишь гражданскую власть. Наконецъ, къ архонтамъ были присоединены *полемархъ* (военоначальникъ) и шесть другихъ правительственныхъ лицъ (θесмоθетовъ), которые должны были примѣнять законы и предсѣдательствовать въ судилищахъ. Съ 683 г. было девять архонтовъ, облеченныхъ властью лишь на одинъ годъ. Исполнительная власть, при такомъ раздѣленіи и разграниченіи, не могла быть опасною. Съ этой эпохи Аѳины могли назваться настоящей республикой.

Но еще долгое время они оставались республикой аристократической. Древнія фамиліи, держа въ зависимости своимъ религіознымъ значеніемъ и богатствомъ большое число кліентовъ, властвовали надъ народомъ и угнетали его. Дѣломъ и заслугой Солона было возвращеніе народу свободы освобожденіемъ земли, какъ мы говорили выше. Облеченный безграничной властью, съ цѣлью преобразованія и умиротворенія республики, Солонъ ослабилъ значеніе эвпатридовъ, предоставивъ низшимъ классамъ политическія права, зависѣвшія не отъ рожденія, а отъ имущественной состоятельности.

Солонъ раздѣлилъ народъ на четыре класса, въ которыхъ граждане распредѣлялись сообразно своему богатству; такимъ образомъ, дѣятельные и трудолюбивые граждане могли подниматься до высшаго класса. Кромѣ того, права уравновѣшивались обязанностями. Граждане, пользовавшіеся доходомъ болѣе пятисотъ медимновъ (мѣръ оливковаго масла), т.-е. 2.050 р. на наши деньги, имѣли доступъ къ высшимъ должностямъ, но платили налогъ, соотвѣтственно своему доходу, и на войнѣ должны были сражаться въ первомъ ряду. Два другіе класса (всадники и зевгиты), имѣвшіе около 1.200 и 600 руб. дохода, могли занимать низшія должности, платили налоги и обязаны были военной службой. Четвертый классъ, самый бѣдный, вовсе не платилъ налога, не долженъ былъ расходоваться на вооруженіе и служилъ только въ легкихъ войскахъ или на корабляхъ. Онъ не могъ имѣть притязанія на какія-либо общественныя должности. Солонъ, очевидно, хотѣлъ ввѣрить управленіе и защиту государства тѣмъ, чьихъ интересовъ это казалось по преимуществу. Онъ не устранилъ, однако, наименѣе богатыхъ, такъ какъ послѣдніе имѣли право голоса: они выбирали должностныхъ лицъ, при чемъ не допускалось, какъ при выборѣ архонтовъ, избранія по жребію, что было старинньшъ религіознымъ обычаемъ.

Должностныя лица избирались въ большомъ количествѣ, на одинъ годъ и безвозмездно. Кромѣ девяти архонтовъ и общественныхъ жрецовъ, были десять выборныхъ *стратеговъ*, занимавшихся военнымъ дѣломъ, и затѣмъ чиновники, наблюдавшіе за общественнымъ порядкомъ, за продовольственными припасами, за продажей и покупкой, охранявшіе казну и собиравшіе подати. Въ каждомъ мѣстечкѣ или *дэмѣ* аѳинскаго союза эти должности повторялись какъ бы въ уменьшенномъ видѣ.

Главнымъ изъ учрежденій Солона былъ *сенатъ*, на которомъ лежало обсужденіе религіозныхъ или политическихъ дѣлъ города.

Онъ не былъ подобенъ спартанскому сенату, т.-е. олигархіи двадцати восьми старцевъ, а состоялъ изъ четырехсотъ членовъ, выбранныхъ по жребію, и изъ людей наиболѣе достойныхъ уваженія въ первыхъ трехъ классахъ. Это собраніе раздѣлялось на отдѣлы въ пятьдесятъ *притановъ*, которые засѣдали по очереди, непрерывно, въ теченіе мѣсяца и содержались въ Пританеѣ, на счетъ государства. Сенаторы цѣлый день посвящали занятію дѣлами, и законы выходили изъ сената вполнѣ обдуманными, ясно выраженными и подвергались затѣмъ рѣшенію народнаго собранія.

Окончательное рѣшеніе вопросовъ вполнѣ зависѣло отъ *народнаго собранія*. Настоящимъ властелиномъ былъ народъ. Засѣдая на открытомъ воздухѣ, въ священной оградѣ Пникса, каждый разъ очищаемой молитвами жрецовъ, народъ помѣщался рядами на каменныхъ скамьяхъ и слушалъ различныхъ ораторовъ, поддерживавшихъ или опровергавшихъ проекты законодательныхъ мѣръ, выходившихъ изъ сената. Сказать, что народъ всегда оставался спокойнымъ, слушая своихъ ораторовъ, какъ предполагаютъ нѣкоторые историки, это значило бы преувеличивать благоразуміе народа, извѣстнаго своимъ подвижнымъ характеромъ. Демосѳенъ, какъ мы знаемъ, упражнялся на берегу моря, стараясь заглушить шумъ волнъ, чтобы пріучить свой голосъ покрывать шумъ народной волны. Чтобы предостеречь собранія отъ необдуманныхъ увлеченій, аѳиняне не доводили свою строгость противъ ораторовъ до той мѣры, какъ законодатель Локръ локрійскій Залевкъ. Этотъ послѣдній обязывалъ оратора, предлагавшаго принять или отвергнуть какой-либо законъ, произносить свою рѣчь съ веревкою на шеѣ и быть готовымъ къ удушенію, если предложеніе его оказывалось неудачнымъ. Аѳиняне не заходили такъ далеко, но ихъ законъ наказывалъ оратора, если онъ давалъ дурной совѣтъ народу. Другой законъ воспрещалъ доступъ на трибуну каждому оратору, кто трижды совѣтовалъ принять рѣшенія, противныя существующимъ законамъ. Кромѣ того, принятые законы назывались именемъ того, кто ихъ предложилъ, и впослѣдствіи, когда общественное мнѣніе поворачивалось въ другую сторону, предлагавшій могъ подвергнуться преслѣдованію и наказанію. Собраніе не могло постановить рѣшенія, если оно состояло менѣе, чѣмъ изъ шести тысячъ гражданъ, и нерѣдко приходилось принимать понудительныя мѣры, чтобы заставить аѳинянъ собираться на совѣщанія.

Народъ былъ не только законодателемъ, но и судьею. Распри между гражданами и всѣ судебные процессы повергались на рѣшеніе *геліастовъ*, пяти тысячъ гражданъ, выбиравшихся по жребію и распредѣлявшихся между отдѣльными судилищами. Трудно было найти болѣе демократическое устройство суда. Солонъ пытался ограничить его учрежденіемъ *ареопага*, который, быть можетъ, существовалъ и ранѣе его, но при немъ получилъ болѣе власти и внутренняго значенія. Ареопагъ составлялся изъ архонтовъ, которые, во время исполненія своихъ обязанностей, заслужили особое уваженіе. Число сенаторовъ ареопага не было опредѣленнымъ: въ нѣкоторыя времена оно доходило до двухъ и даже до трехсотъ. На немъ лежало высшее наблюденіе за нравствен-

ностью и въ особенности за уголовнымъ судопроизводствомъ, покровительство сиротамъ, которымъ онъ назначалъ опекуновъ и возмездіе всѣмъ нарушителямъ религіозныхъ постановленій. Вслѣдствіе того, ареопагъ сдѣлался судилищемъ, внушавшимъ страхъ, и уваженіе, своего рода олицетвореніемъ справедливости и мудрости; онъ оставилъ о себѣ такое воспоминаніе, что слово «ареопагъ» стало синонимомъ высшаго, уважаемаго судилища [1]).

Успѣхи демократіи; *реформа Клисѳена.* Хотя Солонъ далъ аѳинскому народу свободныя демократическія учрежденія, но онъ не коснулся древняго раздѣленія его на роды, фратріи и племена. Сами эвпатриды далеко не потеряли своего значенія, потому что политическое вліяніе зависѣло отъ богатства, и почти вся земля находилась въ ихъ рукахъ. Кліенты, пользуясь свободой, тѣмъ не менѣе, находились въ нравственной зависимости отъ старѣйшихъ лицъ знатныхъ фамилій, которыя, благодаря общимъ жертвоприношеніямъ, удерживали власть, какую у нихъ хотѣли отнять. Даже при жизни Солона они съумѣли, не отвергая его законовъ, возвратить себѣ силу, поставивъ во главѣ республики одного изъ своихъ, Пизистрата, который, поддѣлавшись къ бѣднымъ гражданамъ и обманувъ ихъ, достигъ высшей власти (560—527).

Но послѣ волненій и изгнанія пизистратидовъ (514), Клисѳенъ задумалъ совершенно уничтожить старинное благородное званіе и придать правленію еще болѣе демократическій характеръ. Онъ раздѣлилъ гражданъ на десять племенъ, независимо отъ рожденія и богатства, по одному лишь мѣсту жительства. Это чисто мѣстное дѣленіе, при всей своей простотѣ, имѣло громадное значеніе. Классы и семейства оказались смѣшанными въ одномъ и томъ же племени. Религіозная связь, нѣкогда соединявшая гражданъ различныхъ предмѣстій или кварталовъ, съ главою благородной семьи, съ эвпатридомъ, была разрушена. Каждое племя получило новый культъ, и Клисѳенъ назначилъ ему предметомъ поклоненія какого-либо героя. Каждое племя превратилось въ религіозное и политическое цѣлое, имѣя своихъ должностныхъ лицъ и своего стратега.

Самъ сенатъ пріобрѣлъ болѣе демократическій характеръ; Клисѳенъ увеличилъ число его членовъ, опредѣливъ его въ 500 (по 50 на каждое племя). Народное собраніе стало сходиться чаще, и Клисѳенъ далъ ему въ руки страшное оружіе, чтобы избѣгнуть возвращенія тираніи: это былъ *остракизмъ*. Народъ имѣлъ право подачею голосовъ, которую не надо было ни обсуждать, ни оправдывать, изгнать каждаго гражданина, внушавшаго подозрѣніе. Такимъ образомъ, оказалась возможность, которою Аѳины пользовались безъ стѣсненія, устранить каждаго гражданина, достигавшаго извѣстности. Эта темная сторона демократіи нерѣдко поражала наиболѣе справедливыхъ и знаменитыхъ гражданъ.

---

[1]) Аристотель прекрасно характеризовалъ дѣло Солона: «Солонъ, — говоритъ онъ, — подавилъ олигархію, сдѣлавшуюся слишкомъ могущественной, освободилъ народъ отъ рабства, возстановилъ древнюю демократію и искусно соединилъ различные виды правленія въ учрежденіи своей республики. Дѣйствительно, мы находимъ олигархію въ ареопагѣ, аристократію въ способѣ избранія должностныхъ лицъ и демократію въ формѣ судилища».

Не будемъ, впрочемъ, забывать, что древнія республики ограничивались однимъ городомъ и его окрестностью. Число аѳинскихъ гражданъ равнялось, приблизительно, 14.000. Число спартанцевъ, какъ мы видѣли, непрерывно уменьшалось. Поэтому, при численности столь ограниченной, возможно было испытывать всѣ формы свободы.

Похвала Аѳинъ Перикла. Историкъ Ѳукидидъ влагаетъ въ уста Перикла прекрасную похвалу Аѳинамъ, отмѣчающую главныя качества іонійскаго города: «Наше государственное устройство не позволяетъ завидовать общественнымъ порядкамъ другихъ народовъ: оно служитъ для нихъ образцомъ, ни въ чемъ не подражая имъ. Оно называется демократіей, потому что имѣетъ цѣлью выгоды наибольшаго числа лицъ, а не благосостояніе нѣсколькихъ. Въ частной жизни всѣ равны передъ закономъ, но уваженіе воздается только тѣмъ, кто отличается какимъ-либо дарованіемъ; личное достоинство болѣе, чѣмъ общественныя отличія, открываетъ дорогу къ почестямъ; бѣдность или незначительное положеніе не препятствуютъ ни одному гражданину служить отечеству, если онъ на то способенъ. Мы не разслѣдуемъ съ подозрительнымъ любопытствомъ частное поведеніе нашихъ согражданъ; мы не порицаемъ ихъ, если они ищутъ какого-либо удовольствія; мы не бросаемъ на нихъ укоризненныхъ взглядовъ, которые если не ранятъ, то причиняютъ боль.

«Эта терпимость въ обыденной жизни не препятствуетъ намъ почитать то, что̀ касается общественнаго порядка; мы исполнены покорности къ установленнымъ властямъ и законамъ, въ особенности такимъ, которые служатъ защитою слабымъ, и такимъ, которые, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителей ихъ общее порицаніе.

«Мы предоставляемъ уму безчисленныя развлеченія, какъ въ городскихъ играхъ и жертвоприношеніяхъ, совершающихся въ опредѣленные промежутки времени, такъ и въ домашнемъ препровожденіи времени, изящество и очаровательность котораго разсѣеваетъ горести жизни. Величіе нашего города привлекаетъ къ нему сокровища со всей земли; мы наслаждаемся и чужеземными произведеніями, и плодами нашей почвы.

«Нашъ городъ открытъ для всѣхъ: у насъ нѣтъ закона, который устранялъ бы чужеземцевъ отъ зрѣлища, какимъ могли бы воспользоваться наши враги. Для защиты отъ опасности, мы не столько расчитываемъ на военную подготовку, сколько на нашу природную храбрость. Другіе, упражненіемъ, начинающимся съ дѣтства, развиваютъ храбрость, какъ особое достоинство въ воспитаніи; мы, не обрекая себя на грубыя и тяжелыя усилія, встрѣчаемъ опасности съ неменьшей неустрашимостью.

«Но не отсюда только исходитъ наша слава: мы соединяемъ изящный вкусъ съ простотою, развитіе ума съ энергіей. Мы пользуемся нашими богатствами не для того, чтобы блестѣть, а для того, чтобы дѣйствовать. У насъ никто не считаетъ стыдомъ признаваться въ своей бѣдности; стыдно только тому, кто ничего не дѣлаетъ, чтобы изъ нея выйти. Мы умѣемъ находить и обсуж-

дать то, что̀ пригодно для государства; мы не полагаемъ, что слово вредитъ дѣйствію; мы считаемъ вреднымъ только, когда обсужденіе не разъясняетъ намъ дѣла. Мы умѣемъ соединять спокойствіе размышленія съ живостью дѣйствія, тогда какъ у другихъ отвага является слѣдствіемъ незнанія и разсужденіе ведетъ къ нерѣшительности. Что касается добрыхъ услугъ, мы также представляемъ разительную противуположность съ другими народами: мы пріобрѣтаемъ друзей, не получая отъ нихъ, а расточая имъ благодѣянія... Мы дѣлаемъ одолженіе безъ разсчета и задней мысли, съ великодушіемъ, полнымъ довѣрія. Однимъ словомъ, я позволяю себѣ сказать, что Аѳины, въ своемъ цѣломъ, есть школа Греціи» [1]).

Аѳинянинъ и спартанецъ. Аѳинянинъ былъ свободенъ. Онъ подавалъ голосъ на народномъ собраніи, создавалъ законы, обсуждалъ общественныя дѣла, умѣлъ распоряжаться общими деньгами. Если онъ соглашался вести войну, это значило, что онъ рѣшился пожертвовать жизнью своею или своихъ дѣтей. Онъ отстаивалъ свои интересы на судѣ передъ другими согражданами. Онъ могъ надѣяться засѣдать въ сенатѣ, если принадлежалъ къ высшимъ классамъ. Выборы были ежегодными, и число должностей было значительно по отношенію къ общему числу гражданъ; поэтому каждый могъ сдѣлаться должностнымъ лицомъ своей дэмы или всего города. Это была вполнѣ идеальная демократія.

Спартанецъ не обладалъ такою же склонностью къ публичности и къ свободѣ. Въ его небольшомъ городѣ было немного должностныхъ лицъ: вся власть сосредоточивалась въ рукахъ нѣсколькихъ эфоровъ и сената въ двадцать восемь членовъ. Спартанецъ не могъ развить въ себѣ страсти къ защитѣ своихъ правъ и къ политическимъ рѣчамъ. Онъ повиновался небольшому числу начальниковъ, потому что они принадлежали къ одному племени съ нимъ; это повиновеніе было не тяжело для него, такъ какъ оно обезпечивало его господство надъ другими племенами Лаконіи и его внѣшнюю силу.

Спартанецъ охотится или воюетъ. Онъ проводитъ почти все время внѣ города. Ему вовсе неизвѣстна пріятность домашняго очага, и онъ мало цѣнитъ семейныя чувства. Занятіе его заключается въ развитіи силы и ловкости, удовольствіе—въ торжествѣ надъ соперникомъ.

Потребности аѳинянина гораздо разнообразнѣе. Онъ читаетъ и бесѣдуетъ, разсуждаетъ и философствуетъ, подаетъ голосъ и вступаетъ въ различныя сношенія. Это не мѣшаетъ ему быть храбрымъ на войнѣ. Прилежно посѣщая собранія и судилища, онъ научается жертвовать собственными интересами общественной выгодѣ. Онъ отдаетъ свое время и свои умственныя силы государству, не отдѣляя себя отъ послѣдняго, такъ какъ онъ — лишь ничтожная частица его, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ сдѣлаться однимъ изъ его кормчихъ. Аѳинянинъ не знаетъ праздности, потому что, кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, онъ занимается дѣлами

[1]) Ѳукидидъ, *Пелопонезская война.*

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюнь 1895 г.

Содержаніе. Отъ редакціи.—Беллетристика.—Критика, исторія литературы и публицистика.—Исторія и біографіи.—Политическая экономія.—Сельское хозяйство.—Народныя изданія.—Новости иностранной литературы.—Новыя книги, поступившія въ редакцію.

Отъ редакціи. Печатаніе при журналѣ «Міръ Божій» обзора общедоступной литературы, составляемаго Коммиссіей при Комитетѣ Грамотности, съ майской книги прекращено.

Библіографическому отдѣлу редакція придаетъ особо важное значеніе, въ виду цѣлей самообразованія, преслѣдуемыхъ журналомъ. Систематическій обзоръ по всѣмъ отдѣламъ общедоступной литературы, какъ русской, такъ и иностранной, ближе всего отвѣчалъ бы ея задачамъ. Имѣя въ виду такую постановку, какъ цѣль, редакція и будетъ стремиться къ достиженію ея постепенно, вводя новые отдѣлы и увеличивая число даваемыхъ отзывовъ, пока библіографія журнала не будетъ доведена до желаемой полноты.

Размѣры журнала не позволяютъ давать въ каждой книжкѣ рецензіи по всѣмъ намѣченнымъ отдѣламъ, и, притомъ, не всегда могутъ оказаться книги, о которыхъ стоитъ давать отзывъ. Но въ каждой книгѣ редакція предполагаетъ давать нѣсколько отдѣловъ, въ общемъ отъ одного до двухъ печатныхъ листовъ.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. М. Станюковичъ «Откровенные».—*В. Сырошевскій.* «Якутскіе разсказы».—*Діонео* «На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири».—«Сочиненія Шелли», переводъ *К. Д. Бальмонтъ.*

К. М. Станюковичъ. Откровенные. Романъ въ двухъ частяхъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб., 1895 года. Цѣна 1 руб. 50 коп. Новое произведеніе нашего талантливаго романиста представляетъ живую картину современныхъ нравовъ, отличаясь обычными перу его достоинствами, хотя и не свободно отъ нѣкоторыхъ недостатковъ. «Откровенные» — люди, какихъ всегда и въ любомъ обществѣ довольно. Отрѣшившіеся отъ всѣхъ убѣжденій, покончивъ съ принципами, какъ съ ненужнымъ для жизни и только тягостнымъ бременемъ, чего они и не скрываютъ ни отъ себя, ни отъ другихъ — они откровенно, подчасъ даже слишкомъ, преслѣдуютъ одну только цѣль—карьеру, которая дала бы имъ

возможность «жить во всю», удовлетворяя вполнѣ ихъ эгоистическія мелкія страсти. Ради этого они готовы жертвовать всѣмъ—и личнымъ достоинствомъ, и благомъ другихъ. Самое слово «жертва» отсутствуетъ въ ихъ лексиконѣ. Дѣлая подлость, они пожимаютъ плечами, когда иная наивная душа укоряетъ ихъ въ этомъ. «Подлость?! Почему столь рѣзкое слово? Все относительно, и что подло съ вашей точки зрѣнія, только разумно съ моей», — таково ихъ обычное разсужденіе. Представителями такой «откровенной» житейской философіи авторъ выводитъ двухъ видныхъ бюрократовъ—Павлищева и его подчиненнаго Марка Борщова, какъ двѣ разновидности одного типа. Первый, болѣе старый, хотя и выше по общественному положенію, мельче по натурѣ. Въ немъ, не смотря на всю «откровенность», весь цинизмъ и низменность натуры, проглядываютъ нѣкоторыя человѣческія черточки, видно по временамъ желаніе прикрыться, затаить свою душевную наготу подъ маскою «высокихъ словъ». Онъ не прочь щегольнуть ими при случаѣ, и хотя не дѣлается отъ того симпатичнѣе, но онъ естественнѣе, живѣе и жизненнѣе, проще, и потому понятнѣе и правдивѣе. Совсѣмъ иное его товарищъ, котораго авторъ представилъ какимъ-то Манфредомъ конца XIX-го вѣка. Онъ ничего не признаетъ, кромѣ себя, да и въ себѣ допускаетъ одну «физіологію». По замыслу автора, онъ долженъ изображать типъ эгоиста, сознательно, прямолинейно, безъ колебаній и уступокъ, преслѣдующаго личные интересы — и только. Все, что выходитъ за предѣлы его, съуженнаго до послѣдней степени, *я*, должно быть ему чуждо и даже враждебно. Онъ долженъ изображать современную силу, которая все и всѣхъ ломаетъ и подчиняетъ себѣ. Но такъ только по замыслу, а на дѣлѣ получилась довольно безжизненная фигура, что вполнѣ понятно: такихъ людей въ русской жизни нѣтъ, и для ихъ возникновенія не имѣется условій ни въ природѣ русскаго человѣка, ни въ современной общественной жизни. Русскій человѣкъ нѣчто въ большинствѣ случаевъ весьма неопредѣленное, «широкая» натура, въ которой именно натуры-то и нѣтъ. То же самое приходится сказать и о нашей общественной жизни, въ которой нѣтъ ничего устойчиваго, прочнаго, опредѣленнаго, въ которой минутныя злобы дня заслоняютъ всецѣло высшіе интересы и высшія цѣли, въ которой сегодняшній день стираетъ вчерашній и не даетъ ничего для будущаго. Вотъ почему попытка г. Станюковича—создать изъ «человѣка 20-го числа» цѣльную личность, характеръ, хотя бы и отрицательный, но строго выдержанный и опредѣленный — не могла быть вполнѣ удачна.

Другой недостатокъ романа—его нѣкоторая растянутость. Безъ второй части романъ былъ бы цѣльнѣе, и правдивѣе. Вообще же, романъ читается съ большимъ интересомъ, изобилуя многими удачными, прямо изъ жизни выхваченными, сценами, мѣткими характеристиками и остроумными замѣчаніями.

Якутскіе разсказы Вацлава Сѣрошевскаго. Спб., 1895 г. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Ц. 75 к. Дикая и оригинальная жизнь отдаленныхъ уголковъ Сибири продолжаетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ художественныхъ разсказовъ для нашей беллетри-

стики. Казалось бы, послѣ неподражаемыхъ по красотѣ очерковъ г. Короленко, трудно дать что-либо новое, свѣжее, яркое изъ жизни далекаго сѣверо-востока. Но каждый годъ въ нашей изящной литературѣ появляются новыя, не менѣе художественныя, произведенія, сюжеты которыхъ заимствованы все изъ той же далекой страны. Еще на-дняхъ, въ послѣдней (апрѣльской) книжкѣ «Русскаго Богатства» напечатанъ разсказъ, изъ жизни сибирскихъ окраинъ, неизвѣстнаго автора,—«Подъ утесомъ»,—по силѣ языка, яркости художественнаго изображенія и колоритности, представляющій истинный шедевръ.

Къ той же категоріи сибирскихъ разсказовъ относятся «Якутскіе разсказы» г. Сѣрошевскаго, печатавшіеся разновременно въ польскихъ и русскихъ журналахъ. Въ небольшой, изящно изданной, книжечкѣ четыре очерка и три якутскихъ преданія. Изъ очерковъ лучшій по обработкѣ и интересу «Хайлакъ». «Хайлаками» зовутъ якуты русскихъ уголовныхъ ссыльныхъ, которыхъ за особенно тяжкія преступленія высылаютъ изъ другихъ мѣстностей Сибири въ Якутскую область, гдѣ они разсылаются администраціей по улусамъ. По словамъ г. Діонео, посвятившаго «хайлакамъ» нѣсколько прочувствованныхъ страничекъ, въ Якутскую область попадаютъ подонки острога, самые закоренѣлые преступники, которые буквально губятъ якутовъ совершенно безнаказанно. «Хайлакъ», разъ сюда попавшій, знаетъ, что уйти ему некуда, что для него все кончено. Самый прыткій бродяга знаетъ, что полярную тундру человѣку не пройти. Къ запасу озлобленности арестанта прибавляется еще «мрачное отчаяніе», что и проявляется въ невѣроятныхъ поступкахъ «хайлаковъ» до отношенію къ якутамъ. «Странное дѣло,—замѣчаетъ г. Діонео,—желаютъ наказать преступника, а между тѣмъ жестоко наказываютъ ни въ чемъ неповинныхъ людей—якутовъ», которымъ навязываютъ нѣсколько тысячъ озвѣрѣвшихъ людей, потерявшихъ все человѣческое. По даннымъ за 1889 г., «хайлацкая армія, лежащая на плечахъ якутовъ, состоитъ изъ 4.703 человѣкъ», которыхъ якуты обязаны содержать, хотя бы сами умирали съ голоду, что здѣсь такъ часто бываетъ.

Можно представить, какія выработываются отношенія между озлобленными «хайлаками» и забитыми, приниженными якутами, и какія драмы разыгрываются подчасъ въ улусахъ, куда свѣтъ правды *никогда* не достигаетъ. Одну изъ такихъ драмъ раскрываетъ г. Сѣрошевскій въ своемъ разсказѣ, который, благодаря художественности изображенія, производитъ глубокое, подавляющее впечатлѣніе. На фонѣ меланхолической природы короткаго сѣвернаго лѣта, нарисованной авторомъ мягкими, нѣжными тонами, выступаетъ якутская идиллія, внезапно превращенная въ дикую драму «хайлакомъ», вторгшимся въ эту мирную жизнь, какъ неизбывный рокъ. Эпически-спокойный тонъ разсказа, умѣніе автора оставаться объективнымъ до мелочей, дѣлаютъ «хайлака» вполнѣ законченнымъ, художественнымъ образомъ. Остальные очерки, написанные не менѣе живо и талантливо, имѣютъ болѣе этнографическій характеръ. Для русской публики г. Сѣрошевскій

*

является новичкомъ, но въ польской литературѣ онъ уже пользуется заслуженной извѣстностью. Самое большое его произведеніе «На окраинахъ лѣсовъ» въ настоящее время переводится самимъ авторомъ на русскій языкъ и появится въ ближайшихъ книжкахъ «Русскаго Богатства». Проведя болѣе десяти лѣтъ въ Якутской области, прекрасно изучивъ языкъ и нравы якутовъ, г. Сѣрошевскій, кромѣ того, замѣчательный этнографъ, и его большая этнографическая работа удостоена золотой медали русскимъ географическимъ обществомъ. Можно сказать, такіе изслѣдователи Якутской области, какъ гг. Короленко, Діонео, Сѣрошевскій и неизвѣстный авторъ разсказа «Подъ утесомъ», какъ бы вторично открыли эту страну изумленному русскому обществу, и съ большей для нея пользой, чѣмъ ихъ предшественники, смѣлые авантюристы семнадцатаго вѣка.

Діонео. На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Спб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Цѣна 1 руб. 25 коп. — Небольшая книжка г. Діонео даетъ рядъ живыхъ, талантливо и мѣстами художественно написанныхъ, очерковъ изъ жизни Колымскаго края, о которомъ большинство нашихъ читателей имѣютъ лишь смутное представленіе. По шутливому замѣчанію автора, эта страна «далеко отстоитъ отовсюду, вопреки увѣренію Герцена, что нѣтъ мѣста, которое бы не было откуда-нибудь близко». Занимая площадь, въ нѣсколько разъ больше Франціи, съ населеніемъ—1 человѣкъ на сто квадратныхъ верстъ, Колымскій край—огромная, мертвая пустыня, изрѣзанная горами, поросшими низкимъ лѣсомъ, тайгой, почти непроходимой. Десять мѣсяцевъ въ году край скованъ холодомъ, достигающимъ 62° ниже нуля. Почва промерзла на глубину больше 100 саженъ и оттаиваетъ лѣтомъ вершковъ на шесть. Здѣсь нѣтъ ни земледѣлія, ни скотоводства, и большинство жителей ведетъ жизнь настоящихъ троглодитовъ,—жизнь, которая, по словамъ барона Врангеля, «есть лишь горестное бореніе со всѣми ужасами холода и голода, съ недостаткомъ первыхъ, самыхъ обыкновенныхъ, потребностей и наслажденій». Въ концѣ XIX вѣка здѣсь люди «не знаютъ хлѣба, вынуждены обходиться безъ соли, добываютъ огонь первобытнымъ способомъ, треніемъ, не знаютъ употребленія мыла, обходятся безъ бѣлья, надѣвая мѣховую одежду прямо на голое тѣло».

И такъ живутъ не только дикари, но и русскіе, въ сущности ничѣмъ не отличающіеся отъ нихъ. Потомки смѣлыхъ и энергичныхъ промышленниковъ, открывшихъ Колымскій край во второй половинѣ семнадцатаго вѣка, русскіе теперь выродились, измельчали и быстро вымираютъ. Ютятся они въ трехъ «городахъ» по берегамъ р. Колыма: Верхне-Колымскѣ, Средне-Колымскѣ и Нижне-Колымскѣ, или, какъ ихъ здѣсь называютъ, «Верхно, Средно и Нижно». Слово «городъ» слѣдуетъ понимать лишь условно: въ Верхне-Колымскѣ—*девять* жителей. «Здѣсь оффиціально числится русское мѣщанское общество, но его давнымъ-давно нѣтъ уже: это *общество* совсѣмъ одичало и ушло въ «ламуты», т. е. какъ и эти дикари, бродятъ съ оленями въ гольцахъ» (стр. 13).

«Средне», центръ края, нѣсколько больше и въ немъ сосредоточивается мѣстное управленіе. До ближайшаго культурнаго мѣста—Якутска—больше трехъ тысячъ верстъ ужасающей дороги, верхомъ, по горамъ, болотамъ, или на собакахъ по тундрѣ. Авторъ чуть не погибъ во время этого пути, продолжавшагося больше мѣсяца.

Когда-то край населяли многочисленныя племена, «и на берегахъ Колыма,—говоритъ легенда,—было огней болѣе, чѣмъ звѣздъ на ясномъ небѣ». Но пришли русскіе и принесли съ собой три бича: оспу, водку и уголовную ссылку. Началось быстрое вымираніе, цѣлыя племена исчезали, не оставивъ никакого слѣда. Въ поселеніи Сухарномъ, у устья Колымы, авторъ встрѣтилъ *послѣдняго* представителя чуванскаго племени, жившаго на Большой рѣкѣ, а въ 1889 г. въ «Нижно» явилась дѣвушка-чукчанка съ цѣлымъ табуномъ оленей, которая принадлежала къ клану чукчей, кочевавшему въ горахъ Тасъ-Хаята и вымершему отъ оспы. Смертность въ краѣ превышаетъ рождаемость втрое, и лѣтъ черезъ 50, по мнѣнію автора, если ничто не измѣнится, край превратится въ пустыню, напоминая ужасную картину, нарисованную Байрономъ въ его поэмѣ «Тьма»: «безъ перемѣнъ года, безъ растительности, безъ людей, безъ жизни—добыча смерти».

Проживъ здѣсь въ условіяхъ троглодита больше четырехъ лѣтъ, г. Діонео настолько отвыкъ отъ культуры, что даже примитивная культурная обстановка Якутска (по мѣстному «Якучко») дѣйствовали на него потомъ удручающимъ образомъ. А настоящіе, природные колымчане, никогда не видавшіе свѣта Божьяго, попавъ въ Якутскъ, теряются, какъ дѣти, и первое время приходится тщательно слѣдить за ними, чтобы они... не объѣлись хлѣбомъ.

Таковъ этотъ отдаленнѣйшій уголокъ Сибири, къ которому вполнѣ примѣнимы слова Данте: «здѣсь солнце молчитъ и звуки не грѣютъ».

Сочиненія Шелли, пер. съ англ. К. Д. Бальмонта. Вып. 2, Спб. 1893 г. Ц. 50 коп. и вып. 3. Спб. 1895 года. Ц. 50 коп. Еще въ 1893 г., въ № 4 нашего журнала, привѣтствовали мы появленіе *перваго* выпуска стихотвореній этого великаго поэта, современника и друга Байрона, причемъ, даны были какъ біографическія данныя о Шелли, такъ и сравнительная общая характеристика обоихъ писателей, изъ которыхъ у Байрона «громче звучали струны ненависти, а у Шелли струны любви». Въ концѣ рецензіи выражалась надежда, что за первымъ выпускомъ, содержащимъ только немногія, менѣе значительныя, стихотворенія, скоро послѣдуютъ и другіе, которые все полнѣе и полнѣе будутъ знакомить съ меланхолической, проникнутой пантеизмомъ, задушевной музой такъ безвременно погибшаго юнаго пѣвца. Надежды наши оправдались. Въ томъ же 1893 г., вслѣдъ за первымъ выпускомъ, вышедшимъ вскорѣ уже вторымъ изданіемъ, появился и второй. Кромѣ десяти пьесъ лирическихъ, въ немъ помѣщенъ прозаическій отрывокъ «*О любви*» и большая поэма «*Аласторъ или духъ уединенія*».

Съ тою же образностью, такъ же музыкально и задушевно переданы талантливымъ переводчикомъ, горячимъ поклонникомъ поэта, съ которымъ у него много общаго. и эти произведенія Шелли, между которыми особенно хороши: *Ночь*, *Свобода*, *Царицѣ моего сердца*, прелестнѣйшая пѣсенка — *О Мери, мой сердечный другъ*, *и Стансы*, проникнутые горячею любовью къ жизни.

*Аластор*ъ — греческій мстительный демонъ, изгонявшій свои жертвы въ пустыню; это—символъ возмездія, неизбѣжно постигающаго души тѣхъ, кто, потерявъ сердечную, любовную, связь съ людьми и вселенной, остаются въ мірѣ одинокими эгоистами. «Любовь,—говоритъ Шелли въ поясняющей поэму статейкѣ *О любви*,—это единственное священное звено, связующее не только съ человѣкомъ, но и со всѣмъ, что есть въ мірѣ». «Для сердца любовь—необходимость, почему, напр., въ уединеніи, или въ состояніи осиротѣломъ, когда мы окружены людьми, не связанными съ нами симпатіей, мы любимъ цвѣты, зеленую траву, воды и небо. И какъ скоро потребность любить, изсякла въ сердцѣ, человѣкъ обращаетъ въ живую гробницу самого себя, и то, что остается отъ него, есть не болѣе, какъ скорлупа». Эта-то великая мысль о силѣ міровой любви, какъ главномъ источникѣ счастья и самаго бытія, и положена въ основаніе чудесной и своеобразной поэмы, прекрасно переведенной и особенно заслуживающей вниманія какъ по гуманнѣйшей идеѣ, такъ и дивной прелести отдѣльныхъ образовъ и картинъ. Юноша, отличающійся чистотой чувствъ, геніальными способностями, пылкою фантазіей, красотой,—словомъ,—всѣми дарами творческой природы, высокомѣрно отвергаетъ естественно обращающіяся къ нему симпатіи, дружбу и любовь прекраснѣйшей женщины, и стремится къ какому-то недостижимому видѣнію, созданному его болѣзненной фантазіей. Напрасно отыскивая въ дѣйствительной жизни живого реальнаго воплощенія своего вымысла, одинокій, разбитый, разочарованный, сходитъ онъ безвременно въ могилу. «Среди людей, пытающихся жить безъ человѣческихъ симпатій,—говоритъ поэтъ,—гибнетъ чистое, нѣжное сердце, когда, въ страстной жаждѣ сочувствія, оно внезапно поймётъ свое изолированное положеніе. Всѣ тѣ, что остаются слѣпы, себялюбивы, безсердечны, создаютъ на землѣ, своимъ безсмысленнымъ множествомъ, постоянное горе,—создаютъ одиночество, любовь къ уединенію. Тѣ, которые не любятъ своихъ ближнихъ, живутъ жизнью безплодной и уготовляютъ себѣ жалкую, хотя бы и глубокую старость». Надъ юношей, пораженнымъ Аластором, ·

изъ людей никто
Съ любовью не воздвигнулъ холмъ могильный,
Надъ прахомъ охладѣвшимъ только вѣтеръ,
Какъ будто очарованный, промчался
Надъ дикою безлюдною пустыней,
И мертвые, осенніе листы
Нагромоздилъ, какъ холмъ пирамидальный:—
То былъ прекрасный юноша, достойный
Любви горячей, но ничья слеза
Надъ нимъ не пролилась,—близь одинокой
Могилы, гдѣ заснулъ онъ вѣчнымъ сномъ,
Ни траурныхъ цвѣтовъ. ни кипариса

Не посадила женская рука:—
Ни одного изъ странствующихъ бардовъ
Его безвѣстный рокъ не побудилъ
Почтить страдальца вздохомъ мелодичнымъ:
Великодушный, смѣлый, благородный,
Онъ умеръ въ одиночествѣ, какъ жилъ.

Въ третьемъ выпускѣ, недавно вышедшемъ черезъ полтора года послѣ втораго, помѣщены двадцать одно стихотвореніе. Особенно хороши: *Островокъ*, маленькая поэма *Пѣснь къ Западному вѣтру*, *Мечты въ одиночествѣ*, *Къ Вордсворту*, *Строки*, *Индѣйская мелодія*, *Слишкомъ часто завѣтное слово людьми осквернялось*—и очень музыкальное и сильное *Бѣлецы*. Къ выпуску приложена публичная лекція *Шелли и Байронъ*, читанная переводчикомъ въ январѣ 1894 г., въ Москвѣ, въ аудиторіи Историческаго музея, дающая ясное понятіе какъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ поэтовъ, такъ и объ особенностяхъ каждаго. Нельзя не пожелать возможно скораго появленія дальнѣйшихъ выпусковъ, такъ какъ полный переводъ Шелли, особенно такой прекрасный, какъ Г. Бальмонта,—весьма цѣнный вкладъ въ нашу литературу. Читателей, желающихъ ознакомиться съ характеромъ и значеніемъ Шелли подробнѣе, отсылаемъ къ книгѣ Брандеса *Главныя теченія литературы XIX вѣка, пер. Невѣдомскаго. Англійская литература. М. 1893 г., стр. 220—262.*

КРИТИКА, ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ПУБЛИЦИСТИКА.

«Сочиненія А. М. Скабичевскаго».—«Journal intime de Benjamin Constant».—*Эмихенъ.* «Греческій и римскій театръ». — «Письма къ учащейся молодежи». *Н. Карѣева.—Его же.* «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія».—«Воспитаніе воли». *Ж. Пэйо.*—«Не по торному пути». *А. Мертваго.*

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. Въ двухъ томахъ, съ портретомъ автора. Изд. 2-е 1895 г. Ц. 3 р. Годъ съ небольшимъ назадъ, когда общество чествовало тридцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. М. Скабичевскаго, уважаемый юбиляръ, скромно отклоняя эти чествованія, заявилъ, что приписываетъ ихъ не себѣ, не своимъ заслугамъ, а тѣмъ идеямъ, которымъ служилъ такъ долго, вѣрно и неизмѣнно. *Второе* изданіе его критическихъ работъ свидѣтельствуетъ лучше всего, что почтенный критикъ былъ правъ, что дорогія ему идеи по достоинству оцѣнены читателями, и интересъ къ нимъ не ослабѣваетъ. Многое, положимъ, измѣнилось, съ тѣхъ поръ, когда были написаны его горячія, прочувствованныя статьи, онѣ уже утратили свой злободневный характеръ, но что и тогда придавало имъ особую привлекательность въ глазахъ читателей, то и теперь сохранилось въ неприкосновенномъ видѣ: проникающая ихъ широта воззрѣній, глубокая гуманность, незыблемая вѣра въ силы русскаго народа, въ прогрессъ и ростъ общественнаго развитія. Время какъ бы очистило ихъ, стеревъ и затушевавъ въ нихъ интересъ дня и выдвинувъ общую, неизмѣнную основу.

Въ этихъ двухъ томахъ убористой печати въ два столбца

предъ читателемъ постепенно развертывается исторія критической мысли за послѣднюю четверть вѣка, съ 1868 по 1894 годъ. Въ этомъ отношеніи «критическіе этюды и очерки» служатъ непосредственнымъ дополненіемъ другого труда того же автора: «Исторія новѣйшей русской литературы, 1848—1890 гг.». Оба труда, въ связи другъ съ другомъ, даютъ полную картину развитія родной литературы послѣ Пушкина и до нашихъ дней, и могутъ быть рекомендуемы, какъ лучшій и единственный по полнотѣ источникъ.

Что касается содержанія «критическихъ этюдовъ и очерковъ», то статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Въ первый томъ вошли очерки по 1873 г., изъ которыхъ особый интересъ имѣетъ большой очеркъ «Сорокъ лѣтъ русской критики», не потерявшій своего значенія и теперь. Остальныя статьи любопытны для современнаго читателя, какъ живые отголоски волновавшихъ нѣкогда общество споровъ по вопросамъ искусства и критики. Мы многое позабыли и мало чему научились съ тѣхъ поръ, и ознакомленіе съ литературными направленіями прошлаго далеко не лишне теперь, когда вновь поднимаются старые вопросы, и провозглашаются истины, давно уже открытыя и высказанныя съ несравненно большей убѣдительностью и талантомъ. Въ этомъ отношеніи особенно поучительны статьи: «Прудонъ объ искусствѣ и сатурналіи нашихъ эстетиковъ», «Живая струя (вопросъ о народности въ литературѣ)», «Чего нужно добиваться реальному поэту», «Волны русскаго прогресса».

Во второмъ томѣ лучшія статьи—«Бесѣды о русской словесности», литературныя характеристики Некрасова, Левитова и Гл. Успенскаго, а также «Мысли и замѣтки по поводу нравственно-философскихъ идей гр. Толстого». Великому художнику почтенный критикъ посвящалъ не мало вниманія, и его статьи очень полезны для выясненія творческой дѣятельности Л. Н. Толстого. Имъ разобраны всѣ лучшія произведенія графа, причемъ критикъ проявилъ замѣчательную проницательность. Еще въ 1872 г., въ статьѣ «Л. Н. Толстой—какъ художникъ и мыслитель», А. М. Скабичевскій, подчеркнувъ мистическую подкладку многихъ разсужденій графа, замѣчаетъ въ концѣ: «Признаемся откровенно, намъ страшно за гр. Толстого. Мы боимся, что одинъ изъ самыхъ могучихъ, свѣтлыхъ и симпатичныхъ талантовъ настоящаго времени погибнетъ такъ же ужасно, какъ погибъ талантъ Гоголя. Очень можетъ быть, что такъ и будетъ. Не впервые намъ приходится оплакивать подобный печальный исходъ нашихъ талантовъ, причемъ замѣчательно, что къ нему приходятъ обыкновенно наиболѣе сильныя и свѣтлыя дарованія». Спустя десять лѣтъ это предсказаніе въ значительной степени сбылось... Приводимъ его, какъ примѣръ той мѣткости характеристикъ и вѣрности взглядовъ, которымъ отличаются многія статьи почтеннаго критика.

Къ статьямъ послѣдняго времени относятся: «Кое-что изъ моихъ личныхъ воспоминаній», «Есть ли у Чехова идеалы?» и «Замѣтки о текущей литературѣ». Въ первой изъ нихъ очень любопытны воспоминанія автора о личномъ знакомствѣ съ Писаревымъ и Некрасовымъ и основанная на этомъ знакомствѣ ихъ характеристика.

Journal intime de Benjamin Constant. Paris 1895. *(Дневникъ Бенжамена Констана).* Въ политической и литературной исторіи Западной Европы есть личности, къ которымъ современные изслѣдователи возвращаются все чаще и съ возростающимъ интересомъ, не смотря на существующія уже многочисленныя изслѣдованія. Къ числу такихъ счастливцевъ принадлежитъ Бенжаменъ Констанъ. До послѣдняго времени это имя обыкновенно упоминалось рядомъ съ именемъ г-жи Сталь, и, рядомъ съ блестящей личностью и по истинѣ романической жизнью знаменитой писательницы, Констанъ, какъ человѣкъ и какъ дѣятель, производилъ сравнительно блѣдное впечатлѣніе. Любопытнѣйшей главой въ его біографіи считались его отношенія къ геніальной дочери Неккера. Такъ продолжалось до восьмидесятыхъ годовъ, когда наполеоновская эпоха стала возбуждать особенное вниманіе—именно своими психологическими, интимными чертами. Тогда вопросъ о Констанѣ выступилъ на первый планъ и занялъ въ литературѣ почти такое же мѣсто, какъ и наполеоновская легенда.

И это положеніе вполнѣ заслуженное, оно до послѣднихъ дней оправдывается громаднымъ интересомъ всей личности и дѣятельности автора *Адольфа* *). Когда, нѣсколько времени тому назадъ, появился *Дневникъ* Констана, главнѣйшіе органы французской печати поспѣшили познакомить публику съ его содержаніемъ. Дѣйствительно, предъ читателями была книга, переносившая ихъ къ далекимъ временамъ *исповѣди* Руссо: съ такой искренностью и психологической проницательностью авторъ разсказывалъ о себѣ, объяснялъ сокровеннѣйшія думы и чувства, возникавшія у него подъ вліяніемъ историческихъ событій и фактовъ будничной жизни, на каждой страницѣ разсыпалъ мѣткія характеристики своихъ современниковъ. Онъ, кромѣ того, бросалъ яркій свѣтъ на центральный вопросъ своей необыкновенно пестрой біографіи,—на романъ съ г-жей Сталь.

Констанъ былъ одаренъ отъ природы блестящими способностями, въ десять лѣтъ онъ производилъ впечатлѣніе скорѣе глубокомысленнаго студента, чѣмъ только-что начинающаго свое ученіе школьника: до такой степени разумны и тонки его замѣчанія на счетъ людей и окружающей жизни. Но этимъ талантамъ, развивавшимся съ поразительной быстротой, не суждено было осуществиться ни въ широкой общественной дѣятельности, ни въ безсмертнымъ литературныхъ произведеніяхъ. Констанъ самъ постоянно указываетъ на это трагическое противорѣчіе, отравлявшее его жизнь до самаго конца.

Чѣмъ же объясняется неудача?

Авторъ *Дневника* имѣлъ несчастіе явиться въ эпоху, менѣе всего благопріятную для личной оригинальности и возвышенныхъ идейныхъ стремленій. Констана окружало общество реакціи, состоявшее, какъ всегда, изъ разныхъ поколѣній. Старшее, пережившее революцію и, слѣдовательно, испытавшее великія разоча-

*) Прекрасный романъ этотъ, характеризующій интеллигентные типы первой четверти XIX вѣка, изданъ въ 1894 г. съ портретомъ, біографіей и предисл. князя П. Вяземскаго; см. «Моя библіотека» М. М. Медерле, ц. 40 к.

рованія въ просвѣтительныхъ задачахъ философскаго вѣка,—радо было какому бы то ни было общественному порядку, будь это даже казарменный режимъ Наполеона. Дѣти этого поколѣнія отчасти были воспитаны наполеоновскимъ режимомъ; для нихъ были смѣшны и непонятны мечтатели прошлаго, ихъ «разумъ» казался имъ самообольщеніемъ резонеровъ и скептиковъ, не понимавшихъ настоящей исторической философіи. Это было поколѣніе безцвѣтное, безличное, сильное своей, такъ называемой, практической мудростью и здравымъ смысломъ. А это такого рода свойства, рядомъ съ которыми даже сильныя натуры проникаются чувствомъ усталости и отвращенія къ дѣйствительности.

Констанъ не былъ сильной натурой. Для дѣятельности ему требовалось внѣшнее поощреніе, сочувствіе людей близкихъ и единомышленныхъ. Онъ могъ одерживать блистательныя побѣды на всѣхъ поприщахъ политики и литературы, но съ однимъ условіемъ, чтобы надъ нимъ бордствовалъ «добрый геній», олицетворяющій совѣсть и вдохновеніе. Въ лучшія времена такимъ «добрымъ геніемъ» является духъ самого общества, бодрое настроеніе общественной жизни. Оно захватываетъ даже людей равнодушныхъ и безразличныхъ, а для личностей, лишенныхъ иниціативы, служитъ въ полномъ смыслѣ музой-руководительницей. Но такого настроенія не было въ теченіи десятковъ лѣтъ, слѣдовавшимъ за революціей. Во всей литературѣ нашелся лишь одинъ писатель, достаточно сильный личною волей и культурными надеждами, чтобы протестовать противъ боговъ современнаго рабства и равнодушія. И этимъ писателемъ—была г-жа Сталь.

Констанъ превосходно понималъ французское общество первой имперіи, чувствовалъ на себѣ его тлетворное вліяніе и, естественно, его *Дневникъ* переполненъ негодованіемъ и презрѣніемъ къ современнымъ французамъ. Болѣе жестокой характеристики трудно представить. Въ его глазахъ французская нація лишена рѣшительно всякихъ задатковъ для серьезной умственной работы и правильнаго политическаго развитія. Послѣ разговоровъ съ французами на болѣе или менѣе серьезныя темы, Констанъ чувствуетъ какую-то нравственную тошноту: до такой степени тягостно ему выносить французскую риторику, національную самонадѣянность и безшабашную бойкость при рѣшеніи какихъ угодно вопросовъ. Мы постоянно послѣ этихъ сценъ слышимъ отъ Констана тоскливое желаніе одиночества. Онъ бѣжитъ изъ салоновъ свѣтскихъ дамъ и остроумныхъ кавалеровъ, находя «умныхъ дамъ» — чѣмъ-то вродѣ олицетворенія «безцѣльнаго движенія» (mouvement sans but), а у салонныхъ острослововъ видя «почти столько же монотонности въ разговорахъ, сколько у обыкновенныхъ глупцовъ» (*Journal intime*, pp. 7, 85). Констану невыразимо тяжка и ненавистна банальность свѣтскаго общества, хотя онъ имѣетъ здѣсь блестящій успѣхъ. Этимъ объясняется, почему вся жизнь его проходитъ въ мимолетныхъ вспышкахъ. По временамъ ему кажется, онъ встрѣтилъ оригинальную личность, женщину, не похожую на другихъ, но это только—впечатлѣнія, приподнятыя вѣчной жаждой глубокаго сердечнаго чувства. Они разлетаются такъ же быстро, какъ и возникаютъ.

Г-жа Сталь — единственный человѣкъ, заполонившій всецѣло душу Констана. Это — интереснѣйшій эпизодъ въ исторіи французской литературы, своего рода цѣлая психологическая задача. Въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ Констанъ чувствуетъ надъ собой громадную нравственную силу женщины, почти деспотической въ личныхъ отношеніяхъ, часто прихотливой и необыкновенно страстной въ минуты обиды и гнѣва. Бѣдный герой не можетъ не признавать надъ собой ея превосходства — «во всѣхъ отношеніяхъ», по его неоднократному признанію, и въ то же время изнываетъ подъ гнетомъ одной изъ самыхъ нетерпимыхъ властей въ мірѣ, — власти любящей, но избалованной всеобщимъ преклоненіемъ—женщины. *Дневникъ* даетъ богатѣйшій матеріалъ для характеристики героя и героини этой оригинальной романической драмы. Только другая сильная страсть спасла Констана отъ его владычицы, и Констанъ съ обычной откровенностью разсказалъ и объ этомъ, не менѣе злосчастномъ, приключеніи своей жизни. Это было уже въ эпоху реставраціи, и героиней явилась женщина, отнюдь не похожая на г-жу Сталь духовными дарованіями, но обладавшая весьма простой, и въ то же время вѣрной, тайной очаровывать сердца:—пользуясь внѣшней красотой, не останавливаться ни предъ какимъ кокетствомъ ради побѣды и лично сохранять полнѣйшее равнодушіе и холодъ чувства. Такова была г-жа Рекамье, другая фатальная героиня Констана.

Въ исторіи нѣтъ примѣра, чтобы несчастный влюбленный, попавшій въ сѣти сирены, съ такой откровенностью разсказывалъ о своихъ униженіяхъ, какъ нашъ авторъ *Дневника*. По его замѣткамъ искусный художникъ можетъ написать настоящій психологическій романъ, изобразить, какъ часто проницательный умъ, многообразная жизненная опытность, блистательная популярность и свѣтскіе успѣхи,—все склоняется во прахъ предъ холодной женской красотой. Г-жа Рекамье могла гордиться, что у нея не было поклонника, который бы съ большимъ умомъ и краснорѣчіемъ засвидѣтельствовалъ сказачную власть ея чаръ.

Констанъ и теперь, какъ и всегда, превосходно понималъ предметъ своего увлеченія. Его бѣглыя замѣтки о г-жѣ Рекамье стоятъ цѣлыхъ трактатовъ, посвященныхъ этой волшебницѣ. Но никакое пониманіе не спасало страдальца отъ сѣтей,—спасли его «сто дней» Наполеона, эпоха, бросившая его въ круговоротъ политики. Констанъ немедленно записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, что члену государственнаго совѣта зазорно думать о любви. И онъ сдержалъ свое слово, всѣми силами души отдался созданію новаго государственнаго строя, твердо вѣруя въ искреннія стремленія много перетерпѣвшаго Бонапарта къ политической свободѣ Франціи. «Сто дней» окончились полнымъ развѣнчаніемъ цезаря,—Констанъ долженъ былъ на время уйти съ политическаго поприща,—но эти дни ясно показали, что въ натурѣ Констана заключался и болѣе достойный матеріалъ, чѣмъ мечты и муки влюбленнаго. Злосчастное время не дало развиться этимъ задаткамъ, толкало нерѣдко Констана на ложные пути дѣятельности или, по цѣлымъ годамъ держало его въ состояніи безсильнаго гнѣва на личное

безсиліе. Вообще, жизнь Констана одинъ изъ поучительнѣйшихъ историческихъ уроковъ, и его «Записки» должны считаться едва ли не драгоцѣннѣйшихъ матеріаломъ для общественной психологіи начала нашего вѣка.

Эмихенъ. Греческій и римскій театръ. Съ 23 рис. сценическихъ древностей. Переводъ А. Семенова. Вопросъ объ античномъ театрѣ долженъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ изученіи литературы и вообще художественнаго творчества. Эллинскіе писатели оставили безсмертные образцы драматическихъ произведеній, а эллинская сцена играла громадную общественную и политическую роль. Очевидно, знакомство съ трагедіями Эсхила, Софокла, Эврипида, съ комедіями Аристофана и съ ихъ исторіей на сценѣ прямымъ путемъ вводитъ насъ въ нравственный міръ античнаго эллина, какъ художника и гражданина. Цѣль эта достигается преимущественно популярными работами по исторіи греческаго искусства. Подобныя работы почти отсутствуютъ въ русской литературѣ, и переводы иностранныхъ сочиненій являются безусловно настоятельными. При этихъ переводахъ должно быть соблюдено одно условіе: доступное заграничному читателю, далеко не всегда доступно у насъ всякому, ищущему историческихъ и культурныхъ свѣдѣній безъ помощи школы. Въ виду этого, переводы слѣдуетъ снабжать разъясненіями мало популярныхъ вопросовъ, часто едва затрогиваемыхъ иностраннымъ авторомъ, и вообще на русскомъ языкѣ предлагать книгу, которая бы не потребовала обширныхъ справокъ со стороны. Это замѣчаніе прежде всего вызывается переводомъ сочиненія Эмихена. Содержаніе его въ общемъ легко можетъ быть усвоено всякимъ заурядnымъ читателемъ, но нѣкоторые пункты неминуемо вызовутъ недоумѣніе. Переводчикъ, напримѣръ, оставляетъ безъ объясненія нѣкоторыя греческія названія принадлежностей древнихъ сценическихъ представленій, допускаетъ такія, напримѣръ, выраженія — «въ началѣ VII ст. города». Многіе читатели съ трудомъ догадаются, что это значитъ въ VII вѣкѣ отъ основанія Рима.

Помимо этихъ частностей, книга Эмихена — полезное пособіе для изученія греческаго театра. Написана она довольно сухо, но сухость выкупается обиліемъ свѣдѣній. Ни одинъ вопросъ, касающійся спектаклей въ Греціи и Римѣ, не опущенъ. Можно только пожалѣть, что нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ представлены въ слишкомъ краткой формѣ. Напримѣръ, сообщаются интересныя и важныя свѣдѣнія о древнихъ актерахъ—римскихъ и греческихъ, о публикѣ, и сообщенія ограничиваются отрывочными указаніями на существенные факты въ этой области. А между тѣмъ, современный читатель могъ бы почерпнуть здѣсь не мало любопытныхъ историческихъ соображеній.

Напримѣръ, поучительно сравнить отношеніе древнихъ эллиновъ къ театру и его дѣятелямъ съ воззрѣніями новой европейской публики на тѣ же предметы. Для эллина театръ былъ храмъ, спектакль—священнодѣйствіе, артистъ—жрецъ, авторъ — общественный или политическій дѣятель. Въ виду этого положеніе актеровъ вполнѣ достойно ихъ роли въ государственной жизни: они часто

прямо призываются къ исполненію высокихъ политическихъ обязанностей, являются послами, ораторами. Даровитѣйшихъ авторовъ аѳиняне награждаютъ высшими почестями, какія только знаетъ ихъ республика, и, что особенно характерно, закономъ ограждается неприкосновенность и чистота текста ихъ пьесъ. Такъ, напримѣръ, былъ изданъ законъ, запрещавшій во время спектаклей дѣлать какія бы то ни было измѣненія въ трагедіяхъ трехъ великихъ трагиковъ.

Такое высокое уваженіе къ дѣйствительнымъ талантамъ не мѣшало аѳинской публикѣ совершать, по истинѣ, жестокія возмездія надъ бездарностью, и даже просто случайными ошибками. Для актеровъ во время спектакля вопросъ шелъ въ буквальномъ смыслѣ о томъ, *быть или не быть*. Демосѳенъ прямо выражается, что актеры, играя предъ аѳинской публикой, боролись за жизнь свою. Онъ разсказываетъ, какъ одинъ изъ этихъ несчастныхъ едва остался живъ, выброшенный изъ театра и страшно избитый. Бывали случаи, когда на сцену сыпался настоящій каменный дождь. Публика бросалась на актеровъ, срывала съ нихъ маски. Прогнавъ одного, публика требовала на его мѣсто другого. Поэту, автору разыгрываемой пьесы, тоже далеко не всегда предстояли лавры. Рѣшеніе оффиціальныхъ судей конкурса для аѳинской публики не имѣло никакого значенія. Она свободно заставляла отдать первую награду автору той пьесы, какая ей болѣе всего нравилась. Случалось, и самого поэта вмѣстѣ съ актерами выгоняли изъ театра. Въ такихъ необузданныхъ формахъ проявлялось негодованіе самодержавнаго народа.

За то и овація были такъ же безграничны, какъ и негодованіе. Въ минуты восторга плащи летѣли на сцену. Понравившагося актера забрасывали одеждой, устилали его дорогу домой, съ овоціями и музыкой вводили въ самый домъ...

Въ книгѣ Эмихена, къ сожалѣнію, подобные факты не нашли мѣста. Чуткость и впечатлительность аѳинской публики—величайшая сила и въ политической жизни даровитаго народа. Эмихенъ посвящаетъ зрителямъ небольшой параграфъ (стр. 226 — 7). Но изъ его сообщеній видно, чего стоило играть предъ аѳинянами. Одинъ актеръ, напримѣръ, въ роли Ореста произносилъ одинъ только звукъ съ протяжнымъ удареніемъ—и уже публика поднимала его на смѣхъ. Весьма важна глава о сценической мимикѣ античныхъ эллиновъ: прирожденный художникъ и трибунъ, грекъ умѣлъ въ моменты сильнѣйшихъ душевныхъ движеній сохранять пластическую красоту движеній, въ потрясающихъ сценахъ трагедій являть картины поразительной красоты и гармоніи. Отъ этой красоты, можетъ быть, подчасъ вѣяло холодомъ, но для грека величіе и священная внушительность трагическаго спектакля были главными условіями художественнаго наслажденія.

Н. Карѣевъ «Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи». Изданіе 3-е. 1895 г. Спб. Ц. 50 к.—Его же «Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія». Изданіе 1-е. 1895 г. Ц. 50 к. *). Третье изданіе

*) Доходъ съ обоихъ изданій назначенъ авторомъ въ пользу Об-ва доставленія средствъ Высшимъ Женскимъ Курсамъ въ Петербургѣ.

«Писемъ» г. Карѣева указываетъ не только на вполнѣ заслуженный успѣхъ, какой они имѣютъ среди учащейся молодежи, но и на возрастающее стремленіе въ знанію, замѣчаемое теперь во всѣхъ слояхъ общества. Напомнимъ небывалый успѣхъ, какой имѣли «Программы коммиссіи помощи домашнему чтенію», разошедшіяся въ теченіе одного мѣсяца въ 4.800 экземплярахъ. «Письма» предназначены преимущественно для учащейся молодежи, которой авторъ желаетъ внушить мысль, что «никакое преподаваніе, помимо самостоятельнаго чтенія, не можетъ дать всего, что нужно знать и понимать образованному человѣку». Въ дальнѣйшемъ изложеніи автора выясняется, что слѣдуетъ понимать подъ истиннымъ образованіемъ, и какъ оно можетъ быть достигнуто. Ставя цѣлью самообразованія—выработку опредѣленнаго міросозерцанія, авторъ разбираетъ значеніе различныхъ наукъ и выдвигаетъ науки гуманитарныя (исторію и философію), какъ главную, по его мнѣнію, основу для такой выработки. Въ «Бесѣдахъ», служащихъ прямымъ дополненіемъ и непосредственнымъ развитіемъ «Писемъ», онъ излагаетъ главные вопросы научнаго и этическаго міросозерцанія, съ указаніемъ на общедоступныя сочиненія, заключающія въ себѣ отвѣты на эти вопросы. Въ концѣ книги приложенъ краткій указатель этихъ сочиненій, въ первую часть котораго—«Теоретическое чтеніе»—вошли сочиненія по философіи, біологіи, психологіи и наукамъ соціальнымъ (политическая экономія и право), а во вторую—«Историческое чтеніе»—вошли книги по всеобщей и русской исторіи. Какъ спеціалистъ—историкъ, авторъ и въ «бесѣдахъ» отстаиваетъ образованіе гуманитарное и историческое преимущественно. Можно, конечно, не соглашаться съ такой точкой зрѣнія, которая, въ особенности для русской молодежи, намъ кажется не отвѣчающей истиннымъ потребностямъ развитія, такъ какъ все наше школьное образованіе цѣликомъ исключаетъ всѣ естественныя науки, и ознакомленіе съ ними—необходимость чего признаетъ и авторъ—возможно только путемъ самостоятельнаго чтенія. Но, тѣмъ не менѣе, вопросы, затрогиваемые авторомъ, глубоко интересны и важны, и книги его, какъ «Письма», такъ и «Бесѣды», заслуживаютъ полнаго вниманія читателей. Для однихъ они послужатъ провѣркой правильности избраннаго ими, того или иного, пути самообразованія, для другихъ—они откроютъ новый путь, о которомъ, быть можетъ, читатель и не думалъ. Спокойное, безпристрастное и вполнѣ научное изложеніе автора составляетъ важную сторону его «Писемъ» и «Бесѣдъ», пріучая и читателей къ такому же спокойному отношенію къ вопросамъ, къ которымъ у насъ, почему-то, принято относиться съ излишней, и только вредной для дѣла, страстностью.

Воспитаніе воли. Жюля Пэйо. Переводъ съ французскаго М. Шишмаревой. Изданіе Ф. П. Павленкова. 1895 г. Ц. 75 коп. Выработка цѣльнаго, законченнаго и стройнаго міросозерцанія, безъ сомнѣнія, должна стоять на первомъ планѣ у всякаго, кто хочетъ сознательно относиться къ окружающей жизни. Но одного міросозерцанія, одной умственной подготовки далеко недостаточно,—нужно еще запастись тою могучею и волшебною силою, которая

слова превращаетъ въ дѣло, помогаетъ преодолѣвать многочисленныя и разнообразныя препятствія, встрѣчающіяся на пути къ намѣченной цѣли, и, если того требуютъ обстоятельства, побуждаетъ человѣка скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить убѣжденіямъ. Эта могучая сила есть *сила воли*. Понятно, насколько важно воспитать въ себѣ волю до высокой степени совершенства, и какъ жаль, что родители, воспитатели и общество такъ мало обращаютъ вниманія на эту сторону выработки характера. Между тѣмъ, воспитать въ себѣ силу воли несравненно труднѣе, чѣмъ пріобрѣсти научныя знанія и выработать цѣльное міросозерцаніе.

Недавно вышедшая въ свѣтъ и только-что переведенная на русскій языкъ книга Пэйо посвящена именно вопросу о самовоспитаніи. Помимо научныхъ достоинствъ, книга производитъ пріятное впечатлѣніе горячими симпатіями ея автора къ молодежи, глубокой вѣрой въ торжество разума и права надъ невѣжествомъ и произволомъ. Пэйо отнюдь не оптимистъ и не замалчиваетъ фактовъ печальной дѣйствительности. Отмѣчая всѣ аномаліи въ жизни, Пэйо указываетъ, какъ на одну изъ причинъ, на *слабость воли*. «Самая серьезная форма этой болѣзни (слабости воли) у студентовъ,—пишетъ авторъ,—это—атонія, душевная вялость, проглядывающая во всѣхъ поступкахъ молодого человѣка. Каждый день онъ спитъ на нѣсколько часовъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, просыпается сонный, лѣнивый; нехотя, зѣвая, принимается за свой туалетъ и проводитъ за нимъ много времени. Ему «не по себѣ», не хочется приниматься ни за какую работу. За что бы онъ ни взялся, онъ все дѣлаетъ холодно, апатично, лѣниво. Лѣнь проступаетъ даже у него на лицѣ: на немъ можно прочесть скуку, истому, выраженіе какое-то неопредѣленное, вялое и вмѣстѣ съ тѣмъ озабоченное. Ни силы, ни отчетливости въ движеніяхъ»...

«Основная лѣнь ничуть не исключаетъ минутныхъ вспышекъ энергіи... Вотъ, напримѣръ, очень распространенный типъ лѣнивца. Передъ нами молодой человѣкъ живого нрава, веселый, энергичный. Почти всегда онъ чѣмъ-нибудь занятъ... Товарищи удивляются его способности къ труду и разнообразію его занятій. И все-таки мы должны заклеймить этого молодого человѣка названіемъ лѣнтяя... Эта воображаемая сила—способность разнообразить свой трудъ—свидѣтельствуетъ лишь о крайней слабости воли. Въ вышеописанномъ студентѣ мы видимъ очень обыкновенный типъ лѣнивца, который мы назовемъ *разбросаннымъ типомъ*... Главное неудобство такой разбросанности усилій—въ томъ, что ни одно впечатлѣніе не успѣваетъ закончиться. Пока идеи и чувства заходятъ въ наше сознаніе лишь мимоходомъ, въ родѣ того, какъ останавливается въ гостинницѣ проѣзжій, они остаются для насъ незнакомцами, которыхъ мы скоро забудемъ: таковъ, можно сказать, непреложный законъ умственнаго труда»...

Поставивъ правильный діагнозъ современной болѣзни учащейся молодежи, авторъ опредѣляетъ цѣль, къ какой долженъ стремиться юноша, дабы излѣчиться отъ этого недуга, и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и вѣрныя средства къ ея достиженію.

Какъ одно изъ средствъ воспитать въ себѣ силу воли, Пэйо

рекомендуетъ *сосредоточенное размышленіе*, которое возбуждаетъ въ нашей душѣ порывы эмоцій, драгоцѣнные для того, кто умѣетъ ими пользоваться; кромѣ того, «размышленіе—нашъ великій освободитель, ибо оно поддерживаетъ насъ въ борьбѣ съ вихремъ мыслей, чувствъ и страстей, безпорядочно вторгающихся въ наше сознаніе, и даетъ намъ возможность пріостанавливать наплывъ внѣшнихъ впечатлѣній, оглядываться на себя, а такая возможность всегда оставаться самимъ собой служитъ неисчерпаемымъ источникомъ счастья, ибо, вмѣсто того, чтобы пассивно, безъ оглядки, плыть по теченію, мы можемъ возвращаться мыслью къ нашему прошлому, переживать заново лучшія изъ нашихъ воспоминаній»...

Но одного этого средства для воспитанія воли недостаточно,—нужно еще создать хорошія и прочныя привычки, которыя пріобрѣтаются путемъ поступковъ, *дѣйствій*.

«Дѣйствовать же—значитъ мужественно выполнять каждое изъ отдѣльныхъ маленькихъ дѣйствій, обусловливающихъ достиженіе опредѣленной цѣли. Дѣйствіе, поступокъ, укрѣпляетъ мысль, обязываетъ насъ предъ общественнымъ мнѣніемъ и даритъ намъ глубокія радости»... «Безпрерывно возобновляемое, терпѣливое усиліе творитъ чудеса; поэтому, нашъ студентъ долженъ стараться усвоить себѣ привычку—всегда быть дѣятельнымъ. Каждый вечеръ онъ долженъ назначать себѣ работу на завтра; онъ долженъ пользоваться добрыми движеніями своей души, всегда кончать начатое дѣло, не дѣлать больше одного дѣла заразъ и не терять ни одной свободной секунды. Разъ онъ усвоилъ себѣ такія привычки, передъ нимъ открыты всѣ поприща; онъ можетъ отблагодарить общество за оказанныя ему благодѣянія, уплатить народу свой долгъ, который, какъ честный человѣкъ, онъ обязанъ признавать»...

Въ краткой замѣткѣ о книгѣ Пэйо мы могли указать лишь на *общіе* выводы, къ какимъ приходитъ авторъ, не вдаваясь въ детали, которыя и составляютъ научную цѣнность труда Пэйо и его практическую пользу для молодежи.

А. Мертваго. «Не по торному пути». Изъ воспоминаній 1878—1888 г. Изд. журнала «Хозяинъ». Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. 25 коп. «Пятнадцать лѣтъ тому назадъ въ Россіи были еще всякіе вопросы, которые мучили и волновали: эти вопросы заставляли искать отвѣта и не нашли еще тогда себѣ разрѣшенія въ игрѣ въ винтъ и кутежахъ. У всякаго былъ свой вопросъ, всякій искалъ своего raison d'être и всякій разрѣшалъ его по своему»,—такъ авторъ характеризуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ народническое движеніе 70-хъ годовъ, т.-е. стремленіе интеллигенціи вернуться въ деревню и своими познаніями и вліяніемъ поднять культурное состояніе страны. Авторъ самъ былъ увлеченъ этимъ движеніемъ и въ полубіографической и полуописательной формѣ знакомитъ читателя съ своей поѣздкой въ село Батищево къ А. Н. Энгельгардту, съ работой у него на хуторѣ разныхъ интеллигентовъ, съ своимъ пребываніемъ въ Петербургскомъ университетѣ въ качествѣ вольнослушателя, съ поѣздкой въ Парижъ и своей работой

на огородахъ подъ Парижемъ, съ возвращеніемъ въ Батищево, съ взглядами покойнаго А. Н. Энгельгардта и т. д. «Не по торному пути» авторъ назвалъ свою дорогу жизни, потому что «хотѣлъ жизни самостоятельной не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ», желалъ «независимости» и видѣлъ ее только въ деревнѣ, работая не въ качествѣ помѣщика, но въ качествѣ американскаго фермера, работающаго съ работникомъ вмѣстѣ, въ которомъ видѣлъ не работника, а «члена хозяйственной семьи». Воспоминанія г. Мертваго любопытны, какъ отголоски пережитаго движенія общественной мысли, давшаго извѣстныя результаты, въ видѣ критическаго отношенія къ народу, познакомившаго насъ съ нимъ и, въ извѣстной степени, его съ нами. Мы еще вернемся къ нимъ съ цѣлью поближе познакомить съ ними читателей, въ виду ихъ несомнѣннаго интереса.

ИСТОРІЯ. БІОГРАФІИ.

И. Карно. «Исторія французской революціи».—*Бернгардъ Куглеръ.* «Исторія крестовыхъ походовъ».—*Е. Лихачева.* «Матеріалы къ исторіи женскаго образованія въ Россіи».—*Б. Глинскій.* «Н. М. Ядринцевъ. Біографическій очеркъ».

И. Карно. Исторія французской революціи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Сементковскаго, 2-е изданіе Павленкова. Спб. 1895 г. Ц. 1 руб. Эта книжка хорошо написана и хорошо переведена. Значительны и ея внѣшнія достоинства — краткое, но живое изложеніе, умѣлый и добросовѣстный подборъ фактовъ. Но важнѣе всего ея содержаніе и взгляды на величайшее событіе новой исторіи. Въ дѣльномъ предисловіи г. Сементковскій такъ характеризуетъ всю доблестную семью Карно: «Она насчитываетъ въ числѣ своихъ членовъ знаменитыхъ или видныхъ государственныхъ людей и ученыхъ. Отецъ автора былъ замѣчательнымъ ученымъ, военнымъ организаторомъ и государственнымъ дѣятелемъ. Братъ—его знаменитый основатель термодинамики. Сынъ — президентъ французской республики, женатый на дочери не менѣе знаменитаго государствовѣда, Дюконъ-Уайта». Нашъ авторъ, «назначенный министромъ народнаго просвѣщенія послѣ февральской революціи, стоившей Людовику-Филиппу престола, поспѣшилъ отказаться отъ административнаго поприща, когда истинныя намѣренія Наполеона III выяснились».

У Карно замѣчательно ясно для учебника изложена научная точка зрѣнія, на которую неизбѣжно становится всякій, безпристрастно изучающій факты. Переворотъ 1789 г. былъ не «отрицательнымъ явленіемъ, не случайнымъ ураганомъ, смутой» и т. п., а органическою частью исторіи человѣчества вообще и Франціи въ частности. Этотъ взглядъ полонъ также нравственнаго достоинства. Авторъ прекрасно сказалъ: «Обратитесь къ народному сознанію. Вы увидите, что борьба партій, почти исключительно овладѣвшая вниманіемъ нашихъ историковъ, склонныхъ драматизовать событія, не такъ сильно поразила народъ. Находясь въ сто-

ронѣ отъ этой схватки страстей и личныхъ честолюбій, онъ видитъ въ революціи общіе ея выводы.

Авторъ фактами подтверждаетъ важную истину, вытекающую изъ новѣйшихъ научныхъ изслѣдованій *), а именно—что острый характеръ въ дальнѣйшемъ развитіи переворота зависѣлъ, прежде всего, отъ «безумнаго упорства, встрѣченнаго осуществленіемъ принциповъ, съ которыми всѣ, повидимому, сначала соглашались». Столь же справедливо онъ разрушаетъ легенду, созданную преимущественно нѣмцами, о томъ, будто революція была виновницей войнъ. Напротивъ. Вторая изъ главныхъ причинъ остраго характера революціи «лежитъ во вмѣшательствѣ иностранныхъ державъ. Учредительное собраніе торжественно заявило отъ имени французскаго народа, что отказывается отъ войнъ съ завоевательными цѣлями».

Эта книжка подготовитъ нашихъ читателей къ такимъ обширнымъ трудамъ, какъ недавно переведенная «Европа и французская революція» Сореля, написанная въ томъ же духѣ, но еще съ большею ученостью и талантомъ.

Бернгардъ Куглеръ. Исторія крестовыхъ походовъ. Съ нѣмецкаго. Спб. 1895. Изданіе Пантелѣева. Ц. 3 р. Мы живемъ въ эпоху руководствъ. По всѣмъ отраслямъ знанія издаются учебники, и не только школьные, но болѣе обширные, для широкой публики или для самообразованія. Они, можно сказать, стремятся вытѣснить грузныя изслѣдованія: лучшія научныя силы работаютъ надъ ними, кажется, съ особенною любовью. Это движеніе охватываетъ и историческую науку. Помимо руководствъ въ собственномъ смыслѣ слова, здѣсь появляются, все чаще и чаще, краткія, но изящныя и идейныя изложенія отдѣльныхъ частей предмета или цѣлыхъ эпохъ, предназначенныя для всеобщаго свѣдѣнія. Возьмемъ и «родъ руководства для исторіи крестовыхъ походовъ», какъ назвалъ самъ авторъ разсматриваемую книгу. Куглеръ именно имѣлъ въ виду «дать читателю изъ широкаго круга публики занимательное и поучительное чтеніе, начинающему историческое изученіе и школьному учителю дать картину современнаго состоянія нашихъ знаній и руководство для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ работъ». Замыселъ автора тѣмъ болѣе умѣстенъ, что въ его вопросѣ много темнаго, и онъ съ трудомъ поддается изученію: довольно сказать, что до сихъ поръ не установлено даже числа крестовыхъ походовъ.

Никто больше Куглера не имѣлъ права на составленіе такой руководящей книги. Онъ уже около 30 лѣтъ читаетъ лекціи въ тюбингенскомъ университетѣ, преимущество по эпохѣ крестовыхъ походовъ. Уже въ 1866 г. онъ заявилъ себя знатокомъ дѣла въ небольшой, но весьма ученой книжкѣ о второмъ крестовомъ походѣ. Это—одинъ изъ лучшихъ учениковъ Зибеля, которому онъ и посвятилъ свой нынѣшній трудъ, какъ первому изслѣдователю

*) Мы уже имѣли случай указать на эту мысль, въ «Мірѣ Божіемъ» (1894, декабрь), по поводу сочиненія г. Иванова о политической роли французскаго театра.

эпохи «по законамъ исторической критики». Затѣмъ Куглеръ лѣтъ 15 работалъ надъ отдѣльными вопросами избранной задачи, пока у него не составилась самостоятельная и добросовѣстная «Исторія крестовыхъ походовъ» (1880), которая вышла, въ 1891 г., вторымъ изданіемъ. Тѣмъ почтеннѣе скромность автора, который не только тщательно пользуется трудами своихъ предшественниковъ, но даже называетъ себя ихъ излагателемъ.

Результаты, къ которымъ приходятъ подобные историки, показываютъ современное состояніе даннаго вопроса въ наукѣ. Оказывается, что въ главномъ новѣйшее изученіе столь важной эпохи не дало ничего существенно новаго: открытія касаются по преимуществу мелочей дѣла. Слѣдуя новому направленію византологовъ, Куглеръ хотѣлъ только восхвалить Восточную римскую имперію, но это не удалось ему. «Эта имперія была, конечно, далеко не такая дряхлая, какою ее часто изображаютъ», говоритъ онъ на 6-й страницѣ, и вслѣдъ затѣмъ самъ рисуетъ такую печальную картину, что византологамъ не поздоровиться отъ этакихъ похвалъ.

Общіе выводы о значеніи крестовыхъ походовъ сведены Куглеромъ въ «заключительный обзоръ». Авторъ наклоненъ къ сокращенію тѣхъ восторговъ, которые обыкновенно проявлялись историками. Онъ не отрицаетъ вліянія крестовыхъ походовъ на «общіе успѣхи культуры». Именно онъ признаетъ благотворное воздѣйствіе Востока на Европу. «Въ сельскомъ хозяйствѣ, въ большинствѣ отраслей промышленности, въ художественныхъ способностяхъ жители древнихъ культурныхъ странъ между Дунаемъ и Евфратомъ далеко превосходили франковъ... Пилигримы были поражены и восхищены добротой и щедростью, храбростью и честностью магометанскихъ властителей; крестоносцы пріучались уважать врага и относиться къ нему, какъ къ себѣ подобному. Духъ терпимости проникалъ въ сердца, и вмѣстѣ съ нимъ духъ сомнѣнія во всемогуществѣ папъ и непогрѣшимости католическаго ученія. Юная Европа ревностно и съ большимъ успѣхомъ училась во время своихъ поучительныхъ прогулокъ, какъ можно было бы назвать крестовые походы. Поразительнымъ множествомъ восточныхъ словъ наши языки показываютъ, какъ много мы заимствовали у магометанъ... Едва ли найдется какая-либо область политической, военной, торговой, промышленной, научной, художественной и даже церковной жизни, которая не получила бы какого-нибудь обогащенія съ Востока». Важнѣе всего, что «священная война, начатая изъ ненависти къ исламу, привела къ самымъ живымъ торговымъ связямъ съ мусульманами». И «куда прежде всего направлялся денежный потокъ этихъ международныхъ сношеній, тамъ, въ смѣлой отвагѣ и борьбѣ, и зарождался новый вѣкъ». Наконецъ, «однимъ изъ хорошихъ результатовъ крестовыхъ походовъ было то, что они различнымъ образомъ оживительно вліяли на распространеніе христіанства и культуры въ славянскомъ мірѣ. Такъ, скандинавскіе князья употребили въ этомъ направленіи доходы крестовой десятины; въ особенности же нѣмецкій орденъ нашелъ на Балтійскомъ морѣ поприще своей плодотворнѣйшей дѣятельности».

*

Но Куглеръ не скрываетъ оборотной стороны медали. Крестовые походы поддерживали аскетизмъ и всемогущество папъ: нашъ авторъ настаиваетъ на томъ, что «не можетъ быть и рѣчи о томъ, будто бы они получили постепенно вполнѣ государственный (свѣтскій) характеръ». Это «преобладаніе религіознаго побужденія да еще безнравственность франковъ на Востокѣ были безконечно вредны». Авторъ находитъ, что «можно сказать мало хорошаго» и насчетъ вліянія крестовыхъ походовъ на Востокъ: тамъ съ тѣхъ поръ «уже не явилось дальнѣйшаго успѣха».

Наконецъ, въ своемъ ограниченіи значенія крестовыхъ походовъ, Куглеръ высказываетъ глубокую мысль объ органической эволюціи въ исторіи. Онъ говоритъ: «Въ главномъ, преобразованіе европейской жизни отъ XI до XIV в., безъ сомнѣнія, покоится на побужденіяхъ, основный корень которыхъ кроется во *внутренней* исторіи Запада».

Такая серьезная книга, какъ «Исторія крестовыхъ походовъ», притомъ написанная просто, но съ занимательными подробностями, и украшенная рисунками, планами и картами, представляетъ весьма полезное чтеніе, особенно въ нашей, скудной по среднимъ вѣкамъ, исторической литературѣ. Переводъ вообще годенъ; жаль только, что онъ тяжеловатъ, а мѣстами встрѣчаются неточности и даже просто небрежности. Непріятно встрѣчать въ солидной книгѣ такіе редакціонные промахи: «значеніе, которое вѣка крестовыхъ походовъ имѣли на культуру» и т. д. А ихъ не мало.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1828—1856). Е. Лихачевой. Спб. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Два предшествовавшихъ выпуска труда г-жи Лихачевой были посвящены исторіи женскаго образованія въ прошломъ вѣкѣ и въ началѣ текущаго. Настоящій третій выпускъ «Матеріаловъ» доводитъ исторію женскаго образованія до эпохи шестидесятыхъ годовъ, когда оно выходитъ изъ замкнутой области институтскаго воспитанія, очень ограниченной и мало доступной для массы женщинъ. Періодъ съ 1828 по 1856 г. представляется временемъ окончательной формировки институтовъ, когда они получили тотъ видъ, въ какомъ мы ихъ имѣемъ теперь. Новая жизнь не осталась, конечно, безъ вліянія, но если что и измѣнилось въ постановкѣ институтскаго воспитанія съ тѣхъ поръ, то общій фонъ остался такимъ же, какимъ онъ былъ въ періодъ, разсматриваемый въ послѣднемъ выпускѣ труда г-жи Лихачевой. Это и придаетъ особое значеніе и интересъ настоящему выпуску, который можно рекомендовать всѣмъ, желающимъ составить себѣ ясное понятіе объ институтскомъ воспитаніи, какъ лучшій источникъ, по полнотѣ и объективности изложенія. Съ безпристрастіемъ историка, г-жа Лихачева передаетъ факты, заимствуемые изъ оффиціальныхъ источниковъ, строго воздерживаясь отъ сужденій, предоставляя читателямъ самимъ дѣлать надлежащіе выводы. Только въ заключительной главѣ она приводитъ литературныя свидѣтельства преимущественно самихъ женщинъ, прошедшихъ искусъ институтской жизни.

Авторомъ не оставлены безъ вниманія и другія учебныя заведенія для дѣвочекъ. Въ четвертой главѣ приводятся свѣдѣнія

о женскихъ духовныхъ училищахъ, при дѣтскихъ пріютахъ, и о первыхъ попыткахъ обученія крестьянскихъ дѣвочекъ. Очень любопытенъ въ этомъ отношеніи «проектъ непремѣннаго секретаря Общества сельскихъ хозяевъ, Маслова, о женскихъ крестьянскихъ школахъ». и книга того же Маслова «о всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи». Мысли Маслова были встрѣчены въ обществѣ весьма сочувственно, но никакого практическаго осуществленія не имѣли. Наивный и увлекающійся филантропъ, Масловъ думалъ, что довольно однихъ «добрыхъ пожеланій», чтобы грамотность процвѣла на Руси.. «Остается съ любовью къ человѣчеству приступить къ дѣлу *просто*, не дожидаясь ни отличныхъ учителей, ни букварей». Помѣщиковъ онъ думалъ соблазнить тѣмъ, что «женщина не станетъ писать ложныхъ паспортовъ и счетовъ, какъ это случается съ безнравственными грамотѣями, ибо это не ея кругъ дѣятельности». Какъ все это ни наивно, но нельзя не замѣтить, что и до сихъ поръ многіе смотрятъ на дѣло народнаго просвѣщенія столь же «просто», и взгляды Маслова находятъ сочувствіе въ нѣкоторыхъ нашихъ народолюбцахъ, полагающихъ, что «небольшой уровень знаній и развитія» только сближаетъ учителей съ учениками, отчего народное просвѣщеніе только выигрываетъ.

Н. М. Ядринцевъ. Біографическій очеркъ, составленный Б. Глинскимъ, съ предисловіемъ В. Острогорскаго и приложеніемъ воспоминаній Г. Потанина. Изд. Д. И. Тихомірова. Ц. 50 к. Москва, 1895 г. «Эта небольшая книжка—только скромная попытка почтить свѣжую память объ усопшемъ со стороны людей, его любившихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и напомнить сибирякамъ о необходимости почтить эту память и увѣковѣчить ее какимъ-либо полезнымъ культурнымъ дѣломъ на пользу страны, столь горячо любимой покойнымъ Николаемъ Михайловичемъ», говоритъ въ предисловіи В. П. Острогорскій. Дѣйствительно, мысль его вполнѣ справедлива, и Сибири пора бы сдѣлать что-нибудь для памяти Ядринцева, который, по словамъ г. Потанина, «всю свою жизнь посвятилъ служенію этой области и въ теченіе цѣлаго тридцатилѣтія былъ почти единственнымъ сибирскимъ публицистомъ, въ которомъ, въ немъ почти одномъ, выразилась вся умственная жизнь, воплотилась вся общественная мысль Сибири». Онъ первый далъ ей понятіе о печати, какъ о силѣ, призванной бороться съ мракомъ невѣжества и насиліемъ произвола, первый освѣтилъ весь ужасъ ссылки, этого злѣйшаго бича Сибири, первый подалъ мысль о необходимости сибирскаго университета, наконецъ, явился черноработчимъ въ области мѣстныхъ изысканій, увлекши своимъ примѣромъ другихъ. «Сибирскій духъ», какъ въ шутку окрестили Ядринцева въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, онъ былъ дѣйствительно для Сибири такимъ «духомъ», въ лучшемъ и высокомъ значеніи этого слова. Единственная пока, очень тепло написанная и обстоятельная біографія г. Глинскаго даетъ живое представленіе о Ядринцевѣ, какъ о человѣкѣ, писателѣ и ученомъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

В. В. «Очерки теоретической экономіи».—*Отто Элерсъ* «Популярная политическая экономія».

В. В. Очерки теоретической экономіи. С.-Петербургъ 1895 г. Г-нъ В. В. принадлежитъ къ числу немногихъ русскихъ экономистовъ, работы которыхъ отличаются однимъ очень важнымъ достоинствомъ—оригинальностью мысли. Но съ этимъ достоинствомъ у г-на В. В. соединяются и немаловажные недостатки—незнакомство съ новѣйшей западноевропейской экономической литературой и неспособность или нежеланье безпристрастно относиться къ мнѣніямъ противниковъ, съ которыми онъ полемизируетъ. И то, и другое замѣтно отразилось и на новой книгѣ г-на В. В. Наша экономическая литература довольно богата, но самостоятельныхъ работъ, посвященныхъ вопросамъ экономической теоріи, у насъ почти не существуетъ, и потому разбираемая книга естественно возбуждаетъ большой интересъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что «Очерки теоретической экономіи» имѣютъ весьма не систематическій характеръ. Двѣ первыя главы «Роль рынка» и «Что такое цѣнность»—затрогиваютъ самые общіе вопросы экономической теоріи; 3-я глава—«Капиталистическая эволюція промышленности»—также имѣетъ теоретическій характеръ, хотя уже посвящена вопросамъ менѣе абстрактнымъ; въ послѣдней же главѣ—«Русскій марксизмъ»—авторъ разбираетъ нѣсколько недавно вышедшихъ экономическихъ книжекъ и горячо полемизируетъ съ недавно объявившимися еретиками—«нео- или псевдомарксистами», какъ ихъ ехидно называютъ враги. «Русскій марксизмъ»—самоновѣйшій отечественный продуктъ, но направленіе это, повидимому, представляетъ такой крупный теоретическій интересъ, что г-нъ В. В. отводитъ полемикѣ съ нимъ мѣсто въ теоретической экономіи. Русскіе марксисты могутъ быть этимъ только польщены, но, по нашему мнѣнію, г-нъ В. В. дѣлаетъ имъ незаслуженную честь, и его книга болѣе соотвѣтствовала бы своему заглавію, если бы появилась безъ послѣдней главы.

Самыя цѣнныя, на нашъ взглядъ, именно двѣ первыя главы. О роли рынка и свободной конкурренціи въ современномъ хозяйствѣ написано очень много; еще больше написано о цѣнности. Полемика между сторонниками, такъ называемой, трудовой теоріи цѣнности и теоріи спроса и предложенія и по сіе время ведется такъ же горячо, какъ и во времена Рикардо и Мальтуса. Большинство нашихъ экономистовъ—сторонники трудовой теоріи, которая не одними профанами въ экономической наукѣ отождествляется съ признаніемъ правъ рабочаго на болѣе справедливое вознагражденіе. При этомъ предполагается, что обѣ теоріи взаимно исключаютъ другъ друга; если вы сторонникъ теоріи спроса и предложенія, вы уже не можете признавать затраченный на производство трудъ важнѣйшимъ факторомъ цѣнности, и обратно. Въ пользу того и другого мнѣнія приводились одинаково убѣдительные доводы, и, казалось, примиреніе между противниками невозможно. Между тѣмъ, г-нъ В. В. совершенно вѣрно указываетъ, что весь этотъ споръ основанъ на

недоразумѣніи: объ стороны правы въ своемъ утвержденіи, и неправы—въ отрицаніи. Все дѣло въ томъ, что *на рынкѣ* единственнымъ факторомъ цѣны является спросъ и предложеніе. Для торговца нисколько не интересно, какъ велики расходы производителя; цѣна, платимая имъ за товаръ, опредѣляется, съ одной стороны, запросомъ или конкурренціей соперничающихъ съ нимъ покупателей, съ другой—конкурренціей продавцевъ, и больше ничѣмъ. Такимъ образомъ, законъ спроса и предложенія неограниченно царитъ на рынкѣ. Но *за предѣлами рынка* дѣло стоитъ иначе: почему однихъ товаровъ производится больше, а другихъ меньше, что, въ концѣ концовъ, опредѣляетъ размѣры производства каждаго рода товаровъ? Не что иное, какъ относительное количество труда, потребнаго для приготовленія каждаго изъ нихъ. При прочихъ равныхъ условіяхъ, труднопроизводимые предметы приготовляются въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ предметы легкопроизводимые. Этого требуетъ хозяйственный принципъ—стремленіе къ достиженію наибольшей выгоды съ наименьшей затратой труда. Поэтому, хотя непосредственнымъ факторомъ цѣны является спросъ и предложеніе, конечной причиной цѣнности слѣдуетъ признать трудъ.

Все это съ большой логической силой развито г-мъ В. В. Нельзя также не отмѣтить остроумныхъ и мѣткихъ соображеній автора по поводу различнаго значенія рынка въ области производства и распредѣленія. Одно только маленькое замѣчаніе: теперь странно разсуждать о цѣнности, не будучи знакомымъ съ такъ называемой теоріей предѣльной полезности, о которой столько написано на нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Г-нъ В. В. совсѣмъ игнорируетъ эту теорію, а между тѣмъ знакомство съ ней очень облегчило бы ему его, въ общемъ, мастерской анализъ роли рынка въ современномъ хозяйствѣ.

Въ III главѣ авторъ старается доказать, что развитіе капиталистическаго хозяйства невыгодно для странъ, подобныхъ Россіи, въ которыхъ значительное большинство населенія занято земледѣліемъ. При господствѣ капитализма, рабочее населеніе страны распадается на два класса: рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, занятыхъ круглый годъ, и земледѣльцевъ, втеченіе всей зимы остающихся праздными. Чѣмъ больше этихъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе терпитъ убытковъ страна отъ непроизводительной растраты рабочей силы. Все это такъ, но авторъ упускаетъ изъ виду слѣдующее: съ одной стороны, удаленіе части крестьянъ отъ земли увеличиваетъ земельное богатство остальныхъ членовъ общества и тѣмъ самымъ вызываетъ усиленное приложеніе труда этихъ послѣднихъ въ періодъ полевыхъ работъ. Съ другой стороны, при господствѣ самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, промыслы обыкновенно тамъ мало развиты, что далеко не наполняютъ свободнаго времени мужика. Исторія нашей промышленности убѣдительно свидѣтельствуетъ, какъ, въ сущности, безсильна наша крестьянская промышленность безъ помощи капитала. Широкое развитіе крестьянскихъ промысловъ въ Россіи относится къ тридцатымъ—сороковымъ годамъ этого столѣтія; крестьянинъ централь-

ныхъ промышленныхъ губерній въ это время дѣйствительно находилъ себѣ заработки, наполнявшіе зимнее время. Но заработки доставляло ему не самостоятельное производство за свой собственный счетъ, а домашняя система капиталистической промышленности. Такъ-называемый кустарь, въ сущности, былъ наемнымъ слугой капитала, но слугой, работавшимъ не въ помѣщеніи хозяина, а у себя на дому. Это и было, такъ-называемое, *народное* производство, о неизбѣжной гибели котораго проливается теперь столько слезъ.

Поэтому, всѣ краснорѣчивыя разсужденія г. В. В. объ убыточности для насъ капиталистическаго хозяйства кажутся намъ ни на чемъ не основанными. Болѣе интересны соображенія автора о причинахъ періодически повторяющихся въ Западной Европѣ промышленныхъ кризисовъ и о связи милитаризма съ капитализмомъ. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. В. В., какую бы теорію кризисовъ ни принимать, нельзя отрицать факта избыточности капитала и рабочихъ рукъ въ современномъ хозяйствѣ, а потому милитаризмъ, отвлекающій милліоны капиталовъ и рабочихъ рукъ отъ производительныхъ занятій, выгоденъ для промышленныхъ классовъ общества, и на этомъ основывается его сила.

Послѣдняя глава «Очерковъ», какъ упомянуто, посвящена полемикѣ съ марксистами. Въ этой полемикѣ г. В. В. теряетъ хладнокровіе и прибѣгаетъ къ такимъ пріемамъ (см., напр., его выходку противъ г. Струве на стр. 285 примѣч.), которые, казалось бы, менѣе всего можно встрѣтить на страницахъ его книги. Суть обвиненій г. В. В. сводится къ тому, что русскіе марксисты желаютъ производить эксперименты начужой спинѣ и готовы пожертвовать интересами крестьянства ради торжества капитализма. Все это основано на недоразумѣніи. Русскіе марксисты, дѣйствительно, не возлагаютъ надеждъ на общину, артель и кустарное производство, но они отнюдь не закрываютъ глазъ на темныя стороны совершающагося въ настоящее время экономическаго процесса распаденія прежнихъ хозяйственныхъ формъ, и могутъ только привѣтствовать всякія мѣры, дѣйствительно увеличивающія благосостояніе трудящихся массъ населенія, хотя и расходятся со своими противниками по вопросу, въ чемъ именно эти мѣры должны заключаться.

Отто Элерсъ. Популярная политическая экономія. Перев. подъ ред. Юровскаго. Изд. «Международной Библіотеки». Одесса 1895 г. За послѣднее время въ нашемъ обществѣ замѣчается возрастающій интересъ къ экономическимъ вопросамъ, и потому потребность въ хорошо составленномъ популярномъ руководствѣ по политической экономіи чувствуется особенно сильно. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы имѣющіяся на русскомъ языкѣ сочиненія этого рода удовлетворяли своему назначенію: знакомить читателя въ общедоступной формѣ и на почвѣ русскихъ хозяйственныхъ отношеній, съ важнѣйшими положеніями экономической науки. Болѣе удачна книга г. Карелина, отзывъ о которой данъ въ № 12-мъ «Міра Божьяго» за прошлый годъ. На «Популярную политическую экономію» Элерса мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе только по-

тому, что своимъ заглавіемъ она можетъ соблазнить иного неопытнаго читателя, который и пріобрѣтетъ совершенно безполезную книгу.

Какъ пріемы изложенія, такъ и выводы автора отзываются чѣмъ-то ужъ очень устарѣвшимъ и давно сданнымъ въ архивъ. Напр., образованіе капитала авторъ поясняетъ примѣромъ Робинзона, «который пріобрѣлъ капиталъ только благодаря тому, что отказывался отъ немедленнаго пользованія частью добываемыхъ имъ плодовъ» (стр. 37); за этимъ слѣдуетъ подробное описаніе, какимъ образомъ сберегалъ плоды Робинзонъ. Размѣръ процента на капиталъ опредѣляется, по мнѣнію автора, только спросомъ и предложеніемъ капиталовъ; высота заработной платы не играетъ при этомъ никакой роли. Что касается самой заработной платы, то величина ея особенно зависитъ «отъ благосостоянія средняго сословія. Если возрастаетъ платежная способность этого сословія... то цѣна простого труда повышается (!?)» (стр. 31). Этихъ примѣровъ совершенно достаточно для характеристики «научныхъ» пріемовъ и направленія автора. Остается прибавить, что переводъ книги крайне плохъ, и иногда читатель становится совершенно втупикъ, что хочетъ сказать авторъ. Какъ понять, напр., слѣдующую фразу: «Когда царь Давидъ предпринялъ народную перепись, небо провело черту черезъ его счетъ и послало моръ на страну» (стр. 82). Отъ такихъ «популярныхъ» руководствъ можно только предостерегать читателей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

«Общедоступ. руководство» *П. А. Костычева.*—«Молочное хозяйство» — д-ръ *фонъ-Кленце.*—*В. А. Анзимировъ*—«Удобр. фосфатами».—«Деревен. календарь». «Садоводство и огородн.». *В. Бѣляевъ.*— *К. Э. Линдеманъ*—«Вредн. насѣкомыя».— *П. Ростовцевъ*—«Промышлен. растенія».

Общедоступное руководство къ земледѣлію. П. А. Костычевъ. 1894. 2-е изд. Девріена. С.-Петербургъ. Цѣна 75 коп. «Книгу», говоритъ авторъ въ предисловіи 2-го изданія, «я старался написать такъ, чтобы она была понятна каждому грамотному человѣку, не знающему никакихъ наукъ». Имя г. Костычева, одного изъ лучшихъ нашихъ агрономовъ, служитъ достаточной гарантіей этого руководства. И дѣйствительно, авторъ ясно и систематично изложилъ на 226 стр. все, что можно было дать читателю. Въ первой главѣ говорится о жизни растеній, начиная съ сѣмени и кончая судьбой растенія послѣ смерти; затѣмъ идетъ глава о свойствахъ почвъ и ихъ распознаваніи; третій отдѣлъ—объ обработкѣ почвъ, четвертый—объ удобреніи и пятый—о разведеніи растеній. «Общедоступное руководство», такимъ образомъ, вполнѣ заслуживаетъ возможно большаго распространенія среди земледѣльческаго класса, которому оно поможетъ избѣгнуть, по крайней мѣрѣ, ошибокъ, проистекающихъ отъ незнанія, если и не можетъ дать чего-либо болѣе существеннаго, что зависитъ отъ общихъ условій, въ которыя поставлено у насъ земледѣліе, переживающее тяжелый кризисъ. Въ настоящій моментъ мы не придаемъ первенствующаго

значенія распространенію сельскохозяйственныхъ знаній, хотя, несомнѣнно, значеніе ихъ велико, почему руководства, вродѣ книги г. Костычева, очень желательны и заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ заинтересованныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Д-ръ фонъ-Кленце. Молочное хозяйство. Практическое руководство къ уходу за молочнымъ скотомъ, къ обработкѣ молока и приготовленію масла и сыра. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Н. Кулешова. 2-е исправленное и дополненное изданіе съ 148 рисунками. С.-Петербургъ, изданіе А. Ф. Девріена. 1894 г. Цѣна 1 р. 75 к. Сочиненіе это—переводъ съ нѣмецкаго, такъ называемаго, маленькаго Кленце (есть и большой Кленце, въ которомъ, главнымъ образомъ, обращается вниманіе на сыроваренье). Къ сожалѣнію, переводъ сдѣланъ съ неудачной книжки фонъ-Кленце, что подтверждаютъ отзывы спеціальныхъ газетъ и журналовъ заграничныхъ. Главный недостатокъ книги тотъ, что содержаніе не оправдываетъ заглавія. Такъ, заглавіе гласитъ: «Практическое руководство къ уходу за скотомъ» и т. д., на самомъ же дѣлѣ этому вопросу посвящено всего-на-всего 4 странички. Тогда какъ по этому одному отдѣлу можно написать и написано громадное количество сочиненій. Точно также сравнительно мало разработаны вопросы маслодѣлія и сыроваренія. Зато читатель, интересующійся центрофугами (сепараторами), т. е. машинами для отдѣленія сливокъ отъ молока, будетъ вполнѣ удовлетворенъ: этому одному отдѣлу удѣлено изъ 290 страницъ всей книги 142 страницы.

В. А. Анзимировъ. I. Руководство къ удобренію фосфоритною мукою изъ глауконитовыхъ, мѣловыхъ и юрскихъ формацій. Изд. 4-е (дополненное и исправленное) Товарищества добычи и обработки фосфоритовъ и другихъ минеральныхъ туковъ. Спб. 1894 г. Цѣна 20 коп., съ пересылкой 25 к. II. Гипсъ и фосфо-гипсъ. Изд. Товарищества добычи и обработки фосфоритовъ и другихъ минеральныхъ туковъ. Спб. 1894 г. Цѣна 15 коп., съ перес. 20 коп. Товарищество добычи и обработки фосфоритовъ и другихъ минеральныхъ туковъ» издало въ послѣднее время цѣлый рядъ брошюръ и книжекъ, съ цѣлью распространенія фосфорита и другихъ удобрительныхъ туковъ. Читатель, взявши подобную книжку съ предубѣжденіемъ найти въ ней рекламу, постепенно мѣняетъ свой взглядъ, и даже, вѣроятно увлечется ей. Таковы, по крайней мѣрѣ, брошюры г-на Анзимирова. Онъ ярко, понятно и увлекательно излагаетъ исторію развитія употребленія фосфоритовъ въ Западной Европѣ, Америкѣ и, наконецъ, у насъ. Значеніе удобренія фосфоритной мукой, подъ какія растенія она пригодна, на какихъ почвахъ она дѣйствуетъ, каково ея употребленіе. Точно также читатель получаетъ ясное представленіе объ исторіи употребленія гипса, какъ удобренія, о вліяніи его на ростъ растеній и на какихъ почвахъ, о приготовленіи фосфо-гипса, значеніи его для растеній, о сортахъ и т. д.

Деревенскій календарь на 1895 г. съ приложеніемъ статей по сельскому хозяйству. Изд. «Народной библіотеки» В. Н. Маракуева. Москва. Цѣна 25 коп. Благое намѣреніе издателя такъ и осталось намѣреніемъ. Авторъ желалъ сдѣлать свою книгу до-

ступной деревенской массѣ, но спрашивается, можно ли въ одной книжкѣ въ 142 страницы, изъ которыхъ страницъ 40 ушли на общія свѣдѣнія и святцы, вполнѣ хорошо разработать такую массу вопросовъ, какими задается его календарь? Въ отдѣлѣ второмъ, напримѣръ, говорится: о климатѣ и погодѣ Россіи, состояніи скотоводства, объ улучшеніи молочнаго хозяйства и его успѣхахъ, о коневодствѣ, пчеловодствѣ 2 статьи, о куроводствѣ, 5 статей по удобренію, о боронахъ, объ искусственныхъ колодцахъ и озерахъ 4 статьи, нѣсколько статей объ орошеніи въ Египтѣ, Индіи и друг. странахъ, затѣмъ нѣсколько статей по садоводству и огородничеству нетолько въ Россіи, но даже въ Западной Европѣ и Америкѣ, о культурѣ грецкаго орѣха и табаку (и это для сѣвера Россіи!), наконецъ, *даже* о кустарномъ производствѣ и о «лѣкарственныхъ растеніяхъ, разведеніе которыхъ возможно у насъ въ Россіи», и т. д, и т. д. Авторъ хотѣлъ дать много и далъ мало». Онъ желалъ помѣщать «крупныя статьи по спеціально сельскохозяйственнымъ вопросамъ спеціально для сѣверной Россіи»,— цѣль хорошая, но зачѣмъ же больше перепечатки и то изъ совсѣмъ неклассическихъ сочиненій, вродѣ сборника для Чикагской выставки? Не говоря лишнихъ словъ, скажемъ просто: крупныхъ статей нѣтъ, а есть перепечатки безъ системы и плана, въ которыхъ трудно разобраться даже знакомому съ литературой по сельскому хозяйству, а ужъ о мужикѣ, даже и «много грамотномъ», какъ о томъ мечтаетъ авторъ, и говорить нечего. Мы посовѣтовали бы на будущее время поменьше захватывать вопросовъ, но зато детальнѣе ихъ разработать, тогда, можетъ быть, и оправдаются разсчеты издателя на читателя деревенскаго.

В. Бѣляевъ. I. Садоводство и огородничество для учениковъ сельскихъ училищъ. 3-е изд. съ добавленіями. Москва. Изд. К. И. Тихомирова. 1895 г. Цѣна 6 к. II. Воздушное цвѣтоводство. Для любителей, не имѣющихъ парниковъ и теплицъ. Москва. Изд. К. И. Тихомирова. 1895 г. Цѣна 4 коп. Къ сожалѣнію, авторъ взялъ на себя непосильный трудъ—изложить всю теорію и практику садоводства и огородничества на 16 страницахъ полулистовки. Повторяемъ «къ сожалѣнію», потому что неизвѣство, что это—не то конспектъ или толкователь словъ? Такъ, напримѣръ, на первой страницѣ подъ рубрикой «о садахъ и огородахъ вообще», въ видѣ объясненія, говорится: «плодовымъ садомъ называется огороженное со всѣхъ сторонъ пространство земли, засаженное плодовыми деревьями и ягодными кустами»; «огородомъ же называется тоже огороженное пространство земли, назначенное для посадки огородныхъ растеній»; на страницѣ 11-ой «занятія разведеніемъ огородныхъ овощей называются огородничествомъ» и т. д. Въ результатѣ такого чтенія— одно недоумѣніе! На заглавномъ листѣ написано, въ видѣ рекламы, что «авторъ удостоенъ похвальнаго отзыва отъ Россійскаго Общества любителей садоводства за доставленные на *конкурсъ образцы плодовыхъ деревьевъ*»... Не знаемъ, дастъ ли «Россійское Общество любителей садоводства» за эту книжку премію, но что она не удовлетворяетъ читателя—за это ручаемся. Съ прискорбіемъ тоже самое слѣдуетъ сказать и о второй книжкѣ. Почему-

то авторъ нашелъ нужнымъ книжку въ 6 страничекъ посвятить «сельскимъ учителямъ и учительницамъ», и по вопросу, о которомъ онъ самъ вначалѣ говоритъ, что занятіе разведеніемъ цвѣтовъ принадлежитъ лишь къ числу «пріятныхъ развлеченій». Вѣроятно, авторъ хотѣлъ хоть этимъ утѣшить сельскихъ учителей и учительницъ въ ихъ скудномъ обыкновенно существованіи.

К. Э. Линдеманъ. I. О насѣкомыхъ, вредящихъ огороднымъ растеніямъ и о мѣрахъ ихъ истребленія (съ 30 рисунками). Москва. Изд. К. И. Тихомирова. Цѣна 35 коп. II. О насѣкомыхъ, вредящихъ хлѣбнымъ зернамъ и мукѣ въ амбарахъ. Москва. 1894 г. Изд. К. И. Тихомирова. Цѣна 10 коп. Авторъ этихъ книжекъ, извѣстный энтомологъ, бывшій профессоръ Петровской земледѣльческой академіи, задался цѣлью познакомить читателя съ образомъ жизни вредныхъ насѣкомыхъ и съ методомъ борьбы противъ нихъ. Въ первой книжкѣ говорится о врагахъ капусты и родственныхъ ей растеній, о насѣкомыхъ, уничтожающихъ горохъ, бобы, лукъ, подсолнухи, картофель, свеклу и т. д.; во второй трактуется объ амбарномъ долгоносикѣ, о моли зерновой и мучной, о мучномъ и мавританскомъ жукѣ и о мучныхъ клещахъ, распространенныхъ въ амбарахъ, гдѣ хранится зерновой хлѣбъ и мука. Какъ по изложенію, такъ и по содержанію, книжки безупречны и заслуживаютъ большого распространенія среди народа, такъ какъ только при всеобщемъ ближайшемъ знакомствѣ съ вредными насѣкомыми возможна успѣшная борьба съ ними. Книжки иллюстрированы множествомъ рисунковъ, взятыхъ съ натуры и сравнительно хорошо исполненныхъ.

П. Ростовцевъ. I. Промышленныя растенія: мята, анисъ и тминъ. Москва. Изд. К. И. Тихомирова. Цѣна 10 коп. II. Полевыя растенія. росичка и чечевица. Изд. книжнаго магазина К. И. Тихомирова. Москва. 1894 г. Цѣна 7 коп. Дешевизна зернового хлѣба заставляетъ многихъ хозяевъ уменьшать посѣвъ ихъ и переходить къ культурѣ болѣе цѣнныхъ, какъ-то промышленныхъ, т. е. «такихъ растеній, которыя воздѣлываются не для потребностей самого земледѣльца, но почти исключительно для сбыта и промысла, куда они поступаютъ для дальнѣйшей переработки». Къ такимъ растеніямъ авторъ причисляетъ всѣ масличныя, дающія изъ своихъ сѣмянъ масла, волокнистыя, изъ стеблей коихъ получаются волокна, красильныя, лѣкарственныя, и т. п., словомъ, всѣ, идущія на заводы и фабрики. Въ первой книжкѣ авторъ знакомитъ съ культурой мяты, аниса и тмина, спросъ на которые растетъ все болѣе и болѣе; во второй—съ воздѣлываніемъ росички и чечевицы. Книжки доступны для всякаго грамотнаго читателя и даютъ довольно ясное представленіе о культурѣ промышленныхъ растеній, хотя нужно замѣтить, что изложеніе слишкомъ сжато.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

«Разсказы о Западной Сибири».— «Читальня народной школы».

Разсказы о Западной Сибири или о губерніяхъ Томской и Тобольской, и какъ тамъ живутъ люди. Съ рисунками и картой Сибири. № 200. Москва. 1895 г. 165 страницъ. Уже самое заглавіе книги даетъ достаточное понятіе о ея характерѣ, и о томъ, для какого читателя она, собственно, написана. «Разсказы о Западной Сибири» разсчитаны ближайшимъ образомъ на читателя изъ народа и, въ частности, имѣютъ въ виду дать свѣдѣнія о Сибири тѣмъ крестьянамъ, которыя помышляютъ о переселеніи.

Извѣстно, какими смутными представленіями о Сибири руководствуются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, наши переселенцы какъ при рѣшеніи, вообще, вопроса о переселеніи, такъ и, въ частности, при выборѣ мѣста для водворенія. Сибирь представляется переселенцу землею, текущею молокомъ и медомъ, страною, гдѣ «земли не мѣрены», гдѣ «всего много», гдѣ хлѣба даютъ невѣроятные урожаи, гдѣ «не оберешься лѣса», и велико бываетъ его недоразумѣніе, когда оказывается, что найти хорошій участокъ земли—трудная задача: то мѣсто засушливое, то, напротивъ, туманы и заморозки губятъ посѣвы, то вода плоха, то нѣтъ лѣса на избы, а иногда и на топливо; и не мало переселенцевъ побрели, окончательно разорившись, назадъ на родину, побрели именно потому, что дѣйствительность слишкомъ мало соотвѣтствовала ихъ фантастическимъ представленіямъ. Нѣсколько менѣе серьезны заблужденія другого порядка: переселенецъ, обыкновенно, везетъ съ собой *свою* соху, *свои* сѣмена, *свою* трехпольную систему, *свои* взгляды на добрую и худую землю, и нерѣдко, осѣвъ «на новомъ мѣстѣ», начинаетъ хозяйничать по своему, «по россійски»; но скоро оказывается, что его соха «не беретъ», его сѣмена зябнутъ или «не доходятъ», выбранныя имъ для распашки мѣста даютъ плохой урожай хлѣба,—и очень скоро переселенецъ переходитъ, во всемъ существенномъ, къ сибирскимъ пріемамъ хозяйства, приноровляясь къ вѣками накопленному опыту сибирскихъ старожиловъ.

Достаточно точное знакомство съ условіями «новыхъ мѣстъ», несомнѣнно, одна изъ существеннѣйшихъ потребностей переселенческаго дѣла; но попытки удовлетворенія этой потребности были до сихъ поръ неудачны, что и понятно, въ виду отсутствія, до самаго послѣдняго времени, серьезныхъ изслѣдованій въ области сибирскаго земледѣлія и крестьянскаго хозяйства. «Разсказы о Западной Сибири», написанные, очевидно, съ тою же цѣлью,—служить руководствомъ для будущихъ переселенцевъ,—весьма выгодно отличаются отъ болѣе раннихъ попытокъ: неизвѣстный авторъ воспользовался, болѣе или менѣе, всѣмъ накопившимся за послѣднее время довольно богатымъ матеріаломъ,—между прочимъ, трудами изслѣдовавшей Тобольскую и Томскую губерніи статистической экспедиціи, рядомъ статей, напечатанныхъ въ «Запискахъ» мѣстнаго отдѣла Географическаго Общества, и т. д., и сдѣлалъ это настолько серьезно и добросовѣстно, что его книж-

ка представляетъ интересъ не для одного только «читателя изъ народа»: въ литературѣ нашей почти нѣтъ общедоступныхъ, по объему и формѣ, сочиненій о Западной Сибири, и «Разсказы» въ значительной мѣрѣ пополняютъ этотъ пробѣлъ.

По содержанію своему 28 главъ, на которыя разбита книжка, могутъ быть распредѣлены на три болѣе крупныхъ отдѣла: первый (гл. 1—12) даетъ характеристику Западной Сибири въ естественно-историческомъ и отчасти этнографическомъ отношеніи; второй (гл. 13—20) описываетъ юридическую и отчасти бытовую обстановку самаго переселенія, и третій (гл. 21—28) представляетъ очеркъ условій земледѣльческаго хозяйства въ Сибири, а также доступныхъ населенію послѣдней не земледѣльческихъ заработковъ. Но черезъ всѣ три отдѣла проходитъ одна общая основная нота—предостереженіе будущимъ переселенцамъ: не увлекаться и быть осмотрительнѣе. «Западная Сибирь,—говоритъ авторъ,—занимаетъ самое большое мѣсто, такъ что въ разныхъ углахъ ея людямъ приходится жить по разному; есть въ Сибири и страны холодныя, и страны теплыя; есть такія, которыя похожи на Архангельскую губернію, и которыя похожи на степи губерніи Воронежской; есть и горы, вродѣ какъ Кавказскія, словомъ, Сибирь Сибири рознь, и коротко обо всей Сибири не разскажешь» (стр. 14). Громадныя площади, благодаря тѣмъ или другимъ неблагопріятнымъ условіямъ, совершенно непригодны для земледѣльческой колонизаціи. Самая плодородная полоса Западной Сибири,—это юго-западная, степная, полоса: «Тамъ и населеніе гуще, и полей и луговъ много, и земля въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень плодородная. Эти-то края и притягивали къ себѣ съ давнихъ поръ русскихъ переселенцевъ, которые давнымъ давно заняли лучшія мѣста. А новымъ переселенцамъ теперь мѣста находятся съ большимъ трудомъ. Самой казнѣ не легко отводить переселенцамъ участки въ округахъ Ишимскомъ, Курганскомъ, Тарскомъ, Тюкалинскомъ и въ Барабѣ» (стр. 40).

Читальня народной школы. Изд. Морева, 33 книжки. Выпускъ 1894 г. Это изданіе—періодическое, подписная цѣна 3 р. въ годъ. Издатели обязуются выпускать отъ 2—5 книжекъ въ мѣсяцъ, вполнѣ самостоятельныхъ по содержанію и по очень разнообразной программѣ. Изъ 33 книжекъ—15 посвящены беллетристикѣ, въ большинствѣ случаевъ, очень недурной, хотя есть произведенія и слабыя, напримѣръ «Міроѣдъ» Н. Н. Филиппова. Разоритель деревни, виртуозъ-мучитель внезапно, почти чудесно, превращается въ кроткаго праведника. Это совершенно лубочная повѣсть, съ внѣшними эффектами, безъ всякихъ признаковъ психическаго анализа. Даже имена дѣйствующихъ лицъ выбраны по шаблону,—Гордѣй Черный—міроѣдъ и вдова-Голодаиха—жертва мучителя. И безъ «Читальни народной школы» издается столько лубочныхъ произведеній, что ей слѣдовало бы воздержаться отъ разсказовъ, вродѣ упомянутаго, или второго разсказа того же автора «Воровское дѣло». Прямой противоположностью имъ являются «Юліанка» (по Оржешко), «Михаилъ Простота» Б. Пруса, «Кормилецъ» и «Вольный человѣкъ Яшка», Мамина-Сибиряка. Эти, во всѣхъ отноше-

ніяхъ прекрасные, разсказы о заводской, городской и деревенской голи, написаны просто, правдиво и талантливо, и согрѣты хорошимъ чувствомъ. Изъ остальныхъ произведеній отмѣтимъ разсказъ «Изъ жизни на Востокѣ», Овсяникова, «Приключенія русскихъ пловцовъ на Аральскомъ морѣ», «Былъ изъ жизни далекихъ окраинъ», Милошевича,—не ради ихъ художественнаго достоинства, а въ виду ихъ образовательнаго значенія. «Читальня народной школы» издала нѣсколько переводныхъ и передѣланныхъ разсказовъ «по Ж. Занду», «по Оржешко» и т. д. Очень жаль, конечно, что редакція по какимъ-либо причинамъ не нашла возможнымъ издать ихъ цѣликомъ, но если такая операція сдѣлана умѣло и талантливо, то съ этимъ можно помириться (примѣръ такой передѣлки «Юліанка»), но, когда передѣлка безталантна, то получается нѣчто до крайности плачевное. Къ такимъ надо отнести «Лейлу» Миличевича, въ передѣлкѣ г-жи Сѣченовой. Къ отдѣлу беллетристики относятся и «50 басенъ Крылова», изданныхъ съ примѣчаніями редакціи. Примѣчанія эти очень удачны и знакомятъ съ миѳологіей, съ значеніемъ суда присяжныхъ и съ отрывками изъ исторіи литературы. Книжка П. Д. «Пословицы, притчи и басни» издана для объяснительнаго чтенія басенъ Крылова въ школѣ и, какъ *школьное* пособіе, хороша. Біографій—четыре. Изъ нихъ лучшая поэта-крестьянина Сурикова. Біографія Іоанна Грознаго—къ сожалѣнію, не достаточно полна, Ѳедора Ртищева—написана несколько слащаво-елейнымъ языкомъ, что, впрочемъ, искупется обиліемъ историческаго и бытового матеріала, и, наконецъ, біографія Оберлинга, любовью, настойчивостью, знаніемъ и примѣромъ съумѣвшаго поднять духъ разореннаго населенія каменистой долины въ Эльзасѣ.

Научно-популярный отдѣлъ ведется очень удовлетворительно; изложеніе живое и ясное, съ множествомъ недурныхъ картинокъ для поясненія. Встрѣчаются и погрѣшности, напр. въ «Людяхъ подземнаго міра». Авторъ пытается во введеніи къ этой книжкѣ, разъяснить—«откуда взялся каменный уголь», и допускаетъ много крайне рискованнаго, напр.: «земля, на которой уже росли лѣса, была рыхлая и горячая, такая горячая, что паръ отъ нея шелъ», или, что «каменный уголь произошелъ изъ деревьевъ, сгорѣвшихъ отъ жара земного». Да и всѣ его разъясненія приходится, благодаря догматичности изложенія, принимать на вѣру, такъ что мысли читателя работать не надъ чѣмъ. Принимая во внима ніе, что внѣшность, бумага, иллюстраціи и пр. очень, сравнительно, недурны, что въ 33 книжкахъ около 50 печатныхъ листовъ текста,—цѣну 3 рубля съ доставкой и пересылкой можно признать очень недорогой. Въ общемъ, изданіе производитъ хорошее впечатлѣніе.

НОВЫЯ ИНОСТРАННЫЯ КНИГИ.

«*The Great Lee Age and its Relation to the Antiquity of Man*» *by James Geikie. Third edition. Laryely rewritten. New-York.* (*Appleton et C⁰*) *With Map and illustrations.* (*Ледяной вѣкъ и его отношеніе къ древности человѣка*). Сочиненіе автора принадлежитъ къ образцовымъ трактатамъ по геологіи. Въ новомъ изданіи авторъ значительно дополнилъ его, прибавивъ результаты новѣйшихъ геологическихъ изысканій, причемъ многія главы этого изданія написаны съизнова. Великимъ достоинствомъ автора является ясность и безпристрастіе въ изложеніи различныхъ геологическихъ теорій; выводы отличаются полнотою и серьезностью. Книга подробно знакомитъ съ современнымъ положеніемъ геологической науки и, главнымъ образомъ, теоріею ледяного вѣка и научными изысканіями въ Америкѣ и въ Альпахъ, приводимыми въ пользу этой теоріи.

(Popular Science Monthly).

«*The Dynamic of Life*» *by W. R. Gowers, M. D.* (*Blakiston et Son*) *Philadelphia.* (*Динамика жизни*). Небольшая брошюрка заключаетъ въ себѣ публичную лекцію, прочтенную авторомъ въ собраніи медицинскаго общества въ Манчестерѣ. Безъ всякихъ притязаній на новизну своихъ взглядовъ, авторъ излагаетъ въ лекціи работу скрытой химической энергіи, динамику мускуловъ, динамику нервовъ и динамическую теорію болѣзней. Суммируя результаты своихъ изслѣдованій, авторъ говоритъ, что, какъ бы мы ни старались, путемъ научныхъ изысканій, проникнуть въ тайну жизни, она все-таки ускользаетъ отъ насъ. «Мы можемъ прослѣдить только отношенія жизненной силы къ матеріи и энергіи, заключающейся въ ней, ея проявленія, результаты и выходъ, — заключаетъ авторъ, — но все остальное намъ представляется какъ въ туманѣ».

(Popular Science Monthly).

«*Sir John Franklin*». *By G. Barkett Smith.* (*Portridge and C⁰*). *London.* (*Сэръ Джонъ Франклинъ*). Разсказъ объ арктической экспедиціи Джона Франклина и романическихъ поискахъ его останковъ не разъ уже служилъ темою литературныхъ произведеній, но авторъ вышеуказанной книги о Джонѣ Франклинѣ съумѣлъ все-таки придать своему повѣствованію нѣкоторую новизну и оригинальность. Описаніе различныхъ экспедицій, отправленныхъ на поиски, очень живо и интересно, также какъ и біографическій очеркъ, въ которомъ личность героя, Джона Франклина, изображается въ очень симпатичномъ свѣтѣ.

(Bookseller).

«*Psychologie des Grands Calculateurs et Joueur d'Echecs*» *par Alfred Binet. Paris. Librairie Hachete et C⁰.* (*Психологія великихъ математиковъ и шахматныхъ игроковъ*). Авторъ въ своихъ изслѣдованіяхъ особыхъ формъ памяти руководствовался, главнымъ образомъ, желаніемъ открыть что-нибудь такое, что могло бы быть утилизировано въ области педагогики. Изслѣдованіе умственныхъ процессовъ у разныхъ необыкновенныхъ математиковъ было предпринято авторовъ по иниціативѣ покойнаго профессора Шарко; изслѣдованіе же у шахматныхъ игроковъ было сдѣлано по идеѣ Тэна. Авторъ пришелъ къ заключенію, что необыкновенные математики представляютъ особенный классъ людей, и способности ихъ не стоятъ въ зависимости ни отъ наслѣдственности, ни отъ окружающихъ условій. Они рано проявляютъ свои таланты, и ихъ способность обращаться съ цифрами развивается на счетъ общаго умственнаго развитія. Упражненіе увеличиваетъ ее, и она уменьшается отъ долгаго бездѣйствія. Способность эта находится въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ слуховой и зрительной мнемоники. У шахматныхъ игроковъ, при игрѣ на разстояніи, искусство за-

виситъ отъ знанія, памяти и способности воображенія. Способность воспроизвести въ своей памяти столь сложный умственный образъ, какимъ является шахматная доска со всѣми находящимися на ней фигурами, въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, Бине называетъ «зрительною геометрическою памятью», въ связи со способностью припоминанія всѣхъ движеній въ послѣдовательномъ порядкѣ. Книга Бине представляетъ въ высшей степени интересное изслѣдованіе въ области психологіи и особенныхъ проявленіяхъ работы ума. (Revue Scientifique).

«*L'Education physique de la jeunesse*» *par A. Mosso.* (*Traduit de l'Italien par I. B. Bahar. Paris. Alcan. 1895*). (*Физическое воспитаніе юношества*). Авторъ доказываетъ огромную важность физическаго воспитанія юношества и въ этомъ отношеніи придаетъ значеніе не школьной гимнастикѣ, которая, по его мнѣнію, приноситъ лишь весьма относительную пользу, а общественнымъ играмъ на свѣжемъ воздухѣ, развивающимъ силу, ловкость, сообразительность и быстроту дѣйствій. Авторъ особенно возстаетъ противъ системы нѣмецкой гимнастики, со всѣми ея аппаратами и приборами, и противъ «ложнаго милитаризма», выраженіемъ котораго служатъ школьные баталіоны, и видитъ вредъ военныхъ упражненій, главнымъ образомъ, въ томъ, что они стремятся къ усовершенствованію «неподвижности», а это менѣе всего пригодно для физическаго воспитанія дѣтей. Авторъ особенно рекомендуетъ въ этомъ отношеніи англійскую воспитательную систему. (Revue Scientifique).

«*La suggestion; son rôle dans l'éducation*» *par T. Felix Thomas. Bibliothèque de philosophie contemporaine; Paris, Alcan. 1895.* (*Внушеніе; его роль въ воспитаніи*). Трудъ автора представляетъ очень ясное изложеніе того, что слѣдуетъ понимать подъ словомъ «внушеніе», и чего можно ожидать отъ внушенія въ области педагогики. Подъ внушеніемъ авторъ понимаетъ не одно только гипнотическое внушеніе, а также подражаніе въ самой различной формѣ. Въ первой главѣ, посвященной общимъ принципамъ, авторъ говоритъ о психологическихъ основахъ внушенія, объ автоматизмѣ, самовнушеніи и т. д. Указавъ на вліяніе самовнушенія и роль, которую играетъ въ этомъ явленіи организмъ, воображеніе и воля, а также на вліяніе безсознательнаго подражанія, авторъ говоритъ о возможности утилизировать въ педагогикѣ эти свойства человѣческой природы, о пользованіи ими, какъ средствомъ улучшенія нравственныхъ и умственныхъ качествъ ребенка путемъ привитія ему хорошихъ привычекъ и подавленія вредныхъ самовнушеній. Въ педагогикѣ мы должны стремиться, говоритъ авторъ, направлять въ хорошую сторону склонности ребенка къ подражанію. Лишь въ спеціальныхъ случаяхъ можно прибѣгать къ настоящему медицинскому воздѣйствію путемъ гипнотическаго внушенія, помогающаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ искорененію дурныхъ наслѣдственныхъ наклонностей. Авторъ убѣжденъ, что умственный процессъ, именуемый внушеніемъ, можетъ быть очень важнымъ подспорьемъ въ педагогикѣ. (Revue Scientifique).

«*The story of australian Exploration*» *by R. Thynne (Fisher Unwin*). *London.* (*Исторія изслѣдованія Австраліи*). Авторъ сумѣлъ сдѣлать свое описаніе разныхъ австралійскихъ экспедицій живымъ и интереснымъ, и разсказываетъ о нихъ такъ, какъ будто бы самъ принималъ въ нихъ участіе. Передъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ картинъ, приковывающихъ его вниманіе. Австралія, особенно ея центральная часть, до сихъ поръ еще мало изслѣдована. Смѣлымъ путешественникамъ, отправляющимся въ неизвѣстныя еще области австралійскаго материка, приходилось терпѣть громадныя лишенія; особенно много страданій доставляло имъ отсутствіе воды. Разсказъ автора объ этихъ герояхъ полонъ драматическаго интереса и, безъ сомнѣнія, прочтется многими съ большимъ удовольствіемъ. (Daily News).

«*La Caricature à travers les siècles*» *par G. Veyrat.* (*Ch. Mendel Paris*). (*Исторія каррикатуры*). Въ своей книгѣ авторъ даетъ историческій очеркъ развитія каррикатуры со временъ египтянъ, грековъ и римлянъ вплоть до нашего времени, и прослѣживаетъ всѣ ея главныя фазы. Многочисленныя гравюры, приложенныя къ книгѣ, знакомятъ читателей съ очень любопытными образцами каррикатуры въ разныя времена. (Revue des Revues).

«*De Paris à Bombay, par la Perse*» *par A. Lacoin de Vilmorin* (*Firmin Didot*). *Parii, 1895*). (*Изъ Парижа въ Бомбей черезъ Персію*). Подъ видомъ воспоминаній о путешествіи авторъ знакомитъ читателей съ нравами, обычаями и жизнью въ Персіи. Разсказъ ведется очень живо и увлекательно. Интересу книги много способствуютъ прекрасныя иллюстраціи. (Journal des Débats).

«*Le roman en France depuis 1610 jusqu'à nos jours*». *Lectures et esquises pur Paul Morillot.* (*Paris. G. Massan. 1895*). (*Французскій романъ съ 1610 года вплоть до нашихъ временъ*). Авторъ этого труда, профессоръ французской литературы въ Гренобле, извѣстенъ многими превосходными монографіями. Поставивъ себѣ задачею изслѣдованіе развитія романа во Франціи, авторъ справился съ нею очень искусно и далъ въ своей книгѣ очень занимательный очеркъ развитія и распространенія этого рода литературы. Книга его можетъ не только заинтересовать читателя, но и сообщить ему очень много свѣдѣній изъ исторіи французской литературы.

(Revue des Revues).

«*Six Months in a Syrian Monastery*». *By Oswald H. Parry. Illustrated by the author. Witha Prefatory Nota by the Bishop of Durham (Horace Cof).* (*Шесть мѣсяцевъ въ сирійскомъ монастырѣ*). Авторъ этой книги посланъ былъ въ Мессопотамію въ 1892 году, съ цѣлью инспектированія элементарныхъ школъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ Сирійскаго Общества воспитанія. Описывая свое пребываніе въ Мессопотаміи, авторъ очень симпатично отзывается о магометанахъ отдаленныхъ округовъ и особенно деревень, лежащихъ вдали отъ центровъ. Онъ нигдѣ не нашелъ и слѣда фанатизма. Но автору пришлось быть свидѣтелемъ преслѣдованій, пытокъ и т. п., которымъ подвергались послѣдователи одной тайной секты со стороны оффиціальныхъ турецкихъ властей. Повѣствованіе объ этомъ придаетъ его книгѣ особенно драматическій интересъ. Вообще его книга, помимо религіозныхъ вопросовъ, которымъ онъ отводитъ много мѣста, принимая во вниманіе свою миссію, представляетъ очень занимательный разсказъ о путешествіи въ страну, чрезвычайно интересную во многихъ отношеніяхъ. Описанія природы въ Мессопотаміи очень хороши и могутъ возбудить въ читателѣ желаніе посѣтить эту красивую страну.

(Athenaeum).

The Life and inventions» of Thomas Alva Edison. By W. K. L. Dicksou and Antonia Dickson. New-York. (*Thomas G. Crowell et C°*). (*Жизнь и изобрѣтенія Эдиссона*). Цѣль этой біографіи—дать ясное понятіе, путемъ изложенія фактовъ, о личности и значеніи знаменитаго американскаго изобрѣтателя. Кромѣ біографическихъ данныхъ и описанія многочисленныхъ и важныхъ изобрѣтеній Томаса Эдиссона, книга изобилуетъ разсказами и анекдотами, обрисовывающими какъ личность изобрѣтателя, такъ и всѣ тѣ особенныя условія и обстоятельства, которыя вліяли на складъ его ума и, благодаря которымъ, быть можетъ, явились на свѣтъ многія его изобрѣтенія. Книга очень занимательна и снабжена многочисленными иллюстраціями, изображающими лабораторіи Эдиссона, и т. п. и даетъ ясное понятіе о ходѣ и развитіи электрической промышленности въ Америкѣ.

(Popular Science Monthly).

«*A Manual of Ethic*». *By John S. Mackenzie, M. A. Fellow of Trinity College, Cambridge; Second edition. (University Correspondence College Tress).* (*Руководство къ этикѣ*). Превосходная книга, выходящая уже вторымъ изданіемъ, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ она удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ руководствамъ подобнаго рода. Языкъ этого руководства чрезвычайно ясенъ и понятенъ, и, кромѣ того, авторъ его высказываетъ чрезвычайно основательное знакомство съ соціальною наукой и философіей, а также съ литературой, и очень удачно умѣетъ выбрать тексты и цитаты изъ произведеній разныхъ писателей и поэтовъ въ подтвержденіе того или другого принципа этики. Такой способъ преподаванія этики придаетъ изученію этого предмета особенную привлекательность, между тѣмъ какъ сухое изложеніе принциповъ и глубокомысленныя, но трудно понятныя, разсужденія разныхъ другихъ авторовъ, писавшихъ объ этикѣ, мало способствовали тому, чтобы сдѣлать изученіе ея занимательнымъ и интереснымъ. Авторъ даннаго руководства съумѣлъ избѣжать сухости изложенія, нисколько не повредивъ полнотѣ содержанія, и представилъ въ своей книгѣ очень подробное и обстоятельное описаніе всѣхъ существующихъ системъ этики, начиная съ древнихъ временъ; самъ онъ придерживается неокантіанской точки зрѣнія. Очень основательно написаны и интересны главы, трактующія объ отношеніяхъ искусства къ этикѣ и этики къ религіи.

(University Extension Journal).

«*History of Religion: A Sketch of primitive Religions Beliefs, and Practics and the origin and Character of the Great Systems*». *By Allan Menzies* (*John Murray*). (*Исторія религій; очеркъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ и происхожденіе и характеръ великихъ религіозныхъ системъ*). Въ сжатомъ изложеніи, такъ какъ книга заключаетъ въ себѣ не болѣе 400 страницъ, профессоръ Мензисъ съумѣлъ со-

средоточить и представить въ легко усваиваемой и популярной формѣ громадный матеріалъ по исторіи религій, дающій возможность читателю составить себѣ совершенно ясное понятіе о ходѣ развитія различныхъ религіозныхъ системъ, объ ихъ отличіяхъ и сходствѣ между собою и, вообще, о возникновеніи и развитіи первоначальныхъ религіозныхъ понятій. Эрудиція автора по истинѣ изумительна, и перечень сочиненій, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свой матеріалъ, представляетъ цѣлый каталогъ библіотеки. Первыя, чрезвычайно интересныя главы, авторъ посвящаетъ первобытнымъ религіямъ и разсказываетъ о возникновеніи религіозныхъ вѣрованій и обрядовъ и о постепенномъ образованіи національныхъ религій. Въ слѣдующей главѣ онъ говоритъ объ «изолированныхъ» національныхъ религіяхъ—Вавилонъ и Ассирія, Китай и древній Египетъ. Далѣе слѣдуютъ: семитическая группа и арійская религія. Отдѣльныя главы посвящены хананцамъ, финикійцамъ, Израилю и исламу. Въ послѣдней главѣ, посвященной «всемірной религіи», авторъ говоритъ о христіанахъ. Очень обстоятельно и подробно авторъ разсуждаетъ о буддійской и браминской религіяхъ, которымъ посвящены отдѣльныя главы.

(Literary World).

«*Actual Africa; or the Coming Continent*». *By Frank Vincent* (*Нетепатп*). (*Нынѣшняя Африка или грядущій континентъ*). Авторъ этой книги проникнутъ вѣрою въ великую судьбу, ожидающую Африку въ наступающемъ столѣтіи, и поэтому постарался изучить «таинственный черный континентъ» насколько возможно лучше. Онъ провелъ въ Африкѣ болѣе двухъ лѣтъ и посѣтилъ всѣ ея столицы и главные города по берегамъ. Авторъ посѣтилъ также и Мадагаскаръ и представилъ въ своей книгѣ очень интересное описаніе острова, не касаясь, впрочемъ, политической стороны мадагаскарскаго вопроса. Книга написана хорошо и увлекательно и для любителей всякаго рода путешествій можетъ представить большой интересъ.

(Bookseller).

«*History of the United States*» *by the President of the Brown University in Rhode Island, M-r E. Benjamin Andrews* (*Smith, Elder and C°*). (*Исторія Соединенныхъ Штатовъ*). Исторія великой заатлантической республики, безъ сомнѣнія, представляетъ огромный интересъ и заключаетъ въ себѣ много поучительнаго съ соціальной точки зрѣнія. На этомъ основаніи можно привѣтствовать появленіе этой книги, авторъ которой не только ученый, но и въ высшей степени безпристрастный историкъ. Книга написана живо и увлекательно, такъ что можетъ заинтересовать не только спеціалистовъ, но и обыкновенныхъ читателей. (Daily News).

«*London of To-Day*» *by M-r Eyre Pascal.* (*Современный Лондонъ*). Очень полезное руководство для всѣхъ пріѣзжающихъ въ Лондонъ, такъ какъ, кромѣ интереснаго описанія лондонской жизни и очерковъ по исторіи Лондона, книга эта заключаетъ въ себѣ много указаній, касающихся различныхъ общественныхъ учрежденій, музеевъ, библіотекъ, ученыхъ обществъ и т. д.

(Daily News).

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Г. фонъ - Кауфманъ. *Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ.* Переводъ съ 3-го нѣмецкаго изданія А. Гурьева. Спб. 1895 г. Ц. 1 р.

В. Прейеръ. *О сохраненіи здоровья и продленіи жизни.* Изданіе «Международной библіотеки». Одесса. 1895 г. Ц. 50 к.

В. Быстренинъ. *Житейскія были.* Очерки и разсказы. 1845 г. Ц. 1 р.

И. А. Саловъ. *Грезы.* Повѣсть. Изданіе Ѳ. А. Куманина. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Дитя и уходъ за нимъ. Перевелъ съ нѣмецкаго и дополнилъ д-ръ Л. М. Гурфинкель. Москва. 1895 г. Ц. 1 р.

С. И. Архангельскій. О русскихъ гражданскихъ законахъ. Москва. Изд. К. И. Тихомирова. 1895 г. Ц. 20 к.

Общедоступная библіотека. Серія I. Природа. № 1. *Физическая географія.* № 2. *Міръ животныхъ.* № 3. *Явленія въ атмосферѣ.* № 4. *Законы вселенной.*— Составлены подъ редакціей Г. М. Пекаторосъ. Изданіе Г. М. Пекаторосъ. Одесса. 1895 г. Ц. каждой книги 25 к.

«Русская библіотека». — № 1-й. Проф. И. И. Янжулъ—«*Изъ психологіи народовъ*» (Экономическое значеніе «времени» и «пространства»). Ц. 20 к.

— № 2. Проф. Н. И. Стороженко—«*Поэзія міровой скорби*». Ц. 15 к.

— № 3. Проф. Н. Карѣевъ—«*Роль идей, учрежденій и личности*». Ц. 20 к.— Изданія Г. Бейленсонъ и І. Юровскаго. Одесса. 1895 г.

В. Вундтъ. *Душа и мозгъ.* Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. «Международной библіотеки». Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.

Т. Рибо. *Изслѣдованіе аффективной памяти.* Переводъ съ французскаго Е. Максимовой. Изъ журнала «Образованіе». Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

Басни Крылова. Полное собраніе съ біографіей и примѣч. Изданіе А. С. Суворина. 1895 г. Ц. 65 к.

Три стихотворенія и проза. М. М. Спб. 1895 г. Ц. 15 к.

А. Брэмъ. *Жизнь животныхъ.* Популярное изданіе (75 вып., 6 полутомовъ, 1.200 иллюстр. въ текстѣ, 1 карта). Переводъ со второго нѣмецкаго изданія подъ редакціей д-ра зоологіи С. М. Переяславцевой. Полутомъ I. Одесса. 1895 г. Ц. вып. 25 к. 13. Полутомъ II—5 вып.

Журналъ Полтавскаго сельско - хозяйственнаго Общества. 1894 г.—выпускъ второй. Мартъ — апрѣль. 1894 г.—выпускъ 3 и 4. Май—сентябрь. Полтава. 1895 г.

Отчетъ Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній за 1894 и 1895 гг. Кіевъ. 1895 г.

Конспектъ публичныхъ лекцій, устроенныхъ физико - математическимъ Обществомъ весною 1895 г. Съ 12 таблицами чертежей. Казань. 1895 г. Ц. 30 к.

Отчетъ правленія Одесскаго Славянскаго Общества имени св. Кирилла и Меѳодія за 1894 г. Одесса. 1895 г.

Русскій астрономическій календарь на 1895 г. Составленъ Нижегородскимъ кружкомъ любителей физики и астрономіи подъ редакціей предсѣдателя С. В. Щербакова. Спб. 1895 г. Приложеніе къ журналу «Научное обозрѣніе».

Издается съ 1889 г.

Продолжается подписка на 1895 годъ

подписной годъ считается съ 1-го ноября.

Изданія годъ VI-й.

ПРИРОДА и ЛЮДИ

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ и САМООБРАЗОВАНІЯ.

52 ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫХЪ №№. Каждый номеръ, въ размѣрѣ 2 листовъ большаго формата (16 страницъ плотной печати), заключаетъ въ себѣ 6—8 большихъ статей, нѣсколько мелкихъ и 8—12 художественныхъ рисунковъ.

12 ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ КНИГЪ, изящно отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ съ иллюстраціями, объемомъ каждая отъ 150 до 200 страницъ.

Въ отдѣльной продажѣ стоимость этихъ книгъ превышаетъ подписную цѣну на журналъ «ПРИРОДА и ЛЮДИ», такъ что только при большомъ количествѣ подписчиковъ редакція имѣетъ возможность дать безплатно СТОЛЬ ЦѢННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, которое выходитъ подъ общимъ названіемъ:

☛ ПОЛЕЗНАЯ БИБЛІОТЕКА. ☚

Контора и редакція журнала «ПРИРОДА и ЛЮДИ».

С.-Петербургъ. Стремянная ул., № 12, собств. домъ.

Цѣна за годъ безъ доставк. **4 руб.**, съ доставки. на домъ и перес. по Россіи **5 руб.** За границу **восемь руб.**

За 1889—1890 г. журналъ весь разошелся; за 1891, 1892, 1893 и 1894 гг. осталось небольш. колич. экземпл., цѣна котор въ брошюров. видѣ, **со всѣми приложеніями, 4 руб.** за кажд. годъ, а въ роскошн. перепл. **5 руб.** Перес. съ налож платеж. по вѣсу и разстоянію.

Издатель П. СОЙКИНЪ. Редакторъ С. ГРУЗДЕВЪ.

НОВѢЙШІЕ ПРАКТИЧЕСКІЕ

САМОУЧИТЕЛИ ЯЗЫКОВЪ

французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, шведскаго, итальянскаго и русскаго (для иностранцевъ) **О. Максимовой,**

а также два года журнала-самоучителя «Учитель-Лингвистъ», содержащіе полный чисто-практическій курсъ тѣхъ же языковъ, «Ключъ», произношеніе каждаго слова русскими буквами и все необходимое для совершенно самостоятельнаго изученія языковъ и взрослыми и дѣтьми. Цѣна за оба года журнала—**6** рублей, годъ первый—**2** рубля. Можетъ высылаться наложеннымъ платежемъ. **Точный адресъ для денежныхъ писемъ:** Денежный. Со вложеніемъ 6 (шести) рублей. Петербургъ. Невскій, д. № 110, кв. № 2. Г-жѣ **О. Максимовой.**

Каталогъ при требованіи высылается безплатно.

СВОЕВРЕМЕННО ВЫШЛА АПРѢЛЬСКАЯ КНИГА ЖУРНАЛА

„ВОСХОДЪ“

I. РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ СОЧИНЕНІЕ САДІИ ГАОНА. Г. Г. — II. ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. М. Г. Моргулиса. — III. СЕНДЕРЪ ГЛАТЕЙЗЪ. Романъ. К. Э. Француза.—IV. НЕБЕСНАЯ ТРАВА. Южнорусское преданіе. (Окончаніе). Я. С.—V. САУЛЪ и ДАВИДЪ. Изъ Августа Платена. Стихотвореніе. Х. Зингера.—VI. ИЗЪ ПРИТЧЕЙ СОЛОМОНОВЫХЪ. Стихотвореніе. Ѳеодора Соллогуба.—VII. ПОЛОЖЕНІЕ О ЕВРЕЯХЪ 1804 ГОДА. Опытъ историческаго изслѣдованія основаній и мотивовъ этого законодательнаго памятника (на основаніи источниковъ). Проф. С. А. Бершадскаго.—VIII. БИБЛІЯ и АНТИСЕМИТЫ. Г. С. Вольтке.—IX. ВНУКИ ГЕТТО. Романъ. И. Зангвилля. Гл. II. Рафаэль Леонъ. Пер. С. Л. Федоровичъ.—X. СУДЪ НАДЪ р. ЭЛІЭЗЕРОМЪ. Историческая замѣтка. Н. А. Переферковича.—XI. ЛЕГЕНДЫ ВОСТОКА. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.—XII. О ДРЕВНОСТИ ІУДЕЙСКАГО НАРОДА. ПРОТИВЪ АПІОНА. Сочиненіе Флавія Іосифа, переводъ съ греческаго маг. евр. словесности Я. И. Израельсона. (Въ особомъ приложеніи въ концѣ книги. (Стр. 13—28). СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ: XIII. КОЛОНИЗАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ РУССКИХЪ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ПАЛЕСТИНУ и АРГЕНТИНУ. А. М. Беркенгейма.— XIV. ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ. О романѣ г. Ясинскаго: «Юрьева Могила».— Романъ какъ справочный указатель по вопросамъ исторіи, археологіи, политической экономіи и пр. — Еврейскіе характеры и типы. — Жидовствующіе и ихъ потомки.—Памяти Н. С. Лѣскова.—Отношенія его къ вопросу объ иновѣрцахъ.— Очеркъ его: «Владычный судъ»). Ос. Грузенберга.—XV. БИБЛІОГРАФІЯ. *О природѣ разума. Соч. И. Іос. Сыркиса.*—XVI. ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ конторы «Восхода».

Цѣна на годъ журнала «ВОСХОДЪ» и газеты «НЕДѢЛЬНАЯ ХРОНИКА ВОСХОДА» 10 р., на полгода 6 р., на 3 мѣс. 3 р. За-границей на годъ 12 р., на полгода 7 р.

Разсрочка подписной платы допускается только для лицъ, подписывающихся съ 1-го января на годъ, на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ 4 р., къ 1-му марта 3 р. и къ 1-му іюля 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ редакціи, С.-Петербургъ, Театральная площадь, 2, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Газета весьма важна и удобна для публикацій.

НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ получаютъ **БЕЗПЛАТНО** 1-ю часть романа К. Е. ФРАНЦОЗА «*Сендеръ Глатейзъ*», составляющую КНИГУ ВЪ 20 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ слишкомъ. Но при этомъ они должны уплатить при подпискѣ НЕ МЕНѢЕ **СЕМИ** рублей и ЗАЯВИТЬ о томъ, что они НОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ.

ЯНВАРЬСКАЯ книга **«ВОСХОДА»** вся **РАЗОШЛАСЬ** и печатается **ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ**, которое будетъ доставлено новымъ подписчикамъ въ теченіе **МАЯ** мѣсяца.

Д. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ.

Уральскіе разсказы, т. II, 1 руб. 50 коп.

Горное гнѣздо, романъ, 1 руб. 50 коп.

Складъ изданія въ конторѣ журнала **„Міръ Божій“.**

Подписчики журнала, выписывающіе изъ конторы, за пересылку не платятъ.

Въ складѣ книгъ Д. И. Тихомирова (Москва, Тверская, д. Гиршмана), въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени», К. И. Тихомирова—Москва, Кузнецкій мостъ, Глазунова, Луковникова—Петербургъ, Лештуковъ пер., д. № 2, Карбасникова—Москва, Моховая, д. Коха, и Петербургъ, Литейн., 46, и др.

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ ВИКТОРА ОСТРОГОРСКАГО:

1) **Изъ міра великихъ преданій.** Разсказы для юношества съ рисунками Панова и Кившенко. Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

2) **Изъ народнаго быта.** Разсказы изъ пословицъ, поговорокъ и пѣсенъ; **Титъ, Вавило, Маланья и Маша на дѣвичникѣ.** Изд. 3-е. М. 1892 г. Ц. 20 к.

3) **Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ,** разсказано по народнымъ былинамъ. Спб. 1892 г. Ц. 10 коп.

4) **Хорошіе люди.** Сборникъ разск. съ рисунками Шпака и Малышева. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

5) **Памяти Пушкина. Очерки Пушкинск. Руси.** Спб. 1880 г. Ц. 50 к.

6) **Этюды о русскихъ писателяхъ:** I. **И. А. Гончаровъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.—II. **Н. Г. Помяловскій.** Ц. 40 к.—III. **М. Ю. Лермонтовъ.** Мотивы Лермонтовской поэзіи. 1891 г. Ц. 50 к.—IV. **Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ.** 1893 г. Ц. 50 к.

7) **Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и Н. А. Корфъ.** М. 1887 г. Ц. 75 к.

8) **Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній,** Л. Эккардта съ прил. «Краткаго учебника теоріи поэзіи». Изд. 2-е. Одобрено У. К. М. Н. П., какъ руковод. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. (готовится новое изданіе переработанное).

9) **Бесѣды о преподаваніи словесности.** Изд. 2-е М. 1886 г. Ц. 80 к.

10) **Выразительное чтеніе.** Изд. 3-е. М. 1893 г. Ц. 50 к.

11) **Русскіе писатели, какъ восп.-образов. матерьялъ для занятій съ дѣтьми и для чтенія народу.** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Некрасовъ, Шевченко, Гоголь, Григоровичъ, Тургеневъ, Гончаровъ, Гр. Л. Толстой, Погосскій). Изд. 3-е. Спб. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

12) **Родные поэты,** для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго: **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е. М. 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

13) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

14) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

15) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы** (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 дѣйств. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ; Первый шагъ; Въ бель-этажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1891 года. Ц. 80 к.

16) **С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

17) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

18) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. журнала «Вѣстникъ Воспитанія». 1894 г. М. Ц. 40 к.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ГИМНАЗИСТЫ

Н. Гарина. (Печатавшіеся въ „Русскомъ Богатствѣ“ 1893 года, эти очерки для отдѣльнаго изданія просмотрѣны и значительно дополнены авторомъ).

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“.

Цѣна **1 р. 25 к.**, съ пересылкой **1 р. 50 к.**

Подписчики „РУССКАГО БОГАТСТВА“ за пересылку не платятъ.

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ I.

1) Дѣтство Тёмы, 2) Нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, 3) Ицка и Давыдка, 4) На станціи.

Цѣна 1 р. 25 к., съ перес. 1 р 50 к.

Подписчики „РУССКАГО БОГАТСТВА“ пользуются уступкой 50-ти коп.

ИЗДАНІЯ М. ФИЛИППОВА.

Т. Рибо. Современная германская психологія. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. **Проф. Гойеръ.** Мозгъ и Мысль (съ рис.). Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. **Пастеръ.** Винная кислота (Введеніе въ стереонимію). Ц. 30 к., съ пер. 35 к. **Эльсъ.** Опыты по физіологіи растеній (съ рис.). Ц. 50 к., съ пер. 60 к. **Спенсеръ.** Недостаточность естественнаго подбора. Изд. 2-ое. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. **Вейсманнъ** и **Спенсеръ.** Естеств. подборъ. Ц. 30 к., съ пер. 35 к. **Дарвинъ.** Инстинктъ. Ц. 30 к., съ пер. 35 к. **Герцъ.** Электрическая сила. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. Микроскопъ и телескопъ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. **Броккъ и Жаке.** Кожныя болѣзни. Ц. 50 к., съ пер. 60 к.

НАУЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

52 №№ и 6 книгъ, въ томъ числѣ **Рибо** и **Гойера** (см. выше) и **Ч. Дарвина.** Происхожденіе видовъ, перев. съ 6-го англ. изд.

Подписная цѣна: на годъ 7 р., заграницу 10 р., полгода 4 р., четверть года 2 р.

Адресъ редакціи и конторы: Литейная, 51.

Отдѣленіе: Москва, книжн. маг. «Трудъ» при Петровск. Библіотекѣ.

Ред.-изд. д-ръ философіи **М. Филипповъ.**

3—1

17448/c

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 079411812